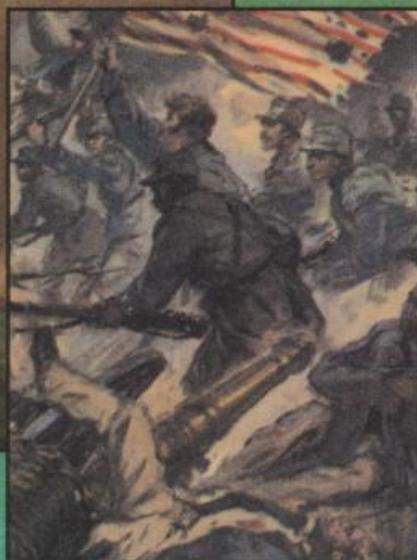

ИВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ и АМЕРИКИ

XVI–XIX века

Часть

3

ВЛАДОС

О г л а в л е н и е

§ 1	Франция в XVI–XVII вв.....	5
	Французское государство в эпоху Старого порядка.....	5
	Становление абсолютизма при Франциске I и Генрихе II	10
	Религиозные войны XVI в.	16
	Генрих IV и завершение Религиозных войн.....	23
	Кризис власти и гражданские войны в начале XVII в.	27
	Правление кардинала Ришелье (1624–1642).....	31
	Фронда.....	37
	«Век Людовика XIV».....	43
§ 2	Франция в XVIII в.	53
	«Век Людовика XV».....	53
	Людовик XVI и попытки реформ	62
	Франция накануне революции	67
	Французская революция 1789–1799 гг.	71
§ 3	Франция в XIX в.	86
	Консульство и Империя.....	86
	Рестаурация Бурбонов (1814–1830).....	97
	Июльская монархия (1830–1848).....	103
	Вторая республика (1848–1851).....	109
	Вторая империя (1852–1870).....	116
	Формирование Третьей республики.....	123
§ 4	Священная Римская империя в XVI в.	138
	Империя и папство	138
	Социально-экономическое развитие немецких земель в начале Нового времени	141
	Начало Реформации в Германии.....	143
	Крестьянская война в Германии	146
	Германские земли во второй половине XVI в.	148
§ 5	Германские земли в XVII – начале XIX в.	149
	Германия в годы Тридцатилетней войны.....	149
	Германия после Тридцатилетней войны. Возвышение Бранденбурга.....	154
	Политическая система германских государств: княжеский абсолютизм и республики	157
	Просветительские движения в германских государствах	161
	Реформы просвещенного абсолютизма в Пруссии и Австрии и в других немецких государствах.....	164
	Германия в тени Наполеона: катастрофы и реформы.....	167
§ 6	Германия в XIX в.	172
	«Германская проблема» на Венском конгрессе. Образование Германского союза	172

Германский союз в период Реставрации. «Система Меттерниха».....	173
Революция 1848–1849 гг. в Германии: упущенные возможности или историческая вежа?	178
Имперская конституция. Трагедия Франкфуртского парламента.....	181
Германский союз в 50-60-е годы XIX в. Австро-прусский дуализм.....	183
От Северо-германского союза к Германской империи.....	186
Германская империя в 70-80-е годы XIX в.: индустриальный прорыв, культуркампф, европейская гегемония.....	191
Вильгельмовская Германия на рубеже XIX-XX вв.....	196
Переход к «мировой политике». Германия накануне войны	201
§ 7 Италия в XVI – начале XIX в.	203
Эпоха Итальянских войн	203
Италия во второй половине XVI–XVII вв.....	207
Италия в эпоху Просвещения и наполеоновских войн.....	211
§ 8 Италия в XIX в.	216
Италия в период Реставрации	216
Революции 1820–1821 гг.....	218
Движение Рисорджименто в 30-40-е годы XIX в.....	220
Революция 1848–1849 гг.....	221
Завершение объединения Италии в 50-60-е годы XIX в.	223
Италия в последней трети XIX в.....	228
§ 9 Страны Северной Европы в XVI–XIX вв.....	232
Политическое развитие стран Северной Европы в XVI – начале XVIII в.....	232
Дания и Швеция в период «просвещенного абсолютизма» и революционных войн....	241
Северная Европа в XIX в.	245
§ 10 Польша в XVI–XIX вв.....	247
Польские земли в XVI–XVII вв.....	247
Политический кризис Речи Посполитой в XVIII в.	255
Польские земли в XIX в.	259
§ 11 Народы Юго-Восточной Европы в Новое время.....	262
Юго-Восточная Европа под иномземным игом.....	262
Национальное Возрождение.....	266
Восточный кризис 1875–1878 гг. и его итоги.....	277
§ 12 Латинская Америка в XVI – начале XIX в.....	287
«Доколумбовы цивилизации» и начало Конкисты	287
Испанская колониальная империя.....	290
Португальская колониальная империя.....	294
Освободительное движение 1808–1810 гг.....	303
Первый этап освободительной войны (1810–1815)	305
Второй этап Войны за независимость (1816–1926)	308

Итоги и значение Войны за независимость	314
§ 13 Латинская Америка после Войны за независимость (20-90-е годы XIX в.)	317
Особенности экономического развития	317
Политическая нестабильность	319
Военные конфликты и войны между молодыми государствами.....	320
Экспансия европейских государств и США	321
Сотрудничество независимых государств	323
Этно-конфессиональный состав латиноамериканского общества	324
Региональные особенности развития латиноамериканского общества в XIX в.	326
§ 14 Северная Америка в XVII–XVIII вв.	338
Европейская колонизация Северной Америки	338
Социально-экономическое развитие английских колоний. Возникновение конфликта с метрополией.....	344
Предпосылки Войны за независимость в Северной Америке	347
Начальный этап и перелом в ходе Войны за независимость	350
Заключительный период Войны за независимость и образование США	354
Итоги Войны за независимость североамериканских колоний. Конституция 1787 г. ...	356
Итоги периода становления демократической республики в США.....	361
§ 15 США в XIX в.	362
Утверждение новой политической системы.....	362
Внешняя политика в первой половине XIX в.	365
Экономическое развитие	370
«Джексоновская демократия»	372
Обострение противоречий между Севером и Югом.....	375
Гражданская война (1861–1865)	377
Реконструкция Юга (1865–1877)	382
США в последней трети XIX в. Эволюция двухпартийной системы	387
Социально-экономические и административные реформы конца XIX в.	393
Внешняя политика США в конце XIX в.	400
Рекомендованная литература	406
Раздел I	406
Раздел II	410
Раздел III.....	411

Французское государство в эпоху Старого порядка

Термин «Старый порядок» появился в период Французской революции XVIII в. Так политики и публицисты того времени определяли существовавший до 1789 г. общественный уклад, противопоставляя его «Новому порядку», созданному революцией. С XIX в. понятие «Старый порядок» стало применяться историками для обозначения социально-политического устройства Франции XVI–XVIII вв., т. е. с начала Нового времени и до революции. В российской историографии термин получил распространение лишь в последние десятилетия, постепенно вытеснив привычное для советских историков понятие «феодально-абсолютистский строй».

Хотя в истории Франции период Старого порядка охватывает целых три века, основные институты и принципы функционирования Французского государства оставались достаточно устойчивыми на протяжении всего этого периода. Разумеется, за столь продолжительное время они претерпевали определенные, порою весьма существенные изменения, однако такое развитие носило эволюционный характер и не сопровождалось разрывом преемственности.

В научной литературе политическую систему Франции Старого порядка принято определять как абсолютизм. Абсолютизм – это такое государственное устройство, где вся полнота власти безраздельно принадлежит монарху. Французский король издавал законы, руководил текущим управлением, был высшим судьей. Все остальные государственные институты обладали лишь теми полномочиями, которыми их наделил монарх.

Вместе с тем, иногда в исторической литературе власть французских королей ошибочно трактуют как неограниченную. На самом же деле, монарх в своих действиях не мог выйти за пределы, очерченные обычным правом (прежде всего, «фундаментальными законами», определявшими порядок наследования короны и ее прерогативы) и традиционными привилегиями корпораций – разнообразных формализованных групп подданных. За соблюдением норм обычного права строго следили «суверенные суды» – государственные органы, которые в разные периоды истории отделились от аппарата центральной администрации, но со временем обрели высокую степень независимости. Иначе говоря, власть французских королей была абсолютной лишь в теории. А на практике даже самым могущественным из них приходилось считаться с традиционными правовыми нормами и институтами.

Хотя монарх был единоличным носителем государственной власти, осуществлял он ее через коллегиальный совещательный орган – Королевский совет, считавшийся, согласно обычному праву, неотъемлемым атрибутом государя. Свое происхождение Совет вел от средневековой феодальной курии, куда входили ближайшие родственники короля, некоторые его вассалы и клирики, а с XIII в. – легисты (правоведы). Разделения властей при Старом порядке не существовало, и Королевский совет выполнял одновременно законодательную, административную и судебную функции. Через него монарх издавал

нормативные акты, начинавшиеся традиционной юридической формулой «Король в своем Совете...» Здесь же обсуждались решения по текущим государственным делам. И, наконец, Королевский совет был главным судом страны.

С ростом государства и усложнением функции управления, внутри Королевского совета образуются специализированные подразделения. При Франциске I такими подразделениями стали Деловой совет и Ординарный совет. В первый из них входила группа наиболее доверенных лиц, с которыми король обсуждал наиболее важные государственные вопросы, прежде всего военные и внешнеполитические. Второй занимался делами текущего управления и осуществлением правосудия. Сначала Ординарный совет рассматривал административные, финансовые и судебные дела попеременно, затем каждую из этих групп вопросов по определенным дням и, наконец, к концу XVI в. он разделился на соответствующие специализированные секции: Государственный финансовый совет (администрация), Финансовый совет (финансы), Совет тяжб или Частный совет (правосудие). В начале XVII в. из Делового совета (его в XVII в. называли также Верховным, а в XVIII в. – Государственным) выделилась еще одна секция – Совет депеш. К ней перешли дела текущего администрирования от Государственного финансового совета, который в дальнейшем занимался лишь тяжбами по налогам. Такая структура Королевского совета просуществовала до конца Старого порядка.

В Королевский совет входили следующие должностные лица:

Канцлер – высшая судебная должность. Назначался патентом короля и был несменяем. Если же канцлер попадал в опалу, его фактически отстраняли от дел, передавая его функции хранителю печати. Реальное значение должности канцлера неуклонно падало. Если в XVI в. некоторым из них еще доводилось руководить правительством, то в последующем роль их преемников свелась к руководству юстицией. В 1774 г. эту должность вообще ликвидировали.

Первый министр – должность, введенная Генрихом III. Звание министров имели только члены Делового совета, первый же министр был главным из них. Наиболее известные из первых министров Старого порядка – кардиналы Ришелье и Мазарини, осуществлявшие руководство всей государственной политикой. После смерти Мазарини в 1661 г. должность была ликвидирована, в 1723 г. восстановлена, а в 1726 г. упразднена окончательно.

Сюринтендант финансов – руководитель финансовой политики. При Генрихе IV герцог Сюлли, занимавший этот пост, фактически возглавлял правительство. После ареста Фуке в 1661 г. должность была ликвидирована.

Государственный секретарь – должность покупная, но король мог заставить владельца должности перепродать ее другому человеку. Обычно было четыре государственных секретаря: по иностранным делам, по военным делам, по делам королевского дома, по делам протестантов (после отмены в 1685 г. Нантского эдикта – по переписке с провинциями). Помимо основных обязанностей каждый из них курировал одну из четвертей королевства.

Генеральный контролер финансов занимался внешне- и внутри-экономическими делами, а также значительной частью административных вопросов, руководил интендантами провинций. В XVIII в. обладатель этой должности чаще всего выступал де-факто главой правительства.

Интенданты финансов подчинялись генеральному контролеру. Их число в разные периоды колебалось от 2 до 12. Менялся и порядок заполнения этой должности: в некоторые периоды король на нее назначал, в другие – ее продавал.

Государственный советник – одна из самых почетных должностей в королевстве – давалась как отличие. Таких советников обычно было чуть более 30.

Докладчик прошений (рекетмейстер) – самая многочисленная категория членов Королевского совета (от 70 до 90). Они готовили дела для рассмотрения на Совете. Из их числа также назначались интенданты в провинции. Должность можно было купить, но с разрешения короля.

Несмотря на иерархию должностей (выше они перечислены в нисходящем порядке), четкого распределения обязанностей между их обладателями не было. В разные времена руководителями правительства становились и канцлеры, и первые министры, и сюринтенданты, и генеральные контролеры. Решающее значение имела не столько сама должность, сколько политический вес занимавшего ее лица. Не было четкого разделения полномочий и между секциями Королевского совета, нередко их зоны ответственности пересекались.

Центральной власти постоянно приходилось сталкиваться с конкуренцией со стороны «суверенных судов», к числу которых относились парламенты, Большой совет, счетные палаты и палаты косвенных сборов. Отпочковавшиеся в разное время от центрального государственного аппарата (например, Парламент и счетная палата Парижа отделились от Королевского совета в XIII в., Большой совет – в XV в.), они постепенно оказались достаточно независимы от короны. Во многом эта независимость определялась тем, что с XVI в. государство продавало судебские должности, которые, таким образом, становились частной собственностью тех, кто их купил. Владельцы таких должностей – оффисье – не могли быть смещены со своих постов даже королем без выплаты им стоимости должности. В 1604 г. Генрих IV ввел особый налог для оффисье – полетту (названную так по имени придумавшего ее финансиста Поле), ежегодно выплачивая которую, они получали право передавать свои должности по наследству. Тем самым их собственность на должности была еще больше укреплена. Правда, условия выплаты полетты периодически пересматривались (примерно раз в 6–7 лет), и угроза их ухудшения служила правительству эффективным средством для того, чтобы хоть на время ограничить независимость судебных чинов.

«Суверенные суды» и, прежде всего, парламенты обладали не только широкими полномочиями в сфере правосудия, но имели возможность оказывать реальное влияние и на процесс законотворчества. Любой закон получал силу только после регистрации его парламентами, что фактически давало им право вето. Нередко они регистрировали закон с поправками, существенно менявшими его содержание. Для преодоления сопротивления парламентам центральная власть нередко использовала такое чрезвычайное средство, как королевское заседание: в присутствии короля закон подлежал регистрации без возражений. Однако нередко случалось, что и после королевского заседания, парламент выступал с протестом против принудительной регистрации закона и считал себя в праве этот закон игнорировать. Парламентам подчинялась значительная часть полиции, что позволяло им в определенных ситуациях выступать также и в качестве исполнительной власти. Всего к концу Старого порядка во Франции насчитывалось 13 парламентов и 4 аналогичных им по своим полномочиям верховных суда, 15 счетных палат и 10 палат косвенных сборов. «Суверенным судам» подчинялись также многочисленные местные органы юстиции. Оффисье всех этих судебных учреждений составляли особый социальный слой, характеризовавшийся ярко выраженной корпоративной солидарностью и стремлением к кастовой замкнутости. Судейские даже претендовали на роль особого сословия, стоящего на страже законности. Признанным лидером всей корпорации выступал Парижский парламент.

Устройство местной администрации отличалось большим разнообразием не только от провинции к провинции, но и от коммуны к коммуне. Тем не менее, и здесь можно проследить общие для всей страны тенденции. Главной из них было постепенное

укрепление позиций представителей центрального правительства по отношению к традиционным местным администрациям.

В XVI – первой половине XVII в. наибольшим влиянием в провинциях пользовались губернаторы. Назначавшиеся из представителей крупной аристократии, они обладали почти неограниченной военной и административной властью на вверенной им территории, а также широкими полномочиями по осуществлению правосудия и налогообложения. Имея в подчиненных им областях обширные земельные владения и многочисленную дворянскую клиентелу, губернаторы нередко вели себя там как удельные князья, лишь номинально зависимые от короны. При Людовике XIV должность губернатора утратила былое значение и превратилась в хорошо оплачиваемую синекуру. Ее носитель формально сохранял прежние полномочия, но лишался права появляться в «своей» провинции без особого на то королевского разрешения.

Другим центром власти в провинциях были местные парламенты и подчинявшиеся им суды. Они не только занимались делами юстиции, но и активно вмешивались в текущее управление. Трения между губернаторами и парламентами даже выливались в XVII в. при ослаблении центральной власти во вспышки гражданской войны.

Впрочем, и губернаторов, и парламенты объединяло негативное отношение к начавшемуся в XVII в. усилению роли интендантов – представителей центрального правительства на местах. Если в XVI в. уполномоченные короля появлялись в провинциях лишь с разовыми поручениями, то, начиная с правления Ришелье, их деятельность приобрела постоянный характер. После временного ослабления в годы Фронды, они при Людовике XIV становятся главными действующими лицами в провинции. Интенданты (в конце Старого порядка их насчитывалось около 30) назначались из числа рекетмейстеров и обладали самыми широкими полномочиями, охватывавшими все стороны государственного управления: полицию, налогообложение, общественные работы, правосудие, надзор над муниципальными и коммунальными властями и т. д.

Быстрое, по сравнению со Средними веками, увеличение при Старом порядке государственного аппарата сопровождалось непрерывным ростом государственных расходов. Соответственно, правительству приходилось постоянно изыскивать средства для удовлетворения своих растущих финансовых потребностей. Доходы государства делились на обычные (ординарные) и экстраординарные.

Наиболее традиционным источником ординарных доходов был королевский домен – владения рода Капетингов. В Средние века из него покрывались практически все государственные расходы. При Старом порядке доля домена в общем объеме доходов резко снижается: в 1523 г. это – 10 % от всех поступлений в казну, в конце XVI в. – 2,5 %, в XVII в. – 1–4%. Домен как неотъемлемый атрибут короны отчуждению не подлежал, но в критических ситуациях, когда экстренно требовались большие суммы денег, короли закладывали доходы с него. При стабилизации же обстановки правительство с большим или меньшим успехом старалось их выкупить. Сюлли достаточно успешно начал соответствующую операцию, но вспыхнувшая в регентство Марии Медичи гражданская смута не позволила довести выкуп до конца. Ришелье, также планировавший подобную меру, не смог получить от собрания нотаблей, необходимых для ее осуществления средств. Больше других в этом деле преуспел Кольбер, сумевший посредством выкупа доходов увеличить поступления с домена почти в 70 раз.

Основное средство пополнения казны составляли налоги – прямые и косвенные.

ПРЯМЫЕ НАЛОГИ. Главным из них была талья. Существовало два ее вида: «персональная» и «реальная». Персональная талья взималась в северных и центральных провинциях Франции с имущества, принадлежавшего представителям третьего сословия. Хотя церковь этот налог и не платила, она с XVI в. ежегодно вносила в казну «добровольный дар», представлявший собою, по сути, ту же самую талью в

завуалированной форме. Дворянские владения от тальи освобождались, поскольку считалось, что дворяне платят налог королю своей кровью на полях сражений. Ежегодно правительство определяло общую сумму тальи для каждой провинции, затем королевские чиновники или провинциальные Штаты (в тех землях, где они сохранились) разверстывали эту сумму по округам, там сборщики разверстывали ее далее и т. д., пока не устанавливалась для каждого налогоплательщика та сумма, которую он, в зависимости от размеров имущества и доходов, был обязан внести в казну.

Серьезным недостатком этого, самого старого во Франции прямого налога, было то, что за долгую историю его существования корона даровала и продала слишком много освобождений от его уплаты. Особенно часто это происходило в периоды гражданских смут, когда короли, чтобы привлечь на свою сторону тот или иной город, навечно освобождали его от тальи. Такие же привилегии нередко получали и отдельные лица для принадлежавших им владений. В результате подобного сокращения налогооблагаемых территорий увеличивалась доля оставшихся плательщиков, поскольку общая сумма налога при этих изъятиях не сокращалась. Кроме того, серьезным недостатком персональной тальи было то, что при покупке дворянином крестьянской земли этот участок также освобождался от налогообложения. Ну а поскольку расширение таким способом дворянских владений приобрело в XVII–XVIII вв. массовый характер, это значительно сокращало базу налогообложения и отягощало налоговый гнет для тех, кто привилегий не имел. Реальная талья, взимавшаяся на юге Франции, от подобного недостатка была избавлена, поскольку ею облагались все «недворянские» земли независимо от статуса их владельца. Иначе говоря, если крестьянский участок покупал дворянин, ему все равно приходилось платить с него талью.

В периоды войн короли могли также устанавливать временные добавки к талье, которые порою превращались в постоянные, как, например, введенный Генрихом II тальон.

При Людовике XIV появился новый поголовный и всесословный прямой налог – капитация, сначала тоже временно, а с 1701 г. постоянно. Тот же король ввел в 1710 г. к этому налогу добавку – десятину, превратившуюся позднее в двадцатину.

КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ. Самый старый из них – октруа, рыночный сбор, взимавшийся на городских заставах при ввозе продовольствия в город.

Налог на соль – габель – был самым доходным из косвенных налогов. Соледобывающие области, а также Гиень и Бретань, его не платили. Остальные же области составляли зоны «большой габели» (Север) и «малой габели» (Юг и Центр), на границах которых располагались таможи для борьбы с контрабандой соли. Население в зонах габели было обязано ежегодно закупать определенное количество соли (от 3 до 7 кг на человека) в специальных королевских амбарах. Взимание этого налога всегда отдавалось на откуп и часто сопровождалось большими злоупотреблениями, из-за чего он стал самым ненавистным для народа. Слово «габелер» служило бранным прозвищем для всех агентов фиска.

Из остальных косвенных налогов, носивших название эд, наиболее доходными были те, которыми облагались вино и крепкие алкогольные напитки.

Экстраординарные доходы включали в себя средства от продажи должностей, королевские ренты и займы.

Впервые ренты были выпущены при Франциске I в 1522 г. В дальнейшем правительство стало регулярно использовать такую форму займа. Формально ренты выпускались муниципалитетами Парижа и других городов, но выплата процентов производилась из той части городских денег, что была предназначена для государственной казны. Доходность рент была разной. При экстренной нужде в деньгах (война, гражданские смуты) ренты выпускались на более привлекательных для

кредиторов условиях, но после стабилизации обстановки государство порою эти условия пересматривало, а наиболее невыгодные для себя ренты выкупало. Так, например, поступали Сюлли и Кольбер.

Займы правительство брало у «финансистов» особой социальной группы, специализировавшейся на кредитовании государства и операциях по откупам. Эти люди имели высокий социальный статус и тесные, порою родственные, связи с самыми влиятельными аристократическими кланами. Когда правительству срочно требовались деньги, финансисты в кратчайшие сроки могли собрать огромные суммы наличными и предоставить государству кредит под огромные, порою просто грабительские проценты (в Тридцатилетнюю войну – до 49,4 % годовых). Отчасти они ссужали правительство своими собственными средствами, но в основном, как показали новейшие исследования, деньги им предоставляли многие крупные аристократы, которые таким образом через посредничество финансистов с большой выгодой для себя кредитовали государство. Финансисты, чье богатство особенно быстро росло в периоды общественных бедствий (чем сложнее ситуация в стране – тем выше проценты по займам), пользовались дурной репутацией. Ришелье называл их «особой группой, для государства убыточной, но необходимой». В периоды стабилизации политической обстановки правительство в угоду общественному мнению и в собственных фискальных интересах приступало к «выжиманию губок», создавая Палату правосудия для расследования злоупотреблений финансистов. Так было в 1601–1602, 1605–1607, 1623, 1661 и 1716 гг. Палата изучала деятельность финансистов и накладывала на них высокие штрафы, в определенной степени компенсировавшие убытки казны от невыгодных условий экстренных займов. Иногда некоторых из финансистов даже казнили в назидание прочим, но при этом их собственность конфискации не подвергалась. Государство было заинтересовано в сохранении самого института финансистов и даже взимание установленных Палатой правосудия штрафов отдавало в откуп одному из них. С началом же очередной войны их услуги вновь оказывались необходимы.

Становление абсолютизма при Франциске I и Генрихе II

1 января 1515 г. умер Людовик XII, еще при жизни прозванный «отцом народа». Его семнадцатилетнее царствование было для Франции благословенным временем, когда страна не знала ни голода, ни чумы, ни внутренних усобиц. За исключением двух скоротечных эпизодов 1513 г., не было и вторжений из-за рубежа. Напротив, успешные войны в Италии позволили французскому королю распространить свою власть на значительную часть Апеннинского полуострова. Однако наследника Людовик XII не оставил, и после смерти монарха корона перешла к другой ветви династии Валуа, а именно – к двоюродному племяннику короля и мужу его единственной дочери герцогу Франциску Ангулемскому.

Царствование Франциска I французские историки традиционно считают переходным от Средневековья к Новому времени. Именно тогда обозначились многие из тех тенденций развития французской государственности, которые в дальнейшем станут определяющими: шло формирование из профессиональных служащих (оффисье) централизованного государственного аппарата; предпринимались попытки унификации права; закладывались основы финансовой системы абсолютистского государства Нового времени. Многие делалось впервые: первое разделение Королевского совета на специализированные секции, первые продажи должностей, первые государственные ренты и т. д. Вместе с тем, эти процессы отнюдь не носили революционного характера и представляли собою не разрыв с историческими традициями, а их адаптацию к изменившимся условиям.

Так же, как и его царствование, личность Франциска I удивительным образом сочетала в себе черты старого и нового. С одной стороны, он обладал образцовыми доблестями средневекового правителя: король-рыцарь, любивший сражения, охоту и турниры. Даже войну он объявлял так, как вызывают на рыцарский поединок. С другой стороны, это был настоящий правитель эпохи Ренессанса. Воспитанный на трудах итальянских гуманистов, Франциск I охотно оказывал покровительство науке и литературе, но в то же время, подобно макиавеллевскому Государю, считал излишним связывать себя в политике нормами христианской морали.

Едва взойдя на трон, двадцатилетний король, мечтавший о военной славе, обратил свой взор к Италии. Для французского дворянства Итальянские походы, проводившиеся с конца XV в., служили источником легкой наживы, и оно с готовностью в них участвовало. Заручившись нейтралитетом Англии и поддержкой Венецианской и Генуэзской республик, Франциск I отправился завоевывать Миланское герцогство, на которое его супруга имела династические права. 13–14 сентября 1515 г. он в жестоком сражении при Мариньяно разгромил швейцарцев, союзников миланского герцога.

Эта победа позволила Франциску I не только подчинить Милан, но и, добившись значительных успехов на дипломатическом поприще, укрепить свое положение внутри страны и вне ее. 18 августа 1516 г. Франциск I и римский папа Лев X заключили Болонский конкордат. Французский король получил право назначать епископов, аббатов и настоятелей монастырей (раньше эти должности были выборными) с тем, чтобы папа затем посвящал их в сан. 29 ноября 1516 г. Франция заключила «вечный мир» со швейцарскими кантонами. Те обязались никогда больше не воевать против нее и поставлять королю наемных солдат, считавшихся тогда одними из лучших в Европе. 11 марта 1517 г. Франциск I подписал мир с императором, закрепив свои завоевания в Италии.

В 1519 г., когда старый император умер, Франциск I выступил на выборах в качестве претендента на его трон, однако сейм избрал новым императором Карла Габсбурга, короля Испании и Неаполя. Таким образом, Франции отныне противостояла огромная держава, включавшая в себя Священную Римскую империю, Испанию, Нидерланды, обширные испанские владения в Италии и Америке. 1 апреля 1521 г. между Франциском I и Карлом V началась война, в которой на стороне императора выступила и Англия. События быстро приняли неблагоприятный для французов поворот. 27 апреля 1522 г. они потерпели поражение в Северной Италии. Милан был потерян, а швейцарские наемники, покинув ряды французской армии, отправились домой. В 1523 г. на сторону неприятеля перешел один из лучших французских полководцев, коннетабль (главнокомандующий) и принц крови Шарль Бурбон. Он был смертельно обижен тем, что после смерти его жены на значительную часть ее наследства посягнула мать Франциска I Луиза Савойская. Под командованием Бурбона имперские войска 24 февраля 1525 г. наголову разгромили французскую армию под Павией и взяли в плен самого Франциска I.

Коронованного пленника отправили в Мадрид. Карл V предложил вернуть ему свободу в обмен на огромные территориальные уступки. Франциск I на эти условия не согласился и оказался прав: международная ситуация неожиданно начала меняться в пользу Франции. В 1525 г. вспыхнула крестьянская война в Германии, а в Венгрию вторглись турки. Кроме того, мать короля Луиза Савойская, управлявшая страной в его отсутствие, тонкими дипломатическими маневрами сумела внести раскол в ряды противников и добиться того, что англичане не только вышли из войны, но и сблизилась с французами. Лишившись важного союзника и вынужденный заниматься наведением порядка в собственных владениях, а также бороться с турецкой угрозой, Карл V умерил требования к пленнику. 14 января 1526 г. в Мадриде был подписан договор, по которому Франциск I отказывался от своих притязаний в Италии и соглашался передать Карлу V Бургундию. Взамен французский король получил свободу, но два его сына остались заложниками в Мадриде. В марте 1526 г. Франциск I вернулся во Францию.

В XVI в. Франция представляла собою пестрый конгломерат провинций, каждая из которых еще недавно была суверенным государством и сохраняла исторически сложившуюся систему местных органов власти и собственное кутюмное (обычное) право. Франциск I с самого начала своего царствования стал предпринимать энергичные меры по усилению централизации государства. Он постепенно распространял на всю страну институт губернаторов, ранее существовавший лишь в приграничных провинциях. Губернатор, назначавшийся королем из числа наиболее влиятельных местных аристократов, получал на вверенной ему территории широкие полномочия в военной, административной, судебной и фискальной областях. Кроме того, интересы центральной власти в провинции представляли «королевские комиссары», направлявшиеся туда для выполнения разовых поручений.

После возвращения из Мадрида Франциску I пришлось еще больше активизировать усилия по укреплению королевской власти, которую, в его отсутствие, судебская аристократия Парижского парламента попыталась ограничить. Пока король находился в плену, судебские потребовали у Луизы Савойской допустить их к принятию решений по наиболее важным вопросам государственного управления. В 1527 г. Франциск I издал эдикт, ограничивший полномочия парламента исключительно сферой правосудия.

Впрочем, конфликты между монархом и традиционными судебными учреждениями имели место и позднее. 30 августа 1539 г. король подписал так называемый ордонанс Виллер-Котрэ, направленный на усиление централизации государства. В частности, этот закон заложил во Франции основы регистрации актов гражданского состояния и сделал французский язык языком государственного делопроизводства. Однако Руанский парламента отказался регистрировать ордонанс. Чтобы сломить сопротивление судебских, королю даже пришлось приостановить деятельность этого парламента.

Многочисленные войны, рост государственного аппарата, а в 1527–1530 гг. и операция по выкупу из плена сыновей короля, привели к огромному росту государственных расходов, которые отчасти покрывались путем увеличения уже существовавших налогов, отчасти – из различного рода экстраординарных источников. К последним относились продажа должностей и дворянских титулов, государственные ренты (с 1522 г.), обычные и принудительные займы у частных лиц, корпораций и городов. Операции по кредитованию государства относились к числу весьма прибыльных, но рискованных. В 1521–1535 гг. по приказу короля специальная комиссия занималась расследованием махинаций финансистов. В 1527 г. по этому обвинению был повешен один из крупнейших кредиторов государства, барон Самблансэ. Важным источником пополнения казны служили также конфискации. Так, в 1527 г. суд постановил конфисковать собственность умершего незадолго до того Шарля Бурбона.

Вернувшись из плена, Франциск I отказался передать Карлу V Бургундию, сославшись на то, что бургундские Штаты не дали на это согласия. Созванное королем в декабре 1527 г. собрание нотаблей поддержало его и постановило Бургундию не отдавать, а за детей Франциска I заплатить императору выкуп.

В январе 1528 г. Франция и Англия объявили Карлу V войну, которая, впрочем, оказалась недолгой. Французские войска в Северной Италии были разбиты, однако, Карл V не смог развить успех, поскольку с востока в его владения вторглась огромная турецкая армия во главе с самим султаном Сулейманом Великолепным. В августе 1529 г. император и французский король заключили мир, по которому Франциск I сохранил за собой Бургундию, но отказался от претензий на Милан и Неаполь и обещал уплатить за освобождение своих сыновей 2 млн экю.

Европу раздирали религиозные противоречия. В центре и на севере континента друг с другом враждовали католики и протестанты, с востока нависла мусульманская угроза. Однако Франциск I, готовясь к новой войне с императором, искал союзников, невзирая на их религиозную принадлежность. Он сблизился с Римом, согласившись на брак своего

сына Генриха с племянницей Папы Екатериной Медичи, но в то же время сохранил альянс с английским королем, проводившим в своей стране Реформацию. В 1535 г. Франциск I тайно заключил военный союз с турецким султаном.

После смерти в 1535 г. миланского герцога французский король потребовал передать его владения своему сыну Генриху и направил войска в Северную Италию. Но этим намерениям воспротивился Карл V. В июне 1536 г. началась новая война между Францией и Империей. Действиями французской армии руководил маршал Анн Монморанси. Избрав сугубо оборонительную стратегию, он успешно отразил в 1536 и 1537 гг. неприятельские вторжения с юго-востока и северо-востока, за что получил звание коннетабля. В 1538 г. воюющие стороны, исчерпав свои денежные ресурсы и не имея возможности для дальнейшего продолжения войны, начали мирные переговоры. 14 июля 1538 г. в Эг-Морте при посредничестве Папы был подписан мирный договор.

Франциск I не отказался от претензий на Милан, но, следуя советам Монморанси, рассчитывал приобрести желаемое дипломатическим, а не военным путем. Однако все предпринятые для этого усилия натолкнулись на сопротивление императора. В 1541 г. король отстранил Монморанси от дел и взял курс на очередную войну с Карлом V, которая была объявлена 12 июля 1542 г. На сей раз Англия выступила в поддержку императора, зато турецкий султан прислал на помощь своему союзнику французскому королю огромный флот. В 1543–1544 гг. турецкие корсары, базируясь в Тулоне, разорили побережье Испании, захватили и продали в рабство тысячи христиан. В 1544 г. Франциск I разгромил неприятеля в Пьемонте. Однако угроза нависла над самой французской столицей. Двигавшиеся с северо-востока имперская и английская армии летом 1544 г. вышли на дальние подступы к Парижу. Однако гарнизоны французских крепостей оказали противнику упорное сопротивление, что позволило погасить его наступательный порыв. 18 сентября 1544 г. Франциск I и Карл V подписали мир. Война с Англией продолжалась до июня 1546 г.

Идеи Реформации, проникая с 20-х годов XVI в. из Германии во Францию, дали обильные всходы на французской почве, уже подготовленной для этого деятельностью гуманистов в предшествующий период. Так, при дворе и под покровительством сестры Франциска I графини Маргариты Ангулемской, ставшей затем королевой Наварры, существовал гуманистический кружок, развивавший идеи, близкие к тем, которые в 1517 г. выдвинул Лютер. Возглавлявший этот кружок Лефевр д'Этапль, видный деятель французского Ренессанса, еще в 1512 г. сформулировал главный тезис Реформации – об оправдании верой. Его последователь Гийом Брисонне, епископ Мо, использовал в литургии французский язык, распространял французские переводы Евангелия, призывал вернуться к заветам раннехристианской церкви. Не удивительно, что протестантизм получил широкое распространение, прежде всего, в тех слоях населения, которые были наиболее восприимчивы к ценностям гуманистической культуры, дворянство и бюргерство.

Вместе с тем, во Франции реформационное движение не приобрело такого размаха, как в странах Центральной и Северной Европы. Во многом это было связано с тем, что здесь оно, в отличие от Англии, Северной Германии и Скандинавии, не получило поддержки со стороны высшей светской власти. Галликанская церковь, обладавшая достаточно высокой степенью независимости от Рима, была прочно интегрирована в социально-политическую систему монархии. Французские короли, согласно Болонскому конкордату, имели право назначать своих кандидатов на высшие церковные должности и могли распоряжаться значительной частью доходов церкви, а потому не были заинтересованы в радикальной перестройке отношений между светской и духовной властью.

Первое время Франциск I весьма снисходительно относился к новым религиозным веяниям. Он даже сдерживал репрессивные устремления парламентов, Сорбонны и высшего духовенства, занявших с самого начала Реформации бескомпромиссную

позицию по отношению к ее сторонникам. Решительный поворот королевской власти к борьбе с протестантизмом произошел в середине 30-х годов XVI в. В октябре 1534 г. в ряде городов Франции появились афиши с резкими нападка на католическую церковь, что вызвало среди прихожан волну возмущения. Парижский парламент именем короля отправил на костер три десятка протестантов, еще несколько сотен было арестовано. 21 января 1535 г. король лично возглавил массовую религиозную процессию в Париже, продемонстрировав свою преданность католической вере. В тот же день было сожжено еще несколько протестантов. Однако уже летом король приказал прекратить репрессии, поскольку они вызвали недовольство его союзников – протестантских князей Германии, в чьей поддержке против императора он в тот момент нуждался.

С прекращением войны гонения на сторонников Реформации возобновились. Эдикт Фонтенбло от 1 июня 1540 г. обязал все королевские суды бороться с распространением протестантской «ереси». Правительство установило строгий контроль за книготорговлей, запрещенные книги сжигались, а в 1540 г. был сожжен известный лионский книгоиздатель Этьен Доле.

В последние годы жизни Франциска I, когда он уже тяжело болел, его двор раздирала борьба между группировками аристократии, вылившаяся время от времени в отстранение от власти, а порою и предание суду того или иного крупного государственного деятеля. К тому же весьма напряженно складывались и отношения короля с дофином Генрихом. Окружение наследника, где тон задавала его фаворитка Диана Пуатье, откровенно фрондировало против занимавшей доминирующее положение «партии» герцогини д'Этамп, фаворитки короля. Не удивительно, что после смерти Франциска I (31 марта 1547 г.) двор пережил своеобразную «революцию».

Взойдя на трон, Генрих II удалил прежних советников своего отца и герцогиню д'Этамп. Зато Диана Пуатье получила титул герцогини и была введена в Королевский совет. Король приблизил к себе ранее опального коннетабля Монморанси и его родню, а также семейство Гизов, младшую ветвь Лотарингского дома. Герцог Франциск Гиз имел славу храброго полководца, а его брат Карл, архиепископ Лотарингии (в дальнейшем – кардинал), пользовался большим авторитетом в церкви. Отныне эти два клана Монморанси и Гизы – оказывали решающее влияние на политику короля. А вот роль принцев крови в царствование Генриха II была относительно невелика. Старшего из них, Антуана Бурбона, король и вовсе удалил из Парижа, женив на Жанне д'Альбре, единственной наследнице Наваррской короны.

Впрочем, несмотря на радикальную смену лиц при дворе, Генрих II сохранил преемственность с политикой своего отца. Происходило дальнейшее укрепление центрального государственного аппарата, для чего внутри Королевского совета были созданы специализированные должности государственных секретарей, сюринтендантов и генерального контролера финансов. Столкнувшись с массовыми восстаниями в юго-западных провинциях (1548–1549), вызванными увеличением налогов, правительство старалось шире использовать альтернативные источники финансирования, формируя и развивая систему государственных займов.

Особенно ярко преемственность двух царствований проявилась в религиозной сфере. Начавшиеся в последние годы правления Франциска I преследования сторонников Реформации были не только продолжены его сыном, но и приобрели еще больший размах. Уже в октябре 1547 г. для борьбы с протестантизмом Парижский парламент создал специальную палату, получившую название «Огненной». Только в течение последующих трех лет она вынесла подозреваемым в «ереси» более пятисот приговоров, причем, большинство смертных.

Многие протестанты вынуждены были эмигрировать в Женеву, духовный центр кальвинизма. Оттуда идеи Реформации распространялись по всей Франции, где кальвинистов стали называть гугенотами (от немецкого *eidgenossen* – члены конгрегации).

В 1551 г. французский король принял эдикт, запрещающий распространение женеvских изданий и даже частную переписку с этим городом.

Однако, несмотря на ужесточение репрессий, ряды сторонников Реформации неуклонно росли. Ее идеи находили себе приверженцев в разных слоях городского населения, в том числе среди высшей аристократии. Так, в 50-е годы протестантскую веру приняли королева Наваррская Жанна д'Альбре и ее супруг, первый принц крови Антуан Бурбон. Последний в 1558 г. вместе со своими приближенными уже открыто участвовал в массовых протестантских богослужениях на берегу Сены, где собиралось от 4 до 6 тыс. человек.

Видя в распространении кальвинизма главную угрозу для своей власти, Генрих II вынужден был завершить Итальянские войны, чтобы сосредоточиться на борьбе с внутренним противником. Отказ от притязаний на Италию в 1559 г. сопровождался подготовкой новых репрессивных мер внутри страны, осуществить которые королю помешала лишь смерть.

Во внешней политике Генрих II на протяжении большей части своего царствования продолжал дело отца, стремясь завоевать Италию и воспрепятствовать установлению в Европе гегемонии Габсбургов. В 1551 г. он двинул войска против Римского Папы Юлия III, союзника императора, и при помощи турецкого флота заставил его капитулировать. В следующем году, заключив союз с протестантскими князьями Германии, Генрих II вступил в войну с самим императором Карлом V. С согласия союзников, французская армия заняла три епископства Туль, Мец и Верден и вступила в Эльзас. Контрнаступление Карла V на Мец было сорвано Франциском Гизом.

В 1553–1554 гг. французы вели успешные операции сразу на нескольких фронтах: в Италии, на Рейне и в Нидерландах. Попытки императора перейти в наступление на северо-восточном театре военных действий окончились неудачно. Здесь хорошо проявил себя в боях племянник коннетабля Гаспар Колиньи. В 1556 г. стороны подписали перемирие, по которому император признал все французские завоевания: Пьемонт, Савойю, Корсику и три епископства. В следующем году Карл V ушел в монастырь, оставив испанскую корону своему сыну Филиппу II, а имперскую – своему брату Фердинанду.

Успехи французского оружия и дипломатии вскружили голову приближенным Генриха II. И если коннетабль Монморанси призывал к осторожности, то Диана Пуатье и Гизы подталкивали короля к продолжению войны. В 1557 г. Франция нарушила перемирие и, кроме того, объявила войну Англии. Но на сей раз фортуна отвернулась от полководцев Генриха II. Экспедиция Франциска Гиза в Италию завершилась неудачно. В то же время испанцы вторглись во Францию со стороны Нидерландов и осадили Сен-Кантен. Шедшая на помощь городу армия под командованием Монморанси потерпела 10 августа 1557 г. сокрушительное поражение. Сам коннетабль попал в плен. Дорога на Париж была открыта для неприятеля и лишь упорная оборона Сен-Кантена, которой руководил Колиньи, позволила французам выиграть время. Прибывший из Италии Франциск Гиз ликвидировал угрозу столице и в начале 1558 г. даже отбил у англичан Кале.

Созванные королем в 1558 г. Генеральные штаты согласились выделить средства на продолжение войны, однако быстрое распространение протестантизма внутри страны заставило Генриха II искать примирения с внешними врагами. В апреле 1559 г. Франция заключила с Англией, Испанией и Савойей мир в Като-Камбрези. Французский король сохранил за собой три лотарингских епископства, но отказался от всех завоеваний и притязаний в Италии. Так завершилась эпоха Итальянских войн.

По условиям мирного договора, Филипп II вступал в брак со старшей дочерью Франциска I, а герцог Савойский – с его сестрой. По этому поводу в Париже был устроен грандиозный праздник с рыцарским турниром. Генрих II лично принял участие в

состязании и в поединке с графом Монтгомери получил смертельное ранение, от которого скончался 10 июля 1559 г.

Религиозные войны XVI в.

Во второй половине XVI в. французское общество пережило тяжелейший кризис и затяжную гражданскую междоусобицу. В исторической литературе эти события получили название Религиозных войн. Действительно, противоборствующие стороны делились, прежде всего, по конфессиональному признаку: с одной стороны – приверженцы католической, с другой протестантской веры. Обе «партии» отличались пестрым социальным составом и включали в себя людей всех социальных положений – от принцев крови до городского плебса. Именно межконфессиональный характер конфликта обусловил крайнюю жестокость и фанатизм в действиях обеих сторон.

Вместе с тем, у этого кризиса, помимо религиозных, были социальные и политические причины. Идеи протестантизма нашли отклик, прежде всего, у тех, кто был недоволен существовавшим порядком вещей и стремился изменить его в свою пользу. Возглавили движение члены крупных аристократических кланов, ранее оттесненных от трона более удачливыми конкурентами. Они силой оружия пытались восстановить свое прежнее влияние и, когда им это в той или иной степени удавалось, нередко переходили обратно в католицизм. Широко представленное в гугенотских армиях служилое дворянство с прекращением Итальянских походов утратило обильный источник дохода и рассчитывало компенсировать его присвоением церковных земель. Основной же опорой протестантизма во Франции стали города Юга. Они достаточно поздно вошли в состав Французского королевства и крайне болезненно восприняли посягательства центральной власти на местные свободы и обычаи, что создавало почву для ярко выраженных сепаратистских настроений. К тому же, на Юге еще были живы воспоминания об имевших там место массовых еретических движениях Средневековья.

Все эти социальные элементы – крупная аристократия и мелкое дворянство, городской патрициат и плебс – объединились в оппозиционном движении, выступившем под знаменем протестантизма. И только среди крестьянства, составлявшего основную массу населения Франции, идеи Реформации сколько-нибудь существенного отклика не получили.

После смерти Генриха II на престол взошел его сын Франциск II. Новому королю было 15 лет, и по законам того времени он считался совершеннолетним. Женой юного монарха была шотландская королева Мария Стюарт, родная племянница герцога Франциска Гиза и его брата Карла, кардинала Лотарингского. Именно Гизы получили при Франциске II всю полноту реальной власти, оттеснив на второй план другие аристократические фамилии. Зависть к «лотарингским выскочкам» заставила объединиться против них могущественные кланы Монморанси и Бурбонов.

Очень быстро Гизы сумели настроить против себя двор и армию. Пытаясь восстановить государственные финансы, подорванные многочисленными войнами, они прекратили выплату пенсий придворным и жалования солдатам, чем спровоцировали недовольство тех и других. Кроме того, продолжая начатые Генрихом II религиозные репрессии, Гизы вызвали к себе ненависть гугенотов.

В начале 1660 г. дворяне-протестанты составили заговор, имевший целью отстранить Гизов от власти. И хотя никто из видных аристократов непосредственно в число заговорщиков не входил, те действовали с ведома и одобрения принца Людовика Конде, родного брата короля Наварры Антуана Бурбона. В марте, когда двор находился в замке

Амбуаз, Гизы узнали о заговоре и жестоко расправились с его участниками. Устроенная в Амбуазе бойня получила широкий резонанс в стране. Начались волнения гугенотов.

Репрессивная политика Гизов вызвала противодействие также со стороны королевы-матери Екатерины Медичи, обеспокоенной обострением межконфессиональных противоречий. Под ее влиянием Франциск II издал в мае 1560 г. Роморантенский эдикт, положивший конец религиозным репрессиям. Протестантам была дарована свобода совести, хотя и запрещено публичное отправление культа.

При поддержке Екатерины Медичи пост канцлера занял умеренный и осторожный политик Мишель Лопиталь. Видный правовед, приверженец гуманистических идей Эразма Роттердамского, он считал, что религиозные споры необходимо решать силой разума, а не оружия. В августе 1560 г. он на собрании нотаблей попытался примирить враждующие стороны, однако его призыв к компромиссу не встретил понимания ни у одной из них.

Волнения гугенотов не только не прекратились, но и вылились в массовое иконоборческое движение. Считая почитание изображений Христа и святых проявлением язычества, протестанты врываются в католические храмы и уничтожали иконы и статуи. Видя, что увещания не действуют на гугенотских вождей, правительство приказало арестовать принца Конде за соучастие в Амбуазском заговоре. Суд вынес ему смертный приговор. Но смерть Франциска II, последовавшая 5 декабря 1560 г., помешала привести приговор в исполнение.

Покойного монарха сменил на троне его 10-летний брат Карл IX. Регентские права и реальную власть получила королева-мать Екатерина Медичи. Воспитанная на идеях итальянских гуманистов, она достаточно гибко подходила к вопросам религии, руководствуясь, прежде всего, соображениями государственной выгоды, которая побуждала ее стремиться к разрешению межконфессионального конфликта путем компромисса. Екатерина покончила с прежним всевластием фанатично настроенных Гизов и в противовес им приблизила к трону Антуана Бурбона, назначив его наместником королевства. Принц Конде был освобожден из тюрьмы.

13 декабря 1560 г. в Орлеане открылись Генеральные штаты, где канцлер Лопиталь вновь попытался примирить католиков и гугенотов, обратившись к ним с призывом проявлять терпимость по отношению друг к другу. Идею веротерпимости депутаты, среди которых большинство составляли умеренные католики и протестанты, не отвергли. Но они отказали правительству в субсидиях, необходимых для покрытия государственного долга. Все сословия попытались воспользоваться ослаблением монархии, чтобы уменьшить свою зависимость от центральной власти. Духовенство предложило вернуться к выборности церковных должностей, на которые, согласно Болонскому конкордату 1516 г., назначал король. Дворяне-гугеноты подвергли сомнению способность королевы-матери выполнять регентские обязанности и предложили установить над ней контроль Генеральных штатов. Депутаты от третьего сословия выразили недовольство фискальным гнетом. В результате, Штаты так и не приняли решения о выделении правительству запрошенных финансовых средств.

В августе 1561 г. собравшиеся в Понтуазе Генеральные штаты вновь отказались дать согласие на увеличение налогов. Правда, духовенство, испуганное предложением некоторых депутатов использовать для уплаты государственного долга церковные доходы, согласилось погасить часть долга из своих средств.

Продолжая добиваться примирения католиков с гугенотами, Екатерина Медичи организовала в сентябре 1561 г. диспут между ведущими теологами обеих конфессий, а 17 января 1562 г. издала эдикт («Январский эдикт»), разрешивший протестантские богослужения за пределами городов. В городах же кальвинистам было дозволено собираться в частных домах.

Уступки регентши протестантам вызвали возмущение непримиримых католиков и побудили их объединить свои силы. Даже коннетабль Монморанси, чей племянник адмирал Колиньи был одним из вождей протестантов, переступил через былые разногласия с кланом Гизов и сблизился с ними, чтобы вместе бороться против гугенотской угрозы. Монморанси, герцог Гиз и маршал Сент-Андре составили «триумvirат», противодействовать которому Екатерина Медичи не могла. Им также удалось привлечь на свою сторону Антуана Бурбона, которому испанский король Филипп II, активно поддерживавший рьяных католиков, пообещал выделить владения в Италии.

1 марта 1562 г., когда герцог Гиз проезжал через местечко Васси, люди его свиты напали на собравшихся для богослужения гугенотов, убив 23 человека и ранив около сотни. Весть об этой резне по-разному отозвалась в разных частях страны, но никого не оставила равнодушным. Париж встретил герцога как героя. Во многих городах, где католики составляли большинство, также начались расправы с гугенотами. Зато на Юге, где в городах преобладало протестантское население, насилию, напротив, подвергались католики.

Протестантские общины Франции, еще в 1560 г. создавшие военный союз, сформировали армию, которую возглавил принц Конде. В «Декларации», выпущенной после резни в Васси, он объявил, что король пленен Гизами, и призвал протестантов к оружию, дабы заставить власти выполнять «Январский эдикт». Весной 1562 г. гугеноты начали наступление, захватив ряд крупных городов – Тур, Блуа, Анжер, Пуатье, Лион, Руан и др. Английская королева пообещала французским кальвинистам финансовую и военную поддержку. Из Германии на помощь им двинулись протестантские наемники.

Осенне-зимняя кампания 1562–1563 гг. принесла успех католикам, но стоила жизни большинству их вождей. При осаде Руана погиб Антуан Бурбон. В сражении при Дрё, где в плен попали и Монморанси, и Конде, погиб маршал Сент-Андре. В феврале 1563 г. от руки дворянина-гугенота пал герцог Гиз, чья родня обвинила в организации этого убийства адмирала Колиньи.

Избавившись от опеки «триумvirата» Екатерина Медичи предприняла активные усилия по восстановлению мира. 19 марта 1563 г. вышел Амбуазский эдикт, подтвердивший право протестантов на отправление их культа, хотя и с несколько большими ограничениями, нежели предусматривал «Январский эдикт». Затем, объединив военные силы католиков и протестантов, королева отразила нападение англичан, захвативших Гавр. И наконец, провозгласив совершеннолетие короля Карла IX, она формально завершила регентство, вызывавшее столько нареканий со стороны дворянства. Фактически же она продолжала управлять страной вместе с сыном.

Длительное путешествие по Франции, совершенное в 1564–1566 гг. Карлом IX вместе с королевой-матерью, имело целью поднять престиж королевской власти в провинции. Когда коронованные путешественники находились в Мулене, там в январе 1566 г. было проведено собрание нотаблей, где Екатерина Медичи заставила Гизов публично примириться с Колиньи.

В 1566 г. в принадлежавших испанской короне Нидерландах вспыхнуло иконоборческое движение кальвинистов, вскоре вылившееся в восстание. Летом 1567 г. из итальянских владений Испании против повстанцев выступила армия герцога Альбы. Ее марш вдоль границ Франции привел гугенотов в волнение. Они боялись, что испанцы, действуя в сговоре с французским правительством, повернут оружие против них. В качестве превентивной меры протестантские вожди попытались захватить Карла IX, но добились этим лишь того, что король и Екатерина Медичи отказались от политики компромисса и приняли сторону католической «партии».

Началась вторая Религиозная война. Гугеноты захватили ряд городов – Орлеан, Монпелье, Монтобан, Монтеро и др. – и даже блокировали Париж. 10 ноября 1567 г.

коннетабль Монморанси в сражении под Сен-Дени разбил протестантов и снял блокаду столицы, но получил в бою смертельное ранение. После еще нескольких месяцев военных действий стороны заключили мир в Лонжюмо 23 марта 1568 г.

И католики, и протестанты готовились к продолжению борьбы. В сентябре 1568 г. король отстранил от власти канцлера Лопиталья, выступавшего за компромисс, а затем издал эдикт, запретив отправление кальвинистского культа и приказав всем его проповедникам покинуть Францию. Началась третья Религиозная война.

Во главе гугенотов стояли принц Конде, адмирал Колиньи и юный король Наварры Генрих Бурбон, 15-летний сын покойного Антуана Бурбона. Католической армией командовал брат короля герцог Анжуйский. 13 марта 1569 г. протестанты потерпели сокрушительное поражение при Жарнаке. Раненый принц Конде попал в плен и по приказу герцога Анжуйского был застрелен, а его труп подвергся надругательству.

Получив в подкрепление немецких наемников, адмирал Колиньи продолжал сопротивляться в течение всего лета. Вместе отряды протестантов возглавляли два Генриха – король Наваррский и Конде, сын убитого принца, принявший после смерти отца его титул. 3 октября 1569 г. гугеноты вновь были разбиты герцогом Анжуйским при Монконтуре.

Колиньи отступил на юг, собрал новые силы и летом 1570 г., перейдя в наступление, вторгся в долину Луары. Угрожая Парижу, он вынудил правительство пойти на заключение мира. По Сен-Жерменскому договору, подписанному 8 августа 1570 г., протестанты получили такие же права на отправление своего культа, какими владели до войны, а также четыре крепости, где в течение двух лет могли располагаться их войска.

Колиньи, вернувшийся после заключения мира ко двору Карла IX, был тепло принят королем. Пользуясь расположением монарха, старый адмирал попытался убедить его выступить против Испании и оказать помощь нидерландским кальвинистам. Он утверждал, что такая война сплотит французское дворянство, заставив забыть о религиозной розни. Этим планам решительно воспротивилась Екатерина Медичи, считавшая, что борьбы с Испанией Франция не вынесет. Королева-мать попыталась добиться примирения враждующих конфессий при помощи иного средства брака своей дочери Маргариты с одним из вождей гугенотов Генрихом Бурбоном, королем Наварры.

Свадьба состоялась 18 августа 1572 г. Для участия в праздничной церемонии в Париже съехался весь цвет протестантского дворянства. Торжества затянулись на несколько дней. В пятницу 22 августа адмирал Колиньи, выходя из Лувра, был ранен в руку выстрелом из аркебуза. Нападавший скрылся, но очевидцы опознали в нем Морвеля, дворянина из окружения Гизов. Дом, откуда был произведен выстрел, также принадлежал одному из людей Гизов. Вожди гугенотов, собравшиеся у постели адмирала, угрожали отомстить, о чем заявили королю, когда тот пришел навестить раненого.

В пятницу и в субботу Екатерина Медичи и герцог Анжуйский совещались в Тюильри со своими приближенными, определяя, как действовать в этой критической ситуации. Было решено нанести превентивный удар и уничтожить гугенотских лидеров, пока те не покинули Париж. О том, кому именно принадлежала инициатива данного шага, ни современники, ни авторы исторических работ, к единому мнению так и не пришли. Как бы то ни было, вечером 23 августа королева-мать получила согласие Карла IX на убийство протестантских вождей, убедив короля, что они затевают заговор. Власти города получили соответствующие распоряжения. Ворота Парижа были закрыты, городская милиция приведена в готовность.

В ночь на 24 августа, праздник святого Варфоломея, по сигналу набата началось избиение гугенотов. Сторонники Генриха Гиза (сына покойного Франциска Гиза) и королевские гвардейцы ворвались к Колиньи и убили его. Затем отряды Гиза и герцога Анжуйского, а также городская милиция принялись истреблять гугенотов по всему

городу. Жертвами резни стали не только приехавшие в Париж дворяне, но и постоянно жившие здесь протестанты из числа горожан. Генрих Наваррский и принц Конде сохранили свои жизни, лишь приняв католичество. В общей сложности погибло до 2 тыс. человек.

По-видимому, масштабы бойни оказались неожиданны для короля. Уже наутро он отдал приказ прекратить беспорядки, но потом, не имея возможности сопротивляться движению, охватившему практически все католическое население столицы, взял на себя ответственность за происшедшее и заявил, что по его приказу разгромлен протестантский заговор. Вместе с тем, условия Сен-Жерменского мира были подтверждены, за исключением пункта о праве гугенотов иметь свои крепости.

В последующие недели волна погромов прокатилась по многим городам Франции, унеся жизни нескольких десятков тысяч протестантов. Гугеноты ответили восстанием. Началась четвертая Религиозная война. Причем, если раньше французские кальвинисты вели борьбу под лозунгом «освобождения» короля от влияния непримиримых католиков, то после Варфоломеевской ночи появились многочисленные памфлеты, в которых протестантские публицисты-монархомахи («тираноборцы») доказывали, что правитель, нарушивший свой долг блюсти благо подданных, является тираном и подлежит замене.

Правительство попыталось подавить гугенотское восстание, но армии герцога Анжуйского не удалось взять крепость Ла-Рошель. А в июне 1573 г. и сам герцог покинул Францию, чтобы занять на польский престол. В июле Булонский эдикт Карла IX положил конец войне. Протестанты получили право на публичное отправление культа в городах Ним, Монтобан и Ла-Рошель и в частных домах высшей аристократии.

Гугеноты использовали мирную передышку для перегруппировки сил и формирования собственной политической организации. Собравшаяся в декабре 1573 г. в Мило ассамблея депутатов протестантских общин приняла решение о создании конфедерации. Вошедшие в нее города сохраняли традиционные институты самоуправления и свободы, но каждые три месяца направляли представителей для участия в ассамблее провинции, где избирались генерал и постоянный совет провинции. Последние ведали военными и финансовыми вопросами. Кроме того, советы провинций избирали депутатов в Генеральные штаты, высший государственный орган конфедерации. Таким образом, на Юге Франции, где в городах преобладало протестантское население и куда после Варфоломеевской ночи переселились многие гугеноты из других областей, возникло «государство в государстве», имевшее республиканскую форму правления. Впрочем, несмотря на внешний демократизм конфедерации, реально ведущую роль в ней играло гугенотское дворянство.

Объединив и перегруппировав свои силы, гугеноты в феврале 1574 г. вновь взяли за оружие. Началась пятая Религиозная война. На сей раз вместе с кальвинистами, против королевской власти выступили и умеренные католики, составлявшие так называемую партию «недовольных». Наиболее крупной фигурой среди них был губернатор Лангедока Монморанси-Данвиль. «Недовольные» осуждали Екатерину Медичи и ее окружение, возлагая на них вину за Варфоломеевскую ночь, и выступали за компромиссное решение межконфессионального конфликта.

В разгар кризиса, 30 мая 1574 г., умер Карл IX. Узнав об этом, его брат герцог Анжуйский спешно покинул польский престол и тайком от поляков бежал во Францию, чтобы здесь стать королем Генрихом III. Следуя совету Екатерины Медичи, он занял жесткую позицию по отношению к протестантам и «недовольным».

В июле 1574 г. собрались протестантские Генеральные штаты. «Генерал-губернатором и протектором» гугенотской конфедерации был назначен принц Генрих Конде, накануне бежавший из Парижа, где после Варфоломеевской ночи жил при дворе в качестве

почетного пленника. Пока Конде находился в Страсбурге, добиваясь помощи от протестантских князей Германии, его на Юге замещал Монморанси-Данвиль.

В 1575 г. позиции противников Генриха III еще больше упрочились. На их сторону перешел герцог Франциск Алансонский, младший брат короля и наследник престола. Английская королева оказала им финансовую помощь, а курфюрст Пфальца прислал наемников. Правда, Генриху Гизу удалось удержать равновесие, разбив 10 октября одну из протестантских армий при Дормансе, после чего стороны подписали перемирие. В этом сражении Гиз получил шрам, из-за которого его прозвали Меченым.

В феврале 1576 г. Генрих Наваррский покинул Париж и возглавил противников короля. Не имея возможности продолжать борьбу, Генрих III заключил мир в Болье 6 мая 1576 г. По королевскому эдикту, герцог Алансонский получил в управление Турень, Берри и Анжу, став герцогом Анжуйским, Генрих Наваррский – Гиень, Пуату и Ангумуа, принц Конде – Пикардию. Монморанси-Дамвиль подтвердил свои права на Лангедок. Протестантам разрешалось свободное отправление культа повсюду, кроме Парижа и его пригородов. Им также оставили восемь крепостей и дали право поступать на королевскую службу. Монарх выразил сожаление по поводу событий Варфоломеевской ночи и освободил от налогов вдов и детей погибших.

Эдикт в Болье вызвали недовольство непримиримых католиков. Увидев в нем свидетельство слабости королевской власти и ее неспособности противостоять гугенотскому натиску, они начали объединяться, чтобы самостоятельно бороться против «еретиков». В 1576 г. образовалась общефранцузская Католическая лига. Начало ей положили события в Перонне. Дворяне этого пикардийского города отказались признать над собой власть нового губернатора провинции, принца Конде, и призвали единоверцев поддержать их против «еретиков». Это обращение было подхвачено герцогом Гизом. По его призыву, уже существовавшие к тому времени локальные католические союзы объединились в общенациональную организацию, имевшую целью защиту католической веры и королевской власти от посягательств со стороны гугенотов. В Католическую лигу вступали люди всех сословий. Они давали обязательство вместе бороться против врагов веры и беспрекословно повиноваться руководителю Лиги герцогу Гизу.

Чтобы перехватить инициативу у Гиза, Генрих III сам встал во главе Лиги. В ноябре 1576 г. он собрал в Блуа Генеральные штаты, где протестанты не были представлены. Там король объявил, что не признает никакой религии, кроме католической, и готов бороться против «ереси». Это означало отмену эдикта в Болье.

Началась шестая Религиозная война. На сей раз объединенные силы католиков действовали успешней. Поэтому подписанный в Бережерак 17 сентября 1577 г. мир, а затем изданный в Пуатье эдикт короля были несколько менее благоприятны для гугенотов, чем мир в Болье. Число мест, где разрешались протестантские богослужения, было сокращено. В остальном же, дарованные ранее права гугенотов сохранялись. С завершением войны король распустил Католическую лигу.

В 1580 г. непримиримо настроенная часть протестантов, возглавляемая принцем Конде, вновь взялась за оружие, развязав седьмую Религиозную войну. Генрих Наваррский попытался воспользоваться этим, чтобы присоединить к своим владениям Каор. Однако он не получил поддержки от Монморанси-Данвиля, сохранявшего нейтралитет, и 26 ноября 1580 г. вынужден был заключить мир. Протестанты удержали находившиеся в их руках крепости, но Генриху Наваррскому пришлось отказаться от Каора.

Генрих III воспользовался мирной передышкой для укрепления государственных финансов, подорванных многолетней смутой. Были приняты меры, направленные на то, чтобы упорядочить взимание налогов и пресечь связанные с ним злоупотребления. В 1583 г. состоялось собрание нотаблей, представившее королю обширные рекомендации относительно необходимых реформ. Одним из следствий этого собрания стало создание

трибунала для расследования финансовых нарушений. В результате всех мер правительству уже в 1584 г. удалось получить практически сбалансированный бюджет.

Вместе с тем, усилия Генриха III по увеличению доходов государства, связанные с ростом косвенных налогов, принудительными займами и снижением выплат по государственным рентам, вызывали в обществе широкое недовольство. Проводимая правительством политика экономии плохо сочеталась с вызывающим блеском королевского двора. Генрих III, воспитанный на ценностях ренессансной культуры с ее культом эпикурейства, любил пышные празднества, балы и маскарады. Роскошь, которой окружали себя король и его близкие друзья («миньоны»), раздражала общественное мнение. Авторитет монарха падал.

10 июня 1584 г. умер младший брат короля, герцог Франциск Алансонский. Поскольку своих детей у Генриха III не было, наследником престола стал первый принц крови Генрих Бурбон, король Наварры. Это обстоятельство вызвало бурный всплеск активности всех «партий». Протестантская ассамблея в декабре 1584 г. решительно высказалась в пользу божественного права королей и необходимости соблюдать традиционный порядок престолонаследия. Напротив, католическая публицистика принялась развивать идеи тираноборцев, доказывая, что еретик утратил право на корону.

Учитывая слабое здоровье Генриха III, перспектива восшествия на престол вождя гугенотов казалась весьма реальной, что заставило непримиримых католиков мобилизовать свои силы. В 1584 г. независимо друг от друга образовались две католические лиги. Одну создали члены клана Гизов, опиравшиеся на северные провинции Франции и Лотарингию. Возглавили ее три брата – герцог Генрих Гиз (Меченый), герцог Карл Майенский и кардинал Людовик Гиз. Вторая лига возникла в Париже и представляло собою тайное общество радикально настроенных католиков всех сословий. Причем, мелкое и среднее бюргерство были представлены даже в большей степени, нежели городские «верхи». В декабре 1584 г. обе лиги слились в одну.

Лигеры отказались признать права Генриха Наваррского на французский престол и объявили наследником его дядю, кардинала Карла Бурбона, единственного католика в этой семье. Однако старый кардинал рассматривался ими как переходная фигура. Гизы, выводившие свою родословную от Каролингов, считали, что имеют на французскую корону едва ли не большие права, чем сами Валуа. Помощь Лиге оказывали испанский король Филипп II и Римский Папа Сикст V, который в 1585 г. отлучил Генриха Наваррского и принца Конде от церкви.

Король, ненавидевший и опасавшийся Гизов, попытался заручиться поддержкой Генриха Наваррского, предложив признать его наследником, если он перейдет в католичество. Получив отказ, Генрих III летом 1585 г. принял сторону Лиги, объявив об утрате Генрихом Наваррским прав на французскую корону и о запрете протестантской религии.

В 1586 г. началась восьмая Религиозная война, получившая название «войны трех Генрихов» (Валуа, Бурбона и Гиза). Она сразу же приобрела международное значение, став одним из важнейших звеньев общеевропейской борьбы между сторонниками католицизма и протестантизма. Финансовую поддержку гугенотам оказывала английская королева Елизавета. Протестантские князья Германии послали им на помощь наемников. В свою очередь, испанский король финансировал Лигу, рассчитывая, что находившиеся под ее контролем северные города Франции станут опорной базой для «Непобедимой Армады» в ее походе против Англии.

В 1587 г. военные действия шли с переменным успехом. 20 октября Генрих Наваррский при Кутра разбил армию под командованием королевского миньона герцога Жуаеза, причем, сам Жуаез погиб. Месяц спустя Генрих Гиз в двух сражениях разгромил немецких наемников недалеко от Парижа.

Воодушевленные этой победой и опираясь на мощь Лиги, распространившей свое влияние практически на всю страну, Гизы в январе 1588 г. потребовали от короля удалить миньонов и доверить Лиге руководство ведением войны. Одновременно лигеры вели активную агитацию против Генриха III. Король запретил герцогу Гизу появляться в столице, но тот, тем не менее, приехал 9 мая под предлогом необходимости срочно встретиться с монархом. Появление Гиза воодушевило его сторонников и, когда король приказал ввести в Париж свою швейцарскую гвардию, горожане восстали. 12 мая Париж покрылся баррикадами, швейцарцы были разоружены, Лувр блокирован. На следующий день король бежал в Шартр. Власть в столице перешла к руководителям Лиги. Оставшаяся в Париже Екатерина Медичи сумела добиться примирения Лиги с королем. 21 июля 1588 г. Генрих III издал эдикт, объявлявший гугенотов вне закона и лишавший принцев-протестантов права на наследование короны. Герцог Гиз был назначен главнокомандующим королевскими войсками.

Гибель «Непобедимой Армады» в августе 1588 г. ослабила испанского короля, союзника Лиги. Генрих III попытался воспользоваться этим, чтобы вырваться из-под контроля Гизов. Он удалил их сторонников из правительства, заменив преданными себе людьми. В октябре король созвал в Блуа Генеральные штаты, рассчитывая с их помощью пересмотреть сделанные ранее уступки Лиге. Однако большинство депутатов были ее членами и потребовали от короля продолжения непримиримой борьбы с протестантами. Потеряв терпение, Генрих III приказал верным ему дворянам убить Генриха Гиза. 23 декабря 45 гвардейцев, отобранных королевским миньоном герцогом д'Эперноном, убили герцога Гиза в замке Блуа. На следующий день был казнен кардинал Гиз. Наиболее активные лигеры из числа депутатов Генеральных штатов подверглись аресту, а сами Штаты 15 января 1589 г. были распущены. За два дня до этого умерла Екатерина Медичи.

Весть об убийстве вождей Лиги вызвала в Париже анти-роялистское восстание. Власть перешла в руки «Совета сорока», состоявшего из представителей всех трех сословий. Совет провозгласил герцога Майенского наместником королевства. Это восстание поддержали и многие другие города, где также были сильны позиции Лиги.

Армия герцога Майенского повела успешное наступление против войск короля, и тому не оставалось ничего другого, как заключить союз с Генрихом Наваррским. 14 апреля 1589 г. такое соглашение было подписано, и армии двух Генрихов двинулись к Парижу. Когда они уже приближались к столице, 1 августа в Сен-Клу фанатично настроенный монах Жак Клеман нанес кинжалом смертельную рану Генриху III. Умирая, тот признал Генриха Наваррского своим наследником и просил его принять католичество. На другой день король скончался. С его смертью прервалась династия Валуа.

Генрих IV и завершение Религиозных войн

После смерти Генриха III новым королем, согласно салическому праву, по которому во Франции происходило престолонаследие, должен был стать ближайший родственник покойного монарха по мужской линии Генрих Бурбон, король Наварры. Умелый полководец и правитель, тонкий дипломат, Генрих IV, тем не менее, имел один большой «недостаток»– был протестантом. И этот «недостаток», в глазах французских католиков, составлявших большинство населения страны, перевешивал все достоинства нового монарха. Вот почему в областях, находившихся под контролем Католической лиги, а таковые составляли почти 5/6 территории Франции, Генриха IV королем не признали. Свое королевство ему еще только предстояло завоевать.

Хотя в последние месяцы жизни Генриха III Генрих Наваррский был его союзником, окружение покойного монарха достаточно настороженно отнеслось к преемнику. Некоторые заняли выжидательную позицию, как, например, покинувший двор герцог д'Эпернон, другие попытались договориться с новым королем. По итогам этих переговоров, Генрих IV подписал в Сен-Клу 4 августа 1589 г. Декларацию, в которой обещал уважать католическую веру и ничего не менять в религиозном устройстве Франции. Через шесть месяцев предполагалось созвать Генеральные штаты.

Не обладая достаточными силами для немедленного наступления на столицу, Генрих IV повел армию в Нормандию, чтобы обеспечить коммуникации с Англией, откуда гугеноты получали финансовую и военную помощь. Туда же во главе армии Лиги направился и герцог Майенский. В сентябре 1589 г. Генрих IV в нескольких боях разбил его под Арком. Окрыленный победой он попытался захватить и Париж, но был выбит из пригородов столицы герцогом Майенским и отступил в долину Луары.

Получив подкрепление из Испании, лигеры весной 1590 г. снова предприняли наступление в Нормандии. Впрочем, уже 14 марта Генрих IV разгромил испанскую кавалерию при Иври, после чего опять двинулся на Париж и в мае осадил столицу. Вскоре в городе начался голод, вспыхнули болезни, однако фанатично настроенное население, чье религиозное рвение усердно подогревалось монахами-проповедниками, стойко переносило лишения. Тех, кто осмеливался подать голос в пользу примирения, казнили. На помощь осажденным пришли испанские войска. После смерти в мае 1590 г. кардинала Бурбона, католического претендента на корону, король Испании Филипп II решил возвести на французский престол свою дочь от брака с Елизаветой Валуа (дочерью Генриха II) и, дабы поддержать ее права, направил во Францию армию. В сентябре 1590 г. испанцы прорвали блокаду Парижа и вынудили Генриха IV снять осаду.

Из-за прямого вмешательства испанцев, все попытки Генриха IV в 1591 г. добиться решающего перевеса над Лигой не увенчались успехом. Тем не менее, в лагере ее сторонников наметились серьезные противоречия. Ведущая роль в органах городского управления Парижа принадлежала наиболее непримиримо настроенным лигерам, опиравшимся на охваченный фанатизмом плебс. Они с недоверием относились к зажиточным буржуа и, в частности, к судейской аристократии, подозревая их в готовности к компромиссу с королем-гугенотом. В ноябре 1591 г. по такому подозрению фанатики без суда повесили президента и двух советников парламента. Этот акт террора испугал городскую элиту, которую все больше тяготило возросшее политическое влияние «низов». В ее рядах усилились настроения в пользу скорейшего прекращения гражданской усобицы и восстановления сильной центральной власти, способной держать плебс в повиновении. Однако принять короля-иноверца не могли даже умеренные лигеры.

Зная о подобных настроениях в лагере Лиги, католические сторонники Генриха IV все настойчивее требовали от него перехода в католицизм. Весной 1592 г., когда их недовольство достигло угрожающих размеров, король обещал им получить наставление в католической вере. Этим шагом он не только удержал их на своей стороне, но и приобрел новых соратников, таких, как герцог д'Эпернон. Кампания 1592 г. оказалась для короля весьма успешной. Его полководцы Ледигьер, д'Эпернон и герцог Генрих Буйонский одержали победы над союзниками Испании и Лиги – герцогами Савойским и Лотарингским. Армия самого Генриха IV вышла на подступы к Парижу.

В январе 1593 г. в Париже собрались Генеральные штаты, на которых были представлены в основном сторонники Лиги. Депутаты намеревались избрать нового короля, но не имели единого мнения относительно его кандидатуры. Герцог Майенский предложил в качестве будущего монарха себя или своего сына. Духовенство высказалось в пользу испанского короля Филиппа II. Парижский парламент, напротив, заявил, что корону Франции должен получить потомок Людовика Святого, француз и католик. Сами же испанцы всеми силами старались добиться избрания на престол дочери Филиппа II.

Чтобы повлиять на исход выборов, испанский посол щедро осыпал депутатов золотом, а испанская армия вошла в Париж. Однако столь явное давление вызвало у Генеральных штатов негативную реакцию. Они благосклонно восприняли мирные предложения, сделанные им Генрихом IV, и вступили с ним в переговоры, завершившиеся заключением перемирия.

Придя после долгих колебаний к убеждению, что «Париж стоит мессы», Генрих IV объявил 16 мая 1593 г. о своем предстоящем переходе в католичество. Торжественная церемония перемены им веры состоялась 25 июля в Сен-Дени. Когда весть об этом разошлась по стране, многие города отпали от Лиги и признали власть короля. 27 февраля 1594 г. Генрих IV короновался в Шартре, а 22 марта приветствуемый толпами народа вступил в Париж.

Тем не менее, война продолжалась. 5 июня 1595 г. французский король одержал победу над испанцами при Фонтэн-Франсез, весть о которой вызвала в стране бурный всплеск патриотизма. В сентябре Римский Папа признал права Генриха IV на французскую корону. В ноябре сложил оружие герцог Майенский, а вслед за ним – и другие руководители Лиги, получившие за это от короля весьма круглые суммы. Испанцам, правда, еще удалось добиться некоторого успеха в 1596 г., заняв Кале, но уже год спустя Генрих IV разбил их под Амьеном. 2 мая 1598 г. в Вервене был подписан мир, по которому Филипп II отказался от всех завоеваний, сделанных им во Франции за время последней Религиозной войны. В том же году Генрих IV, подчинив Бретань, погасил последний очаг гражданской смуты. Религиозные войны закончились.

Установление прочного мира было невозможно без компромиссного решения межконфессионального конфликта. Таким компромиссом стал Нантский эдикт, изданный королем 13 апреля 1598 г. после достижения соответствующей договоренности с представителями «гугенотской конфедерации». Признавая католицизм государственной религией, Нантский эдикт, в то же время, разрешал протестантам свободное отправление их культа повсюду, где это открыто делалось к августу 1597 г., а также во владениях крупных сеньоров, если на то будет их воля. На остальной же территории кальвинистские богослужения допускались лишь в строго определенных местах, а в Париже, при дворе и в армии не разрешались вовсе. Протестанты получили равные с католиками права на занятие государственных должностей. Секретные статьи эдикта предусматривали предоставление гугенотам на 8 лет 144 крепостей, где они могли за счет государственной казны держать свои гарнизоны. Государство также брало на себя выплату жалования протестантским проповедникам и преподавателям коллежей. Нантский эдикт вызвал недовольство Римского Папы и радикально настроенных католиков внутри Франции, но Генрих IV давлению не уступил и лично добился регистрации закона парламентом.

Состав новой свиты короля также олицетворял собой политику компромисса. Генрих IV приблизил ко двору своих прежних врагов, сделав Главным камергером герцога Майенского, а герцога Гиза (сына Меченого) – адмиралом. Правда, это были скорее почетные должности. На ключевые же посты в правительстве король поставил старых соратников. Герцога Сюлли, командовавшего в его армии артиллерией, он назначил сюринтендантом финансов, а Монморанси-Данвиля – коннетаблем. Впрочем, Генрих IV использовал также в правительстве и способных администраторов из числа своих бывших противников. Вильруа, некогда приближенный Екатерины Медичи, стал государственным секретарем по иностранным делам, а бывший лигер Жаннен – интендантом финансов.

Одной из сложнейших проблем, с которой столкнулось правительство Генриха IV, была проблема огромного дефицита бюджета. Продолжительные военные расходы, а затем щедрые выплаты вождям Лиги в обмен на замирение, привели государственные финансы в катастрофическое состояние. В 1596 г. государственный долг составлял 200 млн ливров, при годовых доходах в 10 млн и расходах в 16 млн.

Сюлли, руководивший финансовой политикой, предпринял энергичные и решительные меры по наполнению казны и экономии средств. Поставив зарубежных кредиторов перед угрозой государственного банкротства Франции, он добился от них списания большей части ее внешнего долга. Внутренние ренты также подверглись пересмотру.

Не имея в казне средств на выкуп находившихся под залогом земель королевского домена, Сюлли заключил соглашение с финансистами о том, что они за свой счет осуществят эту операцию, будут пользоваться в течение 16 лет выкупленным имуществом, а затем передадут его государству. При этом деятельность самих финансистов была поставлена под строгий контроль. В 1601–1602 и 1605–1607 гг. специально созданные палаты правосудия расследовали их злоупотребления, накладывая на провинившихся большие штрафы. Одного из финансистов за махинации даже повесили.

Сюлли упорядочил взимание талли, обеспечив ее более равномерное распределение среди податного населения. Общий размер прямых налогов был существенно сокращен, а разница компенсирована за счет увеличения косвенных налогов. Важным источником пополнения казны стала введенная в 1604 г. полетта – ежегодно вносимая плата оффисье за право передавать свою должность по наследству. Совокупность мер, предпринятых сюринтендантом финансов, обеспечила регулярное пополнение казны и положительное сальдо бюджета. В 1610 г. в казначействе находилось 11,5 млн ливров. Кроме того, существовал еще особый фонд в размере 5 млн, хранившийся в Бастилии.

Прекращение войн, установление стабильного порядка и снижение налогового бремени способствовали быстрому экономическому возрождению Франции. Хотя на правление Генриха IV пришлось несколько суровых зим, страна при нем не знала ни голода, ни эпидемий. Сам король еще в 1600 г. заявил: «Если Бог даст мне еще пожить, я сделаю так, что не будет крестьянина, который не мог бы иметь курицу в своем горшке». Причем, забота монарха о земледельцах проявлялась не только на словах, но и на деле. Так, одним из эдиктов короля войскам было запрещено передвигаться по крестьянским полям, вытаптывая посевы.

Сюлли, любивший повторять, что «земледелие и скотоводство это два сосца, питающие Францию, настоящие рудники Перу», активно содействовал улучшениям в области агрикультуры и торговли. В частности, при поддержке государства в это время широко культивировалось разведение шелковичных червей и производство шелка. Для сокращения торговых путей прокладывались судоходные каналы.

Прямым следствием экономического подъема стал бурный рост населения Франции в начале XVII в.

Хотя Вервенский мир положил конец войне между Испанией и Францией, соперничество двух держав продолжалось в иных, более завуалированных формах. Борьба с попытками австрийских и, особенно, испанских Габсбургов установить свою гегемонию в Европе, была лейтмотивом внешней политики Франции на протяжении всего царствования Генриха IV.

Традиционным театром франко-испанского соперничества оставалась Италия. В 1599 г. брак Генриха IV с Марией Медичи, племянницей герцога Тосканы, укрепил французское влияние на Апеннингах. В 1600 г. небольшая победоносная война с Савойей позволила Франции присоединить к себе стратегически важные территории и перерезать кратчайший путь между испанскими владениями в Северной Италии и Нидерландах.

В 1602 г. Генрих IV оказал помощь кальвинистской Женеве, подвергшейся нападению савойского герцога. В Германии французский король поддерживал дружеские отношения с протестантскими князьями, объединенными с 1608 г. в Евангелическую лигу, а в Нидерландах тайно субсидировал повстанцев, сражавшихся против испанцев. В свою очередь, испанский король поддерживал во Франции заговорщиков, конспирировавших

против Генриха IV. В 1602 г. один из таких заговоров был разоблачен, а руководивший им маршал Бирон, губернатор Бургундии, обезглавлен.

В 1610 г. французский король принял решение вмешаться на стороне протестантских князей в конфликт между императором и Евангелической лигой. Три французские армии уже были готовы начать вторжение в Нидерланды, Северную Италию и Испанскую Наварру. Однако накануне отъезда в армию, 14 мая 1610 г. Генрих IV был убит католическим фанатиком Равальяком.

Кризис власти и гражданские войны в начале XVII в.

За годы своего правления Генрих IV сумел привести страну к гражданскому миру и добиться консолидации политической элиты вокруг трона. Однако достигнутая стабильность была достаточно хрупкой, ибо во многом покоилась на личном авторитете монарха. Его неожиданная смерть ввергла Францию в затяжной политический кризис, активизировав те центробежные силы, которые Генриху IV в свое время удалось подавить, но не устранить. Аристократические кланы еще имели достаточно возможностей – многочисленные клиентелы, обширные земельные владения и влияние в провинциях – для возобновления борьбы за власть в случае ослабления центрального правительства. Да и гугеноты, сохранившие в соответствии с секретными статьями Нантского эдикта вооруженные силы и крепости, по-прежнему представляли собою «государство в государстве». Они признавали авторитет своего бывшего вождя Генриха Наваррского, ставшего королем Франции, но из этого отнюдь не следовало, что они проявят такую же покорность по отношению к его преемнику.

Преемником же Генриха IV стал его сын – Людовик XIII, которому тогда шел всего лишь девятый год. Готовясь отправиться на войну, Генрих за день до смерти, 13 мая 1610 г., объявил на время своего отсутствия регентшей королеву Марию Медичи. И уже на следующий день после убийства короля,

15 мая, его министры – канцлер Силлери, генеральный контролер финансов Жаннен и государственный секретарь по иностранным делам Вильруа – при поддержке герцога д'Эпернона, командующего пехотой, провели через Парижский парламент решение о регентстве Марии Медичи. Ей предстояло исполнять эти обязанности до совершеннолетия сына, которое наступало в 13 лет. Сторонники королевы так спешили, что, вопреки традиции, вопрос о регентстве был решен еще до похорон покойного монарха.

Вставшая во главе Франции 37-летняя Мария Медичи ранее не разделяла государственных забот супруга и не имела политического опыта. Недалекая и капризная, жадная до удовольствий, она рассматривала казну как собственное достояние и беззастенчиво расходовала в личных целях. Истоная католичка, она ненавидела протестантов, искренне симпатизируя контрреформации. В ближайшее окружение королевы входили папский нунций и посол Испании. Однако, опасаясь потерять власть и связанные с нею преимущества, Мария Медичи избегала рискованных шагов, способных вызвать далеко идущие, а потому непредсказуемые последствия. Отсутствие стратегической дальновидности отчасти компенсировалось у нее тонкой интуицией, которая позволяла ей нередко принимать оптимальные решения по тактическим вопросам.

Одним из таких удачных тактических ходов стало сближение с Испанией, позволившее предотвратить большую войну, которая при отсутствии сильного монарха и единства в обществе могла бы оказаться для Франции роковой. В 1611 г. испано-французский договор в Фонтенбло разрешил спорные проблемы, едва не ставшие причиной военного

конфликта. В начале 1612 г. было объявлено о предстоящих браках Людовика XIII с инфантой Анной Австрийской и его сестры Елизаветы с наследником испанского престола.

Сумела Мария Медичи избежать и конфронтации с гугенотами. Хотя в 1611 г. протестант Сюлли был отправлен в отставку с поста сюринтенданта, в целом гугенотская партия сохранила привилегии, дарованные ей Нантским эдиктом.

Главная опасность королевской власти исходила от вновь поднявшей голову аристократической оппозиции. Принц крови Генрих II Конде, герцоги Буйонский, Неверский, Лонгвиль, побочные сыновья Генриха IV Цезарь и Александр герцоги Вандомские, а также другие аристократические гранды, предъявляли претензии на участие в государственном управлении. Как отмечал современник, «каждый хотел быть приобщенным к самым секретным и важным государственным делам, хотел распоряжаться в управлении, располагать должностями, назначениями, званиями и заведовать финансами». Первое время Марии Медичи удавалось откупаться от этих притязаний. Миллионы, скопленные Сюлли в подвалах Бастилии для будущей войны, пошли на подарки и пенсии лидерам оппозиции. Но к власти грандов не допускали. Политику правительства определяли старые министры Генриха IV, а также – фаворит королевы флорентиец Кончино Кончини, носивший с 1613 г. титул маршала д'Анкара, и его жена Леонора Галигаи.

Когда государственная казна оскудела и поток жалований иссяк, гранды покинули Париж и в феврале 1614 г. подняли мятеж в провинциях. Возглавивший их принц Конде издал манифест, потребовав созвать Генеральные штаты и отложить испанские браки. После продолжительных дипломатических и военных маневров в мае было заключено мирное соглашение в Сент-Мену, по которому королева обязалась созвать Генеральные штаты и уступила грандам ряд крепостей.

Однако правительству удалось оттянуть созыв Штатов до совершеннолетия короля, чтобы не допустить обсуждения на них вопроса о регентстве. 2 октября Людовик XIII на заседании Парижского парламента официально вступил в должность и тут же объявил о назначении своей матери главой Королевского совета. Регентство закончилось. Фактическое правление Марии Медичи продолжалось.

На состоявшихся летом 1614 г. выборах депутатов Генеральных штатов развернулась острая борьба между «королевской партией» и «партией Конде». Правительству удалось взять избирательную кампанию под свой контроль и не допустить избрания прямых ставленников грандов. Вместе с тем, представители каждого из трех сословий имели и собственные, весьма серьезные претензии к центральной власти и готовились предъявить их в ходе работы Штатов. Правительству надо было максимально ослабить это недовольство и не позволить, чтобы им воспользовалась аристократическая оппозиция для расширения своей опоры в обществе. Впрочем, эта задача существенно облегчалась тем, что разные сословия часто выдвигали прямо противоположные требования.

Генеральные штаты открылись 27 октября. Формально их функция заключалась в подготовке и представлении королю от каждого из трех сословий сводных наказов, составленных на основе соответствующих наказов провинций. По ходу работы депутаты внимательно следили за действиями других палат и в случае необходимости активно реагировали, пытаясь нейтрализовать их враждебные поползновения. Реакция эта проявлялась в обращениях к королю и в памфлетных выступлениях.

Первое сословие, представленное верхушкой церковной иерархии, рекомендовало правительству для возрождения былого могущества церкви принять постановления Тридентского собора. Это, помимо активизации борьбы с протестантизмом, привело бы к усилению влияния папского престола на внутренние дела Франции. Напротив, депутаты третьего сословия, преимущественно оффисье, выступив в духе воинствующего

галликанства, заявили о полной независимости французского короля от любой власти, в том числе духовной. Дебаты между первым и третьим сословием по этому пункту достигли такой остроты, что королю пришлось положить конец дискуссии, взяв вопрос на рассмотрение в своем Совете. В конечном счете, правительство не поддержало ни одну из взаимоисключающих друг друга точек зрения.

Наибольшие противоречия возникли между вторым и третьим сословиями. Депутаты второго сословия, представленные в основном провинциальным родовым дворянством, предложили ряд мер, направленных на прекращение практики приобретения дворянского звания через покупку земли или должности. Более того, запрет на продажу должностей и отмена полетты стали их главным требованием. Дворяне также добивались для себя новых привилегий.

Напротив, депутаты третьего сословия заявили о недопустимости предоставления дворянству новых прав и осудили бесчинства аристократической вольницы в ходе ее недавнего конфликта с правительством. Дабы ограничить возможности дворян сопротивляться власти, было предложено разрушить внутри страны принадлежавшие им замки и крепости. Не решаясь открыто отстаивать сохранение полетты, оффисье добивались увязывания этой меры со снижением налогов и с сокращением пенсий дворянству.

Взаимоисключающие требования второго и третьего сословий стали причиной острого конфликта между ними. С большим трудом духовенству удалось примирить противоборствующие стороны. Правительство же попыталось учесть мнение обоих и одновременно с отменой полетты сократило пенсии на 25 %. Остальные требования наказов король обещал рассмотреть позднее.

23 февраля 1615 г. состоялось последнее заседание Генеральных штатов. Аристократической оппозиции так и не удалось использовать их в своих целях. Однако последствия принятых в ходе их работы решений оказались для правительства негативными. Отмена полетты вызвала бурное возмущение парламентов и верховных судов. Отстаивая право распоряжаться своими должностями как собственностью, судейские пошли на сближение с «партией Конде». Парижский парламент выступил с ремонстрацией, потребовав ввести принцев в Королевский совет. Стремясь воспрепятствовать подобному союзу, правительство отменило прежнее решение и продлило срок действия полетты до 1618 г. Слабость власти стала очевидной для всех.

Летом 1615 г. принц Конде, герцоги Буйонский и Лонгвиль вместе со своими сторонниками подняли новый мятеж. Они осудили происпанскую внешнюю политику министров, потребовали их отставки, особенно Кончини, и включения принцев в состав Королевского совета. Многие родовитые дворяне, недовольные восстановлением полетты, примкнули к армии мятежников, обеспечив ей перевес в кавалерии.

Королевские войска, состоявшие в основном из пехоты, не только уступали противнику в маневренности, но и вынуждены были разделить свои силы. Основная их часть преследовала Конде, тщетно пытаясь навязать ему сражение. Остальные сопровождали двор и правительство в их поездке в Бордо, где должен был состояться обмен принцессами с испанской стороной. Несмотря на вспыхнувшую гражданскую войну, далее откладывать испанские браки было невозможно.

Конные отряды Конде, успешно уклоняясь от генерального сражения, совершили стремительный марш из Пикардии в Пуату, сумев по пути практически без потерь форсировать крупнейшие реки Франции. С продвижением Конде на юг его поддерживали гугенотские гранды Сюлли и герцог Роган. Но хотя мятежники и приблизились к Бордо на расстояние 30 лье, сорвать обмен принцессами им не удалось. 25 ноября брак Людовика XIII с Анной Австрийской состоялся.

Впрочем, для ведения затяжной войны у правительства не было ни войск, ни денег. Тем более что к мятежникам примкнул губернатор Бретани герцог Цезарь Вандомский, после чего их силы удвоились. В январе 1616 г. начались мирные переговоры, завершившиеся в мае подписанием Луденского договора, согласно которому Конде вставал во главе Королевского совета. Кроме того, принц и его союзники получили большие территориальные и денежные пожалования.

Судьба старых министров Генриха IV – Силлери, Жаннена и Вильруа, чьей отставки давно добивался Конде, была решена. Им пришлось покинуть правительство. Однако на освободившиеся места верных себе людей провел маршал д'Анкр. Одним из них был Ришелье, в то время – епископ Люсонский.

1 сентября 1616 г. гвардейцы королевы арестовали Конде и препроводили в Венсенский замок. Прочие гранды бежали в Суассон и начали готовиться к войне. Ришелье, занимавший с ноября пост государственного секретаря по иностранным и военным делам, за короткий срок сумел собрать и вооружить три армии, которые зимой – весной 1617 г. повели успешное наступление на мятежников.

Однако конец войне был положен не событиями на поле боя, а государственным переворотом в Париже. В окружении Людовика XIII, фактически отстраненного от власти королевой-матерью и маршалом д'Анкр, созрел заговор под руководством фаворита короля Люиня. 24 апреля королевские мушкетеры убили д'Анкура. Его жену арестовали, позднее осудили как ведьму и сожгли. Мария Медичи была сослана в Блуа. Верные ей министры, в том числе Ришелье, отправлены в отставку, а на их место возвращены Силлери, Жаннен и Вильруа. Мятежные принцы, которые больше не могли оправдывать свои действия борьбой против непопулярного иностранца – «узурпатора», сложили оружие и выразили покорность.

Усобица привела финансы королевства в плачевное состояние. Для их восстановления правительству пришлось пойти на меры, затрагивающие интересы элит. Пытаясь разделить ответственность за непопулярные шаги, оно созвало в декабре 1618 г. собрание нотаблей и представило ему свою программу действий. Нотабли, больше чем наполовину представленные судейскими, одобрили сокращение пенсий дворянству на 50 %, но не поддержали вновь объявленную отмену полетты. В результате, недовольными остались и дворяне, и оффисье.

В начале 1619 г. Мария Медичи бежала в Ангулем, где вместе с герцогом д'Эперноном подняла анти-правительственный мятеж, поддержанный герцогом Буйонским и некоторыми другими грандами. Не получив, однако, помощи от гугенотов, на которую рассчитывали, мятежники пошли на мировую. Ришелье, представлявший интересы королевы на переговорах с правительством, добился предоставления ей губернаторства Анжу и возмещения военных расходов. Подписанный в Ангулеме мирный договор показал слабость власти и воодушевил аристократическую оппозицию. К тому же правительство, возглавлявшееся Люинем, за два года своего существования лишилось той поддержки в обществе, которую получило после свержения д'Анкура. Люинь, присвоивший себе собственность и часть титулов предшественника, вскоре стал столь же непопулярен в среде дворянства. Поэтому едва ли не сразу после заключения мира гранды принялись готовить новое выступление. Их не останавливало даже то, что король приказал освободить и ввести в свой Совет принца Конде.

В мае 1620 г. аристократическая оппозиция с Марией Медичи во главе подняла новый мятеж. В нем приняли участие юный принц крови граф Суассон (кузен Конде), оба герцога Вандомских, герцоги д'Эпернон, Лонгвиль, а также Роган со всеми гугенотскими грандами. Ришелье руководил Советом королевы. Движение охватило Нормандию, Пикардию, Лангедок, Гиень, Ангумау, центр его находился в Анжу. На помощь правительству пришли города. Уставшие от междоусобиц горожане изгоняли гарнизоны принцев, не дожидаясь подхода королевских войск. Поддержка правительства со стороны

оффисье была обеспечена восстановлением полетты. Генеральное сражение состоялось 7 августа у Понде-Се, на подступах к Анжеру. Отряды принцев бились храбро, но разрозненно, и потерпели сокрушительное поражение. Король, чтобы не затягивать гражданскую распрю, не стал преследовать побежденных и заключил с королевой-матерью почетный мир, разрешив ей вернуться ко двору и даровав ее союзникам прощение.

После разгрома аристократической оппозиции власть повернула оружие против гугенотской вольницы. Королевская армия, пополнив свои ряды дворянами, ранее сражавшимися на стороне принцев, продолжила поход на юг и вторглась в Беарн. Решение о присоединении к Франции этого бывшего домена Генриха Наваррского было принято еще в 1617 г., но местные гугеноты отказывались принять королевских уполномоченных. Теперь их силой заставили подчиниться. События в Беарне встревожили протестантов по всей стране. В конце 1620 г. в Ла-Рошели собралась общегугенотская конференция, разработавшая программу мер по подготовке к войне. Гугенотские отряды возглавил герцог Роган.

Кампания 1621 г. началась успешно для королевских войск. После осады пала гугенотская крепость Сен-Жан-д'Анжели, штурмом был взят Клерак. А вот осада Монтобана затянулась. Правительственные войска, понеся большие потери от неприятеля и болезней, ушли на зимние квартиры, так и не взяв крепость. Во время отступления заболел и умер Люин. И хотя в следующем году королевская армия сумела взять один из главных гугенотских городов Монпелье, активизация испанских и австрийских Габсбургов в Северной Италии, наносившая ущерб французским интересам, вынудила правительство заключить с гугенотами мир, чтобы развязать себе руки для внешней политики.

После смерти Люина король попытался сам руководить правительством, но без успеха. Упорный в достижении поставленных целей, храбрый на поле боя, Людовик XIII не обладал способностями ни государственного деятеля, ни полководца и нуждался в мудром, дальновидном советчике. Таковым для него стал кардинал Ришелье.

Правление кардинала Ришелье (1624–1642)

Арман Жан дю Плесси, будущий кардинал и герцог Ришелье, родился в 1585 г. Его отец сделал успешную государственную карьеру при Генрихе III и Генрихе IV, заслужив высокий пост главного прево Франции. Хотя Арман Жан получил блестящее гуманитарное и военное образование, ему пришлось в 1607 г. принять духовный сан, чтобы сохранить за своей семьей принадлежавшее ей место епископа Люсона. На Генеральных штатах 1614–1615 гг. он, возглавляя депутацию духовенства Пуату, своей активностью обратил на себя внимание Марии Медичи. В 1615 г. его назначили духовником Анны Австрийской, а год спустя – членом Королевского совета и государственным секретарем. После переворота 1617 г. он лишился этих постов и вслед за опальной королевой-матерью отправился в ссылку.

Проведя больше года в Авиньоне, епископ Люсонский был возвращен в 1619 г. ко двору опальной Марии Медичи и возглавил ее Совет. В 1620 г. участвовал в мятеже принцев, а после примирения короля с матерью вернулся в Париж. Благодаря поддержке Марии Медичи, Ришелье в 1622 г. получил шляпу кардинала, а в апреле 1624 г. – место в Королевском совете. В августе того же года король назначил Ришелье первым министром.

Перед правительством Ришелье стояли те же самые стратегические задачи, которые пытался решить еще Генрих IV. Позднее Ришелье так определил их в своем

«Политическом завещании»: 1) ликвидация гугенотского «государства в государстве», 2) подавление аристократической оппозиции, 3) активная внешняя политика против гегемонии Габсбургов.

Однако французская монархия не могла вступить в борьбу с Габсбургами, пока не была упрочена централизованная власть внутри страны и сохранялась угроза новой гражданской смуты. Поэтому первое время внешняя политика Ришелье носила оборонительный характер: Франция дипломатическими и военными средствами боролась за сохранение своих позиций в Северной Италии, откуда ее старались вытеснить испанцы и австрийцы, но большой войны избегала. Основные усилия правительства были направлены против внутренних врагов. В борьбе против гугенотов и грандов Ришелье пользовался активной поддержкой Марии Медичи и ее окружения – «партии святош» (кардинал Берюль, братья Марильяки).

Гранды, потерпев в 1620 г. поражение на поле боя, не осмеливались на новое открытое выступление и плели тайные заговоры. Первым из таких заговоров, направленных против Ришелье, стало «дело Шале» 1626 г. В нем приняли участие брат короля, дофин Гастон, королева Анна Австрийская, оба герцога Вандомских, принц Конде, граф Суассон, воспитатель дофина маршал Орнано, вдова Люиня герцогиня де Шеврез. Они планировали убить первого министра (на это вызвался маркиз Шале) и заменить Людовика XIII на троне его братом Гастоном. Узнав о существовании заговора, Ришелье надавил на дофина и тот выдал сообщников. Всеобщий любимец, обаятельный и элегантный Гастон был человеком слабовольным и вероломным. Мечтая о троне, он в дальнейшем примет участие еще во многих заговорах, но каждый раз, как и в «деле Шале», при малейшей опасности для себя будет не задумываясь отрекаться от единомышленников. Впрочем, ему как дофину серьезное наказание не грозило, чего не скажешь о тех, кто ему доверился. Шале был казнен, Орнано брошен в тюрьму, где вскоре умер, герцоги Вандомские арестованы, герцогиня Шеврез выслана из страны. Гастон же в знак примирения с королем получил титул герцога Орлеанского.

В 1625 г. вновь напомнили о себе и гугеноты, захватившие стратегически важные острова у Ла-Рошели. Правительственные войска острова отбили, но на длительную войну не было денег в казне. Прежде чем начинать решительные действия Ришелье требовалось восстановить подорванные его предшественниками финансы. Для этого он разработал программу реформ.

В декабре 1626 – феврале 1627 г. в Париже состоялось собрание нотаблей, на обсуждение которого Ришелье вынес ряд проектов. Он заявил, что видит два основных пути повышения государственных доходов без увеличения налогового бремени: 1) выкуп королевского домена, 2) развитие торговли и мореплавания. Для осуществления первой меры привилегированные сословия должны были создать экстраординарный фонд и передать его королю в качестве ссуды под относительно небольшой процент. Монарх и первый министр своим словом гарантировали, что все эти средства пойдут исключительно на выкуп заложенных коронных земель. После продолжительных размышлений нотабли фактически ответили отказом, посоветовав правительству выкупить домен без создания экстраординарного фонда, выплачивая его держателям ренту в течение 16 лет.

Предложения о создании флота и торговых компаний нотабли поддержали, но не указали, из каких средств должны финансироваться подобные меры. В целом итог собрания нотаблей оказался для правительства скорее негативным. Руководствуясь корпоративными соображениями, и духовенство, и родовитое дворянство, и оффисье сопротивлялись любым нововведениям, затрагивающим их частные интересы. Вот почему в дальнейшем монархи более не созывали подобные собрания вплоть до конца XVIII в.

Потерпев неудачу в проведении финансовой реформы, Ришелье, однако, сумел достаточно успешно реализовать свои планы по строительству флота и созданию торговых компаний. В 1626 г., когда король назначил его Начальником и сюринтендантом

торговли и мореплавания, Франция не имела военного флота в Атлантике и обладала лишь 10 галерами в Средиземном море, портовые сооружения находились в полуразрушенном состоянии. По инициативе Ришелье была произведена реконструкция портов Бреста, Гавра и Тулона, являющихся с тех пор главными военно-морскими базами Франции. Развернулось широкое строительство новых кораблей. К 1635 г. Франция имела уже 3 эскадры в Атлантике, а также эскадру и 20 галер в Средиземном море. При непосредственной поддержке кардинала, в том числе финансовой, создавались кампании для освоения Квебека и островов Вест-Индии.

Укрепляя королевскую власть, Ришелье предпринимал решительные меры против дворянской вольницы. По его совету, в феврале 1626 г. Людовик XIII издал эдикт о запрете дуэлей под страхом смертной казни, а в июле предписал разрушить укрепленные замки по всей стране, кроме приграничных областей.

Первый министр, считавший, что жизнь дворянина принадлежит только королю, строго следил за соблюдением запрета на поединки. В 1627 г. нарушение этого закона стоило жизни известному бретеру графу Бутвиллю и его секунданту.

Хотя ликвидация гугенотского «государства в государстве» рассматривалась Ришелье как одна из важнейших стратегических задач, инициатива по развязыванию новой войны с протестантами принадлежала не ему. В июле 1627 г. английский флот под командованием лорда Бэкингема высадил десант на французский остров Ре, прикрывавший с моря подступы к Ла-Рошели. Но осада англичанами расположенного на острове французского форта Сен-Мартен затянулась, что дало Ришелье время для формирования армии. Казна была пуста: меры по наведению порядка в финансовой сфере еще не успели дать результатов. Пришлось для набора войск прибегнуть к экстренным займам у финансистов. Воспользовавшись трудностями правительства, гугеноты Ла-Рошели потребовали за свой нейтралитет ряд стратегически важных укрепленных пунктов в окрестностях города. Получив отказ, ларошельцы в сентябре открыли боевые действия против королевской армии. Началась знаменитая осада Ла-Рошели.

Англичане понесли большие потери при неудачных штурмах форта Сен-Мартен и в ноябре покинули остров Ре, обещав ларошельцам придти на помощь следующей весной. Всю зиму французская армия под руководством Людовика XIII и Ришелье строила гигантскую плотину, чтобы перекрыть подход к крепости с моря. В апреле 1628 г. Ла-Рошель оказалась полностью блокирована. Осажденные отчаянно сражались, надеясь на помощь Англии и своих единоверцев с юга Франции. Но тщетно. Гугенотские отряды герцога Рогана были скованы в Лангедоке армией принца Конде, а флот англичан потерпел в мае неудачу при попытке прорваться к Ла-Рошели. В городе начался жестокий голод, население вымирало. В сентябре – октябре английский флот опять попытался разрушить дамбу и оказать помощь ларошельцам, но после новой неудачи английский адмирал посоветовал им помириться с королем и увел свои корабли. 28 октября Ла-Рошель сдалась. К этому времени из 28 тыс. населения в живых оставалось лишь 5 тыс. Король, по совету Ришелье, простил побежденных и даровал им свободу вероисповедания. В город были направлены обозы с продовольствием. Однако Ла-Рошель отныне лишалась своих привилегий и автономии, ее укрепления подлежали сносу.

Мантуанский кризис в Италии (см. ниже), отвлекший основные французской армии, позволил Рогану продержаться еще 8 месяцев. Впрочем, в июне 1629 г. гугеноты были разгромлены и в Лангедоке. 28 июня король издал в Але «эдикт милости», в котором подтвердил основные статьи Нантского эдикта, даровавшие свободу вероисповедания протестантам. Дополнительные же статьи, гарантировавшие им политическую и военную самостоятельность, были отменены. Гугенотское «государство в государстве» прекратило свое существование.

Убедив короля проявить милость по отношению к побежденным гугенотам, Ришелье вызвал недовольство ранее поддерживавшей его «партии святош», которая требовала

сурово покарать мятежных «еретиков». Еще больше усугубила противоречия между первым министром и окружением королевы-матери Мантуанская война.

Избавление от гугенотской опасности внутри государства развязало Ришелье руки для более активной внешней политики, направленной против гегемонии Габсбургов. В 1629 г. он лично возглавил французскую армию, вторгшуюся в Италию, чтобы поддержать претензии герцога Неверского на наследование Мантуи и Монферрата, оспоренные Испанией и Пьемонтом. В результате кампаний 1629–1630 гг. Франция отстояла права герцога Неверского и приобрела стратегически важную крепость Пиньероль. Однако на долгую войну сил и средств она пока не имела и пошла на мир, заключенный в 1631 г. при посредничестве папского легата Мазарини.

Антииспанская политика окончательно поссорила первого министра с Марией Медичи, которая стала настойчиво добиваться его устранения. 10 ноября 1630 г. ей, казалось, удалось склонить Людовика XIII к отставке Ришелье, о чем она тут же объявила, потребовав от кардинала передать руководство Королевским советом канцлеру Марильяку. Однако король несколько часов спустя дезавуировал ее действия и подтвердил полномочия Ришелье. Результатом этого политического кризиса, известного в литературе как «день одураченных», стали высылка королевы-матери в Компьен и арест наиболее видных фигур «партии святош» – канцлера Мишеля Марильяка и его брата Луи, командовавшего Итальянской армией. Первый два года спустя умер в тюрьме, второй был обвинен в измене и казнен. В июле 1631 г. Мария Медичи бежала за границу, лишив себя тем самым возможности реально влиять на политическую ситуацию во Франции. В 1642 г. она умерла в Кельне забытая всеми.

Гораздо более серьезные последствия имело бегство из страны в январе 1631 г. Гастона Орлеанского, являвшегося наследником тогда еще бездетного Людовика XIII. В июне 1632 г. дофин во главе отряда своих сторонников и наемников вторгся во Францию из Лотарингии. В его поддержку выступил губернатор Лангедока, талантливый военачальник герцог Монморанси. 1 сентября королевские войска разбили армию мятежников при Кастельнодари. За попавшего в плен Монморанси ходатайствовали многие аристократы. Крестник Генриха IV и зять Конде, Монморанси принадлежал к одному из древнейших дворянских родов Франции. Тем не менее, его, по настоянию Ришелье, осудили и казнили. Гастон Орлеанский вновь эмигрировал, но в 1634 г. в очередной раз покаялся и был прощен.

Дабы упрочить влияние центральной власти на местах и поставить под контроль губернаторов, Ришелье в 30-е годы стал широко использовать институт интендантов – королевских уполномоченных в провинции, подчинявшихся непосредственно первому министру. Это не было его собственным изобретением: подобные уполномоченные назначались королями для выполнения разовых поручений еще в XVI в., но только при Ришелье их деятельность приобрела постоянный характер.

Тщательно готовясь к открытой борьбе против гегемонии Габсбургов, Ришелье, тем не менее, старался как можно дольше отсрочить вступление Франции в Тридцатилетнюю войну, продолжавшуюся с 1618 г. Пока была возможность, он предпочитал воевать чужими руками, оказывая с 1630 г. финансовую помощь анти-габсбургской коалиции (Швеция и протестантские княжества Германии). Однако гибель в 1632 г. шведского короля Густава Адольфа и поражение в 1634 г. шведских войск под Нердлингеном поставили коалицию на грань гибели. Помешать окончательному триумфу австрийских и испанских Габсбургов могло лишь вступление в войну Франции. 1 апреля 1635 г. на Королевском совете было принято решение объявить войну Испании. В мае французская армия вошла в Испанские Нидерланды.

Но после кратковременных успехов наступила длительная полоса неудач. В первую же кампанию испанцы вытеснили французскую армию из своих владений, а в 1636 г., вошедшем в историю как «год Корби», испанские и австрийская армии вторглись на

территорию Франции. Когда испанцы в августе взяли крепость Корби, прикрывавшую с севера подступы к французской столице, в Париже началась паника, многие жители бежали на юг. Даже Ришелье предложил королю отступить за Луару. Но Людовик XIII, проявив мужество и хладнокровие, остался в Париже и объявил набор добровольцев в ополчение. Собранная в короткое время 30-тысячная армия остановила наступление неприятеля и в ноябре отбила Корби. Армия же австрийского императора, встретив ожесточенное сопротивление французов, завязла в Бургундии.

После этого война приняла затяжной, изнурительный характер. Боевые действия, состоявшие преимущественно в осаде крепостей, велись с переменным успехом на нескольких фронтах: в Нидерландах, на Рейне, в Италии и Руссильоне. Лишь к 1640 г. наметился перелом в пользу анти-габсбургской коалиции. Но за него Франция заплатила невиданным обнищанием населения и тяжелейшим кризисом экономики.

Хотя основные боевые действия разворачивались не на территории Франции, война легла тяжелым бременем на французов. Оплата армий, субсидии союзникам привели к гигантскому росту государственных расходов. Если в 1630 г. последние составляли около 42 млн ливров, то в 1641 г. – 117 млн. Для изыскания этих сумм правительство многократно увеличивало налоги. Если в 1630 г. талья составляла около 7,5 млн ливров, а габель – 1,6 млн, то в 1641 г. – 32,5 и 7 млн соответственно. На столь беспрецедентное усиление фискального гнета население ответило невиданными со времен Жакерии восстаниями. Наиболее крупными из них стали движения «кроканов» в Перигоре (1637) и «босоногих» в Нормандии (1639).

Поводом для восстания «кроканов» стали экстраординарные добавки к талье, увеличившие ее на треть. 22 апреля 1637 г. крестьяне убили двух сборщиков налогов и стали вооружаться. Через неделю повстанческая армия насчитывала уже до 10 тыс. человек. Движение носило всесословный характер. Хотя основную массу восставших составляли крестьяне, в их военный совет входили также дворяне, священники, судейские, купцы, ремесленники. «Генералом» повстанческой армии стал родовитый дворянин Ламот Лафоре. После неудачной попытки взять Периге повстанцы в начале мая заняли крупный город Бержерак, не имевший укреплений. «Восставшие коммуны Перигора» – так они себя сами называли, воспринимая данную им кличку «кроканы» («грызуны») как бранную – в своих обращениях к населению и в письме королю объясняли, что требуют лишь уничтожения «притеснений» и возвращения к «справедливым» налогам 1610 г.

Армия Ламота Лафоре была хорошо дисциплинирована и не допускала ни малейшего насилия по отношению к жителям Бержерака. В конце мая она двинулась к Ажену. Правительство вынуждено было отозвать с испанского фронта большой отряд герцога Лавалета и бросить его на подавление восстания. 1 июня герцог в упорном бою под Ла Совта разбил авангард повстанческой армии, а затем блокировал ее основные силы в Бержераке. Не имея артиллерии, а, значит, и шансов на успешный исход обороны, Ламот капитулировал с условием, что бывшим повстанцам будет позволено разойтись по домам, а Лавалет постарается добиться для них помилования. И хотя несколько сотен восставших не захотели сложить оружие и до конца июня участвовали в анти-фискальном движении в соседней провинции Керси, Лавалет сдержал слово и добился решения Королевского совета о помиловании перигорских повстанцев. Были отменены и надбавки к талье, вызвавшие протест.

Поводом для восстания «босоногих» стал слух о том, что правительство готовится распространить габель на Нижнюю Нормандию, ранее освобожденную от этого налога. Подобная мера оставила бы без работы 10–12 тыс. рабочих солеварен и разорила бы многих горожан, занятых производством и контрабандой соли. Восстание началось 16 июля 1639 г. с убийства в Авранше судьи, которого по ошибке заподозрили в том, что он привез указ о введении габели. На следующий день солевары разгромили учреждения, связанные со сбором налогов. Движение так же, как и в Провансе, носило анти-

фискальный и всесловный характер. Руководили им два дворянина, два священника и два судейских от имени таинственного Жана Босоногого. В разгар боевых действий на фронтах Тридцатилетней войны правительство не имело свободных войск для быстрого подавления восстания, а местные власти, заинтересованные в сохранении провинцией налоговых привилегий, попустительствовали «босоногим». С июля по ноябрь те регулярно совершали походы в близлежащие от Авранша поселения, где громили дома фискальных чиновников. По всей провинции распространялись воззвания с призывом уничтожить все налоги, введенные после 1610 г. В августе произошли анти-налоговые восстания в Руане и Кане. В сентябре «босоногие» создали «Армию страдания», насчитывавшую до 5 тыс. человек.

С завершением кампании на фронте королевские войска прибыли в Нижнюю Нормандию и 30 ноября разгромили «Армию спасения». Участники восстания подверглись жестоким репрессиям. Десятки людей были казнены или сосланы на галеры, их дома разрушены, семьи изгнаны. Строго были наказаны и местные власти за попустительство восставшим. Однако правительство не стало вводить в провинции габель.

Тяготы войны, от которых страдало население Франции, общественное мнение связывало с именем Ришелье, ставшего крайне непопулярным. Когда в «год Корби» Париж охватила паника, толпа на улицах кричала «Да здравствует король! Смерть Ришелье!». Подобными настроениями попыталась в своих интересах воспользоваться родовитая аристократия, влияние которой в военное время возросло, поскольку именно из ее рядов набирался командный состав армии. Гранды организовали ряд заговоров с целью устранить первого министра и заключить мир с Габсбургами.

Осенью 1636 г., во время контрнаступления на Корби, группа офицеров из окружения Гастона Орлеанского и графа Суассона планировала убить Ришелье при посещении тем действующей армии. Заговор не удался лишь из-за того, что Гастон в последний момент струсил и не решился подать условленный сигнал.

Весной 1641 г. аристократическая оппозиция впервые после казни Монморанси осмелилась на открытый военный мятеж. Граф Суассон и герцог Фредерик Буйонский на испанские деньги собрали вооруженный отряд в Седане и выступили в поход на Париж. По дороге к ним присоединились многие дворяне, недовольные Ришелье. 9 июля Суассон разгромил высланную против него королевскую армию, но в тот же день погиб из-за нелепой случайности. Поправляя забрало шлема стволом пистолета, он нечаянно нажал на курок. Оставшись без предводителя, армия мятежников рассеялась. Герцог Буйонский покаялся и получил прощение.

Осенью 1641 г. при дворе сложился новый заговор против Ришелье. В центре интриги находился фаворит короля маркиз Сен-Мар, заручившийся поддержкой Анны Австрийской, Гастона Орлеанского, герцога Буйонского и командира королевских мушкетеров да Тревиля. Они собирались убить Ришелье и заключили тайное соглашение с испанцами об установлении мира и союза между двумя странами в случае успеха заговора. Узнав в июне 1642 г. от Анны Австрийской о планах заговорщиков, уже смертельно больной Ришелье предпринял активные контрмеры. Припугнув Гастона Орлеанского, он вновь заставил его выдать сообщников. Герцог Буйонский был арестован и купил себе прощение, лишь передав французской короне принадлежавший ему Седан. Ответили же за всех Сен-Мар и советник Парижского парламента де Ту. После недолгого расследования их казнили в сентябре 1642 г. 4 декабря того же года умер и сам Ришелье.

Ришелье считал, что государство должно заниматься активной поддержкой культуры и тем самым направлять ее развитие в нужную для себя сторону. Придавая большое значение идеологическому обоснованию своей политики, кардинал щедро покровительствовал литераторам, чьи сочинения служили этой цели. Будучи сам ярким публицистом и политическим мыслителем, автором ряда пьес, Ришелье выступил

инициатором создания в 1634 г. Французской академии, которая объединила в своих стенах крупнейших писателей того времени и была призвана следить за чистотой французского языка.

В 1631 г. при поддержке Ришелье во Франции впервые появляется еженедельное издание «Газет» (до того существовал лишь ежегодник «Меркюр франсэ»). Кардинал широко использовал первую французскую газету для формирования общественного мнения по различным вопросам политики и сам не раз анонимно выступал на ее страницах в качестве автора.

По заказу Ришелье был осуществлен ряд крупных архитектурных проектов. Наиболее известные из них – великолепный дворец кардинала в центре Парижа, известный ныне как Пале-Руаяль, и часовня Сорбонны, где Ришелье завещал себя похоронить. Сорбонне он оставил и свою богатейшую библиотеку, насчитывавшую несколько тысяч томов.

Фронда

Умирая, Ришелье рекомендовал Людовику XIII в качестве своего преемника кардинала Мазарини. Карьера Джулио Мазарини начиналась при дворе Римского Папы. Сын мелкого сицилийского землевладельца, благодаря тонкому уму и недюжинным способностям, успешно продвигался на дипломатическом поприще. Будучи легатом во Франции, он обратил на себя внимание Ришелье и, по его приглашению, в 1639 г. перешел на французскую службу. Благодаря покровительству первого министра, он получил в 1641 г. кардинальскую шляпу, хотя и никогда не был священником. Следуя рекомендации Ришелье, Людовик XIII после его смерти, приблизил к себе Мазарини, которого не только ввел в Королевский совет, но и сделал крестным отцом наследника престола.

14 мая 1643 г. умер и сам Людовик XIII. Регентшей при пятилетнем Людовике XIV стала королева-мать Анна Австрийская. Правда, ее полномочия существенно ограничивались Регентским советом, указ о создании которого покойный король подписал за две недели до смерти. Председательствовать в Совете должен был Гастон Орлеанский, а в его отсутствие – принц Конде и кардинал Мазарини. Однако уже 18 мая Парижский парламент по просьбе королевы кассировал завещание монарха, и регентша обрела всю полноту власти. В тот же день она назначила первым министром кардинала Мазарини. Впрочем, за этот успех ей пришлось заплатить дорогую цену: парламенты, чье влияние на государственные дела кардинал Ришелье сумел существенно ослабить, теперь вновь обрели былой политический вес и высокую степень независимости от центральной власти.

Оживилась аристократическая оппозиция. После смерти Ришелье ко двору вернулись прежде опальные гранды, участники былых заговоров. Будучи иностранцем и к тому же не слишком высокого происхождения, Мазарини не мог позволить себе в общении с аристократией того властного тона, которым разговаривал с ней его предшественник, сам принадлежавший к старинному дворянскому роду Франции. Поэтому там, где Ришелье действовал резко и напористо, Мазарини использовал хитрость и обходительность. Такая манера ведения дел создавала у его политических противников впечатление о слабости первого министра. Но видимость была обманчива:

Мазарини проводил ту же политику, что и Ришелье, хотя и другими методами. В 1643 г. он решительно пресек попытку нового аристократического заговора, отправив герцога Бофора, сына Цезаря Вандомского в Венсенский замок, а герцогиню Шеврез – в ссылку.

Во внешней политике Мазарини столь же последовательно, как Ришелье, продолжал войну против Габсбургов. Военное счастье было на стороне Франции. 19 мая 1643 г.

юный герцог Энгиенский, сын принца Конде, разгромил испанцев при Ро-круа. В 1644–1647 гг. французские армии успешно действовали в Нидерландах и на Рейне под командованием лучших полководцев своего времени – герцога Энгиенского, унаследовавшего после смерти отца в 1646 г. титул принца Конде, и виконта Тюренна, младшего брата герцога Буйонского.

Война стоила дорого. Вместе с военными расходами росли и налоги. Только талья с 1635 по 1643 г. увеличилась в 8 раз. Причем, основная тяжесть фискального гнета ложилась на провинцию, поскольку власти, стараясь не раздражать жителей столицы, создали для Парижа льготный податный режим. Однако возможности дальнейшего усиления налогового пресса на провинцию были исчерпаны. Военные действия, постой войск и подати опустошили даже самые богатые области Франции. Все чаще в разных частях страны протест против фискального гнета выливался в восстания. В этих условиях правительство вынуждено было обращаться к экстраординарным способам пополнения казны, прежде всего – к займам. Финансисты, которым покровительствовал генеральный контролер (с 1647 г. сюринтендант) финансов Эмери, получали огромные барыши, субсидируя государство на крайне выгодных для себя условиях.

Впрочем, по долгам тоже надо было платить, и власти в поиске новых доходов решились посягнуть на фискальные привилегии парижан, на что не осмеливались предшествовавшие правительства. Летом 1644 г. Эмери предложил ввести налог на владельцев домов в пригородах Парижа. Это вызвало недовольство населения столицы, вылившееся в уличные беспорядки. Другая инициатива Эмери – обложить налогом наиболее богатых горожан – была погребена парламентом в юридической казуистике. В 1645 г. новая попытка ввести налог на домовладельцев опять вызвала конфликт правительства с парламентом. В 1646 г. парламент вновь стал рупором недовольных, протестуя против взимания пошлин на ввозимое в столицу продовольствие. Осенью 1647 г. во время уличных беспорядков в Париже, которые устроили возмущенные ростом налогов горожане, парламент фактически солидаризировался с бунтующими и подверг критике фискальную политику правительства.

В конце 1647 г. истек срок полетты. Эмери, рассчитывая, что накануне пересмотра ее условий судебские станут более покладистыми, отправил на регистрацию в парламент шесть новых фискальных эдиктов. 15 января 1648 г. эти законы были зарегистрированы на королевском заседании, хотя по ходу процедуры финансовая политика правительства и подверглась резкой критике. Но уже на другой день парламент под формальным предлогом вновь вернулся к рассмотрению ранее принятых эдиктов.

В мае 1648 г. правительство объявило новые условия полетты. Пытаясь заручиться поддержкой парламента, оно продлило для него полетту на прежних основаниях, зато для других суверенных судов Парижа – Большого совета, Счетной палаты и Палаты косвенных сборов – условия были ужесточены. Однако расколоть судебскую корпорацию властям не удалось. 13 мая Парижский парламент издал «акт единства», предложив другим суверенным судам прислать свои делегации для совместного заседания в палате св. Людовика во Дворце правосудия, чтобы обсудить общее положение дел в государстве.

Так началась Фронда. Во французском языке слово «фронда» (*la fronde*) имеет двойное значение: это и «рогатка», т. е. безделица, игрушка, хотя и опасная, и «праца» – боевое оружие. Широкое анти-правительственное движение во Франции 1648–1653 гг., получившее подобное название, также имело двойственную природу. С одной стороны, оно представляло собою последнюю попытку аристократии, в том числе судебской, вооруженным путем вернуть себе доминирующее положение в государстве, все более утрачиваемое по мере укрепления абсолютной монархии. Преследуя исключительно эгоистические цели, лидеры крупных аристократических кланов с необыкновенной легкостью меняли свою политическую позицию и в зависимости от политической конъюнктуры поочередно поддерживали то правительство, то Фронду. Происходившее в

те годы на вершине общественной иерархии весьма напоминало некое театральное действо с быстро меняющимися мизансценами или своеобразный калейдоскоп, поочередно соединявший основных действующих лиц в самых причудливых сочетаниях.

Однако была у Фронды и другая сторона. В отличие от предшествующих аристократических мятежей XVII в., в движение оказались вовлечены широкие слои общества. Значительная часть населения, уставшего от тягот Тридцатилетней войны, приняла за чистую монету демагогические лозунги аристократической оппозиции и поддержала ее, надеясь добиться ослабления налогового гнета. Таким образом, при взгляде «снизу» Фронда видится как широкое анти-фискальное восстание, ставшее прямым продолжением налоговых бунтов 30-40-х годов XVII в.

Историки традиционно делят события Фронды на два периода: «парламентская Фронда» (1648–1649) и «Фронда принцев» (1650–1653). Впрочем, деление это несколько условно. Хотя на первом этапе инициатива в анти-правительственном движении, действительно, принадлежала суверенным судам и, прежде всего, парламентам, крупные аристократы («принцы») тоже принимали в нем активное участие. А на втором этапе, хотя тон Фронде задавали уже «принцы», роль парламента также оставалась весьма существенной.

После принятия «акта единства» правительство какое-то время пыталось помешать совместному заседанию представителей столичных суверенных судов, но 11 июня все же его разрешило. Мазарини не хотел обострять положение внутри страны в тот момент, когда шедшие в Мюнстере мирные переговоры с Империей близились к успешному завершению.

Начав свою работу 30 июня, «Палата св. Людовика» в течение десяти дней подготовила и представила королеве программу реформ, получившую название «27 статей», где провозглашалась неприкосновенность имущества и личности; предлагалось заключение без следствия ограничить 24 часами, отозвать всех интендантов из провинции, отменить систему откупов, сократить талью на, освободить из тюрем арестованных за неуплату налогов, создать палату правосудия для расследования злоупотреблений финансистов, не вводить без согласия парламента новые должности и налоги.

Стремясь выиграть время, правительство пошло на уступки. 9 июля был отправлен в отставку Эмери, 11-го отозваны все интенданты из округа Парижского парламента, объявлено о сокращении тальи на и отмене недоимок по налогам. 31 июля король принял «27 статей», за исключением запрета на аресты по распоряжению монарха, но потребовал отпуска «Палаты св. Людовика». 1 августа парламента приступил к обсуждению королевской декларации. Все это происходило на фоне массовых анти-фискальных выступлений по всей стране. Крестьяне нередко переставали платить вообще какие бы то ни было налоги и требовали дальнейшего понижения тальи.

20 августа принц Конде разбил испанцев при Лансе. Мазарини решил воспользоваться охватившей столицу победной эйфорией, чтобы перейти в наступление на своих политических противников. 26-го во время праздничных торжеств гвардейцы королевы арестовали двух лидеров оппозиции, в том числе Пьера Брусселя, который не только пользовался среди парижан широкой популярностью, но и был офицером городского ополчения. Этим неосторожным шагом власть привела в действие механизм внутригородской солидарности: сначала на защиту Брусселя поднялся квартал, где он жил и отрядом ополчения которого командовал, затем восстание охватило весь Париж.

27 августа сотни баррикад перекрыли улицы. Толпа напала на канцлера Сегье, который спасся только благодаря подоспевшему к нему на выручку отряду гвардейцев. Пале-Руаяль, где находились юный король, королева-мать и Мазарини, окружили тысячи вооруженных горожан. Парламент послал во дворец делегацию с просьбой освободить арестованных. Королева согласилась при условии, что палаты парламента прекратят

объединенные заседания. Делегация отправилась обратно, однако по пути подверглась нападению горожан, недовольных тем, что Брюссель еще не освобожден. Тогда королева приказала отпустить арестованных без каких-либо условий. После их возвращения восстание прекратилось.

Последующие два месяца шли переговоры между королевой и парламентом о возможности принятия к исполнению «27 статей». Наконец, 22 октября королевская декларация закрепила достигнутый компромисс: большинство требований «Палаты св. Людовика» было принято, но запрет на аресты по распоряжению монарха распространялся только на судебных, а талья сокращалась лишь на 1/5.

24 октября 1648 г. был подписан Вестфальский мир с Империей. Война с Испанией продолжалась, но, как обычно, с наступлением осени активные боевые действия прекратились. Правительство получило возможность использовать высвободившиеся войска против внутренней оппозиции. К концу года армия принца Конде из Фландрии переместилась в окрестности Парижа. Находившаяся в Германии армия Тюренна с наступлением мира отошла на Рейну, поближе к границам Франции.

В ночь на 6 января 1649 г. Анна Австрийская, юный король, Мазарини и двор тайно покинули столицу, перебравшись в Сен-Жермен. Оттуда все суверенные суды Парижа получил предписание выехать в различные провинциальные городки. На совместном заседании членов судов и городских властей Парижа было принято решение не повиноваться. Парламент объявил Мазарини «смутьяном», приказал ему в недельный срок покинуть страну и наложил секвестр на его имущество. На сторону парламента встал ряд крупных аристократов: принц Конти (брат Конде), герцог Лонгвиль (муж их сестры), герцог Буйонский, герцог Бофор и некоторые другие. Они и возглавили армию Фронды. Душой и одним из наиболее активных организаторов сопротивления стал коадьютор (заместитель) парижского архиепископа Поль де Гонди.

Не имея достаточно сил для штурма столицы, принц Конде перекрыл идущие к ней дороги. Его наемники вели себя в центре Франции, как в завоеванной стране, грабя, насилая и убивая мирных жителей. Крестьяне боялись ехать в Париж, и там вскоре начались перебои с продовольствием. Участвовавшие волнения городских «низов» напугали парламент. Некоторое время он еще рассчитывал на помощь, втайне обещанную ему Тюренном. Однако армия отказалась вслед за полководцем перейти на сторону Фронды, и Тюренну пришлось бежать за границу. Пришедшее в феврале из Англии известие о казни короля Карла I окончательно убедило судебскую аристократию в необходимости искать мира с правительством, пока и во Франции в оппозиционном движении не возобладали радикальные элементы и оно не вышло из-под контроля парламента. Анна Австрийская и Мазарини, не имея возможности силой подавить оппозицию, также проявили готовность к компромиссу, поскольку с началом весны испанцы возобновили боевые действия. 1 апреля королева и парламент заключили соглашение о мире: судебские отказались от требования изгнать Мазарини и обещали до конца года не проводить совместных заседаний палат.

Таким образом, в ходе конфликта ни правительству, ни парламенту не удалось добиться желаемого. Единственной выигравшей стороной оказался клан Конде. Бывшие противники, теперь примирившиеся между собой, Конде, Конти и Лонгвиль диктовали свою волю правительству, добиваясь для себя новых земельных владений, должностей и денежных пожалований. Королева и Мазарини вынуждены были идти на уступки, чтобы выиграть время для замирения провинций.

В Гиени и Провансе продолжались локальные Фронды. В обеих провинциях противостояние между губернаторами и местными парламентами приняло форму гражданской войны. Мазарини сумел погасить конфликты, проявив гибкость опытного дипломата. В Провансе центральная власть заняла нейтральную позицию и выступила посредником, не дав, в конечном счете, ни одной из противоборствующих сторон

добиться решающего преимущества. В Гиени же, напротив, правительство поддержало губернатора и силой принудило парламент Бордо к миру, который был заключен 26 декабря 1749 г.

Парламентская Фронда завершилась.

Покончив с оппозиционным движением в провинции, Анна Австрийская и Мазарини втайне начали готовить удар по клану Конде. В этом их союзниками оказались герцог Бофор и коадьютор Гонди. Бывшие фрондеры из ненависти к Конде вступили в альянс с королевской властью, рассчитывая на солидное вознаграждение. Гонди, например, был обещан сан кардинала.

18 января 1650 г. Конде, Конти и Лонгвиль были арестованы в Пале-Руаяле и отправлены в Венсеннский замок. Принцесса Конде, герцогиня Лонгвиль, герцог Буйонский, Тюрени и их сподвижники бежали в провинцию, чтобы поднять на восстание свою клиентелу. Началась Фронда принцев.

Первое время правительству удавалось относительно легко справляться с сопротивлением. Однако в июне восстал недавно замиренный Бордо, где сторонники Конде встретили теплый прием. Мазарини лично возглавил подавление мятежа. Но и в Париже было неспокойно. То и дело происходили стихийные демонстрации против Мазарини и в поддержку принцев, порой выливавшиеся в беспорядки. Оставшемуся в столице Гастону Орлеанскому с большим трудом удавалось удерживать ситуацию под контролем, да и то лишь благодаря помощи Бофора и Гонди. 1 октября правительство подписало с властями Бордо мирное соглашение, сделав им существенные политические уступки. По условиям договора, фрондеры смогли покинуть город и продолжить борьбу в других местах.

В декабре 1650 г. правительственные войска разбили Тюрени, который возглавил отряды фрондеров в северо-восточных областях и пытался при поддержке испанцев начать наступление на Париж. Казалось, правительство сумело овладеть ситуацией. Однако та снова резко изменилась из-за распада коалиции Мазарини и партии Гонди – Бофора. Первый министр нарушил свои обещания. В частности, коадьютор не получил обещанный ему сан кардинала. В начале 1651 г. Бофор и Гонди вступили в сговор со сторонниками Конде. Их также поддержал Гастон Орлеанский, командовавший всеми правительственными войсками. Оказавшись в полной политической изоляции, Мазарини 6 февраля 1651 г. тайно бежал из Парижа. Поселившись в прирейнских землях Германии в замке Брюль, он через свою разветвленную агентуру внимательно следил за происходившим во Франции и через секретную переписку руководил действиями королевы.

Конде и другие принцы торжественно вернулись в Париж. Впрочем, борьба партий не утихла. С новой силой обострился непрекращающийся конфликт между родовитым дворянством и оффисье. Недовольные усилением роли парламентов, провинциальные дворяне устраивали в Париже собрания, требуя созвать Генеральные штаты и ограничить права судейских, в частности, отменить полетту. Противостояние представителей дворянства и парламента грозило перейти в вооруженное столкновение. Собрание духовенства высказалось в поддержку требований родовитого дворянства. Чтобы разрядить обстановку, королева обещала собрать Генеральные штаты в сентябре 1651 г., но это, в действительности, ее ни к чему не обязывало: с наступлением 5 сентября совершеннолетия Людовика XIV обещание регентши теряло свою силу.

С официальным вступлением короля в свои права вокруг него объединились и сторонники Мазарини. В оппозиции остался лишь Конде, демонстративно отсутствовавший на торжественной церемонии провозглашения совершеннолетия монарха. Вскоре попытка королевских войск разоружить приверженцев Конде привела к новой вспышке гражданской войны. Как и прежде, Конде опирался на Бордо, а также на

ряд принадлежавших ему крепостей. Однако число его союзников сократилось: на стороне короля выступили Лонгвиль, герцог Буйонский и Тюренн. К зиме в руках фрондеров остались лишь провинция Гиень да крепость Монрон. Казалось, мятеж вот-вот будет подавлен.

Ситуация резко изменилась с приездом Мазарини во Францию 25 декабря 1651 г. Месяц спустя кардинал прибыл в ставку короля в Пуатье, где был встречен с распростертыми объятиями. Парижский же парламент, ранее осудивший мятеж Конде, теперь объявил вне закона и Мазарини. Война вспыхнула с новой силой. Во главе собранной по распоряжению городских властей Парижа армии был поставлен герцог Гастон Орлеанский. Ему предписывалось сражаться против Мазарини, но не пускать в город и отряды Конде. Однако герцог вступил в тайный союз с Конде и фактически встал на его сторону.

Весной 1652 г. центр военных действий переместился к столице. Тюренн нанес несколько поражений сторонникам Конде, и от полного разгрома тех спасло лишь вторжение по их просьбе на территорию Франции наемной армии лотарингского герцога Карла IV. Мирное население подвергалось самому разнузданному насилию со стороны солдатни всех армий, но мало что могло сравниться со зверствами лотарингцев. Герцог даже хвастался тем, что его воинство, проходя через опустошенные области, за недостатком провианта питалось местными жителями. Лишь в начале июня Тюренн вынудил Карла IV увести его головорезов.

Боевые действия в окрестностях Парижа продолжались. Снабжение столицы продовольствием оказалось нарушено. Жители города страдали от дороговизны, обвиняя во всех бедах Мазарини. Авторитет парламента и городских властей, стремившихся держаться в стороне от Конде, быстро падал, а симпатии городских «низов» к фрондирующим принцам, напротив, росли. В свою очередь, теряя поддержку городской элиты, мятежные гранды активно заигрывали с плебсом. В Париже герцог Орлеанский откровенно попустительствовал нападкам «низов» на городских магистратов, которые неоднократно подвергались оскорблениям и даже прямому насилию. Герцог Бофор даже набрал себе отряд из городских нищих и открыто призывал деклассированные элементы к расправе над действительными и предполагаемыми сторонниками Мазарини. В Бордо летом 1652 г. власть и вовсе перешла в руки плебейского союза «Ормэ», пользовавшегося поддержкой принца Конти.

Оказавшись между двух огней, парламент и городские «верхи» были готовы на примирение с королем, но не могли согласиться с тем, чтобы у власти остался Мазарини. Приняв 16 июня делегацию парламента, Людовик XIV дал ей понять, что Мазарини может быть удален, если мятежные принцы сложат оружие. Однако 25 июня после обсуждения парламентом мирных предложений короля толпа, подстрекаемая сторонниками Конде, устроила беспорядки. В столице воцарилась анархия.

2 июля в ожесточенном сражении у Сент-Антуанских ворот королевская армия под командованием Тюренна нанесла поражение войскам Конде, от полного уничтожения которых спасло лишь то, что сторонники Фронды впустили их в Париж. 4 июля принцы фактически произвели переворот, захватив власть в городе. Когда в Ратуше собрались парижские нотабли, чтобы обсудить мирные предложения короля, принц Конде, герцог Орлеанский и герцог Бофор демонстративно покинули заседание, после чего люмпены и переодетые в штатское солдаты устроили резню именитых горожан, убив сотни человек. Новый муниципалитет возглавил Брюссель, поддерживавший Конде.

Однако популярность фрондеров быстро сходила на нет. Солдаты бесчинствовали, грабили парижан и понемногу дезертировали. Приверженцы различных политических «партий» ссорились между собою.

После того, как король 12 августа дал почетную отставку Мазарини, роялистские настроения в Париже стали преобладающими. 23 сентября Людовик XIV издал прокламацию, приказывая восстановить прежний муниципалитет. В Пале-Руаяле состоялась многолюдная манифестация сторонников короля, поддержанная городским ополчением. Бруссель ушел в отставку. 13 октября Конде бежал во Фландрию к испанцам. 21 октября состоялся торжественный въезд короля в столицу. Всем участникам Фронды, за исключением поименно перечисленных ее лидеров, была дарована амнистия. Парламент зарегистрировал распоряжение короля, запрещающее судейским вмешиваться в государственные дела и финансовые вопросы. 3 февраля 1653 г. к власти вернулся Мазарини.

Последним оплотом фрондеров оставался Бордо. Однако и здесь власть «Ормэ», поддерживавшегося принцем Конти, вызвала недовольство городских «верхов». Конфликты между «партиями» порой выливались в вооруженные столкновения с применением артиллерии. В июле 1653 г. союз «Ормэ» был распущен по требованию городских нотаблей. 3 августа в город вступили королевские войска. Это стало концом Фронды.

«Век Людовика XIV»

Хотя правительству удалось одержать верх над Фрондой, затяжная смута нанесла серьезный ущерб французской монархии как во внешней, так и во внутренней политике. Война с Испанией, уже близкая в 1648 г. к победоносному завершению, затянулась еще на годы. Более того, воспользовавшись гражданской войной во Франции, испанцы перехватили стратегическую инициативу и в 1652 г. перешли в наступление по всем фронтам, захватив Дюнкерк и потеснив французские войска в Каталонии и Северной Италии. Внутри самой Франции следствием смуты стало существенное ослабление центральной власти, что создало благоприятную обстановку для возникновения различного рода оппозиций, движимых узко-корпоративными интересами. Преодоление этих долгосрочных последствий Фронды стало лейтмотивом политики кардинала Мазарини в последние годы его правления (1653–1661).

Ликвидация в 1653 г. последних очагов гражданской войны позволила Мазарини сосредоточить все силы на борьбе с внешним противником. Назначенный в том же году сюринтендантом финансов Николя Фуке сумел завоевать доверие финансистов и получить у них кредиты, необходимые для продолжения войны. Основные боевые действия развернулись в северо-восточных областях Франции. Здесь друг другу противостояли два лучших французских военачальника своего времени: Тюренн, командовавший французскими войсками, и возглавивший испанскую армию принц Конде. Некоторое время борьба шла с переменным успехом. В 1654 г. Тюренн разбил своего соперника при Аррасе, в 1656 г. Конде одержал победу при Валансьене. В 1657 г. Франция заручилась поддержкой Англии, заключив союзный договор с лордом-протектором Кромвелем, и на следующий год английские и французские войска вместе осадили Дюнкерк. Испанская армия под командованием Конде попыталась прорваться на помощь городу, но в жестоком сражении была наголову разгромлена Тюренном. Дюнкерк пал. Испании ничего не оставалось, как признать свое поражение в войне.

Мирные переговоры завершились подписанием в 1659 г. Пиренейского договора. По его условиям, Франция присоединила к себе Артуа и Руссильон, Испания признала власть французского короля над Эльзасом, но Людовик XIV вынужден был, скрепя сердце, даровать амнистию принцу Конде и его сторонникам. Кроме того, в соответствии с соглашением, Людовик XIV вступал в брак с инфантой Марией-Терезией. По испанским

законам, в отличие от французских, женщины могли наследовать престол, а потому мадридский двор, чтобы обезопасить себя на будущее от французских притязаний, обязал Марию-Терезию при вступлении в брак отказаться от прав на испанскую корону. Она так и поступила, однако ее отказ, согласно договору, вступал в силу только после получения супругом ее приданого. Ну а поскольку денег в опустевшей испанской казне на обещанное приданое так и не нашлось, это создало предлог для последующих претензий Бурбонов на испанскую корону.

Внутри страны Мазарини неуклонно укреплял вертикаль центральной власти, серьезно ослабленную за годы смуты. Не решаясь немедленно восстановить институт интендантов, в период Фронды ликвидированный на большей части территории Франции, первый министр делал это постепенно, направляя в провинции королевских комиссаров сначала с разовыми поручениями, потом – на определенный отрезок времени и, уж когда население свыклось с присутствием на местах представителей правительства, – постоянно.

Потребовало времени и «приручение» парламентов, попытавшихся было вновь занять независимую от короны позицию. Мазарини использовал политику кнута и пряника. Наиболее влиятельные члены суверенных судов просто подкупались, по отношению же к упорствующим монархия порою прибегала к демонстрации силы. Так, 20 апреля 1655 г., когда парламент возобновил обсуждение законов, ранее зарегистрированных на королевском заседании, разгневанный Людовик XIV со своими приближенными ворвался в зал и грубо отчитал судейских, нарушив в демонстративно оскорбительной форме традиционную процедуру общения короля с парламентом. Именно тогда в своей жалобе обиженные оффисье и приписали этому монарху фразу, ставшую позднее крылатой, но, в действительности, совершенно несовместимую с правовыми реалиями Старого порядка: «Государство – это я».

Пришлось правительству столкнуться и с оппозицией власти в среде провинциального дворянства. Если во время Фронды его представители собирались в Париже, требуя созыва Генеральных штатов, то с упрочением королевской власти, подобные собрания продолжались уже на местах, приняв конспиративный характер. Особенно широкий размах движение приобрело в Анжу и Нормандии. После того, как король под страхом наказания запретил все несанкционированные сборища, оппозиционеры в начале 1659 г. взяли за оружие. Однако желающих принять участие в восстании оказалось немного, и к концу лета оно было подавлено. Суд приговорил руководителей мятежа к смертной казни.

Имели также место различного рода оппозиционные движения, носившие религиозную окраску. Из них наибольшую опасность для правительства представляла «партия святош». Появившаяся еще в эпоху Ришелье, она включала в себя членов многих влиятельных аристократических семей и группировалась вокруг «Общества святых даров», которое формально ставило себе целью благотворительную деятельность и заботу об исправлении нравов. Однако, в действительности, это общество было центром хорошо законспирированной сети тайных организаций, покрывших практически всю страну. Целью «партии святош» было радикальное изменение государственной политики, придание ей происпанской и проримской направленности, активное проведение в жизнь принципов Контрреформации. «Святоши» осуждали Мазарини за войну с католической Испанией и, особенно, за союз с пуританином Кромвелем. В 1660 г. парламент, по инициативе Мазарини, запретил деятельность любых объединений, не имеющих на нее разрешения короля. Эта мера была направлена прежде всего против «Общества святых даров», хотя формально оно и не называлось. (Король окончательно запретит его в 1665 г.)

В правление Мазарини впервые приобрело широкий размах и движение янсенистов. Последователи теологических взглядов Янсения, епископа города Ипр (Испанские Нидерланды), выступали за укрепление авторитета католической церкви посредством восстановления строгих этических принципов отцов церкви и отказа от «излишне

свободной» иезуитской морали. Они вели активную пропаганду своих идей в печати и через сеть созданных ими школ. В 1653 г. Римский Папа издал буллу, осуждавшую янсенизм. Однако к тому времени под влиянием янсенистских идей находилась уже значительная часть французского духовенства. Равнодушный в принципе к религиозным спорам, Мазарини видел в церкви одну из важнейших опор престола, а потому весьма негативно отнесся к начавшимся внутри нее раздорам между сторонниками янсенистов и иезуитов. Исходя из политических соображений, он предпринял ряд мер против янсенистов, существенно ограничив возможности проведения ими просветительской деятельности и в 1660 г. добился осуждения их доктрины общим собранием французских епископов.

Мазарини, таким образом, в целом удалось успешно преодолеть долгосрочные последствия Фронды. Затянувшаяся война завершилась выгодным миром, оппозиционные движения внутри страны оппозиции были подавлены, власть монарха упрочена.

9 марта 1661 г. кардинал Мазарини скончался.

После смерти Мазарини Людовик XIV не стал назначать ему преемника, заявив, что отныне сам будет своим первым министром. Соответственно, порядок деятельности правительства претерпел существенные изменения: если раньше основные вопросы управления обсуждались на заседаниях Высшего совета, то теперь король отдавал предпочтение индивидуальной работе с государственными секретарями.

Впрочем, первое время реальные возможности молодого монарха править самостоятельно были ограничены тем, что государственные финансы находились вне его личного контроля. Ими безраздельно заведовал сюринтендант финансов Фуке, который, занимая эту должность, составил громадное состояние и приобрел большой политический вес. Ему принадлежали великолепный замок Воле-Виконт в окрестностях Парижа и крепость на острове Бель-Иль, обширные владения в Бретани и хорошо вооруженная флотилия. Обладая фактически государством в государстве, сюринтендант разработал план, согласно которому его многочисленная клиентела в случае его опалы должна была поднять вооруженный мятеж в приморских провинциях. Кроме того, имея больше свободных денежных средств, чем сам король, Фуке тайно выплачивал субсидии крупным военачальникам, влиятельным судебским и наиболее известным литераторам, обеспечивая себе их разностороннюю поддержку. Одним словом, Людовику XIV в его стремлении к подлинному единовластию пришлось столкнуться с весьма серьезным противником.

В течение четырех месяцев король в глубокой тайне готовил низвержение Фуке, в чем ему активно помогал Жан-Батист Кольбер, прежде служивший управляющим у кардинала Мазарини. 5 сентября 1661 г. Фуке был арестован. Король, наконец, реально обрел всю полноту власти. Его правой рукой в осуществлении финансовой политики стал Кольбер, получивший сначала пост интенданта финансов (1661), затем – генерального контролера финансов (1665) и государственного секретаря по делам королевского дома и флота (1669).

Созданная для процесса над Фуке и состоявшая из наиболее влиятельных оффисье Палата правосудия приговорила бывшего сюринтенданта к изгнанию из страны, хотя король добивался смертного приговора. Разгневанный монарх своей властью заменил бывшему сюринтенданту изгнание на пожизненное заточение в крепости. Вместе с тем, суд над Фуке позволил Кольберу обвинить финансистов в многочисленных злоупотреблениях, дав повод приступить к политике «выжимания губок». Палата правосудия принялась изучать кредитные операции финансистов, начиная с 1635 г. Тех, кого признавали виновными в махинациях, она штрафовала. Только в 1661–1665 гг. Палата взыскала штрафов более чем на 117 млн ливров. Кроме того, такими же расследованиями и взиманием штрафов занимались особые правительственные комиссии.

Наконец, крупных вельмож, уличенных в аналогичных злоупотреблениях, штрафовал сам король.

В рамках кампании борьбы с финансовыми злоупотреблениями Кольбер произвел пересмотр условий ранее выпущенных государственных рент. Проценты по многим из них были снижены, часть рент государство выкупило в принудительном порядке, а одну и вовсе аннулировало. Все это позволило значительно сократить государственный долг.

Ревизии подверглась и фискальная политика государства. Существенно снизив процент комиссионных, получаемых откупщиками, Кольбер сумел увеличить размеры поступлений в казну при общем сокращении объема прямых налогов. Так, если в 1661 г. из 42 млн ливров персональной талги в казну попало лишь 16,1 (остальные пошли на комиссионные), то в 1671 г. это соотношение составило 33,8 и 24,6 млн ливров. Откупщикам, многие из которых были привлечены Палатой правосудия к ответственности за финансовые махинации, ничего не оставалось, как согласиться на новые условия сотрудничества с правительством. Решительные меры Кольбера в области финансовой политики позволили сделать государственный бюджет бездефицитным, каковым он и оставался вплоть до начала войны в 1672 г.

С именем Кольбера также связана проводившаяся в те годы государственная политика меркантилизма, французская разновидность которой получила название «кольбертизм». Согласно меркантилистским принципам, богатство страны составляют драгоценные металлы, а потому государство должно поддерживать положительный торговый баланс, обеспечивая приток в страну звонкой монеты. Для решения этой задачи Кольбер предпринял ряд мер, призванных стимулировать развитие торговли: строились новые дороги и каналы, была отменена часть внутренних таможенных сборов, повышались пошлины на импортируемую готовую продукцию и, напротив, понижались на сырье, создавались при поддержке и участии государства крупные монопольные компании для ведения заморской торговли. Чтобы сократить импорт, Кольбер учреждал «королевские мануфактуры», производившие оружие и предметы роскоши. Однако, в конечном счете, результаты этой политики оказались довольно скромными: созданные «сверху» компании и мануфактуры не могли без постоянной помощи государства на равных конкурировать с английскими и голландскими предприятиями, движимыми частной инициативой.

Заботясь о политическом и экономическом укреплении государства, Людовик XIV уделял также немало внимания тому, чтобы придать своей монархии внешний лоск и привлекательность. Этой цели служила государственная политика поддержки литературы, изобразительного искусства и науки, которые, в свою очередь, должны были способствовать формированию позитивного образа королевской власти.

Именно в царствование Людовика XIV были основаны такие, сохранившиеся до наших дней, центры науки и культуры, как Академия надписей и изящной словесности, Академия наук, Академия живописи и скульптуры, Музыкальная академия, Обсерватория, Королевская (ныне – Национальная) библиотека. Что касается уже существовавшей в то время Французской академии, то Людовик XIV лично принял на себя обязанности ее покровителя (ранее им был кардинал Ришелье, потом – канцлер Сегье). По инициативе монарха, Ботанический сад стал государственным учреждением.

Большой любитель литературы, музыки и театра, Людовик XIV собрал при своем дворе целое созвездие талантов: драматург Расин, поэт Буало, композитор Люлли, автор и постановщик комедий Мольер. В произведениях литераторов, художников и скульпторов нашел отражение культ «короля-солнце», как называли Людовика XIV.

Поистине рукотворным чудом стала новая королевская резиденция – Версаль. Здесь, на месте небольшого охотничьего замка, Людовик XIV в 1661 г. приказал создать грандиозный дворцово-парковый ансамбль, который продолжал развиваться на протяжении всего его царствования. Архитекторы Лево, Дорбе и Мансар возвели

огромный дворцовый комплекс, во внутреннем убранстве которого были использованы произведения лучших художников и скульпторов того времени. Продолжением дворца стал созданный Ленотром обширный (около 100 га) парк, украшенный многочисленными фонтанами.

В 1682 г. Людовик XIV, питавший со времен Фронды неприязнь к Парижу, перевел двор в Версаль. Стремясь держать высшую аристократию под присмотром, Людовик XIV обязал ее проводить большую часть года при дворе, где постоянно устраивались балы, спектакли и прочие развлечения. Жизнь рядом с монархом, протекавшая по детально разработанному этикету, рассматривалась дворянством как высшая честь, однако она требовала и больших затрат. Расходы на роскошные платья, украшения, экипажи оказывались разорительными для многих придворных, что ставило их в зависимость от милостей и щедрот короля.

Мирная передышка, последовавшая за окончанием войны с Испанией в 1659 г., позволила французскому правительству приступить к реформе вооруженных сил, направленной на повышение их боеспособности. Под руководством государственного секретаря по военным делам Летелье, а затем Лувуа, его сына и преемника, предпринимались меры по улучшению управляемости войск, укреплению их дисциплины, унификации и модернизации вооружения, установлению четкого порядка назначения и продвижения по службе командного состава. Кольбер занимался строительством военно-морского флота, а выдающийся теоретик и практик военной инженерии Вобан – реконструкцией старых и возведением новых крепостей. Обладая практически лучшей армией в Европе, опытными полководцами и хорошо сбалансированным бюджетом, Людовик XIV приступил к завоеваниям, которые могли бы прославить его царствование и, в тоже время, дать занятие многочисленному и воинственному французскому дворянству.

В 1665 г. умер испанский король Филипп IV. Трон перешел к его малолетнему сыну от второго брака Карлу II. Однако Людовик XIV также предъявил права на часть испанских владений, поскольку неуплата покойным королем приданого Марии-Терезии лишила ее отказ от отцовского наследства юридической силы. В качестве предложения французская сторона воспользовалась существовавшим в ряде областей испанских Нидерландов правом деволуции, согласно которому дети от первого брака имели преимущество в наследовании. Произвольно распространив эту норму частного права на межгосударственные отношения, Людовик XIV потребовал передачи Испанских Нидерландов во владение Марии-Терезии, дочери Филиппа IV от первого брака. Соответственно, начавшаяся в 1667 г. война получила название «деволюционной». Военные действия, решающую роль в руководстве которыми играл Тюренн, развивались успешно для французов. Всего за две недели Вобан правильной осадой взял Лилль, а в начале 1668 г. армия принца Конде оккупировала принадлежавший испанцам Франш-Конте. Однако усиление Франции испугало морские державы – Англию, Голландию и Швецию, которые заключили анти-французский союз. Под угрозой войны с коалицией Людовик XIV вынужден был 2 мая 1668 г. подписать Ахенский мирный договор, по которому из завоеванного смог сохранить за собой лишь ряд стратегически важных крепостей на юге Фландрии, включая Лилль.

Едва ли не на следующий день после заключения мира началась подготовка к новой войне. На сей раз в качестве главного противника была избрана Голландия, которая особенно активно препятствовала присоединению к Франции Испанских Нидерландов. В результате продолжительных переговоров дипломатам Людовика XIV удалось заручиться поддержкой Англии, Швеции и Баварии. В марте 1672 г. англичане объявили Голландии войну, в апреле это же сделали французы. В июне французская армия, с юга обогнув Испанские Нидерланды, форсировала Рейн и вторглась на голландскую территорию. Всего за 22 дня французы захватили сорок городов и уже подходили к Амстердаму, когда голландцы, открыв шлюзы и затопив морской водой обширную территорию, превратили

этот город в неприступный остров. Крепнувшее день ото дня сопротивление оккупантам возглавил принц Оранский, сосредоточивший в результате государственного переворота всю полноту власти в республике. Помимо руководства военными действиями, он предпринимал активные дипломатические демарши по созданию анти-французской коалиции. Его усилия дали свои плоды: в войну против Людовика XIV вступили Испания, германский император и ряд германских государей. К концу 1673 г. французские войска оказались вынуждены покинуть Голландию.

В 1674 г. Англия заключила сепаратный мир. Франция в борьбе против мощной коалиции могла теперь рассчитывать лишь на помощь Швеции. Весной армия под командованием Людовика XIV, которому помогал Вобан, заняла Франш-Конте. Однако из прирейнских областей французские войска под напором превосходящих сил неприятеля вынуждены были отступить. Уходя из Пфальца, они применили принцип «выжженной земли», разоряя мирные поселения и убивая их жителей.

Несмотря на численное превосходство неприятеля, французам во второй половине 1674 г. все же удалось перехватить инициативу. В августе принц Конде при Сенеффе (Французская Фландрия) разгромил союзную армию принца Оранского, двигавшуюся на Париж. Осенью и зимой Тюренн разбил противника в Эльзасе. Впрочем, уже в следующем году Франция лишилась обоих своих лучших полководцев. В июне 1675 г. Тюренн был убит шальным ядром. Принц Конде, принявший после его смерти командование армией в Эльзасе, сумел к осени остановить неприятеля, после чего удалился от дел, уединившись в своем замке. Тем не менее, в дальнейшем боевые действия складывались для французов благоприятно. Они заняли ряд городов в Испанских Нидерландах, а молодой французский флот одержал в Средиземном море победы на испанской и голландской эскадрами.

По Нимвегенскому миру, заключенному в 1678 г., Франция получила Франш-Конте и ряд городов Испанских Нидерландов. Этот договор стал высшим достижением внешней политики Людовика XIV, которого с этого времени стали именовать Великим.

Если в начале единоличного правления Людовика XIV в центре его внимания находились, прежде всего, организация государственного управления, финансы и военное дело, то с 80-х годов XVII в. все большее значение для него приобретают вопросы религии. Политика короля в этой области шла в русле общего курса на административную централизацию государства. Видя в католической церкви важнейшую опору трона, Людовик XIV считал, что любое разномыслие в религиозных вопросах, будь то протестантизм или янсенизм, ослабляет государство, а потому должно быть пресечено.

Кроме общеполитических соображений, возросший с годами интерес Людовика XIV к религии был обусловлен переменами в его личном мировосприятии. В молодости «король-солнце» достаточно вольно обращался с нормами традиционной морали, практикуя многочисленные внебрачные связи. Результатом его долголетнего адюльтера с герцогиней Лавальер было рождение четырех бастардов, с маркизой Монтеспан – восьми. Половина из этих побочных детей умерли в младенческом возрасте, остальных же король официально признал, приравняв к принцам крови. Однако с приближением старости Людовик XIV стал терзаться раскаянием за грехи молодости. После смерти в 1683 г. королевы Марии-Терезии он покончил с адюльтерами и заключил тайный брак со своей последней фавориткой маркизой Ментенон. Пышные празднества в Версале сменились молитвами и постами. Стремясь заслужить посмертное прощение, король усилил борьбу с «еретиками».

Политику постепенного принуждения гугенотов к принятию католичества посредством экономического давления и юридических ограничений правительство целенаправленно проводило еще с середины 60-х годов XVII в. Протестантов не принимали на государственную службу, запрещали им вступать в браки с католиками, хоронить своих покойников в дневное время и т. д. Зато те из них, кто переходил в католичество,

получали денежные субсидии и налоговые льготы. Однако с 80-х годов действия властей по отношению к гугенотам приобрели характер откровенного насилия. Военный министр Лувуа, ставший после смерти Кольбера в 1683 г. наиболее влиятельным членом правительства, использовал для обращения протестантов армию. В протестантских селениях на постой ставились драгуны, чинившие разнузданный произвол и насилие над местными жителями. Те, кто принял католичество, освобождались от такого постоя. Подобные «драгонады» получили столь печальную известность, что при одном только слухе о приближении «миссионеров в сапогах» население некоторых местностей в массовом порядке переходило в католическую веру.

Своего апогея религиозные гонения достигли после издания королем 17 октября 1685 г. эдикта Фонтенбло, отменявшего Нантский эдикт Генриха IV. Отныне протестантам вообще запрещалось исповедовать их веру. Тех, кто посещал тайные богослужения, отправляли на галеры, тем же, кто их совершал, грозила смертная казнь. Столь жестокие преследования вызвали массовую эмиграцию французских протестантов. Только с 1680 по 1700 г. страну покинуло от 150 до 200 тыс. человек, многие из которых были преуспевающими коммерсантами, искусными ремесленниками, опытными военными. Большинство из них поселилось в Англии, Голландии, протестантских государствах Германии, существенно усилив их экономический и военный потенциал. Часть оставшихся во Франции протестантов приняла католичество, часть продолжала тайно исповедовать свою религию.

В 1702 г. лангедокские гугеноты подняли восстание, участников которого прозвали «камизарами» (от «camisa» – белая рубашка, форма повстанцев). Скрываясь в труднодоступном скалистом массиве Севенны, камизары вели успешную партизанскую войну против королевских войск, нанося им значительный урон. Только в 1704 г. маршал Виллар, умело сочетая военные действия и переговоры, сумел положить конец движению. В дальнейшем власти воздерживались от насильственного обращения в католицизм жителей этого региона и сквозь пальцы смотрели на сохранявшиеся здесь остатки протестантизма.

В последние годы своего правления Людовик XIV предпринял решительные меры и против янсенизма. Плохо разбиравшийся в теологических вопросах и в конце жизни находившийся под сильным духовным влиянием иезуитов, старый король считал янсенизм такой же «ересью», как и протестантизм. В 1709 г. по распоряжению монарха был закрыт, а в следующем году разрушен знаменитый монастырь Пор-Рояль, главный духовный центр янсенизма. В 1713 г. Римский Папа по просьбе Людовика XIV издал буллу *Unigenitus*, осуждающую янсенизм. Однако этот акт был весьма негативно встречен значительной частью населения Франции, причем не только янсенистами, чье влияние к тому времени распространилось уже на широкие слои общества, но и всеми приверженцами галликанизма, поскольку подобное обращение к Папе, по их мнению, ставило французского короля в недопустимую зависимость от Рима.

Стремясь к укреплению государства путем установления религиозного единства нации, Людовик XIV, в действительности, дал толчок религиозным и политическим спорам, которые будут раздирать и ослаблять французскую монархию на протяжении всего XVIII в.

После заключения Нимвегенского мира Людовик XIV продолжал политику территориального расширения Франции, но уже не военными, а правовыми средствами. Специально созданные палаты юристов тщательно исследовали нормы феодального права, относящиеся к сопредельным с Францией землям. Если оказывалось, что какое-либо из княжеств некогда находилось в вассальной зависимости от сюзерена, чьи владения и, соответственно, феодальные права перешли позднее к французскому королю, эту территорию присоединяли к Франции. Кульминацией подобной мирной экспансии стала аннексия в 1681 г. Страсбурга.

Попытка Людовика XIV в 1683 г. аналогичным путем присоединить Люксембург заставила испанцев объявить Франции войну. Силы, однако, были неравны. Французы имели подавляющий перевес на суше, а их флот господствовал в Средиземном море. Австрийский же император не мог оказать Испании действенную помощь, так как в тот момент сражался с турками, дошедшими до самой Вены. В 1684 г. Франция заключила в Регенсбурге на 20 лет перемирие с Испанией и императором, сохранив на этот раз все присоединенные территории.

Однако новый конфликт вспыхнул гораздо раньше. В 1685 г. умер курфюрст Пфальца, не оставивший наследника. Его сестра была женой Филиппа Орлеанского, брата Людовика XIV, что дало французскому королю повод предъявить права на пфальцское наследство. Чтобы противостоять французской экспансии, в 1686 г. была создана оборонительная Аугсбургская лига, куда вошли Империя, Испания, Швеция, Голландия и ряд германских государств. А после того, как в результате Славной революции 1688 г. голландский штатгальтер Вильгельм Оранский стал также и английским королем, к Лиге присоединилась Англия.

Осенью 1688 г., воспользовавшись тем, что его наиболее опасный противник, Вильгельм Оранский, занят борьбой за английский престол, Людовик XIV двинул свою армию в Пфальц. Участники Аугсбургской лиги объявили Франции войну. Пытаясь запугать неприятеля, Лувуа приказал войскам применить в Пфальце тактику «выжженной земли», что, однако, привело к противоположному результату: германские государи, возмущенные бесчинствами французов, теснее сплотились вокруг императора. Франция оказалась в полной политической изоляции. Значительно уступая объединенным силам коалиции в численности войск, Людовик XIV и его министры приняли решение придерживаться оборонительной стратегии на суше и оказать помощь свергнутому английскому королю Якову II Стюарту в борьбе против Вильгельма Оранского.

В 1689 г. Яков II при содействии французского флота и войск высадился со своими сторонниками в Ирландии, где был поддержан католическим населением. Однако в 1690 г. Вильгельм нанес ему сокрушительное поражение, заставив бежать во Францию. Впрочем, на других фронтах успех был на стороне французов. Герцог Люксембургский разбил под Флерюсом голландско-имперскую армию, обезопасив Париж с северо-востока. Французский флот у мыса Бевезье одержал победу над английским. И даже вступление в войну на стороне коалиции Савойи привело лишь к ее оккупацию французскими войсками.

Новые решительные попытки переломить ситуацию были предприняты сторонами в 1692 г. Объединенные силы всех французских эскадр должны были обеспечить высадку на южном побережье Англии Якова II. Однако Средиземноморская эскадра не успела подойти к назначенному времени, и в морском сражении при Барфлере более чем двукратное численное преимущество оказалось на стороне англо-голландского флота. Французские моряки храбро сражались, но потерпели поражение, потеряв при отступлении 15 кораблей. От планов высадки пришлось отказаться. Впрочем, попытка Вильгельма Оранского перехватить инициативу на континенте завершилась поражением объединенных сил англичан, голландцев, испанцев и немцев при Стейнкерке, которое им нанес герцог Люксембургский.

Война приняла затяжной характер и велась обеими сторонами в расчете на изнурение неприятеля. 1693 и 1694 гг. выдались во Франции неурожайными. Начался голод. В этой обстановке особая ответственность легла на военно-морской флот, который занимался сопровождением транспортных судов с зерном, закупленным в Польше, и перехватом продовольственных конвоев противника. С обеими задачами ему в целом удалось справиться. В то же время французские корсары нанесли серьезный ущерб торговому судоходству морских держав. Акции английских и голландских компаний все больше падали в цене.

От войны устали все. В 1696 г. Савойя заключила с Францией сепаратный мир на почетных условиях, а в начале 1697 г. при шведском посредничестве начал работу мирный конгресс в Рисвике. Осенью стороны подписали мирный договор, по которому Франции из всех территориальных присоединений мирного времени удалось сохранить лишь Страсбург, но и то при условии, что будет снесена мощная крепость, построенная там Вобаном. Кроме того, Людовику XIV пришлось признать права Вильгельма Оранского на английский престол.

Сразу после заключения Рисвикского мира великие державы начали сложные дипломатические маневры в ожидании скорой кончины тяжело больного и бездетного испанского короля Карла II. Наследников по мужской линии он не имел, но поскольку законы Испании допускали наследование короны и по женской линии, наибольшие права на трон имели внук Людовика XIV герцог Филипп Анжуйский и австрийский эрцгерцог Карл. Чтобы избежать новой войны и мирным путем урегулировать проблему испанского наследства, Людовик XIV предложил другим державам заранее договориться о его разделе. В марте 1700 г. Франция подписала такое соглашение с Англией и Голландией. Однако Карл II, не желая, чтобы Испанское королевство подверглось после его смерти разделу, завещал корону Филиппу Анжуйскому и 1 ноября скончался.

После нескольких дней напряженного обсуждения сложившейся ситуации со своими министрами Людовик XIV заявил о том, что его внук принимает наследство и становится испанским королем Филиппом V, сохраняя права и на французскую корону. Ведущие державы Европы начали готовиться к войне. Уже в 1701 г. имперская армия под командованием одного из лучших полководцев того времени принца Евгения Савойского вторглась без объявления войны в Северную Италию. 7 сентября 1701 г. император, Англия и Голландия подписали договор о союзе, а 15 мая 1702 г. официально объявили войну Франции и Испании. На стороне бурбонских монархий сначала выступили Савойя и Португалия, но затем обе покинули коалицию и некоторое время спустя перешли на сторону противника.

Первое время боевые действия развивались с переменным успехом. В Италии франко-испанская армия под командованием герцога Вандомского успешно противостояла Евгению Савойскому и одержала над имперскими войсками ряд побед. Зато в Испанских Нидерландах французы вынуждены были отступить под натиском коалиционной армии герцога Мальборо, а у берегов Испании англо-голландский флот нанес поражение испанской эскадре при Виго (23 октября 1702 г.). В 1704 г. англичане захватили Гибралтар. На западном направлении маршал Виллар успешно вторгся в пределы Империи и 20 сентября 1703 г. разбил неприятеля при Хехштедте, но затем был отозван во Францию для подавления восстания камизаров, после чего в августе 1704 г. Мальборо и Евгений Савойский при том же Хехштедте нанесли французской армии сокрушительное поражение.

Год 1706 оказался для Франции роковым. 23 мая в Испанских Нидерландах Мальборо при Рамийи наголову разгромил французскую армию. Чтобы удержать фронт на северо-востоке, Людовик XIV направил туда герцога Вандомского. Но после отъезда того из Италии Евгений Савойский 7 сентября нанес жестокое поражение французской армии у Турина. В Испании эрцгерцог Карл вошел в Мадрид, где его провозгласили испанским королем Карлом III. Правда, вскоре он был изгнан оттуда Филиппом V, а в следующем году разбит французскими войсками под командованием маршала Бервика, побочного сына Якова II Стюарта.

В 1707 г. австрийские войска заняли принадлежавший Испании Неаполь, а Евгений Савойский даже пытался взять Тулон. В 1708 г. французов вновь преследовали неудачи. 11 июля Мальборо и Евгений Савойский в Нидерландах при Ауденарде нанесли поражение герцогу Вандомскому. Мальборо хотел идти маршем на Париж, но Евгений Савойский настоял на осаде Лилля, которая продлилась до декабря.

Зимой 1709 г. ударили страшные морозы. Только в Париже за один лишь январь от холода умерло более 24 тыс. человек.

В большинстве областей вымерзли озимые, погибло много скота и домашней птицы. Резко выросли цены на продовольствие, начался голод. Военные неудачи и природные катаклизмы вынудили Людовика XIV весной 1709 г. предложить противнику огромные уступки в обмен на мир. Франция соглашалась вернуться к условиям Мюнстерского договора 1648 г. и отказаться от испанского наследства, сохранив лишь Неаполь в качестве компенсации для Филиппа V. Однако союзники, опьяненные победами, потребовали от французского короля невыполнимого – послать свою армию, чтобы помочь им силой сместить его внука с испанского престола. На такое унижение Людовик XIV пойти не мог.

12 июня «король-солнце» совершил беспрецедентный шаг, напрямую обратившись к своему народу. По всей стране было разослано письмо короля, где он откровенно объяснял подданным, почему оказались сорваны мирные переговоры. Обращение Людовика XIV произвело сильное впечатление на французов, высоко подняв боевой дух нации. 11 сентября у Мальплаке (Фландрия) 70-тысячная французская армия Виллара встретилась со 110-тысячной союзной армией Мальборо и Евгения Савойского. Несмотря на численное превосходство неприятеля, французы оказали ожесточенное сопротивление. Лишь к вечеру, после того, как был ранен Виллар, они отступили, чтобы занять позицию для нового сражения. Однако потери армии союзников были столь велики, что она не смогла продолжать наступление.

В 1710 г. стратегическая ситуация начинает понемногу меняться в пользу Франции. В Англии к власти пришло правительство тори, настроенных в пользу скорейшего заключения мира. Лидер вигов герцог Мальборо был отстранен от командования.

В Испании герцог Вандомский в течение одной декабрьской недели 1710 г. одержал две сокрушительные победы над армиями коалиции, что окончательно упрочило положение Филиппа V. В октябре 1711 г. Англия и Франция подписали прелиминарии мирного договора, а в начале 1712 г. открылся мирный конгресс в Утрехте. Военные действия, однако, продолжались, и 24 июля маршал Виллар под Дененом захватил врасплох и разгромил часть армии Евгения Савойского. Успех французского оружия облегчил работу французских дипломатов. 11 апреля 1713 г. Франция заключила Утрехтский мир со всеми своими противниками, кроме Империи. По этому договору Людовик XIV уступил ряд крепостей во Фландрии и Ньюфаундленд в Америке. Зато Филипп V сохранил испанскую корону, хотя и был вынужден отказаться от прав на французскую.

Война с Империей продолжалась еще год и завершилась лишь 6 марта 1714 г. подписанием Раштаттского мира. Франция удержала Эльзас со Страсбургом, но потеряла ряд крепостей на правом берегу Рейна. Император отказался от прав на испанскую корону, получив в качестве компенсации Нидерланды, Неаполь, Сардинию и Тоскану.

Таким образом, несмотря на крайне неудачный ход войны, Людовику XIV удалось с минимальными издержками выйти из затруднений. Бурбоны все же воцарились на испанском троне, а Франция избежала серьезных территориальных потерь. Однако страна была настолько ослаблена этой войной, что о французской гегемонии в Европе больше не могло идти и речи.

1 сентября 1715 г. Людовик XIV скончался.

«Век Людовика XV»

После смерти Людовика XIV в 1715 г. корона перешла к его пятилетнему правнуку Людовику XV. До совершеннолетия юного монарха обязанности регента, согласно традиции, предстояло исполнять его ближайшему родственнику – герцогу Филиппу Орлеанскому, который был племянником Людовика XIV и мужем его побочной дочери. Впрочем, при жизни «король-солнце» относился к будущему регенту с большим подозрением. Обладая несомненными способностями государственного мужа и военачальника, проявленными, в частности, во время Войны за испанское наследство, Филипп Орлеанский своим равнодушием к делам религии и любовью к мирским наслаждениям являл собою полную противоположность Людовику XIV, отличавшемуся на склоне лет истовой набожностью и аскетизмом. В своем завещании старый король постарался ограничить полномочия регента, поручив воспитание и охрану Людовика XV своему побочному сыну герцогу Мэну. Однако Филипп Орлеанский, вступая в должность, сумел заручиться поддержкой Парижского парламента, который, изменив завещание короля, наделил регента всей полнотой власти. В качестве ответной услуги парламент вновь получил право ремонстраций, фактически сведенное на нет предыдущим монархом.

После смерти «короля-солнце» его преемнику досталось незавидное наследство – огромный государственный долг, пустая казна, недовольство подданных непомерными налогами, религиозные разногласия в обществе, внешнеполитическая изоляция. Все эти проблемы и пришлось решать правительству Регентства, что в целом ему достаточно неплохо удалось.

При Филиппе Орлеанском двор покинул Версаль и перебрался в Париж, приблизившись к народу, который мог отныне едва ли не ежедневно лицезреть юного короля. Были снижены налоги. Религиозные преследования прекратились. Суровое благочестие последних лет царствования Людовика XIV сменилось модой на веселые праздники и галантные нравы, что пришлось французам гораздо больше по вкусу. Все это способствовало росту популярности новой власти.

Правительству удалось также существенно оздоровить финансы. В результате проведенной в 1715 г. перерегистрации находившихся в обороте ценных бумаг, часть которых была девальвирована, а наиболее сомнительные и вовсе аннулированы, значительно уменьшились выплаты по государственному долгу. Созданная в 1717 г. Палата правосудия «выжимала губки», штрафуя финансистов за злоупотребления предшествовавших лет. Сократились государственные расходы.

Наиболее радикальные меры в сфере денежного обращения были связаны с именем Джона Лоу. Этот перешедший на французскую службу шотландский банкир увлек Филиппа Орлеанского грандиозными проектами финансовых реформ и получил поддержку регента в их осуществлении. В 1716 г. Лоу основал банк с правом выпуска кредитных билетов, который в 1718 г. получил статус государственного. В 1717 г. Лоу создал и возглавил Западную компанию, имевшую целью освоение Луизианы. Поглотив ряд других монополий, эта компания в 1718 г. стала называться Индийской и получила огромные привилегии. Ее акции многократно подскочили в цене. Общество охватила

спекулятивная лихорадка, подогреваемая быстрым увеличением денежной массы за счет введения в оборот бумажных денег. Началась инфляция, от которой выигрывало не только правительство, чьи долги в реальном измерении сокращались, но и производители, поскольку кредит дешевел, а цены на товары росли. Экономика вышла из кризиса и находилась на подъеме.

Во внешней политике правительство регента также достигло заметных успехов, выведя страну из той изоляции, в которой она оказалась по вине Людовика XIV. В 1717 г. аббат Дюбуа, руководивший французской дипломатией, добился заключения Тройственного союза в составе Англии, Голландии и Франции, который в 1718 г. с присоединением к нему Австрии превратился в Четверной союз. Это вызвало обострение отношений с Испанией, находившейся с Австрией в состоянии войны. Испанский король Филипп V, внук Людовика XIV, попытался задействовать своих сторонников во Франции, чтобы изменить ее внешнеполитический курс. В конце 1718 г. в Париже был разоблачен заговор, организованный испанским послом Селламаром. Участвовавший в нем герцог Мэн был отправлен в крепость, его жена – в ссылку, а маркиз Понткалле – на эшафот. В январе 1719 г. Франция объявила Испании войну. Французская армия маршала Бервика и английский флот быстро разгромили испанцев, и уже год спустя был заключен мир. В 1721 г. на смену Четверному союзу пришел новый альянс – Англия, Франция и Испания. Договор о его создании предусматривал брак Людовика XV с испанской инфантой, что должно было укрепить отношения между родственными династиями.

Пожалуй, только в религиозной сфере усилия регента по разрешению проблем, накопившихся в предыдущее царствование, с самого начала столкнулись с непреодолимыми преградами. Равнодушный к религиозным спорам, Филипп Орлеанский попытался снизить их накал, придерживаясь нейтралитета по отношению к участвовавшим в них сторонам. Янсенистов даже включили в состав Королевского совета. Однако полемика не только не ослабела, а еще более ожесточилась. В 1717 г. Сорбонна отвергла папскую буллу *Unigenitus*, направленную против янсенистов. Протесты против буллы поддержали и парламенты, поскольку среди оффисье было особенно много янсенистов. Это привело к обострению отношений с Папой, и с 1720 г. регент занял по отношению к янсенистам достаточно жесткую позицию.

Год 1720 в целом оказался для регентства кризисным. Спекулятивный ажиотаж, порожденный «системой Лоу», вышел из-под контроля государства. Индийская компания, чьи акции шли на рынке по цене в 40 раз (!) превышавшей номинал, не принесла ожидаемой прибыли и превратилась в «финансовую пирамиду». Летом 1720 г. наступил крах. Государство фактически признало свое банкротство. Протестовавший против этого решения Парижский парламент был отправлен в ссылку. Толпы акционеров, потерявших вложенные деньги, устраивали на улицах беспорядки. Лоу вынужден был тайком бежать из страны. В 1722 г. двор опять перебрался в Версаль подальше от беспокойного Парижа.

16 февраля 1723 г. было объявлено о совершеннолетию Людовика XV. 2 декабря герцог Орлеанский умер.

После смерти Филиппа Орлеанского юный король хотел видеть в должности первого министра своего бывшего наставника, кардинала Флери. Однако претензии на этот пост предъявил первый принц крови Бурбон-Конде. Кардиналу пришлось уступить ему руководство правительством.

Впрочем, правление герцога Бурбона оказалось недолгим и было отмечено рядом серьезных стратегических ошибок. Опасаясь, что в случае возможной смерти бездетного Людовика XV корона перейдет к конкурировавшей с кланом Конде Орлеанской ветви, первый министр решил ускорить вступление короля в брак. Ну а поскольку испанская инфанта, на которой тот должен был жениться, была еще слишком юна, ее отослали обратно в Мадрид, чем смертельно оскорбили испанского короля. Он разорвал отношения с Францией и начал сближение с ее соперником Австрией. Кроме того, среди всех

коронованных невест Европы герцог Бурбон выбрал едва ли не наименее родовитую – Марию Лещинскую, дочь бывшего польского короля. Ее отец Станислав Лещинский был возведен на польский трон шведским королем Карлом XII, но после Полтавской битвы уступил корону саксонцу Августу II, союзнику Петра I. Таким образом, французской королевой стала дочь не наследного, а выборного и к тому же свергнутого монарха, что вызвало недовольство общественного мнения Франции. И, наконец, угроза войны с Испанией побудила правительство на крайне непопулярную меру – введение нового прямого налога, после чего репутация первого министра была окончательно подорвана. В июне 1726 г. Людовик XV заявил, как некогда его предшественник, что сам будет своим первым министром и лишил герцога Бурбона этого поста. Фактическим же руководителем правительства стал 73-летний кардинал Флери.

Успешную карьеру – от простого каноника до кардинала – сын сборщика налогов Флери сделал, благодаря своим незаурядным способностям. Мудрый политик, тонкий дипломат, человек просвещенного ума и блестящего образования, член Французской академии, он обладал удивительной работоспособностью и, несмотря на почтенный возраст, твердо держал бразды правления государством в течение почти 17 лет. Лейтмотивом его политической деятельности было стремление гасить конфликты внутри страны и, насколько возможно, избегать их в межгосударственных отношениях.

Наиболее острой внутривнутриполитической проблемой по-прежнему оставалась религиозная. Флери усилил нажим на янсенистов, начатый еще в период Регентства. Он добился признания буллы *Unigenitus* всеми французскими епископами и Сорбонной, лишив тем самым янсенистов опоры в высшей церковной иерархии. Главным политическим оплотом янсенизма оставались парламенты, и Флери повел наступление против них. В 1730 г. правительство принудило Парижский парламент зарегистрировать буллу *Unigenitus* на королевском заседании. Однако борьба не прекратилась. Страна оказалась наводнена множеством янсенистских памфлетов, направленных против папы и приверженцев ультрамонтанства (от латинского *ultra montes* – за горами, т. е. в Риме). Авторы этих сочинений ставили под сомнение право светских властей вмешиваться в религиозные споры. Правительство преследовало издателей и распространителей оппозиционной литературы, парламент, напротив, брал их под защиту и, в свою очередь, постановлял сжигать наиболее радикальные ультрамонтанские памфлеты. Дискуссия наносила серьезный ущерб авторитету короля и церкви. Лишь в 1733 г. Флери, применив самые решительные меры воздействия на парламент – от ограничения права ремонстраций до ссылки наиболее несговорчивых оффисье, заставил его прекратить открытую поддержку янсенистов.

В сфере финансового управления правительство Флери добилось обеспечения стабильных поступлений, передав сбор основных косвенных налогов компании из сорока генеральных откупщиков, которые за это обязывались ежегодно вносить в казну фиксированную сумму. Разумеется, как и любые откупа, подобная система не была свободна от злоупотреблений, однако, по сравнению с предшествующим временем, это был важный шаг к созданию унифицированной системы сбора налогов.

Большое внимание Флери уделял развитию путей сообщения. Правительство установило для податного населения специальную повинность – корве, по которой каждый мужчина должен был шесть дней в году отработать на дорожном строительстве. Для подготовки соответствующих инженерных кадров была создана Школа дорог и мостов. По инициативе и при поддержке государства проводились обширные картографические исследования. Для установления точных размеров Земли были организованы научные экспедиции к экватору и в Лапландию.

Во внешней политике кардинал Флери преследовал традиционную для французской дипломатии двух предшествующих столетий цель – ограничение влияния австрийских Габсбургов. Путем сложных маневров он сумел расстроить союз Австрии с Испанией и

подготовить почву для сближения с последней. В 1733 г. Франция и Испания заключили «фамильный пакт» и вместе выступили против России и Австрии в Войне за польское наследство. Поддержав претензии своего тестя Станислава Лещинского на польскую корону, Людовик XV двинул в Германию и в Италию войска под командованием восьмидесятилетних полководцев «короля-солнца» маршалов Бервика и Вилара. Армия первого захватила крепость Филиппбург, но сам маршал погиб при осаде. Вилар взял Милан, где и умер от старости. Впрочем, исход войны решился в Польше. Там русские войска разгромили сторонников Станислава Лещинского, после чего польская корона досталась союзнику России и Австрии саксонцу Августу III. По заключенному в 1735 г. мирному договору, Станислав отрекся от польского престола и получил в качестве компенсации Лотарингию, которая после его смерти должна была перейти к французской короне. Таким образом, хотя Франция и не достигла главной цели, ради которой вступила в войну, в целом итог для нее оказался достаточно благоприятным.

В октябре 1740 г. умер австрийский император Карл VI. Еще при жизни он получил согласие ведущих европейских держав на то, чтобы его наследницей стала дочь Мария-Терезия. Однако после смерти императора некоторые из соседей поспешили воспользоваться ослаблением Австрии. Уже в декабре прусский король Фридрих II аннексировал принадлежавшую ей Силезию.

При французском дворе мнения о том, какую позицию следует занять в начавшемся конфликте, разделились. Кардинал Флери был против прямого вмешательства в германские дела, но симпатии Людовика XV оказались на стороне тех, кто предлагал ему воспользоваться благоприятной ситуацией для возведения на императорский престол своего родственника и союзника, баварского курфюрста Карла-Альберта. Во главе этой партии стоял внук знаменитого Фуке, маршал Бель-Иль. Именно ему король поручил подписание в июне 1741 г. союзного договора с Пруссией.

На первом этапе войны Франция формально в ней не участвовала, а лишь предоставила баварскому курфюрсту вспомогательный корпус. Французско-баварская армия вторглась в Чехию и в ноябре 1741 г. заняла Прагу. 24 января 1742 г. имперский сейм избрал Карла-Альберта императором под именем Карла VII. Однако уже в феврале австрийские войска захватили столицу Баварии Мюнхен. Фридрих II вступил в тайные переговоры с Марией-Терезией и фактически предал своих союзников. В результате, к концу 1742 г. французская армия оказалась блокирована в Праге, и только благодаря решительности маршала Бель-Иля сумела в тяжелых зимних условиях выйти из окружения. Но в 1743 г. положение Франции еще больше осложнилось. 29 января умер кардинал Флери. В июне высадившаяся в Австрийских Нидерландах английская армия под командованием Георга II нанесла французам жестокое поражение.

В 1744 г. Франция официально объявила войну Англии и Австрии. Правительство предприняло энергичные меры по реорганизации вооруженных сил и повышению их боеспособности. Во главе армии был поставлен маршал Мориц Саксонский. Находившийся на французской службе с 1720 г. этот побочный сын Августа II, польского короля и саксонского курфюрста, уже имел к тому времени славу опытного полководца и крупного теоретика военного искусства. С его назначением инициатива на главном театре военных действий – в Нидерландах – окончательно перешла к французам. В апреле 1745 г. Мориц Саксонский наголову разгромил англичан при Фонтенуа, в 1746 г. нанес поражение австрийцам и занял Брюссель, а в 1747 г. разбил англичан у Маастрихта и в 1748 г. взял этот важный город.

Правда, на других фронтах события складывались неблагоприятно для Франции. В последние дни 1745 г. англичане нанесли удар по Дюнkerку, сорвав готовившийся французами бросок через Ла-Манш. Потерпела крах и организованная Францией высадка в Шотландии принца Стюарта, претендента на английский престол. В Северной Америке неожиданный рейд английского отряда привел к падению стратегически важной

французской крепости Луисбург. Австрийские же войска не только выбили французов из Италии, но и вторглись в Прованс, откуда их с большим трудом вытеснил маршал Бель-Иль.

Один за другим отпадали и союзники. После смерти в 1745 г. Карла VII его сын отказался от претензий на императорскую корону и на сейме поддержал кандидатуру мужа Марии-Терезии, ставшего императором под именем Франца I. Прусский король Фридрих II также пошел на сепаратное соглашение с Австрией.

В 1748 г. участвовавшие в войне страны заключили в Аахене мирный договор, ставший крупным провалом французской дипломатии. Франция отказалась от всех своих завоеваний в Нидерландах, полностью оккупированных армией Морица Саксонского, и в Индии, где губернатор Дюпле одержал над англичанами ряд побед. Взамен она получила лишь восстановление статус-кво в Северной Америке. Зато Фридрих II, не раз предававший союзников-французов, благополучно удержал за собой аннексированную Силезию. Французское общество, обнаружив, что Франция «воевала для прусского короля», крайне негативно восприняло Аахенский договор. Огромные материальные и людские ресурсы оказались потрачены напрасно. Появилась даже поговорка «глуп, как мир».

В определенном смысле Война за австрийское наследство стала поворотным пунктом царствования Людовика XV. Она привела к резкому падению популярности правительства и к росту государственного долга, во многом сведя на нет усилия по нормализации финансов, предпринимавшиеся ранее Филиппом Орлеанским и Флери. Обе эти негативные тенденции получают развитие в последующие годы: престиж власти будет и дальше падать, государственный долг – увеличиваться.

Годы 1747 и 1748 выдались неурожайными. Высокие цены на продовольствие вызвали социальное напряжение, искавшее выхода. Недовольство Аахенским миром еще больше усилило оппозиционные настроения в широких слоях общества, ждавших только предлога, чтобы придти в движение. Таким предлогом стали вновь вспыхнувшие распри между епископатам католической церкви и янсенистами.

После того, как парижский архиепископ запретил причащать тех прихожан, кто не мог предъявить свидетельство об исповеди за подписью священника, признающего буллу Unigenitus, похороны людей, лишенных последнего причастия за свои янсенистские убеждения, стали выливаться в многотысячные демонстрации. В защиту янсенистов выступили также парламенты, которые начали привлекать к суду священнослужителей, отказывавших верующим в причастии. Между епископатам и парламентами разгорелась настоящая «война деклараций». Даже такой, казалось бы, сугубо частный вопрос, как реформа системы общественных госпиталей, находившихся в ведении церкви, выливался в затяжной юридический конфликт с ярко выраженным политическим подтекстом. В 1752 г. парламент даже попытался отдать под суд самого парижского архиепископа.

Власти старались удерживать обе стороны от крайностей, однако чаще все же брали под защиту церковь. Это создало в народе парламентам репутацию борцов против «тирании» правительства и епископата. Городские «низы» плохо разбирались в теологических и юридических тонкостях дебатов и думали, будто парламенты защищают интересы бедняков. Чувствуя широкую поддержку общественного мнения, оффисье предъявляли все более далеко идущие претензии на участие в управлении. Они утверждали, что суды королевства являются частями единой политической корпорации, которая служит главным хранителем законности. Отказы парламентов в регистрации постановлений Королевского совета стали постоянной практикой. В своих ремонстрациях, издаваемых нередко по достаточно частным вопросам, суверенные суды критиковали действия светской власти и церкви в целом. Попытки правительства применить традиционные способы давления на судейских должностных лиц – от ареста наиболее строптивых из них до высылки в провинцию парламента в целом – вызывали негативную реакцию

общественного мнения, после чего министры шли на попятную. Власть не имела политической воли, чтобы довести до конца принимаемые решения, а бесконечные метания из стороны в сторону лишь подрывали ее авторитет.

40-50-е годы XVIII в. стали также временем расцвета рационалистической философии Просвещения. В 1746 г. Дидро опубликовал свои «Философские мысли», в 1748 г. вышел трактат Монтескье «О духе законов», в 1749 г. – первый том «Естественной истории» Бюффона, в 1750 г. – «Рассуждение о науках и искусствах» Руссо и «Век Людовика XIV» Вольтера, в 1751 г. – первый том «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, в 1755 г. – «Рассуждение о происхождении неравенства» Руссо и «Экономическая таблица» Кенэ. Эти и другие сочинения просветителей подрывали основы христианского мировоззрения, ставили под сомнение «разумность» реально существовавших государственных институтов. И хотя произведения представителей философии «высокого Просвещения» оставались преимущественно достоянием образованной элиты, множество мелких памфлетистов занимались популяризацией высказанных в них критических идей, нелегально издавая для широкой публики грошовые анти-правительственные и анти-церковные брошюры. Время от времени подобные сочинения осуждались как церковью, так и парламентом, однако это лишь возбуждало общественный интерес к запрещенным писаниям.

Кульминацией анти-правительственной кампании стало покушение на короля в январе 1757 г. Некий Дамьен, ранее работавший слугой в домах ряда советников парламента, настолько попал под впечатление от звучавшей там тираноборческой риторики, что попытался ножом заколоть Людовика XV. Власти опасались, что это может стать сигналом к всеобщему восстанию. Однако при известии о покушении маятник общественных настроений качнулся в обратную сторону. Люди повсеместно радовались чудесному спасению короля, а возглавлявший анти-правительственную оппозицию Парижский парламент в подтверждение своей лояльности осудил Дамьена на мучительную казнь.

Несмотря на временные трудности в неурожайные годы, в целом XVIII в. был для Франции временем устойчивого и довольно быстрого экономического роста. Однако из-за несовершенства налоговой системы, перегруженной привилегиями, французская монархия представляла собою «бедное государство в богатой стране». Особенно неравномерным было распределение прямых налогов. Наиболее богатые слои общества – дворянство и духовенство – персональную талью в силу традиционных привилегий вообще не платили, реальную талью платили лишь с приобретенных ими ротюрных (непривилегированных) земель и даже от нового налога, капитации, в большинстве своем (а духовенство целиком) откупились. Соответственно, главным ресурсом упорядочения финансовой системы становилось более справедливое перераспределение прямых налогов. Сразу по окончании Войны за австрийское наследство инициативу в проведении реформ, направленных на сокращение привилегий, взял на себя генеральный контролер финансов Ж.Б. Машо д'Арнувиль, умелый и жесткий администратор, «стальной учтивец», как его называли.

В мае 1749 г. правительство отменило десятину – прямой налог, временно введенный для покрытия военных расходов.

Взамен вводился новый постоянный налог – двадцатина. Поступления с него должны были идти в специальную кассу погашения государственного долга. В преамбуле особо подчеркивалось, что налог носит всеобщий характер: «ничто не может быть более правильным и справедливым, чем распределение налога между всеми французами в зависимости от их возможностей и размеров доходов». Причем, основная тяжесть двадцатины ложилась на имущие слои населения, так как обложению подлежал лишь «чистый доход» – от земельной собственности, от торговли и промышленности, от движимого имущества, от должностей, но не плата наемных работников. Эдикт

предусматривал подачу всеми налогоплательщиками декларации о доходах в течение 15 дней с установленного срока. Для проверки деклараций назначались контролеры, имевшие право штрафовать уклоняющихся от уплаты.

В августе 1749 г. было ограничено право духовенства приобретать недвижимость, поскольку, переходя к нему, она выпадала из фонда земель, облагаемых персональной тальей.

Реформы Машо вызвали ожесточенное сопротивление традиционных государственных институтов – парламентов, провинциальных штатов, а также церкви. Ну а поскольку преобразования были предприняты в крайне неблагоприятной обстановке широкого распространения оппозиционных настроений и падения авторитета власти, они не получили поддержки даже тех слоев общества, которые в перспективе должны были выиграть от более равномерного перераспределения фискального гнета.

В авангарде борьбы против налоговой реформы вновь оказались парламенты и, прежде всего, Парижский. Последний в своих ремонстрациях заявлял, что двадцатина приведет к разорению дворянства – «души королевства». Приводились демагогические ссылки на общественное мнение: «Не начнет ли Ваш народ, Сир, – обращался Парламент к королю, – думать, что полученные в результате этого сурового налога средства будут использованы не по назначению?» Лишь прибегнув к мерам самого жесткого давления, правительство заставило парламенты зарегистрировать соответствующие эдикты. Протестовали против введения двадцатины и провинциальные штаты Бретани, Прованса, Лангедока и Артуа. Чтобы сломить их сопротивление, королю пришлось даже распустить штаты Лангедока.

Но особенно неожиданной для власти оказалась оппозиция со стороны церкви. Правительство, постоянно оказывавшее поддержку епископату против янсенистов, рассчитывало на его уступчивость в вопросе о двадцатине. Однако духовенство категорически отказалось поступиться своим фискальным иммунитетом и начало упорную борьбу, увенчавшуюся в 1751 г. подтверждением его привилегий. Таким образом, хотя Машо и удалось добиться введения двадцатины, этот налог лишился своего принципиального преимущества – всеословности, поскольку церковь – крупнейший земельный собственник – под него не попадала.

Правительственная карьера Машо д'Арнувиля закончилась в 1757 г., когда король, напуганный покушением Дамьена, отправил в отставку двух своих наиболее ярких министров – поссорившегося с епископатам Машо и графа д'Аржансона, руководившего полицией, а потому ненавидимого янсенистами.

Аахенский мир не разрешил существовавшие противоречия между европейскими державами. В частности, колониальное соперничество Франции и Англии не только продолжалось, но и усилилось. Особенно острую форму оно приобрело в Северной Америке, где неоднократно происходили столкновения между французскими и английскими поселенцами в районе озера Онтарио. Метрополии вели между собою трудные переговоры о разграничении владений и одновременно оказывали военную помощь своим колонистам. В июне 1755 г. английская эскадра захватила шедшие в Квебек французские суда с оружием и припасами. В декабре того же года французское правительство предъявило ультиматум, требуя их освободить. В январе 1756 г. Англия ультиматум отклонила. Война стала неизбежной.

Спешно готовясь к ней, обе державы стремились заручиться поддержкой союзников. Однако ни той, ни другой не удалось сохранить альянсы времен Войны за австрийское наследство. Пришлось искать друзей среди прежних противников. Эта радикальная перемена союзов получила в исторической литературе название «дипломатической революции». Уже в январе англичане заключили союзный договор с Пруссией. Узнав об этом, французы 1 мая 1756 г. подписали Версальский пакт с Австрией, которая, в свою

очередь, находилась в союзных отношениях с Россией. И в том же месяце Франция объявила Англии войну.

Первое время боевые действия развивались для французов и их союзников вполне успешно. В 1756 г. они заняли принадлежавший англичанам остров Минорка в Средиземном море и большой форт Освего в Канаде. По соглашению с Генуей, французские войска высадились на Корсике. И хотя Фридрих II оккупировал Саксонию, та продержалась достаточно долго, чтобы Австрия смогла подготовиться к войне. В августе 1757 г. русские войска нанесли пруссакам поражение при Гросс-Егер-сдорфе и в 1758 г. заняли Восточную Пруссию. Фридрих II вынужден был также оставить Силезию. В сентябре основные силы французской армии заставили капитулировать английский корпус в Ганovere.

Однако, попав, казалось бы, в безвыходное положение, прусский король энергичными действиями сумел переломить ситуацию. Сначала в Саксонии он 5 ноября разгромил при Росбахе вспомогательную армию союзников, состоявшую из французских частей и войск германских государств, совершил марш-бросок в Силезию и 5 декабря разбил австрийцев при Лейтене.

Поражение при Росбахе положило начало длительной полосе неудач, преследовавших французов уже до самого конца войны. 23 июня 1758 г. союзник Пруссии герцог Брауншвейгский разбил французскую армию при Крефельде, после чего Франция практически прекратила активное участие в войне на континенте. Отныне французы пытались, прежде всего, защитить свои колонии и морские границы, но и это безуспешно. В 1758 г. англичане выбили их из Сенегала, в Северной Америке взяли Луисбург и не раз атаковали с моря побережье самой Франции. В 1759 г. английский флот разгромил французскую эскадру, предназначенную для высадки десанта в Шотландии, а французская армия в Германии потерпела поражение при Миндене. В том же году англичане захватили французские колонии в Вест-Индии, а в 1760 – в Канаде и в Индии.

Из всех этих потерянных заморских владений Франция по заключенному в 1762 г. Парижскому мирному договору смогла вернуть себе лишь часть вест-индских островов.

Семилетняя война еще больше углубила политический кризис во Франции. Неудачи на фронтах, министерская чехарда – за семь лет сменилось пять генеральных контролеров финансов – демонстрировали слабость государства. Общественное мнение не оказывало поддержки правительству: прямой угрозы для французской территории со стороны неприятеля, что могло бы заставить нацию сплотиться, не было, а борьба за колонии воспринималась народом как малопонятное, но дорогостоящее предприятие.

Парламенты во время войны не только продолжали оппозиционную деятельность, но даже активизировали ее, стремясь воспользоваться ослаблением правительства для расширения своих полномочий. В Безансоне, Бордо и Руане местные парламенты при поддержке подчиненных им судов развернули кампании за устранение неудобных им представителей центральной власти в своих провинциях.

Наиболее же крупной победой парламентской оппозиции стало изгнание из Франции иезуитов, являвшихся самыми решительными противниками янсенистов. Решение об этом принял сначала парламент Руана в феврале 1762 г., после чего оно было поддержано всеми остальными парламентами. Король, не желая нового затяжного конфликта с судейской корпорацией в военное время и рассчитывая взамен получить с ее стороны поддержку правительственных мер по упорядочению финансов, пошел навстречу и в ноябре 1764 г. подписал эдикт о прекращении деятельности Ордена на территории Франции.

Семилетняя война убедительно продемонстрировала низкую боеспособность французской армии и флота. Требовалась радикальная реформа вооруженных сил. Ее душой стал герцог Шуазель, занимавший посты государственного секретаря по

иностранным (1758–1761, 1766–1770), военным (1761–1770) и военно-морским (1761–1766) делам, а фактически возглавлявший правительство. Создание знаменитой Военной школы в Париже и Школы военных инженеров в Мезьере позволило существенно улучшить подготовку командных кадров. Радикальной реорганизации подверглась артиллерия. Был значительно усовершенствован процесс обучения рядового состава, приняты меры по укреплению дисциплины, в частности, войска переводились на казарменное содержание, создана система социального обеспечения ветеранов. Все эти преобразования заложили основу тех блестящих побед, которые французская армия одержит в годы Революции и наполеоновской Империи.

Не столь успешными оказались очередные попытки министров усовершенствовать систему налогообложения путем более равномерного распределения фискального бремени. В 1763 г. по инициативе генерального контролера финансов Бертена король издал эдикт о подготовке общего кадастра земель, включая владения короны, церкви и дворянства, что было необходимо для последующего введения единого поземельного налога. Однако, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением суверенных судов и, прежде всего, парламентов при регистрации этого закона, правительство его отозвало.

Бертен, после этой неудачи покинувший пост генерального контролера, но оставшийся в правительстве, добился в 1763 г. принятия эдикта о ликвидации ограничений в циркуляции зерна внутри страны и разрешении его свободного импорта и экспорта. Эти меры, ставшие важным шагом к созданию свободного рынка, действовали до 1770–1771 гг., пока очередной неурожай не заставил их отменить.

Успехи в изгнании иезуитов и в недопущении принятия земельного кадастра вдохновили парламенты на новые активные действия по расширению своих полномочий. В 1764–1768 гг. внимание всей страны оказалось приковано к конфликту в Бретани между королевским интендантом и парламентом Ренна. Дело дошло даже до временного роспуска парламента, в поддержку которого выступили местные штаты, а также суверенные суды всей Франции. Любопытно, что в своей борьбе против предпринимавшихся королевской властью попыток модернизации государственного строя такие консервативные, архаические институты, как парламенты, широко использовали новейшие разработки философии Просвещения, в частности, естественно-правовую теорию. Напротив, правительство в стремлении к обновлению государства апеллировало к традиционным ценностям, напоминая о священном праве королей.

В 1770 г. Людовик XV отправил в отставку герцога Шуазеля из-за разногласий по вопросам внешней политики. Шуазель хотел воспользоваться обострением отношений между Англией и французским союзником Испанией, чтобы взять у англичан реванш за Семилетнюю войну. Король же предпочитал сконцентрировать усилия на стабилизации обстановки внутри страны. В проведении этой политики ведущие роли отводились канцлеру Мопу и генеральному контролеру финансов аббату Террэ.

Рене-Николя Мопу, решительный и жесткий администратор, неутомимый труженик, хорошо знал своего будущего противника, поскольку до назначения в 1768 г. канцлером сам занимал пост первого президента Парижского парламента. Хотя предпринятая им реформа системы судопроизводства носила столь радикальный характер, что в устах современников даже получила название «революции Мопу», по уровню проработки и исполнения многие историки признают ее едва ли не образцовой.

Канцлер начал с того, что дал парламентам шанс на достижение компромисса ценой отказа от их претензий на политическую власть. В декабре 1770 г. король издал и внес на регистрацию в Парижский парламент «дисциплинарный эдикт», содержащий три статьи: 1) парламентам запрещалось использовать термины «единство», «неделимость», «класс» для обозначения своей общности, поддерживать контакты друг с другом и обсуждать на заседаниях ремонстрации других палат; 2) судебским должностным лицам запрещалось прерывать судопроизводство и коллективно выходить в отставку, чем они нередко

пользовались в качестве меры давления на правительство; 3) право ремонстраций сохранялось, но воспрещалось противодействовать исполнению любого нормативного акта после его регистрации. Эдикт вызвал негодование Парижского парламента, немедленно ушедшего в коллективную отставку и приготовившегося к привычной затяжной борьбе. Однако ответ Мопу оказался беспрецедентно жестким. Советники Парижского парламента были высланы в провинцию, а их должности конфискованы. 23 февраля 1771 г. вышел эдикт, согласно которому округ Парижского парламента сокращался, а сам он подлежал реорганизации. На вышедших из-под его юрисдикции территориях создавались принципиально новые виды судов – Высшие советы. Их состав назначался королем, продажность должностей и денежные поборы судейских должностных с участников тяжб отменялись. Эти суды не имели права ремонстраций. Должностные лица реорганизованного парламента были назначены из числа советников Большого совета и Палаты косвенных сборов, а те ликвидированы.

Во второй половине 1771 г. аналогичным преобразованиям подверглись и провинциальные парламенты. Причем, сильнее других пострадали наиболее оппозиционные, например, Руанский, на месте которого были созданы два новых суда. Частичную реорганизацию претерпели и суды низших инстанций. Мопу столь быстро и решительно провел реформу, что парламенты не успели оказать организованного сопротивления.

И хотя их сторонники развернули против правительства памфлетную войну, обвиняя его в «деспотизме», уже в 1772 г. она постепенно сошла на нет.

Реформа Мопу не только сделала судопроизводство более дешевым и эффективным, но также избавила центральную власть от постоянного противника любых нововведений. Воспользовавшись сложившейся благоприятной ситуацией, аббат Террэ в 1771–1773 гг. провел ряд мер по упорядочению финансов и сокращению государственного долга. В частности, он усовершенствовал контроль за доходами и соответственно собираемость двадцатины, а также пересмотрел в пользу государства соглашение с генеральными откупщиками по сбору косвенных налогов.

Наметившаяся стабилизация была нарушена неожиданной смертью Людовика XV от оспы 10 мая 1774 г.

Людовик XVI и попытки реформ

После смерти Людовика XV трон унаследовал его внук Людовик XVI. Двадцатилетний юноша, очень набожный и искренне желавший стать для своих подданных отцом-благодетелем, был, однако, слабоволен и слишком подвержен влиянию окружения, особенно жены Марии-Антуанетты. К тому же он совсем не имел политического опыта, поскольку дед не посвящал его в государственные дела. Французы, уставшие от долгого царствования Людовика XV, с симпатией отнеслись к молодому королю, на которого, как нередко бывает при смене власти, они возлагали большие надежды. Введенный в заблуждение видимостью всеобщего согласия и стремясь отмежеваться от непопулярной политики предшественника, Людовик XVI восстановил парламенты и другие суверенные суды. Узнав об этом, отправленный в отставку канцлер Мопу заметил: «Я выиграл для короля процесс, продолжавшийся триста лет. Но если он хочет его проиграть, это – его право». Действительно, одним росчерком пера оказались сведены на нет многолетние усилия предыдущих правительств сломить сопротивление наиболее сильного и последовательного противника модернизации государственного строя.

Впрочем, необходимость реформ была очевидна даже юному монарху. Именно для их осуществления он в августе 1774 г. назначил генеральным контролером финансов Анна-Робера-Жака Тюрго. Известный экономист-физиократ, автор трудов по философии, истории и экономике, участник знаменитой «Энциклопедии», Тюрго не только пользовался уважением просвещенной части общества, но и проявил себя к тому времени способным администратором на посту интенданта Лимузена.

Сторонник либерализации экономики, Тюрго в сентябре 1774 г. ввел свободную торговлю хлебом по всей территории Франции. Это вызвало недовольство местных властей, лишившихся возможности спекулировать теми запасами зерна, которые традиционно создавались государством в провинциях на случай неурожая. К скрытому противодействию противников реформы, тайно подстрекавших против нее население, добавились неблагоприятные природные условия. Урожай в 1774 г. выдался скудный, что привело зимой – весной 1775 г. к резкому росту цен на хлеб. Общественное мнение сочло дороговизну следствием реформы. По Франции прокатилась волна продовольственных волнений, получивших название «мучной войны». Тюрго предпринял решительные действия по наведению порядка. Некоторые участники стихийных выступлений были казнены.

Тем не менее, на протяжении 1775 г. политика Тюрго сталкивалась со все более активной оппозицией со стороны восстановленных парламентов. Оффисье, демагогически объявляя себя защитниками народа, требовали возврата к регламентации торговли. Король, в силу мягкого характера питавший отвращение к любого рода конфликтам и стремившийся по возможности их избегать, начал тяготиться министром, доставлявшим ему столько хлопот. Чувствуя приближение отставки, Тюрго поспешил провести новые преобразования. 5 марта 1776 г. вышли эдикты о ликвидации цехов в промышленности и о замене дорожной барщины всеобщим денежным налогом на земельных собственников. Эти реформы так же вызвали сопротивление парламентов, выступивших от имени всех привилегированных сословий против нарушения их налогового иммунитета. Осудили парламенты и разрушение цехового строя. 12 марта на королевском заседании монарх заставил Парижский парламент зарегистрировать эдикты, но тот на следующий же день опротестовал принятые решения. Придворные круги, чьи расходы Тюрго попытался ограничить, тоже интриговали против министра. Устав сопротивляться давлению со всех сторон, Людовик XVI отправил Тюрго в отставку 12 мая 1776 г. Несколько месяцев спустя были отменены и его реформы.

После отставки Тюрго ведущая роль в правительстве перешла к графу Вержену, государственному секретарю по иностранным делам. Осуществляемая им внешняя политика Франции была подчинена главной цели – взять реванш у Англии за поражение в Семилетней войне. Для этого Вержен уговаривал Людовика XVI вмешаться в вооруженный конфликт между Англией и ее североамериканскими колониями, начавшийся в 1775 г.

После провозглашения независимости 4 июля 1776 г. американцы направили в Версаль делегацию во главе с известным ученым и философом-просветителем Б. Франклином, чтобы заручится поддержкой французского короля. Но тот довольно долго колебался, не решаясь непосредственно вступить в войну, и ограничивался тайными поставками в Америку оружия и боеприпасов. И лишь узнав о разгроме повстанцами в октябре 1777 г. английских войск под Саратогой, Людовик XVI 17 декабря признал независимость Соединенных Штатов, а 6 февраля 1778 г. заключил с ними союзный и торговый договор. Весной 1778 г. французская эскадра начала боевые действия против англичан в Вест-Индии. В 1779 г. на стороне Франции в войну вступила Испания.

В 1780 г. в Америку был также отправлен сухопутный корпус под командованием Рошамбо. В октябре 1781 г. основные силы английской армии в Северной Америке оказались блокированы в Йорктауне американскими и французскими войсками с суши и

французским флотом с моря, после чего капитулировали. Война еще некоторое время продолжалась на морях. Если в Карибском море она шла с переменным успехом, то в Средиземном испанцы овладели Миноркой, а в Индийском океане французский адмирал Сюффрен перерезал жизненно важные для англичан морские коммуникации между метрополией и восточными колониями.

В 1783 г. был заключен Версальский мирный договор. США получили независимость, Испания – Минорку и Флориду, Франция – Сенегал и Тобаго. Однако пожалуй, главным приобретением французов стало чувство морального удовлетворения от реванша за позор Семилетней войны.

Война за независимость США пользовалась широкой поддержкой во французском обществе. Для ее идеологического обоснования американцы в своих программных документах активно использовали принципы философии Просвещения, прежде всего французского, что находило отклик у просвещенной элиты Франции. Многие родовитые дворяне пересекли Атлантику, чтобы вступить в армию Вашингтона. Пример им подал юный маркиз Лафайет. Еще до официального объявления Францией войны англичанам он отправился в Америку, вопреки запрету властей, и, получив звание генерала американской армии, стал ближайшим сподвижником Вашингтона.

Благожелательное отношение французского общества к этой войне было во многом обусловлено и тем, что она не сопровождалась ростом налогового бремени. Руководивший финансами Франции с 1777 по 1781 г. женеvский банкир Ж. Неккер покрывал растущие военные расходы за счет займов, что позволяло не повышать налоги, но вело к быстрому увеличению государственного долга. Впрочем, эту проблему решать пришлось уже преемникам Неккера. В 1781 г. он был уволен по настоянию королевы, недовольной тем, что Неккер попытался ограничить расходы двора. Уйдя в отставку, Неккер опубликовал подробный отчет о своей финансовой политике, постаравшись создать о ней у публики самое благоприятное впечатление. В результате, общественное мнение создало ему репутацию человека, способного чудесным образом решать финансовые проблемы, не применяя радикальных мер.

По окончании войны правительство еще некоторое время продолжало покрывать расходы за счет наращивания государственного долга. Шарль-Александр де Калонн, назначенный генеральным контролером финансов в 1783 г., взял за три года своего правления займов больше, чем все его предшественники с 1776 г. Причем, львиная доля этих средств шла на обслуживание самого государственного долга. В 1787 г. на эту статью выделялось до 50 % всего бюджета. Для сравнения заметим, что военные расходы забирали 26 %, а затраты на содержание двора – любимая тема оппозиционной печати – вместе с пенсиями (в том числе ветеранам) составляли лишь 8 %. Существовавшая налоговая система в силу своего несовершенства не обеспечивала поступлений в количестве достаточном, чтобы предотвратить надвигающуюся угрозу банкротства. Частные меры по улучшению сбора прежних налогов, такие, например, как создание при въезде в Париж таможенных застав, общего положения изменить не могли. Требовалось радикальное преобразование налоговой системы.

В августе 1786 г. Калонн предложил королю план реформ, имевший целью увеличить доходы государства не через повышение налогов, а через более справедливое их распределение. Намечалось вместо двадцатины ввести бессловный и бессрочный поземельный налог. Все земли, независимо от статуса их владельца, должны были делиться в соответствии с их качеством на 4 класса. После сбора урожая землевладелец выплачивал бы государству в натуральной форме от 2 до 5 % его объема (с лучших земель – больше, с худших – меньше). Кроме того, намечалось более щадящее для малоимущих перераспределение талы, унификация габели и расширение действия гербового сбора. Дорожная барщина заменялась денежной прибавкой к талю. Вновь вводилась свободная торговля зерном. Чтобы смягчить недовольство дворян их освобождали от капитации.

Тем не менее, Калонн прекрасно понимал, что столь радикальное посягательство на фискальный иммунитет привилегированных сословий непременно вызовет сопротивление суверенных судов. Дабы избежать конфликтов при регистрации соответствующих законов в парламентах, он предложил обсудить и утвердить план реформ на собрании нотаблей. Король согласился. Собрание нотаблей открыло свою работу в Версале 22 февраля 1787 г. Здесь собрался весь цвет аристократии: принцы крови, высшее духовенство, представители родовитого дворянства, члены суверенных судов и Королевского совета. Несмотря на тщательно подобранный состав нотаблей, приглашавшихся самим королем, план Калонна встретил сопротивление. Быстро одоблив меры, касающиеся дорожной барщины и тальи, нотабли крайне негативно отнеслись к идее бессловного поземельного налога. Не оспаривая сам принцип фискального равенства, они возражали против натуральной формы нового налога, требовали финансового отчета правительства и предлагали созвать Генеральные штаты. Особенно бескомпромиссную позицию заняло духовенство.

В результате бесконечных проволочек и споров по частным вопросам, работа собрания затянулась. Тогда Калонн, надеясь заручиться поддержкой общественного мнения, предпринял беспрецедентный шаг, обратившись непосредственно к нации.

30 марта королевская типография напечатала отдельной брошюрой его план реформ с соответствующим комментарием, который священники должны были зачитывать во всех церквях. В комментарии говорилось о необходимости покончить с фискальными привилегиями, дабы облегчить налоговое бремя народа.

Этот шаг министра вызвал бурное возмущение нотаблей, в том числе и тех, что вначале были настроены либерально. Даже маркиз Лафайет назвал подобное обращение к народу «подстрекательским». 8 апреля 1787 г. король отправил Калонна в отставку.

30 апреля 1787 г. правительство возглавил тулузский архиепископ Э.Ш. Ломени де Бриенн. И хотя он выдвинулся на политическую авансцену в собрании нотаблей как один из наиболее активных критиков Калонна, необходимость реформ была очевидна и для него. Де Бриенн предложил своим бывшим коллегам по собранию одобрить единый поземельный налог, но не в натуральной форме, как того хотел Калонн, а в денежной. Однако нотабли налог все равно не приняли, сославшись на свою некомпетентность. Они посоветовали королю созвать Генеральные штаты, после чего были распущены по домам.

Идя навстречу все чаще звучащим требованиям политической элиты создать представительные органы, Ломени де Бриенн инициировал эдикт 17 июня 1787 г. о провинциальных собраниях. Эти местные органы власти избирались на основе имущественно ценза, чтобы заниматься распределением налогов в своих провинциях. Представители третьего сословия получали в них половину мандатов, все депутаты голосовали индивидуально.

После неудачной попытки утвердить налоговую реформу в собрании нотаблей, правительству ничего не оставалось, кроме как пойти традиционным путем и внести соответствующие законы на регистрацию в Парижский парламент. Тот без возражений пропустил эдикты о хлебной торговле, дорожной барщине и провинциальных собраниях, но отказался принять увеличение гербового сбора и введение поземельного налога. Выступая, по существу, против отмены налогового иммунитета привилегированных сословий, парламент демагогически апеллировал к общественному мнению, призывая решить финансовые проблемы государства лишь за счет сокращения расходов двора. В ремонстрации от 24 июля он посоветовал королю созвать Генеральные штаты. Чтобы преодолеть сопротивление судейских, Людовик XVI назначил на 6 августа «королевское заседание». Однако парламент и накануне этого заседания, и после него принял постановления, фактически дезавуировавшие принудительную регистрацию. Его активно поддержали и провинциальные суды. В ночь с 14 на 15 августа Парижский парламент был выслан в Труа.

Впрочем, эта некогда эффективная по отношению к судебским мера принуждения на сей раз ожидаемого результата не дала. Обычно, прочувствовав разницу между жизнью в столице и в маленьком провинциальном городке, оффисье рано или поздно шли на компромисс, чтобы вернуться в Париж. Теперь же у правительства не было времени ждать. Да и общественное мнение поддерживало парламент, придавая дополнительное упорство его сопротивлению. После месяца переговоров Ломени де Бриенн вынужден был отказаться от введения поземельного налога и увеличения гербового сбора. Взамен, вернувшийся в столицу парламент согласился с продлением действия двух «двадцатин».

Временный компромисс не положил конец противоборству. Парламенты продолжали критиковать двор за расточительность, правительство, в свою очередь, втайне готовило судебную реформу, способную сломить оппозицию традиционных судов, подобно тому, как это сделал Мопу.

8 мая 1788 г. на «королевском заседании» парламента было объявлено о реформе, подготовленной хранителем печати Ламуаньоном. Хотя парламенты в принципе не ликвидировались, их деятельность приостанавливалась на неопределенное время, состав сокращался, а большая часть полномочий передавалась 47 новым окружным судам. Правом регистрации отныне обладал один лишь Пленарный суд, создаваемый на основе Большой палаты Парижского парламента, члены которой, по сравнению с прочими, отличались большей умеренностью. Правда, покупной характер должностей сохранялся.

Реформа Ламуаньона вызвала ожесточенное сопротивление провинциальных судов. Они не только отказывались регистрировать соответствующие эдикты и засыпали короля ремонстрациями, но и провоцировали анти-правительственные выступления, нередко выливающиеся в вооруженные стычки с войсками. Инициаторами уличных беспорядков, как правило, выступали служащие судов, весьма многочисленные в тех городах, где располагались парламенты. Во многих провинциях оппозиционное движение было активно поддержано дворянством, раздраженным тем, что реформа ограничила юрисдикцию сеньориальных трибуналов. Ситуацию усугублял начавшийся во второй половине 80-х годов экономический кризис, провоцировавший рост общественного недовольства, что способствовало вовлечению в анти-правительственные выступления широких масс.

В требованиях оппозиции ретроградные идеи порой причудливым образом сочетались с либеральными принципами века Просвещения. Так, в Гренобле собрание представителей всех трех сословий призвало к восстановлению не собиравшихся с 1628 г. провинциальных штатов Дофине, в которых, однако, предполагалось, в соответствии с духом времени, удвоенное число депутатов третьего сословия и индивидуальное голосование. Это собрание также потребовало ликвидации всех налоговых привилегий.

Ломени де Бриенн попытался сбить волну оппозиционных настроений, призвав всех желающих направлять правительству свои соображения относительно будущего созыва Генеральных штатов, что, по сути, означало признание свободы слова. Однако анти-правительственные выступления продолжались. Брожение проникло даже в армию. Правительству пришлось признать свое поражение. 8 августа судебная реформа была отменена, а на 1 мая 1789 г. назначено открытие Генеральных штатов. 15 августа государство приостановило платежи по своим долгам. 25 августа ушел в отставку Ломени де Бриенн, 14 сентября – Ламуаньон. Очередная и, как оказалось, последняя попытка французской монархии Старого порядка модернизировать государство посредством реформ окончилась крахом.

Франция накануне революции

В последнюю четверть XVIII в. Франция вступила, будучи одной из самых богатых и многолюдных европейских стран. По численности населения (27 млн в 1775 г.) она лишь относительно немного уступала России (30 млн), находилась в более или менее равном положении с Австрией и значительно превосходила Испанию (чуть более 10 млн), Англию (около 10 млн) и Пруссию (6 млн).

Продолжавшийся во Франции на протяжении всего столетия демографический подъем в значительной степени был обусловлен устойчивым экономическим ростом с 20-х по 80-е годы XVIII в. Особенно быстро развивались сектора экономики, связанные с колониальной торговлей. По ее общему объему, выросшему за этот период в 4 раза, Франция вышла на второе место в мире после Англии. Причем, разрыв между двумя странами в данной сфере постепенно сокращался, поскольку французская внешняя торговля росла более высокими темпами. Сотни французских судов курсировали в «атлантическом треугольнике»: из Франции они везли в Африку ром и ткани, там наполняли трюмы чернокожими рабами для плантаций Вест-Индии, откуда возвращались в метрополию груженные сахаром-сырцом, кофе, индиго и хлопком. Колониальное сырье перерабатывалось на многочисленных предприятиях, окружавших морские порты, после чего готовые продукты частично потреблялись в самой стране, частично продавались за рубеж. Атлантическая торговля стимулировала развитие судостроения, текстильной и пищевой промышленности.

Больших успехов в XVIII в. добилась и тяжелая индустрия Франции. Богатые дворянские семьи охотно вкладывали в нее средства. В 1780-е годы более 50 % металлургических предприятий принадлежали дворянам, более 9 % – церкви. Именно в этот период дворянская семья Ванделей основала знаменитый металлургический завод в Крезе, где в 1787 г. была проведена первая во Франции плавка с использованием кокса. В 80-е годы началось применение и первых паровых машин.

Заметный прогресс имел место и в такой достаточно консервативной отрасли экономики, как сельское хозяйство. Интенсивная пропаганда новейших методов агрикультуры, которую при активной поддержке властей осуществляли просветительские сельскохозяйственные общества, со временем дала свои плоды. Передовые достижения агрономической науки постепенно воспринимались и крестьянской средой, получая все более широкое применение. Особенно же восприимчивы к ним оказались ориентированные на рынок крупные дворянские и фермерские хозяйства, ставшие своего рода «матрицей капитализма». В целом, рост валового продукта сельского хозяйства с 1709 по 1780 г. составил до 40 %. Развернутое государством строительство дорог, мостов и каналов способствовало расширению внутренней торговли и специализации различных регионов на производстве определенных видов продукции для рынка.

Однако, подобно мифическому Танталу, страдавшему от голода среди изобилия еды, государство в этой богатой, экономически процветающей стране переживало острый финансовый кризис. Огромный государственный долг, на обслуживание которого уходила половина бюджета, стал непосильной ношей для устаревшей финансовой системы. Выходом из нелегкой ситуации могла стать лишь реформа налогообложения, предполагавшая отмену фискальных привилегий и введение общего для всех поземельного налога.

Во второй половине XVIII в. королевские министры не раз предпринимали с большей или меньшей степенью решительности шаги в этом направлении. Однако все попытки правительства модернизировать финансовую систему государства наталкивались на упорное сопротивление привилегированных сословий и традиционных судебных

учреждений, которые свою борьбу за узкокорпоративные интересы прикрывали демагогическими лозунгами, используя для этого, в духе времени, идеи философии Просвещения. Критика, которой оппозиционная публицистика подвергала власти в течение нескольких десятилетий, существенно подорвала авторитет монархии среди значительной части подданных, особенно в городах. Впрочем, до поры до времени участие «низов» в политической борьбе сводилось, в основном, к моральной поддержке оппозиции и лишь изредка принимало форму уличных беспорядков, непродолжительных и спорадических. Ситуация изменилась во второй половине 80-х годов, когда ухудшение условий жизни из-за начавшегося экономического кризиса вызвало резкий всплеск активности «низов».

Экономический кризис во Франции 80-х годов XVIII в. не носил системного характера, т. е. ни в коей мере не свидетельствовал о нежизнеспособности системы в целом. Кризисные явления в различных отраслях хозяйства были вызваны разными факторами, напрямую не связанными между собой. Эти факторы можно разделить на субъективные (просчеты в экономической политике правительства) и объективные, а последние, в свою очередь, – на долговременные (смена фаз многолетнего экономического цикла) и краткосрочные (неблагоприятная сезонная конъюнктура). Негативное воздействие на экономику каждого из них время от времени имело место и в предшествующие периоды. Однако уникальность ситуации 1780-х годов состояла в том, что на сей раз проявление всех этих факторов совпало по времени, что сделало экономический кризис особенно глубоким и тяжелым.

В функционировании экономики Старого порядка существовала определенная объективная цикличность: многолетние периоды роста цен на зерно сменялись столь же продолжительными периодами их снижения. Первая из этих тенденций была выгодна для производителей сельскохозяйственной продукции и способствовала расширению их хозяйственной деятельности, вторая, напротив, вела к сокращению их доходов и оказывала сдерживающее влияние на развитие аграрного сектора, да и всей экономики в целом, поскольку именно он составлял ее основу.

На протяжении большей части XVIII в. цены на зерно постепенно росли, но в 1776 г. эта фаза цикла закончилась, и они пошли вниз. Вскоре стали падать и цены на вино, важнейший продукт французского экспорта. Снижение доходов производителей сопровождалось сокращением найма ими рабочей силы и, соответственно, ростом безработицы в сельской местности. Дабы поднять спрос на сельскохозяйственную продукцию и стимулировать ее производство, правительство предприняло ряд мер, направленных на расширение ее экспорта. В 1786 г. оно заключило торговый договор с Англией, который открывал британский рынок для французских вин. Взамен французский рынок открывался для продукции английских мануфактур. В 1787 г. был разрешен свободный вывоз зерна за рубеж и заключен торговый договор с Россией, также предусматривавший выгодные условия для экспорта французских вин. Но требовалось время, чтобы русско-французский договор принес реальную выгоду. Остальные же, правильные в принципе меры на деле не только не улучшили ситуацию, но еще больше ее усугубили.

Разрешение экспортировать пшеницу привело к тому, что значительная часть запасов зерна ушла за рубеж. Лето же 1788 г. выдалось неурожайным. В некоторых областях из-за дождей и страшных бурь погибло до урожая. Цены на рынках взлетели. Стали распространяться панические настроения: люди боялись голода.

Торговый договор с Англией сулил французским земледельцам в перспективе немалую выгоду, однако гораздо быстрее промышленники Франции ощутили его издержки. Английские текстильные мануфактуры, имевшие лучшее техническое оснащение, заполнили своей дешевой продукцией французский рынок, вытесняя с него местных производителей. Вдобавок, у тех возникли серьезные проблемы с сырьем. В 1787 г. сбор

шелка-сырца был крайне низким, а неурожай 1788 г. спровоцировал забой овец и, соответственно, резкое сокращение их поголовья, что вызвало еще и дефицит шерсти. Все это вместе взятое привело к острому кризису французской текстильной промышленности: сотни предприятий закрылись, тысячи работников оказались на улице.

Таким образом, монархии пришлось искать пути выхода из тяжелейшего финансового кризиса государства, в крайне неблагоприятной общественной обстановке. Экономический спад до предела обострил социальное недовольство «низов» и сделал их весьма восприимчивыми к демагогическим лозунгам анти-правительственной оппозиции. Напротив, власть, пытавшаяся проводить преобразования, не пользовалась в обществе ни высоким авторитетом, ни доверием, а слабый, нерешительный король по своим личным качествам совершенно не отвечал тем требованиям, которые требовались главе государства в столь критической ситуации.

Финансовый дефицит, падение цен, неурожай, фронда знати и парламентов, голодные бунты, слабость центральной власти – все это бывало в истории Франции и раньше, но в разные периоды. Одновременное же действие всех этих негативных факторов вызвало тот социальный резонанс, который привел к краху Старого порядка.

После отставки Ломени де Бриенна в августе 1788 г. Людовик XVI, идя навстречу общественному мнению, поставил во главе правительства популярного Неккера. И хотя этот шаг был с одобрением встречен широкой публикой, все же основные надежды различные слои общества теперь связывали не с назначением того или иного министра, а с предстоящим созывом Генеральных штатов. Правда, вопрос о порядке работы Штатов вызвал острые разногласия в стане анти-правительственной оппозиции.

Восстановленный королем в сентябре 1788 г. Парижский парламент заявил, что организация Генеральных штатов должен быть такой же, как в 1614 г., когда они созывались в последний раз. Тогда все сословия имели равное представительство, а голосование проходило по сословиям: один голос имело духовенство, один – дворянство и лишь один – третье сословие, составлявшее подавляющую часть населения страны. Другие парламенты поддержали точку зрения Парижского, так же, как и большинство дворян. Тем самым они открыто признали, что стремились ограничить власть монарха исключительно ради того, чтобы расширить собственное влияние и упрочить свое привилегированное положение. Эти эгоистические устремления дворянства вошли в противоречие с широко обсуждавшейся в обществе идеей о необходимости удвоить число представителей третьего сословия по сравнению с двумя первыми и ввести поименное голосование. Именно так были устроены провинциальные ассамблеи, созданные Ломени де Бриенном в 1787 г. На той же основе собрание представителей всех сословий в Гренобле в июле 1788 г. требовало восстановить штаты Дофине. Того же хотел и Неккер.

Выступив за традиционную форму работы Генеральных штатов, парламенты и лидеры аристократической оппозиции в одночасье утратили былую популярность. С осени 1788 г. движущей силой оппозиционного движения стала общественно-политическая группа, которую современники называли «патриотической партией». В исторической же литературе ее сегодня обозначают понятием «просвещенная элита».

Это внесословное, политически активное меньшинство сформировалось во второй половине XVIII в., когда вся Франция мало-помалу покрылась густой сетью разнообразных общественных объединений – естественно-научных, философских и агрономических кружков, провинциальных академий, библиотек, масонских лож, музеев, литературных салонов и т. п., имевших целью распространение культурных ценностей Просвещения. В отличие от традиционных для Старого порядка объединений, эти ассоциации имели внесословный характер и демократическую организацию. Среди их членов можно было встретить и дворян, и священнослужителей, и офицеры, и представителей образованной верхушки третьего сословия. Должностные лица таких обществ, как правило, избирались голосованием на конкурсной основе. Просветительские

ассоциации разных городов имели между собой тесные и постоянные связи, образуя единую социокультурную среду, в которой и сформировалось сообщество представителей всех сословий, объединенных приверженностью идеалам Просвещения, – просвещенная элита. Именно она и стала осенью 1788 г. движущей силой общенационального движения против абсолютной монархии, а в дальнейшем дала Революции подавляющее большинство ее лидеров.

Координирующим центром патриотической партии стал возникший в Париже Комитет тридцати. Он включал в себя героя Войны за независимость США маркиза Лафайета, аббата Э.Ж. Сийеса, отенского епископа Ш.М. Талейрана, графа О.Р. Мирабо, советника Парламента А. Дюпора и других представителей просвещенной элиты. Поддерживая связь с единомышленниками по всей Франции, Комитет развернул активную агитацию в поддержку требования удвоить представительство третьего сословия и ввести поголовное голосование депутатов. Активную роль в организации этой памфлетной кампании играло также окружение герцога Филиппа Орлеанского.

Для решения вопроса о порядке работы Генеральных штатов король в ноябре снова созвал нотаблей. И хотя состав участников собрания был в основном тот же, что и год назад, подавляющее их большинство отказалось от былой Фронды, просило монарха защитить их привилегии и выступило в пользу традиционной формы организации Штатов.

Находясь под двойным давлением, с одной стороны – традиционных элит, с другой – общественного мнения, подогреваемого агитацией патриотической партии, король так и не смог прийти к какому-либо определенному решению и занял промежуточную позицию. 27 декабря 1788 г. было объявлено, что третье сословие в Генеральных штатах получит двойное представительство. Вопрос же о порядке голосования остался нерешенным.

Избирательная кампания января – марта 1789 г. проходила в беспокойной обстановке. «Низы» города и деревни, измученные экономическим кризисом и растущей дороговизной, находились в крайне возбужденном состоянии. В разных местах то и дело вспыхивали волнения. В марте голодные бунты имели место в Реймсе, Марселе, Эксе. В Париже 29 апреля, уже после завершения выборов, произошли массовые беспорядки, известные как «дело Ревельона». Возбужденная ложными слухами о том, что владелец мануфактуры Ревельон якобы предложил снизить заработную плату, толпа рабочих из Сен-Антуанского предместья (среди которых не было ни одного с предприятия самого Ревельона) разгромила дом мануфактуриста. Властям пришлось применить войска, чтобы подавить восстание.

Агитация патриотической партии играла на социальном недовольстве и еще больше подогревала его, направляя против правительства и привилегированных сословий. В январе 1789 г. вышел в свет и немедленно получил широчайшую известность памфлет аббата Сийеса «Что такое третье сословие?». На этот вопрос автор отвечал: «Все!» и далее продолжал: «А чем оно до сих пор было? Ничем! – А чего он требует? – Стать хоть чем-нибудь». Несмотря на столь, казалось бы, скромные претензии, Сийес фактически противопоставил дворян всей остальной нации, отказав им в праве считаться ее частью. Подхватив и развив эту идею, оппозиционная публицистика усердно формировала в общественном сознании образ врага – «аристократии», якобы виновной во всех бедах народа.

В выборах патриотическая партия приняла самое активное участие. Комитет тридцати и аналогичные ассоциации в провинции энергично поддерживали своих кандидатов, выпускали памфлеты в их поддержку, разрабатывали образцы наказов, принимавшихся затем на собраниях избирателей. Все ведущие деятели оппозиции получили депутатские мандаты.

Французская революция 1789–1799 гг.

Генеральные штаты собрались в Версале 5 мая 1789 г. Всего было избрано 1165 депутатов: половина – от третьего сословия, по от духовенства и дворянства. Из числа представителей третьего сословия 50 % составляли оффисье, 26 % близкие к ним по своему статусу и интересам лица свободных профессий, в основном адвокаты. Среди депутатов от духовенства самой многочисленной категорией были приходские кюре, хорошо знавшие нужды рядовых прихожан и, как показало развитие событий, достаточно восприимчивые к оппозиционным настроениям. И, наконец, где-то около трети представителей дворянства составляла либерально настроенная знать, в той или иной степени принадлежавшая к просвещенной элите.

Поскольку король так и не определил точный порядок работы Штатов, сразу же возникли противоречия относительно процедуры. Третье сословие потребовало, чтобы проверка полномочий депутатов проходила на общем собрании. Это должно было стать первым шагом к поголовному голосованию. Дворянство и духовенство, напротив, высказались в пользу традиционного порядка проверки – по палатам. Споры затянулись на пять недель.

В этом противостоянии определилась группа лидеров, возглавивших борьбу депутатов третьего сословия и вскоре получивших общенациональную известность, поскольку их выступления тиражировались оппозиционной прессой на всю страну. Это были гренобльские адвокаты Ж.Ж. Мунье и А. Барнав, аббат Сийес, видный астроном Ж.С. Байи и др. Наибольшим влиянием среди них обладал граф Мирабо. Юношей он, по воле отца, долгие годы провел в заточении, а позднее снискал себе всеевропейскую славу авантюрными похождениями. Став депутатом Генеральных штатов от третьего сословия, Мирабо, благодаря своей решительности и удивительному ораторскому дару, вскоре занял ведущее место среди руководителей оппозиции.

Согласия между сословиями по вопросу о процедуре проверки полномочий достичь не удалось. Король хранил молчание. И 10 июня депутаты третьего сословия заявили, что они представляют всю нацию. День спустя к ним присоединились трое кюре, а потом и еще полтора десятка. 17 июня, по предложению Сийеса, палата третьего сословия провозгласила себя Национальным собранием, т. е. представительным органом всей нации. Хотя решение было принято из тактических соображений, чтобы оказать давление на депутатов первых двух сословий, оно имело далеко идущие последствия. Провозглашение нации носителем верховного суверенитета посягало на основы абсолютизма, при котором суверенитетом мог обладать только король.

Представители духовенства решили присоединиться к третьему сословию. Того же потребовали в своей палате либеральные депутаты от дворянства. Однако большинство дворян и верхушка духовенства не хотели уступать и обратились к королю с просьбой вмешаться и разрешить спор. Людовик XVI, подавленный смертью своего старшего сына, вяло согласился, но не проявил в своих действиях ни решимости, ни последовательности.

Утром 20 июня депутаты Национального собрания обнаружили, что зал их заседаний без какого-либо предупреждения закрыт на ремонт. Опасаясь, что это – первый шаг к их разгону, они отправились в ближайшее просторное здание – Зал для игры в мяч – и там торжественно поклялись не расходиться до тех пор, пока не дадут государству Конституцию.

23 июня на королевском заседании Людовик XVI поддержал идею равного налогообложения, право Генеральных штатов на утверждение налогов и свободу слова. В то же время он в ультимативном тоне велел депутатам заседать по сословиям и пригрозил им в случае неповиновения роспуском. После ухода короля депутаты третьего сословия

отказались подчиниться его приказу. Это был акт открытого неповиновения. Однако монарх не ответил на брошенный вызов, тем самым молча признав свое поражение. На следующий день к третьему сословию присоединилось духовенство, затем либеральные дворяне с герцогом Орлеанским во главе. И, наконец, Людовик XVI сам пригласил упорствующих последовать за ними. 9 июля Национальное собрание объявило себя Учредительным, т. е. учреждающим Конституцию.

Вместе с тем, король не препятствовал и действиям той части своего окружения, которая хотела силой положить конец революции. В начале июля к Парижу было стянуто до 30 тыс. войск. 11 июля Людовик XVI под нажимом королевы и своих братьев уволил Неккера. Это был неудачный политический шаг, сделанный к тому же в совершенно неподходящий момент. Отставка Неккера вызвала панику у держателей государственных бумаг (а таковыми были практически все, кто обладал более или менее значительным достатком), поскольку именно в нем они видели человека, способного предотвратить банкротство государства. Их возмущение нашло отклик у парижских «низов», крайне раздраженных непомерной дороговизной: накануне нового урожая цены на хлеб в те дни достигли самых высоких значений за все столетие. Поползли слухи о том, что правительство хочет уморить народ голодом.

Париж заволновался. По всему городу стихийно собирались толпы, перед которыми уличные ораторы произносили подстрекательские речи. К волнениям присоединились и стоявшие в городе солдаты французской гвардии. 13-го выборщики (те, кто избирал депутатов в Генеральные штаты) от Парижа создали в Ратуше комитет, который начал формировать национальную гвардию из состоятельных граждан. 14 июля 1789 г. толпа захватила склады оружия, после чего направилась к Бастилии. Эта крепость-тюрьма символизировала в общественном сознании репрессивную мощь государства. Реально же там находилось 7 узников и чуть больше сотни солдат гарнизона, в основном инвалидов. Окружив Бастилию, повстанцы принялись беспорядочно обстреливать ее из ружей. После нескольких часов осады комендант сдал крепость при условии сохранения жизни ему и его солдатам. Однако после капитуляции семеро из них, включая самого коменданта, были растерзаны толпой. Узнав о падении Бастилии, король вновь отступил. Он отозвал войска и восстановил Неккера. Посетив Париж, король в знак примирения согласился надеть трехцветную кокарду, в которой к цветам города синему и красному был добавлен белый цвет Бурбонов. С этого времени трехцветное знамя стало знаменем революции. Испуганные происходящим и разочарованные поведением монарха, представители крупной аристократии начали покидать Францию, в том числе и младший брат короля граф д'Артуа.

После событий 14 июля по Франции прокатилась волна «муниципальной революции». Тон ей также задал Париж. Созданный в Ратуше комитет выборщиков провозгласил себя коммуной (муниципалитетом). Мэром был назначен Байи, командующим национальной гвардией – Лафайет. Вслед за столицей новые, революционные муниципалитеты возникли и в других городах, заменив собою прежние власти.

Известия о парижских событиях, дороговизна, недостаток хлеба, вакуум власти спровоцировали многочисленные выступления сельской бедноты в разных районах Франции, сопровождавшиеся разграблением замков и богатых домов. Эта «жакерия» породила слухи о «шайках разбойников», повергавшие в панику целые деревни и города. В конце июля уже вся страна была охвачена «Великим страхом».

Учредительное собрание, ежедневно получавшее известия об аграрных волнениях, в ночь с 4 на 5 августа приняло решение отменить сеньориальные права: те, что являлись наследием личной зависимости (барщина, право мертвой руки), бесплатно, остальные – за выкуп. Также ликвидировались все сословные и местные привилегии, продажа должностей, снимались сословные ограничения на доступ к военной и гражданской

службе. Решения этой ночи, закрепленные декретами 5-11 августа, разрушили социальную основу Старого порядка.

26 августа Собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина, определявшую принципы будущей Конституции. Декларация провозглашала верховный суверенитет нации, объявляла «естественными и неотъемлемыми» права каждого на свободу, собственность, безопасность и сопротивление гнету, устанавливала презумпцию невиновности, свободу слова и совести.

Людовик XVI отказался санкционировать Декларацию и декреты 5-11 августа. Это дало повод революционным публицистам обрушиться на королевскую власть с новыми нападениями, муссируя слухи об «аристократическом заговоре» против народа. Их агитация еще больше нагнетала обстановку, и без того накаленную перебоями с подвозом продовольствия и дороговизной. Когда 5 октября по Парижу пробежал слух о том, что офицеры короля, демонстрируя ненависть к революции, во время банкета топтали трехцветную кокарду, толпа плебса двинулась на Версаль. За ней туда же отправилась национальная гвардия с Лафайетом во главе. Когда парижане прибыли в Версаль, Людовик XVI обещал им санкционировать Декларацию прав. Однако ночью толпа ворвалась во дворец, убив двух гвардейцев короля. Только вмешательство Лафайета предотвратило дальнейшее кровопролитие. Король вынужден был дать согласие на переезд в Париж. 6 октября он с семьей под охраной национальной гвардии и в окружении толпы покинул Версаль.

События 5–6 октября покончили с одновременным существованием двух суверенных центров власти – абсолютного монарха и Учредительного собрания. Хотя король продолжал считаться первым должностным лицом в государстве, отныне он фактически был заложником Собрания. Абсолютная монархия пала, что подвело черту под трехсотлетней историей Старого порядка.

Учредительное собрание также переехало в Париж, где и продолжило работу над Конституцией. И хотя аграрные волнения и городские беспорядки спорадически вспыхивали в различных частях страны на протяжении и последующих полутора лет, тем не менее, на это время эпицентр Революции переместился с улицы в зал парламентских заседаний. Здесь шла основная борьба между различными политическими силами.

Еще в сентябре, обсуждая вопрос о праве вето короля на принимаемые Собранием законы, депутаты разделились на две части: сторонники абсолютного вето сели справа, сторонники суспензивного (отлагательного) вето – слева. С этого времени понятия «правый» и «левый» приобрели тот политический смысл, в котором их употребляют и сегодня.

Осенью 1789 г. в Собрании уже достаточно четко обозначилось деление депутатов на ряд политических групп («партий»). Роялисты, наиболее видными ораторами которых были аббат Мори и кавалерийский офицер Казалес, противились какому бы то ни было ограничению королевских прерогатив.

Монархисты Мунье, Малуэ, Клермон-Тоннером и др. – весной – летом 1789 г. участвовали в борьбе против абсолютизма и поддержали декреты 5-11 августа, однако в ходе работы над Конституцией выступили за абсолютное вето короля и двухпалатный парламент по образцу английского. После событий 5–6 октября Мунье эмигрировал, а остальные монархисты сблизились с роялистами.

Большинство Собрания составляли сторонники Конституции – «конституционалисты». Среди них было много крупных политических фигур – Лафайет, Талейран, Сийес и др. Левее их находился «триумvirат» Барнав, Дюпор Ш. Ламет. Крайне левую позицию занимали провинциальные адвокаты Ф.Н.Л. Бюзю, Ж. Петион и М. Робеспьер. И над всеми группами возвышался Мирабо, харизматический лидер «левого» крыла Собрания.

Хотя «левое» большинство вместе голосовало за проводимые Собранием реформы, между его вождями постоянно шла скрытая борьба за влияние. Мирабо и Лафайет интриговали друг против друга. «Триумвират» боролся против обоих. Робеспьер, не участвовавший в работе ни одного из комитетов, резко критиковал едва ли не все меры, принимавшиеся его либеральными коллегами. Характерно, что когда возникла реальная возможность для Мирабо стать министром, другие «левые» лидеры инициировали закон, запретивший депутатам входить в правительство. После этого Мирабо вступил в тайную переписку с королем, так пытаясь влиять на его политику. Их контакты продолжались до самой смерти Мирабо в апреле 1791 г.

Помимо участия в работе Собрания, депутаты значительную часть времени проводили в политических клубах, где в кругу единомышленников обсуждали вопросы политики и определяли свою парламентскую стратегию. Большинство «левых» депутатов входило в «Бретонский клуб», переименованный затем в «Общество друзей Конституции». После переезда Собрания в Париж, этот клуб разместился в бывшем монастыре св. Якова, отчего стал называться Якобинским.

Важнейшим средством влияния на общественное мнение была пресса. Имена таких революционных журналистов, как К. Демулен, Ж.П. Бриссо и др. получили широкую известность. Особо среди «левых» изданий выделялась призывами к насилию газета бывшего врача Ж.П. Марата «Друг народа».

Прежде всего, Учредительному собранию предстояло найти выход из финансового кризиса, еще больше углубившемуся летом – осенью 1789 г. Доходы государства катастрофически упали. В обстановке хаоса и вакуума власти большинство населения просто перестало платить налоги. В ноябре 1789 г., по предложению Талейрана, Собрание национализировало собственность церкви. Выставленные на продажу «национальные имущества» стали обеспечением для бумажных денег – ассигнат, выпущенных в оборот для покрытия государственных расходов.

После этого Учредительное собрание вплотную занялось разработкой нового государственного устройства Франции, которое предстояло закрепить в Конституции. В основу нового строя был положен принцип разделения властей: законодательная власть принадлежала Национальному собранию, исполнительная – монарху. Король больше не мог объявлять войну и заключать мир, но сохранял за собой право назначать министров и послов, командовать армией, руководить администрацией. Провозглашалось равенство граждан перед законом, независимо от их происхождения и вероисповедания. Дворянские титулы упразднились. Вместе с тем, на основании имущественного ценза вводилось деление граждан на «активных» и «пассивных». Только «активные» мужчины от 25 лет и старше, платившие прямой налог в размере трехдневной заработной платы и не находившиеся в услужении – получали право избирать должностных лиц и служить в национальной гвардии.

Отменялись все привилегии и другие формы государственной регламентации экономической деятельности – цеха, корпорации, монополии и т. д. Ликвидировались таможи внутри страны на границах различных областей. Вместо многочисленных прежних налогов вводилось три новых – на земельную собственность, движимое имущество и торгово-промышленную деятельность.

Новое административное деление страны упростило и унифицировало систему местной администрации. Вместо прежних провинций с различными нормами обычного права и своими исторически сложившимися административными институтами, было создано 83 департамента, примерно равных по размеру и по численности населения. Все административные единицы получали выборные органы управления.

14 июля 1790 г. в Париже на Марсовом поле состоялся грандиозный праздник Федерации. Представители всех департаментов принесли торжественную клятву верности

«нации, закону и королю». Тем самым все провинции Французского королевства, присоединенные в разное время и по-разному, нередко насильственно, далеко не схожие между собой по истории и культуре, добровольно подтвердили свою принадлежность к единой и неделимой нации.

Правда, очень скоро единодушный энтузиазм праздника Федерации сменился многочисленными политическими и социальными конфликтами. Один из наиболее острых был спровоцирован введением гражданского устройства духовенства. Принятые летом 1790 г. декреты Учредительного собрания о новой организации церкви превращали духовных лиц в государственных служащих. Священники и епископы, избираемые отныне гражданами как обычные должностные лица, должны были получать содержание от государства. Все остальные церковные звания, а также монашеские ордена ликвидировались. Отменялось утверждение епископов Римским Папой. Все духовенство под угрозой отрешения от должности заставляли принести присягу на верность Конституции, что нарушало традиционную автономию церкви от государства. Эти решения вызвали резкое осуждение со стороны Римского Папы и спровоцировали раскол среди французского духовенства. Большинство служителей церкви отказалось принести присягу и лишилось своих мест. На освободившиеся вакансии было избрано 80 новых епископов и 20 тыс. священников. Во многих местах их вступление в должность вызвало конфликты с неприсягнувшим духовенством и привело к расколу паствы на два лагеря.

Со второй половине 1790 г. стала быстро ухудшаться экономическая ситуация. Чрезмерный выпуск ассигнатов спровоцировал всплеск инфляции. Рост дороговизны вызывал волнения сельских и городских «низов». Недовольство плебса активно пытались использовать крайне левые активисты революционного движения. Выдвинувшиеся уже в ходе революции, а потому практически не представленные в Учредительном собрании, они критиковали депутатов Собрания за недостаточную решительность и, выдвигая радикальные, порою откровенно популистские лозунги, стремились получить поддержку масс. В Париже центром такого радикализма стал Клуб кордельеров, куда входили такие левые политики, как Марат, Демулен, Ж. Дантон и другие.

В июне 1791 г. разразился острый политический кризис в связи с попыткой бегства короля за рубеж. Людовик XVI, лишившись после смерти Мирабо своего тайного защитника в Собрании и все больше чувствуя себя в Тюильри на положении пленника, согласился с планом побега, разработанным его окружением. 20 июля король с семьей покинули дворец Тюильри и направились в карете к границе, где их ждали верные войска. Обнаружив утром исчезновение монарха, революционные власти разослали во все стороны курьеров с приказом задержать его. 21 июля в местечке Варен король был опознан и под охраной национальной гвардии возвращен в Париж. А вот его брату, графу Прованскому, бежавшему в тот же день по другой дороге, удалось благополучно пересечь границу.

Бегство Людовика XVI вызвало всплеск анти-монархических настроений. Кордельеры и левая пресса потребовали суда над ним. Впервые с начала революции в печати стали открыто обсуждать возможность установления республики. Однако депутаты-конституционалисты, не желая углублять кризис и ставить под вопрос плоды почти двухлетней работы над Конституцией, взяли короля под защиту и заявили, что он был похищен. Их позиция не нашла поддержки у большинства членов Якобинского клуба, который за предшествующие месяцы заметно полевел. Произошел раскол. Умеренные политики вышли из клуба и образовали новый в бывшем монастыре фельянов.

Попытавшись оказать давление на Учредительное собрание, кордельеры призвали горожан провести 17 июля на Марсовом поле сбор подписей под петицией с требованием об отречении короля. Городские власти запретили манифестацию. Однако собралась возбужденная толпа, которая, обнаружив под трибуной двух бродяг, убила их как «агентов аристократов». На Марсово поле прибыли мэр Байи и Лафайет с отрядом

национальной гвардии. На требование разойтись полетели камни. Национальные гвардейцы открыли огонь, убив несколько десятков человек. Вслед за этим власти произвели аресты некоторых левых активистов. Клуб кордельеров временно закрыли.

3 сентября 1791 г. Учредительное собрание приняло Конституцию, а 30-го прекратило свою работу.

За четыре месяца до своего роспуска Учредительное собрание, по предложению Робеспьера, постановило, что ни один из его депутатов не может быть избран в Законодательное собрание. Подобная демонстрация бескорыстия имела своим следствием то, что членами Законодательного собрания, которое начало работу 1 октября 1791 г., стали люди, не обладавшие опытом законотворчества и государственной деятельности.

Всего было избрано 745 депутатов. Правое крыло Собрания составили фельяны – около 260 чел. Сторонники конституционной монархии, они считали, что с принятием Конституции 1791 г. Революция исчерпала свою миссию и должна быть закончена. Левое крыло Собрания занимали примерно 130 депутатов-республиканцев. Многие из них были членами Якобинского клуба. Среди них выделялось две группы. Лидером более крупной был парижский журналист Бриссо, поэтому ее члены имели прозвище «бриссотинцев». Позднее их также называли «жирондистами», поскольку среди них находился ряд депутатов из департамента Жиронда, в том числе такие блестящие ораторы, как П. Верньо и М.Э. Гюаде. И, наконец, небольшая группа крайне «левых», таких как кордельеры Базир, Шабо и Мерлен (из Тионвиля), занимала в Собрании самые верхние места, из-за чего получила прозвище «монтаньяры» (горцы). Кроме того, к «левому» крылу принадлежало несколько депутатов, не входивших ни в ту, ни в другую группу, например, Л. Карно и Ж. Кутон. Остальные члены Собрания составляли его центр («болото») и поддерживали то одно, то другое крыло.

Едва приступив к работе Законодательное собрание, столкнулось с множеством тяжелейших проблем. Начавшееся в Сан-Доминго восстание черных рабов нарушило экономические связи с колониями. Возникли перебои с поставками колониальных продуктов, входивших в рацион многих жителей французских городов. Недовольные граждане устраивали беспорядки на рынках, а в Этампе толпа растерзала мэра за отказ регулировать цены.

Крестьяне, убедившись, что значительную часть сеньориальных повинностей им придется выкупать, подняли «жакерию» в центральных и южных областях страны. В Лозере и Вандее происходили выступления крестьян против церковной реформы и в защиту неприсягнувших священников.

Ранее принадлежавший Папе Римскому и только что присоединенный к Франции Авиньон оказался охвачен гражданской войной. В октябре 1791 г. страна была потрясена известием о массовой резне мирных жителей, устроенной в башне Гласьер авиньонскими революционерами в ответ на убийство муниципального чиновника.

Обострилась и международная обстановка. Если на протяжении предшествующего периода иностранные государи достаточно нейтрально относились к Французской революции, то с 1791 г. ее события во все больше стали привлекать их внимание. Аннексия Авиньона показала, что хотя революционная Франция на словах и отказалась от завоеваний, фактически для ее вмешательства вполне достаточно, чтобы какая-то часть населения, подняв восстание, обратилась к ней за помощью. Кроме того, австрийский император не мог согласиться с тем, что действие декретов 5-11 августа 1789 г. было распространено на владения немецких князей в Эльзасе, которые, согласно договорам о присоединении к Франции этой территории, оставались под юрисдикцией имперского права. И, наконец, обращение с королевской четой как с пленниками, особенно после Вареннского кризиса, не могло не возмутить царствующих монархов. 27 августа 1791 г. в Пильнице австрийский император и прусский король подписали декларацию в защиту

монархического правления во Франции, оставив за собой право применить для его укрепления все «необходимые средства».

Передовым отрядом интервенции должны были стать французские дворяне-эмигранты, возглавляемые братом короля графом Прованским. При нем было создано правительство под руководством Калонна. При финансовой поддержке иностранных дворов эмигранты сформировали в немецком городе Кобленце 15-тысячную армию принца Конде.

В ноябре 1791 г. Законодательное собрание, по предложению Бриссо, приняло закон, угрожавший конфискацией имущества тем эмигрантам, кто в течение двух месяцев не вернется на родину. Еще один декрет был направлен против неприсягнувших священников, предусматривая для них до двух лет тюрьмы. Король воспользовался своим конституционным правом и наложил вето на эти декреты, вызвав бурю возмущения левых.

«Партии» по-разному отнеслись к угрозе войны. Король и его приближенные связывали с военным конфликтом надежду на подавление революции руками иностранных войск. Желал войны, хотя и по другим причинам, Лафайет, рассчитывая, что, возглавив армию, сможет защитить конституционный порядок от посягательств «слева». А вот близкие к нему по своим политическим взглядам фельяны, напротив, опасались, что война дестабилизирует общество и тем самым погубит Конституцию. Среди «левых» также не было единства мнений. Большинство якобинцев разделяло воинственные настроения Бриссо, полагая, что предстоящая война окончательно дискредитирует двор и приведет к установлению Республики. Но были и несогласные с этим мнением, прежде всего, Робеспьер, призывавший сосредоточиться на борьбе с внутренним, а не внешним врагом.

9 марта 1792 г. король назначил министром финансов Э. Клавьера, внутренних дел – Ж.М. Ролана, иностранных дел – Ш.Ф. Дюмурье. Все они были тесно связаны с жирондистами. Новое правительство сразу взяло курс на войну с австрийским императором, которая была объявлена 20 апреля.

В мае французские войска, почти не встречая сопротивления, вторглись в Бельгию. Однако очень скоро стало ясно, что Франция к войне не готова. Экономический кризис углублялся, налоги собирались плохо, государству не хватало средств, а выпуск все новых ассигнатов подстегивал инфляцию. Армия испытывала недостаток квалифицированных офицеров, поскольку многие из них эмигрировали. Тем же, кто остался, солдаты не доверяли. Дисциплина в войсках была низкая. При первых же серьезных столкновениях с австрийцами французские солдаты бежали, убив своего командира генерала Диллона.

В мае Законодательное собрание приняло еще один репрессивный декрет против неприсягнувших священников, а в начале июня постановило создать под Парижем лагерь для 20 тыс. федератов национальных гвардейцев из разных департаментов, которые должны были прибыть в столицу для празднования годовщины 14 июля. Жирондисты планировали использовать их как военную силу для борьбы против монархии. Король наложил вето на оба закона и отправил жирондистское правительство в отставку, назначив новыми министрами фельянов.

20 июня организованная «левыми» народная манифестация в честь годовщины клятвы в Зале для игры в мяч завершилась вторжением толпы в королевский дворец Тюильри. Король несколько часов находился в окружении плебса, который в грубой форме требовал от него вернуть к власти жирондистов и начать преследование неприсягнувших священников. Лишь прибытие мэра Парижа, жирондиста Петиона позволило удалить толпу из дворца.

В июле на территорию Франции вторглась австро-прусская армия под командованием герцога Брауншвейгского. Собрание провозгласило «Отечество в опасности». Депутаты-жирондисты открыто обвиняли короля в измене. В столицу со всей Франции стягивались отряды федератов. После праздника 14 июля им было предложено отправиться на фронт,

но они отказывались это сделать, требуя низложения короля. К тому же призывали и наиболее радикально настроенные секции (районы) Парижа. 29 июля в Якобинском клубе Робеспьер также призвал низвергнуть монарха и созвать Национальный Конвент для пересмотра Конституции.

1 августа в Париже стало известно о манифесте герцога Брауншвейгского, где тот обещал разрушить французскую столицу и покарать ее жителей, если королю будет причинен вред. Однако его угрозы вызвали именно те последствия, которые должны были предотвратить.

В ночь на 10 августа уполномоченные от всех секций Парижа собрались в Ратуше и, отстранив законно избранный муниципалитет, создали повстанческую коммуну. Утром повстанцы – парижский плебс и федераты – попытались захватить королевский дворец Тюильри. Защищавшие его дворяне и швейцарские гвардейцы отбили первый натиск с большими потерями для нападавших. Однако король, искавший с семьей убежища в Законодательном собрании, под нажимом депутатов отдал приказ гарнизону Тюильри сложить оружие. Тот подчинился, после чего большинство находившихся во дворце людей, включая слуг, были зверски убиты толпой. Лишившийся своих последних защитников монарх был отстранен Законодательным собранием от власти и арестован.

11 августа Собрание приняло декрет о проведении на основе всеобщего голосования выборов в Национальный Конвент, которому предстояло определить будущее государственное устройство Франции.

События 10 августа открыли новую стадию революции. Если до этого ведущую роль в борьбе против монархии играли представители просвещенной элиты, которым в целом удавалось удерживать плебс под своим влиянием, то теперь движение «низов» обрело автономный характер, имея собственный организующий центр – коммуну Парижа.

Армия герцога Брауншвейгского неумолимо приближалась к французской столице. 23 августа пала крепость Лонгви, 2 сентября – Верден. Население Парижа было охвачено страхом. Распространялись слухи о предательстве и об аристократическом «заговоре». Эти настроения вылились в массовые убийства заключенных тюрем, организованные 2–5 сентября революционными активистами при откровенном попустительстве коммуны и полном бессилии Законодательного собрания помешать происходящему. Погибло до 1,5 тыс. человек, в основном не имевших никакого отношения к политике. Вслед за Парижем, подобные убийства имели место и в некоторых других городах.

20 сентября собрался Национальный Конвент. Из 749 его членов 500 были юристами, лицами свободных профессий и государственными служащими. Треть депутатов уже имели опыт работы в Учредительном и Законодательном собраниях.

Ведущая роль в Конвенте принадлежала республиканским «партиям», между которыми, однако, шла острая борьба практически по всем вопросам внутренней и внешней политики. Правое крыло занимали жирондисты (примерно 140 человек), среди которых были такие крупные политические фигуры, как Бриссо, Верньо, Гюаде, Петион, Бюзо и др. Они опирались на провинциальные элиты, в частности, больших торговых городов Юга, которые были недовольны диктатом Парижа и тем влиянием на общегосударственные дела, которым пользовалась коммуна. Сторонники строгого соблюдения правовых норм, жирондисты отвергали чрезвычайные меры, основанные на «революционной необходимости», и резко осуждали сентябрьские убийства, требуя привлечь виновных к ответу.

Левое крыло – «партия» монтаньяров (сначала чуть более 110 человек, со временем их число выросло примерно до 150) представляла собою пестрый конгломерат людей с разными социальными и экономическими взглядами, объединенных, однако, приверженностью к радикальным политическим методам. В борьбе с жирондистами монтаньяры нередко апеллировали к плебсу и в случае необходимости прибегали к

поддержке коммуны. Важным инструментом влияния на общественное мнение им служил Якобинский клуб, откуда в октябре 1792 г. были исключены жирондисты и где, напротив, состояло подавляющее большинство монтаньяров. (Начиная с этого времени, понятия «монтаньяр» и «якобинец» практически совпадают.) Клуб имел связь с аналогичными обществами в других городах, образовавшими своего рода сеть, по которой революционные импульсы из Парижа распространялись во все концы страны. Лидерами монтаньяров были Робеспьер, Дантон и Марат. Кроме того, в эту группировку входили такие известные деятели революции, как Демулен, Кутон и др. Очень быстро на первые роли выдвинулся молодой юрист из Пикардии Л.А. Сен-Жюст.

Между двумя враждующими группами располагалось «болото» или «равнина» пассивное большинство (около 500 депутатов), поддерживавшее то одних, то других.

Начало работы Конвента ознаменовалось первым успехами революционных войск на фронте. 20 сентября при Вальми армия под командованием Дюмурье после продолжительной артиллерийской перестрелки заставила пруссаков отступить, а 6 ноября нанесла поражение австрийцам при Жемаппе. Развивая наступление, французские войска перенесли боевые действия на территорию сопредельных государств.

21 сентября Конвент упразднил монархию и объявил о создании Республики, конституцию которой ему теперь предстояло разработать. Однако сначала надо было решить судьбу короля. После обнаружения в Тюильри тайника, где хранилась секретная переписка Людовика XVI с эмиграцией и иностранными державами, содержащая просьбу вооруженного вмешательства во французские дела, Конвент большинством голосов постановил устроить процесс над королем, хотя Робеспьер и предлагал казнить того без суда. Роль трибунала взяли на себя сами депутаты.

Жирондисты пытались спасти бывшему монарху жизнь или хотя бы отложить приведение приговора в исполнение, но при поименном голосовании 16–17 января 1793 г. большинство депутатов «болота», испытывая моральное давление со стороны плебса, заполнявшего зрительские трибуны Конвента, высказалось вместе с монтаньярами за смертную казнь без отсрочки. 21 января Людовику XVI отрубили голову.

Казнь короля окончательно испортила отношения революционной Франции с большинством европейских государств, которых и так уже тревожила ее аннексионистская политика. Отказываясь на словах от завоеваний, Конвент на деле присоединил к Франции Савойю и готовил аннексию Бельгии (состоялась 1 марта 1793 г.). После того, как ряд стран отозвал из Парижа своих послов, Конвент 1 февраля 1793 г. объявил войну Англии, а 18 марта – Испании. Державы, вовлеченные в войну с Францией, образовали коалицию (первая анти-французская коалиция), к которой присоединились также Голландия, Португалия, итальянские и германские государства.

С возникновением новых фронтов Конвент вынужден был объявить дополнительный набор в армию 300 тыс. человек. Одновременно были ужесточены меры против внутренних противников революции: по инициативе Дантона, в марте вышел декрет о создании Революционного трибунала.

Тем не менее, весной 1793 г. военная ситуация Республики ухудшилась. После поражения при Неервиндене, Дюмурье попытался повернуть свою армию против Конвента, но, потерпев неудачу, бежал к неприятелю. Измена командующего деморализовала французские войска: под натиском австрийцев они оставили позиции в Бельгии. На Рейне пруссаки также перешли в наступление. В Вандее, на западе Франции, где крестьяне и прежде выражали недовольство религиозной политикой революции, попытка провести рекрутский набор спровоцировала восстание, охватившее весь департамент.

Перед лицом военной угрозы Конвент усилил централизацию управления, создав в апреле Комитет общественного спасения для координации усилий по обороне

республики. Во все армии были направлены депутаты Конвента с чрезвычайными полномочиями. Принятые в марте – апреле декреты предусматривали усиление репрессий против врагов революции. Чтобы снизить напряженность в городах, вызванную непрерывным ростом дороговизны, Конвент 4 мая ввел ограничение цен («максимум») на хлеб.

Военные неудачи обострили борьбу «партий» и в самом Конвенте. Якобинцы открыто обвиняли жирондистов в измене, натравливая на них плебс. Особенно усердствовал Марат.

Жирондистам удалось добиться предания его суду Революционного трибунала, но тот оправдал «друга народа». 18 мая Конвент постановил создать «Комиссию 12-ти» для расследования действий, направленных против общественного спокойствия. Эта Комиссия, куда вошли жирондисты и умеренные депутаты, отдала приказ об аресте за подстрекательские призывы журналиста Эбера, являвшегося также заместителем прокурора коммуны. В ответ секционные активисты приступили к подготовке восстания. 31 мая отряды национальной гвардии окружили Конвент и, направив на него орудия, потребовали роспуска Комиссии 12-ти и предания суду 22 жирондистов. Депутатам удалось успокоить народ, ограничившись ликвидацией Комиссии. Однако недовольные таким исходом руководители восстания вновь подняли плебс 2 июня и опять осадили Конвент. Под угрозой применения насилия и под нажимом якобинцев «болото» дрогнуло. Большинство проголосовало за арест 29 жирондистов. Власть в Конвенте перешла к якобинцам.

Известие о насильственном изгнании депутатов-жирондистов из Конвента вызвало в провинции движение протеста, которое якобинцы назвали «федералистским мятежом». Власти северных департаментов начали формировать армию для наступления на Париж. Движение охватило также крупные города Юга – Бордо, Марсель, Ним и др. В самом же Париже юная республиканка из Нормандии Шарлотта Корде 13 июля убила Марата, надеясь, что смерть «этого чудовища» позволит остановить гражданскую войну. Хотя инициатива протеста исходила от местных республиканских властей, в некоторых местах к руководству им пришли роялисты. Так, в Тулоне под влиянием роялистов муниципалитет сдал город англичанам. В Лионе, где глава местных якобинцев Шалье был арестован еще 29 мая, а спустя несколько недель казнен, офицеры-роялисты взяли на себя командование повстанческими отрядами.

На фронтах республиканские войска терпели одну неудачу за другой. После упорной обороны пал Майнц. С северо-востока успешно развивалось наступление австрийской армии. Англичане захватили французские колонии в Вест-Индии. Вандейские повстанцы, разгромив правительственные войска в своем департаменте, переправились через Луару, чтобы поддержать шуанов – партизан-роялистов в Бретани.

В этой сложнейшей ситуации пришедшие к власти якобинцы постарались, прежде всего, обеспечить себе поддержку масс. 3 июня появился декрет о продаже конфискованных у эмигрантов земель небольшими участками с рассрочкой в 10 лет, 17 июня были полностью и безвозмездно отменены все сеньориальные повинности. 24 июня Конвент 1793 г. принял новую Конституцию. Согласно ей, республикой должно было управлять однопалатное собрание, избираемое прямым голосованием всех граждан мужского пола, достигших 21 года. Наряду с представительным органом предполагалось введение элементов прямой демократии: законы передавались на утверждение первичным собраниям избирателей, и тот закон, против которого высказывалось определенное количество таких собраний, подлежал вынесению на референдум. Подобная процедура участия каждого гражданина в законотворчестве, несомненно, импонировала массам своим демократизмом, но едва ли была реально осуществима. Впрочем, якобинцы и не собирались немедленно вводить Конституцию в действие, отложив это до «мирного времени».

Принятие самой демократичной для того времени Конституции носило скорее пропагандистский характер. На деле же якобинцы укрепляли чрезвычайные органы власти и усиливали репрессивное законодательство. После изгнания жирондистов состав Комитета общественного спасения обновился. В него вошли якобинские лидеры Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон. Именно этому «робеспьеристскому триумvirату» принадлежала ведущая роль в революционном правительстве на протяжении последующего года.

Впрочем, само становление режима революционного правления, который историки позднее назовут «якобинской диктатурой», происходило отнюдь не по какому-либо плану, а в значительной степени спонтанно – под влиянием сиюминутных обстоятельств и действия различных факторов, одним из важнейших среди которых было давление плебса. Так, введенные в июле 1793 г. жесткие меры против скупщиков и спекулянтов, вплоть до смертной казни, стали ответом на соответствующие требования плебейских революционеров, получивших прозвище «бешеных». Массовое движение парижских «низов» 4–5 сентября, возглавлявшееся коммуной, заставило Конвент «поставить террор в порядок дня», принять «максимум» цен и заработной платы и создать особые отряды для изъятия у крестьян продовольствия по фиксированным ценам – «революционную армию».

10 октября Конвент декретом официально провозгласил установление революционного порядка правления – чрезвычайной формы власти, которую Робеспьер позже определит как «деспотизм свободы». Этим актом Конвент оформил свое право осуществлять исполнительную власть через комитеты. Хотя министерства сохранялись, за ними были оставлены лишь технические функции. Реально же главным центром принятия политических решений, т. е. собственно правительством, был Комитет общественного спасения. Важная роль также принадлежала Комитету общей безопасности, ведавшему полицией.

На местах представителями центральной власти стали депутаты Конвента, отправленные в различные департаменты и армии. Эти «проконсулы» обладали практически неограниченными полномочиями, подчинялись непосредственно Комитету общественного спасения, а по завершении миссии отчитывались перед Конвентом.

Основным средством удержания власти и достижения своих политических целей для якобинцев стал террор – систематические репрессии, проводимые не только для того, чтобы уничтожить реальных противников, но и для того, чтобы запугать всех недовольных действиями властей, подавить их волю к сопротивлению. Нагнетанию страха служили не только постоянные публичные казни: 16 октября – королевы Марии-Антуанетты, 31-го – 21 жирондиста (Бриссо, Верньо и др.), 6 ноября – бывшего герцога Орлеанского (после свержения монархии он носил имя Филипп Эгалите, т. е. «Равенство»), 10-го – Байи, 28-го – Барнава и т. д. – но и крайне растяжимые рамки репрессивных законов, под действие которых мог попасть любой человек. Так, по принятому 17 сентября 1793 г. закону о подозрительных, тюремному заключению на неопределенный срок («до заключения мира») подлежали, например, лица, которым местные власти отказали в свидетельстве о благонадежности, государственные служащие, отрешенные от своих должностей и т. п. Согласно же уточняющему этот закон постановлению коммуны Парижа, «подозрительными» следовало считать тех, кто «ничего не сделал против свободы, равным образом ничего и не сделали в ее пользу».

Одновременно, революционные власти активно проводили военно-организационную работу. В Комитете общественного спасения ею занимались Карно, Ленде и Приер (из Кот-д'Ор), которых называли «специалистами», в отличие от остальных членов Комитета – «политиков». В короткий срок были созданы новые мануфактуры для производства оружия, боеприпасов и снаряжения, налажено снабжение войск. Бесперебойное пополнение армий личным составом обеспечил декрет от 23 августа о массовом призыве новобранцев, фактически закон о всеобщей воинской обязанности.

Энергичные усилия позволили якобинскому правительству в достаточно короткий срок переломить ситуацию. Уже в июле 1793 г. был подавлен «федералистский мятеж» в Нормандии, 25 августа – в Марселе. 9 октября правительственные войска штурмом взяли Лион, 16 октября без боя вступили в Бордо. Тулон пал 19 декабря после ожесточенных боев, в которых особо отличился артиллерийский офицер Наполеон Бонапарт. В декабре на правом берегу Луары были разгромлены основные силы вандейцев.

За военными победами над внутренними противниками следовали жестокие репрессии. После взятия Лиона Конвент постановил разрушить этот город. Под руководством депутатов Ж.М. Колло д'Эрбуа и Ж. Фуше многие здания были взорваны, две тысячи жителей казнены. В Нанте по приказу «проконсула» Ж.Б. Каррье несколько тысяч людей было утоплено в Луаре. В Вандее карательные отряды – «адские колонны» генерала Тюро – вырезали целые деревни, не щадя ни детей, ни женщин.

На внешних фронтах осенью 1793 г. непосредственная угроза Республике также была устранена. Французские войска под командованием Журдана и Карно отбросили силы коалиции на северо-востоке. Генералы Гош и Пишегрю нанесли ряд поражений пруссакам и австрийцам в Эльзасе. К концу года практически на всех направлениях, кроме пиренейского, армии Республики вытеснили врага с французской территории. В следующую кампанию они перенесли боевые действия уже на территорию неприятеля. Наиболее важной в 1794 г. стала победа армии Журдана над объединенными силами анти-французской коалиции при Флерюсе 26 июня, после чего вся Бельгия перешла в руки французов.

С ослаблением внешней опасности обострились противоречия внутри революционного лагеря. Если в сентябре – октябре 1793 г. и Робеспьер, и ультралевые руководители коммуны Шометт и Эбер вместе участвовали в разгроме «бешеных», которые вновь попытались оказать давление на власть, потребовав дальнейшего ужесточения государственного контроля над экономикой, то уже в ноябре робеспьеристы и эбертисты заняли диаметрально противоположные позиции по вопросу об отношении к католической религии. Принятие Конвентом 5 октября нового, революционного календаря, призванного заменить прежний, связанный с христианским культом, ультралевые использовали как повод для начала «дехристианизации» – кампании против католической веры. В Париже это движение возглавила коммуна. «Дехристианизаторы» закрывали католические храмы, принуждали священников к отречению от сана, глумились над христианскими святынями. В провинции такие же действия инспирировали некоторые из «проконсулов», например, Фуше. Взамен католической религии ультралевые пытались насадить «культ Разума», предполагавший почитание революции и «мучеников свободы» (Марата, Шалье и др.). Однако большинство Конвента крайне негативно отнеслось к их инициативе. В конце ноября – начале декабря против «дехристианизации» решительно выступили Робеспьер и Дантон, положив ей конец. Впрочем, между этими наиболее влиятельными лидерами якобинцев также существовали серьезные разногласия. С конца ноября Дантон, Демулен и их сторонники, получившие прозвище «снисходительных», развернули агитацию против продолжения террора, но встретили жесткий отпор со стороны робеспьеристов.

Прекращение террора ни в коей мере не входило в планы Робеспьера. Еще в декабре 1793 г. он заявил о необходимости сформулировать позитивный идеал, к осуществлению которого должна привести революция, а в феврале 1794 г. изложил свое видение этого идеала. Результатом революции, по мнению Робеспьера, должно было стать общество нравственно совершенных людей, готовых безоговорочно жертвовать своими личными интересами ради общественных. Основным средством реализации этой этической утопии Робеспьер считал террор, которым надо очистить общество от нежелающих следовать требованиям добродетели. Видя в революции проявление вечной борьбы добродетели и порока, он трактовал любые политические разногласия в категориях этики. По мнению Робеспьера, тот, кто не разделяет его стремления к «царству добродетели», «нравственно

испорченный», порочный человек, а значит – «контрреволюционер», подлежащий уничтожению. Именно таковыми он считал эбертистов и дантонистов.

В начале марта 1794 г. Эбер и некоторые его сторонники заявили в Клубе кордельеров о необходимости восстания для проведения новой чистки Конвента. И хотя этот призыв не имел практического продолжения, Комитет общественного спасения использовал его как повод для разгрома ультралевых. Их лидеров арестовали в ночь с 13 на 14 марта, предали суду Революционного трибунала и спустя несколько дней казнили. Состав коммуны был радикально обновлен: ее возглавили сторонники Робеспьера.

После этого настала очередь «снисходительных». 30 марта были арестованы Дантон, Демулен и еще ряд депутатов Конвента. В начале апреля над ними состоялся суд. Чтобы добиться обвинительного приговора для людей, имевших среди революционеров огромный авторитет, робеспьеристам пришлось грубо нарушить процессуальные нормы. Приговор был вынесен, обвиняемые казнены.

Важным шагом на пути к «царству добродетели», по мнению Робеспьера, должно было стать введение гражданского культа Верховного существа, которой бы обеспечил сакрализацию республиканских добродетелей. 7 мая Конвент после доклада Робеспьера принял декрет, где сформулировал принципы новой религии и установил соответствующие праздники. Первый из них состоялся уже на следующий день. Однако насаждаемый сверху искусственный культ не нашел отклика в народе.

Другой мерой по реализации робеспьеристского идеала стало ужесточение террора. 10 июня 1794 г. (по революционному календарю – 22 прериала II года Республики) по докладу Кутона, активно поддержанного Робеспьером, Конвент принял декрет, лишивший обвиняемых права на защиту и предусматривавший для «врагов народа» единственное наказание – смертную казнь. Само понятие «враг народа» было крайне расплывчатым. Таковыми, например, признавались те, кто «пытается вводить народ в заблуждение и препятствовать его просвещению, портить нравы и развращать общественное сознание». Закон 22 прериала открыл дорогу Великому террору. Только в Париже с 11 июня по 27 июля было казнено 1376 человек.

Среди депутатов Конвента росло недовольство диктаторской властью Робеспьера и его сподвижников. Те, зная о зреющей оппозиции, готовились нанести по ней удар. Однако она опередила их. 27 июля (9 термидора), когда Сен-Жюст собирался выступить в Конвенте с обвинениями против ряда депутатов, часть монтаньяров, в том числе членов Комитета общественного спасения, открыто обвинила Робеспьера и его окружение в «тирании» и при поддержке «болота» провела декрет об их аресте. На следующий день Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и их сторонники (всего 22 человека) были казнены. Якобинская диктатура пала.

Свержение Робеспьера положило конец системе террора. Хотя некоторые из термидорианцев (так называли участников «революции 9 термидора») и хотели бы сохранить ее в прежнем виде, большинство членов Конвента, где тон теперь задавали депутаты «болота» (Сийес, Тибодо, Буасси д'Англа, Камбасерес и др.), сочло необходимым ее демонтировать. Уже в августе 1794 г. полномочия Комитетов общественного спасения и общей безопасности были существенно сокращены, Революционный трибунал реорганизован, коммуна упразднена. На свободу вышли все, кто находился в тюрьмах по закону о подозрительных и против кого не было выдвинуто никакого обвинения. Осенью власти закрыли Якобинский клуб. Состоялись процессы над наиболее одиозными «террористами» – организатором утоплений в Нанте Каррье, «палачом Арраса» Лебоном, обвинителем Революционного трибунала Фукье-Тен-вилем. Все они были осуждены и казнены. Весной 1795 г. Конвент постановил выслать в Гвиану ряд бывших монтаньяров, которые играли видную роль в период революционного правления, в том числе членов Комитета общественного спасения Колло д'Эрбуа, Бийо-

Варенна и Барера, хотя они тоже принимали участие в свержении Робеспьера. Одновременно в Конвент вернулись оставшиеся в живых жирондисты.

Но если в Париже разрушение системы террора носило в целом правовой характер, то в провинции оно нередко принимало форму стихийных расправ населения с бывшими функционерами революционных органов власти. Особенно широкий размах подобное насилие приобрело в тех областях, где революционный террор ранее был особенно жесток (Лионе, Ниме, Авиньоне).

Якобинская политика государственной регламентации экономики также подверглась пересмотру. В декабре 1794 г. был отменен «максимум», вызывавший острое недовольство производителей, особенно крестьян. Однако этот, в принципе необходимый для восстановления экономики шаг имел своим прямым следствием стремительный рост цен и падение стоимости ассигнатов. Крестьяне, утратив доверие к бумажным деньгам, ограничили поставки продовольствия в города. К тому же, урожай 1794 г. оказался не слишком обильным. В Париже возникли перебои с продуктами, что вынуждало торговцев еще выше поднимать цены.

В марте 1795 г. в столице имели место голодные волнения. 1 апреля (12 жерминаля) толпа плебса вторглась в Конвент, требуя хлеба и введения в действие Конституции 1793 г. Движение носило мирный характер и закончилось без кровопролития. Зато 20 мая (1 прериала), когда предместья Парижа вновь восстали, вооруженные повстанцы, заняв Конвент, убили одного из депутатов. Воспользовавшись моментом, последние из монтаньяров заставили Конвент принять декреты, по сути означавшие возврат к чрезвычайным методам правления. Когда к ночи толпа разошлась, эти декреты были отменены, а их инициаторы арестованы. Власти стянули в столицу войска и 24–25 мая разоружили жителей предместий. Зачинщики и наиболее активные участники беспорядков предстали перед судом. Шести депутатам-монтаньярам военная комиссия вынесла смертный приговор.

Роялисты, воодушевленные междоусобной борьбой в революционном лагере, предприняли в июне 1795 г. вторжение в Бретань, высадившись с английских кораблей на полуострове Киберон. Они рассчитывали получить помощь от шуанов, но были блокированы республиканскими войсками и разгромлены. А 4–5 октября (12–13 вандемьера) роялисты подняли мятеж в самом Париже и уже приближались к Конвенту, когда артиллерия генерала Бонапарта рассеяла их залпами картечи.

22 августа Конвент принял новую Конституцию. Согласно ей, законодательную власть в Республике осуществлял двухпалатный парламент – Законодательный корпус, избираемый на двухстепенных выборах. Имущественный ценз ограничивал число избирателей 30 тыс. Нижняя палата – Совет пятисот – законы разрабатывала, верхняя – Совет старейшин – принимала. Ежегодно обе палаты обновлялись на 1/3. Исполнительной властью наделялась Директория из 5 человек, выбираемых верхней палатой из списка кандидатов, предложенного нижней. Число местных властей было сокращено, а сами они поставлены под контроль представителей центрального правительства. Зная о крайней непопулярности Конвента в стране и не надеясь победить на свободных выборах, депутаты под предлогом сохранения преемственности приняли закон, по которому они же и составили 2/3 Законодательного корпуса. 25 октября Конвент прекратил свою работу.

Правление Директории началось в благоприятной для Франции внешнеполитической обстановке. Еще в апреле 1795 г. был подписан мир с Пруссией, в мае – с Голландией, в июле – с Испанией. Франция присоединила к себе Бельгию и оккупировала правый берег Рейна. Следующие годы принесли новые военные успехи. В 1796 г. Бонапарт разгромил в Северной Италии австрийские и сардинские войска. Сардиния вышла из войны, уступив Франции Савойю и Ниццу. После еще одной победоносной кампании Бонапарта в 1797 г. Австрия 17 октября подписала мир в Кампо-Формио, признав французские права на Бельгию, Ионические острова и левый берег Рейна. Кроме того, Франция существенно

укрепила свои позиции на континенте, создавая зависимые от себя дочерние республики Батавскую (Голландия), Гельветическую (Швейцария), Цизальпийскую (Ломбардия), Лигурийскую (Генуя), Римскую, Парthenопейскую (Неаполь). Единственным противником Французской Республики оставалась Англия.

Огромные контрибуции с оккупированных земель дали Директории необходимые средства для проведения финансовой реформы. В феврале 1796 г. прекратился выпуск ассигнат и началось постепенное возвращение к использованию звонкой монеты. В сентябре – декабре 1797 г. правительство осуществило частичное банкротство, значительно сократив государственный долг, а оставшуюся его часть переоформило на более выгодных для себя условиях.

Главной слабостью режима была узость его социальной базы. Властям приходилось постоянно считаться и с «левой» угрозой – якобинцами, и с «правой» сторонникам реставрации монархии. Директория проводила «политику качелей»: борясь с «правыми», искала поддержки у «левых» и наоборот.

После роялистского мятежа в вандемьере, правительство освободило из тюрем многих бывших «террористов». Однако вскоре они составили заговор, возглавлявшийся журналистом Г. Бабефом. Позднее это движение получило название «заговора равных». Сторонники Бабефа – бабувисты – планировали захватить власть и, установив режим революционной диктатуры, построить коммунистическое общество с жесткой регламентацией государством всех без исключения сторон жизни. В мае 1796 г. заговор был раскрыт, двое его руководителей, в том числе Бабеф, осуждены на смертную казнь, остальные – на тюремное заключение.

Репрессии против «левых» способствовали тому, что весной 1797 г. на очередных выборах 1/3 депутатов Законодательного корпуса победу одержали сторонники монархии. В течение лета роялистское большинство отменило законы против эмигрантов и неприсягнувших священников. Оно готовилось сместить и Директорию, но та успела нанести удар первой. 4 сентября (18 фрюктидора) она при поддержке республиканских генералов, включая Бонапарта, произвела государственный переворот. Результаты выборов были аннулированы, депутаты-роялисты арестованы и высланы из страны, десятки монархических газет закрыты, репрессивные законы против неприсягнувшего духовенства и эмигрантов восстановлены.

Однако крен «влево» привел на апрельских выборах 1798 г. к победе якобинцев. Директории, чтобы сохранить необходимое ей соотношение голосов в Законодательном корпусе, пришлось организовать проверку полномочий вновь избранных депутатов и таким образом отсеять «левых».

Внутренняя нестабильность усугубилась в 1798 г. осложнениями во внешней политике. Стремясь подорвать экономическую мощь своего последнего противника – Англии, Директория направила в Египет армию под командованием Бонапарта, чтобы перерезать английские коммуникации с Индией и Левантом. Но после успешного начала экспедиции и захвата Египта, французские войска понесли большие потери в Сирии, а британский адмирал Нельсон уничтожил французский флот в сражении при Абукире. Одновременно в Европе образовалась вторая анти-французская коалиция, куда, кроме Англии, вошли Австрия, Россия, Швеция, Турция и неаполитанский король. В 1799 г. русско-австрийские войска под командованием А.В. Суворова разбили французов в Италии. «Дочерние» республики на Апеннинском полуострове пали. Англо-русский корпус высадился в Голландии.

Военные неудачи еще больше пошатнули авторитет Директории. Выборы весной 1799 г. вновь завершились успехом «левых». Подобные «качели» вызывали растущее недовольство новых элит французского общества – тех людей, кто был обязан революции своим состоянием и высоким социальным статусом. Они хотели иметь более стабильную

власть, которая гарантировала бы их как от возврата к революционной диктатуре, так и от реставрации Старого порядка.

Заговор, направленный на изменение формы правления, возник в самих правящих кругах. Его инициатором стал Сийес, член Директории. Для осуществления плана ему нужна была «шпага» – один из влиятельных генералов Республики. В октябре 1799 г. в Париж вернулся Бонапарт. Именно его заговорщики и решили использовать для осуществления переворота.

9 ноября 1799 г. (18 брюмера) Законодательный корпус под предлогом «якобинского заговора» был переведен в Сен-Клу. Бонапарт, назначенный командующим столичным гарнизоном, принял на себя всю власть в городе. Двое членов Директории – Сийес и Р. Дюко добровольно сложили свои полномочия, еще троих это заставили сделать. 10 ноября Бонапарт во главе отряда гренадеров прибыл в Сен-Клу и, когда депутаты отказались подтвердить его полномочия, просто разогнал их. Вечером те члены Законодательного корпуса, что поддержали переворот, были снова собраны в Сен-Клу и проголосовали за передачу исполнительной власти трем временным консулам – Бонапарту, Сийесу и Дюко. На смену республике пришла военная диктатура. Французская революция закончилась.

Франция в XIX в.

Консульство и Империя

Переворот 18 брюмера открыл череду постреволюционных режимов. Шел поиск новой модели общества и государства на место традиционного устройства Франции, разрушенного в революционное десятилетие. Политический режим, установившийся во Франции в 1799–1814 гг., получил название бонапартизма. Несмотря на разные формы правления, сопутствовавшие ему, власть была сосредоточена в руках одного человека. Наполеон Бонапарт (1769–1821), выходец из обедневшей корсиканской семьи, француз по воспитанию, был выдающимся государственным деятелем и гениальным полководцем. Французская нация, уставшая от гражданских войн и политической нестабильности, сопровождавшей революцию, но не желавшая реставрации Старого порядка, с готовностью подчинилась диктатуре победоносного вождя.

Ко времени прихода к власти Наполеон имел вполне сложившуюся систему взглядов. Он был противником революции как политического процесса, сопровождавшегося борьбой внутри гражданского общества. Своей заслугой Наполеон считал окончательное подавление «анархии» во Франции. Вместе с тем, он был наследником революции в смысле приверженности многим ее принципам и учреждениям. Наполеон принадлежал к числу людей, обязанных своими успехами лишь себе, а потому всемерно поддерживал утвержденный революцией принцип гражданского равенства, отмену системы привилегий сословного общества Старого порядка. Бонапарт не желал реставрации традиционной династии Бурбонов. Он был приверженцем принципа народного суверенитета, толкуя его своеобразно: народ сам не может управлять, но вождь, олицетворяющий нацию, должен действовать в интересах большинства.

Наполеон был убежден в том, что обществом можно управлять только на основе принципа единоначалия. Он враждебно относился к доктринам парламентского правления и политического плюрализма, утверждал, что в ассоциациях преобладают частные, корпоративные, а не общенациональные интересы. Философии индивидуализма Наполеон противопоставлял идею приоритета государственных интересов над личными. В начале XIX в. во Франции подавляющее большинство населения составляло крестьянство, а потому обеспечение свободы не было столь востребовано обществом, как гарантии гражданского равенства и частной собственности. Наполеон имел основания утверждать: «Свобода может быть потребностью весьма малочисленного класса людей, от природы одаренного более высокими способностями, чем масса, но потому она и может быть подавляема безнаказанно, тогда как равенство, наоборот, нравится именно массе». Ориентация на ценности демократических слоев традиционного, аграрного общества, сочетание идей гражданского равенства и авторитаризма, объединение нации славой военных побед и завоеваний, – эти характерные черты сближают политический режим бонапартизма с цезаризмом эпохи античного Рима.

13 декабря 1799 г. был обнародован проект Конституции, составленный специально для этой цели сформированными двумя законодательными комиссиями. Важнейшие положения документа были продиктованы Бонапартом, который отверг первоначальный проект Сийеса, пытавшегося не допустить установления во Франции личной военно-административной власти. Действуя с позиции силы, Бонапарт не допустил обсуждения своего проекта в законодательных комиссиях, а вынес его на плебисцит, апеллируя к принципу народного суверенитета. Популярность генерала обеспечила полный успех его предприятию: Конституция была принята подавляющим большинством голосов (3 млн «за», 1562 «против»).

Конституция 1799 г. установила республиканское правление, которое, однако, сочеталось с единоличной властью Бонапарта. Особенности политического режима, а также названия учреждений – Трибунат, Сенат, консулы – эта республика скорее напоминала *Respublica* Цезаря и Октавиана, нежели государственный строй эпохи Конвента.

Восстанавливалось всеобщее избирательное право – для мужчин с 21 года. Имущественный ценз Конституцией не предусматривался, оговаривался лишь независимый статус избирателя и ценз оседлости. Однако, рядовые избиратели участвовали лишь в составлении списков кандидатов на государственные должности. Избиратели коммун делегировали 1/10 своего числа в коммунальные списки, 1/10 от числа попавших в эти списки попадали в департаментские списки, а 1/10 последних – в национальный. В национальный список автоматически попадали лица, хотя бы однажды занимавшие высокие государственные должности (так называемые, наполеоновские нотабли). Правительство заполняло вакансии на основании этих списков. Так был реализован основополагающий принцип бонапартистского режима: доверие идет «снизу», а власть – «сверху».

В Конституции формально сохранялся принцип разделения властей, но реальные полномочия передавались правительству, которое одно, по мнению Наполеона, способно выражать общенациональные интересы. Правительство возглавляли три консула, избравшиеся на 10 лет одной из законодательных палат – Сенатом. Однако, первый состав консулов был определен в тексте Конституции. Всей полнотой правительственной власти обладал первый консул – Наполеон Бонапарт. В его компетенцию входило назначение на высшие военные и государственные должности, командование армией, подписание и обнародование законов. Важнейшие распоряжения первого консула приобретали силу закона. Его коллеги, консулы Комбасерес и Лебрен, обладали только совещательным голосом и не могли составить конституционного противовеса диктатуре Бонапарта.

Управление страной Бонапарт осуществлял при помощи хорошо отлаженного, эффективного и централизованного бюрократического аппарата. Министерства работали под непосредственным контролем первого консула, который лично проводил заседания, давал поручения должностным лицам и осуществлял контроль за их исполнением. В департаментах согласно закону 17 февраля 1800 главами администраций стали префекты, в округах – супрефекты, в муниципалитетах – мэры. Вакансии на эти должности заполнялись лично первым консулом (мэров небольших общин, в которых было менее 5 тыс. жителей, назначал префект). Главам администраций помогали провинциальные советы, в которые входили назначенные Наполеоном лица из числа избранных в муниципальные или департаментские списки. Париж внушал первому консулу опасения революционными традициями и огромным влиянием на страну. С этой целью столица была лишена административного единства и самоуправления. Город с окрестностями получил статус департамента, делился на 11 округов во главе с назначенными Бонапартом мэрами, центральное управление находилось в руках префекта, а охрана общественного порядка передавалась префекту полиции, которому подчинялись полицейские комиссары в округах.

С целью обеспечить безраздельное господство правительства над законодательной властью, последняя была раздроблена на 4 палаты. Проекты законов готовились в Государственном совете, члены которого назначались первым консулом. Обсуждение законопроектов осуществлялось Трибуналом, а утверждение или отклонение – Законодательным корпусом, который не имел права их обсуждать. Состав Трибуната и Законодательного корпуса формировался на основании «национальных списков» членами четвертой палаты – Сенатом, которая осуществляла проверку конституционности принятых законов. Консулы назначили 80 сенаторов, которые впоследствии пополняли состав своей палаты путем кооптации из кандидатов, представленных разными государственными органами.

Судебная власть оказалась в зависимости от первого консула, поскольку он производил назначения всех судей, за исключением ведавших незначительными делами мировых, а также судей коммерческих трибуналов. Большая часть судей назначалась пожизненно, что не исключало административного контроля их действий, который осуществлялся аппаратом канцлера.

В целях укрепления личной власти Бонапарт использовал желание нации обрести политическую стабильность после десятилетия революционных потрясений. Первый консул объявил себя национальным арбитром, стоявшим вне партийных пристрастий. Амнистия была обещана всем, кто прекращал борьбу против правительства. Эмигранты получили право вернуться во Францию при условии признания режима и отказа от национализированного и проданного новым собственникам имущества. Организованное восстание в Вандее было прекращено, лидеры шуанов получили от правительства гарантии прощения и личной безопасности. Непримируемая оппозиция, как роялистская, так и якобинская, подверглась массовым репрессиям после неудачного покушения роялистов на жизнь Бонапарта 24 декабря 1800 г.

Политические деятели разных партийных направлений были привлечены на службу режиму. Возможность участвовать в управлении страной, в проведении судьбоносных для французской нации реформ, казалась гораздо привлекательнее бесплодной политической борьбы. При назначении на должности Бонапарт принимал во внимание только административные таланты кандидатов и личную лояльность. Консул Лебрен служил чиновником еще при Старом порядке. Консул Комбасерес был депутатом Национального Конвента, голосовал за казнь Людовика XVI. «Террорист» Фуше занял пост министра полиции, а бывший епископ и депутат Учредительного собрания Талейран возглавил министерство иностранных дел. Известные ученые, деятели искусства становились сенаторами, придавая блеск режиму своими именами.

Бонапарту удалось преодолеть и церковную рознь, возникшую в годы революции. Проводившаяся в годы правления Директории политика отделения церкви от государства привела к столкновениям между священниками, признававшими законодательство о гражданском устройстве духовенства, и священниками, отказавшимися от гражданской присяги. Наполеон предпочел восстановить союз государства и церкви. В последней он видел «священную жандармерию», призванную служить правительственным целям. В 1801 г. с папой Пием VII был подписан конкордат, согласно которому «правительство Французской Республики признавало, что католическая, апостольская и римская религия есть религия огромного большинства французских граждан». Влияние идей Просвещения, получивших распространение в годы революции, сказалось в том, что католицизм не был объявлен государственной религией. Однако, согласно статьям конкордата и в особенности приложенным к нему «органическим статьям» правительство получало полный контроль над церковью во Франции. Первый консул наделялся правом назначать архиепископов и епископов, Папа лишь утверждал назначения. Правительство определяло число лиц, которых епископы могли посвящать в духовный сан. Распоряжения Папы и постановления церковных соборов не имели силы во Франции без санкции государственной власти. Все духовные лица перед вступлением в должность обязывались приносить присягу верности республике и консулам и молиться за них в церквях. Государственный контроль был установлен за отправлением не только католического, но также протестантского и иудейского культов.

В Конституции 1799 г. законодатель давал гарантии, что не допустит передела собственности, который произошел за годы революции. В этих гарантиях были кровно заинтересованы не только нувориши, но и большая часть крестьянства, а также другие мелкие приобретатели имущества, которые до революции составляли собственность церкви, дворянства и короны. Подробно отношения собственности, а также другие личные и имущественные права были рассмотрены в гражданском кодексе 1804 г. Первый консул отдавал отчет в огромной важности этого документа для создания правового поля постреволюционной Франции, он принимал участие в обсуждении важнейших положений этого документа и в процедуре его прохождения в законодательных палатах. Свод гражданского права получил название Наполеоновский кодекс.

Структура гражданского кодекса, а также многие его учреждения заимствованы (рецепированы) из римского частного права, как наиболее развитого и регулировавшего отношения между равными гражданами. Вместе с тем, составители этого документа творчески соединили в нем традиции исторического права Франции (кутюмов), принципы революционного законодательства и собственно бонапартистские идеи.

Кодексом устанавливалось единое французское гражданство. Это означало равенство граждан в частноправовой сфере, гарантировало от реставрации привилегий Старого порядка.

В кодексе 1804 г. провозглашен абсолютный характер права собственности, его неприкосновенность и неотчуждаемость. Особое внимание законодатель уделил регулированию отношений частной собственности на недвижимость, в частности на землю, поскольку в этой сфере лежали основополагающие интересы нации. Помимо частной собственности в кодексе закреплялись государственная и муниципальная формы собственности, а также другие права на вещи: владение, пользование и т. д.

Доктрина договорного права предусматривала равенство участников соглашения, свободу их воли, а также обязательную силу заключенных сделок.

Брак провозглашался светским учреждением, регистрировался не в церкви, а государственными административными органами. Предусматривалась возможность заключения брачных контрактов, а также развода. В соответствии с патриархальным строем аграрной Франции, а также со взглядами Бонапарта, на которые наложило отпечаток клановое общество Корсики, статьи кодекса предусматривали полное

преобладание главы семейства над женой и детьми. Члены семьи обязаны были ему послушанием в обмен на «покровительство». Отец был вправе распоряжаться имуществом несовершеннолетних детей и жены, определять род их занятий и даже назначать им административные наказания, включая заключение в тюрьму или исправительное учреждение.

Несмотря на некоторый консерватизм кодекса в сравнении с законодательством революции, значение его трудно переоценить. Вместе с кодексами эпохи империи (коммерческим, уголовным, процессуальными) он создал юридические основания для модернизации французского общества. Наполеоновский кодекс был заимствован во многих европейских странах, а во Франции он действует до сих пор, разумеется, подвергаясь редакциям и изменениям, продиктованными временем.

Политическая стабилизация и правовая определенность содействовали подъему экономики Франции в начале XIX в. Устойчивый экономический рост напрямую связан с оздоровлением финансовой системы. Наполеон закрепил победу над инфляцией, обузданием которой начало заниматься еще правительство Директории. Монополия на эмиссию бумажных денег осуществлялась через Французский банк, частное учреждение, действовавшее под контролем государства. В 1803 г. в обращение был введен серебряный франк, свободно обменивавшийся на бумажные деньги. Французский банк обеспечил также стабильность рынка ценных бумаг. Налоговая реформа, в результате которой центр тяжести был перенесен со сбора прямых налогов на косвенные (акцизы на алкоголь, табак), позволила увеличить доходную часть бюджета. Возобновилась выплата процентов по долговым обязательствам государства, что повысило доверие населения и инвесторов к экономической политике правительства.

Финансовая стабилизация стала важной предпосылкой промышленной революции, которая началась во Франции в правление Бонапарта. Наиболее быстро этот процесс проходил в хлопкопрядильной отрасли. Количество механических веретен, исчисляемых к началу XIX в. тысячами, в последние годы в империи приблизилось к миллиону.

Внутриполитические успехи в период консульства подкреплялись внешнеполитическими достижениями. Обеспечив нейтралитет Пруссии и России, Наполеон в 1801 г. нанес военное поражение Австрии, заставив эту державу, а годом позже и Великобританию, заключить мирные договоры с Францией. Враждебной коалиции европейских держав более не существовало.

Используя свою необычайную популярность среди населения, Наполеон инициировал конституционные изменения, укреплявшие его единоличную власть. В мае 1802 г. состоялся плебисцит, в ходе которого французы высказались за пожизненный характер власти первого консула. Результаты голосования отразили рост общественной поддержки режима: Наполеона поддержали 3,6 млн избирателей и только 8,3 тыс. отказали ему в доверии.

По итогам плебисцита Сенат внес изменения в Конституцию. Наполеон получал право назначать себе преемника, ратифицировать мирные договоры, отменять смертные приговоры. Расширились возможности первого консула оказывать влияние на высшие органы власти. Бонапарт представлял отныне кандидатов для назначения своих коллег-консулов, лично участвовал в заполнении вакансий в Сенат, созывал эту палату для заседаний, обладал правом роспуска Трибуната и Законодательного корпуса. Столь важные изменения в системе государственной власти дали основания называть их новой Конституцией Франции.

Процесс перерастания власти первого консула в монархическую был завершен в 1804 г. Возобновившаяся годом раньше война с Великобританией потребовала концентрации гражданской и военной власти в одних руках. Между тем, французская полиция раскрыла заговор против жизни первого консула, который готовили роялисты при живейшей

поддержке английского правительства. По подозрению в руководстве заговором был расстрелян представитель знатнейшего во Франции рода Конде – герцог Энгиенский – похищенный с целью расправы из германского государства Баден. Правительственная пропаганда сумела убедить население в необходимости конституционных гарантий неотвратимости перемен, которые произошли во Франции. Путем плебисцита была основана империя с наследственной властью Наполеона.

Новая редакция Конституции была утверждена постановлением Сената (сенатус-консультом) 18 мая 1804 г. В этом конституционном акте Франция еще называлась республикой, управление которой вверялось императору. Надпись «Французская Республика» оставалась на монетах, чеканившихся до 1807 г. Тогда же был отменен революционный календарь. Конституция 1804 г. включала в себя положения об императорской семье, о престолонаследии, регентстве; создавалась иерархия высших чинов империи, звания маршалов. 2 декабря 1804 г. в соборе Парижской богородицы состоялась церемония коронации. В ней участвовал папа Пий VII, который должен был увенчать Наполеона короной подобно тому как Лев III короновал Карла Великого императором Запада. Неожиданно для первосвященника Наполеон нарушил обряд: он взял корону из рук Пия VII и сам возложил на свою голову.

Вместе с титулом Наполеон восстановил и другие атрибуты монархического правления. Пышный двор располагался в бывших королевских дворцах Тюильри, Фонтенбло. В 1811 г. Наполеон развелся с первой женой Жозефиной и сочетался браком с австрийской принцессой Марией Луизой, породнившись тем самым с одной из самых знатных династий в Европе. Члены семьи Бонапартов получали королевские титулы правителей завоеванных территорий. Сложилось новое дворянство империи, поскольку старая аристократия неохотно шла на службу к узурпатору престола. Прообразом новой знати стал учрежденный в мае 1802 г. Почетный легион – личная гвардия Наполеона, первоначально состоявшая из 15 когорт по 400 воинов. Орден Почетного легиона стал знаком высшего отличия, принадлежности к аристократии нового режима. После провозглашения Империи были возвращены традиционные титулы князей, баронов, графов, шевалье и т. д., которые получали выдвиженцы Наполеона. Но формирование элиты империи не сопровождалось реставрацией системы сословных привилегий, присущих Старому порядку.

Укрепление личной власти Наполеона сопровождалось подавлением учреждений, через которые проявляется общественная свобода. Представительные учреждения, поставленные в зависимость от правительства уже Конституцией 1799 г., постепенно превращались в советы при Наполеоне. Особенную неприязнь глава государства испытывал к Трибунату, в котором обсуждались предложенные правительством законопроект. Критика депутатами некоторых консервативных положений проекта гражданского кодекса побудила первого консула резко сократить численность этого учреждения, «очистив» его от либералов, а также сделать заседания закрытыми и тайными, чтобы не вызывать дискуссии в обществе. А в 1807 г. Трибунал был упразднен. Законодательный корпус созывался по усмотрению Наполеона, и перерывы между сессиями порой длились по несколько лет. Государственный совет окончательно превратился в административное учреждение, а Сенат, чьи полномочия расширились согласно Конституции 1804 г., оказался в полной зависимости от Наполеона, формировавшего большую часть его состава и назначавшего председателя. Высшим политическим учреждением стал Тайный совет, состоявший из узкого круга назначенных Наполеоном особо доверенных лиц.

Жесткий контроль режим установил за периодической прессой как самым массовым средством информации, влияющим общественное мнение. Наполеон не признавал свободы слова, он утверждал, что права собственности на газеты есть лишь концессия, предоставляемая правительством, которое может эту концессию отозвать обратно. Уже в январе 1800 г. были закрыты 60 из 73 парижских газет. Издатели оставшихся газет были

обязаны представиться в министерстве полиции, заявить о верности политическому режиму и согласовывать с правительством кандидатуры редакторов своих изданий. В 1810–1811 гг. была восстановлена цензура, а число газет в столице было сокращено до 4. В департаментах осталось по одному печатному периодическому изданию, которое находилось под контролем префектов.

Издатели и владельцы типографий должны были обязательно извещать префектов и министерство полиции о печатающихся книгах и брошюрах, чтобы властные органы при желании могли распорядиться о предварительной цензуре и не допустить распространения опасной для режима литературы. Писатели, осмеливавшиеся критиковать власть (г-жа Сталь, Шатобриан) были высланы из страны.

Под угрозой тюремного заключения запрещались как политические собрания и ассоциации, так и профессиональные стачки. Для лиц наемного труда были введены рабочие книжки без обладания которыми они квалифицировались как бродяги и подлежали полицейскому задержанию.

Роль министерства полиции в политической системе бонапартизма трудно переоценить. Ежедневно Наполеон получал сводку сообщений о происшествиях в империи, о настроениях подданных, о высказываниях и поведении лиц из политической элиты. Большую роль в организации и деятельности этого министерства сыграл бывший революционер, талантливый, хотя и беспринципный администратор Ж. Фуше. Произвольные аресты, с размахом организованная слежка за лицами, заподозренными в нелояльности режиму, изготовление компромата и провокации против политических противников сводили на нет конституционные гарантии индивидуальной свободы.

Наполеон стремился к установлению правительственного контроля за сферой образования. С этой целью была создана преподавательская корпорация – Университет – которая получила монополию обучения в высшей и средней школе. В состав Университета входили факультеты, лицеи и колледжи. Во главе этого учреждения был поставлен великий магистр, который назначал руководителей учебных округов, инспекторов и других администраторов. Начальное образование оказалось под контролем церкви, префектов и мэров. Целью этой централизации было формирование граждан, отвечающих потребностям государства. Этой цели служила в течение ряда лет и церковь, прославлявшая власть императора. В 1808 г. для школ был составлен новый катехизис, в котором служба императору приравнивалась служению Богу, а непослушание объявлялось смертным грехом.

Государственный надзор распространялся и на другие области духовной жизни. Поощряя развитие естествознания, математики, Наполеон упразднил академии моральных и политических наук, в которых видел рассадник ненавистной ему «идеологии» – суждений, свободных от задачи служения государству.

По этой причине Наполеон с недоверием относился к литературе и театру, рекомендовал министру полиции установить контроль за сферой художественной критики, посредством которой рекомендовать публике лишь авторов «достойных внимания».

Искусство, по мнению императора, должно было прославлять его достижения. Наполеон поощрял грандиозные архитектурные проекты и живопись, которыми проводились параллели его державы и Римской империи. Триумфальная арка в Париже, полотна художника Давида, которому поручалось запечатлеть важнейшие государственные события, дают представление о стиле ампир – торжественном, пышном, основанном на строгой симметрии форм и объемов.

Войны практически не прекращались все время правления Наполеона. Амьенский мир с Великобританией, заключенный в 1802 г., был нарушен 9 месяцев спустя, после чего Франция не выходила из состояния войны с европейскими державами до самого крушения

империи в 1814 г. Субъективной причиной этих войн было честолюбие Наполеона, мечтавшего о создании европейской империи подобной античному Риму или державе Карла Великого. Объективные обстоятельства столь длительного и масштабного вооруженного конфликта состояли в противоборстве ведущих стран Запада за первенство на континенте и в колониях, а также в противостоянии Франции, пережившей революционную модернизацию, феодально-абсолютистским режимам Европы.

Война стала частью политического режима бонапартизма. Необходимость оперативного управления в условиях чрезвычайной ситуации, которой является война, вела к постоянному ослаблению представительных учреждений. Они утратили контроль за бюджетом, оказались оттеснены от решения задач, стоявших перед страной. Война сделала политическую деятельность бесполезной и упрочила торжество эффективной администрации.

Потребностями успешного ведения войны объяснялись ограничения общественных и индивидуальных свобод, нараставший деспотизм правления.

Война содействовала сплочению нации. В глазах большинства французов она продолжала традицию революционных войн против феодальной и абсолютистской Европы. Военные успехи и завоевания льстили национальному тщеславию, подтверждали мнение о выдающейся миссии французов, завоевавших свои права и желавших освободить другие народы от ига их собственных «коронованных тиранов». Действительно, в странах, на которые распространилась власть Наполеона, проводились общественные и политические реформы, глубина и последовательность которых зависела от конкретных обстоятельств. Успешные войны имели результатом приток во Францию колоссальных финансовых средств, что позволяло в течение долгого времени избегать роста налогообложения. Военная и политическая гегемония в Европе обеспечивала преимущественные условия для французской торговли.

Успехи французского оружия в первые 10 лет правления Наполеона привели к созданию европейской империи. К исконно французским землям были присоединены территории Бельгии, Голландии, часть северной Германии, Пьемонт, Лигурия, Тоскана, Папская область. Количество департаментов империи возросло до 130, столицами новых департаментов стали Гамбург, Амстердам, Флоренция, Рим. Численность населения «Великой империи» удвоилась за 10 лет и достигла 44 млн. Наполеон стал государем ряда стран, которые не вошли в состав империи: королем Италии, правителем провинций Иллирии, протектором Рейнского союза германских государств, «покровителем» Швейцарской конфедерации и Великого герцогства Варшавского. Европейскими монархами стали члены семьи Бонапартов.

Наполеону таким образом удалось на короткое время восстановить политическое единство Запада, создать объединенный рынок европейских стран, упрочить основы культурной общности путем распространения принципов и учреждений революции и насильственного внедрения французского языка в качестве государственного в подвластных странах. Однако возможности «личного» правления большей частью Европы, как и ресурсы Франции – человеческие и материальные – затраченные на создание и сохранение «Великой империи», были небеспредельны. В конце десятилетнего правления Наполеона проявились признаки кризиса, который привел империю к гибели.

Деспотичность режима личного правления возрастала, по мере того как военные успехи и отсутствие оппозиции в стране убеждали Наполеона в собственной непогрешимости. Независимо мыслившие государственные деятели, которых было немало в окружении первого консула в начале правления, заменялись лишенными собственного мнения и исполнительными чиновниками. В управлении окончательно возобладал авторитаризм, злоупотребление политикой силы. Это множило число врагов империи.

В 1808 г. произошел разрыв отношений с папой Пием VII. С целью не допустить ввоза товаров из Англии французские войска заняли порты Папского государства. Возражения Пия VII привели к тому, что французы вступили в Рим. В 1809 г. Наполеон объявил о прекращении светской власти Папы и включил его владения в состав империи. Первосвященник отлучил императора от церкви, за что был немедленно арестован и содержался в крепости. Наполеон стал назначать епископов без согласия Папы, это вызвало протесты во многих епархиях. Власть прибегала к насилию над непокорными клириками, а это уничтожало результаты конкордата и лишало империю поддержки верующих.

Произвольное вмешательство французского правительства в сферу хозяйственных отношений спровоцировало экономический кризис 1811 г. Еще в 1806 г., с целью разорить экономику Великобритании, Наполеон запретил торговлю с этой державой и рядом колоний. Вслед за Францией к режиму континентальной блокады вынуждены были присоединиться другие европейские державы. Экономика континентальной Европы столкнулась с дефицитом ряда товаров и получаемого из колоний сырья (в частности, хлопка), необходимого для промышленного производства. Наполеон был вынужден предоставлять лицензии на ввоз запрещенных товаров, облаживая эту узаконенную контрабанду высокими (до 50 % от стоимости товаров) пошлинами. Лицензии получали только французские купцы. Создавая им преимущественные условия, Наполеон вводил запреты на свободную торговлю конкурирующими товарами других стран континентальной Европы. Результатом этой политики в условиях непрекращающихся войн стало разорение многих торговых домов и мануфактур, падение покупательного спроса при росте цен на товары из-за высоких пошлин. Разрушительный кризис перепроизводства 1811 г. больно ударил по экономике Франции. Наполеон пытался выправить положение предоставлением ссуд товаропроизводителям, занятим работников военными заказами, однако популярность режима, основанная на экономическом процветании периода Консульства, была существенно подорвана.

Важным фактором нестабильности европейской империи Наполеона стал рост национального движения в подвластных и зависимых странах. Французские завоевания сопровождались контрибуциями, ростом налогов для населения, прямыми грабежами и военной повинностью на службу в «Великой армии» императора. Унижение национального самосознания приводило к анти-французским выступлениям. Самым значительным стало испанское восстание 1808 г., спровоцированное низложением законного короля Карла IV и возведением на испанский престол брата Наполеона Жерома Бонапарта. Двухсоттысячная армия во главе с императором подавила организованное сопротивление участников восстания, которое, тем не менее, продолжалось в последующие годы, приняв форму партизанской войны – герильи. Антифранцузские выступления проходили на территориях бывшего Папского государства, в Неаполитанском королевстве, в котором правил зять Наполеона маршал Мюрат, в Тироле. Центром национального самосознания Германии стала разгромленная в ходе войн 1806–1807 гг., униженная огромными территориальными потерями и угрозой потери самостоятельной государственности Пруссия.

Начало крушению наполеоновской империи положил поход в Россию в 1812 г. «Великая армия», которая насчитывала почти 700 тыс. человек, причем на 2/3 состояла из вооруженных сил союзников Франции или зависимых от нее стран, перестала существовать в результате этой кампании. Столь полный разгром прежде непобедимой армии Наполеона стал сигналом к созданию очередной анти-французской коалиции ведущих европейских держав (России, Великобритании, Пруссии, Швеции, Австрии). Ожесточенные войны 1813–1814 гг. показали, что деспотический режим бонапартизма не пользуется поддержкой подданных ни в завоеванных странах, ни в самой Франции, человеческие и материальные ресурсы которой были подорваны бесконечными войнами.

После русского похода были резко повышены налоги, жалование служащих сокращено на 25 %. Конскрипция – военная обязанность по жребью с правом замены наемником – была заменена призывом всех мужчин определенного возраста («классов»). При этом в 1813 г. мобилизации подлежали не только 20-летние, как следовало по закону, а все мужчины с 18 до 30 лет, не служившие в армии. Обеспеченные слои населения могли откупаться от военной службы, но массовый призыв трудоспособных мужчин пагубно сказывался на хозяйстве, в особенности в деревнях. Несмотря на суровые меры, которые правительство принимало против уклоняющихся от службы и их семей, дезертирство приняло массовый характер.

Оживилась и политическая оппозиция режиму. Еще во время отступления «Великой армии» из России попытку государственного переворота в Париже предпринял генерал-республиканец Моле, распространивший слух о гибели императора. При этом подложный акт Сената об упразднении империи и лишении наследственных прав сына Наполеона не вызвал возражений даже среди части администрации. Хотя заговор был быстро пресечен, Наполеон имел настолько веские основания для беспокойства за свою власть, что покинул армию и прибыл в столицу.

В 1813–1814 гг. либеральная оппозиция режиму складывалась вокруг известных писателей Ф. Шатобриана, Ж. Сталь, Б. Констана, а также в парижских салонах. В декабре 1813 г. законодательный корпус осмелился принять адрес, в котором содержалась критика политики, проводившейся императором. Наполеон распустил палату и лишился поддержки национального представительства в то время, когда военные действия переносились на территорию Франции. Вторжение войск коалиции не вызвало национального подъема подобного тому, что спас Французскую Республику в 1792–1793 гг. 30 марта 1814 г. союзники вступили в Париж. Сенат объявил о низложении императора и создании временного правительства. 6 апреля Наполеон под давлением собственных маршалов отрекся от престола. Лидеры победившей коалиции приняли решение о ссылке императора на остров Эльбу, передававшийся ему в пожизненное владение.

Авторитарный режим после своего крушения не оставил учреждений, которые способны были обеспечить преемственность государственной власти. Лидеры анти-наполеоновской коалиции в согласии с политическими деятелями Франции, мнение которых выражал Ш. – М. Талейран, решили восстановить дореволюционную государственно-правовую традицию. Произошла реставрация монархии Бурбонов во главе с Людовиком XVIII, братом казненного в 1793 г. Людовика XVI.

Новый король был вынужден обнародовать умеренно-либеральную конституционную Хартию (подробнее о ней в следующем разделе). Однако реставрация Бурбонов на практике выглядела реваншем непримиримых сторонников Старого порядка, которые вернулись из четвертьвековой эмиграции и пытались навязать свою волю нации, сформировавшейся под воздействием принципов, изложенных в Декларации прав человека и гражданина. Королевский двор сделался средоточием ультрароялистов, которые занимали должности в правительстве и господствовали в высшем обществе, вытеснив имперских сановников. В родовые поместья возвращались дворяне-эмигранты, и это вызывало живые опасения передела собственности у всех приобретателей национальных имуществ. Среди крестьян распространялись слухи о восстановлении дореволюционных порядков, сеньориальных повинностей и десятины.

Недовольство реставрацией Бурбонов выказывала армия в связи с резким сокращением офицерского корпуса и переводом 20 тыс. офицеров на половинный оклад. Эти меры объяснялись условиями мирного времени, но одновременно формировалась высокооплачиваемая королевская гвардия из дворян-эмигрантов. Трехцветные знамена и кокарды были заменены на белые, которые наполеоновские солдаты и офицеры привыкли видеть на полях сражений среди вражеской символики. С Бурбонами связывалась горечь

национального унижения: король и эмигранты прибыли в обозе иностранных армий – победителей.

Недоверие значительной части населения и армии режиму Реставрации проявилось в возрождении культа Наполеона. Распространялись слухи о его возвращении, появились в продаже медали, статуэтки, плакаты с изображением императора.

Эти настроения использовал Наполеон. Бывший властелин Европы был унижен ничтожным владением – островом Эльба, который одновременно являлся его тюрьмой. Причем были основания опасаться ухудшения положения, еще большего удаления императора от Европы. 26 февраля 1815 г. Наполеон, сопровождаемый 1000 гвардейцев, тайно покинул Эльбу, 1 марта высадился на юге Франции в бухте Жуан и двинулся к Парижу. Он обратился с прокламацией к армии, утверждая, что поражение стало следствием измены и обещая вернуть национальную славу. В прокламациях, обращенных к гражданскому населению, Наполеон заявлял о желании восстановить власть, опирающуюся на волю нации, и подтверждал верность принципам свободы и равенства.

Армия и народные массы действительно поддержали Наполеона. Королевские войска во главе с прославленными маршалами империи переходили на его сторону. Крестьянство и городская беднота восторженно встречали появление отряда Наполеона и зачастую сопровождали его. 20 марта вечером император триумфально вступил в Париж, из которого утром того же дня бежал во вторую эмиграцию Людовик XVIII.

Вернувшись к власти, Наполеон оказался перед непростым социально-политическим выбором. В демократических слоях населения, восторженно встретивших его возвращение, усиливались революционные настроения. Вызванный эмигрантами призыв Старого порядка возродил якобинско-санкюлотские лозунги эпохи Конвента. Создавались федерации и клубы «защитников свободы», звучали угрозы лишить жизни дворян и католических священников. Наполеон, однако, подтвердил свое негативное отношение к революционной «анархии». Он решил опираться на собственнические слои, включая крупных предпринимателей, контролировавших местную администрацию. Между тем, эта часть французского общества с беспокойством встретила реставрацию империи. С целью преодолеть ее недоверие Наполеон пригласил составить текст новой Конституции признанного либерала Б. Констана. Попытка создать «либеральную империю» объяснялась и тем, что Наполеон не мог предложить нации меньше конституционных гарантий свободы, чем провозглашено было в Хартии Людовика XVIII. Не случайно, одним из первых актов после восстановления империи была отмена цензуры – мера, которой либералы тщетно добивались от королевского правительства.

По настоянию Наполеона документ, подготовленный Констаном, назывался «дополнительным актом» к Конституциям консульства и Империи, но своим либеральным характером резко отличался от них. Существенно выросло значение законодательной власти, которая состояла из двух палат – наследственной палаты пэров и выборной палаты депутатов. Это представительное учреждение приобретало контроль над исполнительной властью вследствие принципа ответственного министерства. Только законодательный корпус обладал правом ввести чрезвычайное положение, ущемляющее общественную и индивидуальную свободы. Отдельные статьи Конституции специально гарантировали неприкосновенность личности, свободу культов, печати и петиций. От Хартии Людовика XVIII Конституцию 1815 г. отличало утверждение, что источником власти является воля нации.

Проект Конституции был опубликован в печати и после живого обсуждения вынесен на плебисцит. 1532527 избирателей поддержали этот документ, 4802 проголосовали «против». Как никогда велико было число лиц политически не определившихся, если учесть, что правом голосовать обладали 5 млн французов.

Еще менее благоприятными для Наполеона были результаты выборов в палату представителей. Они были двухступенными, и решающее влияние на результаты получили собственнические слои, которые с настороженностью встретили реставрацию империи. Из 629 представителей лишь 80 безгранично доверяли Бонапарту, 500 человек были либералами разных направлений, полагавших, что власть императора следовало существенно ограничить. С самого начала своей деятельности законодательные палаты принимали подчеркнуто независимые решения, что вызывало нескрываемое раздражение императора.

Главные испытания для Наполеона лежали, однако, в сфере внешней политики. Попытки договориться о мире с императорами России и Австрии не увенчались успехом. Сложилась новая коалиция европейских держав целью которой было низложение Наполеона. Решающее сражение произошло в Бельгии, при Ватерлоо. 18 июня 1815 г. французская армия, ведомая императором, была наголову разбита англо-прусско-голландскими войсками. В Париже 22 июня палата представителей потребовала от Наполеона отречения от престола в пользу своего сына. Эта последняя попытка спасти либеральную империю не удалась. Союзные войска вновь восстановили во Франции монархию Бурбонов. Наполеон был сослан на остров Св. Елены, расположенный в южной части Атлантического океана. Охрану его, вплоть до кончины, наступившей в 1821 г., осуществляла военная администрация Великобритании.

События, сопутствовавшие вторичному приходу Наполеона к власти («100 дней») существенно изменили историческое видение его фигуры. В 1814 г. император казался деспотом, свержение которого французы встретили с равнодушием или облегчением. В 1815 г. Наполеон вольно или невольно вдохновлял радикально-якобинские и либеральные идеи. Магически притягательная личность Наполеона, сопровождающая ее слава, идеи, которые связывались с его именем, породили наполеоновскую легенду, которая включала в себя представление о бонапартизме как о левой форме национализма, соединившей традиции Революции и Империи. Это объясняет влияние бонапартизма на политическую историю Франции XIX в.

Реставрация Бурбонов (1814–1830)

Особенности политического режима во Франции после восстановления на троне династии Бурбонов были обусловлены глубоким идейным расколом в обществе. Численно преобладала «нация народного суверенитета», воспитанная на либеральных и демократических идеях революции. Однако, сравнительно немногочисленные эмигранты, как правило из среды дворян и духовенства, стремились реставрировать старый порядок. Людовик XVIII ко времени восшествия на престол своих предков был пожилым и больным человеком, согласным на политические и социальные компромиссы во имя гражданского мира. Такая позиция находила поддержку не только в либеральных кругах Франции, но и среди лидеров держав-победительниц, заинтересованных в политической стабильности страны, от которой в течение 20 лет исходили угрозы безопасности европейским монархиям.

Государственно-правовой формой указанного компромисса стала конституционная Хартия 1814 г. Людовик XVIII отверг как излишне радикальный проект Конституции, представленный ему от имени наполеоновского Сената. Авторы проекта, исходя из признания принципа народного суверенитета, полагали, что король призывается свободной нацией занять престол, а потому он должен был присягнуть на верность Конституции, одобренной «французами». Король предпочёл октроировать (пожаловать) основной закон для своих подданных. Тем самым, он отказался признать революционный принцип

народного суверенитета, однако, сам факт принятия писаной Конституции свидетельствовал о необратимых переменах, которые произошли во Франции.

Содержание Хартии 1814 г. отвечало задачам установления компромисса между «нацией революции» и эмигрантами. Сочувствие последних должна была вызвать Преамбула, в которой закреплялся легитимный принцип власти: источником прерогатив короля признавалось божественное провидение, личность монарха объявлялась священной и неприкосновенной. Однако первый же раздел Хартии, названный «Публичные права французов», заставлял скорее вспомнить о документах революционной эпохи. В нем провозглашались принципы гражданского равенства всех французов (в частности, равенства перед законом, в налогообложении и профессиональной деятельности), предоставлялись гарантии личных свобод, свободы печати, мнения, вероисповедания. Правда, католическая церковь сохранила за собой статус государственной. В Хартии подтверждались права собственников, включая приобретателей национальных имуществ. Прежние владельцы могли получить лишь то имущество, которое не было продано.

В Хартии 1814 г. содержались гарантии амнистии участникам революции, политическим деятелям эпохи Консульства и Империи. Старое и новое имперское дворянство сохранили свои титулы, однако, система сословных привилегий дореволюционной Франции не была восстановлена.

Система государственной власти, закрепленная Хартией, содержала черты заимствования политического строя Англии, основанного на исторически сложившемся компромиссе между «коронай» и «народом», представленным парламентом. Законодательный корпус Франции был двухпалатным. В верхней палате заседали лица, получившие от монарха титул пэра пожизненно или с правом передачи титула по наследству. С согласия короля в заседаниях палаты пэров могли принимать участие принцы крови. Эта палата обладала и функциями высшего суда: ею рассматривались самые тяжелые государственные преступления.

Палата депутатов избиралась населением сроком на 5 лет с ежегодным переизбранием 1/5 ее состава. Предусматривались высокие имущественный и возрастной цензы как для избирателей (300 франков ежегодной уплаты налогов, 30-летний возраст), так, в особенности, для депутатов (1000 франков, 40 лет). Эта мера, призванная не допустить влияния на законодательную власть демократических слоев общества, крайне сужала число лиц, обладавших правом участия в политической жизни страны. Количество избирателей 30-миллионной Франции в эпоху Реставрации не превышало 110 тыс. (и даже снизилось до 89 тыс. к 1827 г.), а депутатами могли стать лишь немногим более 17 тыс. французов. Парламент не обладал правом законодательной инициативы, он лишь обращался королю с просьбой представить законопроект, который после обсуждения принимался или отвергался палатами.

Король, согласно Хартии, признавался главой государства. От его имени осуществлялось правосудие. Кодексы империи были сохранены. Король назначал судей, которые сохраняли должности пожизненно. Глава государства собирал и распускал парламент, обладал законодательной инициативой, издавал и обнародовал законы. Он был главнокомандующим армией, осуществлял внешнюю политику, обладал правом амнистии.

Король возглавлял систему исполнительной власти в стране, назначал министров и принимал их отставку. Следуя английскому примеру тесного взаимодействия исполнительной власти с законодательной, министрам было позволено участвовать в деятельности парламента. Хартией предусматривалась ответственность министров перед парламентом, но форма этой ответственности не была четко определена. Фактически судьба министерства зависела от воли монарха. Режим Реставрации сохранил административную систему и территориальное управление наполеоновской империи.

Внутренняя двойственность Хартии, объяснявшаяся поиском компромисса между сторонниками Старого порядка и новой Франции, делала неизбежным различное толкование конституционного закона противоборствовавшими политическими силами. В 1814–1816 гг. политическая инициатива оказалась в руках бывших эмигрантов, признанным лидером которых являлся брат короля – граф д'Артуа. К этому принцу, а также герцогине Ангулемской, дочери казненного Людовика XVI, в полной мере относится характеристика, данная Талейраном Бурбонам: «Они ничего не забыли и ничему не научились».

Крайней степени непримиримости агитация ультрароялистов достигла после их повторного возвращения из эмиграции, вызванной эпопеей «100 дней» Наполеона. Начались массовые расправы над участниками революции и бонапартистами. Чрезвычайные трибуналы вынесли более 10 тыс. обвинительных приговоров за политическую деятельность. В департаментах, в особенности на юге Франции, происходили массовые погромы и убийства противников Бурбонов и протестантов. Католицизм становился идеологией реставрации старого порядка. В страну вернулись члены ордена иезуитов. Велась тщательная «чистка» администрации, кадрового состава армии и преподавательского корпуса от инакомыслящих.

Подавленность и растерянность общества после нового военного поражения Франции и в условиях наступления реакции сказалась на результатах выборов в палату депутатов в 1815 г. На 2/3 нижняя палата парламента оказалась составленной из ультрароялистов, главным образом из среды провинциального дворянства, настроенного наиболее реакционно.

Реакционно настроенные депутаты настаивали на продолжении политических репрессий, на предоставлении высших должностей преимущественно выходцам из «старого» дворянства, на обеспечении ведущего положения в государстве католической церкви. Они предлагали монарху позволить церкви во Франции владеть недвижимостью, вернуть духовенству функцию регистрации актов гражданского состояния и контроль над просвещением. Настроения депутатов казались излишне реакционными даже королю и назначенным им министрам. Ультрароялисты требовали отставки кабинета умеренного роялиста герцога Ришелье, который во время своей эмиграции занимал должности градоначальника Одессы, Новороссийского генерал-губернатора и зарекомендовал себя как прекрасный администратор, опиравшийся на здравый смысл, чуждый политиканству. Людовик XVIII назвал палату этого созыва «бесподобной» и распустил ее.

В результате выборов, состоявшихся осенью 1816 г., ультрароялисты утратили большинство в палате депутатов, где наряду с ними сформировались либеральные фракции конституционалистов и «независимых». Конституционалисты, ведомые философом П. – П. Руайе-Колларом и историком Ф. Гизо, были приверженцами политической системы, созданной Хартией 1814 г. Они полагали, что в этом конституционном документе содержатся необходимые гарантии свободы и порядка, а задачу либералов видели в том, чтобы поддерживать Людовика XVIII и его министров в борьбе против реакционных притязаний ультрароялистов. Лидеры «независимых» – политический писатель Б. Констан, видный участник Войны за независимость в США и французской революции Ж. – М. Де Лафайет, банкир Лаффит, генерал Фуа – настаивали на более решительных мерах с целью обеспечения свободы и других естественных прав, провозглашенных в Декларации человека и гражданина 1789 г. «Независимые» полагали возможным заменить на троне династию Бурбонов младшей ветвью правящего дома Франции во главе с герцогом Орлеанским.

С осени 1816 г. до начала 1820 г. либералы вели за собой палату депутатов, их лидеры Ж. Дессоль, Э. Деказ возглавляли правительственные кабинеты. В 1817 г. был принят избирательный закон, выгодный либералам. Избирательные комиссии переносились в

крупные города из окружных центров, что существенно ослабило влияние поместного дворянства на процедуру голосования.

Военная реформа 1818 г. упраздняла привилегии аристократии при получении офицерского звания и продвижении по службе. Армия формировалась путем сочетания принципа добровольного вступления на службу с рекрутским набором.

Закон о свободе печати позволил, наконец, реализовать положение статьи 8 Хартии, гласившей: «Французы имеют право обнародовать и печатать свои мнения, сообразуясь с законами, которые должны преследовать злоупотребления этой свободой». Предварительная цензура для рукописей книг и газет отменялась. Осудить издателей и авторов печатной продукции был вправе только суд присяжных. Однако, высокая сумма залога, требуемая с издателя, делала невозможным существование демократической прессы.

Готовились либеральные законы о местном самоуправлении, о гарантиях свободы личности, о суде присяжных.

Успехи либералов тревожили не только ультрароялистов, но и окружение Людовика XVIII, проводившего политику «золотой середины». Решающим событием в процессе смены правительственного курса стало убийство 13 февраля 1820 г. сына графа д'Артуа, герцога Беррийского, совершенное фанатиком Лувелем. Король более не считал возможным сопротивляться давлению ультрароялистов. Либеральное правительство было отправлено в отставку. Избирательный закон 1821 г. (так называемый, закон о «двойном вотуме») значительно расширил представительство крупных землевладельцев в палате депутатов. Была восстановлена предварительная цензура печати, вводилась практика исключительных законов, нарушавших свободу личности. В 1823 г. французская армия подавила революционное восстание в Испании, восстановив на троне Фердинанда VII. Выборы 1824 г. принесли успех ультрароялистам. Их лидер, граф де Виллель, возглавлявший правительство с 1821 г., сумел провести закон об увеличении срока депутатских полномочий с 5 до 7 лет и об упразднении практики ежегодного переизбрания части депутатов, что заставляло считаться с изменениями общественного мнения.

Победа реакции была закреплена вступлением на престол после кончины Людовика XVIII в 1824 г. графа д'Артуа под именем Карла X. Новый монарх был искренним приверженцем ценностей старого порядка и получил прозвище «короля эмигрантов». Желая подчеркнуть божественное происхождение своей власти и исторические права Бурбонов на трон Франции, Карл X восстановил древнюю традицию коронации в Реймском соборе. Согласно закону «О святотатстве» (1825) наказанию вплоть до смертной казни подвергались лица, осквернявшие предметы религиозного культа. В угоду клерикалам власть покушалась на светский характер правосудия.

В 1825 г. был принят закон о выплате денежной компенсации бывшим эмигрантам, потерявшим имущество в эпоху Революции. С этой целью на деньги налогоплательщиков был создан компенсационный фонд в размере 1 млрд франков. Отношение к закону в обществе не было однозначным. Приобретатели национальных имуществ получили важные гарантии своих собственностиских прав. Но большая часть населения была возмущена тем, что собранными путем увеличения налогового бремени средствами воспользовалась, главным образом, высшая знать, которая принимала наиболее активное участие в анти-французских коалициях эпохи Революции и Империи.

Лишь согласованными действиями либеральной оппозиции в парламенте удалось сорвать попытки принять другие реакционные законы. Законопроект о майорате подрывал принцип равенства прав наследников во имя задачи восстановления дворянских вотчин. Проект закона «О печати» резко усиливал цензуру и носил фактически запретительный характер для оппозиционных изданий.

Реакция, последовавшая за второй реставрацией Бурбонов на французском престоле, спровоцировала распространение тайных обществ. Их организация напоминала масонские ложи и венты карбонариев. Тайным обществам была присуща тщательная конспирация и централизация управления. Их цель заключалась в подготовке вооруженного восстания с целью свержения династии Бурбонов. В своих дальнейших целях участники этих обществ расходились: среди них были сторонники республиканского правления, восстановления империи во главе с сыном Наполеона, наконец, либеральной монархии с представителями Орлеанской династии на престоле. Военная организация и расплывчатость политической программы объяснялись социальным составом тайных обществ – в них преобладали офицеры, невостребованные в годы Реставрации. В состав «верховой венты» карбонариев входил генерал Лафайет, пользовавшийся огромным авторитетом в либерально-демократических кругах. Под его руководством в 1822 г. был подготовлен план общенационального военного выступления, но полиция заблаговременно узнала об этом, и действия заговорщиков свелись к разрозненным восстаниям в разных регионах Франции. В 1823 г. члены тайных обществ во главе с полковником Фуа пытались сорвать поход французской армии против испанских революционеров. Но смелая попытка повернуть солдат против собственных Бурбонов потерпела неудачу.

С середины 20-х годов формировалось и массовая легальная оппозиция правящему режиму. Ее возглавили либералы-конституционалисты, противопоставившие наступлению реакции принципы свободы и гражданского равенства, которые содержались в тексте Хартии 1814 г. Ф. Гизо, признал, что Бурбоны более неспособны были выражать интересы подавляющего большинства французов и в борьбе с ультрароялистами призывал апеллировать не к монарху, а к общественному мнению. Формы массовой агитации либералов отличались разнообразием. Многочисленные процессии устраивались во время похорон известных деятелей оппозиции, в пользу членов их семей открывались подписные кампании; газеты предупреждали население о готовившемся принятии парламентом реакционных законов, а в тех случаях, когда эти законопроекты удавалось провалить, в крупных городах устраивались фейерверки и иллюминация. Общество «Помогай себе сам, и небо тебе поможет» занималось критикой действий правительства и агитировало за кандидатов от либералов во время выборов в палату депутатов.

В значительной мере благодаря масштабной пропагандистской программе либералам удалось одержать победу на парламентских выборах 1827 г. Карл X был вынужден назначить главой кабинета умеренного либерала Ж.–Б. Мартиньяка. Новое правительство сумело провести через парламент закон об ограничении административного произвола в ходе выборов, в издательском деле. Был упразднен «черный кабинет», занимавшийся перлюстрацией частной переписки. Правительству Мартиньяка удалось несколько уменьшить влияние католических конгрегаций, в частности иезуитов, на сферу образования. Однако попытка организовать выборность органов местного самоуправления вместо сложившейся практики назначений на все должности вышестоящей администрацией была сорвана в палате депутатов. Король воспользовался этой частной неудачей либеральных министров и 8 августа 1829 г. отправил кабинет Мартиньяка в отставку.

Теперь Карл X отказался от сложившейся за годы Реставрации практики назначения министерства, пользовавшегося поддержкой палаты депутатов. Главой нового кабинета он утвердил свое доверенное лицо, князя Ж. де Полиньяка, ультрароялиста, отказавшегося принести присягу Хартии 1814 г. В этом назначении либерально-демократические круги Франции увидели угрозу возрождения Старого порядка. В своих печатных изданиях они открыто критиковали назначение Полиньяка и угрожали организовать массовые кампании неповиновения, в частности, уклонения от уплаты налогов, в том случае, если бы Хартия была отменена или существенно изменена. В январе 1830 г. была основана и быстро приобрела широкую известность газета «Националь», авторы которой А. Тьер, Ф. Минье, А. Каррель видели задачу оппозиции в замене правящей династии по образцу Славной

революции в Англии в 1688 г. Во Франции роль Вильгельма Оранского, первого конституционного короля Англии, по их мнению, был призван сыграть герцог Луи-Филипп Орлеанский.

16 марта 1830 г. палата депутатов приняла адрес королю, в котором выразила недоверие правительству Полиньяка. Карл X увидел в этом акте вызов себе, отложил заседания палаты, а 16 мая распустил ее. Новые парламентские выборы в июне – июле 1830 г. стали открытой пробой сил между монархом и либералами. С целью заручиться поддержкой избирателей правительство поспешило добиться внешнеполитического успеха: французская армия оккупировала Алжир. Карл X лично вмешался в ход избирательной, обратившись к нации с призывом сплотиться под его знаменем. Выборы, однако, принесли полную победу оппозиции. Общество было встревожено политическим курсом короля и своим голосованием за депутатов оппозиции призвало его вернуться к конституционным принципам Хартии 1814 г.

Карл X решил противопоставить росту либеральных настроений в обществе расширение королевской прерогативы. 25 июля он подписал 4 ордонанса, которые существенно изменяли политический режим во Франции. Упраздняясь свобода периодической печати, возрождалась политическая цензура. Прямым нарушением Хартии 1814 г. стал роспуск только что избранной палаты депутатов, не приступившей к работе. Ордонансы радикально изменяли избирательную систему: допускалось прямое вмешательство администрации в ход выборов, избирательные права сохранялись лишь за слоем крупных землевладельцев, которые составляли социальную базу ультрароялистов. Политический вес торгово-промышленных кругов существенно уменьшался.

Публикация ордонансов вызвала протесты депутатов, анти-правительственную агитацию и оживление деятельности тайных обществ. В конце 20-х годов социальный состав этих обществ существенно обновился. Среди заговорщиков преобладали студенты и молодежь из мелкобуржуазных городских слоев. Они разделяли республиканские идеи эпохи Конвента. Попытки полиции закрыть оппозиционные издательства вызвали волнения среди рабочих-печатников. Члены тайных обществ с 27 июля приступили к организации населения на строительство баррикад и на сопротивление королевским войскам. В ночь с 27 на 28 июля столица была увешана трехцветными флагами, что символизировало революцию с целью свержения Бурбонов. 29 июля Париж был в руках повстанцев. Отставка правительства Полиньяка и отмена ордонансов 25 июля оказались мерами запоздалыми и неспособными остановить революцию. Ее результатами воспользовались либералы-орлеанисты. Ими было сформировано временное правительство во главе с Ж. Лаффигом. Нуждаясь в силовых структурах, чтобы закрепить свои властные полномочия, временное правительство возродило институт национальной гвардии, причем командующим ее был назначен популярнейший политический деятель – Ж. – М. де Лафайет. Согласие последнего принять должность, которую он занимал еще в 1789 г., сыграло важную роль в процессе перехода политической инициативы от республиканцев из тайных обществ к либералам-монархистам.

30 июля депутаты распущенной Карлом X палаты объявили наместником королевства Луи-Филиппа Орлеанского. Надеясь сохранить корону для династии Бурбонов, Карл X подписал отречение от престола от своего имени и от имени своего сына в пользу внука – герцога Бордоского. Последний был ребенком, и управлять государством в качестве наместника должен был герцог Орлеанский. Однако недоверие и ненависть к Бурбонам столь сильны были в обществе, что Карл X с семьей спешно покинул Францию, поселившись в Англии, а герцог Орлеанский 9 августа 1830 г. присягнул на верность конституционной Хартии и был провозглашен королем французов под именем Луи-Филиппа.

Революционные события в Париже 27–29 июля 1830 г. получили название «трех славных дней». Уже современники проводили аналогии между ними и Славной

революцией конца XVII в. в Англии. Либеральная элита Франции, подобно своим британским предшественникам – вигам, стремилась избежать радикализации политического процесса и разрыва с существовавшими государственно-правовыми учреждениями. Сменой династии либералы надеялись упрочить конституционную традицию, заложенную в Хартии 1814 г. и одержать окончательную победу над сторонниками реставрации Старого порядка во Франции.

Июльская монархия (1830–1848)

В период правления Луи-Филиппа Франция оставалась конституционной монархией. 14 августа 1830 г. была опубликована обновленная Хартия. Сохранялась преемственность государственных учреждений Реставрации, однако, предусматривались дополнительные гарантии индивидуальных и общественных свобод. Луи-Филипп принес торжественную присягу верности Хартии. Этот символический акт означал, что правление отныне осуществлялось не в силу династического права, освященного божественной санкцией, а на основе принципа народного верховенства. Указанный принцип, правда, не был четко сформулирован в Хартии 1830 г., авторы ограничились расплывчатыми определениями об «общем и настоящем интересе французского народа». Либералы не без опасения вспоминали о радикальных выводах, которые делались из принципа народного суверенитета якобинцами и санкюлотами в 1792–1794 гг. Единственным символическим актом прямой демократии в годы июльской монархии стали приветствия национальной гвардией короля во время смотров. Это подразделение заменило королевскую гвардию. Оно формировалось из граждан, плативших налоги и на собственные средства приобретающих обмундирование. Национальные гвардейцы избирали своих офицеров.

Хартией предусматривалось создание суда присяжных и выборной системы местного управления, упразднение цензуры. Свобода преподавания обеспечивалась благодаря признанию принципа веротерпимости. Католическая религия утратила статус государственной. В соответствии с формулой наполеоновского конкордата 1801 г. католицизм признавался религией большинства французов.

Высшие государственные органы режима Реставрации сохранялись Хартией 1830 г., однако, властные полномочия перераспределялись в пользу выборной палаты депутатов. Ей принадлежала отныне законодательная инициатива, палата сама избирала своего председателя. Король лишился права издавать ордонансы, отменявшие или приостанавливавшие действие законов. Численность палаты пэров сокращалась вдвое. Упразднился институт наследственных пэров, членами этой палаты были лица, пожизненно назначенные королем. Палата пэров утратила политическое влияние, сосредоточившись на выполнении функций высшей судебной инстанции.

Умеренный характер результатов Июльской революции вызвал стремление к проведению политики последовательных реформ даже среди многих либералов, объединившихся в «партию движения». Учитывая революционные настроения в обществе, Луи-Филипп назначил главой правительства лидера этой партии банкира Лаффита. Правительство реформаторов организовало государственные учреждения в соответствии с Хартией 1830 г., инициировало судебный процесс над министрами Карла X, закрыло ряд католических конгрегаций. «Партия движения» добилась принятия закона о снижении имущественного ценза для избирателей и депутатов (соответственно до 200 и 500 франков уплачиваемых годовых налогов; для депутатов возрастной ценз снижался с 40 до 30 лет); подготовила достаточно демократический проект формирования органов местной власти. Сторонники Лаффита и Лафайета настаивали и на проведении активной

внешней политики, на военной и политической поддержке демократических и национальных революций в Бельгии, Польше и Италии.

В качестве противовеса реформаторам в палате депутатов сформировалась «партия сопротивления», представители которой объявили революцию завершённой. Их лидеры К. Перье, Ф. Гизо, Л. де Брөльи настаивали на репрессиях в отношении республиканцев внутри страны, а во внешней политике ратовали за мир с великими державами, стремились преодолеть предубеждение против «короля баррикад» Луи-Филиппа, которое сложилось у правящих европейских монархий. «Партия сопротивления» имела поддержку в среде собственников, предпринимателей, опасавшихся войны, внутренней нестабильности и страдавших от торгового кризиса, сопровождавшего события революции. Луи-Филипп, стремившийся усилить личную власть, воспользовался этими обстоятельствами, чтобы отправить в отставку реформаторов, тесно связанных с республиканскими обществами Парижа. Ж. – М. де Лафайет покинул пост командующего национальной гвардии, а Ж. Лаффита на посту главы кабинета 13 марта 1831 г. сменил К. Перье.

Отказ правительства от курса реформ и поддержки национальных революций в Европе побудил республиканские общества к борьбе за изменение формы правления во Франции. 5 июня 1832 г. во время церемонии похорон популярного среди республиканцев генерала Ламарка тайное общество прав человека подняло восстание в Париже. Расчет заговорщиков строился на опыте предшествовавших революций, когда провинция признавала перемены власти в столице. Восстание началось в восточных кварталах Парижа с рабочим составом населения. Кварталы, примыкавшие к правому берегу Сены, расположенные по соседству с ратушей и королевским дворцом, превратились в укрепленную крепость при помощи баррикад, перекрывших узкие улицы. В уличных боях принимали участие революционеры из Польши, Италии, германских государств. Мобилизовав 25 тыс. национальных гвардейцев, правительство подавило восстание.

Крупное выступление республиканцев произошло в апреле 1834 г. В Лионе в течение 6 дней шли баррикадные бои с правительственными войсками. Попытка организовать восстание в Париже была предотвращена превентивным арестом лидеров тайных обществ.

Правительство ответило на восстания репрессиями. 2 тыс. республиканцев были арестованы, 164 предъявлены обвинения. Резко возросла уголовная ответственность за призывы к восстанию, за хранение оружия и за участие в незаконных обществах. Массовые выступления республиканцев сменились тактикой индивидуального террора: в 1835–1846 гг. состоялось 6 неудачных покушений на жизнь Луи-Филиппа.

Попытки свергнуть режим Июльской монархии предпринимали приверженцы других династий, правивших во Франции. Сторонники Бурбонов – легитимисты подняли в 1832 г. восстание в Вандее, где они традиционно пользовались поддержкой населения. Движением руководила лично мать наследника трона Бурбонов герцогиня Беррийская. Правительство не без труда подавило мятеж.

Принц Луи-Наполеон Бонапарт пытался осуществить государственный переворот, повторив «100 дней» своего дяди, Наполеона I. Дважды, в 1836 и 1840 гг. он тайно прибывал на территорию Франции с целью поднять солдат гарнизона и повести их на Париж. Обе попытки завершились неудачей.

К началу 40-х годов XIX в. политическая система Июльской монархии стабилизировалась. В парламенте абсолютно преобладали сторонники «партии сопротивления». Среди них, однако, сложилось две фракции, во главе с выдающимися историками и политическими деятелями А. Тьером и Ф. Гизо. Являясь сторонниками конституционной монархии Англии, они стремились перенести во Францию соответственно вигскую и торийскую модели государства. Тьер полагал необходимым в

конституционных границах Хартии 1830 г. максимально ограничить компетенцию монарха. Реальная власть, по его мнению, должна была переместиться к правительству, опирающемуся на доверие палаты депутатов.

Тьер ратовал и за проведение более активной внешней политики, не останавливаясь даже перед угрозой конфронтации со странами, одержавшими победу над Францией в эпоху наполеоновских войн. Так, в 1840 г. интересы Франции в «Восточном вопросе», возникшем вследствие кризиса турецко-египетских отношений, были открыто проигнорированы другими ведущими европейскими державами. В качестве ответной меры Тьер подверг осуждению результаты Венского конгресса 1815 г., распорядился о переносе праха Наполеона с острова Святой Елены в Париж, для торжественного захоронения в Пантеоне, принял меры для военной мобилизации и реконструкции оборонных сооружений столицы.

Гизо всеми силами стремился сохранить мир с великими державами, а во внутренней политике придерживался торийской модели конституционной монархии, при которой за королем сохранялась значительная роль в системе государственной власти.

Политические противники, однако, были вынуждены объединиться, когда Луи-Филипп попытался поставить под сомнение сам принцип парламентского министерства. В 1836 г. король назначил главой кабинета лично преданного ему графа Моле. С целью свержения «министерства двора» была создана широкая парламентская коалиция. Многолетний политический кризис заставил все же Луи-Филиппа отказаться от претензий на «личное правление» и вернуться к практике назначения кабинета, пользовавшегося доверием большинства в палате депутатов.

Впрочем, парламентаризм периода Июльской монархии оставался незрелым. В 1840–1848 гг. фактический глава кабинета Ф. Гизо в согласии с Луи-Филиппом создавал послушное большинство в парламенте путем прямого или косвенного подкупа депутатов. В результате избирательной реформы 1831 г. из-за высокого имущественного ценза лишь 57 тыс. граждан 35-миллионной Франции получили право баллотироваться в палату депутатов. Узким был и круг избирателей: один француз из 170 обладал правом избирать депутатов. Из числа последних немногие реально занимались политической деятельностью. Используя право сочетать безвозмездную деятельность в парламенте с иными видами занятий с целью заработка, многие депутаты занимали хорошо оплачиваемые должности в государственном аппарате, получали от правительства выгодные подряды и концессии. В финансовых злоупотреблениях и взяточничестве в 40-е годы XIX в. были уличены десятки высших должностных лиц Франции. Оздоровление политической системы Июльской монархии было возможно лишь при существенном расширении круга избирателей и кандидатов в депутаты. Однако либералы опасались радикальной демократизации политической системы. Воспоминания об эпохе Конвента и Империи побуждали их не доверять сторонникам равенства, которые с легкостью жертвовали правами личности и общественной свободой. «Обогащайтесь посредством труда и бережливости и вы станете избирателями», – так отвечал Гизо на требования провести избирательную реформу.

Период Июльской монархии характеризовался быстрыми темпами индустриального развития Франции. Наибольшие успехи были достигнуты в текстильной промышленности. Количество механических веретен 1830–1847 гг. возросло в 4 раза. Хотя труд ткачей на дому еще преобладал, множилось число фабрик. По производству тканей Франция значительно обгоняла другие страны, исключая Англию. Развивались и другие ключевые отрасли промышленной революции: металлургия и машиностроение. Количество паровых двигателей увеличилось в 8 раз, достигнув 4853. С 1842 г. развернулось железнодорожное строительство. В 2 раза возрос объем внешней торговли. Складывалась современная банковская система.

Правительство содействовало экономическому росту. Оно поощряло развитие транспортной инфраструктуры как сети проселочных дорог, так и железнодорожное строительство. Благотворное влияние на развитие экономики имела и политическая стабильность, предсказуемость правительственного курса и длительный период мира.

Вместе с тем, Франция находилась только в состоянии перехода к индустриальному обществу. Она оставалась крестьянской страной, 75 % населения которой проживали в деревне. Крестьяне стремились сохранить земельные участки, на которые приобрели право собственности во время революции конца XVIII в. Наряду с распространением фермерских хозяйств главным образом на севере Франции шел процесс дробления парцелл, росли нужда и задолженность многих крестьянских семей. Из 8 млн крестьянских дворов 3 млн к 1848 г. были освобождены от уплаты налогов как неимущие. Нищета массы крестьян обусловила узость внутреннего рынка.

Относительно слабый отток населения из деревни препятствовал росту городов. Даже в крупных торговых и промышленных центрах – Марселе, Лионе и Бордо – население не превышало 200 тыс. Исключением был Париж. Количество его жителей за первую половину XIX в. удвоилось и превысило 1 млн. Однако и столица мало изменилась: она располагалась в исторических границах XVIII в.; предместья Парижа представляли собой деревни, улицы были узкими, дома располагались хаотично в соответствии с исторической застройкой. В домах не было водопровода и канализации, только начиналось газовое освещение улиц. Несмотря на численный рост крупных промышленных предприятий, Париж оставался городом ремесла и мелких мануфактур, на которых было занято обычно 1–5 работников. Лишь на 1/8 предприятий столицы Франции работало более 10 человек.

Процесс перехода от традиционного общества к индустриальному сопровождался обострением социальных противоречий, появлением «рабочего вопроса». Стремясь оправдать инвестиции в дорогостоящую технику, предприниматели увеличивали продолжительность рабочего дня, который достигал в разных отраслях 13–16 часов. Экономия на оплате труда работников приводила к тому, что на предприятиях были заняты все члены их семей, включая детей. Не существовало системы социальной защиты, профсоюзная деятельность была запрещена на основании закона Ле Шапелье 1789 г., а также законодательства наполеоновской эпохи. Среди либеральных экономистов первой половины XIX в. господствовали теории (например, Ж.Б. Сэя), оправдывавшие временную социальную деградацию части населения во имя технического прогресса и создания индустриального общества.

Оказавшиеся на грани выживания, рабочие отвечали акциями социального протеста. Значительный размах получило восстание лионских ткачей в 1831 г. Рабочие-надомники требовали повышения заработной платы сначала мирным путем – посредством создания согласительных комиссий, в которых их представители встречались с предпринимателями. Срыв достигнутых договоренностей рядом мануфактуристов привел к массовой демонстрации работников 21 ноября 1831 г. Демонстрация была обстреляна национальными гвардейцами, вследствие чего вспыхнуло восстание. Повстанцы сражались под черным флагом, на котором были вышиты слова: «Жить, работая или умереть сражаясь». Им удалось захватить власть в городе. Поскольку определенного плана действий у восставших не было, они вступили в переговоры с префектом и не сопротивлялись вступлению в город правительственных войск.

Восстания как крайнее средство защиты французскими рабочими своих интересов повторились в Лионе в 1834 г., в Париже в 1840 г., на угольных шахтах Рив де Жье в 1844 г. Гораздо чаще работники использовали другие формы классовой организации: создавали «общества взаимопомощи», обходя запреты на профсоюзную деятельность, проводили стачки.

В годы Июльской монархии чрезвычайную популярность получила коммунистическая и социалистическая литература, в которой предлагалась альтернатива несправедливому и несовершенному обществу. Распространялись идеи Сен-Симона и Фурье, проекты идеальных коммунистических общин описывались в произведениях Пийо, Дезами, Кабе. Роман последнего «Путешествие в Икарию» вызвал попытки основания идеального общества, в котором отсутствовала частная собственность. О неравном и несправедливом распределении собственности и доходов писал Ж. Прудон. В сочинении «Что такое собственность» он предлагал сохранить имущественные права только за трудящимися.

Особое влияние среди сторонников социальных реформ имели труды Л. Блана. Он получил известность после издания книги «История десяти лет», в которой подверг критике режим Июльской монархии и, в частности, распространенную в правящих кругах либеральную доктрину о невмешательстве государства в социальные процессы. В сочинении «Организация труда» Л. Блан развивал популярные в XIX в. идеи производственной кооперации. Согласно его мнению, частные предприятия должны быть вытеснены общественными или национальными мастерскими. Государство должно было оказать помощь созданию этих кооперативов, снабжать их заказами, поддерживать кредитами. Но осуществлять эти функции могло лишь демократическое государство, избранное самими трудящимися.

На рубеже 30-40-х годов XIX в. социальные теории во Франции соединились с политическим движением. Задача построения справедливого общества оказалась соединена с борьбой за свержение Июльской монархии. В республиканском движении росло число сторонников социальных реформ. В 1832 г. лидер республиканцев Г. Кавеньяк объявил собственность не естественным, а социальным институтом. Сторонники социальной республики объединялись в тайные общества для организации восстаний; трехцветный флаг они желали заменить на красный цвет социальной республики. Тайное «Общество времен года», созданное в 1837 г. и руководимое О. Бланки, исповедовало коммунистические идеи и тактику бабуизма, изложенные в книге Ф. Буанаротти «История заговора равных». Путем заговора бланкисты рассчитывали захватить власть во Франции и создать условия для построения коммунистического общества. В 1839 г. они подняли восстание в Париже, захватили ряд правительственных учреждений, но потерпели неудачу. Руководители «Общества времен года» были арестованы и осуждены на пожизненное тюремное заключение. Однако, неопределенный идеал «социальной республики» закрепился в общественном сознании и обрел особую популярность в среде трудящихся.

Консервативная политика правительства Гизо не устраивала значительную часть общества. Индустриальная революция порождала социальные, экономические проблемы, решение которых требовало активного вмешательства со стороны государства. Между тем, избирательный закон 1831 г. включал в «политическое поле» избирателей и кандидатов в депутаты, главным образом, крупных земельных собственников, а также владельцев городской недвижимости и банкиров. Правда, число избирателей выросло за годы Июльской монархии со 166 до 250 тыс. Это свидетельствовало о расширении слоя предпринимателей. И все же состав политической элиты Франции, сравнительно мало изменившийся со времени Реставрации, не соответствовал состоянию общества. Режим Июльской монархии был коррумпированным, сверхдоходы отдельных лиц образовывались путем получения выгодных концессий, спекуляций с ценными бумагами государственного займа, созданием льготных таможенных тарифов. Правительство Гизо не предпринимало мер для разрешения рабочего вопроса и смягчения социальных проблем, которые порождались индустриальным развитием страны. Критики режима Июльской монархии отмечали и чрезмерно осторожную внешнюю политику, стремление сохранить мир и дружественные отношения с великими державами даже ценой уступок, унижительных для национальной гордости французов.

Скоропостижная гибель в 1842 г. в результате несчастного случая старшего сына Луи-Филиппа и наследника короны, популярного в армии и среди различных слоев населения герцога Орлеанского спровоцировала династический кризис, переросший в политический. Оппозиция утратила надежду на реформирование режима Июльской монархии. Недовольные «системой Гизо» объединились под лозунгом изменения избирательного закона. При этом представления о целях и радикальности реформы в разных общественных слоях существенно различались. Если в 30-е годы XIX в. либералы настаивали, главным образом, на борьбе с коррупцией в парламенте, то в следующее десятилетие на первый план выдвинулась задача демократизации всей политической системы.

«Партию движения» Лафайета и Лаффита 30-х годов сменила «династическая оппозиция» во главе О. Барро. Выдвинув лозунг «Реформа во избежание революции», либералы настаивали, однако, не на упразднении имущественного ценза, а лишь на снижении его, чтобы расширить опору власти в обществе. С «династической оппозицией» политически блокировалась группа «прогрессивных консерваторов», лидером которой был Э. Жирарден. Первоначально эта группа настаивала на изменении экономической политики правительства, предлагала провести налоговую реформу, сделать доступными кредиты. Игнорирование этих предложений властями побудило сторонников Э. Жирардена перейти к политическим требованиям, среди которых первостепенным была демократизация избирательной системы.

Республиканцы присоединились к этой политической кампании не для реформирования режима Июльской монархии, а с целью изменить форму правления. Политические деятели, объединившиеся вокруг редакции газеты «Националы» во главе с А. Маррастом, настаивали на введении всеобщего избирательного права и на провозглашении республики во Франции. Газета «Реформ» (главный редактор Ф. Флокон) была органом «Социальных республиканцев», близких Л. Блану, которые видели в политических преобразованиях пролог к изменению общественного устройства.

Кампания в пользу избирательной реформы приобрела масштабность и широкую поддержку среди населения под влиянием экономического кризиса 1846–1847 гг. Кризис был спровоцирован неурожаем, который привел к существенному – в 1,5–2 раза – росту цен на пшеницу и другие продовольственные товары. В 1847 г. произошел крах на бирже, пагубно сказавшийся на промышленности страны, в которой не было развитой кредитной системы. Массовые банкротства, закрытие предприятий и безработица не только усугубили социальные противоречия, но и вызвали резкое падение собираемости налогов. Период Июльской монархии характеризовался умеренным государственным дефицитом, который покрывался, главным образом, путем внутренних займов, обогащавших банкиров. В 1848 г. дефицит оказался столь значительным, что правительству Гизо пришлось пойти на кабальные условия нового займа: 100-франковые облигации продавались по цене 75 франков.

На фоне участвовавших стачек и продовольственных волнений во Франции развернулась кампания политических банкетов, на которых оппозиция требовала отставки правительства Гизо и проведения избирательной реформы.

Политический банкет в поддержку избирательной реформы должен был состояться в Париже в январе 1848 г. Правительство, опасаясь беспорядков в столице, сначала перенесло банкет на 22 февраля, а затем и вовсе запретило его. Лидеры оппозиции подчинились этому решению, но десятки тысяч парижан явились тем не менее к месту сбора в районе площади Магдалины. От требований избирательной реформы и отставки правительства толпа перешла к строительству баррикад. Национальные гвардейцы сочувственно отнеслись к требованиям повстанцев, и Луи-Филипп был вынужден на следующий день объявить об отставке правительства Гизо.

Парижане праздновали победу, к вечеру город был иллюминирован, хотя баррикады не разбিরали. Перед министерством иностранных дел, которым долгие годы руководил Гизо, собралась большая толпа. Из нее раздался выстрел по солдатам, охранявшим это правительственное учреждение. Караул ответил залпом из 50 ружей: на мостовую упали десятки убитых и раненых. Это событие послужило сигналом к восстанию, к которому присоединились политики из республиканской оппозиции. Король назначил членами правительства известных либералов А. Тьера и О. Барро, но эти уступки не удовлетворили восставших. В середине дня 24 февраля 1848 г. Луи-Филипп отрекся от престола в пользу своего внука графа Парижского и покинул Францию, найдя убежище в Великобритании.

Попытка установить регентство герцогини Орлеанской, матери графа Парижского, до достижения им совершеннолетия, была сорвана республиканцами, членами тайных обществ. К тому времени, когда герцогиня с сыновьями добралась до здания Законодательного собрания, надеясь на поддержку большинства депутатов-орлеанистов, толпа парижан с криками «Да здравствует республика!» ворвалась в Тюильрийский дворец. Королевский трон был с триумфом сожжен на площади Бастилии. Другая толпа овладела ратушей, которая традиционно считалась центром парижских революций. Большая группа повстанцев явилась в палату депутатов и сорвала обсуждение вопроса о регентстве. При их поддержке депутаты-республиканцы объявили о формировании Временного правительства.

Лидеры республиканцев А. Ламартин, А. Ледрю-Роллен наскоро утвердили список правительства и отправились во главе своих сторонников в ратушу, чтобы не допустить формирования альтернативной власти. В ратуше список Временного правительства был расширен, наряду с депутатами в состав кабинета были включены редакторы газет внепарламентской оппозиции А. Марраст («Националь»), Ф. Флокон («Реформа»), а также социалист Л. Блан и рабочий Альбер, возглавлявший одно из тайных обществ. Большинство во Временном правительстве составляли, так называемые «политические» демократы, сторонники гражданского равенства, общественных и индивидуальных свобод, не разделявшие идеи «социальной республики». Фактический глава правительства А. Ламартин возглавил министерство иностранных дел, А. Ледрю-Роллен – внутренних дел, А. Кремьё – юстиции, Э. Араго – морского флота, А. Мари – общественных работ. Несколько министерств были доверены «специалистам», не вошедшим в состав Временного правительства. «Социальные» республиканцы – Л. Блан, Альбер, Ф. Флокон – были «министрами без портфеля». Почетный пост председателя правительства получил ветеран республиканского движения, участник Великой революции конца XVIII в. Ж. Дюпон де Л'Эр. 25 февраля 1848 г. Временное правительство объявило об установлении республиканской формы правления во Франции. 27 февраля на площади Бастилии состоялось торжественное провозглашение республики.

Вторая республика (1848–1851)

Первые десять недель после победы Февральской революции Временное правительство выполняло функции главы государства, органа исполнительной и законодательной власти. Главной задачей правительства считалась подготовка выборов в Учредительное собрание, которому предстояло окончательно утвердить республиканскую форму правления и сформировать законные органы власти. Выборы были назначены на 9 апреля 1848 г., участвовать в них могли граждане Франции с 21 года, вне зависимости от материального состояния и дохода, проживавшие в избирательном округе в течение 6 месяцев. Благодаря отмене имущественного ценза число избирателей увеличилось с 240 тыс. до 9 млн. Оплата труда депутатов (25 франков за день) во время парламентских сессий предоставляла

возможность политической деятельности даже обездоленным гражданам. Демократический характер выборов обеспечивался свободой печати, собраний и ассоциаций. В течение нескольких дней после победы февральского восстания в Париже стали выходить 274 газеты. В марте в столице действовало 250 политических клубов, позднее их численность достигла 450. Политизация населения происходила и в провинции, в особенности в крупных городах Франции.

Между тем, сразу вслед за победой Февральской революции стал сказываться фактор неоднородности республиканского движения. Наряду с «политическими» демократами в нем участвовали сторонники глубоких социальных реформ. Хотя во Временном правительстве их представители оказались в меньшинстве, «социальные» республиканцы опирались на рабочее население Парижа, разоружившее солдат столичного гарнизона. Сочувствовали идеям социальной реформы префект столичной полиции М. Коссидьер и министр внутренних дел А. Ледрю-Роллен. Социалистическая пропаганда велась в политических клубах и в прессе.

Уже 24 февраля 1848 г. различные представления о республике среди участников революции ярко проявились при утверждении новой государственной символики. Сторонники социальной революции настаивали на признании статуса государственного за красным знаменем. А. Ламартину удалось отстоять трехцветный флаг, который с 1789 г. служил символом национального единства. В качестве уступки рабочим Временное правительство позволило прикрепить к древку знамени красную розетку.

На следующий день, 25 февраля, вооруженная толпа явилась в зал заседаний Временного правительства и потребовала обеспечения права на труд. Хотя большинство членов правительства придерживалось либеральных экономических воззрений, предусматривавших наличие рынка рабочей силы и свободу воли сторон при определении условий трудового соглашения, составлять текст соответствующего декрета было поручено Л. Блану, который пользовался доверием рабочих. Обязательство «доставить работу всем гражданам» побудило правительство создать национальные мастерские. Термин был заимствован из книги Л. Блана «Организация труда». Но вместо производственных мастерских посредством которых автор рассчитывал осуществить переход к социализму, Временное правительство организовало масштабную систему общественных работ по благоустройству города. Работники национальных мастерских объединялись в отряды, подобные военным подразделениям и получали одинаковую заработную плату 2 франка за день. Министр общественных работ А. Мари враждебно относился к социалистическим идеям и утверждал, что опыт национальных мастерских излечит население от веры в них. При очевидных недостатках своей организации национальные мастерские стали важной формой государственной поддержки для десятков тысяч безработных Парижа.

Новая манифестация с социальными лозунгами была проведена 28 февраля. Ее участники несли знамена и плакаты с лозунгами уничтожения эксплуатации человека человеком. Они потребовали организации министерства труда. Л. Блан поддержал это требование и пригрозил своей отставкой в случае отказа Временного правительства манифестантам. Поскольку отставка популярного социалиста могла привести к новым революционным выступлениям, либерально настроенное большинство министров пошло на уступки. Была учреждена особая правительственная комиссия по рабочему вопросу. Ее председателем стал Л. Блан, а заместителем председателя – Альбер. Заседания комиссии проходили в Люксембургском дворце, который и дал название этому необычному для середины XIX в. государственному органу. Люксембургская комиссия не обладала достаточными финансовыми и организационными средствами для осуществления глубоких социальных реформ, однако, ее популярность среди рабочих была велика. Первое же заседание комиссии посетило около 200 представителей разных профессий, которые передали правительству свои предложения по улучшению условий труда. На основании этих предложений были приняты декреты о сокращении рабочего дня до 10

часов в Париже и до 11 часов в провинции, а также о запрете на деятельность подрядчиков, которых работники обвиняли в недобросовестности при посредничестве между трудом и капиталом. Люксембургская комиссия способствовала в организации нескольких производственных кооперативов, помогла им получить правительственные заказы; устраивала третейские суды для разрешения конфликтов между предпринимателями и работниками, способствовала обеспечению доступными кредитами мелких торговцев. Она занималась распространением социалистических идей, содействовала росту солидарности трудящихся, организовала комитет из уполномоченных работников разных профессий. Надежды на осуществление реформ, которые радикально улучшат положение работников, оказались несостоятельны. Комиссия не обладала для этого ни достаточными финансовыми средствами, ни поддержкой со стороны Временного правительства. Однако, для своего времени деятельность Люксембургской комиссии представляла важный опыт социальной политики государства.

Активисты политических клубов, пользовавшиеся значительным влиянием в Париже после Февральской революции, пытались отложить выборы в Учредительное собрание. Желанный повод для выступления дала состоявшаяся 16 марта манифестация национальных гвардейцев из буржуазных кварталов, протестовавших против роспуска их подразделений.

С целью организовать вооруженных людей, правительство в первые дни после революции сформировало, так называемую, мобильную гвардию, в которой служили на постоянной основе за жалование в 1,5 франка за день. В марте 1848 г. преобразованиям подверглась Национальная гвардия: она стала демократической по составу, в ее ряды мог записаться любой гражданин. Элитные подразделения национальных гвардейцев из богатых кварталов распускались, что и стало поводом выступления «меховых шапок», как называли эти подразделения в народе за особую форму головных уборов.

17 марта активисты политических клубов организовали массовую демонстрацию, в ходе которой заявили о готовности поддержать правительство от угрозы справа, но одновременно потребовали перенести выборы в Учредительное собрание с 9 апреля на 31 мая 1848 г. Поводом для переноса объявлялась необходимость более длительной пропаганды республиканских идей в провинции. Временное правительство было вынуждено пойти на компромисс: сроки выборов переносились, но незначительно – на 23 апреля.

Новое выступление сторонников революционных методов борьбы за власть, желавших отложить выборы, состоялось 16 апреля, но правительство на этот раз было готово дать достойный отпор. Около ратуши демонстрантов встретили вооруженные подразделения мобильной и национальной гвардии, и приверженцы прямой демократии были вынуждены впервые отступить.

Выборы в Учредительное собрание принесли победу умеренным республиканцам. Среди 880 депутатов их представителей было около 500. Все члены Временного правительства были избраны от департамента Сена, в состав которого входил Париж. Провинция, как обычно, последовала политическому выбору столицы, отдав голоса проправительственным кандидатам. 300 мест в Учредительном собрании заняли более консервативно настроенные кандидаты. Это были «нотабли» – выходцы из семей землевладельцев, предпринимателей, юристов, врачей и др., пользовавшихся авторитетом среди традиционных слоев населения, в особенности среди крестьянства. Политические предпочтения «нотаблей» лежали, как правило, на стороне монархии, но после Февральской революции они вынужденно признали республику. Главной задачей этих депутатов было остановить революцию, избавить власть от влияния сторонников политического и социального радикализма. Сторонники «социальной» республики

потерпели поражение на выборах. В состав Учредительного собрания не прошли известные лидеры политических клубов и популярные в Париже публицисты.

На своем первом заседании, 4 мая 1848 г. депутаты провозгласили Францию республикой. Тем самым Учредительное собрание дало понять, что законные государственные учреждения создаются посредством парламентских процедур, а не вследствие восстаний. Депутаты оставили за собой компетенцию принятия законов и новой Конституции Франции, а правительственные функции были переданы Исполнительной комиссии из 5 человек, которые руководили министрами. В состав этой комиссии вошли бывшие члены Временного правительства Э. Араго, Л. Гарнье-Пажес, А. Ламартин, А. Мари и А. Ледрю-Роллен.

Результаты выборов в Учредительное собрание вызвали разочарование среди сторонников «социальной» республики и опасения реакции против завоеваний Февральской революции. Наиболее радикально настроенные активисты политических клубов поспешили противопоставить представительной демократии акции народного протеста. Поводом для выступления стало обращение о помощи к французскому правительству, поступившее от лидеров польского национально-освободительного движения.

Февральское восстание в Париже дало импульс европейской революции. Временное правительство обещало поддержку «угнетенным национальностям в Европе и за ее пределами». Оно же признало недействительными договоры о переделе карты Европы на Венском конгрессе, поскольку они были основаны на династическом принципе государственного устройства в ущерб национальному. Однако, политические демократы осознавали, что Франция не обладала необходимыми финансовыми и военными ресурсами, чтобы ввязаться в вооруженный конфликт с европейскими монархиями. Учредительное собрание и Исполнительная комиссия сохраняли преемственность внешнеполитического курса Временного правительства и ограничивались, главным образом, моральной поддержкой национально-освободительных движений в Европе. Между тем, сторонники «социальной» республики, активисты политических обществ настаивали на ведении революционных войн, которые должны были содействовать углублению революционного процесса в самой Франции, подобно тому, как это было в 1792–1794 гг.

15 мая 1848 г. вожди политических клубов организовали 150-тысячную манифестацию в Париже с требованием к Учредительному собранию оказать поддержку национально-освободительному движению Польши. Столь массовая политическая акция имела также целью предупредить депутатов о недопустимости пересмотра результатов Февральской революции. Манифестация переросла в попытку государственного переворота. Большая группа активистов революционных обществ ворвалась в зал заседаний Учредительного собрания. Влиятельный деятель левых А. Барбес с трибуны собрания потребовал пересмотреть список правительства в пользу сторонников социальной республики. Участник тайных обществ и одновременно полицейский осведомитель в период Июльской монархии А. Юбер внезапно объявил о роспуске Учредительного собрания. Эта политическая провокация удалась. Следуя традиции парижских революций, повстанцы отправились к ратуше с целью сформировать новые органы власти Франции. По приказу Исполнительной комиссии подразделения армии и национальной гвардии подавили мятеж. Лидеры революционного движения, среди них О. Бланки, А. Барбес, Альбер, Ф. Распайль, были арестованы, радикально-демократические клубы закрыты.

Поражение сторонников «социальной» республики предопределило судьбу национальных мастерских. Умеренно-консервативное большинство депутатов враждебно относилось к этому «социалистическому», по их мнению, учреждению. После закрытия демократических клубов национальные мастерские превратились в центр объединения

сторонников глубоких социальных реформ. В качестве аргумента в пользу закрытия национальных мастерских приводилось плачевное состояние государственных финансов.

Февральская революция подорвала доверие к банковской системе и государственный кредит. Акции Французского банка – главного эмиссионного центра страны – упали на 25 %. На состоянии финансов негативно сказалась отмена непопулярных косвенных налогов: гербового сбора, налога на соль, сборов с ввозимых в город продуктов питания и др. Желая поддержать кредит, Временное правительство досрочно выплатило проценты по государственным обязательствам, вследствие чего казна оказалась пустой. Правительству пришлось пойти на чрезвычайные фискальные меры: сроком на один год прямые налоги были увеличены на 45 %. Известие о 45-сантимовом налоге (поскольку на каждый франк уплачиваемого налога добавлялось 45 сантимов) в провинции было воспринято как плата за социалистические эксперименты в столице и, безусловно, повлияло на результаты выборов в Учредительное собрание. Депутаты стремились освободить бюджет от «излишних», с их точки зрения расходов на социальную сферу. Между тем, расходы на содержание национальных мастерских непрерывно росли. Если в марте 1848 г. в них было занято 6 тыс. работников, то в мае – 100 тыс. В целях экономии государственных средств рабочее время в мастерских было сокращено до 2 дней в неделю, а в остальные дни работники получали половинное жалование – 1 франк. Наконец, 21 июня Исполнительная комиссия издала декрет о закрытии этого учреждения и о прекращении денежного содержания работников. Лицам в возрасте от 18 до 25 лет предлагалось вступить в армию, а остальным – работа по осушению болот в провинции.

Известие о закрытии национальных мастерских стало причиной восстания 23–26 июня 1848 г. Состав участников восстания был достаточно пестрым: помимо работников национальных мастерских в нем принимали участие представители индустриального пролетариата – машиностроители, железнодорожники, но преобладали лица, занятые на мелких мануфактурах, строители, лавочники – представители социальных групп, составлявших основу санкюлотского движения в 1792–1795 гг. Вожди революционных клубов находились в тюрьме после неудачного государственного переворота 15 мая, а потому цели июньского восстания не были четко сформулированы. Но помимо собственно социальных целей, бойцы на баррикадах выдвигали политическое требование: роспуск Учредительного собрания.

Восстание не получило поддержки в стране, оказалось политически изолированным. Умеренные республиканцы сумели объединить общество под лозунгом защиты законности и порядка. 24 июня Исполнительная комиссия ушла в отставку. Учредительное собрание передало всю полноту правительственной власти военному министру генералу Л. Кавеньяку. Париж был объявлен на осадном положении. Против повстанцев использовались подразделения национальной и мобильной гвардий, а также регулярные войска. Баррикады расстреливались артиллерией. К утру 26 июня восстание было подавлено. Погибли 11 тыс. его участников, 15 тыс. были арестованы и заключены в тюрьмы.

Поражение июньского восстания означало поражение «социальных» республиканцев. Генерал Л. Кавеньяк сформировал кабинет, в котором не было сторонников социальных реформ. Были закрыты политические клубы и 32 газеты, издававшиеся левой оппозицией. Свобода печати ограничивалась и крупным залогом для издателей. Преследованиям подверглись лидеры и идеологи «социальной» республики, включая Л. Блана, который не поддержал июньское восстание.

Режим Л. Кавеньяка представлял собой республиканскую диктатуру. Генерал был сыном известного деятеля Конвента в 1792–1795 гг., а его брат возглавлял в 30-е годы XIX в. республиканские тайные общества. Подавив очаги прямой демократии, создававших угрозу парламентской республике, правительство Л. Кавеньяка организовало выборы в представительные органы власти департаментов, в окружные и муниципальные

советы. В условиях политической стабильности велась работа над текстом новой Конституции.

4 ноября 1848 г. Учредительное собрание утвердило новую Конституцию, закреплявшую республиканскую форму правления во Франции. Государственный строй Второй республики основывался на принципе верховенства народа и на естественно-правовой доктрине. Главными ценностями общества объявлялись свобода, равенство, братство, семья, труд, собственность, общественный порядок. Провозглашались свобода вероисповедания, собраний, мнения, печати, петиции. Гарантировалась неприкосновенность личности. Смертная казнь была отменена. Помимо прав, за гражданами закреплялись и обязанности по отношению к государству.

Конституционные принципы Великой французской революции конца XVIII в. были дополнены новыми идеями, соответствовавшими задачам индустриального развития страны. Авторы Конституции настаивали на необходимости государственного вмешательства в общественные отношения. Отказавшись после дискуссии предоставить гарантии права на труд, депутаты признали обязанность государства «обеспечить существование нуждающимся гражданам, подыскивая работу, соответствующую их способностям, или же поддерживая тех, которые не имеют родных и не в состоянии работать». Провозглашалась доступность образования.

Законодательной властью наделялось представительное однопалатное Национальное собрание. Депутаты избирались на 3 года посредством всеобщего голосования совершеннолетних (с 21 года) мужчин прямой и тайной подачей голосов. Выработкой проектов законов занимался Государственный совет, состав которого формировался депутатами.

На государственное устройство Второй республики оказала влияние конституционная традиция США. Следствием этого влияния стало создание института выборного президента, который возглавлял исполнительную власть, обладал законодательной инициативой и обеспечивал исполнение законов, возглавлял вооруженные силы страны, заключал международные договоры, наделялся правом помилования. В соответствии с принципом разделения властей ряд важных функций президент мог реализовать лишь при согласии Национального собрания и Государственного совета. Он не вправе был лично командовать армией. Президент избирался на 4 года и мог быть переизбран лишь по прошествии следующего 4-летнего срока, в течение которого этот пост не вправе были занимать ни его родственники или свойственники, ни назначенный им вице-президент.

Создание сильной президентской власти в стране с традициями королевского абсолютизма и бонапартизма, с высоким уровнем централизации управления, с большой армией и разветвленным бюрократическим аппаратом заставляет предположить, что авторы конституционного проекта предполагали закономерно закрепить сформировавшийся режим республиканской диктатуры во главе с генералом Кавеньяком. Если бы президента избирало Учредительное собрание, кандидатура генерала оказалась бы вне конкуренции. Однако, соперники Л. Кавеньяка, в частности А. Ламартин, ссылаясь на принцип народного суверенитета, сумели убедить депутатов, что президент должен получить доверие избирателей.

Выборы президента состоялись 10 декабря 1848 г. Наряду с кандидатами от разных фракций республиканцев – Л. Кавеньяком, А. Ламартином, А. Ледрю-Ролленом – в них принял участие принц Луи-Наполеон Бонапарт, на дополнительных выборах в сентябре 1848 г. ставший депутатом Учредительного собрания. Лично неизвестный подавляющему большинству населения, лишь незадолго до выборов приехавший во Францию из Лондона, этот кандидат в президенты одержал сенсационную победу: за него было отдано 5434 тыс. голосов, намного больше, чем за всех его соперников вместе; оставшийся вторым Л. Кавеньяк получил 1400 тыс. голосов избирателей.

Луи-Наполеона поддержало крестьянство и другие демократические слои традиционного общества, в особенности в провинции. Они голосовали против парламентской республики, которая принесла увеличение налогового бремени, политическую нестабильность. Как за «меньшее зло», за принца Бонапарта голосовали сторонники монархического правления, «нотабли», желавшие окончательного подавления революционной «анархии». Победитель на президентских выборах не представил развернутой программы действий. Избиратели голосовали за старшего представителя дома Бонапартов, за наполеоновскую легенду, с которой связывались такие ценности, как равенство, стабильность, национальная слава.

Вступив в должность президента, Луи-Наполеон назначил главой правительства лидера консервативной части Учредительного собрания «орлеаниста» О. Барро. Между республиканским большинством депутатов и Бонапартом сразу возникли серьезные разногласия. Демократы протестовали против запрета политических собраний, а также против использования французских войск в карательных операциях против итальянских республиканцев-революционеров. Бонапарт настаивал на скорейших выборах в Законодательное собрание, не без оснований надеясь на поражение республиканцев.

Выборы в Законодательное собрание состоялись 13 мая 1849 г. Из 750 избранных депутатов около 500 принадлежали к так называемой «партии порядка», приверженцам реставрации Бурбонов (легитимисты), Орлеанской династии или бонапартистской империи. Республиканцы, имевшие большинство в Учредительном собрании, сохранили за собой лишь 70 мест. Сторонники социальных реформ составили коалицию под названием «Новая гора», которая получила 180 мест в новом собрании. Название этой коалиции свидетельствовало о верности традициям якобинско-санкюлотской республики 1792–1794 гг. Столкновение «Новой горы» с президентом и «партией порядка» было неизбежно. Поводом послужила военная интервенция Франции в Италию с целью восстановления светской власти папы, утраченной вследствие революции. Лидер «Новой горы» А. Ледрю-Роллен обвинил президента в нарушении Конституции, запрещавшей использовать французские войска для подавления свободы других народов. Республиканцы потребовали предать Бонапарта суду, но не были поддержаны монархическим большинством собрания.

13 июня 1849 г. депутаты «Новой горы» вывели тысячи парижан на демонстрацию протеста против действий президента. Правительство использовало это выступление для разгрома демократического движения. 33 депутата из «Новой горы» были преданы суду, политические собрания запрещены, газеты, поддерживавшие «социальных» республиканцев, закрыты.

Разгром «Новой горы» сделал неизбежным упразднение республиканской формы правления, которая не пользовалась поддержкой ни президента, ни Законодательного корпуса. Проявлением кризиса республики стал рост влияния клерикализма. Президент и депутаты-монархисты были солидарны в симпатиях католической церкви, которая представлялась оплотом против революционного рационализма. Бонапарт ставил себе в заслугу военную поддержку, оказанную Папе против итальянских революционеров. Законодательное собрание 16 марта 1850 г. разрешило открывать наряду с государственными светскими школами частные, принадлежащие католическим конгрегациям.

31 марта был принят анти-демократический закон, вводивший имущественный ценз и трехлетний ценз оседлости для избирателей. Из политического поля таким образом исключалась треть избирателей. В принятии закона были заинтересованы сторонники реставрации одной из ценовых монархий – легитимисты и орлеанисты. В борьбе за выбор новой формы правления разгорелась борьба между большинством депутатов и президентом, стремившимся к установлению режима личной власти.

В 1850–1851 гг. бонапартисты инспирировали множество петиций с требованием пересмотра Конституции в той части, которая запрещала президенту переизбираться на новый срок. Законодательное собрание отклонило эти требования. Приближение срока окончания полномочий президента заставило Бонапарта решиться на государственный переворот. Под предлогом защиты республики президент распустил Законодательное собрание и арестовал лидеров оппозиции. Заседания Верховного суда, признавшего действия президента анти-конституционными, были приостановлены.

Желая получить поддержку населения, Бонапарт отменил действие закона от 31 марта 1850 г., которым вводились ограничения избирательного права. Он объявил, что новая Конституция будет вынесена на народное голосование. Тем не менее, государственный переворот встретил сопротивление в рабочих кварталах Парижа и в ряде департаментов. Бонапарт объявил 32 департамента на осадном положении и, опираясь на армию, сломил сопротивление республиканцев. Более 26 тыс. повстанцев были арестованы, 15 тыс. приговорены различным видам наказания. И все же подавляющее большинство французов поддержали бонапартистский переворот. Обнародованная 14 января 1852 г. Конституция была одобрена 7481 тыс. голосами против 647 тыс. Франция вернулась к режиму авторитарной демократии.

Конституция 1852 г. возрождала государственный строй Консульства. Президент Луи-Наполеон Бонапарт получал полномочия на 10 лет. Он был главой государства, исполнительной власти, в его компетенцию входило назначение должностных лиц, объявление войны и чрезвычайного положения, заключение мира. Только президент обладал правом законодательной инициативы, причем проекты нормативных актов готовились в Государственном совете, состав которого назначался главой государства. Депутаты Законодательного корпуса, избравшиеся населением, утверждали представленные Государственным советом законопроекты, а также бюджет, основные параметры которого разрабатывались правительством. Сенат, состоявший из 150 человек, назначавшихся Бонапартом пожизненно, обладал компетенцией конституционного контроля.

Луи-Наполеон объявлял себя приверженцем принципа народного суверенитета, но понимаемого в духе авторитарной демократии. В его программном сочинении «Наполеоновские идеи» (1837) ясно изложено политическое содержание бонапартизма: «По самой своей природе демократия стремится к олицетворению себя в одном человеке». Согласно Конституции 1852 г. ответственным перед народом объявлялся президент. Правда, форма этой ответственности и механизм ее реализации Конституцией не уточнялись. На практике доверие народа к режиму бонапартизма проявлялось в ходе выборов в представительные органы власти и в результате плебисцитов, узаконивавших конституционные изменения.

В конце 1852 г. республиканская форма правления была упразднена. Назначенный Бонапартом Сенат 7 ноября высказался за восстановление империи с наследственной властью Луи-Наполеона под именем Наполеона III. Плебисцит придал легитимность этой форме правления, а 2 декабря 1852 г. состоялась коронация нового императора Франции.

Вторая империя (1852–1870)

Наполеон III, объявивший себя вождем нации, должен был уделять повышенное внимание социально-экономическим проблемам, с которыми сталкивалось французское общество в эпоху промышленной революции. Император даже объявлял себя последователем учения Сен-Симона в той части, где социальный мыслитель предлагал

объединить финансовые, трудовые, интеллектуальные ресурсы нации для осуществления масштабных экономических проектов, которые способны обеспечить процветание общества.

Правительство Наполеона III воспользовалось оживлением мировой конъюнктуры, вызванном открытием золотоносных рудников в Австралии и Калифорнии. В период Империи во Франции сложилась сеть современных банков, осуществлявших инвестиции в производственную сферу и сельское хозяйство. Среди них объемами инвестиций выделялись Общество движимого кредита (основано в 1852), Общество поземельного кредита (1852), Национальная учетная контора (1854), Лионский кредит (1863), Марсельское общество промышленного кредита и сбережений (1864), Общество развития торговли и промышленности во Франции (1864).

Правительство сняло ограничения на деятельность акционерного капитала, что привело к расцвету биржевых операций. Франция стала вторым после Англии центром финансовых операций в мире. Значительная часть финансовых ресурсов инвестировалась в железнодорожное строительство, вследствие чего сеть железных дорог Франции выросла с 3,5 до 18 тыс. км за время Империи. Париж был связан железнодорожным сообщением со всеми крупными городами Франции.

Государственную поддержку получили пароходные компании. Пароходное сообщение было установлено со странами Востока, Африки, Южной Америки. Французские порты были расширены и модернизированы. Французская акционерная компания Суэцкого канала, возглавляемая Ф. Лессепсом и пользовавшаяся поддержкой императорской семьи, в 1869 г. открыла сообщения между Средиземным морем и Персидским заливом.

За годы Империи качественно улучшилась организация связи и средств сообщения, в значительной степени благодаря прокладке телеграфных линий.

Будучи сторонником авторитаризма в области государственного управления, Наполеон III придерживался либеральных экономических воззрений. В 1860 г. он заключил договор с правительством Англии, согласно которому резко снижались таможенные пошлины во взаимной торговле этих государств. Правительство стимулировало предпринимателей бороться за конкурентоспособность своих товаров на мировых рынках.

В 1855 и 1867 гг. в Париже проходили Всемирные выставки, которые содействовали росту деловой активности и демонстрировали успехи французской экономики.

Темпы экономического роста во Франции в 50-60-е годы составляли 5–7% в год, и это был самый высокий показатель в XIX в. Ускоренными темпами развивалось машиностроение, новые технологии обеспечили устойчивый рост в текстильной, горной, металлургической и химической отраслях промышленности. В указанный период вдвое вырос объем промышленной продукции и внутренней торговли, втрое – внешней торговли.

Период империи ознаменовался бурным городским строительством, что объяснялось потребностями индустриализации и урбанизации. К началу 70-х годов XIX в. численность горожан составляла треть всего населения Франции. Наиболее впечатляющей была перестройка Парижа, которая осуществлялась под руководством префекта департамента Сены Э. Османна. Присоединив к столице предместья – Пасси, Отей, Белльвиль и др. – он разделил город на 20 районов и построил вместо кривых и узких улочек широкие проспекты. Монументальные сооружения в стиле ампир – здания Оперы, вокзалов, административных учреждений – создавали ощущение могущества и незыблемости власти Наполеона III. Городское строительство имело и иные резоны: оно обеспечивало рабочими местами городскую бедноту.

Процесс индустриализации и урбанизации обострял социальные проблемы. Тяжелые условия труда – нормой являлся 12-14-часовой рабочий день при шестидневной рабочей

неделе – дополнялись отсутствием механизмов социальной защиты. Правительство Наполеона III, жестоко подавляя политические выступления трудящихся, стремилось сглаживать социальные конфликты. В годы империи был отменен запрет профессиональных объединений, создан институт прюдомов – посредников в трудовых спорах работников с предпринимателями.

Взросшие потребности индустриальных центров создавали спрос на сельскохозяйственную продукцию. Правительство стимулировало развитие этой сферы хозяйства, обеспечив доступный кредит для крестьян в Земельных банках. Сельскохозяйственные выставки пропагандировали эффективные методы в агрономии и в животноводстве. Развитая система железных дорог обеспечивала транспортировку сельскохозяйственной продукции в города. Крестьянство и фермеры поддерживали режим империи, при котором росли цены на землю и на продукты сельского хозяйства.

Режим бонапартизма характеризовался всеобъемлющими ограничениями общественной и индивидуальной свободы. При формальном сохранении принципов представительной демократии, вся полнота власти оказалась в руках императора. Сессии Законодательного корпуса продолжались лишь 3 месяца в течение года, депутаты не обладали полномочиями избрать своего председателя, участвовать в подготовке законопроектов. Парламентские прения печатались в виде краткого официального отчета, причем требования 5 депутатов было достаточно, чтобы воспрепятствовать публикации даже этой скудной информации. Утверждение бюджета Законодательным корпусом осуществлялось не по статьям, а в целом, и правительство, впоследствии произвольно перемещая финансовые средства с балансов одних министерств на другие, оказывалось независимым от контроля в этом важнейшем вопросе со стороны органа национального представительства.

Избрание депутатов также находилось под контролем императорского правительства, которое публиковало списки «официальных» кандидатов, лояльных императору и пользующихся поддержкой власти. Кандидату от оппозиции приходилось самому нести издержки выборной кампании, при этом агитация за себя и предвыборные собрания запрещались. Выборами руководили назначенные правительством мэры. Голосование продолжалось в течение 2 дней, и в деревнях мэры вечером первого дня голосования уносили урну к себе домой, где надзор за их действиями был невозможен, что создавало благоприятные условия для подтасовок избирательных бюллетеней.

Избирательные округа устанавливались правительственными распоряжениями таким образом, чтобы это было выгодно официальным кандидатам. Как правило, города делились на избирательные участки, которые присоединялись к сельским выборным округам, где абсолютно преобладали приверженцы империи.

Контроль над политическими газетами осуществлялся посредством комплекса мер. Основание периодического издания требовало специального разрешения правительства, которое утверждало и кандидатуру главного редактора. Дополнительной гарантией лояльности власти служил высокий залог, уплачиваемый издателями. Обвинения за публикации в газетах рассматривались не судами присяжных, а назначенными правительством исправительными судами. Запрещалось печатать «мятежные известия», т. е. информацию, в распространении которой правительство было не заинтересовано. Если газеты не выполняли эти требования, их руководство получало предостережение префекта. Повторное предостережение служило основанием для закрытия изданий. Ввоз печатных изданий из заграницы с критикой правительства пресекался путем тщательного таможенного досмотра.

Искоренению вольномыслия служил университетский устав. Профессора должны были присягать на верность империи. Министерским распоряжением им предписывалось брить усы, «дабы уничтожить в костюме и нравах последние следы анархии». В программе

преподавания главное внимание обращалось на изучение древних языков и естественных наук за счет часов, прежде отводившихся философии и истории.

Идеологическую опору режим Наполеона III искал у католической церкви, авторитет которой оставался незыблемым среди сельского населения. Правительство империи запрещало ассоциации, но этот запрет не распространялся на католические конгрегации: монашеские ордена были восстановлены и получили привилегии. Под контроль церкви передавался контроль над начальным образованием, католическим конгрегациям принадлежали и многие средние учебные заведения. Колледжи иезуитов конкурировали с университетами, из которых были изгнаны известные, независимо мыслящие профессора. Духовенство, со своей стороны, оказывало прямую политическую поддержку режиму империи, вмешиваясь в ход выборов и призывая прихожан голосовать за официальных правительственных кандидатов.

Полицейский контроль осуществлялся не только за поступками, но и за разговорами частных лиц. Арест угрожал всем, кто позволял себе критически высказываться о режиме и о деятельности правительства.

Легальная оппозиция режиму Второй империи была, таким образом, невозможна. Руководители республиканского движения находились в ссылке, в изгнании или под надзором полиции. В Законодательном корпусе до 1857 г. не было республиканцев, в 1857–1863 гг. это движение представляли 5 депутатов, которых, впрочем, вынудили принести присягу правящему режиму. Республиканцы перешли к тактике заговоров с целью государственного переворота и организации покушений на жизнь Наполеона III. Полиция сумела своевременно предотвратить эти акции, а на участников тайных обществ обрушились репрессии. Арестам подверглись и те республиканцы, которые после переворота 1851 г. отошли от политической деятельности. Франция была разделена на 5 военных округов, которыми руководили маршалы.

Подобно Первой империи, судьба режима Наполеона III была тесно связана с успехами французского оружия. «Империя – это мир», – утверждал принц Луи-Наполеон в 1852 г., агитируя за новую форму правления. Однако, уже с 1854 г. Франция совместно с Англией приняла участие в Крымской войне на стороне Турции против России. Участие в одной коалиции с Англией, а также конечная военная победа позволили существенно укрепить международное положение Франции, которая после крушения Первой империи оказалась в международной изоляции и нередко принуждена была подчиняться диктату стран-победительниц. Символом новой роли Франции стало проведение в Париже международного конгресса, закрепившего результаты военного поражения России в 1856 г. А в 1859 г. французские войска нанесли тяжелое поражение другому участнику анти-наполеоновских войн начала XIX в. – Австрийской империи. Наполеон III поддержал стремление Сардинского королевства освободить Северную Италию от владычества Австрийской империи. Впрочем, эта поддержка была обусловлена не заинтересованностью в процессе объединения Италии, а желанием императора вытеснить соперника и установить свой контроль в северной части Апеннинского полуострова. При этом Ницца и Савойя стали военным призом Наполеона III, который вернул Франции статус арбитра европейской политики. Военные победы укрепили доверие к империи значительной части населения, воспитанного на традициях первенства Франции в Европе.

Итальянская политика Наполеона III была осуждена папой Пием IX, который предвидел, что процесс объединения Италии Сардинским королевством создаст угрозу светским владениям церкви. Католические епископы Франции поддержали критику папой внешней политики императора. Это побудило Наполеона III начать поиски новой идейной опоры режима. Потребность в изменениях обуславливалась и результатами индустриальной революции, свидетельствующими об актуальности доктрин рационализма и позитивизма. Дух свободного предпринимательства и рыночной экономики все труднее сочетался с полицейским режимом и мелочным

административным контролем. Кроме того, десятилетие, прошедшее после окончания революционных бурь, лишало оправданий политику подавления индивидуальной и общественной свободы во имя стабильности.

В 1859 г. Наполеон III объявил о политической амнистии, согласно которой республиканцам и либералам, подвергнувшимся ссылке и изгнанию, было разрешено вернуться во Францию. В 1860 г. Законодательный корпус и Сенат получили право принимать адрес с оценкой политики правительства при открытии ежегодных парламентских сессий. Палатам было позволено публиковать в газетах отчеты о прениях. Правительство ослабило цензуру над периодическими изданиями и позволило выпускать журналы умеренно-либерального направления.

Смягчение авторитарного режима сказалось на оживлении политической жизни и привело к формированию легальной оппозиции. Либеральный блок, выдвинувший лозунг обеспечения «необходимых свобод», на выборах в 1863 г. добился первого крупного успеха, получив 35 мест в Законодательном корпусе. Избиратели Парижа голосовали исключительно за кандидатов от оппозиции.

Император принял меры, которые свидетельствовали о готовности к достижению политического компромисса с либералами. Церковь лишилась контроля над образованием. С 1864 г. бюджет стал «прозрачным» и Законодательный корпус получил возможность участвовать в определении расходов каждого министерства. В ответ внутри либерального движения стала формироваться «средняя партия», члены которой объявили о готовности поддержать государственный строй империи при условии проведения реформ, направленных на обеспечение индивидуальной и общественной свободы. Лидер «средней партии» Э. Оливье настаивал на отмене исключительных законов о печати, на разрешении политических собраний, на включении в Конституцию парламентского принципа ответственности правительства перед Законодательным корпусом.

Влияние «средней партии» существенно возросло вследствие экономического кризиса 1867 г., охватившего все отрасли промышленности. Кризис сопровождался расстройством финансов и был усугублен неурожаем.

К тяжелым последствиям для Франции привела к тому времени и авантюрная внешняя политика Наполеона III. В 1862 г. он направил войска на завоевание Мексики с целью последующего создания Латиноамериканской империи. Эта акция привела к резкой реакции со стороны правительства США, которое добилось в 1866 г. эвакуации французских войск из Мексики. Тем самым обрекались на поражение вовлеченные в эту авантюру политические деятели во главе с Максимилианом Габсбургом, австрийским принцем, которому Наполеон III предложил стать правителем создаваемой им дочерней империи. В 1867 г. вооруженные силы законного правительства Мексики разгромили наемников Максимилиана, а сам принц был расстрелян. Франция была унижена позорным провалом этой экспедиции. Увлечшись авантюрными проектами грандиозных завоеваний, Наполеон III упустил процесс объединения германских государств Пруссией. Следствием победы этой державы над Австрийской империей в 1866 г. стало образование Северо-германского союза. Баланс сил на европейской арене изменился к явной невыгоде для Франции.

Судьба режимов, основанных на принципе личного правления, особенно тесно связана с факторами здоровья, эмоционального состояния и с другими индивидуальными особенностями политических лидеров. В 60-е годы неизлечимая болезнь подтачивала организм Наполеона III, вследствие чего нарастающую роль в политической жизни Франции стали играть дворцовая камарилья, фавориты. Это негативно сказывалось на качестве принимавшихся политических и управленческих решений и, как следствие, на отношении населения к режиму. «Недоверие и охлаждение», – так характеризовал префект парижской полиции настроения, преобладавшие среди жителей столицы.

Последовавшие в этой ситуации уступки правительства требованиям либералов ослабить запреты на выпуск независимой печати и на политические собрания создали благоприятные условия для критики бонапартистского режима. Среди десятков появившихся в столице периодических изданий особую известность смелыми нападкамии на семью Бонапартов и на высших должностных лиц империи приобрел еженедельник А. Рошфора «Фонарь». Массовым тиражом выходили республиканские брошюры, разоблачавшие преступления бонапартистов в ходе государственного переворота 1851 г. Была открыта подписка на сооружение памятника депутату-республиканцу Ж. Бодену, погибшего 3 декабря 1851 г. Эта акция сопровождалась массовой политической манифестацией против Второй империи. Публичные собрания превратились в механизм систематической пропаганды либеральной и республиканской оппозиции режиму.

На выборах в Законодательный корпус в 1869 г. бонапартисты впервые потерпели поражение, потеряв около 1 млн голосов избирателей. «Средняя партия» сформировала самую крупную фракцию депутатов и вместе с республиканцами располагала большинством в этом представительном собрании.

В ходе выборов сложилась и партия «непримиримых» республиканцев, которые стремились к низложению режима империи. «Непримиримые» идейно объединялись вокруг предвыборной программы депутата от парижского округа Бельвиль Л. Гамбетты. «Бельвильская программа» содержала требования обеспечить истинный суверенитет народа. С этой целью предполагались выборность всех должностных лиц и их ответственность перед избирателями, замена профессиональной армии вооружением граждан, предоставление законодательных гарантий свободы личности, собраний, печати, союзов, отделения церкви от государства, светское бесплатное начальное образование, снижение налогового бремени и др. По мнению «непримиримых», изменения государственного строя Франции должны были осуществляться по образцу демократических конституций Швейцарии и США.

К движению «непримиримых» республиканцев примыкали сторонники проведения глубоких социальных реформ: прудонисты, бланкисты, активисты профсоюзного движения и распространившихся во Франции с середины 60-х годов XIX в. секций Международного товарищества рабочих (Интернационала). Правительство вернулось к практике полицейских репрессий и в 1868–1870 гг. организовало процессы над членами Интернационала, пропагандировавших лозунги социальной революции и методы стачечной борьбы. Однако, секции МТР сохранили свою организацию и верность программе классовой борьбы.

Проявлением кризиса режима бонапартизма стала грандиозная манифестация, устроенная республиканцами 12 января 1870 г. Поводом для нее стало убийство принцем П. Бонапартом журналиста-республиканца В. Нуара. В траурной процессии приняло участие 200 тыс. человек, и правительству пришлось стянуть к столице 60-тысячную военную группировку, чтобы не допустить массовых беспорядков.

Рост оппозиционных настроений в стране побуждал Наполеона III идти навстречу требованиям влиятельной «средней партии», которая была готова к политическим компромиссам, сохранявшим империю и правящую династию при существенном реформировании государственно-правовых учреждений. В январе 1870 г. Э. Оливье возглавил министерство. В течение 1869–1870 гг. Законодательный корпус и Сенат последовательно трансформировались в двухпалатный парламент по английскому образцу: палаты получили право законодательной инициативы, парламентских запросов министрам, создали структуру комитетов и органов управления. Весь комплекс изменений был изложен в постановлении Сената от 20 апреля 1870 г. в качестве новой Конституции империи. Развитие принципа народного суверенитета проявилось в передаче права самому населению вносить предложения о конституционных изменениях в ходе плебисцитов.

Наполеон III решил применить эту процедуру для укрепления своего влияния в стране. На плебисцит, состоявшийся 8 мая 1870 г., был вынесен вопрос: «Одобрят ли французская нация либеральные реформы, произведенные в Конституции, начиная с 1860 г., подтверждает ли она постановления Сената от 20 апреля 1870 г.?». Положительный ответ означал не только поддержку либеральных реформ, но также голосование за сохранение наследственной власти императора. «Непримиримые» республиканцы заявляли о «конфискации» воли народа и призывали голосовать «против». Сторонники бонапартизма и либералы положительно отвечали на вопрос, вынесенный на плебисцит. Правительство дало приказ чиновникам проявить «пожирательную деятельность» по агитации населения за положительное голосование в ходе плебисцита. В итоге 7350 тыс. французов поддержали изменения Конституции, 1500 тыс. проголосовали «против». Франция превращалась в парламентскую монархию.

Прочность цезаристских режимов, к числу которых относилась бонапартистская империя, во многом зависит от внешнеполитических успехов и в особенности от военных побед. В конце 60-х годов XIX в. Франция утратила господствующее положение в Европе вследствие объединения большинства германских государств Пруссией. Военной победой над этой державой милитаристское окружение Наполеона III рассчитывало вернуть утраченное международное влияние Франции, а также укрепить режим личной власти императора внутри страны.

19 июля 1870 г. правительство Второй империи официально объявило войну Пруссии. Наполеон III лично возглавил войска. Выяснилось, однако, что политические планы молниеносной войны не были подкреплены организационно и военно-технически. Французская армия была высокопрофессиональна, но немногочисленна. Между тем, Пруссия успела завершить военную реформу, в ходе которой была создана массовая, хорошо обученная армия. Ее генералы детально изучили театр военных действий. Пруссия возглавляла национальное движение за объединение Германии, что поднимало боевой дух ее армии.

После первых же поражений на границе, французские войска оказались разделены. Армия под руководством маршала Базена была блокирована прусскими войсками в крепости Мец. Войска под командованием маршала Мак-Магона, с которыми следовал Наполеон III, потерпели сокрушительное поражение при Седане 1 сентября 1870 г. На следующий день эта армия вместе с императором сдалась в плен.

Известия о первых поражениях французских армий в начале августа 1870 г. положили начало политическому кризису, который завершился крушением Второй империи. Манифестанты в крупных городах, «непримиримые» республиканцы в Законодательном собрании настаивали на низложении императора и изменении формы правления. Угроза революции и военного поражения сплотила вокруг правящего режима бонапартистов и умеренную оппозицию. Кабинет Э. Оливье 9 августа 1870 г. ушел в отставку, новый состав правительства возглавил граф М. де Паликао. В Париже было объявлено осадное положение, в крупные города введены войска. Предпринятая 14 августа попытка бланкистов поднять в столице восстание с целью свергнуть правящий режим, не получила поддержки среди населения и была быстро подавлена. Даже «непримиримые» республиканцы в Законодательном собрании осудили это, по выражению Л. Гамбетты, «предательское» в условиях войны выступление.

Унизительное для национальной гордости пленение целой армии вместе с императором вследствие «седанской катастрофы» привело к немедленному крушению правящего режима. Хотя требование левых депутатов изменить форму правления было вновь отвергнуто большинством Законодательного корпуса, судьба Второй империи решалась на улицах Парижа. 4 сентября 1870 г. манифестанты ворвались в зал заседаний Законодательного корпуса и провозгласили установление республиканского строя во Франции. Попытки проправительственных депутатов спасти бонапартистский режим в

форме регентства императрицы Евгении при несовершеннолетнем наследнике престола не имели успеха. Депутаты-республиканцы, не желавшие окончательно утратить инициативу, отправились во главе повстанцев к ратуше, где и заявили о формировании временного правительства национальной обороны.

Формирование Третьей республики

В состав правительства 4 сентября 1870 г. вошли, главным образом, депутаты Законодательного корпуса от Парижа, принадлежавшие к широкой коалиции оппозиционного режиму Империи. Главой правительства стал орлеанист генерал Л. Трошю, министрами – деятели Второй республики (Э. Араго и Г. Кремье), политики «средней партии», принимавшие участие в процессе либерализации империи (Э. Пикар и Ж. Фавр), «непримиримые» республиканцы (Л. Гамбетта, А. Рошфор). Осенью 1870 г. этих политиков объединяла задача организации обороны Франции и поисков приемлемых для национального достоинства путей прекращения войны, столь авантюрно развязанной режимом Империи.

«Седанская катастрофа» и блокирование в Меце второй французской армии под командованием маршала Базена позволили германскому командованию направить основные силы против Парижа. Министр иностранных дел правительства национальной обороны Ж. Фавр на встрече с министром-президентом Пруссии О. фон Бисмарком предложил перемирие. Однако, Бисмарк потребовал от французского правительства значительных территориальных уступок в Эльзасе и Лотарингии. Подобное соглашение в условиях патриотического подъема, охватившего население Франции, в особенности сильного в Париже, могло быть расценено как измена. Правительство национальной обороны приняло решение продолжать войну. 19 сентября германские войска начали осаду Парижа.

Столица еще в 40-е годы XIX в. была укреплена рвом, валом и целым рядом фортов. 65-тысячная группировка французских войск была значительно усилена 300 тыс. национальных гвардейцев – жителей Парижа. Двухмиллионное население столицы мужественно переживало тяготы блокады. Осажденные периодически проводили вылазки в надежде обеспечить подвоз продовольствия в столицу и соединиться с другими французскими воинскими частями.

Перед началом осады Парижа в Туре была сформирована «правительственная делегация», в задачу которой входила организация национальной обороны всей территории Франции, формирование новых армий. В начале октября 1870 г. «делегацию» возглавил военный министр Л. Гамбетта, выбравшийся из осажденного Парижа на воздушном шаре. Известный прежде как талантливый адвокат и политический оратор Л. Гамбетта сумел организовать всеобщую мобилизацию и в короткие сроки организовал 4 армии общей численностью 600 тыс. человек. Однако, попытки прорваться к столице и снять блокаду успехом не увенчались. Германские войска разбили плохо обученных ополченцев. Крайне ухудшила военное положение Франции капитуляция 27 октября 1870 г. осажденной в Меце армии под командованием маршала Базена. В январе 1871 г. все французские армии, кроме парижской группировки, были разгромлены.

Положение окруженной столицы стало безнадежным. Несмотря на введение карточной системы распределения, закончились запасы продовольствия и топлива. С 5 января германская тяжелая артиллерия систематически обстреливала кварталы Парижа. После неудачи очередной попытки прорыва блокады, предпринятой 19 января 1871 г., правительство национальной обороны приняло решение о капитуляции.

Соответствующий акт был подписан Ж. Фавром и О. Фон Бисмарком в Версале 28 января 1871 г. По условиям капитуляции форты Парижа со всем вооружением сдавались германскому командованию, солдаты столичного гарнизона объявлялись военнопленными. Национальные гвардейцы сохраняли свое-вооружение. Франция получала трехнедельное перемирие, в течение которого следовало избрать Национальное собрание, полномочное подписать мирный договор с Германской империей, акт о создании которой был провозглашен 18 января 1871 г. в Версале.

Выборы в Национальное собрание состоялись 8 февраля 1871 г. На их результаты повлияло отношение населения к вопросу о заключении унизительного мира с Германской империей. Л. Гамбетта протестовал против условий перемирия и в знак несогласия с капитулянтской политикой правительственного большинства ушел в отставку. За продолжение патриотической войны призывали политические деятели леворадикального направления – бланкисты, активисты секций Интернационала, продолжатели санкюлотских и якобинских традиций эпохи Конвента. Во время осады Парижа бланкисты дважды (31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г.) устраивали восстания с целью низложить правительство национальной обороны, которое, по мнению повстанцев, действовало недостаточно решительно для мобилизации всех средств на отпор врагу. Во время выборов в Национальное собрание «партию войны» поддержали многие парижане и жители департаментов, оккупированных и разоренных германскими войсками. Зато избиратели остальной части Франции, желая сохранить свои хозяйства и опасаясь невзгод войны, которая, казалось, не имела перспектив быть выигранной, дружно голосовали за мир. А поскольку лозунги продолжения войны путем принятия чрезвычайных мер тесно увязывались с деятельностью сторонников республиканской формы правления, большинство в Национальном собрании (около 400 депутатов из 730) составили монархисты. Среди них численно преобладали орлеанисты – либералы, сторонники парламентского правления, но весьма влиятельны были фракции легитимистов (приверженцев династии Бурбонов) и бонапартистов, ратовавших за авторитарные модели государственного устройства, при которых резко ограничивалась политическая роль национального представительства.

Национальное собрание начало работу 12 февраля 1871 г. в Бордо. Депутаты отложили разделявший их вопрос о выборе формы правления, чтобы сосредоточиться на заключении мирного договора с Германской империей. Главой исполнительной власти был избран опытный политик орлеанист Л. А. Тьер, который вел переговоры об условиях мира с О. фон Бисмарком. Избрание Национального собрания и формирование исполнительной комиссии означали завершение периода деятельности временного правительства национальной обороны.

26 февраля 1871 г. в Версале Тьер подписал текст прелиминарного (предварительного) мирного договора, который был утвержден Национальным собранием 1 марта. Франция потеряла Эльзас (исключая Бельфор), восточную Лотарингию, составлявшие 3 департамента с населением численностью 1580 тыс. Кроме того, Франция выплачивала контрибуцию 5 млрд франков и должна была содержать германские войска, остававшиеся на ее территории до полной выплаты этой суммы. Окончательный текст этого договора был подписан 10 мая 1871 г. во Франкфурте на Майне.

Прекращение войны с Германской империей и создание законных органов власти не обеспечили, однако, гражданского мира в стране. 18 марта 1871 г. в столице вспыхнуло восстание, в результате которого возникло революционное правление – Парижская коммуна, объявившая войну правительству и Национальному собранию Франции.

Влияние столицы во Франции традиционно было очень значительно и лишь усилилось в Новое время. Контроль над Парижем обеспечивал власть над страной. Не случайно революции XVIII–XIX вв. начинались как парижские восстания, результаты которых признавались в провинции. Важную политическую роль в истории Франции играли

органы самоуправления ее столицы. Парижская коммуна 1792 г. свергла монархический строй и в значительной степени выполняла функции государственной власти, организовала вооруженный отпор интервентам. В парижской ратуше закреплялись результаты революций 1830, 1848 и 1870 гг.

После победы восстания 4 сентября 1870 г. правительство национальной обороны отказалось восстановить во всей полноте самоуправление столицы и организовать выборы должностных лиц. В 20 округах Парижа были назначены мэры и их заместители. Но члены революционных клубов и секций Интернационала сумели создать «Центральный республиканский комитет 20 округов», который в декларации от 14 сентября 1870 г. объявил целью своей деятельности «спасение отечества и установление республиканского строя на началах постоянного содействия индивидуальной инициативе и общественной солидарности». Комитет настаивал на организации всеобщей мобилизации парижан-мужчин в батальоны национальной гвардии, экспроприации у собственников предметов первой необходимости и их уравнительного распределения среди жителей, обеспечения жильем всех парижан, временно расселяя бездомных в пустующих квартирах, владельцы которых уехали из столицы перед началом осады. Задачи спасения отечества оказывались, таким образом, связанными с программными требованиями приверженцев «социальной республики».

Результаты выборов в Национальное собрание вызвали сильнейшее негодование среди парижан. Депутаты-монархисты, избранные от сельских районов Франции, поставили под сомнение республиканскую форму правления во Франции, которая была установлена в результате восстания 4 сентября 1870 г. Парижане, вынесшие основную тяжесть обороны Франции в ходе войны, чувствовали себя преданными капитуляцией и унижительными условиями мирного договора, утвержденного Национальным собранием. Возмущение жителей столицы вызвал и состоявшийся 10 марта 1871 г. перенос заседаний Национального собрания из Бордо в Версаль, а не в беспокойный Париж. В этом факте парижане увидели желание депутатов снизить политическое значение своего города, покушение на его статус столицы.

Ряд мер Национального собрания ухудшил материальное положение многих парижан. На время осады были отложены выплаты по кредитным обязательствам и за найм жилья и торговых помещений. Национальное собрание отвергло просьбы продлить мораторий по этим выплатам до восстановления деловой активности, и в течение нескольких дней к оплате было предъявлено 150 тыс. долговых обязательств. Одновременно солдаты национальной гвардии были лишены жалования, которое в послевоенных условиях составляло единственный источник дохода десятков тысяч семей.

Правительство Тьера опасалось вооруженной национальной гвардии Парижа, которая стала серьезной политической силой, готовой отстаивать республиканский строй и интересы демократических кругов населения столицы. Желание правительства разоружить парижан вызвало манифестации в столице в конце февраля 1871 г. и создание Центрального комитета национальной гвардии. Перед вступлением в Париж германских войск (они пробыли в столице с 1 по 3 марта) гвардейцы перевезли в рабочие кварталы пушки, большая часть которых (200 из 227) были отлиты на деньги самих парижан.

На рассвете 18 марта 1871 г. правительственные войска по приказу Тьера попытались захватить артиллерийские орудия.

Но национальные гвардейцы при поддержке населения рабочих кварталов заставили войска отступить, а командовавшие на Монмартре генералы К. Леконт и К. Тома, приказавшие солдатам стрелять в толпу, были расстреляны. Тьер распорядился об эвакуации правительственных учреждений и военных подразделений из Парижа. Столица оказалась во власти Центрального комитета национальной гвардии, который объявил о выборах в Коммуну, орган городского самоуправления.

Списки избирателей находились у мэров 20 округов Парижа, которым, наряду с депутатами в Национальное собрание от столицы, Тьер делегировал полномочия представлять правительство в мятежном городе. Мэры и депутаты сформировали политическое течение «друзей порядка», которое ставило своей целью разрешить конфликт мирными средствами. Это движение добилось согласия правительства на предоставление отсрочки уплаты по векселям и квартирной платы, а также на избрание Генерального совета Парижской коммуны на основе закона 1849 г., согласно которому кандидат считался избранным, если получил голоса не менее 1/8 избирателей, внесенных в списки. Однако, организованная «друзьями порядка» манифестация под лозунгами признания Национального собрания и правительства Тьера была расстреляна по приказу ЦК национальной гвардии. Из Парижа начался массовый отъезд лиц, опасавшихся тяжелых последствий неизбежной гражданской войны.

Выборы в Генеральный совет состоялись 26 марта 1871 г. В них приняло участие меньше половины (230 тыс. из 485,5 тыс.) зарегистрированных избирателей. Среди 86 членов Коммуны сторонники партии «друзей порядка» оказались в меньшинстве (21) и вышли из ее состава. Большинство оставшихся в Генеральном совете принадлежали к разным течениям идеологии «социальной республики». Среди них были бланкисты (сам О. Бланки, избранный в состав Парижской коммуны, находился в тюрьме), прудонисты, неоякобинцы. Многие коммунары состояли членами Интернационала. Профессиональный состав членов Генерального совета также был сложным. Среди них были журналисты, учителя, юристы, врачи, рабочие, политические деятели – участники тайных революционных обществ.

Представления коммунаров о государственном строе основывались на самом широком понимании принципа муниципальной автономии, что гарантировало устойчивость демократической республики в Париже в условиях монархического большинства депутатов Национального собрания. В программном документе – принятой 19 апреля 1871 г. декларации «К французскому народу» – перечислялись неотъемлемые права каждой коммуны Франции: составление муниципального бюджета, осуществление функций исполнительной власти, юстиции, народного просвещения, управление имуществом. Население коммун обладало правом избирать всех должностных лиц, командиров национальной гвардии, а также отзывать их с занимаемых постов. Центральный властный орган страны представлял собой, согласно указанной декларации, «собрание делегатов объединенных коммун». Таким образом, предлагался федеративный проект государственного устройства Франции. Этот проект для всей страны не был реализован, поскольку восстания с целью установить власть коммун в других городах – Лионе, Кресо, Сент-Этьене, Карбонне, Марселе, Лиможе – были к началу апреля подавлены правительственными войсками.

В столице власть оказалась в руках Генерального совета и сохранившего политическое влияние и военную организацию ЦК национальной гвардии. Совокупность этих учреждений и получила название Коммуны. Революционеры отказались от принципа разделения властей как атрибута «буржуазной» государственности. Генеральный совет принимал нормативные акты – декреты и постановления. Управленческие функции осуществляли комиссии Коммуны, причем координирующую роль играла исполнительная комиссия, в состав которой входили председатели других комиссий. Подобная организация исполнительной власти просуществовала до 1 мая 1871 г. и ввиду обострения военной обстановки была заменена комитетом общественного спасения по образцу якобинской диктатуры в период Великой французской революции.

Коммуна ввела республиканский календарь и приняла красное знамя, которое стало символом социальной революции. Она обнародовала программу глубоких социальных реформ, имевших целью справедливую организацию труда, обеспечение бесплатного обязательного образования, общественной поддержки неимущим и нетрудоспособным. Коммуна приняла декреты о списании задолженности по квартирной плате, об

аннулировании закладных обязательств и возвращении из ломбарда вещей, заложенных на сумму не выше 30 франков, о введении рассрочки по коммерческим кредитам. С целью не допустить массовой безработицы комиссия труда и обмена организовывала работу мастерских по пошиву военного обмундирования. Декретом от 16 апреля Коммуна передала бездействующие и брошенные хозяевами мастерские производственным кооперативам работников этих предприятий. Более масштабные социальные последствия должен был иметь декрет от 4 мая, согласно которому подлежали реквизиции (с последующим денежным возмещением владельцам) и передаче рабочим ассоциациям все крупные предприятия. Бесспорную социальную направленность имели декреты о рабочем контроле на производстве, об отмене ночного труда в пекарнях, о запрещении произвольных штрафов и незаконных вычетов из заработной платы.

На деятельность Коммуны постоянно возrastавшее влияние оказывало военное противостояние. Германское командование освободило плененные французские армии, которые были использованы против мятежного Парижа. Военные действия отличались крайней жестокостью обеих сторон. Версальское правительство не признавало коммунаров воюющей стороной, отдало приказ о расстреле пленных. В ответ Коммуна приняла декрет о заложниках, согласно которому лица, заподозренные в связях с противником, были арестованы и подлежали расстрелу в случае продолжения правительственных репрессий.

Силы сторон, однако, были неравными. 21–28 мая 1871 г. правительственные войска под командованием маршала М. Мак-Магона вели бои уже на улицах Парижа. Повстанцы строили баррикады, взрывали правительственные здания. Во время майских сражений в столице были разрушены Тюильрийский дворец – древняя резиденция французских королей, здания ратуши, дворца правосудия, префектуры полиции. Ранее, 12 апреля как символ деспотизма была разрушена колонна со статуей Наполеона на Вандомской площади.

Версальские войска проявили крайнюю жестокость при подавлении восстания. Расстреливались даже женщины и дети, заподозренные в сочувствии коммунарам. В ответ некоторые члены Генерального совета, уже прекратившего заседания, распорядились о расстреле заложников, и среди них – архиепископа Парижского Дарбуа. 28 мая сопротивление коммунаров было сломлено. Число убитых достигало 20 тыс., свыше 36 тыс. коммунаров были преданы суду. Приговоры имели сугубо репрессивную направленность, в перечень наказаний входили смертная казнь, каторжные работы, ссылка в Новую Каледонию, длительные сроки тюремного заключения.

В марксистской литературе возникло мифологизированное представление о Парижской коммуне как о государстве нового типа, сломившего буржуазную «бюрократически-военную машину» и установившее подлинное народовластие в виде диктатуры рабочего класса. Вследствие этого традиции муниципального самоуправления Парижа и идеи о социальной республике справедливости оказали существенное влияние на характер и содержание преобразований, осуществленных в ходе социалистических революций XX в.

Подписание мирного договора с Германской империей и победа над Парижской коммуной позволили Национальному собранию перейти к задачам конституционного строительства. 31 августа 1871 г. это собрание объявило себя Учредительным. Глава правительства Тьер был назначен президентом республики, т. е. главой государства. Это назначение, однако, не определяло формы правления. Монархисты составляли абсолютное большинство Учредительного собрания – 400 из 630 депутатов. Но установить монархическую форму правления им мешало отсутствие единства по вопросу о претенденте на французский трон. Сторонники реставрации династии Бурбонов – легитимисты – поддерживали кандидатуру графа Шамбора, внука Карла X, свергнутого в результате Июльской революции 1830 г. Большинство депутатов-монархистов были приверженцами графа Парижского, внука Луи-Филиппа Орлеанского, свергнутого в ходе

Февральской революции 1848 г. Орлеанисты разделяли либеральные принципы общественной и индивидуальной свободы и в этом солидаризировались с умеренными республиканцами.

Дополнительные выборы в Учредительное собрание, а также выборы в местные органы власти свидетельствовали о том, что с лета 1871 г. среди населения усиливались симпатии к республиканской форме правления. Избиратели более не связывали ее с политикой чрезвычайных мер для продолжения войны с Германией или с утопическими идеями социальной республики. Республиканцы – депутаты Учредительного собрания решительно осуждали деятельность Парижской коммуны. С осени 1872 г. бывший орлеанист Тьер высказывался в пользу умеренной, или «консервативной» республики. Опытный государственный деятель опасался новых гражданских конфликтов в случае успеха «монархической революции».

В 1873 г. правительству Тьера удалось добиться освобождения оккупированных германскими войсками территорий Франции благодаря досрочной выплате контрибуции. С целью децентрализации была проведена реформа местного управления, которой либералы добивались еще в период Империи. Широкие права самоуправления получили советы департаментов, а муниципальные советы маленьких общин обрели право избирать мэров. Реформа армии сопровождалась упразднением национальной гвардии, которая стала неэффективной в военных сражениях второй половины XIX в. Создавалась регулярная армия на основе всеобщей воинской повинности по образцу вооруженных сил Пруссии.

Монархическое большинство Учредительного собрания не простило, однако, Тьеру его «измены» – поддержки республиканской формы правления. 24 мая 1873 г. Тьер был вынужден подать в отставку, и президентом республики депутаты избрали легитимиста маршала М. Мак-Магона. В качестве подготовительного этапа реставрации монархии Бурбонов новый президент стал проводить политику восстановления «морального порядка». Главой правительства был назначен герцог Брольи, который осуществил масштабную «чистку» центрального аппарата власти и местной администрации от служащих, симпатизировавших республиканской форме правления. Для выполнения этой задачи правительство вновь получало право назначать мэров во всех коммунах Франции. Закон об осадном положении позволил монархистам установить строгий контроль над периодическими изданиями, запретить продажу газет на улицах. Цензура распространилась и на театральные постановки. На дополнительных выборах в Учредительное собрание и в департаментские советы правительство восстановило практику выдвижения официальных кандидатов, которых всячески поддерживали чиновники. Республиканская символика была удалена из правительственных учреждений и мэрий. В официальных актах правительства термин «республика» не упоминался.

Реставрацию монархии сторонники «морального порядка» неразрывно увязывали с возрождением влияния католицизма.

Правительство герцога Брольи поощряло клерикальную пропаганду, съезды иерархов церкви, религиозные процессии и паломничества к святым местам. На Монмартре, где основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола некогда собирал своих приверженцев, была заложена базилика Сердца Иисусова. Это событие было поддержано монархическим большинством Учредительного собрания как символ «искупления грехов» Коммуны и возрождения ордена иезуитов. В армии был создан институт военных священников. Католическая партия добилась контроля над преподаванием в начальных школах и, основывая «свободные» университеты, усилила влияние церкви на высшее образование.

С лета 1873 г. делались попытки преодолеть противоречия среди монархистов. Суть возможного компромисса состояла в том, что на трон под именем Генриха V должен был вступить граф Шамбор – глава старшей французской династии Бурбонов. А поскольку этот престарелый кандидат на престол был бездетным, его преемником становился глава

орлеанистов граф Парижский. Реставрация монархии, однако, была сорвана идейно-политическими притязаниями графа Шамбора, который не готов был признать принципы нового общественного и государственного устройства Франции, утверждавшиеся с конца XVIII в. Граф настаивал на возрождении символики Старого порядка, в частности, на замене «триколора» белым знаменем династии Бурбонов. Эти притязания были неприемлемы для большинства французов, и сторонники реставрации монархии на время отложили исполнение своего плана.

Неудача монархистов, а также победы республиканцев и бонапартистов на дополнительных выборах в Учредительное собрание заставили депутатов продолжить поиски новой формы государственного устройства Франции. 20 ноября 1873 г. срок президентских полномочий М. Мак-Магона был установлен в 7 лет. Септенат стал следствием компромисса между монархистами, настаивавшими на десятилетнем периоде правления их кандидата, и республиканцами, предлагавшими пятилетний срок президентских полномочий. В ходе длительных споров об устройстве и названии высших государственных Франции депутаты косвенно (признав должность президента республики), большинством в 1 (!) голос установили республиканскую форму правления. Вслед за этим Учредительное собрание приняло три закона, посвященные организации высших органов власти, которые вместе с ранее вступившими в силу законами о выборах и о президентской власти составили Конституцию Третьей республики.

Эта Конституция представляла собой плод компромисса между республиканцами и монархистами. В ней отсутствовала ясная программа общественного развития, декларация прав человека и гражданина. Согласно конституционным законам, во Франции устанавливалось смешанное парламентско-президентское правление.

Своим статусом главы государства и обширными полномочиями президент напоминал конституционного монарха. Он обладал правом помилования, представлял Францию в международных отношениях, готовил законодательные инициативы и обнародовал законы, производил назначения на высшие государственные должности, включая министров.

Власть президента ограничивалась двухпалатным Национальным собранием. Палата депутатов избиралась на 4 года в результате прямого волеизъявления совершеннолетних граждан без ограничений имущественного ценза. Состав Сената формировался на основании сложной системы косвенных выборов, вследствие чего эта палата была призвана играть роль фактора стабильности в политической системе Франции. 75 сенаторов назначались пожизненно собранием обеих палат, а еще 225 избирались на 9 лет коллегиями выборщиков в департаментах. Каждые 3 года состав верхней палаты обновлялся на треть. Помимо законодательных функций Сенат обладал полномочиями высшего суда Франции, а также давал согласие президенту на роспуск палаты депутатов.

Верховная власть признавалась за совместными заседаниями палат, или конгрессами. На конгрессах избирались президенты страны и вносились изменения в Конституцию.

В Конституции 1875 г. был закреплён принцип солидарной ответственности министров перед Национальным собранием. Тем самым существенно ограничивалась свобода президента назначать министров, отправлять их в отставку, руководить деятельностью правительства. Между тем, все решения президента требовали согласования с законодателями или министрами.

Учредив новый государственный строй Франции, Учредительное собрание прекратило свою деятельность. Состоявшиеся в 1876 г. выборы в Национальное собрание продемонстрировали устойчивый рост симпатий населения к республиканской форме правления. В палате депутатов республиканцы получили 360 мест, а монархисты – лишь 155. В более консервативном Сенате лишь минимальное преимущество было у монархистов. Президент Мак-Магон, уважая выбор населения, назначил правительство из

умеренных республиканцев, оговорив при этом право лично или через доверенных лиц руководить военным, морским и внешнеполитическим ведомствами.

Длительный политический компромисс между президентом-монархистом и республиканским большинством Национального собрания оказался, однако, невозможен. Депутаты добились восстановления свободы печати, отстаивали правомочия муниципальных советов избирать мэров, прежде назначавшихся правительством; осуждали практику давления на избирателей со стороны чиновников и духовенства. Республиканцы подготовили законопроект, согласно которому приверженное монархической форме правление духовенство лишалось всякого влияния в сфере образования. Президент, верный политическому курсу «морального порядка», решился на прямой конфликт с Национальным собранием. 16 мая 1877 г. он отправил в отставку республиканский кабинет Ж. Симона и назначил главой правительства монархиста герцога Брольи. Вслед за этим Мак-Магон с согласия Сената распустил Палату депутатов и назначил новые выборы на октябрь 1877 г. Пять месяцев правления монархистов было использовано этой партией с целью обеспечить свою победу на выборах. Из административного аппарата изгонялись республиканцы, их агитация была затруднена запретами на издание наиболее влиятельных оппозиционных газет и на проведение политических собраний. В своих манифестах Мак-Магон объявлял, что борется против республиканцев во имя восстановления общественного порядка, и призывал голосовать за официальных правительственных кандидатов в депутаты Национального собрания. Вместе с властями в поддержку монархистов агитировало духовенство.

Беспрецедентное политическое давление заставило объединиться республиканцев разных направлений: от наиболее умеренных, возглавляемых Тьером, до радикалов, ведомых Гамбеттой. Республиканцы призывали избирателей голосовать за них с целью защитить установленную форму правления от покушений со стороны монархистов. Они обвиняли президента Мак-Магона в покушении на принцип народного суверенитета. «Когда страна заговорит, придется подчиниться или удалиться», – предупреждал Гамбетта президента Мак-Магона.

Выборы 14 октября 1877 г. завершились победой республиканцев, получивших 335 мест в палате депутатов, против 208 у монархистов. Министерство Брольи было вынуждено уйти в отставку, но президент-монархист отказался сформировать правительство парламентского большинства. Он попытался сохранить контроль над исполнительной властью, назначив «техническое правительство» из лиц, не являвшихся депутатами. Республиканцы в Национальном собрании прибегли к тактике обструкции, не утверждая бюджет. Сенат не решился вторично распустить палату представителей, и Мак-Магон вынужденно уступил, сформировав правительство республиканцев.

Монархисты потерпели полное поражение и при переизбрании в 1878 г. трети состава Сената. Новые общественные слои индустриального общества – предприниматели, квалифицированные работники, учителя, чиновники – вытеснили из муниципальных и департаментских советов традиционных нотаблей и голосовали за республиканцев, которые отныне располагали устойчивым большинством в обеих палатах Национального собрания.

Будучи не в силах далее сопротивляться переходу власти в руки республиканцев, Мак-Магон 29 января 1879 г. досрочно оставил свой пост. Президентом был избран известный республиканец Ж. Греви, который дал обещание никогда не вступать в конфликт с депутатами, избранными нацией. Таким образом за Палатой депутатов была закреплена ведущая роль в политической системе Третьей республики.

Победа над монархистами в 1877–1879 гг. была достигнута благодаря объединению республиканцев, которые, однако, не сформировали единой партии и в Национальном собрании образовали несколько фракций. В Левый центр входили бывшие орлеанисты, которые вслед за Тьером признали консервативную республику наиболее

предпочтительной формой правления для Франции. Эти политики лояльно относились к католическим конгрегациям и полагали возможным сотрудничать с монархистами, разделявшими идеи либерализма. Фракция Левого центра была особенно влиятельна в Сенате.

В Палате депутатов большинство принадлежало фракциям Республиканского союза (лидер Л. Гамбетта) и Республиканской левой (Ж. Ферри и Ш. Фрейсине). Проводимая ими стратегия объединения большинства нации вокруг республиканской формы правления подразумевала отказ от чрезвычайных мер и радикальных социальных экспериментов. Гамбетта более не настаивал на полном и немедленном осуществлении требований Бельвильской программы 1869 г. Главной задачей своей партии он отныне считал сохранение с таким трудом завоеванного республиканского правления. «Год власти плодотворнее десяти лет самой героической оппозиции», – утверждал Гамбетта. Реформы он предлагал осуществлять постепенно, «сериями».

Деятели Республиканского союза и Республиканской левой были анти-клерикалами, многие из них состояли членами масонских лож, отрицавших догматы католицизма. В борьбе с влиянием духовенства, традиционно поддерживавшего планы реставрации монархии, они видели залог упрочения республики. В социальном вопросе республиканское большинство Национального собрания придерживалось скорее консервативной доктрины, ограничиваясь предложениями о том, чтобы образование стало доступно для всех слоев населения. Столь умеренная и осторожная программа действий дала основания более радикально настроенным политикам называть Гамбетту и его союзников оппортунистами.

Оказавшиеся у власти умеренные республиканцы приняли ряд мер с целью не допустить реставрации монархии. Правительство и парламент в 1879 г. переехали из Версаля в Париж, подтвердив тем самым статус столицы Франции. Государственная символика свидетельствовала о верности республиканским и демократическим принципам революции конца XVIII в. Национальным праздником был провозглашен День взятия Бастилии 14 июля, а гимном стала Марсельеза. Трехцветный флаг прочно закрепился в национальном сознании в качестве символа новой Франции. В 1884 г. был введен запрет на изменение республиканской формы правления и на избрание на государственные должности представителей правивших во Франции династий.

Ряд мер умеренных республиканцев был направлен на расширение демократических прав и свобод. Деятели Парижской коммуны были амнистированы, принят закон о свободе печати (1881), разрешен развод (1883), расширены права местного самоуправления (1884), легализована деятельность профсоюзов (1884).

Наиболее последовательно республиканцы проводили реформу образования. В 1879 г. был основан Педагогический институт (Эколь нормаль), в начале 80-х годов введено обязательное бесплатное образование для детей с 6 до 13 лет. Контроль церкви над учебными заведениями категорически запрещался. Уроки закона Божия исключались из школьной программы. Государственное жалование выплачивалось только тем преподавателям, которые имели дипломы светских университетов. Светское образование рассматривалось как важный фактор идеологической поддержки правления республиканцев.

Реформа образования была непосредственно связана с борьбой республиканцев против католических конгрегаций, которые стали центрами пропаганды восстановления монархии. При этом правительство воспользовалось юридической уязвимостью монашеских объединений, которые были запрещены согласно конкордату 1801 г. и приступили к деятельности с началом Реставрации без официального разрешения. Орден иезуитов в 1880 г. был закрыт, а от остальных конгрегаций требовалось получить разрешение на свою деятельность. Непримиримая позиция, занятая конгрегациями и

римской курией, позволила республиканцам приостановить деятельность всех монашеских орденов во Франции.

Другие реформы умеренных республиканцев носили половинчатый характер или не были завершены. Проекты демократизации конституционного устройства свелись к упразднению института несменяемых «пожизненных» сенаторов. Судебная реформа, которой первоначально предусматривалась выборность магистратов, свелась к изгнанию из судебного корпуса лиц, нелояльных правительству. Не были осуществлены планы введения подоходного налога и выкупа государством железных дорог.

Оппортунистическая политика лидеров парламентского большинства привела к расколу движения республиканцев. В палате депутатов в 1881 г. сформировалась группа радикальных республиканцев во главе с Ж. Клемансо, которые объявили о своей верности курсу глубоких социальных и политических реформ. Радикалы требовали упразднения Сената и поста президента, принятия социальных законов, в частности запрещения детского труда на предприятиях, ограничения рабочего времени, принудительного выкупа государством у частных железных дорог и горнозаводских компаний с последующей передачей их в управление ассоциациям работников. На выборах 1885 г. радикалы получили приблизительно равное с оппортунистами число мест в палате депутатов.

В середине 80-х годов умеренные республиканцы столкнулись и с сильной консервативной оппозицией в виде клерикально-монархического блока. После смерти графа Шамбора в 1883 г. вождю орлеанистов графу Парижскому удалось создать широкую коалицию из разных группировок монархистов и защитников гонимой католической церкви. В результате выборов 1885 г. консерваторы сформировали парламентскую фракцию, по численности сопоставимую с фракциями оппортунистов и радикалов. Умеренные республиканцы лишились большинства в Национальном собрании и были вынуждены идти на тактические союзы с радикалами (политика «республиканской концентрации») или с консерваторами («политика успокоения»).

Особенности парламентской системы Третьей республики были обусловлены тем, что во Франции до начала XX в. не сложилось общенациональных, обладавших четкой программой и структурой политических партий. Во время выборов кандидаты, не получавшие действенной помощи своих партий, сами разрабатывали программные и тактические основания своей деятельности. Это приводило к формированию в Национальном собрании идейно и организационно аморфных политических блоков, которые порой составлялись депутатами, принадлежащими к разным партийным фракциям. Парламентское большинство, на доверие которого опиралось правительство, не было прочным, легко разрушалось под воздействием интриг, амбиций депутатов, случайных событий, которые вели к тактическим перегруппировкам политических блоков в собрании. Широко разрекламированное «великое правительство» Гамбетты, сформированное в ноябре 1881 г., просуществовало лишь 67 дней, а затем было отправлено в отставку объединенными усилиями радикалов, консерваторов и левых республиканцев, ревновавших к политическому влиянию коллеги. За 40 лет существования Третьей республики до Первой мировой войны во Франции сменилось 49 правительственных кабинетов! И хотя новые кабинеты в среднем на 40 % составлялись из бывших министров, правительственная чехарда подрывала доверие к парламентскому правлению среди значительной части населения.

Политический кризис, разразившийся в конце 80-х годов XIX в., поставил под угрозу режим парламентской республики. Источником кризиса стал рост националистических настроений в стране. Национальное самосознание французов было оскорблено военным поражением 1870 г., отторжения Германией стратегически и экономически важных территорий. Победившая в войне сторона получила 5 млрд франков контрибуции и переживала промышленный бум, тогда как темпы экономического развития Франции

существенно замедлились. Германское правительство предприняло усилия с целью оставить Францию в международной изоляции и угрожало новыми актами агрессии.

Правительство умеренных республиканцев стремилось дать выход националистическим амбициям путем колониальных завоеваний. В 80-е годы XIX в. Франция оккупировала Тунис, Судан, Гвинею, Дагомею, приступила к завоеванию Мадагаскара, основала Индокитайский союз из захваченных территорий Аннама и Тонкина. Колониальная политика, однако, привела к обострению отношений Франции с другими европейскими державами. Италия, проигравшая колониальное соперничество за Тунис, вступила в анти-французскую коалицию с Германией и Австро-Венгрией. Колониальное соперничество поставило на грань разрыва отношения Франции с Англией. Угроза международной изоляции, а также отвлечение вооруженных сил Франции в колонии лишали патриотов надежд на возвращение отторгнутых Германией территорий Эльзаса и Лотарингии. В 1882 г. во Франции была основана «Лига патриотов», лидеры которой историк А. Мартен и писатель П. Дерулед пропагандировали идеи военного и патриотического воспитания нации с целью подготовки реванша за поражение в 1870 г.

Националистическая идеология получила широкое распространение вследствие недоверия значительной части населения к парламентским учреждениям. Осторожная, социально консервативная политика, которую проводили умеренные республиканцы, вызывала разочарование в стране. Парламентское правление было скомпрометировано и коррупционными скандалами. Зять президента республики, пользуясь семейными связями, за взятки устраивал награждения высшей наградой Франции – орденом Почетного легиона. Президент Греви в 1887 г. был вынужден уйти в отставку. Недовольные парламентским правлением требовали пересмотра Конституции и установления авторитарной власти вождя, который бы объединил нацию для достижения внутренних целей и обеспечения интересов Франции в Европе. Лидером этого движения стал генерал Ж. Буланже, участник войн в Европе и в колониях, республиканец, желавший заменить парламентское правление режимом личной власти.

Возглавив в 1886–1887 гг. военное министерство, Буланже провел ряд популярных реформ. Срок воинской службы был сокращен с 5 до 3 лет, при этом отменялись льготы, которыми освобождалась от несения этой обязанности значительная часть призывного контингента (например, семинаристы в духовных училищах). Энергичный военный министр сумел существенно улучшить быт солдат, ввел в армии более совершенное ружье Лебеля. В 1887 г. возникла угроза нового нападения Германии на Францию. Буланже проявил решительность и твердость в сложных обстоятельствах и заслужил уважительное прозвище «генерал Реванш». Свои патриотические выступления Буланже обычно завершал призывом: «В Эльзасе и Лотарингии нас ждут».

Обеспокоенные радикализмом заявлений Буланже и его популярностью умеренные республиканцы добились его смещения с поста военного министра и увольнения из армии в 1888 г. Опальный генерал возглавил Комитет национального протеста, который объединил различные движения противников парламентской республики. Среди них были монархисты, клерикалы, бонапартисты, бланкисты. На первых порах Буланже пользовался поддержкой партии радикальных республиканцев Клемансо. На свою политическую деятельность генерал получал средства и от графа Парижского, который надеялся, что свержение парламентской республики создаст условия для реставрации монархии, и от пожертвовавшей 3 млн франков для защиты прав католической церкви герцогини д'Юзес, и от сотен домохозяек, присылавших скудные накопления.

Буланже настаивал на роспуске палаты депутатов и созыве Учредительного собрания с целью пересмотра Конституции. Гарантом стабильности в будущей республике ему виделась фигура президента, главы исполнительной власти, избираемого населением и независимого от парламента. Парламентская республика должна была смениться авторитарным режимом «национального правления».

Поскольку парламент отверг проекты конституционной реформы, Буланже организовал своеобразный плебисцит. Он стал выставлять свою кандидатуру на всех дополнительных выборах в палату депутатов. Успех, сопутствовавший генералу в ходе этих выборов, означал одновременно поддержку населением его планов изменить Конституцию.

Своего апогея политическая кампания Буланже достигла в конце января 1889 г., после победы на дополнительных выборах в столичном департаменте Сена. Националисты предлагали использовать чувство воодушевления, охватившее сторонников Буланже, чтобы осуществить государственный переворот и захватить резиденцию президента – Елисейский дворец. Но генерал предпочел законный путь завоевания власти посредством парламентских выборов, намеченных на осень 1889 г.

Нависшая над республикой опасность побудила сторонников парламентского правления – оппортунистов и радикалов – на время забыть о разногласиях и совместно выступить против буланжистов. В избирательный закон были внесены важные изменения, в силу которых многократное выдвижение одной кандидатуры на выборах в Национальное собрание стало невозможно. Распустив слухи о готовящемся аресте Буланже, правительство спровоцировало генерала на поспешное бегство из страны. После этого популярность буланжизма пошла на убыль. Лидеры этого движения подверглись судебному преследованию, Буланже заочно был приговорен к изгнанию. «Лига патриотов» была распущена и на парламентских выборах в сентябре 1889 г. сторонники «национальной республики» потерпели полное поражение. Завершилась история буланжизма самоубийством лидера этого движения в 1891 г.

Индустриальное развитие Франции, демографические процессы, вызванные урбанизацией, ставили перед обществом проблемы, которые не находили разрешения в политике умеренных республиканцев. В 70-е годы XIX в. рабочее движение, деморализованное разгромом Парижской коммуны, имело подчеркнуто аполитический характер. На I Конгрессе рабочих организаций в 1876 г. ставились задачи профсоюзной деятельности и организации производственных кооперативов. Однако, в последующие годы настроения в рабочей среде стали меняться под воздействием политической борьбы за республиканскую форму правления и пропаганды социалистических идей, которая стала возможна благодаря отмене цензуры.

На конгрессе 1879 г. победу одержали приверженцы марксизма, сплотившиеся вокруг газеты «Эгалите», которую редактировали Ж. Гед и П. Лафарг. Свою задачу они видели в организации массовой политической партии для ведения классовой борьбы пролетариата с целью завоевания власти и установления коллективной собственности на средства производства. Приверженцы этого направления в социалистическом движении Франции получили название коллективистов. На состоявшемся в Гавре в 1880 г. конгрессе была создана Рабочая партия. Вводную теоретическую часть ее программы написали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Спустя два года после создания партии в ней произошел раскол, вызванный формированием социал-реформистского крыла во главе с П. Бруссом и Б. Маломом. Реформистов называли «поссибилистами» за призывы проводить «политику возможного», за стремление вести преобразования не сразу в национальных масштабах, а начинать с отдельных городов и коммун (так называемый «муниципальный социализм»). Лозунги классовой борьбы и установления коллективной собственности на средства производства они заменяли задачами создания социалистических фракций в муниципальных и департаментских советах, а впоследствии – и в Национальном собрании. «Поссибилисты» создали отдельную от Рабочей партии организацию – «Федерацию социалистических трудящихся».

Присущая политической системе Франции многопартийность в полной мере проявилась в социалистическом движении этой страны. Вернувшиеся из мест заключения и из изгнания по амнистии бланкисты в 1881 г. восстановили свою организацию –

«Центральный революционный комитет». Солидаризируясь с марксистами по вопросу о конечных целях социальных преобразований, они отдавали предпочтение тактике тайных обществ, которые готовили заговоры с целью захвата власти.

«Независимыми социалистами» называли себя близкие левым радикалам интеллектуалы – писатели, журналисты, политики, убежденные в необходимости проведения глубоких социальных преобразований. Они пропагандировали идеи социальной справедливости и в качестве депутатов Национального собрания настаивали на разработке и принятии «рабочих законов». «Независимые социалисты» Ж. Жорес, А. Мильеран, Р. Вивиани, А. Бриан сыграли выдающуюся роль в политической истории Третьей республики.

На парламентских выборах в 1893 г. социалисты впервые добились крупного успеха, создав группу из 50 депутатов.

Раскол социалистического движения во Франции усугублялся особенностями развития профсоюзов (синдикатов). Их деятельность окончательно была легализована лишь в 1884 г., после чего начался бурный рост синдикального движения. За 5 лет численность синдикатов во Франции выросла с 68 до 821, а к 1899 г. достигла 2685. Социалистическая партия «коллективистов» содействовала объединению в 1886 г. большинства профсоюзных организаций в «Национальную федерацию синдикатов». Однако, влияние партии Геда и Лафарга на эту организацию было недолгим: синдикаты подчеркивали специфически особый характер своих целей и независимость от других политических сил. Параллельно с синдикальным принципом объединения работников по профессиям развивалась сеть бирж труда – территориальных организаций, учитывавших конъюнктуру спроса и предложения рабочей силы в каждом регионе. В 1892 г. была учреждена Федерация бирж труда Франции, а в 1895 г. на совместном съезде этой организации и Национальной федерации профсоюзов была учреждена Всеобщая конфедерация труда (ВКТ). Лидеры этой организации подчеркивали ее принципиальные отличия от политических партий. В качестве специфически пролетарского средства преобразования общества активисты ВКТ признавали всеобщую стачку, перераставшую в антикапиталистическую революцию. Организующим элементом грядущего общества они считали не политическую власть, а синдикальные палаты.

Эта доктрина, получившая название анархо-синдикалистской, встретила сочувствие у небольшой группы социалистов во главе с Ж. Аллеманом, которые в 1890 г. вышли из состава «поссибилистов» и организовали «Революционно-социалистическую рабочую партию». «Аллеманисты» видели в парламентской деятельности только возможность агитации для подготовки трудящихся к массовым выступлениям, венцом которых должна была стать всеобщая стачка. Из Рабочей партии «коллективистов» пришел в анархо-синдикалистское движение Ф. Пеллутье, возглавив Федерацию бирж труда. Но в целом, стратегия и тактика социалистических партий и профсоюзного движения во Франции существенно различались.

В начале 90-х годов XIX в. французское общество было потрясено кампанией систематического террора, к которому прибегли отдельные анархисты. Акции своей «пропаганды действием» они объявили социальным протестом против буржуазного общества. Анархисты пытались вызвать нестабильность в стране и тем самым приблизить начало революции, которая должна была упразднить государство и классовую эксплуатацию. Анархист Ровашоль взрывал бомбы в жилых зданиях и ресторанах Парижа с целью «терроризировать буржуазию». Несмотря на его арест и последовавшую за судебным процессом казнь, террористическая деятельность не прекратилась. В декабре 1893 г. О. Вальян бросил бомбу в зал заседаний палаты депутатов, а Л. Леотье покушался на жизнь посланника Сербии во Франции. В 1894 г. 20-летний Э. Анри взорвал бомбы в полицейском участке и в кафе. На суде он заявил: «Пусть не говорят о невинных жертвах: бомба была брошена туда, где были одни буржуа, а потому не могло быть невинных

жертв. Все буржуа живут эксплуатацией несчастных, вследствие чего и должны расплачиваться». В июне 1894 г. итальянский анархист Казерио заколол кинжалом президента Франции С. Карно за то, что он отклонил прошение Вайана о помиловании.

Поражение буланжизма и рост влияния движений социального протеста вызвали перегруппировку политических сил в Национальном собрании. Монархисты утратили надежду в ближайшем будущем изменить форму правления. Они избрали тактику критики лидеров республиканцев. Консерваторы использовали коррупционный скандал, связанный с банкротством компании Панамского канала, чтобы скомпрометировать парламентское правление.

Акционерное общество, основанное в 80-е годы XIX в. с целью соединить каналом Атлантический и Тихий океаны, привлекало по открытой подписке денежные средства сотен тысяч рядовых вкладчиков. Руководители кампании достаточно быстро убедились в том, что амбициозный, широко разрекламированный проект невыполним вследствие целого ряда природно-климатических и финансовых обстоятельств. Однако, с целью компенсировать свои убытки, они продолжали сбор средств у населения, вводя вкладчиков в заблуждение относительно финансового положения кампании. Следствие установило, что подобный обман был возможен благодаря подкупу влиятельных политиков и редакторов популярных периодических изданий.

Коррупция была составной частью политической системы Третьей республики, поскольку депутатам и даже министрам не возбранялось оставаться членами правлений компаний и принимать участие в биржевой игре. «Панамский скандал» выделялся лишь своими масштабами, которые постарались еще более преувеличить бонапартисты и монархисты накануне парламентских выборов 1893 г. Действительно, избиратели отказали в доверии замешанным в скандале республиканцам, однако, перелома политических настроений среди населения не произошло. Кадровый состав умеренных республиканцев и радикалов существенно обновился, но представительство этих партий в палате депутатов существенно возросло. Внутри движения монархистов, потерпевших на выборах сокрушительное поражение, начались поиски новой политической стратегии.

Парламентская группа из 30 монархистов во главе с графом де Мэном объявила о своем «присоединении» к республике. Движение за «присоединение» было поддержано рядом церковных иерархов, полагавших возможным союз монархистов с умеренными республиканцами с целью создания новой консервативной партии, которая бы служила противовесом анти-клерикалам в лице радикалов и социалистов. В феврале 1892 г. папа Лев XIII санкционировал это движение, так определив его содержание: «Принять Конституцию, чтобы изменить законодательство». Несмотря на скромное представительство в Палате депутатов, группа графа де Мэна пользовалась значительным влиянием благодаря своим связям в политической и церковной элите страны. Критикуя крайности либерализма и рационализма, это движение формировало идеологию христианского социализма.

К фракции умеренных республиканцев примкнули многие депутаты-радикалы, напуганные возрастающим влиянием в стране движений социального протеста. В результате новой партийно-фракционной перегруппировки в Национальном собрании сложилось умеренное большинство, получившее название «прогрессистов». В 90-е годы XIX в. из их рядов избирались президенты Франции К. Перье и Ф. Фор, формировался кадровый состав правительств. Новое поколение республиканцев проводило политику постепенных реформ, при этом отказавшись от анти-клерикализма своих предшественников. Были приняты первые социальные законы, ограничившие продолжительность труда подростков и женщин на производстве соответственно 10 и 11 часами. В 1898 г. вступил в силу закон о материальном возмещении ущерба работникам, получившим производственные травмы. Правительство проводило политику таможенного протекционизма с целью защиты отечественного производства от конкуренции со

стороны иностранных товаропроизводителей. Предложения радикалов о прогрессивном налогообложении были отвергнуты большинством депутатов. Зато широкую общественную поддержку получила внешняя политика «прогрессистов», в 1892 г. заключивших и в последующие годы всемерно укреплявших военный союз с Россией. Правление «прогрессистов» продолжалось до 1898 г. Оно не выдержало испытания следующим жестоким политическим кризисом Третьей республики.

Новое выступление противников парламентской республики произошло в форме анти-семитской кампании. Лозунги защитить 40 млн французов от 80 тыс. проживавших во Франции евреев громко зазвучали с 80-х годов XIX в., в особенности после банкротства в 1882 г. католического банка «Всеобщий союз», которое объясняли мошенническими операциями «инородцев». Консервативные общественные круги связывали с деятельностью масонских лож, в состав которых входили и евреи, гонения против религиозных конфессий. В русло анти-семитизма националистическая печать стремилась направить движения социального протеста. Публицист Э. Дрюмон в 1886 г. опубликовал получившее скандальную известность сочинение «Еврейская Франция», в котором возложил ответственность на «инородцев» за военное поражение в 1870 г., за гражданский конфликт во время Парижской коммуны и за падение общественных нравов. Сторонники Дрюмона основали Антисемитскую лигу, которая развернула агитацию в провинции.

Поводом к новому витку анти-семитской пропаганды в 90-е годы XIX в. стала судебная расправа, организованная высшим руководством армии над капитаном Генерального штаба А. Дрейфусом. В 1894 г. французская контрразведка обнаружила факт шпионажа в пользу Германии. Подозрения пали на А. Дрейфуса, еврея, сына промышленника, переехавшего с семьей из Эльзаса, области вошедшей в состав Германии согласно мирному договору 1871 г. Несмотря на сомнительность улик военный трибунал в 1895 г. признал Дрейфуса виновным в шпионаже и приговорил к пожизненному заключению в Кайене. К 1898 г. защитники Дрейфуса собрали исчерпывающие доказательства его невиновности. К суду был привлечен истинный виновник шпионского скандала майор Эстергази. Однако, военный трибунал, на членов которого оказывало прямое воздействие руководство армии, оставил в силе первоначальный приговор Дрейфусу. Генералитет стремился использовать анти-семитскую кампанию с целью не допустить осуществления планов республиканцев по демократизации структуры управления армией и обновлению кадрового состава офицерского корпуса.

Судьба скромного офицера оказалась связана с жесточайшим конфликтом за выбор пути общественного развития. Большой резонанс имела опубликованная в газете Клемансо статья Э. Золя «Я обвиняю», в которой критике подверглись не только незаконные действия судей военного трибунала, но и позиция, занятая руководством Генерального штаба и правительством. Ожесточенные дискуссии привели к расколу французского общества на два непримиримых лагеря: дрейфусаров и анти-дрейфусаров. К числу последних относились не примирившиеся с республиканским парламентским правлением монархисты, националисты, клерикалы. В 1898 г. во Франции действовали несколько массовых праворадикальных организаций, среди них Антисемитская лига, Лига патриотов, Лига французской родины, от которой отделилась экстремистская группировка Французское действие (Аксьон франсез) и др. Сторонники пересмотра дела Дрейфуса объединились в Лигу прав человека, которая сыграла важную роль в утверждении парламентаризма и демократии. В лагере дрейфусаров оказались радикалы, часть бывших прогрессистов, социалисты во главе с Жоресом, анти-клерикалы, включая членов масонских лож, анти-милитаристы и все сторонники парламентской республики, основанной на принципах, провозглашенных в Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

С осени 1898 г. в деле Дрейфуса наступил перелом. Фальсифицировавший документы обвинения полковник Генерального штаба Анри вынужден был признаться в подлоге и

покончил с собой в тюрьме. Майор Эстергази бежал за границу и прислал в военный трибунал признание в том, что именно он передавал секретные сведения германской разведке. Эту информацию подтвердил и германский резидент Шварцкоппен. Между тем, анти-дрейфусары оправдывали «патриотический подлог», совершенный Анри, и организовали подписку с целью поставить ему памятник. Генералитет мешал пересмотру дела, три военных министра последовательно ушли в отставку в знак протеста против попыток оправдать Дрейфуса.

В феврале 1899 г. умер политически близкий консерваторам президент республики Ф. Фор. Выборы принесли победу известному республиканцу Э. Лубэ. Антидрейфусары перешли к тактике насилия. 23 февраля 1899 г. они безуспешно пытались организовать государственный переворот; 2 июля того же года была устроена враждебная президенту демонстрация; лишь случайность спасла адвокатов, защищавших Дрейфуса, от организованного националистами покушения на их жизнь.

Дрейфусары создали республиканский блок для отражения наступления правых радикалов. 11 июня 1899 г. в Париже состоялась грандиозная манифестация в поддержку республики. Это привело к формированию правительства «республиканской концентрации» во главе с «прогрессистом» П. Вальдеком-Руссо. В состав коалиционного кабинета входили генерал Галифе, участвовавший в подавлении Парижской коммуны, и социалист А. Мильера, политики, входившие в партии радикалов и умеренных республиканцев. Выступления националистов были решительно пресечены, их лидеры арестованы. В деле Дрейфуса, вызвавшего раскол в обществе, республиканцы заняли компромиссную позицию: знаменитый заключенный был помилован президентом. Лишь в 1906 г. Дрейфус был полностью реабилитирован, восстановлен в армии и получил орден Почетного легиона – высшую награду Франции.

Дело Дрейфуса завершило процесс консолидации Третьей республики на основе принципов парламентаризма, защиты прав человека, анти-милитаризма. Масштаб общественного конфликта, вызванного этим судебным процессом, создал условия для формирования массовых политических партий, появления нового поколения политиков, выходцев из среды новой демократии индустриального общества, успешно сочетавших принципы демократии с приверженностью ценностям свободы и индивидуализма.

4 Священная Римская империя в XVI в.

Империя и папство

Священная Римская империя представляла собой одно из крупнейших средневековых государственных образований, которое включало немецкие земли к востоку от Рейна, а также Северную и Среднюю Италию. Империя была провозглашена в 962 г. германским королем Оттоном I и просуществовала до 1806 г. С 1034 г. ее называли «Римской империей», с 1157 г. «Священной империей», с 1254 г. – «Священной Римской империей», а в XV в. окончательно закрепилось официальное название «Священная Римская империя германской нации». Германские короли обратились к имперской традиции в целях укрепления суверенитета, усиления позиций государства на международной арене. Сама

идея «христианской империи» как «универсальной» модели государства зародилась еще в эпоху Карла Великого и веками поддерживалась католической церковью. Но взаимоотношения между немецкими императорами и папским престолом носили очень сложный характер и не раз приводили к открытым конфликтам.

Оттону I и его преемникам временно удалось установить фактическое господство императоров над папами (X – первая половина XI в.). С середины XI в. противостояние между Империей и Святым престолом начало приобретать все более острые формы. Лишь после заключения в 1122 г. Вормского конкордата папы и императоры разделили свое влияние на епископат. В Германии император сохранял светскую инвеституру, т. е. право наделения ленами, и тем самым оказывал влияние на выборы и утверждение епископов, в Италии же и Бургундии лишился его. Таким образом, Вормский конкордат означал крах «епископальной политики» германских императоров, в рамках которой посредством подчинения духовенства они стремились укрепить собственную власть. Но немецкие короли не отказались и от своих притязаний на Северную и Среднюю Италию. Это направление внешней политики оставалось приоритетным в правление династии Гогенштауфенов (1138–1254).

В XII–XIII вв. процесс централизации в Германии проходил внутри отдельных территориальных княжеств. В сложившейся политической ситуации еще большее значение приобретали светские и духовные феодалы-князья. Мельфийский статут 1231 г. закрепил за германскими князьями право высшей юрисдикции, чеканки монеты, взимания в свою пользу налогов и пошлин, разрешил им основывать города, наделяя их рыночными правами. Полновластие территориальных князей обеспечивалось еще и тем, что статут запретил городам объединяться в союзы против них. Воспользовавшись тем, что Гогенштауфены длительное время вели безуспешную борьбу в Италии, германские князья, игнорируя имперские амбиции формальных правителей, усилили натиск в земли полабских славян и в Прибалтику. Реализация планов «натиска на Восток» (*Drang nach Osten*) оказалась привлекательной также для торговых городов Северной Германии и безземельного рыцарства, поскольку влекла за собой быстрое обогащение. В XII в. на землях подчиненных, а в значительной степени и истребленных ободритов, лютечей, поморян образовались новые немецкие княжества: герцогство Мекленбургское (в нижнем течении Эльбы), маркграфство Бранденбургское (в среднем течении Эльбы с центром в Берлине) и Померания (между устьями Одера и Вислы). На юго-восточной окраине Германских земель в результате более мирной колонизации образовалось еще одно новое княжество – герцогство Австрийское, которое вскоре захватило Штирию, Каринтию и Крайну, населенные славянскими племенами. Новые княжества, возникшие на востоке и юго-востоке, еще более укрепляли независимые позиции их правителей, что наносило непоправимый урон общеимперской консолидации.

Политическая раздробленность Священной Римской империи получила наиболее полное юридическое оформление в «Золотой булле», изданной императором из Люксембургской династии Карлом IV (1347–1378). Этот документ придал традиции избрания монарха коллегией курфюрстов (князей-избирателей) силу закона и регламентировал саму процедуру. Теперь заседания коллегии, состоявшей из трех церковных и четырех светских князей, должен был созывать архиепископ Майнцский во Франкфурте-на-Майне. Избрание производилось голосованием большинством голосов. Курфюрстам разрешалось свободно владеть монетной и горной регалиями (монопольными личными правами на получение определенных доходов). Запрещались союзы городов, направленные против князей. В то же время феодалам разрешалось создавать коалиции и вести частные войны. Последнее право обуславливалось обязательным объявлением войны «по закону», т. е. за три дня до ее начала. Беспрецедентные уступки Карла IV объяснялись его стремлением к укреплению собственного наследственного королевства – Чехии, для чего следовало удовлетворить безмерные политические аппетиты курфюрстов.

Распад Империи продолжился при королях Габсбургской династии, сменившей Люксембургов. В XV в. из ее состава вышли Нидерланды и Швейцария, большая часть земель Ливонского ордена. В результате Гуситских войн (1419–1434) Чехия получила фактическую независимость от Германской империи. Самостоятельным королевством стала и Венгрия. Последняя в XV в. попытка укрепления центральной власти была предпринята на рейхстаге 1495 г. Князья Юго-Западной Германии, основавшие Швабский союз, предложили свой проект «имперской реформы». Намечавшиеся меры должны были содействовать постоянному сохранению «земского мира», созданию системы общеимперского управления и судопроизводства. Главным предназначением последней должно было стать урегулирование конфликтов и разрешение споров между территориальными князьями. Несмотря на поддержку «реформы» Максимилианом I Габсбургом (1493–1519) нежелание князей поступиться хотя бы долей своего суверенитета в княжествах способствовало тому, что проекты преобразований остались лишь благими пожеланиями.

Таким образом, Германия к началу XVI в. представляла собой весьма противоречивое государственно-политическое образование. Определенный экономический подъем, связанный с углублением процесса феодализации, не помог избежать стране политической дезинтеграции, что существенно ослабляло ее позиции на международной арене. В этих условиях о своих универсалистских притязаниях вновь в полный голос заявила католическая церковь. В политически раздробленной Германии представители высшего католического клира чувствовали себя весьма уверенно. Если европейские монархии, ставшие на путь централизации, активно противились папскому произволу, то внутренняя слабость Германской империи была той благоприятной средой, в которой папская курия могла с успехом удовлетворять свои интересы. Многие епископы были здесь одновременно и территориальными князьями. Продажа индульгенций папскими легатами стала рядовым явлением в немецких землях. Небывалого размаха достигло церковное и монастырское строительство. Денежные сборы из Германии, поступающие в папскую курию, достигали громадных размеров. Это были отчисления от уплаты десятин и других церковных сборов, платы за назначение на различные духовные должности, деньги за продажу индульгенций и освобождение от отдельных церковных предписаний, штрафы, заменившие наказания прегрешившим, выплаты всех поступлений с церковных мест, которые оказались вакантными.

Особое положение церкви в Германии отвечало интересам не только папской курии, но и немалой части немецкой знати. Большинство епископских мест занимали выходцы из немецких дворянских фамилий, в том числе треть – из княжеских родов. Получение церковных бенефициев разного рода рассматривалось в качестве выгодного предприятия и совершенно не соотносилось с духовной миссией церкви. С другой стороны, низшее духовенство, в состав которого входили преимущественно выходцы из бюргерской и крестьянской среды, все больше сближалось по уровню и образу жизни со своей паствой. В этой среде формировался упрощенный, вульгаризированный взгляд на христианские таинства и обряды, что также способствовало подрыву репутации церкви. В обществе ширилось недовольство алчностью, цинизмом и жадностью ее представителей. Эти настроения ярко отразились в творчестве немецких гуманистов позднего Средневековья.

У истоков немецкой гуманистической традиции стояли Рудольф Агрикола (1444–1485), Якоб Вимфелинг (1450–1528), Конрад Цельтис (1459–1508). Период ее расцвета начался с 90-х годов XV в. В 1494 г. на немецком языке появилась книга «Корабль дураков» – сатира, написанная и иллюстрированная профессором Базельского университета Себастьяном Брантом (ок. 1458–1521). Автор поместил современное ему феодальное общество с его пороками и заблуждениями на корабль и отправил в страну глупости Наррагонию. Огромную популярностьнискало сатирическое произведение «Похвальное слово Глупости» (1509) Эразма Роттердамского (литературный псевдоним Герхарда Герхардса) (1469–1536). Оно было посвящено обличению фанатизма и насилия,

национальной ограниченности и религиозной розни, лицемерия и невежества феодалов и духовенства. Кружок радикальных гуманистов образовался при Эрфуртском университете. Его руководителем стал Муцианом Руфом из Готы, а наиболее известным представителем – Ульрих фон Гуттен (1488–1523). Гуттен остро критиковал папств. Его идеалом была возрожденная империя, опиравшаяся на доблесть и честь рыцарского сословия. Проект возрождения сильной государственности на основе средневековых традиций и идеалов, предложенный Гуттеном, не имел перспектив быть реализованным в силу своей архаичности, но его патриотизм, поиск идейных основ национального единения немцев вызвали широкий отклик у современников.

Большой резонанс в немецком обществе вызвал так называемый «процесс Рейхлина». В 1509 г. воинствующие монахи-доминиканцы из Кельна обратились с ходатайством к императору, требуя ужесточить гонения на евреев, в том числе уничтожения иудейских книг. В этой ситуации советники императора обратились к составителю первой еврейской грамматики Иоганну Рейхлину (1455–1522). Рейхлин являлся известным юристом и ученым, автором популярных латинского словаря и грамматики греческого языка. Он выступил против уничтожения священных еврейских книг, чем вызвал гонения со стороны кельнских доминиканцев. Но попытки организовать инквизиционный суд над Рейхлином не удалась. Под председательством епископа Шпейерского в 1514 г. собрался суд, наложивший на обвинителей Рейхлина «вечное молчание».

«Процесс Рейхлина» наглядно показал, что императорская власть стремится дистанцироваться в глазах общества от церкви. Император Максимилиан I даже поручил в 1510 г. гуманисту Якобу Вимфелингу обобщить все основные претензии к церковникам. Созданный таким образом меморандум «Жалобы германской нации» был отправлен в Рим. Максимилиан I стремился добиться ограничения платежей и заключения договора с папством по образцу соглашения Святого престола с Францией. Однако папская курия отказалась от подобного шага. Кризис католической церкви в Германии стал на рубеже XV–XVI вв. прологом к развертыванию движения Реформации.

Социально-экономическое развитие немецких земель в начале Нового времени

Германия представляла собой к началу XVI в. конгломерат самостоятельных и фактически независимых территорий. В нее входили 7 курфюршеств, около 70 герцогств и княжеств, более 120 графств и баронств, более 70 аббатств. Почти треть из общего количества земель принадлежала духовным властителям. Эту пеструю картину дополняли несколько десятков «имперских» и «вольных» городов. Имперские города подчинялись непосредственно императору, «вольные» же были своеобразными государствами в государстве, пользуясь широкой экономической самостоятельностью и политической автономией. Немецкое бюргерство, пытаясь противостоять произволу территориальных князей, еще с XIII–XIV вв. предпринимало попытки создания региональных городских союзов. Крупнейшими из них стали Рейнский союз, Швабский и мощнейшее объединение североморских городов – Ганза, созданная в 1356 г. Городские союзы становились не только влиятельной политической силой, но и мощными центрами экономического развития. Всего в Германии к началу XVI в. насчитывалось примерно 3 тыс. городов, большая часть из которых были совершенно небольшими от 500 до 2 тыс. жителей. Такие городки мало отличались от крупных сельских поселений. Страна оставалась преимущественно аграрной, 90 % ее населения жило в деревне.

На рубеже XV–XVI вв. в Германии наблюдался заметный хозяйственный подъем. Выгодное положение Германии на путях европейской торговли стало важнейшей

предпосылкой для развития разнообразных ремесел, горной и текстильной промышленности, книгопечатания. К середине XV в. относится появление внутригерманской сети торговых путей. Лейпциг, Эрфурт, Галле и другие города Саксонско-Тюрингского района экономически соединили области по течением Дуная, Эльбы и Рейна.

Германия славилась своими квалифицированными мастерами, особенно в горном и металлургическом деле. Немецких сталеваров приглашали в самые разные страны. В самой Германии на шахтах и в рудниках все шире широко использовался наемный труд. Появлялись и первые рассеянные мануфактуры. Первоначально они получили распространение в сукноделии и льноткачестве. В настоящую отрасль превратилось немецкое книгопечатание. В XVI в. здесь возникли уже достаточно крупные типографии, имевшие характер централизованных мануфактур.

Важным фактором экономического подъема стал рост немецкого торгово-ростовщического капитала. Крупнейшие финансовые дома появились раньше всего в южно-немецких городах Аугсбурге и Нюрнберге. Фамилии их основателей – Гохштеттеров, Фуггеров, Вельзеров, Имгофов, – были известны по всей Европе. Так, например, Фуггеры являлись кредиторами не только территориальных князей, но и самих Габсбургов. Политическая раздробленность Германии и слабость центральной имперской власти позволяли крупнейшим торгово-ростовщическим домам иметь практически монопольное господство на внутреннем финансовом рынке. Они вкладывали капиталы в оптовую торговлю, горнорудное производство, скупку земли, судостроение.

Подъем в экономике Германии на рубеже XV–XVI вв. стимулировал не только количественный рост производства, прежде всего в городе, но и развитие новых хозяйственных структур, элементов раннего капитализма. Происходило зарождение элементов капиталистических отношений, расширение товарно-денежных отношений. Но этот процесс шел очень неравномерно и порождал серьезные социально-экономические противоречия. Несмотря на сравнительно быстрое развитие торговых путей, в Германии так и не сложилось общенациональное рыночное пространство. Более того, рейнский регион все больше тяготел в экономическом отношении к соседним Нидерландам, а ганзейские города оставались больше связанными с прибалтийским регионом. Развитие торгово-промышленного юга Германии по этому не способствовало консолидации страны. Кроме того, по мере увеличения экономической роли атлантических морских коммуникаций, Германия все больше утрачивала прежнюю роль в трансконтинентальной торговле. Это грозило уже в самом ближайшем будущем новым экономическим спадом.

Достаточно противоречивым оказалось воздействие экономического подъема и на развитие сельского хозяйства. Рост городского населения и транзитной торговли обеспечили увеличение спроса на продовольствие и технические культуры. Происходили расширение посевов, увеличение поголовья скота. Но на положении крестьян эти процессы отразились очень негативно. Землевладельцы все чаще расширяли собственную запашку за счет сгона крестьян с земли и перевода их на барщину. Этот процесс возрождения крепостнических отношений получил особый размах во второй половине XVI в. на юге и юго-западе Германии. Нормой здесь стала работа крестьян на барщине 2–3 дня в неделю и выплата многих личных повинностей (например, только «посмертный побор» при передаче земли по наследству составлял около трети имущества). К тому же землевладельцы использовали краткосрочную аренду и часто передавали наделы из рук в руки.

Негативную реакцию крестьянства вызывало и все более широкое распространение товарно-денежных отношений. Этот процесс разрушал привычный образ жизни сельского населения, способствовал его имущественной дифференциации. Стремление к наживе считалось основной причиной произвола феодалов и нарушением всех человеческих и божественных законов. Среди немецкого крестьянства распространялось радикальные

протестные настроения. Уже в 30-40-х годах XV в. это привело и к первым вспышкам насилия. Юго-запад Германии подвергался тогда нашествию вооруженных банд арманьяков, состоявших во время Столетней войны на службе французского короля. Возглавляемые дофином Людовиком (будущим королем Людовиком XI) они разоряли Рейнские земли. Однако захватчики встретили самый решительный отпор со стороны крестьянства. В 1444–1445 гг. армия дофина была разбита. Своеобразным символом освободительной борьбы стало знамя, на котором рядом с изображением Богородицы был нарисован крестьянский башмак.

Движение немецкого крестьянства, получившее название движения «Башмака», неоднократно напоминало о себе в разных районах страны. Зародившись как форма сопротивления иностранным захватчикам, оно с течением времени приобрело ярко выраженный анти-феодальный характер. Так, в 1517 г. был раскрыт план очередного выступления под знаменем «Башмака». Программный документ содержал в частности такие требования: «Чтобы все ренты, чинши и платежи были полностью упразднены; за исключением императора и церкви, никому ничего не давать; не признавать и не покоряться никакой господской власти». Еще один тайный крестьянский союз под названием «Бедный Конрад» возник в Вюртемберге. В 1514 г. здесь вспыхнуло восстание, к которому примкнули горожане, недовольные ростом налогов.

Оппозиционные настроения постепенно охватывали и немецкое бюргерство, мелкое дворянство, городские низы. Если крестьянские массы направили свой гнев на местных феодалов, то значительная часть бюргерства и мелкого дворянства выступила против политической раздробленности и произвола территориальных князей. В 1476 г. увидел свет памфлет радикального содержания, который получил известность под названием «Реформация императора Сигизмунда». Неизвестный автор этого сочинения наметил широкую программу преобразований, главной целью которых должно было стать укрепление государственности посредством усиления императорской власти. Документ утверждал верховенства принципа права, на основе которого должно быть создано новое общество, взамен старого – феодального, с его сословными ограничениями и привилегиями.

Начало Реформации в Германии

Возникновение в Германии движения за пересмотр догматов католицизма и обновление церковной жизни было неразрывно связано со всеми социальными и духовными изменениями, происходившими в немецком обществе на рубеже XV–XVI вв. Одновременно Реформация являлась и общеевропейским явлением, предвестником мировоззренческого переворота, радикально менявшего духовный фундамент европейской цивилизации.

Массовое недовольство верующих непомерной алчностью и политическим интриганством многих католических иерархов было лишь одним из факторов, способствовавших зарождению реформационного движения. Папская курия в качестве наднационального центра влияния и важнейшей силы, формирующей общественное сознание, была прежде всего потеснена в политическом и идеологическом отношениях централизованными национальными государствами Европы. В раздробленной же Германии этот фактор действовал гораздо в меньшей степени. Поэтому оппозиция католической церкви была очень широкой и включала в себя и светских князей, и представителей бюргерства, и народных проповедников. Претензии к церкви, формулируемые идеологами немецкой Реформации, простирались от необходимости секуляризации богатейших церковных имуществ до преобразования всей социальной

структуры феодального общества на началах равенства. Основное возмущение в массах вызывали постоянно возрастающие церковные поборы, которые прочно ассоциировались с торжествующим духом наживы и забвением «истинных» евангелических принципов. Символом стяжательства церкви стала продажа индульгенций (лат. *Indulgentia* – «снисходительность», «милость»). Этот документ являлся особой грамотой об «отпущении грехов», выдаваемой церковью от имени Папы Римского за деньги или за какие-либо заслуги перед ней.

Толчок к окончательному складыванию реформационного движения в Германии дало выступление Мартина Лютера (1483–1546), посвященное именно практике индульгенций. Выходец из семьи горного мастера, Лютер получил образование в Эрфуртском университете, где на него оказали сильное влияние ученые-гуманисты. Будучи горячо верующим человеком, уверенным в своей греховности, он на время уходил в монастырь, но, разочаровавшись в монашестве, вернулся в мир, став преподавателем теологии в Виттенбергском университете.

В 1517 г. в Германию прибыли посланцы Папы с намерением распространять индульгенции. 31 октября 1517 г. Лютер прибил на дверях университетской церкви Виттенберга «95 тезисов против индульгенции». Тезисы в целом носили умеренный характер. Они тщательно устанавливали различия между «истинным значением папского отпущения грехов» и произволом «проповедника, продающего индульгенции». В документе указывалось на то, что всякая раздача каких бы то ни было индульгенций без предшествующего ей покаяния противна христианскому вероучению.

В тезисах Лютера, еще достаточно противоречивых, уже наметились основы его нового учения, принципы которого он углубил и обосновал в последующих работах. Сущность его взглядов можно свести к трем основным положениям. Во-первых, человек спасается только верой; во-вторых, она обретается только через милость Божию и не зависит ни от каких заслуг человека; в-третьих, только Священное Писание, слово Божие, является авторитетом в делах веры. Своими идеями Лютер ставил под сомнение роль церкви, как посредника между Богом и верующими. Он отрицал обязательный для католика авторитет Священного Придания, т. е. установлений церкви на основе решений Папы и соборов. Не признавая роли духовенства в качестве высшего религиозного авторитета, Лютер, однако, не подвергал сомнению функции церкви как наставницы людей в религиозной жизни, которая должна помогать человеку в разъяснении христианского учения и способствовать его «смирению» в повседневном поведении. Однако для этого церковь должна была стать по истине «евангелической», т. е. основанной на важнейших положениях Священного Писания.

В феврале 1518 г. Лютер написал объяснение к своим тезисам против индульгенций. В них он призывал верующих повиноваться властям, в том числе и Папе, но указывал, что на дела веры эта обязанность не распространяется. Положения, высказываемые Лютером, дали повод для возбуждения церковной инквизицией судебного процесса против него на основе канонического права и обвинения его в ереси. Противники Лютера добились решения о доставке его в цепях в Рим, но в дело вмешался саксонский курфюрст Фридрих Мудрый, один из влиятельнейших князей Германии и возможный кандидат в будущем на императорский трон, что остудило на время решимость папской курии.

Видный церковный полемист, профессор теологии Экк выступил против тезисов. В ходе полемики между Лютером и Экк стали подниматься вопросы не только об отношении к «спасению верой», а о последствиях этого учения для устройства церкви и власти Папы. В июне 1519 г. Лютер стал участником знаменитого диспута в Лейпциге. Он был вынужден высказать свои убеждения с полной ясностью. При разборе вопроса о главенстве Папы, обе стороны затронули проблему авторитета соборов. Экк при этом указал на то, что некоторые идеи Лютера совпадают с положениями, сформулированными Яном Гусом, которые были осуждены и отвергнуты Констанцким собором. Момент был

критический. Лютер должен был категорически ответить, признает ли он авторитет соборов, который был высшим авторитетом в существующей церкви. Его ответ ожидался всеми с величайшим напряжением, и он заявил, что среди положений Яна Гуса, преданных собором проклятию, некоторые были вполне согласны с основами христианства.

В Риме понимали, что больше медлить нельзя. В ходе четырех заседаний папской консистории в июне 1520 г. была выработана булла, в которой Лютеру было предложено в течение 60 дней отречься от своих взглядов, отказаться от преподавания и проповедничества. В противном случае консистория грозила отлучением его от церкви. Незадолго перед этими событиями, появилось обращение Лютера «К христианской знати немецкой нации», которое содержало гораздо более радикальные мысли, чем его тезисы против индульгенций. В этой брошюре он не только выступает в самой резкой форме против светской власти Папы, но и формулирует фундаментальные основы протестантизма.

В 1521 г. Лютеру пришлось столкнуться с императорской властью. В присутствии Карла V, стремившийся превратить империю во всемирную католическую монархию, на Вормском рейхстаге ему было предъявлено требование отречься от своего учения. Лютер ответил категорическим отказом и заявил: «На этом я стою и не могу иначе!» Императором был издан эдикт, который предписывал арестовать Лютера, но тот нашел покровительство у курфюрста Фридриха Саксонского.

Постепенно по мере нарастания напряженности в Германии и втягивания в общественное движение самых разных социальных сил Лютер становится выразителем интересов умеренного бюргерства. К его выступлениям все большее внимание проявляют светские князья, заинтересованные в укреплении собственных позиций за счет секуляризации церковных имуществ. В 1523 г. увидел свет написанный Лютером трактат «О светской власти, в какой степени ей следует повиноваться». Автор полагает необходимым установление в обществе двух порядков и двух систем права – божественного и естественного. Поскольку истинные христиане, по мнению Лютера, составляют меньшинство, строй «христианской жизни», основанный на любви, не может существовать без светской власти, основанной на принудительной силе. Светская власть обеспечивает возможность христианской жизни именно тем, что сама она основывается не на божественном, а на естественном праве. Если, касаясь вопросов религиозного учения, Лютер отвергал значение человеческого и утверждал приоритет веры, то, рассматривая сферу естественного права, государственной политики, он руководствовался практическими интересами, определяемыми разумом.

Умеренные воззрения Лютера не могли удовлетворить многих участников общественного движения и, прежде всего, радикально настроенное крестьянство, стремившееся к установлению общественного порядка, основанного на принципах равенства и справедливости. Наиболее ярким представителем народного понимания Реформации стал Томас Мюнцер. В 1520 г. он стал по рекомендации Лютера священником и проповедником в саксонском городе Цвиккау. В понимании Мюнцера задачи Реформации заключались не в установлении новой церковной догмы или новой формы религиозности, а в провозглашении близкого социально-политического переворота, который приведет к установлению «царства Божия на Земле».

Мюнцер не отделял Бога от самого мира. По его глубокому убеждению, Бог – это идея мира «в целом», которая определяет все многообразие отношений и проявлений действительности. Любые враждебные по отношению к другим, эгоистические поступки он определял, как безбожные. Германия должна перестать, по мнению Мюнцера, быть княжеской и дворянской. Выступая против угнетения народа, он проповедовал такой строй, в котором нет социального и имущественного неравенства, частной собственности. Однако представления об этом идеальном обществе были окрашены у Мюнцера в

мистическую оболочку, поскольку он не видел реальных путей его достижения. В его мировоззрении преобладали иллюзии, далекие от насущных потребностей современной ему жизни.

Крестьянская война в Германии

Протестное общественное движение, вызванное обострением социально-экономических и политических противоречий в Германии на протяжении XV – начала XVI в., достигло своей кульминации во время крестьянской войны 1524–1525 гг. Первые выступления крестьян произошли летом 1524 г. в деревнях на Верхнем Рейне и Верхнем Дунае. Первоначально крестьяне устраивали сходки, требуя отмены повышенных норм барщины, признания права свободно пользоваться лесами и водами. Все чаще звучали и обвинения в адрес монастырских монахов.

В августе 1524 г. в Южном Шварцвальде некий Ганс Мюллер, бывший наемник, явился на освящение церкви с трехцветным знаменем (черно-красно-белое). В последующие дни он возглавил первый из крупных крестьянских повстанческих отрядов. За месяц к нему присоединилось более 4 тыс. человек. Несмотря на поражение в декабре 1524 г. от правительственных войск, движение ширилось и постепенно начало охватывать Швабию, Франконию и в Среднюю Германию – Тюрингию и Саксонию. Несмотря на разрозненность крестьянских отрядов, они были достаточно неплохо организованы и действовали очень активно. В рядах восставших было немало бывших наемников, имевших военный опыт. Большой популярностью среди восставших пользовались протестантские проповедники.

В 1525 г. крестьянское движение вылилось уже в настоящую войну. Восставшие формировали вооруженные отряды, громили монастыри, резиденции светских и духовных феодалов, присваивали отнятое у них имущество. К восставшим крестьянам нередко присоединялись горожане и небогатые рыцари, среди которых были особенно сильны анти-католические настроения. Эпицентром восстания в начале 1625 г. оставалась Швабия, где действовали 6 крупных отрядов, насчитывавших до 40 тыс. человек. В марте в городе Меммингене руководители крестьянских отрядов приняли совместный программный документ, известный как «12 статей». В нем перечислялись основные крестьянские требования: возвращение захваченных дворянами общинных угодий, сокращение барщины и оброка, уничтожение личной зависимости, отмена церковной десятины. Особое место занимало требование права выбора общинами своих священников, которые должны проповедовать «истинное Евангелие».

Несмотря на принятие единой программы, действия крестьянских отрядов оставались разрозненными. Попытка умеренного крыла восставших заключить перемирие со Швабским союзом, в который входили южногерманские князья и 22 имперских города, провалилась. Войска союза под командованием Георга фон Вальдбурга перешли в наступление и нанесли восставшим поражение в битве при Лейпгейме. В бою погибло более тысячи крестьян, и еще более 4 тыс. было взято в плен. 17 апреля в Вейнгартене представители Швабского союза заключили договор с командирами последнего крупного повстанческого отряда. В соответствии с ним сложившим оружие крестьянам гарантирована безопасность и право обращаться с жалобами на притеснения со стороны землевладельцев.

После спада крестьянского движения в Швабии эпицентром восстания стала Франкония. Действовавшие здесь повстанческие отряды пользовались поддержкой бюргерства из многочисленных небольших городов, а также обедневших рыцарей. Под их

влиянием в требованиях восставших все чаще звучали идеи укрепления империи, преодоления внутривластной анархии. В городе Гейльбронне, куда собрались руководители крестьянских и городских повстанческих отрядов, лидеры бюргерства и дворян предложили им для обсуждения «Гейль-бронскую программу». Одним из авторов документа являлся сторонник умеренной тактики Вендель Гиплер, стремившийся использовать крестьянское движение для реализации интересов бюргерства.

«Гейльброннская программа» была направлена прежде всего против княжеского и церковного сепаратизма. Предлагалось лишить князей сословных привилегий и превратить в должностных лиц империи. Церковные имущества подлежали секуляризации, а из этого фонда следовало наделить землей рыцарство. Император должен был стать реальным главой централизованной Германии. В стране следовало ввести единые органы управления, что также должно было содействовать укреплению императорской власти. Программа провозглашала равенство представителей различных сословий перед законом. Интересы городов нашли отражение в требованиях отмены всех внутренних границ между германскими землями, таможенных барьеров и пошлин, мешавших развитию торговли, введения единой монеты и системы общих мер и весов. Гейль-броннская программа содержала и требования Реформации: выборность пастырей и их ответственность перед общиной за правильную проповедь Евангелия, лишение духовенства светской власти, закрытие монастырей и роспуск всех духовно-монашеских орденов, секуляризация церковной собственности. Крестьянские требования отступили в документе на второй план. Его составители считали, что крестьяне могут освободиться от феодальных повинностей, заплатив большой выкуп своим хозяевам.

«Гейльброннская программа» представляла собой попытку достижения компромисса между различными социальными силами немецкого общества на основе их сплочения вокруг идеи создания единого централизованного государства. Однако, две важнейшие составляющие движения – анти-феодалная борьба крестьянства и желание бюргерства и мелкого рыцарства противопоставить политической анархии сплоченное национальное государство – не слились воедино. Произошло это, прежде всего, потому, что ликвидация крайних проявлений феодальной реакции должна была стать фундаментом политических преобразований, но решить одновременно эти важнейшие для Германии задачи было невозможно в силу разнородности и незрелости общественных сил, стремившихся к переменам. Вскоре франконские отряды были разгромлены войсками Швабского союза. Их участники подверглись жесточайшим репрессиям.

Несмотря на поражение восстания в Швабии и Фраконии крестьянское движение еще продолжалось во многих немецких, австрийских и чешских землях. С большим упорством сражались повстанцы в Тюрингии и Саксонии. Упорно сопротивлялись крестьяне Тюрингии. Здесь центром движения стал имперский город Мюльхаузен, а его вдохновителями были народные проповедники Томас Мюнцер и Генрих Пфейффер. Они пророчили скорый конец «безбожным тиранам» и переход власти к народу. Основные силы восставших сконцентрировались в укрепленном военном лагере у Франкенгаузена. Однако в сражении с хорошо вооруженными и подготовленными княжескими войсками повстанцы были разгромлены. Их лидеры были казнены. 25 мая капитулировал и Мюльхаузен. С восстанием в Тюрингии было покончено.

К концу 1525 г. крестьянская война в Германии потерпела окончательное поражение. В стране воцарился террор, способствовавшая усилению произвола князей. Это послужило причиной длительного застоя, в котором оказалось хозяйство страны во второй половине XVI в. Но разгром восстания значительно укрепил взаимосвязь умеренных протестантских кругов с властью князей и магистратов. Показательным фактом стал выход в свет сочинение Лютера «Против разбойничьих и грабительских шаек крестьян», где резко осуждались действия восставших и содержался призыв «рубить, душить, колоть» повстанцев «как бешеных собак». Именно в годы крестьянской войны лютеранство окончательно приобрело характерный для него впоследствии

государственнический пафос. Сама лютеранская церковь значительно усилила свои позиции в северо-германских городах.

Германские земли во второй половине XVI в.

После подавления крестьянской войны территориальные князья взяли на вооружение положение Лютера о необходимости секуляризации церковных земель с целью усиления своего экономического могущества и независимости от императорской власти. В 1526 г. по решению рейхстага имперские чины получили разрешение до всеобщего собора вести себя в религиозных вопросах так, «как если бы они были ответственны только перед Богом и его императорским величеством». Фактически речь шла о легализации лютеранства. В некаатолических княжествах по инициативе, разработанной Лютером и его единомышленника Меланхтоном, начались «церковные проверки» – инспекции убеждений и деятельности учителей, университетских преподавателей, церковных проповедников и церковных служащих, инвентаризация церковных имуществ. Первые такие проверки были проведены в 1526 г. в Саксонии. Именно «церковные проверки» дали толчок процессу секуляризации церковных имуществ. Часть этих имуществ перешла в руки дворянства и горожан, часть по распоряжению властей и под их контролем была направлена на содержание проповедников, школ, университетов.

Секуляризация и иные гонения на католическую церковь вызвали осуждение со стороны католиков. В 1529 г. на Шпейерском рейхстаге император Карл V потребовал отказаться от секуляризации и обязательном отправлении церковных служб по католическому образцу во всех немецких княжествах. В ответ сторонники Лютера заявили протест, после чего их и стали называть протестантами. С ними были солидарны и некоторые князья-католики. Религиозные разногласия уступили место совместному стремлению заставить императора возобновить секуляризацию.

На Аугсбургском сейме 1530 г. Филипп Меланхтон представил систематическое изложение основ лютеранства, ставшее известным как «Аугсбургское вероисповедание». Наряду с положением о том, что князь, а не Папа, является главой церкви в пределах своей территории, в этом документе устанавливалась обрядовая и внешняя сторона лютеранского культа. Вместо торжественной католической мессы вводилась протестантская литургия, в которой большое место занимала проповедь. Из семи католических таинств были оставлены только два – крещение и причастие. Католики, возглавляемые И. Эком, подготовили опровержение лютеранских догматов и целый список «еретических заблуждений». Начался новый виток конфессиональной конфронтации. В 1531 г. протестантские князья и города во главе с курфюрстом Саксонии и гессенским ландграфом заключили в городе Шмалькальдене союз. В последующие годы его состав быстро расширялся. Постепенно император Карл V начал видеть в Шмалькальденском союзе угрозу своей власти. В 1546 г. он объявил войну протестантам, обвинив их в нарушении законов Империи. 24 апреля 1547 г. имперские войска одержали победу в решающей битве при Мюльберге. Шмалькальденский союз был распущен. Карл V стремился полностью ликвидировать завоевания Реформации. Однако он быстро терял поддержку среди католических князей, опасавшихся усиления императорской власти. Оппозицию возглавил саксонский герцог Мориц. В 1552 г. его войска напали на императорскую резиденцию. Карл V был вынужден бежать.

Политический кризис в Империи был преодолен благодаря решениям рейхстага 1555 г. На нем был заключен так называемый Аугсбургский религиозный мир, согласно которому княжеский суверенитет распространялся и на область религии. Теперь религиозная принадлежность подданных определялась их князем, его прерогативой становилось

назначение на высшие церковные должности на своей территории. Впоследствии этот принцип был кратко выражен в формуле: «Чья власть, того вера».

Следствием Аугсбургского религиозного мира стало образование в Германии двух группировок княжеств – протестантской и католической. В католическом лагере остались все наследственные земли Габсбургов, Бавария, Франкония, духовные княжества на Рейне и в Северо-Западной Германии, Эльзас. Северо-германские княжества, герцогство Пруссия, Бранденбург, Саксония, Гессен, Брауншвейг, Верхний и Нижний Пфальц и Вюртенберг составили протестантскую группировку. Религиозное обособление дополнилось тем, что протестантские князья в своей внутривластной ориентации стали более решительными противниками Габсбургов. Таким образом, Реформация в Германии обусловила качественно новое состояние политической раздробленности страны, придав ей отчетливую религиозную окраску.

Заключение Аугсбургского мира не привело к прекращению конфессиональной розни, но снизило ее остроту. И в протестантском, и в католическом лагерях шло обновление религиозной догматики, ужесточение духовной дисциплины. В 1577 г. было выработано ортодоксальное лютеранское вероисповедание («Формула согласия»). Этот догматический документ торжественно подписали 86 имперских чинов и около 8500 представителей лютеранского духовенства. Одновременно в Германии ширилось и движение католической Контрреформации.

Противоречия между протестантскими и католическими лагерями использовала для укрепления своих позиций императорская власть. Императоры Фердинанд I (1556–1564) и Максимилиан II (1564–1576) сделали ставку на сближение с умеренными князьями-лютеранами. Максимилиан II даже разрешил переход дворян в лютеранство в Австрии и Чехии. Ситуация изменилась после Тридентского собора, открывшего эпоху агрессивной Контрреформации. Император Рудольф II (1576–1612), известный своими католическими воззрениями и психической неуравновешенностью, активно покровительствовал иезуитам. Но он перенес свою резиденцию в Прагу и стремился не втягиваться во внутренние распри немецких князей. К тому же военная опасность со стороны турок заставляла отказаться от эскалации политической напряженности в самой Империи. Более того, в 1609 г. Рудольф II он был вынужден под угрозой восстания гарантировать и чехам свободу вероисповедания. Подобная политика вызывала недовольство воинствующих католиков, объединившихся вокруг брата императора Матиаса Габсбурга. С восшествием его на престол в 1612 г. начался новый виток конфессиональной конфронтации, ставший прологом к опустошительной Тридцатилетней войне.

§ 5

Германские земли в XVII – начале XIX в.

Германия в годы Тридцатилетней войны

Тридцатилетняя война бесспорно являлась общеевропейским событием, но по своему происхождению имела ярко выраженные «немецкие корни». Компромисс, достигнутый в результате заключения Аугсбургского мира, не устранил причины разногласий немецких протестантов и католиков. В начале XVII в. влияние католических кругов укрепилось в

северо-западной и южной Германии. Иногда это даже сопровождалось вводом войск и оккупацией, как случилось в 1607 г. в имперском городе Донауверте, когда герцог Максимилиан Баварский (1597–1651, с 1623 г. курфюрст Баварии) присоединил город к своим владениям.

Одним из главных требований католических князей являлось возвращение секуляризованных в 1555 г. церковных имуществ. В свою очередь протестанты заявляли о недопустимости нарушений Аугсбургского мира. В такой накаленной атмосфере в начале 1608 г. в Регенсбурге собрался рейхстаг. Проблема религиозного мира вообще и вопрос о Донауверте в частности сразу же оказались в центре внимания. На рейхстаге обозначились полярные позиции Пфальца и его кальвинистских союзников и Баварии во главе с Максимилианом, который стал общепринятым лидером католицизма. Все попытки посредничества оказались тщетными. В итоге принятие решений сделалось невозможным, и рейхстаг был распущен. Так распался последний конституционный и авторитетный орган Империи, исчез последний инструмент к достижению стабильности и согласия. В свою очередь католики и протестанты были обречены на создание собственных альтернативных структур. В 1608–1609 гг. возникли Евангелическая Уния и Католическая Лига. Они представляли собой военно-политические союзы. Попытка императора Матфея (1612–1619) в 1613 г. реанимировать рейхстаг закончилась провалом, поскольку натолкнулась на клубок непримиримых противоречий.

В происхождении войны немалую роль сыграли также материальные и политические расчеты, когда во имя территориальных приращений немецкие князья шли, например, на смену вероисповедания. Так случилось во время дележа «при-рейнского наследства» (так называемый спор из-за герцогства Юлих-Клеве-Берг). При этом его поделили при участии Англии и Франции, а курфюршество Бранденбург сумело в 1614 г. в качестве польского лена присоединить герцогство Пруссия. Таким образом, назревающее военное столкновение предвещало выйти за рамки территории Империи и стать международной войной. Но главное противоречие состояло в борьбе за европейское лидерство, которая происходила прежде всего в форме противоборства между коалицией испанских и австрийских Габсбургов, хранивших несмотря ни на что верность династическому принципу, и Францией. Другими участниками этого конфликта были Республика Соединенных провинций, Дания и Швеция, для которых Евангелическая Уния была естественным союзником. Голландия продолжала борьбу с Испанией, а протестантские королевства севера опасались усиления роли Габсбургов на северных морских путях и в Северной Германии. Кроме того, датский король был герцогом Шлезвига и Гольштейна, входивших в Империю, и не желал укрепления власти императора.

В годы правления императора Матфея авторитет короны не был восстановлен. Рейхстаг был парализован конфессиональным конфликтом. Лидеры высшего дворянства могли бы решать вопросы на княжеских и курфюршеских съездах, но они оказались не готовы к компромиссам. Эскалацию кризиса отчасти сдерживали внутренние противоречия в союзах. Уния, расширяя контакты с иноземными дружественными державами, становилась все более рыхлой. Она была охвачена спорами вокруг финансирования армии и борьбой за лидерство, на которое все настойчивее претендовал Пфальц. Слабая финансовая и военная стороны Унии серьезно снижали ее вес во внутриимперской борьбе.

Католическая Лига, защищая интересы своих субъектов, подтачивала компромисс Аугсбургской системы. Так же как и Уния, она страдала серьезными внутренними противоречиями: ее ослабляло соперничество Габсбургов и Виттельсбахов (Бавария) по вопросу руководства союзом. В конце концов, Габсбурги уступили Виттельсбахам. К серьезной эрозии союзной структуры эти разногласия не привели, так как большинство католических правителей и прелатов рассматривали ее как защитницу их религиозных и территориальных интересов. Прочная финансовая и военная организация Лиги позволяла ей быть эффективной величиной.

Рост напряженности отразился и на общественном сознании, следствием чего стал общий дух конфронтации, религиозной нетерпимости, повышенной конфликтности. Это ярко проявилось в литературной полемике, которая достигла пика в 1617 г. в столетнюю годовщину Реформации Лютера. Наиболее известными полемистами были дрезденец Гоэ фон Гоэннег и иезуит Адам Концен, которые спорили по вопросу о значении Реформации.

Поводом к войне стали события в Богемии. Именно здесь столкнулись консолидированные силы протестантов в лице «богемских братьев», утраквистов и лютеран с католиками, чья активность возросла после поддержки в 1617 г. испанскими Габсбургами воспитанника иезуитов Фердинанда Штирийского на троны Чехии, Венгрии и Империи. Фердинанд II (1613–1637) как законный государь Богемии имел право на определение конфессиональной принадлежности своих подданных, поэтому его наместники распорядились о сносе и закрытии там двух протестантских церквей. С другой стороны, это находилось в противоречии с «грамотой величества» 1609 г., гарантировавшей религиозные и политические права чехов. Столкновение двух норм создавало безвыходную ситуацию.

23 мая 1618 г. в Праге вспыхнуло восстание, положившее начало Тридцатилетней войне. Вооруженная толпа, ворвавшись в королевский дворец Пражского города, выбросила из окна двух членов назначенного Габсбургами правительства и их секретаря. Этот акт «дефенестрации» был воспринят в Чехии как знак разрыва с Австрией. Вся полнота власти перешла к тридцати директорам («богемская директория»). Ключевой фигурой среди них стал Генрих Матфей Турн. Армия восставших провела ряд успешных военных операций в северной Австрии и под Веной. Чешский сейм отказался признать права Фердинанда на чешскую корону и избрал королем главу Евангелической Унии курфюрста-кальвиниста Фридриха Пфальцского. В 1619 г. он был коронован и поселился в Праге. Пражское восстание приобрело характер общеимперского кризиса. Однако Фридрих Пфальцкий не предоставил в распоряжение восставших ни больших денег, ни войск. То, что они смогли продержаться до 1620 г., объясняется прежде всего слабостью императора Фердинанда.

К середине 1620 г. католики получили достаточно денежных средств и добились единства действий. В ноябре 1620 г. армия восставших чехов была разбита на Белой Горе. Потеряв Прагу, Фридрих бежал в Голландию. Его генералы вынуждены были самостоятельно защищаться в Пфальце, сдав вскоре все крупные крепости на реке Неккар, включая Гейдельберг и Маннгейм. Весной 1623 г. весь Пфальц находился в руках сил Католической Лиги и помогавших ей испанцев.

Победа над Пфальцем значительно усилила военную и политическую мощь Католической Лиги. Фердинанд был вынужден все в большей степени считаться с мнением ее лидеров. Богемия подверглась рекатолизации. Несколько позже в 1627 г. была отменена и «Грамота величества», после чего Чехия лишилась всех прежних имперских привилегий. В феврале 1623 г. Фердинанд распространил имперскую инвеституру Максимилиана Баварского на Верхний Пфальц и позволил католическим силам во главе с Тилли занять часть нижненемецких протестантских территорий. Угроза католического реванша в рамках всей Империи привела к консолидации протестантских сил в Северной Германии и вызвала обеспокоенность Дании, Англии и Республики Соединенных провинций.

С 1625 г. начался второй этап Тридцатилетней войны, получивший название «датского». Король Дании Кристиан IV, пользующийся поддержкой Англии и Республики Соединенных провинций, возглавил коалицию северо-германских князей. Ему противостояла имперская армия во главе с талантливым стратегом, организатором и одновременно ловким, изворотливым и циничным человеком, владельцем большей части земель в северо-восточной Чехии Альбрехтом Валленштейном (1583–1634). Валленштейн помог императору Фердинанду и в решении финансовых проблем, предложив содержать

огромную армию за счет высоких контрибуций, взимаемых с населения. К 1630 г. численность имперской армии превысила 90 тыс. человек. Валленштейн нанес датчанам ряд сокрушительных поражений на севере Германии, установив контроль над всей Северной Германией, Померанией и Мекленбургом.

Рейд Валленштейна на Ютландский полуостров в 1627 г. заставил датского короля просить мира. Мирный договор был подписан в 1629 г. в Любеке.

Однако блистательные победы умножали противоречия в лагере католиков. После распада рейхстага единственным представительным органом сословий стали поощряемые императором съезды курфюрстов. Однако и этот орган быстро утратил эффективность. Валленштейн за свои военные успехи получил целое княжество – герцогство Мекленбургское, став имперским князем. В его лице создавалась новая фракция имперских князей. Максимилиан Баварский, возглавлявший Католическую Лигу, очень ревниво относился к усилению политического влияния императора. Он не скрывал нетерпимого отношения к наличию у императора собственных вооруженных сил, а в даровании Валленштейну мекленбургских земель без созыва рейхстага видел угрозу вековому правопорядку Империи.

В этих условиях император Фердинанд стал поддерживать наиболее радикальные католические круги, требующие возвращения всех земель, отнятых протестантами после 1552 г. В 1629 г. был принят Реституционный эдикт, фактически вернувший Германию к ситуации Аугсбургского мира 1555 г. Это вызвало возмущение протестантов, так как они в результате реализации эдикта потеряли бы земли двух архиепископств, двенадцати епископств, ряда монастырей и аббатств. Обеспокоенность просматривалась и в габсбургском лагере. Программа реставрации католицизма при решающей поддержке короны вызвала острое столкновение сословий. На курфюршеский съезд в Регенсбурге (1630) не явились курфюрсты Саксонии и Бранденбурга – традиционные партнеры Габсбургов, что было прямым вызовом политике Фердинанда. Главную роль на съезде играл баварский герцог, объединивший оппозиционных князей. Под их натиском император пошел на уступки, отправив в отставку Валленштейна, упразднив как самостоятельную единицу имперскую армию и распустив ее на три четверти. Мир внутри Империи был спасен, но ценой почти полной ликвидации всех завоеваний.

Третий этап Тридцатилетней войны (1630–1635) вошел в историю как «шведский». В условиях непримиримого конфликта радикалов из католического и протестантского лагерей Империя стала открытой для вмешательства иностранных держав, в первую очередь Швеции. Король Густав Адольф стремился укрепить военное присутствие Швеции на южном побережье Балтийского моря исходя из геополитических и экономических интересов, а также испытывая тревогу за судьбы евангелического вероисповедания в Германии. Армия Густава Адольфа выгодно отличалась организованностью, высоким боевым и моральным духом, к тому же она не была наемной: в ней служили в основном лично свободные крестьяне – военнообязанные. Шведский король серьезно улучшил вооружение своей армии (широко применялось огнестрельное оружие, скорострельные пушки) и организацию пехоты и конницы.

После разрушения Магдебурга в мае 1631 г. армией Католической Лиги и вторжения Тилли в Саксонию бранденбургский и саксонский курфюрсты заключили союз со шведской короной. Распалось единство сословной элиты. Лидером анти-протестантского блока стал Максимилиан Баварский, а император, лишенный собственной армии, оказался в полуизоляции.

17 сентября 1631 г. протестанты одержали блестящую победу у Брейтенфельда, которая привела к решительным переменам. Армия Лиги во главе с Тилли была уничтожена, шведы и союзные им войска вторглись в Центральную Германию, заняв Тюрингию, Франконию, Франкфурт-на-Майне, и в Богемию, оккупировав Прагу и дойдя до берегов

Дуная. В мае 1632 г. они захватили Мюнхен. Армия Лиги потерпела полную катастрофу. К тому времени Германия была уже полностью разорена войной.

В этих условиях император вновь взял инициативу в свои руки, приступив к созданию новой имперской армии во главе с Валленштейном. В августе 1632 г. генералиссимус Валленштейн с успехом отбил наступление шведской армии под Нюрнбергом. 16 ноября 1632 г. произошла генеральная встреча шведских и имперских сил близ Лютцена (к юго-западу от Лейпцига). Шведы одержали победу и заставили Валленштейна отойти в Чехию. Но победа была омрачена гибелью шведского короля.

Наступила неизбежная пауза, необходимая для реорганизации протестантских сил, которые возглавил преемник Густава Адольфа шведский канцлер Аксель Оксенштирн. При его активном участии в 1633 г. был организован Гейльброннский военный союз, объединивший евангелические и реформатские чины Империи со Швецией. Швеция теперь рассматривалась не только как гарант интересов протестантов, но и как своеобразный суверен над союзными имперскими чинами. Швеция приступила к демонтажу базовых ленно-правовых основ на подконтрольных ей территориях. Гейльброннский союз начал угрожать целостности Империи, а война окончательно приобрела общеевропейский характер.

Император Фердинанд попытался восстановить свой авторитет с помощью решающей военной победы. С этой целью он предпринял кадровые перестановки, отстранив от командования Валленштейна, который, по его мнению, стал проявлять излишнюю самостоятельность, ведя подозрительные переговоры со Швецией, Францией и Саксонией. В начале 1634 г. Валленштейн был убит в крепости Эгер. Армию возглавили итальянские дворяне Матфей Галлас и Оттавио Пикколомини. Для укрепления своих позиций император предпринял шаги по сближению с Испанией.

Среди участников Гейльброннского союза, напротив, наметился разлад. Саксонский и бранденбургский курфюрсты были недовольны наметившейся гегемонией Швеции и стремились дистанцироваться от нее, проявив готовность к союзу с императором. В сентябре 1634 г. протестанты потерпели поражение под Нордлингом. Имперские войска быстро захватили Швабию, Франконию, и районы на правом берегу Рейна. Гейльброннский союз окончательно распался. Новую политическую ситуацию закрепил Пражский мир (1635). Император отказался от проведения в жизнь Реституционного эдикта в Саксонии в течение 40 лет (это правило должно было распространиться и на другие княжества, присоединившиеся к Пражскому миру). Предусматривался роспуск всех союзов на территории Империи. Все участники Пражского соглашения обязывались объединить свои воинские контингенты с союзной армией. Создавалось единое командование во главе с Максимилианом Баварским и саксонским курфюрстом. Таким образом, Пражский мир снял противоречия между саксонскими Веттинами, баварскими Виттельсбахами и австрийскими Габсбургами. Но он так и не стал общеимперским, поскольку его условия не распространялись на кальвинистские чины Империи.

Четвертый («франко-шведский») этап войны начался в 1635 г. Вовлечение Франции в конфликт не стало неожиданностью. Союзниками католического Парижа стали Швеция и имперские сословия, не признавшие Пражский мир. Франция стремилась ослабить как австрийских, так и испанских Габсбургов. Для самой Германии все это означало большую трагедию для населения южных и западных земель, ставших главным театром военных действий.

Вплоть до 1640 г. война велась с переменным успехом. Но в конце 30-х годов наметился распад Пражской системы. Ее военные ресурсы были на исходе. Наметился новый расклад политических сил. Новый император Фердинанд III (1637–1657) был чужд агрессивному католицизму, склонен к компромиссам во имя прекращения страшных опустошений в Империи. Недоволен затянувшейся войной был и новый курфюрст Бранденбурга Фридрих Вильгельм (1640–1688), так как большая часть земель

Гогенцоллернов была опустошена. В 1640 г. Бранденбург вышел из числа союзников императора.

В начале 40-х годов наметился военный перевес французов и шведов. В 1642 г. шведы одержали победу при Брейтенфельде, заняли всю Саксонию, а французы Эльзас. Опасаясь дальнейшего усиления влияния Стокгольма, Дания в 1643 г. вступила в войну на стороне Империи. Однако в ходе войны 1643–1645 гг. датская армия была разгромлена шведами. Решающими стали события 1645 г., когда шведы одержали свою самую крупную победу в Богемии близ Янкау, а возглавляемые Тюренном французы нанесли тяжелое поражение баварцам в окрестностях Аллергейма и проникли во внутренние районы Баварии.

Желая предотвратить хаос и дальнейшие разрушения, император встал на путь компромисса. Еще в 1640 г. он создал высший имперский институт – рейхстаг, который заседал больше года. В ходе его работы Фердинанд III выразил готовность расширить круг чинов, подлежащих имперской амнистии в контексте Реституционного эдикта. В 1643 г. во Франкфурте открылся съезд, на котором сословия приступили к разработке условий всеимперского мира. А в 1645 г., когда положение на фронтах стало угрожающим, Фердинанд был вынужден санкционировать и начало официальных переговоров с Францией и Швецией.

Переговоры о мире проходили в двух вестфальских городах – Мюнстере и Оснабрюке. Их выбор не был случайным. Эти территории не так сильно пострадали от военных действий, их отличала конфессиональная нейтральность и географическая близость к Балтийскому морю. В католическом Мюнстере велись переговоры между Империей и Францией, а в биконфессиональном Оснабрюке – между Империей, Швецией и протестантскими князьями. 24 октября 1648 г. в Мюнстере были оглашены тексты окончательных соглашений, получивших название Вестфальского мира.

Германия после Тридцатилетней войны. Возвышение Бранденбурга

Вестфальский мир определил новые границы Священной Римской империи германской нации. Швеция получила важные приобретения в Северной Германии: всю Западную Померанию, Штеттен (Шецин) в ее восточной части, острова Рюген, Узед, Воллин, имперский город Штральзунд, а в качестве имперского лена секуляризованные Бременское и Верденское архиепископства. Под контролем Швеции оказались устья рек Одер, Эльба и Везер. К Франции отходил Верхний и Нижний Эльзас, опека над десятью имперскими городами, исключая Страсбург, земли Зундгау, города Мец, Верден и епископство Туль. Территориальные приобретения Франции были не столь внушительные как у Швеции, но перешедшие к французской короне территории были важными в стратегическом плане: они позволяли контролировать подступы к внутренним владениям Империи.

Внутренние перемены были связаны с Бранденбургом, Саксонией и Баварией. Курфюршество Бранденбург получило Восточную Померанию и после кончины администратора из дома Веттинов секуляризованное архиепископство Магдебург. К Саксонии отходили Верхний и Нижний Лаузиц. Эти территории позволяли Веттинам контролировать среднее течение Одера. Присоединение этих земель стало последним крупным приобретением в истории Саксонии: ее территориальный рост на Севере блокировался Гогенцоллернами. Бавария приобрела Верхний Пфальц, а за Максимилианом Баварским закреплялся титул курфюрста. Опальные князья южной и северной Германии восстанавливались в своих правах. Амнистию получали все

подданные императора, когда либо сражавшиеся с оружием в руках против католического престола. Конфессия была отделена от имперского права, и делался шаг на пути секуляризации права и правового сознания.

Вестфальский мир закрепил в Империи равенство между католиками, лютеранами и кальвинистами: было исправлено положение Аугсбургской системы, не позволявшее кальвинистам бороться за свободу вероисповедания. Определялся так называемый «нормальный год»: им был объявлен 1624, все владения, находившиеся в руках католиков и протестантов на 1 января этого года, закреплялись за ними навсегда. Любой имперский чин сохранял право свободного перехода из одной конфессии в другую. Но это не должно было сопровождаться изменением вероисповедания его подданных. Устанавливались гарантии свободы вероисповедания религиозных меньшинств в протестантских и католических землях.

Тридцатилетняя война принесла Германии тяжелейшие разрушения и лишения. Численность населения упала почти вдвое и составила 10 млн человек. Некоторые районы, в том числе Пфальц, Вюртемберг, западная часть Бранденбурга, Мекленбург, Восточная Померания обезлюдели: они потеряли 5/6 населения. Территориальные и людские потери привели к тяжелым экономическим последствиям: была подорвана торговля Ганзейского союза, произошли разрыв торговых связей, упадок сельскохозяйственного производства, сокращение добычи полезных ископаемых. Обрести экономическое благополучие можно было лишь под протекцией шведской короны, но усилились экономические позиции внутриимперских центров, обслуживающих дальние и ближние регионы. Так, Франкфурт-на-Майне и Кельн стали экономическими лидерами.

Вестфальский мир закрепил раздробленность Германии. Князья получили право вести самостоятельную внешнюю политику, заключать договоры с иностранными государствами, объявлять войну, заключать мир, но в статьях договора отмечалось, что их внешнеполитические действия не должны быть направлены против Империи. Современная немецкая историография полагает, что мощного прорыва в росте территориальной государственности тогда не случилось, он произошел на более ранних стадиях развития немецких княжеств, для послевоенной ситуации скорее характерны консервирующие тенденции эволюции власти. Следует заметить, что долгие годы войны, лишения дискредитировали в глазах самых широких масс населения представления о самоценности общинных институтов и органов самоуправления. Возросла роль правительственных институтов: в условиях лихолетья население апеллировало не к имперскому суверену, а к собственным территориальным государям. Произошла широкая общественная консолидация вокруг базовых институтов власти при сохранении традиционной основы в деятельности этих институтов. В целом, после Тридцатилетней войны в Германии выросла социальная дисциплина.

Священная Римская империя германской нации продолжала существовать. Во главе ее стоял император, избираемый коллегией из 8 курфюрстов – крупнейших светских и духовных князей Австрии, Бранденбурга, Баварии, Кельна, Трира, Майнца, Саксонии и Пфальца. Курфюрсты стремились ограничить права императоров, и при избрании на престол каждому новому императору навязывались условия, предоставлявшие преимущества князьям в ущерб Империи. Гегель позже назвал подобную ситуацию «конституционной анархией».

Примеру курфюрстов следовали правители и других немецких государств, часто стремясь к самостоятельности без достаточных к тому оснований. Так, бургграфство Райнек состояло из замка с 12 подданными, а также нескольких дворов и мельниц. Но, по выражению Фридриха II, «даже среди младших членов владетельных домов не было никого, кто не воображал бы себя похожим на Людовика XIV, каждый строил свой Версаль, имел своих метресс, держал свои армии». В Германии было тогда более 300-х государств, а если принимать во внимание духовные и рыцарские владения, то около

1600. Юридически они не обладали таким широким суверенитетом как князья, но по своим правам мало отличались от них.

Главным органом Империи оставался рейхстаг (имперский сейм) – представительство сословий. Он состоял из трех курий: курфюрстов, князей и городов. После 1692 г. курия курфюрстов включала в себя 9 человек, этого титула добился ганноверский герцог. Работа рейхстага была малоэффективной, так как для принятия решения требовалось единогласие всех трех курий и императора. Со второй половины XVII в. не только курфюрсты, но и просто князья лично не участвовали в заседаниях сейма. Усугубляло ситуацию и то, что к числу имперских князей принадлежали иностранные государи – французский и шведский короли.

После Вестфальского мира Священная Римская империя германской нации представляла собой рыхлую и непрочную конфедерацию. В Империи не было общей казны, общего суда, хотя имперская палата продолжала заседать, но она не имела достаточной власти, чтобы приводить в исполнение свои приговоры. Входившие в состав Империи земли были различны по вероисповеданию, имели различные формы правления, в судебном, финансовом отношении абсолютно не зависели друг от друга. Однако необходимо отметить, что тридцать военных лет не прервали развитие национального самосознания, более того они содействовали его росту. Ужасы войны заставляли элиту говорить об интересах всего Отечества, воспринимать Германию как общую для всех родину. После Вестфальского мира в Империи стало преобладать немецкое ядро: Швейцария, Нидерланды, Эльзас покинули ее пределы. Германия и Империя после 1648 г. еще теснее сблизилась в общественном сознании.

Но границы Империи испытывали угрозу со стороны Франции и Швеции. Людовика XIV к концу его жизни официально называли «наследственным врагом Священной Римской империи». Он имел сильную партию среди немецких князей: держал своих представителей в рейхстаге, подкупал посланцев курфюрстов. Под эгидой Франции создавались региональные союзы германских государств.

С 1658 по 1668 г. существовал Рейнский союз: в нем участвовали западногерманские княжества, Гессен-Кассель, Брауншвейг и даже Швеция. После его распада Франция продолжала политику расширенного влияния на немецких князей: она втягивала их подданных в качестве наемников в войны (всего с 1648 по 1721 г. германские государства приняли участие в 10 войнах); французскую армию за определенную плату пропускали через немецкие территории. Людовик XIV создал в пограничных районах «комиссии присоединения», которые изучали исторические документы и если обнаруживали хотя бы видимость прав Франции, то в этот район немедленно вводились королевские войска. Таким образом Франция присоединила к своим владениям Зальм, Саарбрюкен, Лютцелштейн, но главное французское приобретение – Страсбург (1681). Патриотические протесты были, но император бездействовал, а Бранденбург, Саксония и Бавария получили субсидии от Франции. Единственный пример успешного сотрудничества немецких князей – это отпор туркам в 1683 г., когда они оказались у стен Вены. В этой ситуации не растерялся бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм, вошедший в историю как «великий курфюрст». За свое участие в борьбе против турок он потребовал от императора Леопольда I (1657–1705) расширения территории Бранденбурга.

Возвышение Бранденбурга – это не просто следствие слабости Империи, а прежде всего результат усиления авторитета правительственных институтов, показатель изменения взаимоотношений князя и сословий, конфессионализации немецкого общества, стремления ослабить послевоенное разорение путем колонизации и своеобразной геополитической ситуации во владениях Гогенцоллернов. Центром территорий Гогенцоллернов было курфюршество Бранденбург со столицей Берлином, им принадлежали Прусское герцогство с центром в Кенигсберге, Восточная Померания, богатые территории по Рейну (Клеве и Марк: эти земли получил курфюрст Иоганн

Сигизмунд по праву наследования в 1610 г.). Подобное устройство «обрекало» Гогенцоллернов на широкие внешнеполитические планы.

Бранденбургское курфюршество быстрее других оправилось от последствий Тридцатилетней войны. Военные тяготы и опустошения очень сильно затронули владения великого курфюрста. Поэтому Фридрих Вильгельм верно рассудил, что спасти положение может лишь приток новых жителей. Он открыл доступ всем изгнанникам и переселенцам, не требуя проверки, каким образом были получены деньги для покупки имений. В Бранденбург стекались протестанты из Голландии и Франции. Среди них были живописцы, инженеры, скульптуры, ремесленники, торговцы, юристы, медики. Переселенцы основали шерстяные мануфактуры в восточных районах Бранденбурга, завели плантации тутовых деревьев, распространили искусство крашения и тиснения материи, основали свечные фабрики и производство зеркал, содействовали процветанию Франкфуртского университета и основанию университета в Галле. Веротерпимость становится принципом правления Гогенцоллернов, их девизом: «Сначала жить, а затем уже заниматься богословием». Сам Фридрих Вильгельм исповедовал кальвинизм. Еще в 1613 г. курфюрст Иоганн Сигизмунд (1608–1619) перешел в кальвинизм, стремясь заручиться поддержкой Голландии. Все последующие Гогенцоллерны также принадлежали к этой конфессии, но большинство их подданных были лютеранами. Лютеранская церковь была огосударствлена. Ею управляла консистория, в состав которой входили как духовные, так и светские лица. Все члены консистории назначались курфюрстом.

Будучи ловким и хитрым политиком Фридрих Вильгельм умело использовал соперничество Швеции, Польши, Дании и России, борьбу Франции и Голландии с Англией и Испанией. При нем была ликвидирована вассальная зависимость Восточной Пруссии от Польши. Курфюрст стал своеобразным буфером между Швецией и Францией и действовал в интересах последней. Труд его был щедро оплачен, и, отчасти, на иностранные субсидии он сумел создать хорошую армию (ее численность к концу 80-х годов XVII в. достигла 30 тыс. человек).

Политическая система германских государств: княжеский абсолютизм и республики

Возвышение Бранденбурга часто рассматривают в контексте формирования там жесткой модели абсолютизма. Между тем последние исследования в области теории и практики абсолютизма заставляют признать модель растущей княжеской власти, далекой от классической. С одной стороны Фридрих Вильгельм, в отличие от своего отца, в первое десятилетие своего правления регулярно созывал ландтаг и восстановил деятельность Тайного совета. Во всех владениях Гогенцоллернов позиции ландтага были сильными, он вотивировал основной налог «контрибуцию». В годы Тридцатилетней войны армия присягала не только курфюрсту, но и сословиям. Однако вскоре после войны бранденбургское юнкерство выразило недовольство внешнеполитическими амбициями курфюрста.

В 1652 г. Фридрих Вильгельм созвал «большой ландтаг» (он не созывался с 1615 г.) и предложил план введения акцизного сбора с торговли основными товарами, который бы распространялся на все сословия. Представители дворянства выступили резко против, но заявили, что согласны на вотивирование ландтагом традиционных «контрибуций», если курфюрст подтвердит все дворянские привилегии. Но такая политика серьезно ухудшала положение городского населения. Бюргерство требовало уменьшить общий размер сумм

«контрибуций», взимаемых с городов. Курфюрст воспользовался этими настроениями и в 1660 г. заявил о введении акциза без санкции ландтага.

Однако данный акциз распространялся только на города, в деревнях же продолжали взимать старую «контрибуцию». Как следствие, изменился и состав ландтага: ввиду того, что ландтаг продолжал вотировать «контрибуцию», представители городов туда не приглашались. Впоследствии ландтаг продолжал созываться, но его роль уменьшилась.

Параллельно возникали военные и гражданские бюрократические структуры. Так, в 1660 г. появилась должность генерал-кригскомиссара: он занимался снабжением армии, был фактически независим от Тайного совета. Под его началом находились провинциальные комиссариаты со своим штатом акцизных сборщиков. С 1682 г. возникло единое для всей страны Военное казначейство. В гражданской сфере происходило снижение роли Тайного совета. Из него выделились различные специализированные комитеты (финансовый, внешней политики и т. д.), превратившиеся в самостоятельные административные органы. Тайный совет эволюционировал в апелляционный трибунал и с 1724 г. стал называться Государственным советом юстиции. С начала XVIII в. возросла роль секретарей собственной канцелярии монарха. Сословия и в Бранденбурге, и затем в Прусском королевстве от управления окончательно отстранены не были. Но усиление роли военных и гражданских бюрократических структур стало постоянной тенденцией.

Курфюрст Фридрих III (1688–1713) не обладал деловыми качествами и волей Фридриха Вильгельма, но именно он в 1701 г. получил от императора королевскую корону и стал именоваться королем Фридрихом I. Бранденбург превратился в Прусское королевство, не входившее в состав Священной Римской империи и получившее статус независимого европейского государства. Фридрих I продолжал принимать протестантское население из Швейцарии, Пфальца. Именно тогда в Пруссию переселились меннониты.

Следующий прусский король Фридрих Вильгельм I (1713–1740) был практичным, деятельным, трудолюбивым человеком, но не слишком образованным, а временами и грубым. Девиз его правления: «Не рассуждать». Фридрих Вильгельм I очень любил армейскую муштру и получил прозвище «король-сержант». Его вербовщики отовсюду доставляли для службы в армии высокорослых и сильных молодых людей. Они захватывали даже меннонитов, хотя те отказывались служить в армии. Фридрих Вильгельм I смирился с пребыванием меннонитов на его территории лишь бы не терять выплачиваемые ими подати. Одновременно он продолжал принимать переселенцев со всей Германии. Фридрих Вильгельм I издал даже особый «Кодекс прав и обязанностей колонистов», призванный защищать интересы переселенцев.

В 1733 г. в Пруссии произошло законодательное оформление воинской повинности крепостного населения (введение кантонального регламента). Военным учетом была охвачена основная масса мужского населения деревни. Но от военной службы освобождались иммигранты-колонисты и их потомки. Кантональный регламент предусматривал, что после срочной службы, крестьянин оставался приписанным к определенному кантону и ежегодно проходил военные сборы. Кантонисты составляли две трети армии Фридриха Вильгельма I, остальная часть приходилась на наемные контингенты. Общая численность прусской армии к 1740 г. достигла 80 тыс. человек, что равнялось 3,7 % общей численности населения (численность населения Прусского королевства достигала тогда примерно 2 млн человек). Престиж военной службы очень вырос. Офицерская карьера давала хорошие возможности для устройства младших сыновей из дворянских фамилий. Дворянство понимало все выгоды от содержания большой постоянной армии, хотя было обязано подчиняться жесткой государственной дисциплине. Все социальные привилегии помещиков остались неприкосновенными, политические сократились, но полностью не исчезли.

В других германских государствах абсолютизм нашел еще более скромное воплощение, чем в Пруско-Бранденбургском государстве. В державе Габсбургов государственный

строй характеризовался причудливым сочетанием бюрократического управления и активности сословно-представительных органов. Обозначать такую систему власти как абсолютистскую можно с довольно большой долей условности.

В состав державы Габсбургов входили разные государственные образования, объединенные личной унией. Австрийские герцогства являлись их наследственными владениями, в Чехии они стали наследственными монархами после подавления восстания 1627 г., венгерская корона была избираемой до 1687 г. Габсбурги занимали трон императоров Священной Римской империи германской нации, но реально усилить власть императора в связи с условиями Вестфальского мира они не могли. Однако императорский сан давал высокий международный престиж, а также определенные возможности для получения финансовой и военной помощи.

Австрийские и некоторые чешские земли имели влиятельные сословно-представительные органы, собиравшиеся практически ежегодно. В этих собраниях доминировало дворянство. В XVII в. шел процесс утраты ими некоторых старинных прерогатив. Так, они уже не могли притязать на монополию в сфере законодательства. Чешские сеймы вообще утратили право законодательной инициативы, австрийские ландтаги еще сохраняли это право, но их постановления все чаще заменялись патентами и мандатами императора. Но сословно-представительные органы сохранили за собой две важнейшие прерогативы: право вотирования налогов и право набора воинских контингентов. Эти права были взаимосвязаны: собранные налоги шли на содержание войск, и исполнялись местными дворянами. Сословные собрания вотировали прямой налог («контрибуцию»), косвенные налоги (акцизы) и чрезвычайные прямые сборы, например, «турецкие деньги». Их согласие требовалось и для введения новых налогов, и они будут активно противостоять налогам, ущемлявших их сословные привилегии.

Во второй половине XVII в. системе сословных органов противостоял уже разветвленный бюрократический аппарат, включавший в себя различные советы и канцелярии. Прежде единственным органом, руководившим общей политикой, был Тайный совет, но со второй половины XVII в. выделилась Тайная конференция, которая вскоре разделилась на комиссии. Центральным органом финансового управления являлась гофкамера. Иногда она вторгалась в компетенцию сословных собраний, например чешский акциз с напитков утверждался сеймом, но собирался чиновниками гофкамеры. Придворный военный совет (гофкригсрат) управлял армией, но ему подчинялись только императорские войска, сеймовые контингенты подчинялись офицерам, назначенным сословиями. Однако к концу XVII в. значение сеймовых контингентов стало падать, а имперская армия составляла в 1703 г. 129 тыс. солдат.

Центральный бюрократический аппарат габсбургской монархии состоял также из государственных канцелярий: для каждой из частей державы – своя канцелярия: рейхсканцелярия для Священной Римской империи, гофканцелярия – для австрийских земель, соответственно, чешская и венгерская канцелярии. Эти канцелярии занимались самыми разнообразными вопросами и обладали многочисленным штатом исполнителей. Появление подобных органов является симптомом усиления бюрократизации управления.

Особую роль в системе управления играла придворная аристократия, которая была настроена космополитически, что являлось важным, учитывая многонациональный характер державы Габсбургов. К середине XVII в. немецкая и обновленная чешская аристократия представляли собой единый социальный слой. Как расширение прерогативы монарха следует оценивать формирование императором некоторых органов местного управления (центральные административно-судебные советы, чешское наместничество и т. д.).

В целом, габсбургская монархия не могла управлять без сословных собраний: неоднократно предпринимаемые ею попытки взимания новых налогов наталкивались на постоянное их противодействие, не удалось также в большинстве частей державы активно

внедрять акцизные сборы. Абсолютистские тенденции, безусловно, наблюдались в монархии Габсбургов, но не доминировали.

Видную роль в XVII в. играла Саксония. Она опережала все другие княжества по экономическому развитию. Ее население было на 0,5 млн человек больше, чем в Бранденбурге, который превосходил ее по территории. Крупным торговым и культурным центром являлся Лейпциг. В 1657 г. здесь начала выходить первая в Германии газета. Уроженцами Саксонии были Лейбниц, Пуфендорф, Томазий, Геллерт, Клопшток, Лессинг. Дрезден – образцовый пример стиля барокко (дворцовый ансамбль Цвингер). Наибольшее значение это государство обрело при короле Августе II Сильном (1694–1733), который являлся также и польским королем. Но в Саксонии монарх не занимал приоритетные позиции: здесь продолжал существовать ландтаг, сохранивший за собой, вплоть до XIX в., право вотировать налоги.

Очень специфический абсолютизм существовал в духовных княжествах: монарх в них выбирался. Главами духовных княжеств были, как правило, отпрыски дворянских родов, правивших светскими княжествами, поэтому определенные абсолютистские тенденции, присущие светским княжествам, ими также воспринимались. Наиболее выпукло эти тенденции проявлялись в Майнце, чей глава был председателем коллегии курфюрстов.

Сохранялись и немецкие государства, которых абсолютистские тенденции не затрагивали вовсе. Сословия сохранили самостоятельность в Мекленбурге: здесь сложилась дворянская республика, республиканский строй характерен для ганзейских городов.

Очень конфликтной была политическая ситуация в герцогстве Вюртемберг. Здесь почти отсутствовала родовая знать. Социальную и политическую элиту составлял патрициат. На протяжении второй половины XVII – первой половины XVIII в. сохранялось противостояние герцогской власти и сословий. Обширное строительство и попытки увеличения численности армии требовали введения новых налогов и поставили вопрос о реорганизации всей системы государственного управления. Заявление сословий о необходимости соблюдать сложившийся политический порядок зачастую скрывали корыстные интересы и боязнь депутатов, что любые нововведения могут ослабить их влияния.

Нежелание герцога Эберхарда III идти на конфликт с сословиями и отказ последних от любых преобразований привели к тому, что верховная власть в Вюртемберге утратила свою централизаторскую энергию, а правительство все чаще стремилось разделить политическую ответственность с сословиями. Но и в этих условиях государственные учреждения герцогства претерпевали серьезные изменения. Так, монопольное положение в ландтаге городских магистратов, означало закрепление за патрициатом статуса привилегированного социального слоя. Расширение полномочий Тайного совета способствовало развитию системы фамильных связей в среде высшего чиновничества. Но сословия по-прежнему обладали значительной властью. Местное право закрепляло за ними важные права и обеспечивало им широкое участие в управлении. Сословия пользовались и поддержкой имперского законодательства.

Разнообразное политическое устройство германских государств и их взаимодействие с Империей позволяют довольно условно говорить о формировании целостной системы княжеского абсолютизма в Германии.

Просветительские движения в германских государствах

Немецкое Просвещение, будучи, безусловно, светским феноменом, своими корнями уходит в Реформацию. Иногда его даже называют «светской теологией». В большинстве регионов Просветительские движения имели ярко выраженную протестантскую окраску, но возникло и позднее католическое Просвещение, которое главным образом было сконцентрировано на проблемах образования и воспитания.

В распространении просветительских идей большую роль играли университеты, только в границах Священной Римской империи было 37 университетов, в том числе в Саксонии – 3 университета. Просветительское движение проявляло себя довольно разнообразно, поскольку степень допустимой свободы была в германских государствах неодинаковой, но движение в целом имело немало общих черт. Часто инициаторами обсуждения новых идей становились правители. Прославляя себя меценатством, они способствовали развитию культурной жизни. В сфере философской мысли и культуры воззрения немецких просветителей часто намного опережали свое время.

Первые просветители появились в Германии в конце XVII в. Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), Самуэль Пуфендорф (1632–1694), Кристиан Томазий (1655–1728), Христиан Вольф (1679–1754) обладали блестящей ученостью, разнообразными талантами: являлись одновременно и математиками, и историками, и теологами, и политиками. В философском плане все они были рационалистами в духе Декарта, с благоговением относились к теории естественного права, принципам общего блага. Свои труды они писали как по-латыни, так и по-немецки. Лейбниц – первый немецкий ученый, который писал по-немецки, а Томазий начал читать лекции на немецком языке, отказавшись от академической латыни. Этот поступок обернулся для него отстранением от преподавания в Лейпцигском университете.

Ранним немецким просветителям еще были присущи все противоречия тогдашних натурфилософов: они хотели примирить веру и разум, Империю и самостоятельность ее отдельных частей, абсолютизм и принципы теории естественного права. Пуфендорф, Вольф и Томазий настаивали на веротерпимости, однако это не помешало последнему сблизиться с представителями пиетизма.

Пиетизм возник как протест против догматизма лютеранской церкви. Основатели пиетизма Якоб Шпенер (1635–1705) и Август Герман Франке (1663–1727) призывали воскресить принципы раннего христианства. Целью пиетистов было воспитание трудолюбия и благочестия. Так, Франке создал сеть учебно-воспитательных заведений для детей-сирот, где они получали образование и ремесленные специальности.

Распространение идей Просвещения способствовало появлению первых периодических изданий на немецком языке. В 1688 г. такой журнал под названием «Немецкие месяцы» начал издавать Томазий. Большой популярностью пользовался лейпцигский и гамбургский еженедельник «Патриот», его девиз – «молись и работай». Нравоучительная тематика, идеи разума и общей пользы преобладали на страницах журналов «Разумник», «Веселая молва», «Вольнодумец».

Но в полной мере Просвещение стало общественным движением благодаря профессору университетов Галле и Марбурга Христиану Вольфу. «Учитель всех немцев», – так писал о нем Гегель. Своим учителем Вольфа считал и М.В. Ломоносов, который был среди его учеников в Марбургском университете. Вольф впервые в Германии создал систему, которая охватывала все области философского знания. В его представлении духовная жизнь заключается в мыслях, а мышление в системе понятий и есть разум. Он ввел в

немецкий язык довольно много философских понятий (сознание, представление, связь, наука). Публичные лекции Вольфа о свободе воли и философии Лейбница, а также открыто проявленная им веротерпимость стали причиной доноса, а затем последовало изгнание из Галле, куда он вернулся только после восшествия на престол Фридриха II.

Именно в 40-60-е годы XVIII в. немецкое Просвещение приобретает характер широкого литературно-публицистического течения. Общественное мнение и свободное время стали его импульсами.

Потребность в знаниях и стремление к гармонии привело к распространению в Германии различных прогулок (променадов), в рамках которых люди не только развивали себя физически (медицинские аспекты Просвещения), любовались красотами природы, но очень часто на такую прогулку отравлялись с книгой в руках. Это было модно и абсолютно в духе принципов Просвещения.

В 70-90-е годы Просвещение становится реформаторским движением за достижение идеалов гармонии и общественного блага. Параллельно продолжается и развитие спекулятивной мысли и литературной публицистики. Среди реформаторов, наибольшую известность обрели прусский король Фридрих II и австрийский король Иосиф II, среди философов пальма первенства принадлежала Гердеру и Канту, а Лессинг, Николай возбуждали умы литературных салонов.

Большую роль в критике религии и церковной ортодоксии сыграл выдающийся драматург, а в конце жизни библиотекарь герцога Брауншвейгского в Вольфенбюттеле Готхольд Эфраим Лессинг (1729–1781). Век Просвещения – это век критики. Лессинг стяжал славу первого критика уже в своем раннем произведении «Литературные письма» (1756–1765). Последней работой просветителя стало «Воспитание рода человеческого». В ней Лессинг полагал, что прогресс совершается не в индивиде, а в человеческом роде, который проходит путь от низших ступеней к высшим. По его мнению, все религии – это продукты определенных исторических эпох, поэтому они одновременно и истинны и ложны (в том смысле ложны, что на высшей стадии развития эпохи они перестают соответствовать уровню духовного развития). Лессинг настаивал на критической истории религии и не был склонен к примирению науки и веры. Очень ярко эта тема звучала в пьесе «Натан Мудрый» (1779), в которой Лессинг выступал против религиозной розни трех великих религий – христианской, мусульманской и иудейской и подразумевал также возможность достижения равенства и братства народов. Имя Лессинга неразрывно связано с именем Германа Самуила Реймаруса (1694–1768), который написал много различных произведений, направленных против христианства. Лессинг опубликовал эти «Вольфенбюттельские анонимные фрагменты». Последовали жесткие протесты правоверных лютеран во главе с пастором Геце. Лессинг ответил на них серией статей «Анти-Геце». По его мнению, сущность христианства составляли нравственные начала. Лессинга уже сложно полностью вписать в каноны рационализма и индивидуализма Просвещения, т. е. по сути он в чем-то даже предвосхитил Канта. В политическом плане Лессинг идеализировал платоновское государство, во главе которого стоят философы.

Иммануил Кант (1724–1804) – великий философ, профессор университета Кенигсберга, в духе эпохи восхвалял человеческий разум, но настаивал на его самостоятельности и призывал к «публичному пользованию своим разумом» ибо только таким образом люди достигнут истинного просвещения. Он полагал, что только в обществе, «где существует свобода может быть достигнута высшая цель природы – развитие задатков, заложенных в человеке». «Критику чистого разума» (1781), «Критику практического разума» (1788), «Критику способности суждения» (1790) Канта следует воспринимать не только в контексте общего торжества критики в век Просвещения. Эти работы являются сильным аргументом в пользу существования и серьезного влияния на прогресс человеческого рода нравственных начал. Кант, полагая, что история развивается по плану природы, утверждал, что наиболее полного развития человек достигает не в индивиде, а в

человеческом роде. Критерием этого развития он считал разум, но движущей силой называл страсти, которые постоянно охватывают и терзают людей. Также, как и у Лессинга, мы видим сочетание разума и морали, только на уровне более высокого философского осмысления.

Похожая двойственность проявлялась и в социально-политической концепции Канта. Он был сторонником принципов республиканского правления, но понимал под республикой такое государство, в котором гарантирована свобода его граждан. Наилучшим образом, по его мнению, эти принципы могут быть осуществлены в государстве, во главе которого стоит монарх-философ. Кант провозглашал суверенное право народа на власть, но не считал возможным всем предоставить избирательные права. Более того народ-суверен должен передать права монарху и не может оказывать ему неповиновение. С другой стороны, Кант писал: «Величайшая проблема человеческого рода – достижение всеобщего правового гражданского общества», где царит свобода. Таким образом, максимальная свобода и непреодолимое принуждение и есть по Канту справедливое устройство.

Обозначенная двойственность найдет еще более яркое воплощение в творчестве ученика Канта Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803). Гердер – сын причетника лютеранской церкви – был не только пастором и помощником ректора церковной школы в Риге, но и придворным проповедником, главой духовного ведомства в Веймаре. В своем основном труде «Идеи к философии истории человечества» он предпринял попытку осмыслить весь процесс развития человечества на фоне предшествовавшего ему развития Вселенной. Гердер свято верил в прогресс и в согласии с Кантом рассматривал развитие истории человечества согласно плану природы, но уже начал выделять историю человеческого общества из этого плана. В отличие от рационалистов он сводил прогресс к распространению гуманности. Вся история – это путь к гуманности. Эта цель заложена в самой сущности человека. Достигается она путем развития свойств человека, путем развития духа.

Гердер отрицательно относился к государству, но верил в нацию. Он определял ее как общность, которая сложилась благодаря родственным связям, истории, социальной солидарности и культурной общности. Нация, по его мнению, формируется под влиянием климата, географии, общения с соседями. Признавая самоценность каждой нации, Гердер стоял у истоков описания немецкого национального характера. Идеи Гердера о гуманности и национальном духе во многом уже находятся за рамками важнейших принципов Просвещения, таких как космополитизм, рационализм, неизменность природы человека. Они принадлежат духовной культуре романтизма.

Немецкие просветители в своем большинстве разделяли идеи религиозной толерантности, теории естественного права и общественного договора, философию рационализма и идеи о неизменности природы человека, призывали к индивидуальному совершенствованию и верили в силу просвещения разума. Просветители в Германии – это люди умственной культуры: университетские профессора, писатели, издатели, теологи, чиновники, врачи. Феномен Просвещения трудно вписать в жесткие рамки, поскольку наиболее великие мыслители предвосхищали духовные тенденции, которые будут еще долгое время волновать человечество. Но умозрительность, высокую интеллектуальность в осмыслении принципов Просвещения, слабую заинтересованность в их практическом воплощении, идеализацию монарха-философа, видимо, можно считать особенностями немецкого варианта этого феномена. К просветителям причисляют главу геттингенской исторической школы Августа Людвиг Шлецера (1735–1809), радикального реформатора Георга Фостера (1733–1819), основателя ордена иллюминатов Адама Вейсхаупта. Подобная множественность, с одной стороны, подчеркивает емкость этого феномена, а с другой стороны, убеждает, что любые реформаторские интенции той эпохи осмысливались в просветительском ключе.

Реформы просвещенного абсолютизма в Пруссии и Австрии и в других немецких государствах

В 50-80-е годы XVIII в. почти вся Европа была охвачена движением за реформы. Как уже отмечалась, в немецких государствах царили идеологические концепции Просвещения, которые были востребованы политикой просвещенного абсолютизма. Австрийский вариант просвещенного абсолютизма – йозефинизм – отличается безоговорочным приоритетом практики над теорией.

Начало реформ просвещенного абсолютизма в Пруссии относится к 1740 г., когда на престол вступил Фридрих II (1740–1786), вошедший в историю под именем Великого, философ, литератор, оставивший после себя 30-томное литературное наследие. Как отмечал Н.И. Кареев, Фридрих рос под влиянием французской образованности и прусского милитаризма. Любовь к французской философии и литературе в какой-то момент настолько овладела юным принцем, что в 1730 г. он попытался бежать из Пруссии в Англию. Попытка закончилась неудачей, его чуть не отстранили от наследования престола, сослали в крепость Кюстрин, где Фридрих на собственном опыте познакомился с жесткостью прусской бюрократической машины.

Первые реформы Фридриха II вызвали в Европе сенсацию. Казалось, что в Пруссии началась новая эпоха: было объявлено о восстановлении Академии наук, отменялась цензура, устанавливалась веротерпимость. Но в королевстве сохранился культ армии, которая занимала третье место по численности в Европе, и на нее расходовалось от 70 до 80 % бюджета страны. Фридрих Великий вел две войны: за австрийское наследство (1740–1748) и Семилетнюю (1756–1763). Он сам был первоклассным полководцем. В плане приращения территории королевства особенно удачной была первая война, в результате которой Пруссия обрела Силезию.

Но там, где не затрагивалось существо Старого порядка, Фридрих Великий охотно вступал на путь, указанный философами XVIII в. В области экономики он продолжал проводить меркантилистскую политику: ввозимая готовая продукция облагалась высокими таможенными пошлинами, а после Семилетней войны был запрещен импорт около 500 наименований товаров. О свободе предпринимательства говорить не приходится: продолжалась мелочная опека мануфактур, общепрусский рынок создан не был.

Социальную политику реформы просвещенного абсолютизма также затронули не сильно: укрепилось положение дворян, разночинные элементы практически не имели шансов на получение офицерских и престижных чиновничьих должностей. Но были предприняты некоторые попытки улучшить положение крестьян – держателей коронных земель: в 1777 г. им были гарантированы права собственности и наследования. Но крепостных крестьян при Фридрихе Великом продолжали наказывать палками. В области судопроизводства были отменены пытки и установлена независимость судей от администрации. Фридрих II полагал, что в государственной системе все должно быть взаимосвязано как в философской системе. Он предпринял составление общего кодекса, который являлся открытой декларацией прав государя и государства. Государь – единственный представитель государства, ему принадлежат все права. «Философ на троне» в соответствии с идеалами Просвещения в 1763 г. издал указ о сельских школах, но на деле он тоже был скорее декларацией, поскольку денег на них не было, и преподавали там – инвалиды войн. В целом реформы, импульсом которых стали просветительские идеи, способствовали процессу модернизации, но не разрушили, а скорее укрепили Старый порядок в Пруссии.

Затронуты были реформами просвещенного абсолютизма Бавария и Саксония. Принципы Просвещения стали востребованными в Баварии после неудачной Войны за австрийское наследство, а в Саксонии – после Семилетней войны. В Саксонии была введена свобода торговли, отменены монополии, проведена перепись населения, упорядочена деятельность администрации, обновлены школы и академии. В Баварии заинтересованность реформами выказывал курфюрст Максимилиан III. Были проведены финансовая реформа, перепись населения, разработаны и приняты гражданский и уголовный кодексы, создана Баварская Академия наук, но принципы естественного права нигде в полной мере осуществить не удалось.

Многие германские правители, отдавая дань модным веяниям, становились покровителями сельского хозяйства, ремесел, торговли, образования. Просветительские реформы начались в 40-е годы и в державе Габсбургов. Здесь они отличались особым размахом и последовательностью.

Война за австрийское наследство обернулась для Габсбургов не только потерей Силезии: она выявила плачевное состояние Австрии. Королева Мария Терезия (1740–1780) с энергией взялась за восстановление международного престижа страны. Она была настроена решительно, заявляя, что отдаст последнюю юбку, но вернет Силезию. Добиться этого так и не удалось, но Мария Терезия начала целую серию важных внутренних реформ. Страна была разделена на 37 военных округов и на основе списков населения была введена пожизненная служба в армии. В рамках финансовых преобразований устанавливался всеобщий подоходный налог, вводился подушный налог, размер которого определялся в зависимости от размеров имущества. Предпринимались усилия для упорядочения денежного обращения, а в 1760 г. впервые были напечатаны бумажные деньги. Реформа государственного аппарата усиливала централизацию и упорядочивала системы учета и контроля. Произошло отделение юстиции от администрации и политических дел, учреждался высший орган правосудия. Мария Терезия проводила протекционистскую политику: она поддерживала мануфактурное производство и разрушала цехи, запретив в 1755 г. создавать новые цехи и разрешив выход из них.

Просветительские тенденции переплетались со стремлением не допустить свободомыслия в духовной жизни. В 1752–1757 гг. из Верхней Австрии были изгнаны протестанты. Одновременно королева усилила давление и на католическую церковь, введя предварительную цензуру на папские указы и отгнав иезуитов от руководства университетами, что позволило прийти туда ученикам Лейбница и Вольфа. Официально протестанты были допущены в университеты в 1778 г. Но реформа университетского образования предусматривала также назначение монархом профессоров, а вместо избираемого декана – директора как контролера. Никак не была ограничена цензура и в области печати. Среди запрещенных книг в 1750 г. значилось и произведение Монтескье «О духе законов». Но по мере ослабления влияния иезуитов все меньше запретов оставалось в области печати.

В 1764 г. последние иезуиты были изгнаны из Австрии. Официально Папа распустил этот орден в 1773 г., тогда же он был запрещен и в Австрии. В 1774 г. был принят закон о школьной реформе: в городах и селах открывались начальные школы, которые финансировались государством.

В августе 1765 г. после смерти Франца Стефана Лотарингского, мужа королевы Марии Терезии, трон императора Священной Римской империи германской нации перешел к их сыну Иосифу. Мария Терезия признала его и как соправителя габсбургских владений, но правила единовластно. В 60-70-е годы продолжалась политика меркантилизма: крестьянам разрешили торговать изделиями своего труда. В 1771–1778 гг. произошло сокращение барщины до трех дней в неделю, крепостные обрели право выкупать свой надел в наследственное владение. Было ограничено право помещиков творить суд над

крестьянами и отменены их пытки. Несмотря на такие прогрессивные преобразования популярность Марии Терезии была подорвана высокими таможенными пошлинами на ввоз спиртных напитков. Когда в 1780 г. королева умерла, население активно уклонялось от участия в траурной процессии.

Император Священной Римской империи германской нации Иосиф II занимал австрийский престол с 1780 по 1790 г. В историю этот период вошел как «бешеное десятилетие», а сам монарх – как «революционер на троне». Иосиф II с большим пиететом относился к французским просветителям, он проникся идеями физиократов, хотя и от принципов меркантилизма также не отказывался.

Объективно реформы Иосифа II усиливали роль государства, но для короля это не было самоцелью. Он полагал, что только с помощью сильного государства может быть проложен путь к идеалам Просвещения. В первую очередь король стремился освободить церковь от папства и усилить роль государства в церковных делах. Эта политика привела в итоге к утверждению в Австрии йозефинизма. 13 октября 1781 г. был принят патент о веротерпимости, который отменял различия в гражданских и политических правах между католиками и не католиками. Но права других церквей не приравнивались к католической: лютеранам, кальвинистам, православным разрешалось открывать церкви только там, где их было больше 100 человек: их церкви должны быть без колоколов и без входа с улицы. В отношении сект Иосиф проявлял строгость. Некоторые права были предоставлены евреям: им разрешили заниматься ремеслом и поступать в университеты.

Король стремился освободить католическую церковь от внешних влияний. Все монахи подлежали надзору австрийских епископов, права монастырей были ограничены, запрещен постриг лицам, не достигшим 24 лет, а также тем, кто не имел свидетельства об окончании нормальной школы. Указ от 12 января 1782 г. положил начало секуляризации монастырей, в которых монахи не занимались полезным трудом. На основании этого указа в Австрии было ликвидировано около 400 монастырей, казна получила недвижимость и наличные деньги. Этот указ – проявление компромисса, который в итоге был скорее выгоден государству.

Идеалом для Иосифа II являлось французское унитарное государство, и он стремился превратить габсбургскую монархию в централизованное государство с единой нацией, поэтому хотел уничтожить все остатки сепаратизма не только в собственно австрийских землях, но и в Чехии, и даже в Венгрии. Он отказался признавать Чехию и Венгрию отдельными королевствами, приказал доставить их короны в Вену, где Иосиф и короновался. За годы его правления государственное собрание Венгрии не созывалось ни разу. В 1782 г. в Австрии были упразднены 12 земель и вместо них создано 6 земель, в 1785 г. вся Венгрия была поделена на 10 округов с королевскими комиссарами во главе, такая же реформа осуществлена в австрийских Нидерландах (Бельгии). С 1 октября 1788 г. запрещался созыв сословных ландтагов, исключение допускалась только в случае получения специального разрешения.

Вершиной настойчивой централизаторской политики Иосифа II являлся декрет от 18 мая 1784 г., который обязывал вести все делопроизводство на немецком языке, а все чиновники должны были до 1 ноября этого же года научиться языку. С 1787 г. немецкий стал языком преподавания в средней и высшей школах, хотя сам Иосиф II предпочитал для общения и чтения французский язык. В интересах централизации было реформировано высшее государственное управление. Число членов Государственного совета уменьшилось до четырех, укреплялась полиция, вырос бюджет тайной полиции, хорошо оплачивалась тайная агентура. В 1789 г. было создано министерство полиции, которое стало полностью бесконтрольным.

Как просвещенный правитель Иосиф II постарался смягчить цензуру, был пересмотрен каталог запрещенных книг: если при Марии Терезии в нем было 4476 названий, то в новом – всего 900, в том числе некоторые произведения Юма, Вольтера, Гете, Клопштока,

Мирабо, Лессинга. Запрещалась порнографическая литература, книги, содержащие различные предрассудки, колдовство, а также атеистическая литература. В 1786 г. было разрешено печатание книг без предварительной цензуры и тогда же исключено из каталога запрещенных книг произведение Гете «Страдание юного Вертера».

Просветительская политика распространялась в основном на начальную и среднюю школу. Иосиф II ввел обязательное семилетнее образование. Если кто-то из подданных отказывался посылать своих детей в школы, то был вынужден платить двойной налог на образование. Все школы были государственными, частные и общественные учебные заведения закрывались. К концу правления Иосифа II школы посещало 208588 детей из 730000, больше, чем в любом другом государстве того времени. В школах запрещалось применять розги. К высшим учебным заведениям Иосиф II относился с опаской, а интеллигенции не доверял. Король полагал что университеты – это учебные заведения для подготовки чиновников, а не научные центры. Поэтому были закрыты все университеты за исключением двух – Венского и Пражского, остальные – превращены в лицеи.

В духе Просвещения Иосиф II упорядочил правовое состояние государства: 1 ноября 1786 г. был одобрен первый том Гражданского кодекса, а 13 января 1787 г. – Уголовный кодекс. В кодексах не предусматривалось использование пытки, смертная казнь заменялась пожизненной каторгой, а брак рассматривался как договор между двумя сторонами, церковь выступила против этого тезиса, но он был зафиксирован.

В социально-экономической области яркая страница правления Иосифа – отмена крепостного права. 1 ноября 1781 г. отменялась крепостная зависимость крестьян в Чехии, Силезии, Галиции, позже его действие распространялось на Штирию, Каринтию, Крайну, Венгрию, Трансильванию. Закон объявлял крестьян подданными монархии, что означало выход их из подчинения дворянству. Дворяне проявили недовольство, особенно в Трансильвании, где в 1784 г. вспыхнуло восстание, но потерпело поражение. В 1789 г. барщина была заменена денежной компенсацией землевладельцу. Крестьяне стали свободным сословием: они могли уходить в город, заниматься ремеслом, заключать сделки, вступать в брак. Однако выкуп земли осуществлялся только по договоренности с помещиком. Эти реформы серьезно затрагивали интересы дворянства, но высшие сановники не пострадали.

Просвещенная политика Иосифа в области образования, церкви имела огромное значение для истории всей Европы. Объективно его реформы вдохнули новые силы в государственные структуры габсбургской монархии, но после смерти «революционера на троне» плавно сошли на нет.

В целом, политика просвещенного абсолютизма в Австрии, Пруссии и других германских государствах дала серьезный толчок социально-экономическому, политическому и культурному развитию. Однако ее результаты оказались недостаточно масштабны, чтобы предотвратить угрозу государственному суверенитету в период наполеоновских войн.

Германия в тени Наполеона: катастрофы и реформы

Для Германии эпоха революционных и наполеоновских войн стала периодом трагических событий, связанных с вооруженной агрессией, огромными человеческими потерями, самыми разнообразными лишениями и тяготами и, одновременно, – временем национального подъема, пробуждения стремлений к германскому единству.

С момента начала Французской революции вести о ней взволновали всю Германию. События в Париже приветствовали Гердер, Виланд, Клопшток, Шиллер, Кант, Фихте.

После свержения монархии и казни Людовика XVI наступило разочарование, хотя немало немецких общественных деятелей по-прежнему выступали в поддержку революционных идей.

22 августа 1791 г. монархи Пруссии и Австрии Фридрих Вильгельм II и Леопольд II подписали Пильницкую декларацию, направленную против революционной Франции. В апреле 1792 г. Франция объявила войну Австрии, вскоре в нее на стороне австрийцев вступила Пруссия. 20 сентября 1792 г. прусская армия потерпела поражения у Вальми. Гете говорил, что на этом месте, в этот день начинается новая эра во всемирной истории.

На левом берегу Рейна продолжалась революционная агитация. Комиссары Конвента писали, что, перейдя границу, они не замечали, что вступили в чужой край. Французский маршал Кюстин удивлялся той легкости, с какой в короткое время он занял Шпейер, Вормс, Майнц. Города сдавались без сопротивления. 18 марта 1793 г. в Майнце была провозглашена первая демократическая республика на немецкой почве – Майнская коммуна. Ее руководителями стали Андреас Гофман и Георг Фостер. Революционные правительства возникли также в Вормсе, Шпейере.

Тем временем внутри анти-французской коалиции нарастали противоречия. Пруссия приняла участие в новых разделах Польши (1793, 1795) и всецело сосредоточилась на своих восточных интересах. Война с революционной Францией завершилась для Пруссии подписанием сепаратного Базельского мира (1795), по которому немецкие земли по левому берегу Рейна остались за Францией. С этого момента началось разрушение Священной Римской империи германской нации. В 1797 г. в Раштатте прошли переговоры по поводу вознаграждений немецких князей за эту уступку. Жертвами алчности немецких государей стали духовные князья, мелкие светские правители и имперские города. После подписания Базельского мира Пруссия в течение 11 лет не присоединялась к анти-французским коалициям.

После разгрома Второй анти-французской коалиции был подписан Люневильский мир, подтвердивший переход левого берега Рейна к Франции. Вскоре в Германии началась ликвидация независимости многих духовных и светских княжеств, имперских городов. Этот процесс получил название медиатизации (1803–1804). В ходе его было уничтожено около 200 мелких немецких государств, территории которых передавались Пруссии, Австрии, Бадену, Вюртембергу, Баварии. Сохранились всего 3 духовных княжества и 6 имперских городов: Аугсбург, Нюрнберг, Франкфурт на Майне, Гамбург, Бремен, Любек. В рамках процесса медиатизации в лице крупных немецких государств Наполеон создал силу, которая могла бы служить противовесом Австрии и Пруссии. Его надежными союзниками стали Баден, Бавария, Вюртемберг.

После разгрома русско-австрийских войск при Аустерлице Наполеон создал группировку лояльных немецких государств – Рейнский союз. Первоначально этих государств было шестнадцать, затем присоединилось еще пять, позже еще двадцать. Номинальным главой союза (князем-примасом) был объявлен архиепископ Регенсбурга Дальберг. Фактически Рейнский союз являлся конфедерацией под протекторатом Наполеона. Наиболее крупными государствами Рейнского союза стали Бавария, Вюртемберг, Баден, Саксония, Вестфальское королевство (два последних государства присоединились к союзу немного позже). На территории Рейнского союза действовал Гражданский кодекс Наполеона, государства входившие в него, обязаны были поставлять солдат в армию Наполеона. В большей части государств союза и особенно в тех, которые Наполеон создавал для своей родни (Великое герцогство Бергское (1805), Вестфальское королевство (1806)), произошло освобождение крестьян от крепостной зависимости.

После создания Рейнского союза 6 августа 1806 г. прекратила свое существование Священная Римская империя германской нации. Австрийские Габсбурги, ожидая упразднения Империи, сохранили для себя имперский титул. В 1804 г. император Священной Римской империи германской нации Франц II был провозглашен австрийским

императором Францем I, от титула германского императора он официально отказался в 1806 г.

Пруссия была очень раздражена созданием Рейнского союза: юнкерство опасалось за свои привилегии, прусское правительство выражало недовольство протекционистской политикой Франции, наносившей ущерб прусской промышленности и торговле, а также усилением французских позиций в немецких землях. Осенью 1806 г. Пруссия вступила в войну. Но кампания оказалась короткой и бесславной. 14 октября 1806 г. Пруссия потерпела катастрофическое поражение под Йеной и Ауэрштедтом, а через две недели французская армия заняла Берлин. Военно-административная система Фридриха Великого оказалась нежизнеспособной. Условия Тильзитского мира (1807) поставили страну на грань национальной катастрофы: было потеряно 46 % населения страны и 49 % территории, Пруссию обязали выплатить контрибуцию (140 млн франков), численность ее армии ограничивалась 42 тыс. человек.

Короля Пруссии Фридриха Вильгельма III (1797–1840) было нелегко убедить в необходимости возобновления реформ. Но он осознал, что только самые решительные преобразования смогут помочь ему выйти из состояния наполеоновского слуги, сидящего на престоле благодаря милости всемогущего императора. Эти перемены в немецкой историографии рассматривают как вариант «оборонительной модернизации» и их часто называют «реформами бюрократического либерализма». Реформаторами были прусские правительственные чиновники, поскольку образованного и развитого третьего сословия в стране не существовало. Все активные силы общества находили себе убежище в рядах администрации. Самыми заметными фигурами среди чиновников-реформаторов являлись Карл фон Штейн (1757–1831), который в 1807 г. стал канцлером, и Карл Август фон Гарденберг (1750–1822), сменивший его на этом посту в 1808 г. после вынужденной отставки.

Главной целью реформ стало усовершенствование государственного аппарата, без чего были невозможны дальнейшие преобразования. Вместо территориальной системы управления была введена реальная: в отдельных провинциях ликвидировались должности министров и вводилась единая для Пруссии коллегия пяти министров. Среди них – военный министр, внутренних дел, иностранных дел, юстиции финансов. Изменения коснулись местных органов власти: были созданы органы самоуправления в городах. В провинциальных палатах Штейн разделил административные и судебные функции и даже намеревался ввести в них выборных от населения.

Важнейшей реформой Штейна стала отмена крепостного права 9 октября 1807 г. Эдикт отменял личную зависимость крестьян, но право собственности на землю не предоставлял, вопрос выкупа крестьянских повинностей также урегулирован не был. В 1810 г. министерство Гарденберга разработало эдикт о регулировании выкупа земли. Разные категории крестьян могли превратиться в собственников, уступив помещикам от трети до половины своих наделов. Но из-за недовольства юнкерства эдикт практически не применялся. Была опубликована инструкция по упразднению крестьянской общины. На ее основе произошел раздел общинных угодий и передел пахотной земли. Объективно все эти меры расшатали мелкое крестьянское землевладение.

«Октябрьский эдикт» положил начало уравниванию в Пруссии всех сословий, так как дворянин мог заниматься теперь ремеслами или торговлей, крестьянин получал право перейти в прослойку бюргеров, и наоборот, бюргер мог стать крестьянином. Эти преобразования подрывали традиционные устои жизни и стали ядром процесса модернизации в Пруссии.

В 1810–1812 гг. в силу крайнего дефицита государственной казны начались финансовые реформы. Подверглась секуляризации церковная собственность, введен налог на роскошь, модернизирована система налогообложения, учреждался промысловый налог. Важная составляющая модернизации – начало разрушения цеховой системы: цеховые монополии

и привилегии были ликвидированы, выход из цеховой организации стал свободным. Любой прусский подданный обрел право, купив промысловое свидетельство, открыть собственное торговое или промышленное предприятие. Таким образом, утверждение экономического индивидуализма приобрело в Пруссии реальные контуры. Утверждению в прусском обществе принципов индивидуализма и толерантности служило и введение гражданского равенства евреев (1812).

Реформы в армии начались в 1807 г. Их главными организаторами стали Герхард Иоганн Шарнгорст (1756–1813), Август Вильгельм фон Гнейзенау (1760–1831) и Герман фон Бойен (1771–1848). Они стремились создать боеспособную армию, укрепить ее боевой дух, обеспечить условия для развития личной инициативы военных. Проводя преобразования, они прежде всего отказались от сословных привилегий в армии: были упразднены привилегии дворян на получение офицерских званий, отменены телесные наказания для солдат. Численность и боеспособность армии повышалась за счет введения крюмперской системы: всех военнообязанных на месяц призывали в полки для обучения, потом их отпускали. К 1811 г. численность обученных резервистов достигла уже 35 тыс. человек.

Стремление к либерализации нашло воплощение в реформе образования. Ее творцом стал Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835), министр образования в 1809–1810 гг. Образование стало всеобщим и государственным. Низшую ступень составили народные школы, среднюю ступень – реальные училища и гимназии, высшую ступень – университеты. В 1810 г. по инициативе Гумбольдта был создан Берлинский университет, прославившийся впоследствии либеральными порядками и активными студенческими союзами. Именно реформы образования и последовавшая затем во многих немецких землях так называемая «университетская революция» стали мощным импульсом для интеллектуального развития Германии.

С помощью всех этих реформ бюрократия прежде всего отстаивала политический суверенитет Пруссии, сохраняя традиции. Права личности не отвергались, но подчинялись ценности национальной общности и государственности. Следует заметить, что требование ввести Конституцию осталось без ответа. Прусское реформаторство получило довольно высокую оценку во многих немецких исторических трудах, а Штейна даже назвали демиургом гражданского общества в Германии. Но есть и другая точка зрения. Либерально настроенные немецкие историки полагают, что преобразования продолжили линию бюрократии Фридриха Великого, и эта «революция сверху», взорвав некоторые устои традиционного общества, в перспективе способствовала укреплению прусского абсолютистского государства. Не случайно накануне революции 1848 г. в Пруссии отсутствовали и Конституция, и общепрусское национальное представительство. Однако в рамках прусского реформаторства велась борьба за национальное представительство, в его основе лежала идея уравнивания нации и государства. Поэтому бюрократический либерализм вполне корректно рассматривать и как посредствующее звено между просвещенным абсолютизмом и конституционным либерализмом.

Реформы в государствах Рейнского союза обладали определенной спецификой по сравнению с прусскими. Они проходили по французской модели, которая в значительной степени определялась принципами кодекса Наполеона. Создавалась новая система эффективного управления, были образованы новые административные округа, управлявшиеся централизованно. Везде были уничтожены сословные привилегии, провозглашено равенство граждан перед законом, введены гарантии их собственности, безопасности. Идея либеральной модернизации здесь получила наибольший резонанс. В Баварии в 1808 г., а в Вестфалии в 1807 г. были приняты Конституции. Во всех рейнских землях провозглашена религиозная веротерпимость, равноправие конфессий, введен государственный надзор над церковью.

Наиболее радикальные реформы происходили на территориях рейнского Левобережья, которые до 1814 г. входили в состав Франции. Наполеоновские государства Вестфалия, Берг, Франкфурт-на-Майне должны были стать образцами для проведения реформ во французском духе. Но реформы здесь больше декларировались, нежели претворялись в жизнь. Срединные и северные государства Германии не затронуты были преобразованиями вовсе. В Саксонии и обоих Мекленбургах сохранилась феодальная организация общества.

Завоевания Наполеона стали импульсом для пробуждения умственного, прежде всего национально-патриотического движения в немецких государствах. Огромную роль в духовном возрождении Германии сыграли философия и литература. Ранние зачатки общенемецких идей можно обнаружить в творчестве Лессинга, Шиллера, философии Канта, Гердера.

Кульм общественного духа в годы наполеоновских войн уже звучал в религиозной проповеди Фридриха Шлейермахера (1764–1838). Философ указывал на высокие патриотические задачи и выступал против «личного сознания». Идея самоограничения во имя коллективного целого была ярко представлена в творчестве Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814). Уже в его сочинении «Основные черты нашего века» он утверждал, что человек должен позабыть о себе и погрузиться в жизнь всего человечества. Но подлинным духовным знаменем немецкого патриотического движения стала его работа «Речи к немецкой нации» (1807–1808), пронизанная верой Фихте в провиденциальную миссию немецкого народа. Философ произнес эту речь в Берлине. По его мнению, Германия – это светочь мира, что только у нее одной есть действительно национальный язык и национальная литература, и с ее гибелью погибнет общечеловеческая культура. Великий философ восклицал: «Вы не погибнете, вы не можете погибнуть. Если вы падете, то с вами падет все человечество».

Властителем дум немецкого общества того времени был также Эрнст Мориц Арндт (1769–1860), у которого немецкая идея воплощалась в призыве в его «Немецких песнях» к крестовому походу против демона Наполеона и в утверждении ненависти к Франции. Но все же главное в публицистике и песнях Арндта – призыв к немцам обрести общее отечество.

Все это привело к широкому распространению патриотической литературы, к возникновению патриотических союзов (Тугендбунд), а с 1809 г. – к подъему партизанского движения. В 1812 г. Наполеон обязал Фридриха Вильгельма III предоставить ему 20 тыс. солдат для похода в Россию и пропустить его через территорию Пруссии. В знак протеста против положительного решения короля 500 офицеров подали в отставку. Бойен, Клаузевиц эмигрировали в Россию, затем туда же приехал Штейн. Сопротивление Наполеону достигло пика в 1813 г., когда был сформирован десяти тысячный русско-немецкий легион и начал свою борьбу партизанский отряд барона фон Лютцова Добровольцы Лютцова носили черную форму, отороченную красными кантами и лампасами и украшенную золотыми пуговицами. Вершина патриотического подъема – это участие армий немецких государств в освободительной войне и в битве народов под Лейпцигом 16–19 октября 1813 г. В ходе этих походов солдаты «забывали», что они пруссаки или гессенцы, чувствуя себя прежде всего немцами, а блестящая победа над «великой армией» Наполеона убеждала их в этом сильнее всего.

«Германская проблема» на Венском конгрессе. Образование Германского союза

Венский конгресс (1814–1815), завершивший эпопею наполеоновских войн, был посвящен самым разным проблемам политического переустройства Европы. Одной из наиболее важных являлась германская. Предстояло урегулировать взаимоотношения Австрии и Пруссии, определить возможность объединения германских государств в союз и формы этого объединения, характер отношений Австрии, Пруссии и других германских государств с Россией и Англией, в том числе перспективу формирования из германских государств анти-французского барьера. Окончательное решение «германской проблемы» возлагалось на представителей Австрии, Англии, Пруссии и России. Непосредственной работой должен был заняться германский комитет, состоящий из представителей Австрии, Пруссии, Баварии, Вюртемберга и Ганновера.

Карл Гарденберг и Вильгельм Гумбольдт возлагали на деятельность Венского конгресса большие надежды. Именно ими еще в 1807 г. был разработан прусский план решения «германской проблемы». Предлагалось создать в Германии федерацию с руководящей ролью Пруссии и Австрии. Этим странам должны были быть подчинены общие вооруженные силы, за остальными германскими государствами сохранялся ограниченный суверенитет (без права объявления войны). Чтобы не допустить главенства в федерации своего соперника – Австрии, Гарденберг предлагал поставить во главе всей Германии Директорию из четырех государств: Австрии, Пруссии, Баварии, Ганновера. Австрийский министр иностранных дел К. Меттерних прилагал все усилия с целью недопущения выступлений в пользу объединительных стремлений в Германии, он желал сохранить в неприкосновенности многонациональную Австрийскую империю.

В 1814 г. Гарденберг разработал первоначальный проект устройства Германии, состоящий из 41 статьи. Германия должна была делиться на округа, которыми руководили государства члены Директории. Пруссия управляла северной и средней Германией, средние германские государства управляли своими областями, Австрия преобладала в остальной части страны. Гарденберг постоянно подчеркивал желательность еще большего сплочения германских государств, так как это будет препятствовать новому нападению со стороны Франции. Но и Гарденберг, и Гумбольдт столкнулись на конгрессе с сильными анти-прусскими настроениями.

Меттерних полагал, что объединение и возрождение Германской империи невозможно, и считал более предпочтительным создание слабой федеральной власти, так как в этом случае он имел больше шансов для лавирования и усиления влияния Австрии в немецких государствах. В результате длительных переговоров, обсуждений, согласований был подготовлен проект устройства Германии, представленный на рассмотрение германского комитета совместно Австрией и Пруссией и получивший одобрение России.

8 июня 1815 г. был подписан акт Германского союза (Союзный акт). Параграфы этого постановления касались главным образом двух вещей: перераспределения территории Германии между разными немецкими государствами и формы правления. Вернуться к форме империи не пожелали ни Австрия, ни Пруссия, ни средние немецкие государства.

Было решено, что Германия будет представлять собой союз государств под названием Германский союз (Deutscher Bund). Цель этого союза – поддержание внутренней и внешней безопасности (ст. 2 Союзного акта), независимости и неприкосновенности отдельных немецких государств. Единым общим органом Союза стал – Союзный сейм (Bundestag), заседавший во Франкфурте на Майне. Ни союзного суда, ни общего дипломатического представительства, как в империи, теперь не было. Между государствами, входившими в Союз, не существовало никакой органической связи: каждое государство было абсолютно самостоятельно.

В Германском союзе устанавливалось равенство всех христианских исповеданий. Подданным одного немецкого государства позволялось приобретать недвижимость, поступать на военную и гражданскую службу в другом и даже менять подданство в рамках Союза. Среди обещаний – разработка закона о печати, которое так и не было выполнено.

Союз заключался между государями, а не государствами. Членами Союзного сейма были делегаты, которые голосовали согласно инструкциям, получаемым от правительств. В Союз вошло 38 государств разных размеров. В его составе были император Австрии, король Дании, представлявший Гольштейн, король Нидерландский, представлявший великое герцогство Люксембург, король Англии как король Ганновера, короли Прусский, Баварский, Вюртембергский и Саксонский, курфюршество Гессен-Кассель, Великие герцогства Баден, Гессен-Дармштадт, Веймар, Ольденбург, оба Мекленбурга, 10 герцогств, 10 княжеств и 4 вольных города: Гамбург, Любек, Бремен и Франкфурт. В 1817 г. к Союзу присоединилось 39-е государство – ландграфство Гессен-Гомбург.

Секуляризованные и медиатизированные князья не восстанавливались в своих правах, но были воссозданы государства, входившие в состав Вестфальского королевства.

Что касается раздела территории внутри Союза, то много земель получила Австрия: Зальцбург, Тироль, Тридент, Бриксен, Истрию, Далмацию, Ломбардию и Венецию. Пруссия обрела территории по Рейну и Мозелю, Мюнстер, Кельн, Трир, Майнц, часть Саксонии, Данциг, Торн и часть бывшего герцогства Варшавского (Познань). Позднее она обменяла Лауэнбург на шведскую Померанию, доставшуюся Дании. Территориальные переговоры часто превращались в беззастенчивый торг.

Созданием Германского союза было ликвидировано наследие Французской революции в Германии, но в Рейнской области продолжал применяться Кодекс Наполеона, а в некоторых государствах сохранились французские учреждения.

Германский союз в период Реставрации. «Система Меттерниха»

Хронологические рамки периода Реставрации в Германии – 1815–1840 гг., затем наступил так называемый пред-мартовский период (Vorjahr) – 1840–1848 гг., который завершился в марте 1848 г. революцией. Феномен Реставрации характеризуется компромиссностью и двойственностью. В Германском союзе это проявилось в противоборстве абсолютизма и либерализма, а также в формировании и развитии австро-прусского дуализма в рамках решения «немецкого вопроса» (так в современной германской историографии называют движение за объединение Германии в XIX в.).

Ключевыми понятиями в дискурсе германских интеллектуалов стали «нация» и «свобода». «Конституция и единство Германии» – так звучал лозунг студентов, профессоров, публицистов почти всех германских государств. Статья 13 Союзного акта в

довольно пространных выражениях предписывала введение представительных учреждений и конституций (landsta-endische Verfassung). Эту статью в разных германских государствах истолковали по-разному. Пятнадцать государств ввели тот или иной тип представительства, в ряде государств (Саксен-Веймар, Саксен-Кобург, Саксен-Мейнинген, Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт) были введены настоящие буржуазные представительства. Веймар, Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт приняли конституции и стали развиваться в либеральном ключе. Всего до 1830 г. в пятнадцати государствах были введены конституции. Особенность этих конституций – сохранение монархического принципа, двухпалатный ландтаг, цензовое избирательное право, наделение законодательной инициативой правителя и правительство. На севере Германии в большем объеме произошло восстановление Старого порядка. Там развернулась борьба за распроданные домены, восстанавливались косички и парики.

В крупнейших германских государствах – Австрии и Пруссии конституции приняты не были, народные представительства не возникли, там укрепились абсолютистские порядки. Эти государства стали самыми ожесточенными противниками конституции и национальной свободы.

В Пруссии делались попытки создать представительство в ходе реформ бюрократического либерализма. 22 мая 1815 г. Фридрих-Вильгельм III заявил, что хочет дать народу представительство. Над проектом работали долго, и в 1823 г. был обнародован вариант сословных провинциальных чинов (представители от дворянства, городов и крестьян), которые имели скорее практическое значение – представлять мнения провинциальных чинов королю. Но для этого было необходимо, чтобы в одном ключе высказались восемь провинций. Пока собирали все восемь мнений, проходили месяцы и вопрос решался по-другому.

Австрия в период Реставрации ассоциируется прежде всего с «системой Меттерниха», которая в эти годы обрела свои контуры и силу. Клеменс Венцель Непомук Лотар князь фон Меттерних-Винебург (1773–1859) получил юридическое образование, в годы Французской революции зарекомендовал себя как ее противник, был сторонником равновесия и солидарности европейских государств. С 1806 г. – австрийский посланник в Париже, с 1809 г. – министр иностранных дел, с 1821 г. – канцлер. Важнейшие принципы его правления: борьба с национально-освободительными движениями и активная репрессивная политика, которую он проводил в Австрии и Германском союзе вплоть до 1848 г., используя цензурные ограничения, различные полицейские методы, доносы. Усилиями Меттерниха именно Австрия стала символом консервативной политики в Германском союзе и Европе. Стремление к подавлению революций стали основой политики Священного союза.

Сопrotивление «системе Меттерниха» нашло воплощение в студенческом движении. Союзы бурсы (Burschenschaft) – это студенческие объединения, которые «перешагнули» границы отдельных немецких государств. Они действовали в университетах Лейпцига, Йены, Галле, Берлина, Гейдельберга, Фрейбурга, Кенигсберга и продолжали традиции гимнастических обществ Яна и Союза добродетели (Tugendbund). Сторонниками студенческого движения были видные профессора Э.М. Арндт, К.Т. Велькер. Девиз союза – «Честь, свобода, отечество». По торжественным случаям члены союза облачались в военные мундиры, наподобие формы партизанского отряда барона фон Лютцова, где присутствовали черно-красно-золотые цвета.

18 октября 1817 г. в Вартбурге, где Лютер переводил на немецкий язык Библию, празднуя 300-летие Реформации и очередную годовщину Лейпцигской битвы, около 500 студентов организовали манифестацию в поддержку немецкого единства и свободы. Они собрались под черно-красно-золотыми флагами. В ходе манифестации наиболее радикально настроенные студенты сожгли символы жандармского режима – офицерскую

косичку, офицерский корсет, капральскую палку, а также Кодекс Наполеона, «Историю Германской империи» Коцебу – и разошлись. Меттерних заявил, что это крамола.

Аахенский конгресс «Священного союза» обсуждал вопрос, как бороться с студенческим движением и склонялся к необходимости ограничить свободу университетов. Крупный немецкий ученый А. фон Гумбольдт и К. фон Гарденберг не поддержали членов конгресса.

Студенческое движение между тем стало развиваться по пути радикализации. Появились группы студентов в Йене (старо-немцы), в Гессене (черные), которые выступали за национальную унитарную республику, плебисцит, единую церковь. Они допускали применение таких средств в борьбе за свои цели как насилие и индивидуальный террор. 23 марта 1819 г. йенский студент К. Занд убил тайно состоящего на русской службе писателя А фон Коцебу, который сообщал российскому императору о настроениях в немецких университетах. Спустя несколько недель, аптекарь Ленниг, контактировавший с гессенской студенческой группировкой, совершил покушение на министра немецкого государства Нассау Иберя, за его противодействие либеральным реформам. Либеральные круги Германского союза отнеслись с сочувствием к Зандту, а после казни студента его имя обрело ореол мученика. Немецкое общественное мнение в целом довольно индифферентно прореагировало на все эти события.

Союзный сейм проявлял сильное беспокойство, а правительства немецких государств перешли к репрессивным мерам. В июле 1819 г. в Пруссии были арестованы Ян и Арндт, запрещены проповеди Шлейермахера. Прусский король Фридрих Вильгельм III и Меттерних стали проводить общую политику. Ее венцом явились решения конференции германских государей и министров в Карлсбаде (Карловы Вары). 20 сентября 1819 г. были приняты так называемые Карлсбадские постановления, вводившие строгую цензуру, контроль за университетами, запрещавшие студенческие союзы и позволявшие увольнять свободомыслящих профессоров. Постановления вводились на пять лет, но в 1824 г. были продлены на неопределенный срок.

20-е годы XIX в. – это период, когда свободомыслие в Германском союзе должно было проявлять повышенную осторожность, а свободная печать хранить молчание. Это время позднее назовут «бидермейером», по фамилии литературного героя, олицетворяющего собой простодушие и мещанский уют. Ситуация будет меняться в начале 30-х годов, после начала Июльской революции во Франции.

Национальные движения, формулирование программ единения немцев также найдут место в ландшафте Реставрации.

Уже в ходе работы Венского конгресса отчетливо проявился австро-пруссский дуализм, причем с большим австрийским политическим перевесом.

Германский союз не имел реального экономического и политического единства. Социально-экономическое развитие германских земель не способствовало решению задач их экономической интеграции в рамках Союза. Германия находилась в первой трети XIX в. на раннеиндустриальной стадии развития, которая характеризовалась невысоким уровнем правовой и хозяйственной самостоятельности крестьянства, низкой степенью товарности сельского хозяйства, незначительным развитием рынка труда, недостаточным накоплением капиталов, слабым развитием путей сообщения, что не давало возможности индустриальному укладу развиваться динамично. Хотя в Пруссии (Рейнская область, Берлин, Силезия), в Саксонии можно было наблюдать зарождение индустриальных основ и говорить о развитии экономической модернизации. Слабому развитию индустриализации соответствовал и уровень немецких городов. В городах проживала тогда четверть населения, а три четверти – в сельской местности (общая численность населения Германского союза около 24 млн человек). Наиболее населенные немецкие

города в начале XIX в. – Берлин (более 150 тыс. человек), Бреславль (около 50 тыс. человек), Кенигсберг (около 50 тыс. человек).

В 1815–1822 гг. Австрийская империя была наиболее авторитетной силой в Германском союзе. Но она опасалась роста влияния Пруссии, поэтому допустила в традиционную конструкцию Австрия – Пруссия третий элемент – группу государств юго-западного региона страны (они получили в историографии название – Третьей Германии или Триаса, наиболее крупные из этих государств – Баден, Бавария, Вюртемберг). Они стали проводить политику за отмену торгово-таможенных ограничений в рамках союза немецких земель. Когда это встретило резкое неприятие Пруссии и Австрии, государства Триаса попытались перейти к частным договоренностям в этой области, тем самым, положив начало экономической консолидации юго-западных германских земель.

Как было показано, Пруссия шла за австрийской политикой в вопросе политической трансформации Германского союза. Политические договоренности 1819 г. были предложены Австрией и поддержаны Пруссией. Политика Прусского королевства была двойственной. Так, с одной стороны, оно поддерживало Австрию в ее стремлении сохранить status quo в Германском союзе, с другой – подрывало ее изнутри в форме борьбы Пруссии за создание экономического единства Германии под своим покровительством. 26 мая 1818 г. Прусское королевство приступило к формированию Таможенного союза, который следует рассматривать как первый шаг на пути подрыва суверенитета мелких германских государств и как начало создания экономического единства Германии под эгидой Пруссии. Именно закон от 26 мая вызвал широкое петиционное движение за экономическое объединение страны и обсуждение этой проблемы в различных кругах немецкого общества. Прусское таможенное реформирование стало основой формирования новой политики королевства в отношении германских государств, которая в дальнейшем окажется наиболее востребованной в решении «немецкого вопроса». Реализация прусского Таможенного закона почти везде натолкнулось на осуждение. Как либеральная общественность, так и германские правительства критиковали его как «брутальный акт отдельного государственного эгоизма».

Прусский Таможенный закон послужил поводом к созданию государствами Триаса Германской Ассоциации торговли и промышленности. Одним из основателей и стратегов Ассоциации стал знаменитый германский экономист Фридрих Даниэль Лист (1789–1846). Организация была создана как союз германских ремесленников и торговцев, и объективно она способствовала развитию торговли и промышленности в Германии. Основным направлением ее деятельности стала пропаганда необходимости всеобщего таможенного объединения страны. Ассоциация вызвала к жизни широкое национальное движение за экономическое единство Германии в некоторых немецких государствах. Ее члены приняли деятельное участие в подготовке и разработке основных предложений для торгово-таможенных соглашений государств юго-западного региона Германии. Попытка Ассоциации решить проблемы экономического единства не привела к успеху. В 1822 г. Ассоциация прекратила свое существование, но агитация представителей организации посредством делегаций ко дворам германских государств, публикаций в газетах стала элементом подготовительного этапа в создании Пруссией Германского Таможенного союза 1834 г., членами которого к тому времени являлись 18 немецких государств. Австрия, конечно же, не вступила в него.

В период Реставрации свое видение национальной проблемы представило либеральное движение, которое было обречено на вовлеченность в дискуссии о путях национального единения. Выбирая между ценностями индивидуализма и национализма, германские либералы выдвинули несколько программ решения немецкого вопроса. Подобная множественность национальных моделей характерна для либерализма периода Реставрации в целом. Она прослеживается также и в политических представлениях

либералов, что заставляет признать отсутствие в это время единого либерального движения в Германии.

В государствах немецкого Юго-Запада (Баден, Бавария, Вюртемберг) утверждение институтов конституционализма и обеспечение прав личности происходило успешнее, нежели в других германских землях. Самой либеральной была конституция Бадена, составленная по образцу Хартии Людовика XVIII. Довольно многочисленной была фракция либералов в баденском ландтаге, некоторые ее члены обрели в 30-40-е годы XIX в. общегерманскую известность. Профессора Фрейбургского университета Карл фон Роттек (1775–1840) и Карл Теодор Велькер (1790–1869) прославились не только как политики, но и как авторы, и редакторы 15-томного «Государственного лексикона» – политического словаря, призванного популяризировать либеральные взгляды. Баден стал в начале 30-х годов островком свободы в Германском союзе. В конце 1831 г. ландтаг герцогства принял беспрецедентный для Германии закон о свободе печати, и там начали выходить бесцензурные газеты (например, ежедневная газета «Свободомыслящий»).

В 30-е годы XIX в. в решении немецкого вопроса баденские либералы отдавали предпочтение ценностям свободы. В начале 30-х годов Велькер внес в ландтаг герцогства Баден проект закона о созыве всегерманского парламента. В мае 1832 г. в честь годовщины принятия Баварской Конституции, тогда еще в баварском Пфальце в местечке Гамбах, была организована политическая акция, которая вошла в историю как «гамбахский праздник». В манифестации приняли участие около 30 тыс. студентов, либерально настроенные политики и бюргеры, ремесленники и рабочие. Именно на празднике в Гамбахе Роттек заявил, что лучше свобода без единства, чем единство без свободы. Союзный сейм поспешил поставить ситуацию в Бадене под контроль и не допустить распространения подобных идей и отказа от цензуры в других немецких государствах. После принятия Союзным сеймом реакционных решений в Вене (лето 1832), которые усиливали полицейский режим, либералы герцогства Баден предлагали объединиться государствам Германского союза, имеющим конституции. В их единении они видели противовес всевластию Пруссии и Австрии.

Отрицательно оценивались Роттеком и Велькером любые предпринимаемые Пруссией шаги к национальному объединению. Так, они были против вступления герцогства Баден в созданный в 1834 г. по инициативе Пруссии Таможенный союз. В 1835 г. Роттек представил собранию государственных чинов Бадена (ландтагу) доклад, где довольно убедительно доказывал, почему герцогство не должно присоединяться к этому Союзу: «...мы против такого Таможенного союза, ... я и мои друзья-патриоты голосовали бы за него, если бы изменились условия этого Союза, если бы они соответствовали патриотической идее Таможенного союза, которая гарантировала бы соблюдение принципов свободы, истинного блага нации или всеобщего интереса». В статье «Государственного лексикона», посвященной известному либеральному экономисту Ф. Листу, Велькер вторил Роттеку. Он утверждал, что усилия, предпринимаемые Листом для развития национальной экономики и создания системы по ее защите, вызывают раздражение, так как они не предполагают утверждения принципов свободы. Подобная позиция не была присуща всем представителям немецкого Юго-Запада. Вюртембергцы Пфицер, Уланд, Фишер считали возможным пожертвовать свободой ради единства. Круг авторов «Государственного лексикона» склонялся к разрыву с традицией с целью сохранить гарантии свободы. Понятие «нация» они трактовали в рамках идей Просвещения и Французской революции, делая главный акцент на политической суверенности народа, наполняя его анти-абсолютистским содержанием. Идеалом справедливого и добровольного объединения либералы, сотрудничавшие в «Государственном лексиконе», считали федеративную систему США.

Известный либерал Северной Германии Фридрих Кристоф Дальман (1785–1860), еще в годы наполеоновских войн предлагал в качестве первого шага провозгласить создание европейского союза, в который должны были также войти и немецкие земли. Другой

предложенный им вариант продвижения к единству – объединение Гамбурга, Любека, Гольштейна, Ла-уэнбурга, Мекленбурга и непрусской Померании, что привело бы, по мнению Дальмана, к слиянию университетов Ростока, Киля, Грайфсвальда в рамках объединенного нижнесаксонского университета и привело бы к активному проникновению скандинавской науки в немецкие земли. Призывая к такому единению, Дальман показал себя сторонником культурной идеи Севера.

Реализация национальной идеи Дальмана связана с совершенствованием политической системы немецких государств. Ученый был противником любых резких изменений и видел в традиционных институтах колоссальный потенциал для развития. Так, современные конституции Дальман не рассматривал как изобретение чего-то нового, а подчеркивал, что они – наследие прежних установлений сословных чинов. Сами сословные чины (Landstaende), полагал историк, должны быть очищены от наслоений веков, и на их основе будет сформировано национальное представительство. Именно поэтому он приветствовал созыв в 1847 г. объединенного прусского ландтага и надеялся, что возрождение Германии произойдет без переворота. Стремление избежать в ходе политических преобразований любых потрясений, было продиктовано верой Дальмана в нерасторжимое единство политики и морали. Гарантом моральных принципов была, по его мнению, королевская власть, которую он наделял правом абсолютного вето. Ученый не идеализировал монархию вообще, а полагал, что она может себя спасти, предоставив подданным свободу. Конституционная монархия Англии была ориентиром для Дальмана. Восхищение английской политической системой и присущей ей умеренностью было характерной особенностью либерального движения немецкого Севера.

Накануне революции 1848–1849 гг. Дальман был настроен пропрусски. Пиетет перед абсолютистской Пруссией нехарактерен для либералов как Севера, так и Юга Германии. Однако Дальман называл пруссаков «немецкими спартанцами» и верил, что Пруссия станет ядром будущего свободолюбивого немецкого государства.

Отошли от умозрительных схем Просвещения и либералы Юго-Запада Германии. Например, Велькер уже не желал резкого разрыва с традицией и стремился примирить свободу и единство. Он ясно видел, что человечество существует в нациях, которые проходят в ходе исторического развития различные пути. Реализация немецкой гражданско-правовой свободы по Велькеру – это инсталляция системы конституционной монархии с определенными гражданскими свободами и компетенцией представительства всех германских государств.

В годы революции 1848–1849 гг. теория немецкого вопроса столкнулась с практикой, которая окончательно заставила либералов отказаться от рационализма Просвещения. Принципы объединения германских государств вокруг Пруссии пропагандировала и созданная в 1847 г. либеральная «Немецкая газета» (Deutsche Zeitung). Именно проблема объединения стала для немцев одной из главных в годы революции 1848–1849 гг.

Революция 1848–1849 гг. в Германии: упущенные возможности или историческая веха?

В предмартовский период (1840–1848) наблюдалась активизация либеральных сил. Так, опять началась борьба за свободу печати в Бадене, в Пруссии с новой силой звучали требования созыва народного представительства, оживилось движение за решение «немецкого вопроса», которое возглавила «Немецкая газета». Накануне революции требования оппозиции были оформлены в виде программ.

12 сентября на съезде в Оффенбурге, где собрались единомышленники демократа Г. фон Струве (1805–1870), был выработан документ, воспроизводивший платформу сторонников республики, объединившихся вокруг газеты «Реформа». Ее главные требования – демократические права для народа, свобода печати, ассоциаций, ликвидация феодальных отношений, уничтожение противоречий между трудом и капиталом.

В октябре 1847 г. состоялся съезд либеральных сил в Геппенгейме, на котором присутствовали в основном либералы Юго-Запада Германии. Но среди участников были и представители Севера – Д. Ганземан (1790–1864), Г. Мефиссен (1815–1899), что свидетельствует о стремлении либералов Германии выработать общие требования. Все участники склонялись к умеренным либеральным требованиям и сосредоточились на подготовке к созыву общегерманского представительства.

Революция началась в Бадене раньше, чем в других германских государствах (февраль 1848 г.). Задача баденских либералов в этот период заключалась в обеспечении создания национального представительства. Предложение встретило горячую поддержку. Велькер образно описал это так: «Прежде чем весеннее солнце растопит снег на горных вершинах, солнце весны народов растопит лед реакции». «Весна народов» – так образно будут называть революцию 1848–1849 гг.

Механизм создания общегерманского парламента обсуждался на конгрессе в Гейдельберге (герцогство Баден) 5 марта 1848 г. В ходе бурных дебатов было решено создать комиссию из 7 человек для подготовки выборов в национальное представительство.

В открывшемся в марте 1848 г. предпарламенте (Vorparlament) большинство депутатов были представителями немецкого Юго-Запада, где уже сложилась достаточно четкая партийная система. Пруссию, население которой составляло почти 8 млн человек, представлял 141 депутат, а герцогство Баден с населением в 1 млн человек – 72 депутата. Главная задача деятельности предпарламента – выработка избирательного закона, на основе которого должно быть сформировано национальное представительство. Предполагалось, что все остальные насущные вопросы, а в их числе и принятие решений, ограждавших Германию как от республики, так и от кровопролития – компетенция вновь избранного Национального собрания (Франкфуртский парламент, Paulskirche).

В марте прокатилась серия митингов и демонстраций по всей Германии. Правительства шли на уступки и создавались либеральные министерства. Они вошли в историю как «мартовские». Власть перешла в руки либералов в Бадене, Гессен-Дармштадте, Вюртемберге, Нассау, Ганновере. В Баварии и Саксонии образованы коалиционные министерства из либералов и старой бюрократии. Повсюду стали происходить выступления крестьян. 10 марта в Бадене принят закон об отмене феодальных платежей и повинностей, тоже самое было сделано в Вюртемберге, Баварии, Гессене. В Пруссии удовлетворение крестьянских требований затянулось и крестьянское движение продолжалось до лета.

«Мартовские» министерства обещали провести реформы. Многие из лидеров либерального движения получили в них портфели министров. До крайней «точки кипения» ситуация дошла в Баварии, поскольку король Людвиг I Виттельсбах затягивал создание «мартовского» министерства и в итоге вынужден был отречься от престола в пользу своего сына – Максимилиана II, который и призвал к власти либеральных министров.

Обещание «мартовских» министров очень скоро успокоили население. Но революция начала развиваться двумя потоками. Либеральные круги действовали своими методами, народные массы – своими. Поскольку модернизация в Германии запаздывала, то рабочие часто «встраивались» в буржуазно-либеральное движение. Хотя уже в феврале 1848 г. в Германии появился «Коммунистический манифест» Карла Маркса и Фридриха

Энгельса, но его тотчас же запретили и, следовательно, известен он был лишь немногим. Предложение баденского радикального демократа Ф. Геккера (1811–1881) на собрании в Гейдельберге о провозглашении республики отвергалось большинством присутствующих. Поэтому о самостоятельности и зрелости рабочего движения в годы революции говорить не приходится. Но демократические акции происходили, например, демократическое восстание в Бадене весной 1848 г. Издание К. Марксом и Ф. Энгельсом «Новой Рейнской газеты» и их деятельность в годы революции не принадлежали к событиям, определяющим линию ее развития.

Главный поток революции – это события в Австрии и Пруссии. 13–14 марта 1848 г. вспыхнуло восстание в Вене. Канцлер Меттерних сбежал. Австрийскую империю поразил национальный кризис: о своей независимости заявили североитальянские провинции, Пьемонт начал войну против австрийцев, волнениями была охвачена Венгрия, требовала независимости Богемия.

18 марта начались вооруженные столкновения в столице Пруссии Берлине. Войскам пришлось сражаться практически со всем берлинским народом. Главным виновником кровопролития считают принца Вильгельма, чтобы успокоить население 20 марта его отправили в Англию, затем в Берлине было создано «мартовское» министерство. Его возглавил известный рейнский либерал Лудольф Кампгаузен (1803–1890). Портфель министра финансов достался лидеру рейнской оппозиции Давиду Ганземану (1790–1864). Прусский король продемонстрировал свою лояльность, появившись украшенный черно-красно-золотыми цветами единой Германии. Вскоре он издал прокламацию о введении истинно-конституционного устройства с ответственным министерством, даровал свободу печати и заявил о необходимости созыва 2 апреля 1848 г. Соединенного ландтага (Прусское национальное собрание). События в Пруссии стали поворотным моментом. После них Союзный сейм перестал чинить препятствия общегерманским реформам. Военная сила в Пруссии была побеждена вооруженным народом, во всех германских государствах народ обрел гражданские свободы.

В результате мартовских побед рухнули принципы Священного союза и системы Меттерниха, произошла фактическая отмена оставшихся феодальных повинностей, возведен конституционный принцип.

Тем временем предпарламент разработал основы формирования национального представительства (Национального или Франкфуртского собрания, поскольку заседало оно в этом городе). Было принято решение о формировании Национального собрания на основе всеобщего избирательного права и уточнялось, что отдельные правительства могли принимать решения о том, будут ли выборы прямые или двухстепенные.

18 мая 1848 г. в церкви святого Павла (Paulskirche) во Франкфурте-на-Майне состоялось торжественное открытие Национального собрания. Президентом Собрания был избран либерал из Кургессена Генрих фон Гагерн. Социальный состав Франкфуртского парламента был неоднороден и не отражал состава населения германских земель, которое было по преимуществу аграрным. В Национальном собрании преобладали служащие (34,6 %), довольно много было профессоров и учителей (15,4 %), среди них Арндт, Ян, Якоб Гримм, Дальман, Вайц, Дункер, Гайм, Велькер, адвокатов (16,3 %), предпринимателей (9,4 %), землевладельцев (8,5 %). К сентябрю 1848 г. сложились политические группировки внутри Национального собрания: правые – «кафе Милан» (12 %), правый центр – «Казино» (40 %), центр – «Аугсбургский двор» (11 %), левый центр – «Вюртембергский двор» (9 %) и «Вестендхале» (10 %), левые – «Немецкий двор» (12 %) и левые радикалы – «Доннерсберг» (6 %). Названия они получили по месту сбора участников. По численности основных группировок отчетливо видно преобладание умеренно-настроенных политических сил. Но самым главным вопросом для всех них оставалась проблема единства Германии.

С октября 1848 г. по январь 1849 г. депутаты Франкфуртского парламента искали формулу, которая могла бы устранить соперничество между Австрией и Пруссией. Борьба за первенство в германском мире явилась фактором раскола внутри многих политических группировок и очень скоро можно было говорить только о двух партиях Франкфуртского парламента – велико-германской (объединение немецких государств, включая и Австрию) и мало-германской (объединение вокруг Пруссии, без участия Австрии).

Имперская конституция. Трагедия Франкфуртского парламента

Основой единства должна была стать подготовленная Франкфуртским парламентом Имперская конституция. Самыми оспариваемыми вопросами при ее обсуждении стали вопросы имперских территорий и имперское правительство. Выступления баденского либерала Ф. Бассермана (1811–1855) отличались про-пруссскими настроениями, он предлагал создать немецкое государство без участия Австрии. Про-пруссские настроения охватили многих депутатов, они полагали, что Пруссия – это та сила, которая могла бы предотвратить распад Национального собрания. Во главе будущего имперского правительства предлагалось поставить прусского короля Фридриха Вильгельма IV.

Лидером велико-германской партии стал К. Велькер, его поддерживало население южно-немецких земель. Главный аргумент Велькера в пользу включения Австрии в единое немецкое государство – нельзя нарушать права австрийских немцев, желающих быть вместе со своими соотечественниками. Одновременно он полагал, что исключение католической Австрии из будущего единого немецкого государства может привести к конфессиональному конфликту и даже к гражданской войне. Велькер также поддержал Австрию в надежде, что она будет политическим противовесом всевластию Пруссии. Именно такое равновесие способствовало бы, по его мнению, утверждению в будущем едином немецком государстве свободы. Он полагал, что исключение из германского единства Австрии было бы проявлением «черной неблагодарности» в отношении Габсбургов, так как они защищают южно-немецкие земли от французов на Западе, от Турции – на Востоке.

Последовательное решение «немецкого вопроса» предполагало включение в империю немецко-австрийских земель. Но сразу же возникали проблемы в связи с Венгрией, северо-итальянскими землями, от которых Вена не желала отказываться и, конечно же, вызывал вопросы статус Богемии, поскольку включение ее в империю вызвало бы раздражение России. Сторонники Австрии при обсуждении Имперской конституции предлагали поставить во главе имперского правительства сменяемого каждые три года наместника, обеспечив тем самым поочередное лидерство австрийскому императору и прусскому королю. Имперскую исполнительную власть предлагалось наделить правом абсолютного вето; тогда она обретет самостоятельность, и это позволит ей стать действенной силой. Был создан немецко-австрийский комитет, его лидером стал Велькер. Он позаботился пригласить на обсуждение Имперской конституции во втором чтении (февраль 1849 г.) всех сторонников Австрии.

Это историческое обсуждение привело к перегруппировке сил во Франкфуртском собрании. Старые коалиции («Кафе Милан», «Казино», «Ландсберг», «Аугсбургский двор», «Вюртембергский двор» и др.) фактически утратили свое значение, уступив место велико-германской и мало-германской партиям. На заседании Франкфуртского парламента 13 марта 1849 г. случилась сенсация. Велькер внезапно стал защитником интересов мало-германской партии и выступил за передачу имперской короны прусскому королю. Вопрос о немецко-австрийских землях декларировался Велькером в том плане,

что австрийский император как князь немецко-австрийских земель приглашается в немецкое государство. Окончательное голосование произошло 28 марта 1849 г. и было связано, прежде всего, с вопросом об имперской власти. Членами Национального собрания состояли тогда 567 депутатов, из них 29 отсутствовало. За передачу имперской короны прусскому королю проголосовало 290 депутатов, а остальные 248 воздержались.

Почему лидер велико-германской партии столь резко изменил свои намерения, историки спорят до сих пор. Пытаясь ответить на этот запутанный вопрос, не следует забывать о том, что изменилась ситуация в самой Австрийской империи. В октябре 1848 г. восстание в Вене потерпело поражение. Австрийский парламент переехал в моравский город Кромержиж (Кремзир). 4 марта в Австрии была принята Конституция, австрийский рейхстаг, заседавший в Кремзире 7 марта был распущен, а 11 марта эта весть достигла Франкфурта. Вскоре Австрийская империя получила октроированную Конституцию, которая фактически так и не стала действующей. Австрия превращалась в фактор реакции в немецком мире. Поэтому, желая сохранить в Германии свободу, про-австрийская партия фактически добровольно уступила свои позиции сторонникам Пруссии.

Другим фактором, ускорившим решение «немецкого вопроса» именно таким образом можно считать угрозу вмешательства со стороны Российской империи, настроенной анти-революционно и державшей на границе с Пруссией войска. Россию раздражал способ решения в ходе революции польского вопроса, поскольку территории Восточной и Западной Пруссии должны были войти в состав Германской империи, а также было заявлено, что немецкий народ будет содействовать восстановлению независимости Польши. Негативно отнеслась Российская империя к притязаниям Пруссии на присоединение Шлезвига, а когда туда были введены прусские войска Россия вместе с Англией вмешались и заставили Пруссию приступить к переговорам о мире. Именно этой совокупностью внутренних и внешних факторов можно объяснить победу мало-германского варианта решения «немецкого вопроса».

Имперская конституция предусматривала защиту основных прав и свобод, ее составной частью были принятые в декабре 1848 г. «Основные права немецкого народа», созданные по образцу американской «Декларации независимости». В основе Конституции лежал принцип разделения властей. Законодательная власть – рейхстаг – состояла из двух палат. Верхняя палата – палата государств – формировалась из представителей германских государств. В тексте Конституции перечислялись все государства, вошедшие в Империю, в их числе и Австрия. Но отмечалось, что пока немецко-австрийские земли не примут участие в союзном государстве. Вторая палата – палата народов – состояла из депутатов германского народа. Подобная структура законодательной власти указывала на ярко выраженный федеративный характер Империи. На это же указывала и компетенция имперской власти, которой принадлежали исключительное право издания законов, организации военного и дипломатического дела, войны и мира, регулирование таможи, почты, денежного обращения. Компетенция немецких государств, которые сохраняли всех своих правителей и бюрократические структуры, не должна была противоречить имперской. Во главе исполнительной власти стоял император, который осуществлял переданную ему власть при помощи назначенных им ответственных министров. Высшим судебным органом являлся Имперский суд. Не случайно эту конституцию представители новой социальной истории – Ю. Кокка, Х.У. Велер – считают вехой в становлении альтернативной истории XIX в. и альтернативного решения «немецкого вопроса».

Принятая Франкфуртским парламентом Имперская конституция не вступила в силу. 3 апреля 1849 г. прусский король Фридрих Вильгельм IV отказался принять имперскую корону, это послужило сигналом для остальных германских правителей, отказавшихся также ее признать. Австрия отозвала своих представителей из Национального собрания 5 апреля, а Пруссия 21 апреля. 30 мая Франкфуртское национальное собрание переехало в Штутгарт, а там заседания фактически не смогли возобновиться. В мае – июне 1849 г. республиканцы и демократы сделали попытку защитить Имперскую конституцию:

прошли народные восстания в Дрездене, Рейнской области, Пфальце, Бадене. Активное участие в подавлении этих восстаний принимали прусские войска во главе с принцем Вильгельмом. 18 июня остатки Франкфуртского собрания были разогнаны, революция потерпела поражение. Почему?

Внутри Национального собрания не был достигнут консенсус между либералами и демократами. Например, временная исполнительная власть формировалась без представителей отдельных государств. Президент Франкфуртского парламента Гагерн делал это сознательно, чтобы противодействовать демократам. Временным правителем стал австрийский принц Иоганн, который обрел известность благодаря женитьбе на дочери почтальона (при большом желании в этом поступке можно было разглядеть заряд демократичности). В самом национальном представительстве попытались объединить монархию и парламентаризм. Дискуссионный вопрос – что важнее суверенитет Национального собрания или объединение с властями отдельных государств – так и не получил окончательного решения.

Франкфуртский парламент хотел прежде всего утвердить свободу, но при этом не успел организовать вооруженную силу и создать гарантии свободе. Фактически и Франкфуртский парламент, и либеральное движение споткнулись о Пруссию. С одной стороны, многие видные либералы, например, Дальман, видели в Пруссии главную объединяющую силу и главного выразителя обще-немецких интересов. С другой стороны, когда Прусское королевство в ходе войны с Данией за Шлезвиг подчинилось требованиям России и Англии и вывело свои войска оттуда, а Франкфуртский парламент 16 сентября 1848 г. ратифицировал перемирие в Мальме, то это вызвало восстание во Франкфурте и строительство баррикад под лозунгом – защиты революции от Пруссии.

Между тем события в самой Пруссии все больше свидетельствовали о забвении принципов свободы. В июне 1848 г. после народного штурма здания цейхгауза и в связи со спорами по поводу подготовленного им проекта конституции ушел в отставку Кампгаузен, затем вскоре Ганземан. В ноябре 1848 г. король добился роспуска Прусского соединенного ландтага, 5 декабря Фридрих Вильгельм IV даровал Пруссии Конституцию, которая в мае 1849 г. была дополнена трехклассным избирательным законом, введившим в государстве всеобщие, но неравные выборы. Конституция, которую в литературе часто называют Прусская хартия, вступила в силу 6 февраля 1850 г. Пруссия отныне перестала быть абсолютистским государством, но ценности гражданского общества еще не получили там должного распространения. В 1850 г. министром-президентом Пруссии стал известный своими консервативными взглядами О. фон Мантейфель (1805–1882).

Национальные, либеральные и демократические приоритеты в немецком мире в очередной раз не смогли гармонично взаимодействовать. Итак, поражение революции вызвано конгломератом причин, и нельзя сбрасывать со счетов несоответствие многих интенций и действий Национального собрания общественному и национальному сознанию немцев: несмотря ни на что партикуляризм преодолен не был, экономическое и социальное развитие отставало от идеологического, неудачи революционных движений в Австрии, Пруссии и вмешательство внешних сил усилили влияние негативных тенденций в Франкфуртском парламенте.

Германский союз в 50-60-е годы XIX в. Австро-пруссский дуализм

Пост-революционный период – одна из наименее изученных фаз немецкой истории как в российской, так и в германской историографии. Общепринятый термин, которым

обозначают этот период – «эпоха реакции». Прусский консерватор Леопольд фон Герлах (1790–1861) назвал его периодом репрессий и ликвидации «мартовских» развалин. С другой стороны, именно в 50-60-е годы XIX в. в германских государствах в полной мере развернулся процесс индустриализации. Среди индустриальных держав Германия вышла на третье место после Англии и США. Предпосылка быстрой индустриализации – окончательное устранение феодальных порядков в сельском хозяйстве. В Пруссии полное освобождение крестьян произошло 2 марта 1850 г. на основе выкупа. Помещики получали через специально созданные рентные банки крупные выкупные суммы, и таким образом там решался вопрос о первоначальном накоплении капиталов. Другой предпосылкой индустриального развития стала активизация в 50-е годы Таможенного союза, к которому присоединились практически все немецкие государства кроме Австрии.

Темпы индустриализации определялись развитием машиностроения и тяжелой промышленности. Большое значение для роста внутреннего рынка имело железнодорожное строительство. Выросло число банков, изменились их функции: они стали превращаться в кредитные учреждения. Увеличилось число акционерных обществ. Все это стала благодатной средой для перехода от мануфактурного производства к фабричному. Рейнская область, Вестфалия, Саксония, Берлин, Силезия превратились в индустриальные центры Германского союза. Все названные территории за исключением Саксонии входили в Прусское королевство. Именно прусская банковская и промышленная буржуазия – такие капитаны индустриализации как Стиннессы, Штуммы, Круппы – приобретали в обществе все больший вес. Юнкерство сохраняло свое значение, традиционно оно было тесно связано с прусской династией Гогенцоллернов и не противостояло ей. «Уголь и пар» стали теми силами, которые требовали единого экономического пространства.

После спада революционного движения Пруссия попыталась осуществить малогерманский вариант объединения немцев. Вместе с Саксонией и Ганновером она 28 мая 1849 г. подготовила проект Конституции, который был удивительно схож с Имперской конституцией. Главные отличия состояли только в участии отдельных немецких государств в имперском правительстве через институт княжеской коллегии, в неограниченном праве вето для главы Империи (в Имперской конституции это вето было отлагательным), а также в отказе от принципа всеобщего избирательного права. Демократы отвергли этот проект. Либералы прореагировали разобщенно, но приняли участие в выборах в объединенный парламент в Эрфурте. Юго-западные либералы также поддержали его. В основе столь широкой поддержки этого проекта была вражда к социальной революции, анархии и господству массы, желание, чтобы события развивались в эволюционном русле.

Помимо Пруссии, Ганновера и Саксонии к ним присоединилось еще 17 государств, образовалась Прусская уния. Пруссия готова была начать объединять Германию под своей гегемонией, но желала соблюсти принципы легитимности и действовать рука об руку с Австрией. Австрия, заручившись поддержкой российского императора, созвала в апреле в Франкфурте-на-Майне представителей держав для обсуждения вопроса о реорганизации старого Сейма. Пруссия в ответ на действия Австрии созвала в Берлине конференцию государств Унии. Германия распалась на два лагеря, и нужен был только предлог, чтобы началась война. Англия, Франция, Россия, Австрия, Бавария, Вюртемберг были настроены анти-пруски. 28–29 ноября 1850 г. состоялось знаменитое оломоуцкое «унижение» Пруссии, когда она в Оломоуце под давлением России согласилась на роспуск Унии и восстановление Союзного сейма. Весной 1851 г. он восстанавливался на основе принципов 1815 г. Австрия вновь обрела в сейме ведущие позиции и австро-прусская дуализм получил новый импульс. Возврат к принципам 1848 г. сильно осложнился и шел поиск новых путей к единству.

Несмотря на роспуск Унии, идея немецкой миссии Пруссии оставалась в центре общественного внимания. Во-первых, в общественном мнении утверждалась мысль

известного историка И.Г. Дройзена, что «быть немцем и быть протестантом – это одно и то же». Он, а также его ученик Л. фон Ранке Зибель рассматривали католицизм как воплощение ненаучного и ненемецкого. Во-вторых, получили распространение идеи о самом тесном взаимодействии национально-политического развития и государственной власти. Либералы выступили за сотрудничество с монархическим государством во внешней и внутренней политике.

Выразителем этих идей стал Людвиг Август Рохау. В 1853 г. он опубликовал работу «Основы реальной политики». Рохау доказывал, что либералы – депутаты Франкфуртского собрания не смогли объединить Германию, и они должны «удалиться как поздний гость из пивной». Вместо безвластия он предложил либералам перспективу – быть на стороне национального государства. В условиях острого соперничества Австрии и Пруссии за Германию, Рохау доказывал, что только Пруссия могла действовать в национальных интересах. «Сильное государство и национальный дух должны объединиться, чтобы создать единую Германию». Однако в социальном плане либералы ставку делали на так называемый «средний класс». Рохау писал: «Политик может внимать доктринерам, перешагивать через крестьян, истреблять дворян, но к среднему классу следует находить подход». Несомненно, эти идеи сыграли важную роль в обеспечении лидерства Пруссии в германском мире.

В самом королевстве ландтаг все больше превращался в филиал государственных управленческих структур. После выборов 1855 г. в палате депутатов 61 % составляли чиновники. Либералы получили на этих же выборах 12 %. Демократы бойкотировали парламентскую деятельность. В 1858 г. над душевнобольным Фридрихом Вильгельмом IV учреждается регентство. Регентом стал принц Вильгельм I. На него возлагали большие надежды в плане спасения и возрождения Пруссии.

Австрия в 50-е годы XIX в., напротив, постепенно утрачивала прежнее политическое влияние. В отличие от Пруссии она не была конституционным государством: в 1852 г. Конституция, так и не вступив в силу, после смерти министра-президента Шварценберга окончательно была упразднена. В стране была введена цензура, установлен запрет на политические союзы. Началась эра австрийского неоабсолютизма. Лишь только после поражения в войне с Пьемонтом правительство пошло на смягчение политического курса.

В последующие годы Австрия была охвачена интенсивной реформаторской деятельностью. Эти реформы напоминают прусское реформаторство начала XIX в.: были проведены аграрная реформа преобразования государственного управления и юстиции, университетов, гимназий и народных школ, либерализация в экономической сфере. Объективно все эти реформы были направлены против политического либерализма, так как они поддерживали армию, полицию, католическую церковь. В 1855 г. был заключен конкордат с Римом, и йозефинизм изгонялся из государственной церкви. Фактически уже с 1859 г. Австрия утратила возможность возглавить процесс объединения Германии, а после поражения в австро-прусской войне 1866 г., Габсбурги окончательно расстались с мечтами о гегемонии в Европе. Вскоре в Венгрии началось мощное восстание, которое угрожало самому существованию австрийской монархии. В этой ситуации император Франц-Иосиф (1848–1916) был вынужден предпринять новые реформы. Еще в 1861 г. им было дано согласие на введение Конституции в Австрии. В 1867 г. было заключено соглашение с Венгрией о создании двуединой Австро-Венгерской монархии. В том же году венграм была дарована либеральная по своему характеру Конституция.

В Австрии был создан двухпалатный парламент – рейхсрат. Члены верхней палаты – палаты господ назначались императором из представителей знати и высшего духовенства. Это звание становилось наследственным. Нижняя палата – палата представителей избиралась сеймами 14 областей, на которые делилась Австрия. Выборы происходили на основе высокого имущественного ценза, были неравными, что лишало представительства

широкие слои населения Нижней и Верхней Австрии, Чехии, Моравии, Галиции, Каринтии, Крайны, Силезии, Буковины, Тироля, Истрии, Зальцбурга, Штирии.

В Венгрии учреждался двухпалатный сейм, формировавшийся примерно на тех же основаниях. Конституция предоставляла мадьярам широкую автономию, уравнивала их в правах с австрийцами, организовывала внутренне управление на национальных началах, давала право содержать собственные вооруженные силы. Вслед за тем полная автономия была введена в Галиции и частичная – в Чехии.

Австрийский император становился одновременно и венгерским королем. В 1867 г. Франц-Иосиф короновался в Будапеште в качестве последнего. Монарх двуединой Империи обладал самыми широкими полномочиями, назначая верхние палаты рейхсрата и сейма, сохранив право издавать постановления между парламентскими сессиями, получавшими силу законов. Преобладание Австрии частично достигалось наличием трех общих ключевых министерств – военного, финансов и иностранных дел.

От Северо-германского союза к Германской империи

С 1859 г. начался новый период оживления национального движения в Германии. Страну охватила волна патриотических настроений в связи с угрозой захвата Францией германских земель по левому берегу Рейна. Известные либералы и демократы создали во Франкфурте «Национальный союз». Ведущие позиции в нем занимали Р. фон Беннигсен, Шульце-Делич, Ф. Дункер. Союз развернул свою деятельность в Пруссии, Кургессене, Ганновере, Нассау. Его члены выступали за единую Германию и полагали, что немецкий народ отдаст центральную власть главе самого большого чисто немецкого государства. Среди его членов преобладали представители крупной буржуазии, которые проявили большую заинтересованность в реформировании прусской армии, и не столь сильно обнаруживали свои чувства в отношении защиты прусской Конституции. Союз сыграл немаловажную роль в политизации общественного климата Германии в духе малогерманского единства.

В 1859 г. началась и «новая эра» в истории Пруссии. Уже на выборах 1858 г. в ландтаг успех сопутствовал либералам. В июне 1861 г. из либеральной фракции палаты депутатов ландтага выделилось более радикально настроенное крыло и основало партию прогрессистов (Fortschrittspartei). К ее лидерам принадлежали восточнопрусский помещик Л. фон Ховербек (1822–1875) и Г. Шульце-Делич (1808–1883). Членами партии были известный врач Р. Вирхов (1821–1902) и знаменитый историк Т. Моммзен (1817–1903). Партия выступала за введение принципа ответственности министров и преобразование верхней палаты (палаты господ) прусского ландтага, но не требовала введение всеобщего и равного избирательного права. На выборах в декабре 1861 г. партия прогрессистов одержала блестящую победу.

Еще в 1860 г. военный министр фон Роон внес проект об увеличении примерно в два раза численности прусской армии и продолжительности срочной службы до трех лет, что автоматически влекло рост расходов на военные нужды. Правительство представило проект ландтагу, он его отверг, но выделил 9 млн талеров на чрезвычайные военные расходы. В 1862 г. либеральное большинство ландтага было настроено еще более решительно и, решив уточнить расходные статьи бюджета, чтобы военное министерство не смогло использовать деньги по своему усмотрению, потребовало от правительства отчет. Король распустил палату депутатов, прекратил заседания палаты господ, отправил в отставку либеральных министров. Фактически это был конец «новой эры».

На выборах весны 1862 г. убедительную победу вновь одержали либералы. Они заявили, что откажут правительству в военных ассигнованиях, если оно не прислушается к их требованиям в отношении армии. Король оказался перед дилеммой – либо распустить палату, либо отречься от престола. Выходом из ситуации государственного кризиса стало назначение на пост министра-президента Пруссии Отто фон Бисмарка (1815–1898). Бисмарк всегда с пиететом относился к прусским ценностям и верой и правдой служил Гогенцоллернам. Будучи человеком большого ума, широкого кругозора, незаурядного дипломатического дарования, он отличался тем, что умел верно оценить любую ситуацию и извлечь из нее выгоды.

24 сентября 1862 г. Бисмарк, заняв должность министра-президента, заявил, что «не на прусский либерализм взирает Германия... Не речами и постановлениями решаются великие вопросы времени – это была большая ошибка 1848 и 1849 гг., а железом и кровью». Ища выход из политического кризиса он обратился к «теории пробелов» в противовес «теории апелляции», на которую ориентировалось либеральное большинство ландтага. По мнению Бисмарка, если в законе имеется «пробел», т. е. отсутствует юридическая формула, предписывающая власти порядок действий, решение вопроса переходит в компетенцию не парламента, а короля как представителя высшей силы. По сути в Пруссии возникла ситуация псевдо-конституционализма. Конституцию никто не отменял, но Бисмарк ее открыто нарушал, поскольку вел дела без утвержденного ландтагом бюджета. Это вызывало протесты, министры его бойкотировали. Бисмарк ответил действием: заменил оппозиционных чиновников, издал особый указ, который ограничивал свободу печати. В немецкой историографии такая политика получила название «бюрократический авторитарный курс».

Летом 1863 г. конституционный конфликт достиг пика своего развития: начались анти-правительственные демонстрации, столкновения с полицией. Бисмарк продолжил преследования и увольнения, распускал ландтаг на длительные каникулы. Активного сопротивления со стороны прогрессистской партии не последовало, поскольку ее отношение к Бисмарку было неоднозначным. Очень скоро вся инициатива перешла к министру-президенту, и он направил ее на решение национальной проблемы.

Успех политики Бисмарка во многом зависел от расширения ее социальной базы. В 50-е годы XIX в. рабочий класс практически не имел влияние на общественное мнение и в этот период усиленной индустриализации ему не принадлежало ни одного голоса в парламентах германских государств. Партия прогрессистов не проявляла интереса к социальному вопросу. Государственной политики в области рабочего вопроса не существовало. Лютеранская и католическая церковь пытались облегчить рабочим их существование, помочь решить социальный вопрос. Но большая часть рабочих отстранилась от церкви. Они предпочитали возникшие тогда же сельскохозяйственные и ремесленные товарищества, в рамках которых решались вопросы поддержки рабочих в случае болезни и несчастного случая, существовали потребительские и сбытовые союзы, кредитные сообщества, кассы взаимопомощи.

Социальная мобильность рабочих находилась на довольно низком уровне. Носителями политической культуры были буржуазия и дворянство. Но Национальный союз проявил инициативу по созданию в пролетарской среде просветительских кружков (Arbeiterbildungsvereine). К началу 60-х годов их уже существовало свыше 200. В этих кружках рабочим сообщались сведения по естествознанию, литературе, истории, на социально-экономических противоречиях общества их внимание не акцентировалось, а пропагандировался образ упорного рабочего-труженика.

В 1862 г. в рабочей среде родилась мысль об общегерманском союзе, причем все отчетливее проступала его анти-буржуазная окраска. В условиях разгоравшегося конституционного конфликта Бисмарк поддержал это движение против предпринимателей. Когда такой союз в Лейпциге был создан, Национальный союз

пытался оказывать на него определяющее влияние. Разгорелись споры и Лейпцигский центральный комитет союза предложил высказаться крупнейшим общественным деятелям. Среди них наиболее заметной фигурой оказался Фердинанд Лассаль (1825–1864).

Фердинанд Лассаль – сын еврейского торговца шелком из Бреслау – изучал философию и историю. В 1848 г. заявил о себе как радикальный демократ, сотрудничал с Марксом в издаваемой им «Новой Рейнской газете». В 1862 г. он сделал программный доклад, который обычно называют «Программой рабочих». В марте 1863 г. Лассаль представил свою концепцию развития рабочего движения Лейпцигскому комитету. Ее основными приоритетами стали всеобщее равное прямое избирательное право, образование производственных ассоциаций при финансовой помощи государства. 23 мая 1863 г. был основан Всеобщий германский рабочий союз и Лассаль избран его президентом. Союз ставил перед собой преимущественно политические цели. В территориальном плане он перешагнул границы Пруссии, вся Германия была, по мнению Лассаля, территорией рабочего движения, и он сумел соединить национальный принцип с немецким рабочим движением. Число членов Союза увеличивалось не слишком быстро. Отсутствовал центральный печатный орган, вся идеологическая деятельность воплощалась в брошюрах, листовках и многочисленных речах самого Лассаля. В борьбе с прогрессистами он сформулировал концепцию «социальной монархии».

Идея Лассаля о всеобщем избирательном праве нашла отклик у Бисмарка, который видел в ней эффективное оружие в борьбе против оппозиции прогрессистов. Бисмарк вступил с Лассалем в диалог и позже, когда того уже не было в живых, использовал, эту идею в борьбе за объединение Германии. Не случайно поэтому, что именно Лассаля считают в Германии духовным отцом всеобщего избирательного права. После гибели Лассаля на дуэли при его преемнике И. Швейцере Всеобщий германский союз довольно быстро стал очень немногочисленным и продолжал свою деятельность только в Рейнской области и Берлине.

В конце 60-х годов в немецком рабочем движении стали все шире распространяться идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. На основе их в августе 1869 г. в Эйзенахе была создана социал-демократическая рабочая партия. Ее лидерами стали В. Либкнехт (1826–1900) и А. Бебель (1840–1913). Они выступали за устранение любого «классового господства», за создание «свободного народного государства», за введение «товарищеского труда». Бебель требовал ликвидации имущественного неравенства и полагал, что именно во имя экономического равенства рабочий класс должен завоевать власть. По сути эта партия противопоставила себя как буржуазии, так и лассальянскому Всеобщему германскому рабочему союзу.

В рамках движения за национальное объединение наличие многочисленных социальных противоречий между буржуазией и рабочим движением облегчало бисмарковскую политику, так как делало непривлекательными в глазах общественного мнения реформизм и партийно-политическую борьбу. Еще одним фактором мобилизации общественного мнения стала активная внешняя политика Бисмарка.

В 1863 г. умер датский король и его преемник объявил себя герцогом Шлезвига и Гольштейна. Гольштейн входил в состав Германского союза, и оба герцогства после революции 1848–1849 гг. имели автономию. В Германском союзе и прежде всего в Пруссии началось движение за освобождение герцогств от датской зависимости. Герцогства заявили о своем стремлении к самоопределению. В феврале 1864 г. началась война. Пруссия выступила совместно с Австрией. Война была для Дании короткой и бесславной. В октябре 1864 г. был заключен Венский мирный договор. В соответствии с его условиями, Пруссия получила в управление Шлезвиг и присоединила к себе герцогство Лауэнбург, а под управление Австрии перешел Гольштейн. Пруссии было предоставлено право возводить на территории Гольштейна военные и военно-морские

сооружения. Требования Шлезвиг-Гольштейнского движения о передаче власти герцогу Аугустенбургскому, который имел сторонников среди немецких либералов и способствовал бы созданию конституционного национального государства, так и не было выполнено. Инициатива в национальном вопросе целиком перешла к Бисмарку.

Сложившаяся ситуация негативно воспринималась Австрией, поскольку у нее в отличие от Пруссии не было никаких преимуществ на территории Шлезвига. Но Бисмарк это устраивало, так как он уже открыто стал проводить курс на разрушение Германского союза. Во-первых, в его распоряжении было достаточно денежных средств. Во-вторых, ему удалось заключить союз с Итальянским королевством, которое было обязано вступить в войну с Австрией на стороне Пруссии.

И, наконец, в-третьих, Бисмарк спровоцировал конфликт своим предложением о созыве обще-германского парламента на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. Он внес это предложение на рассмотрение Союзного сейма. Австрия не могла согласиться с этим предложением, она восприняла его как начало разрушения Германского союза, прусские либералы в свою очередь выразили готовность поддержать Бисмарка.

В июне 1866 г. войска Пруссии вступили в Гольштейн, одновременно Бисмарк внес в бундестаг проект новой Конституции, предусматривающей исключение Австрии из Германского союза. Большинство государств Союза поддержало Австрию, а не Пруссию: было принято решение о мобилизации войск против Пруссии. Прусское королевство заявило о своем выходе из Германского союза и начало войну против Австрии.

Война с Австрией началась 16 июня, а уже в конце июля вскоре после решающей победы Пруссии у богемской деревни Садова (Кениггреце) было заключено перемирие. По Пражскому мирному договору от 23 августа 1866 г. Германский союз распускался, было заявлено о создании нового образования – Северо-германского союза. Австрия вступать в него не имела права и вынуждена была согласиться на присоединение к Пруссии Шлезвига, Гольштейна, Ганновера, Кургессена, Нассау и вольного города Франкфурта-на-Майне и уплату Пруссии контрибуции.

После этих событий ситуация в Германии в течение нескольких недель претерпела фундаментальные изменения. Национальное движение, сложившее еще в условиях Реставрации и предмартовского периода, испытало сильное замешательство. Бисмарк без участия национального движения устранил те политические факторы, которые мешали объединению Германии: Германский союз и австро-прусская дуализм. В прусской партии прогрессистов произошел раскол, так как многие задним числом одобрили политику Бисмарка. Вскоре была образована Национал-либеральная партия, готовая поддержать Бисмарка в его политике, направленной на объединение Германии. Лидером партии стал известный либеральный политик Р. Беннигсен (1824–1902).

Уже в августе 1866 г. были сделаны решительные шаги в направлении создания нового национального устройства Германии. Бисмарк воспользовался преобладающим положением Пруссии: по территории это было самое крупное германское государство (его площадь – 352 тыс. км², тогда как площадь самого маленького государства – Бремена – 192 км²); население Пруссии составляло 80 % от всего населения Германии. В августе – сентябре 1866 г. все германские земли к северу от реки Майн (всего 22 государства и 3 вольных города) вошли в состав нового государства – Северо-германского союза. В 1867 г. была разработана его Конституция.

По Конституции Северо-германского союза вся полнота власти находилась в руках президента – наследного прусского короля, он же был главнокомандующим прусской армией. Заместитель президента – союзный канцлер, он же являлся прусским министром-президентом и председателем Союзного совета, который не избирался, а формировался из представителей союзных государств. В нем 17 мест из 43 принадлежало Пруссии.

Союзный совет, правда довольно условно, можно считать верхней палатой парламента Северо-германского союза. Нижняя палата – рейхстаг, который избирался мужским населением на основе всеобщей подачи голосов (от участия в выборах отстранялись военные). Важные отрасли законодательства были изъяты из ведения отдельных государств и переданы в компетенцию Союза: вопросы гражданства, свободы передвижений, законодательство в области промышленности, торговли, таможенных пошлин, судоходства, монетного дела, мер и весов, железных дорог, водных путей, почты и телеграфа, банков, уголовного права, судопроизводства и т. п. Наделенный полным бюджетным правом и частично законодательной инициативой рейхстаг располагал классической парламентской компетенцией. Однако правительство непосредственно ему подотчетно не было. Вполне корректно утверждать, что Северо-германский союз представлял собой политически дееспособное государство, конституционную монархию на федеративной основе.

Северо-германский союз стал ядром будущего национального государства, но сам таковым не был. Четыре южных государства (Баден, Бавария, Вюртемберг, Гессен-Дармштадт) не входили в его состав, хотя находились в сфере его влияния. Баден стремился присоединиться к Союзу и даже сформулировал заявление с просьбой о присоединении, но в той ситуации она не могла быть реализована. Между Севером и Югом существовало множество связующих нитей, наиболее отчетливо это проявлялось в области торговой политики. Весной 1868 г. состоялись общегерманские выборы в Таможенный парламент (орган, который был предусмотрен в рамках общей таможенной политики). Это первые общегерманские выборы после апрельских 1848 г. Таким образом, экономическая и торговая политика вновь проявила себя в качестве ведущего фактора национального единения.

Бисмарк предпочитал действовать военным путем. Гарантом независимости четырех германских государств была Франция. В условиях подъема националистических настроений и в Германии, и во Франции повода к войне с нею не пришлось долго искать. Бисмарк сумел направить ситуацию в нужную ему сторону, когда 13 июля 1870 г., находясь в Эмсе, отредактировал текст депеши прусского министерства иностранных дел, придав ей оскорбительный характер и опубликовав ее в прессе. 19 июля 1870 г. Франция объявила войну Северо-германскому союзу. Эту войну в немецкой историографии второй половины XX в. часто называют франко-германской, имея в виду, что государства Северо-германского союза присоединились к Пруссии. В отечественной историографии ее обычно называют франко-прусской. Представляется, что интересы Пруссии, конечно, определяли политику Северо-германского союза, но в данной ситуации они соответствовали германским национальным потребностям. Поэтому в первые недели эта война, которая во многом началась как франко-прусская, превратилась в франко-германскую.

Французское правительство рассчитывало на поддержку католических земель Южной Германии. Оно объявило о намерении создать на левом берегу Рейна независимое государство, вернуть законные права германским князьям, которые они утратили в 1866 г., гарантировать возвращение Австрии в Германский союз. Эти намерения не вызвали энтузиазма даже в Южной Германии. Очень скоро, 2 сентября 1870 г. французская армия потерпела сокрушительное поражение при Седане, Наполеон III сдался в плен вместе с 10-тысячной армией; 4 сентября в Париже вспыхнула революция, а с 17 сентября началась осада Парижа немцами. Задача объединения Германии практически была решена. Но военные действия продолжались, поскольку Бисмарк не собирался отказываться от аннексии Эльзаса и Лотарингии. В дальнейшем это отразится на характере созданного единого государства. После того как была достигнута договоренность о слиянии южных земель с Северо-германским союзом, и было заключено перемирие с Францией, 19 января 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца состоялось торжественное провозглашение Германской империи. 16 апреля 1871 г. была

принята Конституция Германской империи, в основе которой лежала Конституция Северо-германского союза. По условиям Франкфуртского мира к Германии отходили Эльзас и Лотарингия, а Франция была обязана в течение трех лет выплатить 5 млрд франков в качестве контрибуции.

Роль Бисмарка в создании Германской империи необычайно велика. Он сумел воплотить чаяния как либералов, так и юнкеров, как буржуазии, так и всего немецкого народа. Это был его «звездный час». Создание Германской империи покончило с вековой раздробленностью немецких земель, кардинально изменило соотношение сил в Европе: завершилось объединение Италии и возникла новая система международных отношений. Правда, в 70-е годы XX в. в ФРГ представители новой социальной истории заявляли, что, с точки зрения континуитета германской истории, Бисмарк оставил пагубное наследство, так как Первая и Вторая мировые войны вытекают, по их мнению, именно из реализованного Бисмарком варианта объединения Германии.

Германскую империю 1871 г. нельзя в полной мере считать национальным государством. Во-первых, не все немцы оказались в границах этого государства. Во-вторых, на Севере, Западе и Востоке Империи проживало ненемецкое население. В-третьих, с точки зрения современного понятия «нация», возникшего в годы Французской революции конца XVIII в. и делавшего упор именно на политической суверенности народа, Германская империя была союзом князей, политического равенства не было, сохранился трехклассный избирательный закон в Пруссии, рейхстаг не имел влияния на правительство, присутствовала ярко выраженная гегемония Пруссии (в союзном совете 17 мест из 58 принадлежало Пруссии, прусский король стал императором Германской империи, имперский канцлер – прусским министром-президентом, столица Пруссии Берлин – столицей Германской империи). Все это не позволило в полной мере достичь согласия и создало основы для нового национального движения.

Германская империя в 70-80-е годы XIX в.: индустриальный прорыв, культуркампф, европейская гегемония

После провозглашения Германской империи общий курс экономической политики сохранил преемственность с развитием Северо-германского союза, в рамках которого уже были сделаны шаги по либерализации торговли, уничтожена паспортная система, введено свободное передвижение населения, установлен дешевый железнодорожный тариф. В 70-е годы начался бурный рост промышленного производства. Значительная часть контрибуции пошла на субсидии промышленности, правительственная помощь совпала с самостоятельным расцветом немецкой промышленности. Началась эпоха «грюндерства» – учредительской горячки (нем. gründen – «основывать»). В обществе практически все были охвачены страстью к наживе. Создавалось много акционерных компаний, которые успешно использовали сбережения мелких и средних обывателей и поначалу выдавали щедрые дивиденды. Но кризис 1873 г. положил конец «грюндерству», многие мелкие вкладчики и предприниматели разорились. Параллельно шел процесс увольнений рабочих и сокращения заработной платы. Возник ряд судебных процессов по обвинению грюндеров в злоупотреблении доверием публики.

В своей внутренней политике Бисмарк продолжал ориентироваться на либералов и крупную буржуазию. Для него это стало необходимым условием укрепления государственной власти и своеобразным выражением благодарности либералам, которые поддержали его в период объединения. Для буржуазии единство Германии открывало

широкий простор для грандиозных коммерческих замыслов и смелых финансовых предприятий. Первые шаги Бисмарка как имперского канцлера были направлены на создание единого экономического пространства Германской империи. С 1873 г. устанавливалась единая монета и вводилось золотое обращение. В 1871 г. было введено общее почтовое право, в 1875 г. создан общий имперский банк. Приоритетными принципами экономической политики Бисмарка в 70-е годы были фритредерство и освобождение промышленности от каких-либо преград со стороны государства. Правой рукой канцлера был известный манчестерец Р. Дельбрюк (1817–1903). Бисмарк полагал, что государство ни под каким видом не должно вмешиваться в производственную деятельность, и именно с этих позиций он не поддерживал рабочее движение.

В 1871–1872 гг. крупные германские государства отказались от права иметь своих дипломатических представителей. Произошло объединение судопроизводства, появились суды, действовавшие на основе общеимперских законов. Параллельно проводилась политика сплочения и объединения армии. В 1872 г. во всей Германии был введен общий военно-уголовный кодекс, в 1874 г. прусский закон о воинской повинности был распространен на всю Германию. Но с комплексом либеральных реформ в целом Бисмарк не спешил. В 1872 г. была проведена административная реформа, направленная против феодализма. Она должна была заменить патримониальную власть помещиков назначенными правительственными чиновниками и избираемыми местными органами самоуправления. Хотя реформа 1872 г. значительно сокращала власть дворян, но дворянство сохранило сильные позиции в области самоуправления. Сопrotивление дворян было сильным. Особенно бурно выражали недовольство восточнопрусские землевладельцы, которые считали Бисмарка своим открытым врагом. Либеральным по характеру был введенный Бисмарком, правда, не без колебаний, закон о свободе печати. Главное достоинство закона о печати – установление судебной ответственности за литературные проступки и преступления и введение явочного порядка для периодических изданий.

Характерная черта правления Бисмарка – балансирование между отдельными государствами в Союзном совете и партиями в рейхстаге. Будучи мастером политической интриги, канцлер ловко использовал все противоречия в интересах единоличного правления. В состав Германской империи входило 25 самостоятельных политических единиц и особая имперская провинция Эльзас-Лотарингия. Коллективным носителем суверенитета являлись 22 немецких государя и сенаты трех городов – Гамбурга, Любека и Бремена. Как уже отмечалось, также как и в Северо-германском союзе в политической системе империи преобладала Пруссия: по Конституции 1871 г. из 58 мест в Союзном совете 17 принадлежали ей. Она имела право вето по важным конституционным и военным вопросам. Единственным имперским министром был рейхсканцлер, он же глава Союзного совета. В 1878 г. основные общегерманские ведомства были закреплены за соответствующими прусскими министрами. В остальном принципы политической системы Империи совпадали с принципам Северо-германского союза.

В центре партийно-политической системы Империи стояла национал-либеральная партия, она опиралась на широкие круги предпринимателей и интеллигенции из протестантских регионов Германии. На выборах рейхстага 1877 г. она получила 29,7 % голосов. Партия была неоднородной, во главе правого крыла стоял Р. Беннигсен, а левое возглавлял Э. Ласкер (1829–1884). Продолжала существовать прогрессистская партия. Она отстаивала принципы свободной торговли, правового государства и парламентаризации Империи. В 1877 г. партия собрала 7,8 % голосов, ее лидером был О. Рихтер (1838–1906). На правом фланге находились Свободная консервативная партия (7,9 % голосов на выборах 1877 г.) и немецкая консервативная партия (соответственно 9,8 %). Консерваторы выражали интересы прусского юнкерства и зажиточного крестьянства. В 1871 г. возникла католическая партия Центра, которая отстаивала не столько католические настроения, сколько анти-пруссские. Партия быстро стала очень популярной, имела широкую

социальную базу (буржуазия, крестьяне, рабочие), руководящие позиции в ней занимала католическая аристократия. На выборах 1877 г. ей отдали свои голоса 24,8 % избирателей. Социалистическая партия Германии, была создана в 1875 г. на съезде в Готе в результате объединения Социал-демократической рабочей партии Германии, основанной в Эйзенахе и Всеобщего германского рабочего союза. Партия отстаивала интересы немецкого пролетариата, ее популярность сопоставима с консервативными партиями, она получила на выборах 1877 г. 9,1 % голосов избирателей.

К периоду союза Бисмарка с либералами относится и его знаменитая борьба с католиками, которую Вирхов – один из членов партии прогрессистов – назвал борьбой за культуру – культуркампф (Kulturkampf), а враги канцлера окрестили «диоклетиановским гонением». Веротерпимость всегда была характерной чертой правления династии Гогенцоллернов. Не интересовали религиозные убеждения католиков и Бисмарка. Но он принципиально не хотел допускать какое-либо их вмешательство в государственные дела. После образования Германской империи более трети ее населения составляли католики. У католической церкви было много прав и преимуществ: католическое духовенство вмешивалось в вопросы образования, в руках духовенства находились монашеские ордена, обладавшие большими денежными средствами. Папство хотя и было лишено светской власти, но вмешивалось в светские дела. В 1870 г. на Ватиканском соборе был провозглашен догмат о папской непогрешимости, и епископы, по мнению Бисмарка, превратились в орудие Папы. К созданию Германской империи католики отнеслись настороженно, так как главой Империи стало протестантское государство с ярко выраженным светским направлением политики. В свою очередь Бисмарк опасался, что католицизм станет одним из элементов партикуляризма, имея в виду прежде всего польские провинции Пруссии.

Католики начали борьбу первыми, составив в рейхстаге сильную партию – католическую партию Центра. Объединяющими моментами стало стремление защищать права католической церкви и готовность отстаивать местные права и обычаи. Лидером партии стал блестящий оратор, человек прекрасного образования, адвокат, бывший министр юстиции Ганновера Л. Виндхорст (1812–1889). В 1871 г. представители этой партии предложили рейхстагу, заступиться за права Папы. Последовал отказ. В этом же году канцлер уничтожил католическое отделение в прусском министерстве культов. По мнению Бисмарка, церковь должна подчиняться государству. В 70-е годы были приняты направленные против католической церкви законы: закон, запрещающий католической церкви вмешиваться в вопросы школьного образования (закон о школах 1871 г.), изгнание с территории Германии ордена иезуитов (1872). Венцом культуркампфа стали «майские законы» (1873), введившие для кандидатов на духовные должности обязательную образовательную стажировку в германских учебных заведениях с предоставлением светским властям права не утверждать в должности неподходящих кандидатов и свободы выхода из любого вероисповедания.

Со стороны католиков последовал взрыв негодования. Ответом государства стало введение в Пруссии гражданского брака (1874) и распространение его в 1875 г. на всю Империю. В 1874 г. власть получила право высылать священников, не подчинившихся судебным приговорам, затем последовало уничтожение на территории Германии монашеских орденов, а духовенству запретили распоряжаться церковным имуществом. К 1877 г. большинство католических священнослужителей вследствие неподчинения этим законам оказались в тюрьмах. В ходе борьбы за культуру Бисмарк боролся прежде всего с консерваторами, но одновременно испортил отношения и с либералами, так как они не видели, что канцлер отстаивает свободу совести.

К концу 70-х годов Бисмарка утомило противостояние с католиками, также он успел разочароваться в системе свободной торговли и промышленности, его сильно раздражал рост социал-демократии. Решая дилемму: либо создание парламентской демократии, либо сохранение жесткого авторитарного курса, Бисмарк выбрал второе, так как только с его

помощью, как он полагал, возможно эффективное руководство экономикой. Такая политика означала на деле «второе создание Империи». Все это привело к разрыву с либералами, примирению с Папой и началу сотрудничества с консерваторами. Интересы индустрии и аграриев требовали защиты, и Бисмарк во главу угла поставил протекционистскую политику и борьбу с социализмом.

В 1877 г. из-за покушения на императора Вильгельма I последовал роспуск рейхстага. В 1878 г. произошла перегруппировка сил в рейхстаге: усилились позиции консерваторов, а либералы оказались в оппозиции. Из правительства были удалены сторонники фритредерского курса, Бисмарк стал открыто поддерживать протекционистскую агитацию. В 1879 г. после бурной полемики в прессе и дебатов в рейхстаге был принят протекционистский таможенный тариф: введены покровительственные пошлины на ввоз зерна, скота, железа, леса; а также пошлины на колониальные товары (чай, табак, кофе). От бисмарковского протекционизма выиграли крупные промышленники и аграрии, которые стремились полностью захватить внутренний рынок и ограничить конкуренцию иностранных товаров. Следует заметить, что протекционистский тариф не стал панацеей, великого процветания не случилось.

Социалистическое движение после объединительного съезда в Готе переживало подъем. Влияние социалистов промышленных центрах расширилось. Воспользовавшись в качестве повода покушениями на кайзера, рейхстаг по предложению Бисмарка принял 19 октября 1878 г. «Закон против опасных стремлений социал-демократии», получившего название «исключительный». Он существовал до 1890 г. Под его действие попадали не только социалистические, но и все рабочие организации: закрывались рабочие газеты и журналы, производились аресты и высылки из страны членов социал-демократической партии, запрещались рабочие ассоциации, собрания. Этим законом, а также протекционистскими мерами из активной политической жизни были исключены рабочий класс и либеральная буржуазия. Но социалисты утверждали свое влияние в клубах хорового пения, клубах курильщиков. Но легального шанса для парламентского развития теперь не существовало, хотя на выборах за социалистов продолжали голосовать, однако главными силами в рейхстаге стали консервативные партии, с которыми Бисмарк активно сотрудничал. Сторонники Бисмарка заключили соглашение – картель, благодаря которому он стал господствовать в рейхстаге.

Стремясь доказать обществу, что государство заинтересовано не в репрессиях, а в реальной помощи рабочим, Бисмарк начал склоняться к «государственному социализму» и признал обязательства государства в отношении нуждающихся. По указанию канцлера была разработана серия социальных законов: закон о страховании на случай болезни (1883), от несчастных случаев на производстве (1884), закон о страховании в случае инвалидности и старости (1889). Хотя система страхования затрагивала лишь часть рабочего класса, она способствовала некоторому улучшению положения рабочих и вопреки ожиданиям привела также и к росту их общественно-политической активности. Против этой системы выступили либералы, так как они отрицали необходимость государственного вмешательства в социальные отношения в принципе. Не приветствовали социальные законы и социалисты, видя в этом стремление Бисмарка вырвать рабочее движение из-под влияния социал-демократии. Для Бисмарка такая политика была своеобразным «практическим христианством», которое хорошо вписывалось в ракурс его бонапартистской политики, но для того времени это было несомненным шагом вперед.

Бисмарк продолжал и проведение активной внешней политики. Образование в центре Европы экономически сильного, мощного в военном отношении и крупного по территории государства сразу изменило геополитическую ситуацию на континенте. Бисмарк видел главную цель внешней политики Германии в утверждении ее влияния в Европе. Также он исходил из того, что Франция будет стремиться к реваншу, поэтому необходимы были союзники и сильная армия. Союз с либералами не помешал Бисмарку в

1874 г. провести закон под названием септенат, предусматривавший повышенные ассигнования на армию на семь лет вперед. За эти годы армия выросла на 50 %, тогда как население Германии – на 25 %. «Кошмар коалиций» – так обычно называют внешнюю политику Бисмарка. Главная его забота – налаживание отношений с Россией, но чтобы не попасть в сильную зависимость от Петербурга, он добивался создания союза трех императоров – России, Германии, Австро-Венгрии. Союз был создан в 1873 г. Германия играла в нем роль арбитра между Россией и Австро-Венгрией, которые имели противоречия на Балканах.

Интересы России и Австро-Венгрии столкнулись в ходе очередного обострения «Восточного вопроса» в 1875–1878 гг. Союз трех императоров фактически перестал существовать. Германская империя вновь стала арбитром, а Бисмарк блестяще сумел изменить принципы международной политики в Европе в целом, когда на Берлинском конгрессе (1878) он сыграл роль «честного маклера» и, не «забыв» при этом об интересах Германии. После Берлинского конгресса наступило охлаждение русско-германских отношений, и, несмотря на сильное сопротивление императора, произошло заключение союза Германии и Австро-Венгрии. Создание этой коалиции положило начало блоковой политики, которая получит наивысшее развитие в начале XX в.

В 1881 г. произошло возобновление Союза трех императоров, поскольку канцлер выяснил, что Англия останется нейтральной в случае русско-германской войны. Теперь этот союз стал договором о сохранении нейтралитета. В таком же ракурсе следует рассматривать договор России и Германии 1887 г., который вошел в историю как «договор перестраховки», предусматривавший взаимный нейтралитет на случай войны с каким-либо другим государством. Правительство Германии дважды намеревалось начать войну против Франции (1875, 1887). Но оба раза этому помешала Россия. Бисмарк боялся войны с Россией и продолжал поиск союзников.

К австро-германскому альянсу в 1882 г. присоединилась Италия, которая не смогла «простить» Франции захват Туниса. В 1882 г. был заключен Тройственный союз, но вступление в него Италии имело больше политическое значение, чем военное, так как Франция оказалась в еще большей изоляции. В дальнейшем, когда в 1883 г. был заключен союзный договор между Австро-Венгрией и Румынией, Германия сразу к нему присоединилась, а Италия лишь в 1888 г. Таким образом, Бисмарк сумел создать «германской мир», систему блоков, которая должна была гарантировать не только безопасность, но и гегемонию Германии в Европе.

Бисмарк был противником активной колониальной политики, понимая, что это приведет к сильнейшим противоречиям с Англией. Но предприниматели настаивали на колониях и создали в 1882 г. «Колониальный союз». Колониальная политика стала вскоре для Бисмарка одним из оснований для достижения общественного согласия.

Государство само не занималось захватом колоний, но выдавало охранные грамоты германским подданным, занимающимся судоходством и заморской торговлей. В апреле 1884 г. бременский коммерсант Людериц попросил императора взять под покровительство побережье Юго-Западной Африки, осенью таким же образом авантюрист Петерс попросил охранную грамоту для захваченных им территорий в Восточной Африке. Вскоре было создано Общество германской колонизации, которое в 1887 г. объединилось с «Колониальным союзом» и возникло Германское колониальное общество.

Как и предполагал Бисмарк, вступление Германии на путь колониальных захватов привело к резкому ухудшению отношений с Англией. Бисмарк стал чинить препятствия британской политике в Египте. Но все-таки проблемы колониальной экспансии занимали подчиненное место во внешней политике Германии. «Ваша карта Африки очень хороша, но моя карта Африки в Европе, – сказал Бисмарк в беседе со сторонником активной колониальной политики. – Здесь расположена Россия, здесь расположена Франция, мы же находимся в середине – такова моя карта Африки».

Вильгельмовская Германия на рубеже XIX-XX вв.

9 марта 1888 г. умер Вильгельм I, новым императором стал уже смертельно больной Фридрих III. Он был известен как либерал и англофил. Фридрих III правил всего 99 дней. 15 июня 1888 г. у Германии появился новый император – 29-летний, энергичный, стремящийся быть самостоятельным Вильгельм II. Новый кайзер являлся, бесспорно, незаурядной личностью. Он отличался живостью ума, любознательностью, но часто его способности сводились к «нулю» неуравновешенным характером, эксцентричным поведением, огромным самомнением. Психическое здоровье императора неоднократно было предметом пристального внимания современников. Кайзер был проникнут такими представлениями о роли монарха, которые не укладывались в рамки ограниченного немецкого конституционализма и противоречили бисмарковскому стремлению к единовластию. Бисмарк еще полтора года оставался канцлером, но «бисмарковская эра германской политики» начала клониться к упадку. Окончательно выяснилась несостоятельность «исключительного» закона: выросло число забастовок, в рамках которых настойчиво звучали требования 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты, запрещение сверхурочного труда. Кайзер стал склоняться к мысли отказаться от репрессивной политики. Бисмарк настаивал на продлении «исключительного» закона. Но его законопроект в январе 1890 г. был отклонен рейхстагом.

В феврале 1890 г. радикально изменилась парламентская ситуация, когда на выборах в рейхстаг сенсационный успех сопутствовал социалистам, усилили свои позиции партия Центра и левые либералы. Бисмарк решил заручиться поддержкой партии Центра, которая выразила готовность на определенных условиях поддержать канцлера в союзе с консерваторами. Переговоры Бисмарка с лидером этой партии Виндхорстом стали формальным предлогом для требования императором отставки канцлера. Во многом не совпадали взгляды Бисмарка и кайзера и на внешнеполитические дела, особенно по поводу отношений с Россией. Сыграла свою роль и неудачная попытка Бисмарка заключить в 1889 г. союз с Англией. Но все же ведущим основанием для ухода Бисмарка из публичной политики в марте 1890 г. стали внутренние дела.

В апреле 1890 г. в должность вступил новый канцлер Лео Каприви (1890–1894). Это был довольно закрытый человек, который не стремился к внешним эффектам. Он четко представлял все опасности, грозившие Империи изнутри и знал, как минимизировать угрозу. В отличие от своего предшественника Каприви заявил, что необходимо полное изменение политического курса. Германия должна стать страной императора, стоящего над всеми политическими партиями. Главной функцией такого государства было поддержание внутреннего порядка и обеспечение внешнеполитической безопасности. Сфера внешней политики являлась для нового канцлера приоритетной, все мероприятия внутри страны должны были, по его мнению, служить одной цели – подготовить народ и страну к будущей войне. Она будет отличаться от «кабинетных» войн XVIII и первой половины XIX в. и станет войной не армий, а народов. Залогом победы Каприви считал создание в Германии политически единой нации.

Идея «примирения» нашла воплощение в отношениях нового правительства с парламентом и партиями, национальными и конфессиональными меньшинствами, в социальной сфере и получила название политики «нового курса». В частности, католическая церковь получила 16 млн марок государственной дотации, задержанной в годы культуркамфа, смягчилась политика в отношении польского населения Пруссии. В 1891 г. был принят закон об охране труда, запрещавший работу в праздники и в выходные дни, а также детский труд. Продолжительность рабочего дня для подростков снижалась до

10, а для женщин – до 11 часов. В результате налоговой реформы 1891–1895 гг. вводился единый прогрессивный налог.

Одна из ключевых целей «нового курса» – ускорение индустриального развития Германии и форсирование процесса модернизации в целом. Понимая необходимость расширения рынка сбыта для немецкой промышленности, Каприви видел выход в облегчении импорта в Германию продукции тех стран, к которым проявляли заинтересованность немецкие предприниматели. В 1891–1893 гг. были заключены новые торговые соглашения с Австро-Венгрией, Бельгией, Италией, Румынией, Швейцарией, а в 1894 г., после непродолжительной таможенной войны, с Россией, которые значительно снижали торговые пошлины. Результатом предпринимаемых шагов стало после 1895 г. постоянное увеличение немецкого экспорта. Рост германской торговли в 1894–1904 гг. составил 66 %, в то время как за тот же период Англии удалось достичь прироста на 38 %, а США – на 59 %.

Примирительный курс Каприви с одобрением восприняла социал-демократическая партия, но резко отрицательно к нему отнеслись консерваторы, поскольку он серьезно затрагивал аграриев, чьи интересы они выражали. В знак протеста против снижения тарифов на сельскохозяйственную продукцию юнкеры создали в 1893 г. Союз сельских хозяев. Ратификация торговых соглашений стала вершиной «нового курса», затем ситуация начала осложняться. В октябре 1892 г. был готов новый военный законопроект, который предполагал сокращение срока службы при одновременном увеличении численного состава армии в мирное время. К моменту его обсуждения в рейхстаге Каприви уже стал фактическим противником всех политических партий. Обсуждение проекта в рейхстаге происходило в течение полугода, он не получил достаточной поддержки ни в первом, ни во втором чтении. Законопроект стал яблоком раздора и разъединил или ослабил все оппозиционные партии. В этих условиях рейхстаг был распущен, назначены новые выборы, только вновь избранное представительство с небольшим преимуществом одобрило военный законопроект. Эти события показали, что судьба Каприви находится в руках рейхстага и императора.

Положение Каприви еще сильнее пошатнулось после провала в рейхстаге его законопроекта о школьной реформе, предполагавшего усиление влияния церкви в сфере образования. Бурные протесты выразили либералы, университеты, научные сообщества – все они опасались нового культуркама. Канцлера из-за этого законопроекта перестали поддерживать как либералы, так и партия Центра, заинтересованная в его проведении. Сначала Каприви сложил с себя обязанности прусского министра-президента, им был назначен близкий к кайзеру консерватор Бото Ойленбург. Сотрудничество канцлера с ним было невозможным, и в октябре 1894 г. император их обоих отправил в отставку. Новым канцлером и прусским министр-президентом стал престарелый князь Хлодвиг Гогенлоэ (1894–1900), которого все воспринимали как временную фигуру в публичной политике.

Все более заметной тенденцией политического развития Германии становилось углубление противоречий между рейхстагом и имперским правительством. Каждому последующему канцлеру становилось все сложнее добиться у рейхстага поддержки своей политики. Во внутренней политике Империи царил настоящий хаос – канцлер, партии, отдельные экономические и «национальные» группы, прусские министерства, германские государства, император, армия, флот – все боролись друг с другом во имя своих узких интересов. Особенно напряженными были отношения между демократически избираемым рейхстагом и прусским ландтагом, который продолжал формироваться на основе трехклассного избирательного закона, что вело к доминированию консерваторов. Между тем, по Конституции именно имперское правительство во главе с канцлером было ответственным за все происходящее. Гогенлоэ не сумел выработать общую политическую стратегию, чтобы противостоять хаосу.

Итак, уже отставка Каприви стала следствием краха второй «большой политической реформы», которая должна была бы завершить процесс внутренней консолидации Империи. Индустриализация в 90-е годы еще отчетливее выявила внутреннюю экономическую и социальную разобщенность вильгельмовской Германии. Она была обусловлена еще Бисмарком, имела также региональные проявления (Запад страны был в промышленном отношении более развит, чем Восток, где более остро стояли социальные проблемы), что делало бесплодными попытки Каприви достичь консолидации. Канцлер Гогенлоэ не имел ни сил, ни умения для решения этой задачи. Во время его пятилетнего канцлерства еще больше разошлись интересы Пруссии и Германии.

Осенью 1900 г. четвертым канцлером стал Бернхард Бюлов (1900–1909). Именно канцлерство Бюлова часто называют временем начала фактического отстранения от активного принятия решений кайзера Вильгельма II. Очень часто историки в связи с правлением Вильгельма II ставят проблему истинного или мнимого цезаризма, а также формулируют ее как режим «личной власти» кайзера. Есть точка зрения, что Бюлов сумел «нейтрализовать» эксцентричного императора и что в годы его канцлерства власть Вильгельма и его влияние сильно ограничилось. Бюлов сумел приспособиться к экстравагантным затеям императора и стилю «управления», научился использовать шумливые речи кайзера для проведения в жизнь намеченных целей. Канцлер действительно нашел подход к Вильгельму, стал пользоваться его безграничным доверием и дружбой, а в качестве приманки кидал дешевые внешнеполитические успехи без риска для войны с сильными соперниками. Он создал вокруг императора ограниченную информационную среду и за его спиной проводил самостоятельную жесткую политику. Когда Вильгельм проявлял независимость, то происходили международные скандалы.

Заметным явлением политической жизни Германии на рубеже XIX–XX вв. было активное формирование партийных, общественно-политических, профсоюзных организаций и движений. Образованный еще в 1876 г. Центральный союз немецких промышленников, близкий к свободным консерваторам, и возникший в 1895 г. Союз промышленников, ориентированный на Национал-либеральную партию, оказывал довольно большое влияние на политику правительства. Уже упоминавшийся Союз сельских хозяев воздействовал на нее через Немецкую консервативную партию. Таким образом, ведущие германские партии превратились в организации, выражавшие интересы различных социальных слоев.

Все более заметную роль в немецком обществе стали играть профсоюзы. В 80-е годы они объединяли около 100 тыс. рабочих, которые принадлежали к социалистическим и либеральным профсоюзам. В 90-е годы усилилось значение социалистических профсоюзов, вскоре они сплотились под эгидой генеральной комиссии свободных профсоюзов. В начале XX в. (1906) социал-демократия признала независимость профсоюзов от партии. Если в 1900 г. свободные профсоюзы насчитывали около 700 тыс. членов, то к 1910 г. их число превысило 2 млн человек. Существовали также, правда немногочисленные (около 120 тыс. человек), леволлиберальные «гиршдункерские» профсоюзы, созданные М. Гиршем и М. Дункером. Под эгидой партии Центра действовали христианские профсоюзы, куда входили в основном рабочие католического вероисповедания. К 1910 г. они насчитывали около 300 тыс. человек.

Пастор Ф. Науман (1860–1919) создал в 1896 г. Национально-социальный союз. В программе этой организации он попытался соединить идеи либерализма, социализма, монархизма и империализма. На выборах 1903 г. этот союз потерпел сокрушительное поражение, поскольку хотел соединить несовместимое. Вскоре Национально-социальный союз слился со Свободомыслящим объединением левых либералов. Но создание так называемых «союзов интересов» стало устойчивой тенденцией политического развития Германии.

Новые принципы нашли отражение в деятельности Социал-демократической партии. Заметно возросло число профсоюзных лидеров, которые большей частью выступили за ревизию марксистских положений. Они полагали, что революционные выводы Маркса о скором крушении капиталистической системы неверны, и видели путь освобождения пролетариата в рамках реформистской парламентской демократии. Развернутое теоретическое обоснование ревизионизма дал Э. Бернштейн (1850–1932) в работе «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899). Руководство СДПГ в 1899 г. осудило ревизионизм и объявило Бернштейна предателем идеи социалистической революции. В свою очередь он стал утверждать, что конечная цель социализма – ничто, а «движение к этой цели – все». Принципы Бернштейна становились все более востребованными рабочим движением, а практические успехи профсоюзных лидеров получали одобрение пролетариата.

В вильгельмовской Германии быстро росла активность националистических движений. Создание организаций подобного толка началось еще в годы бисмарковского рейха. В 1873 г. возник «Немецкий военный союз», затем в разных частях Германии появились «Союзы воинов» под эгидой Пруссии. Имперское правительство видело в этом опасность пробуждения национально-патриотических традиций прусского ландвера. В 1899 г. был создан единый «Союз немецких воинов». Эти образования во многом несли в себе патриотический заряд эпохи объединения и выступали за усиление армии и размежевание с социал-демократией. Из имперского патриотизма в период вильгельмовской Германии вырос анти-демократический национализм. Тенденции перехода к нему наметились еще в годы грюндерства, когда в ряде социальных групп произошло крушение ментальности, вследствие негативного воздействия процесса модернизации. Термин «национальный» начал использоваться в новом контексте, в качестве национального протеста против либеральной политики Бисмарка. В 1879 г. канцлер повернулся лицом к недовольным модернизацией слоям. Они стали опорой империи и ядром нации, это также означало на деле «второе создание Империи».

По своей национальной природе такая оппозиция была связана с анти-семитизмом. Евреи в вильгельмовской Германии были атакованы не на основе религиозного принципа, как это бывало и прежде, а на основе их ведущей роли в процессе модернизации. Антисемитизм стал выступать как вариант биологического расизма. На этой почве возникли анти-семитские партии и объединения, которые явились первой формой организованного национализма. В 1886 г. было основано «Немецкое анти-семитское объединение», оно стало основой немецкой национальной партии. Термин «немецко-национальный» трансформировался в «национальный» и понимался прежде всего как «нееврейский». Понятие «немецко-национальный» сначала получил развитие в Австрии, что подчеркивает австрийское влияние в развитии велико-германского движения. Именно в Австро-Венгрии в 80-е годы возникла идеология пангерманизма, его создателем стал К. Шенерер, были основаны национальные союзы для защиты немецкого языкового меньшинства, например, «Немецкий школьный союз» (1880). Вскоре подобный союз возник в Берлине. Первоначально в качестве своей цели он декларировал помощь немецким школам за границей. Но затем стал заботиться о достижении велико-германских целей. С 1908 г. существовал «Союз поддержки германства на Востоке» или как его часто называют «Немецкий союз восточной марки». Он был направлен против так называемой польской опасности на востоке Германской империи и препятствовал въезду польских рабочих в ее западные индустриальные районы, выступал за бойкот переселенческой политики и активную германизацию польского населения.

Существенно дальше в этом направлении пошел созданный в 1891 г. «Всеобщий германский союз», который с 1893 г. стал называться пангерманским и являлся самым ярким примером нового организованного национализма. Он не был массовой организацией (около 40 тыс. членов), но обладал огромным влиянием прежде всего через студенческие и школьные союзы. В Пангерманский союз входило много влиятельных

чиновников, которые обеспечивали ему прочные связи с государственными структурами, журналисты, профессора, учителя. Во главе союза в течение многих лет стоял реакционный публицист и адвокат Генрих Клас (1868–1953), некоторое время его председателем был К. Петерс. Пангерманский союз играл роль «национальной оппозиции» и боролся за соответствие немецким интересам политики Германской империи на суше и на море. Он выступал за расовое и культурное единство всех немцев, за национальные связи всего немецкого народа в Центральной Европе. С середины 90-х годов им была востребована концепция «Срединной Европы», которая трактовалась как господство над соседними европейскими прежде всего славянскими народами. Это уже могло быть осуществлено только на основе вмешательства правительства.

Пытаясь найти выход из внутривластного кризиса и добиться формирования устойчивого парламентского большинства, канцлер фон Бюлов сделал ставку на экономический компромисс, призванный примирить интересы аграриев и промышленников. В 1902 г. рейхстагом был принят новый таможенный тариф. Но поддержка, оказанная правительством аграриям, не смогла уравнять сельскохозяйственный сектор с быстро растущей промышленностью. Введение новых таможенных тарифов привело к падению авторитета правительства. Все партии, поддерживавшие тарифы, – консерваторы, национал-либералы и Центр – на выборах в рейхстаг 1903 г. потеряли часть голосов, а социал-демократы, выступившие против них, получили 81 место вместо прежних 25. Новый состав рейхстага оставлял еще меньше надежд на поддержку действий правительства. А проведение, в свою очередь, эффективной внешней «мировой политики» требовало финансовой свободы. Хронический дефицит бюджета и рост задолженности заставили правительство незамедлительно проводить налоговую реформу. Проект налогового законодательства был представлен в рейхстаг в конце 1905 г. Он предусматривал установление справедливых пропорций между прямыми и косвенными налогами, а также введение налога на наследство. Эти изменения должны были принести в казну около 3220 млн марок. Но законопроект был принят только тогда, когда от налога на наследство освободили земельную собственность. Введение прямых налогов стало победой правительства. Попытка повышения косвенных налогов вызвала противодействие со стороны всех партий. В конце концов увеличение доходной части бюджета лишь на 100 млн марок не смогло даже покрыть расходы на вооружения. Статс-секретарь канцлера по внутренним делам А. Посадовский подготовил три закона по вопросам внутренней политики и социальных отношений. В 1899 г. была разрешена свобода коалиций в рейхстаге. В 1904 г. рейхстаг отменил закон, разрешавший правительствам отдельных немецких государств высылать членов иезуитского ордена. В 1906 г. для депутатов было введено денежное довольствие. Эти законы во многом соответствовали интересам социал-демократии.

В канцлерство Бюлова был проведен ряд новых социальных реформ: расширен круг застрахованных от несчастного случая, третейские арбитражные суды вводились во всех общинах численностью свыше 20 тыс. человек, запрещался детский труд и в домашнем производстве, была принята имперская программа жилищного строительства для рабочих. В 1907 г. правительство запросило у рейхстага дополнительные кредиты на колониальные нужды, но встретило сопротивление фракции Центра. В итоге партия Центра вместе с социал-демократами провалила колониальные кредиты. После этого рейхстаг был распущен, а социальные реформы больше не осуществлялись.

Выборы 1907 г. проходили в обстановке националистических эмоций и принесли победу консервативным и либеральным партиям, образовался так называемый «бюловский блок». Подобный расклад не отражал истинного соотношения сил, поскольку был обусловлен устаревшим и непропорциональным делением избирательных округов. «Бюловский блок» не являлся сплоченным, его партии объединял лишь общий подход к внешней политике. Но консерваторы вынуждены были пойти навстречу либералам, и в 1908 г. рейхстаг принял закон о свободе союзов и собраний. Поводом к распаду

неустойчивой парламентской коалиции стала очередная бестактность императора. В октябре 1908 г. кайзер в интервью британской газете «Дейли телеграф» заявил, что является большим другом Англии, но вынужден считаться с господствующими в Германии анти-британскими настроениями. Он также подчеркнул, что в англо-бурской войне буры были разгромлены по его собственному плану, который он послал королеве Виктории. В Англии это интервью восприняли как проявление вражды к Великобритании и надменности Вильгельма II. Официальный протест заявили Россия и Франция, поскольку оценили заявление кайзера как попытку спровоцировать ухудшение их отношений с Англией. Общественное мнение Германии, все партии также выразили сожаление по поводу высказываний кайзера. Вильгельм в свою очередь заявил, что текст был им согласован с ведомством иностранных дел. Во время обсуждения скандала в рейхстаге Бюлов не защитил кайзера и заявил, что не в состоянии отвечать за политику Империи. После этого инцидента Вильгельм II ждал удобного случая для отставки канцлера. Когда в результате парламентских разногласий по поводу введения дополнительных прямых и косвенных налогов «бюловский блок» развалился и сложился блок консерваторов и партии Центра, канцлер лишился поддержки в рейхстаге и сам подал в отставку. Следующим канцлером стал образованный и трудолюбивый, но не отличавшийся твердым характером Т. Бетман-Гольвег (1909–1917), в канцлерство которого резко начала возрастать роль рейхстага.

Переход к «мировой политике». Германия накануне войны

В период правления Вильгельма II смещается центр тяжести внешней политики Германской империи. В отличие от Бисмарка кайзер видел главные цели не в сохранении европейского равновесия, а в проведении активной мировой политики. Еще в период канцлерства Каприви Германия продолжала проводить внешнюю политику, направленную на дальнейшее укрепление ее позиций на Европейском континенте. Канцлер добивался всемерного увеличения роли армии при ограничении сферы действия флота защитой побережья страны. Он разделял точку зрения начальника Генерального штаба о неизбежности войны с Россией. Это соответствовало и представлениям кайзера. В 1890 г., когда наступил срок продления «договора о перестраховке», Германия отказалась от его возобновления. Отказ от этого соглашения сыграл роковую роль в судьбе страны. Он повлек за собой потерю независимого положения Германии в «европейском концерте». Империя оказалась вовлеченной в балканские проблемы своего австро-венгерского союзника, а Франция вышла из внешнеполитической изоляции и начала сближаться с Россией. В 1890–1891 гг. Вильгельм II попытался восстановить дипломатические отношения с Францией, но из этого ничего не вышло. Поэтому ему ничего не оставалось как укреплять созданный до него Тройственный союз, который подтверждается в 1891 г.

Каприви полагал, что гегемония Германии в Европе должна основываться не на военном, а на экономическом превосходстве. Действительно, для этого периода страны характерно мощное экономическое развитие. По темпам промышленного производства она вышла на первое место в мире. Большой экономический вес имела крупная финансовая и промышленная буржуазия, объединившаяся в картели. Во многом именно она была двигателем империалистических устремлений Германии. Крупнейшие немецкие олигархи, такие как Сименс, Ратенау, входили в ближайшее окружение кайзера и имели на него значительное влияние.

В 1890 г. было заключено англо-германское Гельголанд-Занзибарское соглашение, по которому Германия отказывалась от своих притязаний на Уганду, Сомали, от некоторых своих владений, а также соглашалась на установление британского протектората над Занзибаром. За это она получила от Англии стратегически важный остров Гельголанд в Северном море. В это время Британии делались предложения о присоединении к Тройственному союзу, но они были отвергнуты.

В вильгельмовский период наблюдалась активная колонизаторская деятельность. Борьба за колонии была связана и с общими принципами эпохи империализма, провозглашавшей престижность для сильного государства обладание большим колониальным пространством. Поддерживал колониальные притязания Германской империи Пангерманский союз. В 1899 г. Германия существенно расширила свои колониальные владения, когда после поражения Испании в войне с США она приобрела у Испании за 17 млн марок ряд крупных островов в Океании. Во время путешествия по святым местам Вильгельм II заявил, что он является защитником 300 млн мусульман. В Стамбуле кайзер провел переговоры о предоставлении Германии концессии на строительство Багдадской железной дороги, которая должна была связать Берлин через Босфор, Малую Азию и Месопотамию с Персидским заливом. Окончательно договор был подписан в 1903 г., что еще сильнее укрепило политическое влияние Германии в Турции.

Понятие «мировая политика» связано в германской истории с именем канцлера Б. Бюлова, который в 1897 г. занял пост секретаря Министерства иностранных дел. В этом же году, выступая перед рейхстагом, он заявил: «Мы больше не хотим находиться ни у кого в тени, мы требуем собственного места под солнцем». Эта фраза была произнесена под воздействием мощного общественного движения, которое выступало за строительство морского флота, ведение активной колониальной политики и стремилось заставить другие страны считаться с интересами Германии в мировом масштабе. Программа строительства флота изменила свои задачи под влиянием А. Тирпица (1849–1930). Если Каприви делал ставку в этой политике на охрану флотом собственной морской границы, то адмирал Тирпиц предлагал создать такой флот, который бы в случае войны «с самой сильной морской державой» подвергался бы такому риску, что и она. Однако успехи Германии на ниве строительства флота, перевооружения армии, а также невиданный рост промышленного производства привели к внешнеполитической изоляции страны.

В начале XX в. Германия оказалась в ситуации международных кризисов. Не сумев предотвратить создание англо-французской Антанты в 1904 г., она стремилась разрушить русско-французский союз, предпринимала неудачные попытки обеспечить британский нейтралитет. По сути германская внешняя политика оказалась в тупике. Пример тому Марокканские кризисы 1905 и 1911 гг., вызванные стремлением Германии утвердиться в Северной Африке. Международная поддержка страны ограничивалась лишь Австро-Венгрией. На Альхесирасской конференции (1906) Германия оказалась в полной изоляции. Балканские войны 1912–1913 гг. также завершились не с тем результатом, который бы соответствовал целям Империи. Турция и Болгария, которых фактически поддерживала Германия, потерпели поражение.

Главной причиной краха Германской империи была не только мировая политика, но и глубинные внутренние проблемы: немцы так и не смогли стать накануне Первой мировой войны действительно единой нацией.

Эпоха Итальянских войн

К началу XVI в. Италия оставалась пестрым конгломератом небольших государств, ключевую роль среди которых играли Миланское герцогство, Венецианская республика, Флорентийская республика, Папская область и Неаполитанское королевство. На севере и в центре Апеннинского полуострова существовало немало совсем мелких имперских владений. Подавляющая часть государств полуострова была монархиями, переживающими период централизации. Лишь в Венеции, Генуе, Луке и Сьене сохранялся республиканский строй – власть здесь сосредоточилась в руках патрицианской элиты. Но развитие социальной структуры итальянского общества существенно отличалось от общеевропейских тенденций. Во многом это стало результатом мощного экономического рывка, совершенного в XIV–XV вв. Развитие товарно-денежных отношений, успешное формирование мануфактурного производства, завершение процесса личного освобождения крестьян способствовали зарождению ранне-капиталистических отношений значительно раньше, чем в большинстве других регионов Европы. В сочетании с политической децентрализацией это обусловило сословную аморфность итальянского общества.

Особенно быстро росла численность и влияние городского населения – пополанства. Весьма пестрая во всех отношениях масса горожан включала купцов и банкиров, владельцев мануфактур и цеховых ремесленных мастеров, юристов и медиков, преподавателей и представителей творческих профессий. Наемные рабочие, подмастерья, внецеховые ремесленники, плебс составляли «тощий народ» (*popolo minuto*). Этот слой городской бедноты находился в бесправном положении и был постоянным источником социального напряжения. Верхушка пополанства напротив тяготела к феодальной элите общества.

В отличие от большинства стран Европы юридических ограничений для приобретения аристократических титулов состоятельными горожанами не было. Поэтому ряды итальянской знати пополнялись выходцами из среды патрициата и зарождавшейся буржуазии, которые покупали землю, титулы и звания. С другой стороны, многие аристократы занимались ростовщичеством и финансовыми спекуляциями, участвовали в торговых предприятиях.

Несмотря на выросшую социальную и экономическую роль пополанства, подавляющее большинство населения Италии по-прежнему составляло крестьянство. Оно также было весьма неоднородным по своему составу. В XV–XVI вв. шел процесс обезземеливания крестьян и формирования крупных латифундий. В большей степени была распространена аренда мелких земельных участков, а сами крестьяне нередко совмещали сельскохозяйственный труд с ремесленным. Незначительные прослойки лично свободных крестьян-собственников земли сохранились лишь в северных районах. На юге, напротив, по-прежнему существовали элементы феодальных отношений, а среди крестьянства был особенно высок уровень пауперизации.

Постепенная дифференциация населения способствовала формированию смешанной в социальном отношении элиты итальянского общества. Аристократическая знать и

анноблированная верхушка пополанства стремились к ужесточению политической власти. По-прежнему велика была и роль католической церкви. Папская курия нередко напрямую вмешивалась во внутренние дела итальянских государств. К тому же церковь оставалась крупнейшим землевладельцем. В разных районах страны ей принадлежало в от 1/3 до 2/3 всех земель. Представители высшего духовенства часто занимали высокие административные и дипломатические посты.

Показательным примером является эволюция политического строя Флорентийской республики, который уже к середине XVI в. превратился в монархическую систему абсолютистского типа. Еще с 1434 г. здесь закрепился олигархический режим семейства Медичи, опиравшийся на городской патрициат. Изгнание Медичи в 1494 г. открыло почти 40-летний период борьбы за власть между олигархией и пополанами. Дважды во Флоренции восстанавливалась республика, но в условиях политической нестабильности Медичи неизменно возвращались к власти. По Конституции 1532 г. Флоренция была провозглашена герцогством, а при Козимо I Медичи (1537–1574) стала ядром Тосканского великого герцогства. В дальнейшем Козимо I и его сын Фердинанд (1587–1609) последовательно проводили политику централизации государственного управления и протекционизма. Социальной опорой тосканского абсолютизма стал союз аристократии и патрициата.

Более классическим оказался процесс становления абсолютистского строя в Савойском герцогстве, включавшем помимо Савойи территорию Пьемонта и Ниццы. Здесь сохранялись прочные традиции феодальных отношений, а верхушка городских коммун так и не получила существенного экономического и политического веса. Герцогу Эммануилу Филиберту (1553–1580) удалось распространить прямой государственный контроль не только на все сферы административного управления, но и судебную власть и даже церковную жизнь. Он с успехом проводил протекционистскую политику, обеспечивая поддержку режима со стороны и дворянства, и буржуазии. Сходные процессы происходили в Неаполитанском королевстве и в мелких герцогствах Северной Италии – Мантуйском, Пармском, Феррарском и Пьяценце.

Стабильный республиканский строй сохранялся лишь в Венеции. Причиной была прежде всего экономическая мощь и консолидированность венецианского патрициата, контролировавшего и банковский сектор, и выгоднейшую морскую торговлю, и основную часть земельного фонда. Характерно, что Венецианская республика была в минимальной степени бюрократизирована. В правящий Большой совет пожизненно ходили представители всех патрицианских семей (мужчины, достигшие 25 лет). Должность дожа являлась пожизненной, но имела представительский характер. Реальная власть принадлежала Сенату и Совету Сорока, выполнявшему судебные функции. Подобное устройство являлось в сущности олигархическим, но сохраняло и элементы демократии. Более жесткий олигархический характер носил государственный строй в Генуе и Миланском государстве.

Итак, на рубеже XV–XVI вв. практически все итальянские государства переживали период централизации и активной протекционистской политики. Савойская модель становления абсолютизма была близка к классической французской. Тосканское, Миланское и более мелкие герцогства образовывали более специфическую модель, близкую к немецкому княжескому абсолютизму. Сохранение республиканского строя в Венеции являлось исключением и было обусловлено спецификой социально-экономического развития этого государства.

Динамичное развитие государств Апеннинского полуострова было нарушено в первой половине XVI в. длительной эпопеей Итальянских войн. Поводом послужило соперничество Франции и Испании за «Анжуйское наследство» – освободившийся после смерти Ферранте I Арагонского в 1494 г. неаполитанский трон (Неаполитанское королевство перешло к Арагонскому дому в 1442 г., а до этого принадлежало Анжуйской

династии). Летом 1494 г. французская армия Карла VIII Валуа вторглась на территорию Пьемонта и, не встречая серьезного сопротивления, прошла через всю Италию. В феврале 1495 г. французы заняли Неаполь. Чтобы обеспечить нейтралитет Империи и Испании, Карл VIII предварительно отказался в пользу испанских Габсбургов от притязаний на Руссильон (пиренейская область, выходящая к Средиземному морю), а императору Максимилиану I уступил Артуа и Франш-Конте (1493). Однако уже весной 1495 г. сложилась мощная анти-французская коалиция – «Святая лига» в составе Испании, Миланского герцогства, Венецианской республики и Папской области. Поддержал «Святую лигу» и Максимилиан I. Проиграв войскам лиги решающее сражение осенью того же года, Карл VIII был вынужден покинуть Италию. К лету 1496 г. французы были полностью вытеснены из страны.

Быстрая победа над французской армией вызвала рост амбиций итальянских государств. Обострилась борьба между Венецией и Миланским герцогством, Тосканским герцогством и Папским государством. Население Пизы восстало против флорентийского господства. В этой ситуации новый французский король Людовик XII Валуа-Орлеан предпринял новый поход в Италию. Осенью 1499 г. его войска захватили Милан. Ломбардия была объявлена частью королевского домена. В 1500 г. Людовику XII удалось также договориться с Фердинандом Арагонским о разделе Неаполитанского королевства. На следующий год французские и испанские войска вторглись в Южную Италию. Но столкновения между ними из-за спорных территорий вскоре переросли в войну. В 1504 г. французы были вытеснены с юга Апеннинского полуострова. Территория бывшего Неаполитанского королевства вместе с Сицилией, принадлежавшей Испании, вошла в состав нового Королевства обеих Сицилий под испанским протекторатом. Договор Франции и Испании о трехлетнем перемирии, заключенный в 1504 г., закрепил их господство на полуострове.

Внешняя угроза не только не сплотила итальянские государства, но и вызвала новый виток их соперничества. Пользуясь поддержкой Франции, Венеция начала бороться за преобладание в Центральной Италии. Она увеличила свои владения в Ломбардии, утвердилась в Романье после падения там власти Чезаре Борджа, а также приобрела крупные города в Апулии. В 1504 г. папа Юлий II создал анти-венецианскую коалицию, которая в 1508 г. была названа Камбрейской лигой. Пытаясь ослабить враждующие итальянские государства, анти-венецианскую коалицию поддержали Франция, Испания и Империя. В мае 1509 г. в битве при Аньяделло армия Венеции была разгромлена. Венеция была вынуждена отказаться от притязаний на Романью и территории в Северной и Южной Италии.

Вернув контроль над Романьей и ограничив амбиции Венеции, папа Юлий II попытался вытеснить французские и имперские войска с севера Италии. Для этого он организовал в 1511 г. «Святейшую лигу». Эту коалицию североитальянских городов поддержали Венеция и Испания. Первоначально Людовику XII удалось разгромить армию лиги, состоявшую из испанских и швейцарских наемников. Но, когда на сторону его противников перешли император Максимилиан I и Англия, французам пришлось оставить Милан и крепости в Ломбардии.

Перерыв в военных действиях оказался недолгим. Уже в 1513 г. произошло радикальное изменение политической ситуации. Испания, присоединив к своим владениям на юге Апеннин важные торговые порты Апулии и добившись признания Франции на захват ею Наварры, временно отказалась от участия в Итальянских войнах. Новый папа Лев X из рода Медичи настоял на восстановлении во Флоренции власти Медичи. Опасаясь дальнейшего усиления Папского государства, Венеция заключила договор с Францией. Новый французский король Франциск I возобновил в 1515 г. военные действия в Северной Италии. В сентябре франко-венецианские войска в битве при Мариньяно разгромили швейцарцев. После этого Швейцарская конфедерация в Итальянские войны уже не вмешивалась. В 1521 г. между Францией и всеми

швейцарскими кантонами, кроме Цюриха, был подписан договор о союзе, позднее не раз возобновлявшийся и действовавший до конца XVIII в. Камбрейский мирный договор 1517 г. между Францией, Испанией и Империей привел к временному умиротворению на основе взаимной гарантии фактических границ. Франция вновь утвердилась в Милане, а Венеция восстановила свои владения в Северной Италии, утраченные в войне с Камбрейской лигой.

Вскоре непрочный мир на Апеннинском полуострове вновь был нарушен. Причиной стало резкое изменение международной ситуации. В 1519 г. испанский король Карл I под именем Карла V стал императором Священной Римской империи. Но попытки испанского монарха создать общеевропейскую «универсальную империю» встретили ожесточенное сопротивление со стороны французского короля Франциска I. В их противоборстве Италия превратилась в важнейший в стратегическом отношении регион. Весной 1521 г. армия Франциска I вторглась в Северную Италию. Военные действия шли с переменным успехом. Развязка наступила в 1525 г., когда французская армия была разгромлена в битве при Павии, а сам король Франциск I попал в плен (освобожден он был после того, как согласился на отказ от Милана и возвращение Габсбургам Бургундии). Понимая угрозу со стороны усилившейся Испании, итальянские государства попытались создать новую коалицию. Инициатором выступила Венеция, вступившая в переговоры и с Франциском I. В 1526 г. во французском городе Коньяке был заключен союз между Венецией, Папским государством, Генуей, Флоренцией, Миланом и Францией. Протектором Коньякской лиги объявил себя король Англии. Однако создать боеспособную армию итальянцам не удалось. Весной 1527 г. войска Карла V захватили Милан и Рим, подвергнув их страшному опустошению. Не изменился ход войны и после активизации Франции. Первоначально французам удалось отвоевать часть Неаполитанского королевства, осада Неаполя союзным флотом Франции и Венеции окончилась неудачей. К тому же во французской армии началась эпидемия чумы. Франция была вынуждена заключить в августе 1529 г. мир в Камбрэ, по которому Карл V получил титул короля Италии и владение Неаполитанским королевством.

Новое военное столкновение Франции и Испании произошло в 1526–1529 гг. и завершилось новой победой Карла V. По условиям Камбрейского мира Франциск I окончательно отказался от притязаний на Италию и сюзеренитета над Фландрией и Артуа. На Болонском соборе 1530 г. папа Климент VII короновал Карла V немецкой и итальянской коронами. Однако мечта Карла о европейской «универсальной империи» оказалась несбыточной. Германские государства втягивались в религиозную конфронтацию. Юго-Восточная Европа оказалась под угрозой турецкого нашествия. В 1536 г. началась и новая франко-габсбургская война. Она длилась всего три года и завершилась присоединением к Франции Савойи и Пьемонта. Правда Франциску I пришлось примириться с окончательным присоединением Милана к империи Габсбургов. Пытаясь развить успех, французский король решил на заключение союза с турками. Объединенный франко-турецкий флот сумел захватить в 1543 г. Ниццу. Однако Карл V во главе сухопутной имперской армии вторгся во Францию. Лишь сложная политическая ситуация в Германии заставила его приостановить военные действия и заключить мир на условиях статус кво.

Во время последней из франко-габсбургских войн (1551–1559) Апеннинский полуостров вновь стал ареной военных действий. Новый французский король Генрих II вмешался в конфликт между Пармой и Папским государством. Он заставил папу отказаться от союза с Карлом V и с помощью турецкого флота захватил остров Корсику. Одновременно французы успешно развивали наступление в Лотарингии. Но закрепиться в Тоскане им не удалось. Попытка поддержать республиканское восстание в Сиене привела к конфликту Франции с Флоренцией. Положение Карла V также становилось все более сложным. В 1556 г. ему пришлось отречься от имперского престола в пользу своего младшего брата, австрийского эрцгерцога Фердинанда I. Пользуясь этой ситуацией,

новый папа Павел IV попытался организовать анти-испанскую коалицию. В ответ испанцы вторглись в Папскую область в сентябре 1556 г. и жестко подавили все попытки сопротивления. Генрих II ничем не смог помочь своему союзнику, поскольку его армия была втянута в затяжные военные действия на северной границе Франции.

В 1559 г. Франция и Испания, истощенные длительными войнами, заключили мир. В соответствии с договором, подписанным в Като-Камбрези, Франция лишилась всех своих итальянских завоеваний, за исключением нескольких городов в Пьемонте. Испания утвердила свою гегемонию на Апеннинах и во всем Западном Средиземноморье. Королевство Обеих Сицилий, Миланское герцогство, область Президии (мелкие владения в Тоскане) вошли в состав испанской монархии. Независимость сохранили Папская область, Савойское герцогство (включавшее Савойю, Пьемонт и Ниццу), Генуэзская республика с островом Корсика, Венецианская республика с подвластными ей территориями на восточном побережье Адриатического моря и в Ломбардии, герцогство Тосканское, а также более мелкие герцогства Парма и Пьяченца, Модена, Мантуя, Феррара, Урбино, маркграфство Монферрат, республики Лукка и Сан Марино. Но практически все они в той или иной степени оказались зависимы от Испании.

Италия во второй половине XVI–XVII вв.

Опустошительные войны, усиление политической раздробленности, установление иностранного господства самым негативным образом отразились на социально-экономическом развитии итальянского общества. На короткое время установление долгожданного мира создало благоприятную конъюнктуру, но уже с конца XVI в. Италия начала втягиваться в длительную стагнацию практически всех отраслей экономики.

Подъем сельского хозяйства Италии в середине XVI в. был связан преимущественно с экстенсивными факторами. После окончания Итальянских войн быстро увеличивались размеры пахотных земель, усилился приток рабочей силы. Стабилизация внутреннего рынка сбыта способствовала расширению посевного земледелия, стойлового содержания скота, разведения тутовых деревьев. Для решения продовольственной проблемы большое значение имело массовое распространение посевов кукурузы. Однако подъем оказался очень кратким. Уже в первой половине XVII в. многие освоенные земли пришли в запустение. Начался заметный отток сельского населения в города. В течение XVII в. доля горожан в общей массе жителей страны увеличилась с 11 до 16 %, а в густонаселенных северных районах превысила 20 % (при этом пополнялась в основном масса городской бедноты). Южные области полуострова окончательно оказались в роли сельскохозяйственной периферии. Не без влияния Испании здесь происходило возрождение феодальных форм землевладения и землепользования. Преобладающая форма аренды – *испольщина* – дополнялась разнообразными феодальными платежами и обязанностями в пользу землевладельцев (*баналитетные* платы, подношения натурой к праздникам, мелиоративные, дорожные, строительные работы и т. д.). В целом, уровень эксплуатации крестьян-арендаторов был чрезвычайно высок. Поскольку в *испольную* аренду обычно предоставлялся целый хозяйственный комплекс (*подере*), включавший посевные и пастбищные площади, виноградники и огороды, то издержки его содержания были чрезвычайно велики, а возможность развития товарного монокультурного хозяйства – минимальны. Нередко арендаторы оказывались не в состоянии соблюдать условия договора и попадали в длительную долговую зависимость. В таких случаях они фактически становились прикрепленными к земельным участкам. К тому же в XVII в. огромные земельные площади, принадлежавшие ранее богатым городским коммуна, начали передаваться крупным латифундистам в качестве феодалов. Сеньоры использовали

все возможные судебные и административные методы для узаконения феодальных повинностей крестьян, в том числе связанных с личной зависимостью. Раннекапиталистические методы хозяйствования, в том числе капиталистическая аренда, в аграрной сфере закреплялись очень медленно.

Схожая динамика была присуща развитию торгово-финансовой и промышленной деятельности. В середине XVI в. наступил период оживления торговых связей. Начало гражданских войн во Франции, нарастание центробежных тенденций в Священной Римской империи, расширение доступа к атлантическим коммуникациям (через Испанию) на некоторое время укрепили роль Италии в международной торговле. В этих благоприятных условиях особенно интенсивно развивалось сукноделие в Венеции и Флоренции, росло шелковое производство в Генуе, Милане, Павии, Мантуе, Болонье. Неаполитанское королевство стало основным поставщиком шелка-сырца. Венеция, Генуя, Флоренция оставались крупнейшими центрами финансовых операций и международной торговли. Венеция сохраняла в XVI в. монополию на вывоз пряностей из стран Ближнего Востока. Генуя играла все большую роль в межрегиональной торговле с Испанией и Португалией, а также Англией и Голландией. Генуэзские банкиры на протяжении нескольких десятилетий даже сохраняли лидирующие позиции на европейском финансовом рынке.

С конца XVI в. торгово-финансовый и промышленный подъем в Италии сменился нарастающим спадом. Исчезла благоприятная конъюнктура на мировом рынке. Итальянская текстильная промышленность проиграла конкурентную борьбу более дешевыми английскими и голландскими сукнами. Переход Франции к политике протекционизма фактически закрыл для итальянцев и этот рынок. Тяжелые последствия, особенно для Южной Италии, имел финансовый и политический кризис Испании, начавшийся на рубеже XVI–XVII вв. В сочетании с ростом влияния турок в Восточном Средиземноморье все это значительно сократило возможности участия итальянских городов в межрегиональной торговле. К тому же венецианский и генуэзский торговый флот уже заметно уступал более современному голландскому и английскому судам.

Помимо возросшей конкуренции на мировых рынках экономическому спаду в Италии способствовали и внутренние причины. Несмотря на раннее зарождение капиталистических отношений, новый экономический уклад здесь так и не приобрел устойчивые формы. Сохранение цеховой системы и ориентация финансовых кругов на откупную и кредитную деятельность препятствовали накоплению капитала в промышленной сфере и переходу от рассеянной к централизованной мануфактуре. Минимальным оставался и технологический прогресс. Итальянская промышленность все больше вытеснялась на внутренние, локальные рынки и утрачивала привлекательность в качестве источника высоких доходов. Как следствие замедлился и процесс сращивания родовой аристократии, патрициата и разбогатевших выходцев из среды пополюнства. Даже анноблированная городская верхушка оказалась проникнута аристократической пренебрежительностью к предпринимательской деятельности и тягой к «благородным» занятиям. Если в XV–XVI вв. сословная структура итальянского общества была очень аморфной и поэтому относительно открытой, то к XVII в. она стала приобретать более дифференцированный характер. В особой степени эта тенденция была характерна для южных районов Италии, где под влиянием Испании насаждалась военно-административная система.

Ухудшение экономического положения и возрождение сословных форм стратификации общества усиливали социальную напряженность. На дорогах Италии становилось опасно – разорившиеся крестьяне и ремесленники, бывшие солдаты и обедневшие феодалы объединялись в разбойничьи отряды и жили грабежом. Все более частными становились голодные бунты в городах и крестьянские волнения. Восставшие громили поместья, убивали сборщиков налогов, уничтожали налоговые описи, земельные договоры. Как правило, никаких политических требований не выдвигалось – протестные движения были

стихийными и плохо организованными. Исключение составили лишь крупные восстания 1647 г. в Неаполе и Палермо. В Неаполе летом 1647 г. вспыхнуло восстание плебса, во главе которого встал рыбак Мазаньелло. Это выступление поддержали средние городские слои, а также крестьяне из окрестностей Неаполя. Восставшие выпустили из тюрем заключенных и взяли в осаду крепость, где укрылся вице-король. 22 октября в Неаполе была провозглашена республика. Вице-король и испанские чиновники бежали. Однако уже к весне 1648 г. испанцам удалось подавить восстание. В Палермо городские низы также свергли власть испанского вице-короля и провозгласили республику. Восстание распространилось на большую часть Сицилии, но победа повстанцев оказалась столь же скоротечной. По сути все подобные выступления представляли собой традиционные для Средневековья крестьянско-плебейские бунты и не могли привести к существенным политическим переменам. В Италии отсутствовал важнейший идеологический фактор, мобилизовавший социальное противостояние в большинстве стран Европы – протестантское движение.

Кризис католической церкви, давший толчок Реформации, отразился и на развитии итальянского общества. В конце XV в. в самых разных социальных слоях распространялись идеи религиозного обновления и морального очищения. Постепенно сложилось два направления этого духовного движения. Одно из них опиралось на традиции итальянского гуманизма и критического рационализма. Большую популярность в интеллектуальной элите итальянского общества того времени снискали идеи испанца Хуана де Вальдеса, критиковавшего католические догмы. Последователи де Вальдеса Пьетро Карнасекки, Маркантонио Фламинио, Галеаццо Карачоло создали гуманистический кружок в Неаполе. Вскоре «гуманистическая ересь» начала быстро распространяться в университетах Италии. Для многих итальянских интеллектуалов были характерны пантеистические воззрения, натурфилософское понимание христианской веры. С рациональных позиций критике подвергались многие догматы римско-католической церкви. Большой интерес вызывала ранняя евангелическая традиция. В ходе философско-теологических дискуссий обсуждались не только различные аспекты вероучения, но и содержание Библии, степень достоверности ее содержания. Антонио Бручоли перевел текст Библии на итальянский язык еще за два года до издания в Германии немецкого перевода Лютера.

Распространение религиозно-философского свободомыслия в Италии в XVI–XVII вв. во многом подготовило духовный подъем эпохи Просвещения. Но на этой основе не могло сложиться мощное реформационное движение. Свойственные итальянским мыслителям вольные толкования предмета веры, скептическое отношение к догматике, религиозный синкретизм вызывали неприятие не только со стороны католического духовенства, но и протестантов в других странах Европы. Не отвечала подобная рационализированная форма обновленческого движения и массовым настроениям. Народные анти-католические выступления в Италии начались задолго до событий в Германии и Швейцарии. Но идеологически они были больше связаны с возрождением средневековых ересей и даже языческих верований, нежели переосмыслением католических догматов. После поражения крестьянской войны в Германии в различных районах Северной Италии появились анабаптисты – представители эгалитарного реформационного учения, отрицающего церковное устройство. Их учение было популярным в первые десятилетия XVI в. среди итальянского плебса, но так и не смогло вытеснить католическую конфессиональную культуру.

Более влиятельное обновленческое движение сложилось в лоне самой католической церкви. Причиной его возникновения, помимо вызова протестантизма, являлось крайнее падение престижа папской курии. Высшие иерархи католической церкви вели светский образ жизни. Многие из них не отличались личной добродетелью. Папа Лев X (1513–1521) и его преемник Климент VII (1523–1534) втянули Святой престол в длительную череду войн, выступая скорее в роли государей, а не понтификов. В эти годы моральной

оппозицией папству стали неформальные духовные движения в среде католического клира. Начало им положили «братства», пропагандировавшие идеи возрождения христианские благочестия. В их состав, как правило, входили и священнослужители, и миряне. Наиболее известными были братства «Ораториум божественной любви», возникшие в Риме, Венеции, Генуе, Падуе. Участники братств весьма негативно относились к действиям папской курии, но принципиально не противопоставляли себя церкви. Интерес к евангельским принципам сочетался в их проповедях с представлением о нерушимом единстве вселенской церкви и святости всех католических догматов. На основе братств в 20-30-х годах XVI в. в Италии начали возникать новые ордены, отстаивавшиеся идеалы нравственного очищения и христианского благочестия. В Венеции был основан орден сомасков, в Милане – орден барбанитов. Особую известность приобрел орден театинцев, основанный в 1524 г. Его глава Гаэтано да Тьене был ярким проповедником францисканских идей – обета бедности, идеалов нестяжательства и духовности церкви, приоритета убеждения в вопросах распространения веры. Проповедь театинцев во главе с да Тьене нашла широкий отклик среди приходского клира и монашества. Ее поддержал и орден капуцинов, возникший в 1528 г. на основе ордена францисканцев.

Деятельность сторонников католического обновления достигла пика во время понтификата папы Павла III (1534–1549). В 1537 г. по решению Папы была создана комиссия по обновлению церкви, начавшая подготовку Вселенского собора и борьбу против стяжательства представителей курии. Но инициатива среди сторонников обновления вскоре перешла к более радикальному крылу. Его лидером был Джан Пьеро Карафа, еще один влиятельный представитель ордена театинцев. Карафа призывал к непримиримой борьбе против протестантов и отказу от компромисса с гуманизмом. Эта линия получила название теоцентризма – стремления к сохранению высшего таинства и безусловного авторитета веры. По настоянию Карафы Папа учредил в 1542 г. Римскую инквизицию, призванную добиваться сохранения чистоты веры. Это решение стало символом смены церковного Возрождения на Контрреформацию.

В 1545 г. состоялось открытие Триденского Вселенского собора, посвященного церковной реформе. Деятельность собора протекала в три этапа: при Павле III – в 1545–1547 гг., при Юлии III – в 1551–1552 гг. и при Пие IV – в 1562–1563 гг. Перерывы были связаны с растущим разочарованием в обновленческих идеях. Характерно, что Карафа, ставший папой в 1555 г. под именем Павла IV, во время своего понтификата вообще не стал возобновлять работу собора. Но зато в Италии резко усилился террор инквизиции. В 1543 г. Карафа запретил печатать любые сочинения без дозволения инквизиторов, которые надзирали также за торговлей книгами и их пересылкой. Первые каталоги запрещенных книг были составлены по инициативе местных церковных властей в Венеции, Флоренции и Милане. В 1559 г. в Риме появился Индекс запрещенных книг, обязательный для всей церкви.

Итоговые решения Триденского собора носили сугубо схоластический характер. Было подтверждено равенство Священного Писания (Библии) и Священного Предания как источников веры, утверждены догматы о главенстве папской духовной власти над авторитетом Вселенского собора, о семи таинствах, чистилище, первородном грехе и спасении верой. Был также подтвержден порядок осуществления мессы, исповеди, поклонения святым, отменена продажа индульгенций. Особые предписания касались мер по восстановлению религиозной дисциплины духовенства. После завершения собора католическая церковь превращается в одну из наиболее консервативных общественных сил в Европе. Контр-реформация приобрела воинствующий характер. Папа Пий V (1566–1572) дал свое благословение террору инквизиции в Испании и Португалии и вооруженной борьбе с гугенотами во Франции. Папа Григорий XIII (1572–1585), известный своими инициативами по реформированию календаря, приложил немало усилий для укрепления влияния в церкви иезуитов. Под их руководством оказалась вся

система обучения и подготовки священнослужителей. Своего пика Контр-реформация достигла при папе Сиксте V (1585–1590), когда была обновлена структура и организация кардинальского корпуса, усилена власть самого Папы и модернизирована управленческая система Папского государства.

Контр-реформация привела к усилению роли Святого престола в европейской политике, но способствовала дальнейшей политической стагнации итальянских государств. Эта тенденция наглядно проявилась во время войны с Османской империей в 1570–1573 гг. По инициативе папы Пия V была создана «Святая лига» в составе Венеции, Испании, большинства итальянских государств и Мальтийского ордена. Но результаты войны оказались крайне неудачными – турки сумели захватить Кипр, а испанцы окончательно потеряли Тунис, который признал вассальную зависимость от султана. Триумфальная победа испано-венцианского флота над османским в Коринфском заливе близ местечка Лепанто (7 октября 1571 г.) не остановила захват Османской империей островных владений слабеющей Венеции.

К началу XVII в. единственным итальянским государством, сохраняющим значимость в системе европейских отношений, осталась Савойя. В условиях нового обострения испанско-французских отношений Савойскому герцогству даже удалось отнять у Франции ее последнее итальянское владение – маркизат Салуццо. В 1590 г. Савойя, выступая в качестве союзника Испании, направила свою армию в Прованс. В 1598 г. Генрих IV заключил Вервенский мир с Испанией и Савойей на основе статус кво. Отношения Франции с Савойей были окончательно урегулированы в 1601 г., когда савойский герцог подтвердил свои права на Салуццо в обмен за франкоязычные территории в Южной Бургундии. В годы Тридцатилетней войны (1618–1648) итальянские государства оказались заложниками политики ведущих европейских держав. После заключения Вестфальского мира, закрепившего принцип религиозного равноправия в международных отношениях, резко уменьшилось и политическое влияние Папского государства.

Италия в эпоху Просвещения и наполеоновских войн

В XVIII в. Италия начала постепенно оправляться от того экономического спада, который переживала во второй половине предыдущего столетия. Избавленные от военных разрушений и тягот, оживали итальянские города. Улучшилась демографическая ситуация. Миграции населения приобрели более упорядоченный характер, в том числе меньшими стали масштабы бродяжничества, бандитизма. По мере ослабления цеховых традиций в промышленности закреплялись капиталистические отношения. Уже в начале XVIII в. в Турине, Милане, Флоренции, Неаполе возникли крупные централизованные мануфактуры, на которых работало по несколько сотен человек. Для организации производства приглашались мастера из Франции, Швейцарии, Голландии, Англии. Особенно успешно развивалось суконное и хлопчатобумажное производство. Во второй половине XVIII в. подъем начали переживать и традиционные для Италии виды ремесел, связанные с рынком предметов роскоши, тканей и одежды для представителей благородных сословий, холодного оружия.

Однако масштабы экономического оживления в Италии в целом оказались невелики. По промышленному производству Италия так и не смогла составить конкуренцию более динамично развивавшимся Англии, Голландии, Франции, Швеции. В условиях политической раздробленности было затруднительно проводить эффективную протекционистскую политику и, тем более, осуществлять внешнюю экспансию, добиваясь контроля над торговыми коммуникациями и рынками сырья. Итальянские финансово-

банковские круги изначально были связаны с кредитной и внешнеторговой деятельностью. В XVIII в. торговый капитал в Европе по-прежнему опережал по концентрации и эффективности промышленный капитал. Но все большую роль играла колониальная торговля, а также торговые войны ведущих держав континента за монопольное преобладание на отраслевых рынках. Итальянский торговый капитал в этих условиях оказался неконкурентоспособен. Былое величие торговых домов и банкиров Венеции и Генуи осталось в прошлом. Очень заметным становилось отставание Италии и в развитии новой предпринимательской культуры, которая по своим мировоззренческим и социально-психологическим основам была тесно связана с «протестантским духом». Не преувеличивая значимость конфессионального фактора в консолидации предпринимательского класса, следует отметить, что католическая духовная культура если не сдерживала, то, по крайней мере, не стимулировала этот процесс. Еще более серьезным препятствием являлась тенденция возрождения сословных форм стратификации общества, дистанцирование привилегированных слоев общества от предпринимательской деятельности. Вследствие всех этих причин в Италии очень затянулся процесс перехода от первоначального накопления капитала к устойчивому функционированию капиталистического производства.

Столь же неоднозначными были и результаты развития итальянского сельского хозяйства. Южная Италия, наряду с Валенсией, закрепились в роли основного европейского экспортера шелка-сырца и шелковой пряжи. По-прежнему велик был экспорт оливкового масла, пшеницы, овощей и фруктов. Северная Италия оставалась одним из признанных европейских центров виноградарства и виноделия. Весьма эффективно развивалось мясомолочное животноводство. Однако практически во всех итальянских государствах закрепление капиталистических отношений в сельском хозяйстве встречало огромные трудности. Крупные латифундии светских и духовных феодалов не только преобладали в структуре землевладения, но и оставались оплотом самых разных форм позднефеодального держания. Условия аренды становились очень жесткими, что ставило крестьян на грань выживания. В некоторых провинциях Италии в начале XVIII в. были возрождены даже такая архаичная форма зависимости как барщина на господской земле. Расширялись судебные и налоговые привилегии сеньоров. Преобладание среди форм аренды издольщины и высокая норма эксплуатации крестьянского труда препятствовали техническому совершенствованию агрокультуры, распространению новых посевных культур, переходу к вольнонаемному труду в хозяйствах арендаторов.

Сложность становления капиталистических отношений в экономике, «рефеодализация» сельского хозяйства, снижение интенсивности международных торговых и финансовых связей, упадок торгового флота – все эти факторы способствовали постепенному превращению Италии в периферийный регион Европы. Продолжилась и политическая стагнация итальянских государств. Даже при отсутствии непосредственной внешней угрозы и прекращении взаимного соперничества итальянские государства испытывали все негативные последствия «княжеского абсолютизма». Полуостров по-прежнему был разбит на девять государств, в большинстве своем находящихся под внешним влиянием. В Неаполитанском королевстве правила династия испанских Бурбонов. В Ломбардии выросло влияние Австрии, в Савойе – Франции. Республиканские режимы в Венеции и Генуе, напротив, переживали глубокий политический кризис. Что касается Папского государства, то его международная роль также стала очень незначительной. Уже в конце XVII в. папской курии пришлось отказаться от попыток жесткого политического воздействия даже на те страны, где позиции католической церкви были наиболее сильны. Показательным стал конфликт Святого престола с Францией в период проведения галликанской реформы французской церкви Людовиком XIV. В XVIII в. папство окончательно отказалось от вмешательства в европейскую политику, предпочитая выступать в качестве моральной силы. Сталкиваясь с новой волной секуляризации

общественного сознания, с вызовом Просвещения, Святой престол был вынужден идти на все новые уступки. Символичным стал конфликт папской курии с всесильным и амбициозным орденом иезуитов, завершившийся официальным роспуском ордена в 1775 г.

Попытка католической церкви в Италии проводить достаточно гибкую политику в отношении новых духовных движений во многом была связана со спецификой, а, точнее, слабостью итальянского Просвещения. Просветительское движение в Италии возникло достаточно рано – в начале XVIII в., и в тот период, когда в Европе просветительские круги начали превращаться действительно в серьезную общественно-политическую силу, в Италии это движение уже пошло на убыль. В условиях многолетней политической раздробленности, культурного и языкового многообразия итальянское Просвещение оказалась столь же разобщенным. Большинство просветителей вообще не ставили вопрос о необходимости национального объединения страны. Тем не менее просветительское движение сыграло достаточно большую роль в истории итальянской общественной мысли, став своеобразным мостиком между гуманизмом раннего Нового времени и либерально-демократическим движением XIX в. Творчество и воззрения миланских просветителей Пьетро Верри (1728–1798) и Чезаре Беккариа (1738–1794), неаполитанцев Антонио Дженовези (1712–1769), Гаэтано Филанджиери (1752–1788), Джузеппе Галанти (1743–1806) приобрели европейскую известность.

В центре внимания просветительской мысли в Италии были вопросы переустройства общества на основе утверждения «новой философии», духовного обновления, воспитания гражданского и национального сознания. Они доказывали приоритетную значимость законов, основанных на естественном праве, универсальных принципах морали, общечеловеческих представлениях о благе, счастье и справедливости. Большое внимание уделялось сугубо правовым аспектам взаимоотношения гражданского общества и государства. Чезаре Беккариа в сочинении «О преступлениях и наказаниях» (1764) сделал первую попытку распространить просветительские идеи на сферу уголовного и процессуального права. Вершиной итальянского Просвещения стало творчество пьемонтца Джамбаттиста Вико (1668–1744). В работе «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) он представил целостную историософскую картину, основанную на циклическом принципе. Вико пытался доказать наличие универсальных принципов истории, но не универсального, единого для всего человечества исторического движения. В отличие от большинства просветителей он отрицал существование некоей изначальной, «естественной» природы человека, якобы обуславливающей единство принципов общественного прогресса и благоденствия.

Быстрый закат итальянского просветительского движения был связан и с отсутствием поддержки со стороны государственной власти. В отличие от многих стран Европы, пик в развитии итальянского Просвещения не совпал с реформами просвещенного абсолютизма. Да и сами эти реформы, проводившиеся в некоторых итальянских государствах в 50-70-х годах XVIII в., носили очень поверхностный характер и в большей степени были навеяны общеевропейской «модой» на «монархов-просветителей». Но именно эти годы стали наиболее благоприятным периодом для развития итальянского общества – на протяжении жизни целого поколения Италия наконец оказалась в состоянии прочного мира.

В первой половине XVIII в. международное положение Италии было неустойчивым, хотя непосредственная военная угроза возникала редко. Во время завоевательных войн Людовика XIV объектами территориальной экспансии Франции, наряду с Южными Нидерландами и западными территориями Священной Римской империи, стала Ломбардия. Особенно сложной ситуация стала после смерти в 1700 г. Карла II, когда возникла угроза крупномасштабной европейской Войны за «испанское наследство». В Милан вступили французские войска. К новой анти-французской коалиции – «Великому союзу» – примкнули почти все влиятельные западноевропейские государства. Попытки Людовика XIV разжечь анти-испанские настроения в Ломбардии не увенчались успехом.

На сторону его противников перешел и герцог Савойский. Тем не менее, на Апеннинском полуострове, а также в Нидерландах, Германии и Испании развернулись длительные военные действия. Война за «испанское наследство» завершилась лишь в 1714 г. В годы ее прославился выдающийся полководец принц Евгений Савойский, командовавший армией австрийских Габсбургов. Еще в 1707 г. он изгнал французские войска из Италии.

После окончания Войны за «испанское наследство» внешнеполитическое положение Италии существенно изменилось. Престол Испании был закреплен за Филиппом V (что положило начало испанской ветви Бурбонов), но с обязательством никогда не соединять короны Испании и Франции в одном лице. Тем не менее, влияние Франции в Средиземноморском регионе существенно возросло. Испания, напротив, окончательно превратилась во второразрядную европейскую державу, утратив, в частности, и бывшее господство на Апеннинском полуострове. В Италии же резко усилилось влияние австрийских Габсбургов. Они присоединили к своим владениям Ломбардию, Мантую, область Президии (в Тоскане), Сардинию, Неаполитанское королевство. В Модене воцарились герцоги из дома Габсбургов. Спустя несколько лет австрийцы обменяли Сардинию на Сицилию (в 1713 г. ее получила Савойя), которую, как и Неаполь, они сумели удержать в своих руках лишь до 1735 г. Но северные и центральные части Италии надолго попали в политическую и экономическую зависимость от Австрии. Из итальянских государств пользу из Войны за «испанское наследство» сумела извлечь лишь Савойя. Савойские герцоги, лавируя между ведущими европейскими державами, получили Монферрато, некоторые районы в Ломбардии и Сицилию, а также королевский титул короля. После состоявшегося обмена между Савойей и Австрией средиземноморскими островами (1720) на карте Европы появилось Королевство Сардиния.

Единственным, кроме Савойи, итальянским государством, способным проводить независимую внешнюю политику, в начале XVIII в. оставалась Венеция. Но геополитически и она уже была тесно связана с австрийской монархией. Для Габсбургов Венеция являлась важным союзником в условиях обострения отношений с Османской империей. Когда в 1698 г. между Турцией и коалицией европейских держав был заключен мир, Венеция даже получила захваченные ею Пелопонесс в Восточном Средиземноморье и несколько расширила свои владения в Далмации на Адриатике. Но уже в 1714 г. Порта начала боевые действия в балканских владениях Венеции. Австрия вступила в войну на стороне своего союзника. Но, когда в 1718 г. были подписаны австро-турецкий и турецко-венецианский мирные соглашения, оказалось, что интересы Венеции принесены Габсбургами в жертву. Если Австрия по итогам войны получила немалые территориальные приращения, то Венеция, напротив, лишилась своих приобретений по договору 1698 г. Из всех своих владений в Восточном Средиземноморье Венеция сохранила лишь прибрежные области Истрию и Далмацию, а также несколько опорных пунктов на албанском побережье Адриатического моря и Ионических островов.

Возросшее влияние Габсбургов способствовало усилению консервативных тенденций в общественно-политической жизни итальянского общества. В некоторой степени это компенсировалось стабилизацией внешнеполитического положения, продлившейся на несколько десятилетий. Ситуация резко изменилась на рубеже XIX–XX вв., когда Европа оказалась охвачена эпопеей революционных и наполеоновских войн. В начале в 1793 г. возникла Первая анти-французская коалиция. В ее состав вступили и наиболее влиятельные итальянские государства – Сардинское королевство и королевство Обеих Сицилий. Основные военные действия первоначально развернулись вдалеке от Апеннинского полуострова – в Голландии, Бельгии и на левом берегу Рейна. В конце июля 1793 г. войска коалиции перешли границы Франции. Австрийцы овладели Валансьеном, пруссаки – Майнцем, англичане осадили Дюнкерк, войска Пьемонта заняли Савойю, а испанцы развивали наступление в направлении Байонны. Но в 1794 г. в ходе кампании наступил перелом. Лишь сложное внутривнутриполитическое положение не позволило

французам развить успех. Франция временно отказалась от внешней экспансии, выдвинув принцип сохранения «естественных границ» страны (по Рейну, Альпам и Пиренеям). В ряду мирных договоров, заключенных на основе этого принципа, было подписано и соглашение между Францией и Тосканой (9 февраля 1795 г.).

Примирение оказалось недолгим. Приход к власти во Франции Директории открыл новую серию европейских войн. На этот раз именно Италия оказалась в центре события. Директория возобновила попытки вытеснить Габсбургов из Северной Италии, а также упрочить французское влияние в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Правда, в ходе кампании 1796 г. главный удар предполагалось нанести в Южной Германии, а Итальянский фронт рассматривался в качестве вспомогательного. Там была сосредоточена малочисленная армия под командованием молодого генерала Наполеона Бонапарта. Однако именно Бонапарту сопутствовал успех. Его армия в битве при Монтенотто (12 апреля) разгромила австрийский корпус, а затем в двух сражениях при Миллезимо и Мондови (14 и 22 апреля) нанесла поражение пьемонтской армии. Пьемонт был выведен из войны и заключил мирный договор, по которому Франции были возвращены Савойя и Ницца.

На протяжении 1796 г. Бонапарт провел блистательную кампанию в Италии. Он сумел разгромить основные силы австрийцев в битве при Лоди (10 мая), и 15 мая его армия вступила в Милан. К концу года французы смогли добиться контроля уже над всей Северной и Центральной Италией. Герцогство Пармское и Венецианская республика были оккупированы ими. Папа Пий VI заключил перемирие с Бонапартом, выплатив 15 млн франков и согласившись на отторжение ряда территорий от Папского государства. В декабре 1796 г. конгресс в Реджо провозгласил создание Циспаданской («до реки По») республики на территориях Модены, Болоньи и Феррары, восставших против папской власти. В Ломбардии была провозглашена Транспапанская («за рекой По») республика. В июле 1797 г. два эти марионеточные государства объединились в единую Цизальпийскую республику. Незадолго до этого в Генуе была провозглашена Лигурийская республика, также зависимая от Франции.

В начале 1797 г. Бонапарт уже развивал наступление в направлении Вены. Императору Францу I пришлось согласиться на заключение мира. По его условиям Австрия отказалась от Бельгии и Ломбардии, а также делила с Францией венецианскую территорию (к Франции из ее состава отошли Ионические острова, Австрии – Венеция, Истрия и Далмация). В феврале 1798 г., используя восстание в Папском государстве, французская армия вошла в Рим. Пий VI оказался лишен светской власти, и 20 марта была провозглашена Римская республика. В июне 1798 г. Франция «оказала помощь» республиканскому восстанию в Пьемонте. Король Карл-Эммануил IV был вынужден отречься от престола. Была образована Пьемонтская республика, которая уже в феврале 1799 г. вместе с герцогством Тоскана оказалась присоединена к Франции.

Новый виток борьбы за Италия начался в 1799 г., когда Бонапарт находился во главе экспедиционного корпуса в Египте. В феврале русская военная эскадра во главе с Ф.Ф. Ушаковым захватила Ионические острова. Вскоре флот анти-французской коалиции взял под контроль побережье Южной Италии. 3 июня были захвачены Неаполь и Рим. С середины марта 1799 г.

военные действия начались уже в Северной Италии. В нескольких сражениях русская армия под командованием А. Суворова нанесла поражение основным силам французов. Цизальпийская республика была ликвидирована, Ломбардия вернулась в состав Австрии, а в Турине восстановилась власть Карла-Эммануила IV. Под контролем французов оставалась лишь Генуя. Наполеон Бонапарт, пришедший к власти после переворота 18 брюмера, сумел внести раскол в ряды коалиции. Выход из войны России вновь позволил французам перехватить инициативу. В мае 1800 г. Бонапарт предпринял свой второй итальянский поход. Во главе 40-тысячной армии он неожиданным броском преодолел

Альпы и отрезал путь отступления австрийцам от Генуи на юг. 14 июня у селения Маренго Бонапарт разгромил превосходящие силы австрийцев и вынудил их подписать перемирие. Потерпела поражение и неаполитанская армия, выступавшая на стороне Габсбургов. Цизальпийская и Лигурийская республики были восстановлены. 9 февраля 1801 г. был заключен Люневильский мирный договор, в соответствии с которым Австрия признавала все «дочерние» республики Франции, но сохраняла Истрию, Далмацию и Венецию. Для того, чтобы укрепить политическую стабильность в Италии, Бонапарт отказался от восстановления республик в Риме и Неаполе. Он признал светскую власть папы Пия VII, а также заключил выгодный мирный договор с неаполитанским королем Фердинандом IV. Но восстановления Савойской династии в Пьемонте Бонапарт не допустил. Уже в 1802–1803 гг. Пьемонт, Парма и остров Эльба были присоединены к Франции. С восшествием на неаполитанский престол маршала И. Мюрата господство Франции на Апеннинском полуострове стало полным.

Положение Италии в годы французского владычества было неоднозначным. Ее населению пришлось нести все тяготы военного времени, страдать от непомерно высоких податей и рекрутских наборов. Во Францию было вывезено немало художественных ценностей, продовольствия. Были нарушены традиционные торговые связи. Серьезный ущерб экономике итальянских государств нанесла континентальная блокада. Однако, под воздействием Франции в Италии были осуществлены важнейшие преобразования, в том числе отменены цеховые ограничения и внутренние таможенные пошлины, введены законы, соответствующие французскому Гражданскому кодексу, ликвидировались сословные привилегии дворянства и духовенства, проводилась секуляризация церковных земель, был реформирован архаический суд, погрязший в коррупции. Французская бюрократия – военная и гражданская – освободила полуостров от бандитских формирований. Наконец, именно эпопея наполеоновских войн способствовала активизации общественно-политического движения в Италии, зарождению национальной идеи. Крах наполеоновской империи и реставрация стали лишь прологом к новым важнейшим политическим изменениям в истории Италии.

Италия в XIX в.

Италия в период Реставрации

Венский конгресс, завершивший эпоху наполеоновских войн, провозгласил приоритет принципа легитимизма и преемственности владетельных прав существующих европейских династий. Однако политическая карта Италии претерпела немалые изменения. В состав Австрии вошли Ломбардия и Венеция, а герцогства Пармское, Тосканское и Моденское перешли под власть различных представителей дома Габсбургов. Сардинское королевство было восстановлено. В его состав вновь вошли Савойя, Ницца, Генуя. В полной мере была восстановлена и светская власть Папы, а его владения даже расширились за счет Равенны, Феррары и Болоньи. Таким образом, процесс реставрации в полной степени затронул лишь Пьемонт и Неаполитанское королевство: в первом на престоле осталась Савойская династия, а во втором – Бурбонов. По мысли Меттерниха,

Италия должна была стать лишь «географическим выражением», где отсутствуют какие-либо стремления к объединению.

Крах наполеоновской империи воспринимался итальянцами либо равнодушно, либо даже с ликованием. Французское господство принесло Италии немало прогрессивных преобразований, но в глазах итальянцев оставалось позорной иностранной оккупацией. В то же время и Реставрация не могла вызвать восторга. По крайней мере, образованное меньшинство склонно было рассматривать происшедшее как бедствие: в замене «одного деспота восьмью» оно видело прямой ущерб, так как к отсутствию политической свободы присоединялась теперь реальность возрождения феодальных порядков.

Наиболее жесткий характер Реставрация носила в Пьемонте. Были воскрешены солдатские косы, битье солдат шпицрутенами, культивировалась муштра. Аристократия занимала ведущие позиции в армии, бюрократических структурах, дворянам принадлежали громадные латифундии и поместья средней величины. Если в годы господства Наполеона большинство земель сдавалось в аренду, в условиях Реставрации начался массовый сгон крестьян-арендаторов. Промышленность в Пьемонте практически вовсе не была развита. Торговля, несколько оживившаяся в 1804–1805 гг., в постнаполеоновскую эпоху серьезно пострадала от восстановления таможен. Присоединенная к Пьемонту Генуя, традиционно процветавшая на ниве коммерции, испытывала огромные затруднения вследствие неумелой торговой политики и нелепых стеснений со стороны правительства. Режим Реставрации проявлял себя в усилении клерикального гнета. Иезуиты вернулись в Пьемонт в 1818 г. и стали оказывать сильное влияние на церковь и образование. Они сумели внедрить своих агентов при дворе, в цензурном управлении, Туринском университете.

В Королевстве Обеих Сицилий (Неаполитанском королевстве) французское владычество благодаря энергичной и продуманной политике Мюрата оставило более прочные следы в законодательстве и административном устройстве. Но в практике власти деспотизм реставрированных Бурбонов проявлялся очень сильно. Он выражался в подавлении свободы печати, науки, преподавательской деятельности, в полицейском произволе, в отсутствии независимости судебной власти, а также в неслыханной беззастенчивости режима. Министр полиции Каноза стал активно сотрудничать с разбойничьими бандами Калабрии и с их помощью создал особые кружки защитников трона и алтаря, так называемые организации кальдерариев. Эти банды, финансируемые полицией, были направлены против нонконформистки мыслящих жителей Неаполитанского королевства. Образованное общество, принадлежавшее отчасти к высшему и отчасти к среднему слоям, в первые годы Реставрации в позитивном плане вспоминало времена Иосифа Бонапарта и Мюрата. Но всеобщего недовольства Бурбонами не было: многие крестьяне, успевшие во времена французского владычества стать собственниками, а также крестьяне-арендаторы (кроме Калабрии) в экономическом плане не пострадали. Дворянство в громадном большинстве поддерживало правительство, поскольку было занято в основном службой в армии и бюрократических структурах государства. О развитии промышленности и торговли вообще говорить некорректно. Главной статьей экспорта оставался вывоз вина и оливкового масла.

Социальная ситуация на Сицилии имела особенности. Здесь наблюдалось господство латифундистов, ревниво охранявших пережитки феодальных отношений. Феодализм был гораздо сильнее на острове Сицилия, чем в континентальных частях неаполитанской монархии, ведь Сицилия, охраняемая английским флотом, никогда не была во власти Наполеона. Латифундисты почти поголовно были сепаратистами и смотрели на правительство как на чужеземцев. Крестьяне очень сильно страдали от жестких условий аренды, а также несли на себе бремя больших налогов в пользу государства, поэтому привязанности к правящей династии также не испытывали. В 1812 г. Бурбоны провели на Сицилии некоторые реформы, Фердинанд I даровал острову Конституцию, которую сам же в 1816 г. и упразднил. Несмотря на тотальную оппозиционность сицилийского

общества, отношений сотрудничества с оппозицией континентальных районов Неаполитанского королевства не было.

Революции 1820–1821 гг.

За событиями начала 20-х годов XIX в. стояли либеральные и демократические течения карбонаризма. Организации карбонариев (угольщиков) появились в Неаполе еще в период правления Мюрата и оттуда распространились по всему королевству. Первоначально для них характерна была анти-французская направленность, за которую они преследовались наполеоновской полицией. В 1811 г. карбонарии обратились к правительству Мюрата с просьбой о легализации. Правительство полагало, что они близки к простому народу и смогут сыграть такую же положительную роль для французского господства, как и масоны. Их легальное существование продолжалось до 1814 г., затем последовали преследования со стороны Мюрата и поиск союзников в лице представителей, проживавших на Сицилии Бурбонов. После реставрации Бурбонов лояльность в отношении организаций карбонариев проявлена не была: они стали беспощадно преследоваться. Но ввиду плохой организации розыскного аппарата, карбонарии не сильно пострадали от правительства Бурбонов.

С 1818 г. влияние карбонариев стало заметно усиливаться в войсках и в средних слоях общества. Полная неспособность Фердинанда I навести в королевстве порядок, заставляла самых далеких от политики людей думать о необходимости привлечения альтернативных сил. Разбойники делали непроезжими все главные дороги, но власти или не могли, или не хотели с ними покончить. Например, в 1818 г. около двух тысяч приказов об арестах бандитов было направлено на места – ни один из приказов выполнен не был. Для наведения порядка король разрешил создание местных «милиций». Среди этих «милиций» карбонаризм сделал самые значительные успехи, были такие провинции, где каждая рота милиции представляла собой венду (*vendita*) карбонариев, организацию стоявшую под началом офицера-карбонария. Карбонаризм в эти годы сделался движением прежде всего конституционалистским, республиканские идеи были скорее исключением, чем правилом. Конституционные стремления сосредотачивались в основном среди средних слоев и в войсках, крестьянство относилось к карбонариям индифферентно, духовенство было настроено против них.

В марте 1820 г. в Италии стало известно о восстании в Испании под руководством Р. Риго-и-Нуньеса. Это известие вызвали большой резонанс в итальянском обществе и стало катализатором политического кризиса в Королевстве обеих Сицилий. Героем неаполитанской революции стал Гульельмо Пепе (1783–1855), ставший еще при Мюрате бригадным генералом, а с 1818 г. занимавший пост командующего дивизией. Когда в июле 1820 г. взбунтовался эскадрон Бурбонского полка в Авеллино и дивизия Пепе было приказано подавить восстание, он отказался выполнить приказ. Дивизия перешла на сторону восставших. Как только об этом узнали в Неаполе, вспыхнуло волнение среди молодежи. Символическим знаменем движения стала испанская Конституция 1812 г., которая признавалась многими карбонариями в качестве идеала политической мудрости.

Фердинанд I оказался не на шутку испуган. Он обещал даровать Конституцию, временно возложил управление на своего сына Франциска и назначил новых министров из числа лиц, имевших либеральную репутацию. Карбонарии были удовлетворены принятием Конституции. В середине июля 1820 г. вспыхнула революция на Сицилии. Ее участники очень быстро стали склоняться к традиционному для острова сепаратизму. 1 октября 1820 г. в столице собрался парламент. Он был довольно умеренным и

формировался на основе трехстепенного голосования. Депутаты парламента отвергли и мысль о самоуправлении Сицилии.

Австрийский канцлер Меттерних стал подготавливать почву для вторжения в Неаполитанское королевство. Конгрессы Священного союза в Троппау и Лайбахе обсуждали нюансы вмешательства в неаполитанские дела. Король Фердинанд I принимал участие в работе конгрессов. Главное их решение – это санкция Австрии на вторжение в Королевство Обеих Сицилий. Австрийские войска к концу февраля 1821 г. достигли неаполитанской границы, затем разбили войска Г. Пепе. Регент открыто был на стороне австрийцев. В марте 1821 г. они заняли Неаполь, Пепе удалось бежать. Фердинанд I вернулся с желанием отомстить: Конституция была отменена, парламента распущен, цензура восстановлена, стал царить в полном смысле слова полицейский произвол.

Неаполитанская революция была подавлена австрийцами довольно быстро. Объективно социальная база этой «вспышки» не являлась широкой: крестьянство и духовенство не проявили своей заинтересованности. Требования радикальных течений ликвидировать устои феодализма не были приняты во внимание. Внутренние трения с Сицилией, хотя отчетливо уже проявились, но не успели наложить отпечаток на исход военной революции, хотя, безусловно, это способствовало успеху австрийского вторжения.

Таким же безрезультатным, но еще более кратковременным и поверхностным было брожение в Пьемонте. Карбонаризм там был менее распространен, чем в Королевстве Обеих Сицилий, но с 1819 г. его успехи стали гораздо заметнее. Принц Карл Альберт, наследник престола, снискал славу австрофоба и либерала. С середины лета 1820 г. начались волнения в Туринском университете. Волнения наблюдались в Генуе, Александрии. Возник военный заговор, целью заговорщиков было вторжение в Ломбардию и ее присоединение к Пьемонту. Они стремились также начать объединение Италии, по сути, в ходе этой военной революции были уже озвучены некоторые принципы движения Рисорджименто.

10 марта 1821 г., когда австрийская армия разгромила восстание в Неаполе, офицеры-заговорщики провозгласили «испанскую конституцию» и «объединение Италии». Виктор Эммануил I отрекся от престола в пользу брата, старого и больного принца Карла Феликса, а регентом при нем стал принц Карл Альберт. Туринское население требовало от династии уступок, 13 марта регент принял Конституцию. По примеру Испании до избрания парламента была учреждена хунта. Но новый король заявил, что никаких перемен в законы он пока не вносил и считает бунтом требование Конституции. Карл Альберт тотчас отказался от регентства, объявил, что он повинуетя королю, и уехал из Пьемонта. Несмотря на это, вторжение в Ломбардию было осуществлено, оно натолкнулось на сопротивление австрийцев, которые вскоре вошли в Пьемонт. Инсургенты сложили оружие отчасти перед австрийцами, отчасти перед верными королю пьемонтскими войсками. Австрийская армия занимала Пьемонт более трех месяцев. Вернувшийся Карл Феликс провел серию карательных мероприятий и получил за это прозвище «жестокий». Большие репрессии произошли в Туринском университете. Король ужесточил цензуру, наметилась опасная взаимосвязь между повстанческими вооруженными формами борьбы за свободу и сильной реакцией при их разгроме. Принципы Реставрации восторжествовали, идеи Священного союза и Венской системы остались незыблемыми.

Движение Рисорджименто в 30-40-е годы XIX в.

Рисорджименто (итал. – «воскрешение») – это общественно-политическое и духовное явление, в котором соединялись либеральное, и демократическое, и анти-феодальное, и анти-клерикальное течения. Но основной его целью являлось достижение национального единства. В начале 30-х годов стали формироваться два основных направления итальянского освободительного движения – демократическое, воплотившееся в мадзинизме, и умеренное, которое нашло развитие в идеологии и практике неогвельфизма, а также в либерализме на завершающем этапе Рисорджименто в 50-60-е годы XIX в.

Особую роль в становлении национального сознания в Италии и в переводе идеи единства в практическую плоскость сыграла деятельность Джузеппе Мадзини (1805–1872). Он родился в 1805 г. в семье генуэзского профессора анатомии, по образованию был адвокатом, с 1827 г. присоединился к карбонариям. Идеи Мадзини, претерпевшие за несколько десятилетий значительную эволюцию, являлись оригинальным явлением в истории итальянской общественной мысли. Но своими корнями мадзинизм уходит в карбонаризм. Новая вспышка революционного движения карбонарского типа произошла в Центральной Италии, в герцогствах Парма, Модена и Папской области, в 1831 г. под воздействием революций во Франции и Бельгии. Мадзини исходил из глубокой веры в существование Бога, создателя и воспитателя человечества. Для его идей были характерны универсалистско-космополитический подход, осознание бесконечности прогресса, одобрение принципов равенства и братства. Он был одним из первых провозвестников европейской идеи, подготовившим такой политический проект как «Молодая Европа». Большую известность он получил как организатор «Молодой Италии» (1831).

Мадзини считал нацию своеобразным промежуточным звеном между человечеством и индивидом. Он был противником федерализма и ориентировался на создание унитарного государства французского типа. Через представления о гуманизме, морали и ассоциации он подходил к тезису о важности национального единства как условия выполнения нацией предначертанной ей миссии. Мадзини утверждал, что в каждом заложена миссия самосовершенствования, а цель Италии в данный момент создать итальянскую нацию как нацию свободных и равных людей. Поскольку в Италии отсутствовали такие важные условия мирного прогресса как свобода печати, образования, ассоциаций, то ей необходимо было совершить национальную и социальную революцию, разрушить два главных препятствия на пути прогресса – австрийское господство и духовный гнет папства. Причины неудач прежних выступлений Мадзини видел в плохом политическом руководстве и отсутствии влияния на массы. Так родилась идея «искры». По мнению мыслителя, народ уже готов к революции, поэтому нужно организовать группу профессиональных революционеров, которая разбудит его, разгорится борьба, затем она перекинется в Европу. Безусловно, в этой идее сильно проявляется заряд романтизма. В 1833 г. в Пьемонте, Неаполе и в 1834 г. в Савойе Мадзини попытался «высечь искру», но потерпел неудачу. Эта идея затем трансформировалась в теорию «жертвенного примера». Но подобные акции, например, в местечке Козенцо в июле 1834 г. не способствовали достижению цели. Мадзинизм на время утрачивает популярность и уступает инициативу либерализму.

Либеральный лагерь Италии был не однороден как по социальному составу, так и по спектру представленных в нем течений. Он состоял из представителей дворянства, различных категорий духовенства, обуржуазившегося дворянства, лиц свободных профессий. Одной из начальных организационных форм итальянского либерализма стали девять конгрессов ученых, на которых обсуждались насущные социально-экономические

проблемы, устанавливались личные контакты между учеными и интеллектуальными элитами итальянских государств. Большое внимание либералы уделяли развитию просвещения и придерживались политики возможного: они издавали брошюры о развитии железнодорожного строительства, о создании таможенного союза между итальянскими государствами. Центром итальянского либерализма был Пьемонт, наиболее развитое в промышленном отношении государство. Выходцы из Пьемонта, К.Б. Кавур, В. Джоберти, М. Д'Адзелио, Ч. Бальбо уповали на политическую умеренность.

Политическая программа либералов не являлась четкой и конкретной. Они искали пути решения итальянской проблемы под руководством государей, при содействии европейских держав, а также стремились совместить идеалы свободы с принципами католицизма, поскольку католическая вера уже стала неотъемлемым элементом исторической традиции итальянцев.

В Италии начал формироваться и феномен либерального католицизма (в исторической литературе его часто называют неогвельфизмом). Преподобное величие нации обеспечивалось первенством Рима как христианского центра Европы. Многие либералы именно в этом видели возможность возродить «Третий Рим», не допуская революционного экстремизма, но и не отказываясь от достижений цивилизации, науки, свободы, гражданского равенства. Итальянские либералы испытали сильное влияние французского мыслителя Ф. Ламенне, а также его последователей – Ш. де Монталамбера и священника А. Лакордена.

Выдающуюся роль в становлении и развитии либерального католицизма сыграл видный теолог, философ, литературовед Винченцо Джоберти (1801–1852). Как политическое движение неогвельфизм стал консолидироваться после появления его книги «О духовном и гражданском первенстве итальянцев». Джоберти ввел в политический лексикон термин «Рисорджименто». Главная идея, высказанная мыслителем в этой книге, – без возрождения Италии нельзя возродить гегемонию Рима, но и роль церкви в единении итальянцев также неоспорима. Поэтому нужно, по мнению Джоберти, примирить церковь с цивилизацией, прежде всего с идеями прогресса и свободы, и тогда она выполнит свою миссию во всем мире. Католическая церковь в свою очередь должна действовать в союзе с либеральным и национальным движением Италии. Политические и религиозно-философские воззрения Джоберти отличаются сложностью и изменчивостью. Рубежным событием в эволюции его взглядов стала революция 1848–1849 гг. Сторонники неогвельфизма склонялись к федерализму под духовным руководством Папы. Главными предпосылками стабильности и расцвета нации они считали устойчивое экономическое развитие и создание таможенного союза.

Чезаре Бальбо (1789–1853) делал акцент на ликвидации австрийского владычества дипломатическим путем. Он полагал, что Австрия может отказаться от Ломбардии и Венеции, если на международных конгрессах ей предложат территории на Балканах, полученные за счет слабеющей Турции. Ч. Бальбо и Массимо Д'Адзелио (1798–1866) большие надежды в достижении итальянского единства связывали с Пьемонтом, где королем был австрофоб Карл Альберт.

Революция 1848–1849 гг.

В конце 40-х годов XIX в. в Италии продолжал нарастать социально-политический кризис. Обострение социального вопроса было связано с развитием первоначального накопления капитала и разложением социальных структур феодализма. Пауперизм стал неотъемлемой чертой социального облика деревень и городов Италии, но по

преимуществу социальный вопрос был крестьянским и предполагал кардинальные изменения в сфере землевладения и землепользования. Темпы развития индустриализации были невысоки и сдерживались политической раздробленностью страны, но они отставали от темпов пролетаризации населения.

Италия нуждалась в разноплановых реформах. С 1846 г. под руководством нового папы Пия IX (1846–1878) реформаторское движение стало реальностью: была создана правительственная комиссия по изучению политических проблем Папского государства и по ее рекомендации проведена политическая амнистия. Папа обрел ореол реформатора-патриота, реформаторский импульс затронул Тоскану, Пьемонт, королевство обеих Сицилий, Ломбардо-Венецианскую область. Реформы Пия IX разрушили духовную изоляцию Папской области и других итальянских государств, были устранены жесткие запреты на печать, собрания. Папа намеревался начать железнодорожное строительство в Папской области, образовал совет министров, выступил с идеей создания единого для всей Италии таможенного союза. Реформы Пия IX вызвали серьезную обеспокоенность венского двора. Австрийские войска оккупировали Феррару, которая находилась в непосредственной близости к Папской области. В ответ Пий IX направил к своим границам швейцарские соединения, чем вызвал одобрение широких патриотических слоев.

В те же годы начинался национальный подъем и в Пьемонте. Большая часть правителей (великий герцог Тосканы, неаполитанский король, властители Пармы и Модены) упорствовали в своей приверженности абсолютизму. Но и они постепенно начали сдавать позиции. Осенью 1847 г. тосканский герцог Леопольд дал согласие на создание гражданской гвардии, введение свободы печати, признал полномочия совещательного органа при тосканском правительстве. События в Тоскане повлияли на либерализацию ситуации в Парме, Модене и Лукке. Вскоре герцог Лукки за денежную компенсацию отказался от своих владений в пользу Тосканы. В октябре 1847 г. последовали долгожданные реформы в Пьемонте: введение гласности судопроизводства, ограничение цензуры и полицейского произвола, создание органов местного самоуправления. С конца 1847 г. и до конца марта 1848 г. ситуация приобретала еще более сложный характер: борьба за реформы стала перерастать в революционное движение.

Революция началась 12 января на Сицилии. Главными требованиями восставших были восстановление Конституции 1812 г. и отделение от Неаполитанского королевства. Но в Неаполитанском королевстве это восстание было поддержано. 27 января 1848 г. Фердинанд II согласился на введение Конституции во всем королевстве, ограничил цензуру, провел политическую амнистию, а во главе нового кабинета министров поставил карбонария Будзелли и признал частичную автономию Сицилии. В марте-апреле 1848 г. были приняты Конституции в Тоскане, Пьемонте, Папской области. Однако общественное спокойствие не наступило.

Революция в Вене и бегство Меттерниха стали толчком для начала революционных событий в Ломбардо-Венецианской области. 23 марта была провозглашена Венецианская республика (Республика Святого Марка) во главе с Д. Манином (1804–1857). В марте покрылся баррикадами Милан («пять дней» Милана), и многотысячный корпус во главе с генералом Й. Радецким покинул город. Из Пармы и Модены были изгнаны австрийские войска. В этих условиях король Пьемонта Карл Альберт предложил свою помощь Ломбардии и Венеции во имя национального освобождения страны. Карл Альберт хотел реализовать идею создания Североитальянского королевства. Это стало началом военных действий против Австрии, которые вошли в историю как первая Война за независимость. В военных действиях против австрийцев принимали участие кроме армии Пьемонта, регулярные войска Папской области, Неаполитанского королевства, отряды патриотов Тосканы, Ломбардии, Венеции. Итальянские государства объединились в единой освободительной борьбе, и это стало наивысшей точкой развития неогвельфизма. Но политические разногласия итальянских правителей, форсирование Савойской династией

процесса объединения вокруг Пьемонта не позволили закрепить успех. 29 апреля Папа заявил, что он нейтрален и отвел свои войска. Позицию Рима следует трактовать, как нежелание понтифика осложнять отношения с Австрией, где к тому времени наметился закат йозефинизма, и началось сближение с Римом. Почти сразу увел свои войска неаполитанский король Фердинанд II. Действия Пия IX привели вскоре к крушению неогвельфизма. Благоприятный момент для разгрома австрийских войск был упущен. 22 июля войска Пьемонта потерпели серьезное поражение при Кустоцце, а затем был сдан Милан. 8 августа Карл Альберт подписал перемирие. Австрийское господство в Ломбардии и Венецианской области было восстановлено, патриотический лагерь утратил единство и усилился правый и левый радикализм.

В Неаполитанском королевстве в мае 1848 г. был разогнан, так и не успевший приступить к работе парламент. С сентября 1848 г. по май 1849 г. шло подавление сицилийского восстания. Фердинанд II бомбардировал сицилийский город Мессина и получил за это прозвище король-бомба. В ноябре 1848 г. началась революция в Папском государстве. Папа бежал, и в Риме была провозглашена республика под руководством Дж. Мадзини. В Тоскане в феврале 1849 г. вспыхнула восстание, Леопольд II был отстранен от власти и установлена республика. В таких условиях начался новый этап войны Пьемонта против австрийских войск. Этот этап продлился всего несколько дней. 23 марта в битве при Новаре пьемонтские войска потерпели сокрушительное поражение. Карл Альберт из опасения, что теперь Сардинское королевство захлестнет республиканское движение, отрекся от престола в пользу своего сына Виктора Эммануила II. Учитывая сложившее положение и не желая допускать дальнейшего падения престижа монархии, новый король санкционировал Конституцию и функционирование парламента. В апреле были разгромлены либеральные и демократические силы в Тоскане, а престол возвращен герцогу Леопольду, вернулись на свои престолы герцоги Пармы и Модены.

Папа, стремясь быстрее сокрушить Римскую республику, обратился за помощью к Франции. Французский генерал Удино начал бои вооруженными силами Дж. Гарибальди (1807–1882), защищавшими Рим. 3 июля 1849 г. республика пала, республиканские учреждения прекратили свое существование, а ее лидеры вынуждены были эмигрировать. 22 августа прекратила сопротивление Венеция.

Революция 1848–1849 гг. была важным этапом Рисорджименто, но она потерпела поражение. В ее ходе произошел крах неогвельфизма и конституционных режимов во всех итальянских государствах, кроме Пьемонта, и проявилось упорное соперничество либеральных и демократических сил в борьбе за лидирующие позиции, хотя уже наметилось их сближение при определении главной для Италии цели. Сохранение Конституции и парламента в Пьемонте – это единственный позитивный результат этой революции.

Завершение объединения Италии в 50-60-е годы XIX в.

Этот период стал третьим и завершающим этапом Рисорджименто. После поражения революции почти во всех итальянских государствах воцарилась политическая реакция.

Либеральные и демократические силы находились в кризисном состоянии. Но демократы быстрее начали действовать. Вскоре после революции оживилось мадзинистское движение, настаивавшее на радикальных методах борьбы. На вооружение им была взята тактика «постоянных ударов». Но все выступления мадзинистов заканчивались поражением: в 1853 г. и 1857 г. соответственно были подавлены восстания в Милане и на Юге страны, а также в Генуе и Ливорно. Это привело к потере актива

кадров движения, и вскоре мадзинизм уже находился в угнетенном состоянии. В рамках демократического движения появлялись силы, не разделявшие радикализма Мадзини, но принимавшие республиканские идеалы (К. Каттанео, Ф. Феррари и др.).

Либеральные силы сохранили свои позиции только в Пьемонте. В 1849 г. там состоялись парламентские выборы. Во вновь избранном парламенте сложилось влиятельное либерально-демократическое большинство. Правительство Пьемонта возглавлял известный либерал М. Д'Адзелио и руководство политической жизнью королевства находилось в руках умеренных либералов. В 1850 г. были приняты законы, ограничивавшие влияние церкви. Пьемонт вскоре стал центром всего патриотического движения Италии, которое отказалось от романтизма и сделало ставку на самое сильное итальянское государство, во главе которого стояла национальная династия, настроенная австрофобски.

В 1852 г. премьер-министром Пьемонта стал К.Б. Кавур (1810–1861), которого часто называют итальянским Бисмарком. Бесспорно, он является легендарной личностью в движении Рисорджименто. Кавур обладал железной волей, потрясающей работоспособностью, незаурядным умом. Его преимущество в сравнении с другими представителями либерального лагеря заключалась в умении масштабно, комплексно воспринимать ситуацию в Италии. Кавур много сделал для развития модернизации в Пьемонте: активизировал железнодорожное строительство, способствовал переоснащению портов, перевооружил армию. Премьер-министр стремился к созданию Северо-итальянского королевства с помощью сильного европейского государства. Будучи превосходным дипломатом, он сумел заключить политический и военный союз со Второй империей. Франция согласилась помочь Пьемонту присоединить северную Италию. Кавур добился обещания России соблюдать нейтралитет в случае войны Франции и Пьемонта с Австрией.

Полею для сотрудничества либералов и демократов стала созданная в 1857 г. Национальная ассоциация (Национальное итальянское общество) во главе с Д. Манином. Вице-президентом ассоциации стал Дж. Гарибальди, который был сторонником сотрудничества с умеренными. Это общество также делало ставку на взаимодействие с Савойской династией ради объединения Италии. Сам факт существования такой организации подтверждает ситуацию раскола в демократическом движении. Мадзини оказался в изоляции. Гарибальди к большому возмущению Мадзини принял предложение Кавура о вербовке волонтеров, готовых поддержать регулярные войска Пьемонта.

В 1859 г. началась война Пьемонта в союзе с Францией против Австрии. Кавур спровоцировал конфликт, начав массированное вооружение армии. Австрийская сторона в ультимативной форме потребовала разоружения, Пьемонт ответил отказом, и Австрия перешла к военным действиям. Они вошли в историю как вторая Война за независимость. В ее ходе – она продолжалась с 26 апреля – 11 июля 1859 г. – состоялись два крупнейших сражения при Маджента и Сольферино, в которых австрийские войска потерпели сокрушительное поражение. 11 июля 1859 г. Наполеон III, опасаясь затяжной кровопролитной войны и учитывая возможное недовольство Папского государства, заключил Виллафранкское перемирие с Австрией. Подписанный позднее мирный договор передавал право на Ломбардию Пьемонту, а Венецианская область осталась за австрийской стороной. Перемирие было заключено без ведома Сардинского королевства, что делало дальнейшие расчеты на помощь Франции безосновательными. Дипломатический путь объединения был исчерпан.

Дальнейшие шаги к единству связаны с сотрудничеством К.Б. Кавура с Национальной ассоциацией. С ее помощью вспыхнули народные восстания в герцогствах Парме, Модене, Тоскане и были изгнаны герцоги – австрийские ставленники. Кавур взял на себя роль посредника между революционными движениями и Францией. Согласно секретным статьям договора 1859 г. с Францией Кавур передал Наполеону III Ниццу и Савою и

присоединил герцогства к Пьемонту. Предварительно в них были проведены плебисциты о включении в состав Сардинского королевства.

Демократические организации стремились довести дело объединения Италии до логического конца. С этой целью была организована военная экспедиция на Сицилию, главной ее силой стала знаменитая «Тысяча» Гарибальди.

Дж. Гарибальди родился в Ницце в 1807 г. в семье моряка. В 15 лет он стал матросом, затем вступил в организацию «Молодая Италия», вел пропаганду во флоте. После неудачного восстания 1834 г. Гарибальди был вынужден эмигрировать. В последующие годы он участвовал в освободительном движении Черногории, служил тунисскому бею, воевал в Уругвае против войск хунты. В годы революции 1848–1849 гг. Гарибальди сражался в Ломбардии и Риме. После поражения революции он эмигрировал в Америку, а с 1854 г. обосновался на острове Капреро. Когда возникла Национальная ассоциация, Гарибальди стал ее вице-президентом. В 1859 г. во время второй Войны за независимость он со своим отрядом участвовал в освобождении Ломбардии и Центральной Италии. В мае 1860 г. 1200 волонтеров под командованием Гарибальди высадились на Сицилии, что стало толчком для анти-бурбонского народного восстания на Юге Италии. Все содействие пьемонтского правительства ограничивалось тем, что оно не мешало походу «Тысячи» гарибальдийцев, одетых в красные рубашки. Большинство гарибальдийцев составляли адвокаты, врачи, аптекари, конторщики, торговцы, студенты. В ходе экспедиции на Сицилию состоялось блистательное для Гарибальди сражение при Калатафими, его войска взяли столицу острова Палермо, и было сломлено сопротивление 25-тысячной королевской армии и полицейских формирований. На Сицилии под девизом «Италия и Виктор Эммануил» установилась революционная диктатура Гарибальди.

Неаполитанское королевство переживало кризис. Новый король Франческо II не стремился к каким-либо прогрессивным преобразованиям. В июне 1860 г. гарибальдийские войска высадились в Калабрии и, не встречая сопротивления, двинулись к Неаполю. Граф Кавур начал действовать более решительно и постарался взять инициативу в свои руки, желая воспрепятствовать походу гарибальдийцев. Со всех концов Италии к Гарибальди стекались добровольцы. Неаполь пал без боя, в битве при Вольтурно 1 октября 1860 г. монархические силы Бурбонов потерпели окончательное поражение. В этом сражении принимали участие регулярные пьемонтские стрелки, но их роль не была значительной.

После сражения при Вольтурно вопросами урегулирования стало заниматься пьемонтское правительство. 21 октября Гарибальди организовал проведение в Неаполитанском королевстве плебисцита и вручил его результаты королю Виктору Эммануилу II. На их основе королевство было присоединено к Пьемонту. 29 октября произошла встреча между Виктором Эммануилом II и Гарибальди. Король не пригласил полководца к завтраку, тот позавтракал на конюшне. Свита короля была скандализирована красной рубашкой Гарибальди. Пока король ехал рядом с Гарибальди, народ выкрикивал: «Да здравствует Гарибальди», а доблестный воин неоднократно сам провозглашал «Да здравствует король». После проведения плебисцита Гарибальди был лишен своих полномочий, а его отряды разоружены и демобилизованы без денежного вознаграждения. Подобные действия вызывали чувство разочарования в отношении правительства Пьемонта. Но сам Гарибальди отличался очень туманными социально-политическими воззрениями. Он объявлял себя республиканцем, но уважал Виктора Эммануила II, ненавидел Кавура, восхищался Цезарем, римской историей, не признавал парламентаризм и считал себя сторонником народной диктатуры. Его непоследовательные взгляды отразились и на политике. Гарибальди отменил наиболее ненавистные поборы, наделил неимущих землей из королевского фонда, но раздела латифундий не осуществил, более того часто гарибальдийцы вставали на сторону собственников. Такие действия возбуждали социальные ожидания, но Гарибальди не умел

и не имел времени их реализовывать. Кавур очень опасался, что Юг станет нестабильной территорией, и поэтому двинул туда войска.

В феврале в Италии прошли парламентские выборы, и открылся общеитальянский парламент. 14 марта 1861 г. Виктор Эммануил II был провозглашен королем Италии со столицей во Флоренции. Председателем совета министров стал К.Б. Кавур. В состав Итальянского королевства не вошли Папская область и Венеция.

Молодое государство имело достаточно проблем. Оно оставалось в сильной зависимости от Франции, особенно в связи с принятой в 1864 г. Конвенцией о неприкосновенности Папских владений в обмен на обещание Второй империи вывести через два года оттуда свои войска. Вызывала беспокойство и Австрия, которая все еще не отказалась от пересмотра результатов событий 1859–1861 гг.

Но с самыми большими проблемами новое государство столкнулось на Юге. Там процветало враждебное отношение к Пьемонту из-за навязанного жесткого управления, введения воинской повинности и тяжелых налогов. Ответом на это стал стремительный рост бандитизма на территории бывшего Неаполитанского королевства как проявление специфического сопротивления крестьян новым властям. Руководителями оппозиции Пьемонту были связанные с Бурбонами латифундисты и представители церкви. Правительственные войска вели войну на Юге вплоть до 1865 г., численность армии составляла около 120 тыс. человек, а потери были больше, чем за все годы объединения Италии. Регулярные войска сжигали целые села и превращали целые округа в развалины, расстреливали всех крестьян, захваченных с оружием. Пьемонтское правительство настолько не сумело заручиться поддержкой Юга, что там начала возрождаться партия мюратистов, активно действовали такие организации как сицилийская мафия и Неаполитанская каморра. К 1883 г. последняя была повержена, но возродилась в начале XX в., а мафия разгромлена так и не была.

Вскоре после образования Итальянского королевства 6 июня 1861 г. умер К.Б. Кавур. Лучшей чертой этого государственного деятеля было стремление к соблюдению конституционных норм. Виктор Эммануил II, лишенный советов Кавура, был готов поддержать авантюрные планы военных экспедиций на Балканах и сложные комбинации против Австрии во имя завершения объединения Италии. Но в 1866 г. Италия заключила военно-политический союз с Пруссией против Австрии. Еще Кавур видел в Пруссии естественную союзницу. В 1866 г. началась австро-прусская война, дополненная «третьей Войной за независимость». Италией война велась очень плохо, хотя ее войска по своей численности превосходили австрийские. В битве при Кустоцце 24 июня 1866 г. итальянцы были разбиты. Лучше, чем регулярные войска действовали добровольцы под командованием Гарибальди, единственного итальянского генерала, одаренного выдающимся военным талантом. 22 июля Пруссия без предварительных договоренностей с Италией заключила перемирие с Австрией, что вынудило Итальянское королевство заключить мир. Венецианская область была передана Наполеону III, который в качестве посредника уступил ее Виктору Эммануилу II, после проведенного там в пользу присоединения к королевству плебисцита.

Судьба римского вопроса оказалась значительно сложнее. Кавур считал, что Рим в качестве столицы необходим молодому королевству. Часть богословов во главе с иезуитом Пассалья не видели в светской власти Папы необходимого условия существования папства. Кавур предполагал добиться Рима в согласии с католическим миром. «Римский вопрос, – заявлял он в палате, – не может быть решен оружием». После смерти Кавура французский посол запросил в январе 1862 г. папское правительство, не согласится ли оно способствовать торжеству итальянского патриотизма. Рим ответил отказом.

Готовность поспособствовать присоединению Папской области проявил Гарибальди. Он сделал своим лозунгом фразу «Рим или смерть». Премьер-министр Ратацци вел

двусмысленную политику, и многие, в том числе Гарибальди, считали, что правительство окажет содействие предприятию против Рима. В конце августа 1862 г. Гарибальди и 2500 добровольцев высадились в Калабрии и двинулись на высоты Аспромонте. Несмотря на желание обеих сторон избежать кровопролития, оно все же произошло 29 августа. В числе раненых был и Гарибальди, которого королевские войска взяли в плен. Итальянское правительство из страха перед Францией реально противилось этой экспедиции.

Понтифик продолжал настаивать на необходимости существования своего государства, более того он провозглашал в конце 1864 г. полное верховенство церковной власти над гражданской. Разрешение венецианского вопроса на некоторое время отодвинуло римский вопрос на второй план. Согласно подписанной в 1864 г. Конвенции в 1867 г. французские войска оставили Папскую область, но никакого восстания против Папы там не произошло. В июле 1867 г. Гарибальди стал собирать добровольцев для вторжения в Папскую область. Однако правительство Италии не решилось противодействовать ясно выраженному требованию Франции, помешать предприятию Гарибальди. Ратацци отправил его на остров Капреро, но он оттуда сбежал. 3 ноября 1867 г. при деревне Ментано произошло сражение, в котором гарибальдийцы были разбиты папскими и французскими войсками. В донесении об этой битве присутствовала известная фраза «Шаспо (новые военные ружья) в этот день совершили чудеса». Французская сторона не стеснясь заявляла, что Италия никогда не завладеет Римом.

На созванном в декабре 1869 г. Вселенском Ватиканском соборе была проведена большая работа по обоснованию догмата о папской непогрешимости, который вступил в силу 11 мая 1870 г. Но начавшаяся в июле 1870 г. франко-германская война ускорила гибель Второй империи: во Франции установился режим Третьей республики. Италия сочла, что конвенция 1864 г., признававшая неприкосновенность папских владений, утратила силу. Первоначально итальянский король предложил Папе добровольно отказаться от светской власти, но тот заявил, что уступит только силе. 20 сентября итальянские военные формирования пробили брешь в римской городской стене. Папа приказал тогда своему войску прекратить сопротивление и удалился в Ватикан.

В октябре 1870 г. в Риме был проведен плебисцит: за присоединение к Итальянскому королевству высказалось 133000 человек, против – 1500. В марте 1871 г. последовало принятие «закона о гарантиях», по которому итальянское государство предоставляло папе свободу осуществления его духовной власти, признавало за ним право на дипломатические сношения с иностранными государствами, обязывалось ежегодно отпускать на его нужды свыше 3 млн лир, освобождало итальянских епископов от присяги на верность королю и ограничивало владения папы лишь Ватиканским и Латеранским дворцами и загородной виллой. Папа отверг этот закон и объявил себя «ватиканским узником», т. е. пленником итальянского государства.

Торжественный въезд в Рим короля Виктора Эммануила II состоялся 2 июля 1871 г. При этом он произнес знаменитые слова: «Мы пришли в Рим и останемся в нем». Процесс объединения Италии был завершен. Движение Рисорджименто в целом способствовало формированию итальянской нации, стало импульсом для развития индустриализации и утверждения капиталистических общественных отношений, складывания национального рынка и превращения Италии в самостоятельный субъект международной политики. Однако перед итальянским правительством стояло немало нерешенных проблем. Из-за высокого имущественного ценза слой избирателей оставался очень узким, что угрожало в определенной мере принципам конституционализма и парламентаризма; серьезное беспокойство доставлял «римский вопрос», поскольку Папа призвал верующих не принимать участие в политической жизни Италии, т. е. подтвердил провозглашенный еще в 1867 г. принцип «non expedit» (не подобает); трудно представлялось в обозримом будущем решить проблему различного уровня развития Севера и Юга Италии (так называемый «южный вопрос»).

Италия в последней трети XIX в.

Как и другие страны Европы, с запозданием вступившие на путь модернизации и индустриализации, Италия испытывала сложное воздействие отсталости и быстрого экономического роста, новых компонентов гражданского общества и традиционализма.

После объединения страны в итальянском обществе произошли серьезные изменения, которые затронули в первую очередь государственно-политическую сферу. Объединенная Италия являлась конституционной монархией с двухпалатным парламентом. Конституцией государства был так называемый «Альбертианский статут», который действовал в Пьемонте с 1848 г., а с 1861 г. – на территории всего королевства. В ней фиксировались политические и основные гражданские права (свобода печати, собраний, гарантии свободы личности и неприкосновенность жилища, равенство всех граждан перед законом). Король сохранял широкие властные полномочия. Парламент являлся во многом зависимым от монарха. Избираемой была только нижняя палата (палата депутатов), верхняя палата (сенат) формировалась королем. Законодательная инициатива не являлась исключительной прерогативой парламента, он делил ее с монархом. Король назначал и увольнял министров, принцип ответственности министров как конституционный еще не оформился.

Правом голоса вплоть до начала 80-х годов обладали только 2 % от всего населения Италии. К числу избирателей принадлежали мужчины, достигшие 25 лет, платившие не менее 40 лир прямых налогов, бывшие грамотными или же принадлежавшие к определенным профессиям (например, чиновники). Политических партий в Италии не существовало, но были политические группировки. В последней трети XIX в. у власти друг друга сменяли так называемые «Правая» и «Левая» группировки. Они обе признавали либеральные принципы, но их различали политические нюансы. «Правая» была преимущественно связана с умеренным течением национально-освободительного движения. Ее наиболее видные деятели – Дж. Ланца, М. Мингетти, К. Селла. «Левая» объединяла более радикальную часть умеренных и демократов, склонявшихся к компромиссу с монархией. Подобное явление среди демократов-республиканцев отражает присущий политической жизни Италии последней трети XIX в. в целом трансформизм. И «Правую», и «Левую» поддерживали примерно одни и те же социальные слои – торговая, финансовая, землевладельческая буржуазия.

В 1861–1876 гг. у власти находилась «Правая». За эти годы сменилось десять правительств. Главными направлениями деятельности этой группировки были унификация сфер государственной жизни и обеспечение единства различных регионов страны. Задача складывания единого национального рынка решалась в условиях торжества принципа свободы торговли. Были уничтожены таможенные перегородки между прежними государствами, введена единая денежная система. Строительство железных и шоссейных дорог, портов телеграфных линий способствовало индустриализации. Такая политика была выгодна как земледельческим слоям, так и промышленникам. Накопление капитала интенсивнее всего шло в кредитно-финансовой сфере, способствовала этому постоянная нужда в деньгах со стороны государства. Главным кредитором стал Национальный банк. Важным средством пополнения государственных финансов была налоговая система. С 1868 г. устанавливался вызвавший бурю протестов налог на помол зерна. В случае нехватки собственных капиталов правительство прибегало к финансовым заимствованиям в Англии, Франции и Германии.

После объединения Италия по-прежнему оставалась преимущественно аграрной страной. На долю сельского хозяйства в создании валового национального продукта

приходилось 58 %. Произошло перераспределение земельного фонда, но крупное землевладение полуфеодалного типа (латифундии) не пострадало. Пущенные в продажу земли из государственного фонда, бывшие земли церкви и общинные владения приобретались состоятельными людьми. Проблема крестьянского малоземелья решена не была. Капиталистические отношения в сельском хозяйстве преобладали только в Пьемонте и Ломбардии. Различие между промышленно развитым капиталистическим Севером и аграрным Югом породило «южный вопрос».

В области внешней политики усилия правящей группировки были направлены на международное признание итогов Рисорджименто и предотвращения поддержки Ватикана со стороны Австро-Венгрии и Франции. Серьезное внимание стало уделяться колониальной политике: на побережье Красного моря была основана колония Ассам, которая вскоре стала форпостом итальянской экспансии в Африке.

«Правая» практически не занималась урегулированием социальных проблем, что привело к резкому разрыву между верхами и низами общества. Вызывал раздражение также низкий уровень демократизации общества и прежде всего узость социальной базы объединенного государства. На почве этих противоречий в середине 70-х годов произошло формирование блока прогрессивных либералов и умеренных демократов, получившего название «Левый», который был готов к проведению реформ.

В 1876 г. на очередных парламентских выборах «Правая» потерпела поражение, произошла так называемая «парламентская революция». Новый кабинет возглавил лидер «Левой» А. Депретис (1813–1887). «Левая» одержала победу над «Правой» под флагом проведения еще более либеральной политики, но затем уступила нажиму со стороны промышленников и стала проводить протекционистскую экономическую политику. Правительство ввело высокие таможенные пошлины на зерно, оказывало покровительство предпринимателям сахарной, металлургической, машиностроительной, текстильной промышленности, поддерживало строительство железных дорог. В Германии, которая также как Италия только в последней трети XIX в. обрела единство, примерно в эти же годы произошел переход от фритредерства к протекционизму.

В соответствии с либеральными идеалами «Левая» отказалась от политики сверхжесткой административной централизации и поддержала необходимость большей самостоятельности местной власти по отношению к центральной. «Левая» в своей политике сочетала либерализм и демократические принципы. Так, в 1882 г. была проведена избирательная реформа. Число избирателей увеличилось более чем в три раза за счет снижения возрастного ценза с 25 до 21 года, уменьшения в два раза имущественного и предоставление возможности его замены образовательным цензом (экзамен в объеме знаний начальной школы).

«Левая» начала радикальное наступление на клерикализм. В 1877 г. был принят закон о светском характере обязательного начального образования, а в 1878 г. введена гражданская регистрация браков. В 1878 г. после смерти Пия IX новый понтифик Лев XIII (1810–1903) не изменил отношения Ватикана к Итальянскому государству.

Сохранял свою остроту и «южный вопрос». Государство, ориентируясь на потребности либеральной промышленной буржуазии Севера, закрепляло экономическую, социальную и культурную отсталость Юга. Там процветал гнет латифундистов и ростовщиков, что вынуждало крестьян покидать родные места. Промышленности на Юге практически не было, традиционное ремесленное производство не выдерживало конкуренции с индустрией Севера и разорялось. Единственная возможность выжить – эмиграция, которая начнется именно в середине 70-х годов, а достигнет своего пика уже в «эру Джолитти».

«Левая» не сумела решить многие и другие социальные проблемы. В Италии было одно из самых тяжелых в Европе положение рабочего класса: отсутствовало трудовое

законодательство и социальное страхование. Широкое распространение имели анархистские идеи М. Бакунина. Стали появляться рабочие и крестьянские организации, боровшиеся за чисто экономические цели. После проведения реформы избирательного права усилилось социалистическое движение. Так, бывший анархист А. Коста (1851–1910) в 1881 г. основал Революционно-социалистическую партию. Он отказался от анархистского принципа неучастия в политической борьбе и в 1882 г. первым среди социалистов был избран в палату депутатов. В Ломбардии в это же время возникла Рабочая партия, которая в качестве главной задачи объявила «сопротивление капиталу». Партия быстро стала массовой. Но в свои ряды она допускала только лиц физического труда.

Широкие слои населения не выказывали уже симпатий ни к «Правой», ни к «Левой». Они отдавали предпочтение республиканцам и радикалам, требовали введение всеобщего избирательного права и изменения вектора внешней политики.

Правительство «Левой» в сфере внешней политики продолжало курс на активизацию участия Италии в международных делах. В 1882 г. состоялось подписание договора с Австро-Венгрией и Германской империей, известного в истории как Тройственный союз. Сближение с Австро-Венгрией не соответствовало геополитическим интересам Италии и стало возможным только под нажимом Германской империи, чья поддержка для нее стала очень важной после захвата Францией Туниса. После неудачи в Тунисе Италия продолжила колониальную экспансию в Восточной Африке. В 1885 г. итальянцы оккупировали Массая и начали проникновение в приграничные районы Сомали и Эфиопии. В начале 1887 г. итальянский экспедиционный корпус потерпел поражение при Догали, и продвижение в этом направлении было на время приостановлено.

К 1887 г. в Италии накопилось много нерешенных внутренних и внешних проблем: экономический кризис, осложненный мировым аграрным кризисом; напряженные отношения с Австро-Венгрией, которые в любую минуту могли взорвать Тройственный союз, а также конфликт с Францией из-за колоний. «Левая» к тому времени уже полностью исчерпала свой политический потенциал, а под воздействием трансформизма практически исчезли прежние разграничения с «Правой». Внутри правящего блока обострилась борьба группировок. Оппозиционную Депретису группировку возглавил в прошлом активный сподвижник Гарибальди Ф. Криспи (1818–1901). Он претендовал на роль выразителя интересов нации, умел действовать, не считаясь с традициями, и добивался цели любыми средствами. Его идеалом как политика был Бисмарк, что во многом предопределило прогерманскую ориентацию Криспи, а его политику вполне корректно назвать бонапартистской. Он ратовал за укрепление государства, создание сильных армии и флота, превращение Италии в Средиземноморскую империю, обещал ослабление налогового бремени, децентрализацию власти и неотложного решения социальных проблем. Все это обеспечило ему поддержку самых разнородных слоев – от «партии двора» до демократов, и в 1887 г. он возглавил правительство, заняв в нем также пост министра внутренних и иностранных дел.

Криспи утверждал авторитарные методы правления. По его инициативе важные вопросы решались правительством без одобрения парламента. Так, после выборов 1889 г. он стал премьер-министром без утверждения его кандидатуры парламентом. Криспи стал инициатором мер, направленных против гражданских и политических свобод: по закону 1889 г. было ограничено право собраний, запрещались некоторые демонстрации, против стачечников стало применяться оружие, под нажимом премьера был аннулирован парламентский мандат известного социалиста Косты.

В 1891 г. второй кабинет Криспи из-за серьезных экономических трудностей и роста общественного недовольства пал. Новый кабинет возглавил сначала маркиз ди А. Рудини, а затем политик с большим будущим, сторонник «прогрессивного либерализма» Джованни Джолитти (1842–1928). Новый премьер намеревался прежде всего

предотвратить социальные потрясения проведением налоговой реформы, усовершенствованием законодательства об охране труда. Но его ждали серьезные испытания. В 1892–1894 гг. на Сицилии развернулось массовое крестьянское движение, направленное против латифундистов и сельских муниципалитетов, во главе встали Союзы трудящихся («фаши»). Участники движения отказывались от уплаты налогов, захватывали муниципалитеты, помещичьи усадьбы. Одновременно происходили выступления городского плебса в городах Сицилии с требованием повышения оплаты труда и предоставления работы. Политические воззрения участников были довольно туманными и представляли собой эклектичное переплетение принципов социализма, монархизма, католицизма. Действия полиции еще больше накаляли обстановку. Одновременно в правительстве разгорелся коррупционный скандал, связанный с аферами Римского банка. Кабинет Джолитти в 1893 г. вынужден был уйти в отставку. Новое правительство вновь возглавил Ф. Криспи.

Криспи ввел на Сицилии осадное положение и жестоко силой оружия подавил это движение. Жертвы расправ исчислялись десятками. Союзы трудящихся были распущены. Копируя бисмарковские приемы управления, Криспи летом 1894 г. провел свой вариант исключительного закона против социалистов. К началу 90-х годов в Италии как раз уже оформились партии демократической и социалистической ориентации. В 1892 г. состоялся учредительный съезд Социалистической партии итальянских трудящихся (с 1895 г. – Итальянская социалистическая партия). В 1895 г. объединились республиканские течения, и возникла Итальянская республиканская партия. Но удар Криспи был направлен против социалистов: сначала парламент принял закон о чрезвычайных мерах, а затем он был дополнен министерским декретом, квалифицировавшим все рабочие организации как анархистские и запрещавшие их. На легальном уровне Социалистическая партия сохранила лишь свою фракцию в парламенте из 6 человек.

Во внешней политике Криспи сохранил свою прогерманскую направленность. В 1888 г. была подписана военная конвенция с Германией и Австро-Венгрией: Италия в случае войны союзников против России и Франции обязывалась оказать им военную помощь. Это очень осложнило и без того напряженные отношения Италии с Францией. Криспи активизировал продвижение итальянского экспедиционного корпуса в Восточной Африке. Владения Италии на побережье Красного моря (Ассам и Массая) были объединены в 1890 г. в колонию Эритрея. Один из племенных вождей, Менелик, которого поддержала Италия, провозгласил себя императором Абиссинии (Эфиопии). Итальянское королевство навязало ему договор о протекторате. Он сначала согласился, а затем порвал его. Италия начала поддерживать племенных вождей, противников Менелика и попыталась дальше проникнуть в Абиссинию. 100-тысячная армия Менелика сумела дать отпор 17-тысячному итальянскому экспедиционному корпусу и разгромила его в 1896 г. в битве при Адуа. Итальянцы в этом сражении потеряли 45 % личного состава. В Италии начались антиправительственные выступления, и Криспи вынужден был уйти в отставку, которую восторженно встретили как депутаты, так и прежние сторонники диктатора. На этом его политическая карьера завершилась.

Новый кабинет вновь возглавил А. Рудини. Премьер провел амнистию участников движения на Сицилии, признал независимость Абиссинии, подписав с ней мирный договор, отменил исключительный закон против социалистов. Однако с одной стороны социальные проблемы были настолько глубоки, что эти меры не принесли стабильности. С другой стороны авторитарный режим Криспи имел наследников, которые стремились ограничить гражданские свободы и компетенцию парламента.

Зимой 1897–1898 гг. в Италии вследствие дороговизны начались голодные бунты и забастовки рабочих, требовавших повышения заработной платы и улучшения условий труда. Для подавления выступлений правительство использовало не только полицию, но и войска. Кульминацией этого движения стали события в Милане («пять миланских дней»). Против восставших рабочих была применена артиллерия. Погибло свыше 80 человек.

Начались репрессии, были закрыты многие газеты, стали действовать военные суды, а социалистическая партия вновь запрещалась. Правительство Рудини склонялось к введению резко анти-демократических мер, приближавших Италию к введению военного положения. Но кабинет не смог удержаться у власти, и новое правительство в июне 1898 г. возглавил Л. Пеллу, который продолжил правительственную политику Криспи.

Пеллу продержался у власти до 1900 г. и возглавлял два кабинета министров. Он настаивал на введении чрезвычайных анти-демократических законов, например, на милитаризации персонала железных дорог и средств связи, ограничении политических свобод. В области внешней политики Пеллу проявил себя как сторонник резкой активизации колониальной экспансии и ввязался в борьбу за сферы влияния в Китае, что привело к дипломатическому скандалу и отставке его первого кабинета. Второй кабинет Пеллу встретил сильное сопротивление оппозиции. Возник оппозиционный блок – «Крайняя левая», в который вошли социалисты, республиканцы, радикалы, часть либералов во главе с Джолитти. Блок протестовал против чрезвычайных законов и с этой целью прибегал к парламентской обструкции. Пеллу добился от короля Умберто I новых выборов, но победу в них одержала оппозиция, что ознаменовало собой полный провал авторитарных методов правления и агрессивной внешней политики. 90-е годы вошли в историю Италии как «кровавое десятилетие». Вскоре был убит король Умберто I. Новый монарх Виктор Эммануил III, подтвердил необходимость соблюдения конституционных принципов. В феврале 1901 г. новое правительство возглавил лидер оппозиции сторонник либерально-демократических реформ и решения социальных проблем Джолитти. Началась «эра Джолитти», эра либерализма и демократии в Италии.

§ 9

Страны Северной Европы в XVI–XIX вв.

Политическое развитие стран Северной Европы в XVI – начале XVIII в.

После заключения в 1397 г. Кальмарского договора все три североευропейские государства – Дания, Швеция (включая территорию Финляндии) и Норвегия (включая Исландию) – были объединены под властью датских королей. Однако, несмотря на экономическое и военно-политическое преобладание Дании, шведское дворянство добилось фактической независимости уже к середине XV в. Несколько шведско-датских войн завершились окончательным разгромом сторонников унии в битве при Стокгольме в 1471 г. Власть в Швеции перешла к регентам из дома Стуре, которые опирались на поддержку богатых ганзейских городов.

После восшествия на престол Ханса Датского (1481–1513) Кальмарская уния была формально возобновлена, но датчане были вынуждены полностью отказаться от вмешательства во внутренние дела Швеции. В самой Дании быстро росло влияние аристократических группировок. Традиция избрания королей сословным собранием, большая роль государственного совета в системе управления и формально-юридические ограничения королевских прерогатив, закрепленные в законодательстве еще с начала XIV в., придавали большое своеобразие североευропейскому типу сословной монархии. В

Дании, после начала избрания королей из Ольденбургской династии (с 1448 г.), закрепилось даже особое право знати на мятеж против короля в случае нарушения им «исконных прав» дворянства.

Политическая ситуация существенно изменилась после восшествия на датский престол Кристиана II (1513–1523). Предоставив привилегии купечеству и отменив «ворнедскаб» (крепостную зависимость крестьян), новый монарх получил широкую поддержку среди населения и бросил вызов родовой аристократии. Государственные советы в Дании и Норвегии были отстранены от власти. В 1518 г. Кристиан II вторгся в Швецию и сумел нанести поражение противникам унии. В 1520 г. восемьдесят представителей стокгольмской аристократии и купечества были обвинены в ереси и казнены («стокгольмская кровавая баня»). Ответом стало разворачивание в Швеции широкого национально-освободительного движения. После его победы в 1523 г. лидер восставших Густав Ваза был коронован как глава независимого шведского государства. В самой Дании начался аристократический мятеж. Кристиан II был низложен и бежал в Нидерланды. Его преемник Фредерик I признал распад Кальмарской унии.

Политический кризис начала XVI в. дал толчок к переходу от сословно-представительных к абсолютистским монархиям. Немалую роль в этом процессе сыграла королевская Реформация, а также втягивание скандинавских стран в европейские военно-политические конфликты.

Распад Кальмарской унии привел к дальнейшей дестабилизации политической обстановки в Дании. После смерти Фредерика I (1533) свергнутый Кристиан II попытался вернуть свои права на престол и призвал в Данию наемные войска Любека. Эта армия под командованием Кристофера Ольденбургского быстро захватила Зеландию, Фюн и Скон. В Северной Ютландии началось крестьянское восстание. Однако сам Кристиан II неожиданно попал в плен. На престол взошел ставленник датской аристократии Кристиан III (1536–1559). Вскоре королевская армия подавила восстание и разгромила флот Любека. Все эти события, получившие название «графской распри», имели неоднозначные последствия. Решение риксдага 1536 г. восстановило широкие полномочия Государственного совета, в том числе в вопросах войны и мира, принятии ключевых законов. Однако Кристиану III удалось одновременно усилить и королевскую власть. По его инициативе в Дании была проведена реформация по лютеранскому образцу. Епископы-католики были арестованы, а церковная десятина начала собираться в пользу государства. Насильственно Реформация была проведена и в Норвегии, причем языком богослужения (как и языком государственного управления) здесь стал датский. Норвегия окончательно утратила статус члена унии и превратилась в датскую провинцию.

Правление короля Фредерика II (1559–1588) привело к ослаблению Дании. Страна была втянута в семилетнюю войну против Швеции, в ходе которой казна оказалась опустошена, а многие провинции на Скандинавском полуострове разорены. Преемнику Фредерика II Кристиану IV (1588–1648) пришлось предпринимать энергичные усилия для восстановления международного престижа страны и укрепления королевской власти. В 1614 г. в Дании была создана постоянная армия, пополняемая на основе рекрутской повинности. Исполнительная власть полностью сосредоточилась в руках короля и его ближайшего окружения. Высшие государственные должности, традиционно передаваемые выходцам из старинных дворянских родов, утратили свое значение и по большей части перестали замещаться. Кристиан IV пытался укрепить сословный характер датского общества. Официально были запрещены браки дворян на женщинах иных сословий. Распри дворянских группировок решительно пресекались королем. В интересах купечества и магистрата проводилась протекционистская политика, в том числе развивалась рыночная инфраструктура, укреплялся флот, создавались торговые монополии. При этом сепаратизм бюргерской верхушки был подорван благодаря вводу в состав магистратов ратманов – особых должностных лиц, назначаемых королем, а также созданию городских торговых судов, зависимых от королевской власти. Важные

социально-политические последствия имело и признание государством права собственности крестьян-арендаторов на возведенные ими постройки и хутора. Именно свободные крестьяне уже вскоре стали опорой королевской армии.

В начале XVII в. Дания переживала подъем. Кристиан IV попытался использовать этот момент для укрепления международного положения страны. В 1611–1613 гг. Дания развязала новую войну против Швеции (Кальмарская война). Военные действия не привели к явному перевесу ни одной из сторон. В итоге Дания получила крупную денежную контрибуцию, а Швеция – право на беспошлинную торговлю через Зундский пролив. Вскоре Дания вступила и в Тридцатилетнюю войну, поддержав коалицию протестантских немецких князей. На этот раз военная удача отвернулась от Кристиана IV. Имперские войска вторглись в Шлезвиг-Гольштейн и на Ютландский полуостров. Лишь поддержка со стороны Швеции и Франции позволила Дании заключить мир на сравнительно мягких условиях – датчане обязались не вмешиваться в дела Священной Римской империи (Любекский мирный договор 1626 г.). А в 1643 г. Швеция в союзе с Гольштейн-Готторпским герцогством начала новую войну против ослабевшего соседа. Осада Копенгагена заставила Кристиана IV уступить шведам острова Эзель и Готланд, а также часть Норвегии. Спустя три года после окончания этой войны Кристиан IV скончался. Его преемник Фредерик III (1648–1670) получил в наследство почти разоренную страну, расстроенные государственные финансы и деморализованную армию. Во всех слоях населения нарастало недовольство королевской властью.

Очередная война со Швецией (1657–1660) поставила Данию уже на грань военно-политического краха. Шведская армия быстро овладела Ютландией и высадилась в Зеландии. В феврале 1658 г. в Роскилле был подписан мирный договор, по которому Дания лишалась нескольких областей, а также острова Борнхольм. В интересах союзника шведов герцога Гольштейн-Готторпского Дания отказывалась от верховных прав на Шлезвинг. Менее чем через год шведская армия вновь осадила Копенгаген. Но на этот раз датчанам удалось отразить нападение. обороной города руководил лично Фредерик III. К тому же разгрома Дании не хотели и крупные европейские державы. Под их давлением шведы пошли на заключение мира.

По Копенгагенскому договору 1660 г. Дания даже вернула часть своих территорий, восстановив единую линию норвежско-шведской границы. Этот успех необычайно укрепил личный авторитет Фредерика III. Когда осенью 1660 г. в Копенгагене собрались депутаты трех сословий для обсуждения ввода чрезвычайных налогов, король поддержал требования священников и бюргерства по ограничению политических прав дворянства и проведению государственной реформы. В 1661 г. был принят так называемый «закон о самодержавии». В соответствии с ним королевская власть получала наследственный характер. В качестве основы центрального государственного аппарата создавались коллегии, главы которых входили в королевский Тайный совет. Вместо феодальных ленов страна получила новое административное деление – на амты, возглавляемые губернаторами. Дворянство было лишено свободы от уплаты налогов и пошлин, а горожане получили равный с дворянством доступ к высшим должностям и земельной собственности. Таким образом, реформы 1660–1661 гг. завершили формирование в Дании абсолютистской монархии. Их результаты были закреплены «Королевским законом» 1665 г.

В период правления Кристиана V (1670–1699) и Фредерика IV (1699–1730) государственный строй Дании не подвергался существенным изменениям. Заметным нововведением стал лишь первый в истории страны кодифицированный свод законов – «Датский закон» 1683 г. Спустя пять лет был принят и аналогичный свод норвежского законодательства – «Норвежский закон» (1685). Стабилизация политической системы и все более заметный экономический подъем привели к восстановлению международного авторитета Дании. В конце XVII в. она стала одной из наиболее активных держав Северной лиги, а во время Великой Северной войны (1700–1721) открыто поддержала

противников Швеции. Датская армия вторглась в герцогство Гольштейн-Готторпское, но высадка шведского десанта в Зеландии вынудила Фредерика IV подписать мирный договор (Травендальский мир 1700 г.). Дания не понесла территориальных потерь, но вышла из состава Северной лиги. Лишь после разгрома шведов русской армией в сражении под Полтавой датчане вновь вступили в войну и к 1713 г. окончательно очистили голштинские крепости от шведских гарнизонов. Мир со Швецией был заключен в 1720 г. во Фредриксборге. Дания получила денежную компенсацию за бывшие территориальные потери и вернула часть Шлезвига. После кратковременного охлаждения русско-датских отношений, в 1731 г. Россия официально гарантировала неприкосновенность территориальных владений датского короля, что существенно укрепило международное положение Дании и политическую стабильность в стране.

Формирование абсолютистской монархии в Швеции также было тесно связано с успехами королевской Реформации и попытками проведения активной внешней политики. Ключевую роль в становлении независимого централизованного шведского государства сыграл Густав I Ваза (1523–1560). Уже первые его реформы после разрыва Кальмарской унии были связаны с формированием национальной церкви. В 1527 г. реформа церковного устройства и богослужения по лютеранскому образцу была закреплена решением риксдага. Иммунитет церкви был упразднен, а ее доходы и большая часть имущества поступили в распоряжение короны. Окончательно лютеранство было провозглашено официальным вероисповеданием шведов в 1544 г.

Создание властных структур абсолютизма в Швеции носило ускоренный характер, поскольку совпало со становлением независимой государственности. Не встречая большого сопротивления со стороны основных сословий, Густав I Ваза существенно уменьшил политическую роль риксдага, а риксрод преобразовал во вспомогательный исполнительный орган при короне. Большие полномочия получила королевская канцелярия, на службу в которую начали приглашаться немецкие чиновники. Административное деление на лены было сохранено, но родовитые аристократы во главе их также были заменены на королевских чиновников. Большое значение Густав I Ваза придавал развитию армии и флота. В результате его реформ были созданы полки регулярного строя из наемников, а шведский военно-морской флот превратился в один из сильнейших в Европе. К концу правления Густава I Вазы абсолютистский строй в Швеции уже приобрел зрелые формы. Королевская власть была объявлена наследственной и неограниченной, включая признание верховной собственности короля на все земли, недра и воды. Однако прочной социальной опоры абсолютизм в Швеции пока не имел. Не проводилась и активная протекционистская политика в интересах ведущих сословий и социальных групп. Как следствие, при преемниках Густава I Эрике XIV (1560–1568) и Юхане III (1568–1592) в стране усилилась феодальная реакция.

В 1558 г. после безрезультатной русско-шведской войны в Карелии Швеция втянулась в 25-летнюю Ливонскую войну. Эрику XIV удалось добиться распространения шведского влияния в Эстляндии, в том числе присяги на верность шведской короне со стороны эстляндского рыцарства и горожан Ревеля. Неожиданным соперником короля стал его собственный брат Юхан, под властью которого в 1556 г. из части ливонских земель было создано герцогство Финляндское. В отличие от Эрика XIV, проводившего одинаково жесткую анти-русскую и анти-польскую политику, Юхан Ваза был женат на польской принцессе и опирался на поддержку польского короля. После государственного переворота в 1568 г. финляндский герцог вступил на шведский престол под именем Юхана III. Война с Россией была возобновлена, и к 1583 г. Швеция окончательно закрепила за собой Эстляндию и почти все Юго-Восточное побережье Финского залива. Вскоре политический союз Швеции и Речи Посполитой перерос в унию. Сын Юхана Сигизмунд Ваза, как единственный внук польского короля Сигизмунда Августа, наследовал корону Ягеллонов в 1587 г. под именем Сигизмунда III. После смерти отца в 1592 г. он унаследовал и шведский престол под именем Сигизмунда I.

Воцарение короля-католика и усиление зависимости от Речи Посполитой породило в Швеции мощное оппозиционное движение. Его возглавил последний сын Густава Вазы герцог Карл Седерманландский. В 1595 г. он был избран риксдагом в качестве короля Швеции, а к 1599 г. сумел подавить сопротивление сторонников Сигизмунда. Вскоре конфликт с Речью Посполитой получил неожиданное продолжение – в 1609 г. русский царь Василий Шуйский призвал военную помощь со стороны Швеции в борьбе с Лжедмитрием II и польской армией. Несмотря на то, что шведский отряд, отправленный в осажденную Москву, потерпел поражение, Швеция активно втягивалась в военные действия и в 1611 г. установила контроль над русским побережьем Финского залива, в том числе Новгородом. Однако в том же 1611 г. началась новая шведско-датская война, а на шведский престол вступил 17-летний король Густав II Адольф (1611–1632).

Несмотря на большие амбиции молодого монарха, главными задачами Швеции на международной арене стало закрепление уже достигнутых успехов. К тому же окончание Смуты в России заставило отказаться от планов передачи русского престола шведскому принцу. По Столбовскому миру 1617 г. Швеция подтвердила свое право на побережье Финского залива и часть Карелии. Возобновив одновременно военные действия против Речи Посполитой, Густав II Адольф не форсировал события и сосредоточил свои усилия на проведении новой серии внутренних реформ. Особое внимание он уделил развитию торговли, основанию мануфактур, стимулированию денежного обращения. С созданием новых коллегий (в том числе, судебной, военной, казенной, по иностранным делам) была завершена централизация государственного аппарата. Комплексный характер носили военные реформы – ввод рекрутской повинности, развитие оружейного дела, изменение тактики и разработка нового устава, образование военных округов на территории страны для комплектования и размещения полков. Все эти меры укрепили королевскую власть и придали ей черты, характерные для классических абсолютистских режимов.

На фоне явных успехов внутренней политики Густав II Адольф активизировал усилия и на международной арене. После нескольких побед над польской армией было подписано Альтмаркское перемирие (1629), в соответствии с которым Речь Посполитая отказывалась от династических притязаний на шведский престол. Швеция получила и несколько портовых городов в Восточной Пруссии, что позволило ей фактически контролировать восточную часть Балтики. В 1630 г. под предлогом защиты протестантского населения Северной Германии Швеция вступила в Тридцатилетнюю войну. Уже вскоре шведами были захвачены важные крепости на Одере и Эльбе, а 7 сентября 1631 г. шведы разгромили императорскую армию в сражении у Брейтенфельда (близ Лейпцига). Рейд к верховью Дуная оказался менее удачным, и на обратном пути шведская армия встретила в сражении у Лютцена с объединившимися силами противника. Была одержана новая победа, но в бою погиб Густав II Адольф. Власть перешла к регентскому совету, который отказался от дальнейшей экспансии. Тем не менее, по условиям Вестфальского мира 1648 г. Швеция получила огромные преимущества. К ней перешли несколько владений в Северо-Западной Германии и вся Западная Померания. Поскольку эта территория являлась леном Священной Римской империи, то шведские монархи получили законные основания вмешиваться в германские дела.

В 1654 г. незамужняя королева Кристина, тайно приняв католичество, отреклась от престола в пользу своего кузена Карла Густава Пфальского (Карла X Густава). Новый монарх был одним из наиболее удачливых полководцев Тридцатилетней войны. Осложнение внутривосточной ситуации в Речи Посполитой и начало русско-польской войны он расценил как благоприятный момент для расширения завоеваний на балтийском побережье. Союзником Швеции выступил курфюрст Бранденбургский. Соглашение было заключено и с украинским гетманом Б. Хмельницким. На протяжении 1655–1656 гг. шведская армия очень успешно действовала на польской территории, дважды захватывая Варшаву. Однако летом 1656 г. Россия заключила перемирие с Речью Посполитой, и русская армия вторглась в Эстляндию. В поддержку Речи Посполитой выступила

Австрия. Шведской армии пришлось перейти к оборонительным действиям в Померании. Более удачными оказались военные операции в Дании. Используя неподготовленность датской армии, шведы сравнительно легко овладели в 1657 г. всей Ютландией. Подписанный в 1658 г. Роскилльский мирный договор значительно укрепил позиции Швеции в скандинавском регионе. Правда, новый военный конфликт с Данией в 1658–1659 гг. не принес заметных успехов, и по условиям Копенгагенского мирного договора 1660 г. датчане вернули часть утраченных территорий. В том же году в Оливе был подписан мирный договор с Речью Посполитой, по которому поляки отказывались от притязаний на шведский престол и Лифляндию, а годом позже Швеция заключила Кардисский мир с Россией. По его условиям Швеция сохранила все свои завоевания и укрепила положение господствующей балтийской державы.

Подписание последней серии мирных договоров состоялось уже после смерти Карла X Густава. Власть в стране перешла к регентскому совету при малолетнем Карле XI (1660–1697). Политика регентов привела к усилению роли родовой аристократии, истощению государственной казны и уменьшению государственных земель. Значительно снизилась боеспособность шведской армии, что привело к поражению в войне против коалиции Габсбургов, Голландии и Бранденбурга на стороне Франции (1675). Безрезультатно закончилась и новая война против Дании (1675–1679). В стране назревал политический кризис. В этой ситуации Карл XI, опираясь на поддержку риксадага, отстранил от власти регентов и провел серию реформ по укреплению королевской власти. Большая часть земель была возвращена в казну. Дворянское землевладение подверглось редукции. Карл XI провел радикальную реформу армии, создав военно-поселенную систему (содержание и комплектование каждой роты в составе королевской армии становилось постоянной повинностью определенной группы крестьянских дворов). За счет ослабления полномочий государственного совета и риксадага расширились политические prerogatives короны, и возросла личная власть монарха. В 1693 г. Карл XI особым решением риксадага был объявлен «суверенным монархом» – «самодержавным монархом божьей милостью».

Молодой король Карл XII (1697–1718) уже в первые годы своего правления столкнулся с резким осложнением международного положения Швеции. В 1699 г. сложилась Северная лига – коалиция держав, стремившихся к изменению статус кво в балтийском регионе, а годом позже началась Великая Северная война (1700–1721). Швеции удалось заручиться поддержкой Англии и Голландии, но против нее выступили Россия, Дания и Саксония (в унии с Речью Посполитой). Удачная десантная операция шведской армии в Зеландии в 1700 г. привела к быстрому выходу из войны Дании. Вслед за этим Карл XII высадил свою армию в Эстляндии и под Нарвой нанес тяжелое поражение русским. Единственным его противником оставался саксонский курфюрст Август II. Военные действия были перенесены вглубь Польши и затянулись. Этой паузой воспользовался Петр I. В результате его реформ боеспособность русской армии значительно возросла, а захват в 1703–1704 гг. крепостей Ниеншанца, Нарвы и Дерпта открыли России путь в Балтику.

Успехи Петра I мало тревожили шведского короля. Казалось, что в войне наступил перелом. В 1705 г. после расторжения личной унии Речи Посполитой и Саксонии был заключен шведско-польский военный союз. В 1706 г. шведам удалось разгромить саксонскую армию в сражении при Фрауштадте, что вынудило Августа II признать Станислава Лещинского польским королем и выйти из войны. Для вторжения в Россию Карл XII выбрал южное направление, форсировав Днепр у Могилева. Шведский король рассчитывал на помощь своего нового союзника украинского гетмана Мазепы, а также польской армии. Из Риги продвигалась еще одна шведская армия под командованием А. Левенгаупта. Однако 18 сентября 1708 г. Левенгаупт был неожиданно разбит русскими в сражении при Лесной. Не получив поддержки, Карл XII продолжил продвижение на юг. 27 июня 1709 г. в сражении под Полтавой его армия была разбита основными силами русских. Вслед за этим в войну вновь вступили Дания и Саксония, а также

присоединившийся к Северной лиге курфюрст Бранденбургский. Станислав Лещинский был вынужден бежать из Польши, а сам Карл XII лишь в 1715 г. смог вернуться на родину. За это время ход войны полностью изменился. Русская армия захватила Лифляндию, Эстляндию, Западную Карелию и большую часть Финляндии, а также разгромила шведский флот в сражении при мысе Гангут (1714). Датчане установили контроль над голштинскими крепостями, а саксонцы и пруссаки вытеснили шведскую армию из Померании. Сил противостоять мощной коалиции у шведов не было, а в 1718 г. в перестрелке неожиданно погиб и Карл XII.

Борьба за власть придворных группировок завершилась переходом власти к сестре короля Ульрике-Элеоноре. Вместе с нею на шведский престол взошел принц Фридрих Гессенский. «Гессенская партия» стремилась вывести страны из войны. Уже в 1719 г. ценой продажи Бремена и Фердена был заключен мирный договор с Ганновером, что повлекло и заключение союзного договора с Англией (где к тому времени воцарилась ганноверская династия). В 1720 г. по мирному договору с Пруссией Швеция получила денежную компенсацию за утрату Западной Померании, а по условиям Фредрисбогского договора оплатила Дании ущерб за прежние территориальные приобретения. С подписанием в 1721 г. русско-шведского Ништадского договора Великая Северная война завершилась. Швеция вернула себе Финляндию, получила денежную компенсацию и торговые преимущества, но утратила в пользу России Эстляндию, Лифляндию, Ингерманландию и Западную Карелию. Фактическое поражение в Северной войне открыло период кризиса шведского абсолютизма.

Особенности экономического развития Северной Европы в период мануфактурного капитализма

На протяжении XVI–XVIII вв. экономика стран Северной Европы сохраняла преимущественно аграрный характер. До 90 % населения здесь было занято в сельском хозяйстве, и даже многие горожане занимались огородничеством и держали домашний скот. В некоторых регионах, в том числе в Исландии, Норвегии, Северной Швеции и Финляндии, большую роль в экономической занятости населения сохраняли рыболовство и пушной промысел.

Стабилизация национальных границ в середине XVI в. и рост внутренних миграций способствовали экономическому подъему в Северной Европе. В первую очередь это коснулось сельского хозяйства. Увеличение экспорта продовольствия, вызванное «революцией цен» в Европе, сопровождалось ростом цен на внутреннем рынке. Так, например, в Дании по сравнению с началом XVI в. к 1560-м годам цена меры ржи и ячменя выросла в 2,3 раза, а к 1620-м годам – в 3,5 раза. Рост спроса на продовольствие привел к освоению новых площадей под зерновое хозяйство, возвращению к обработке заброшенных земель. В Швеции этот процесс сопровождался массовым строительством хуторов и даже распашкой королевских лесов. В Дании быстрее росло дворянское землевладение, в том числе за счет вырубки лесов и запашки лугов. В 1559 г. крупные датские землевладельцы получили право сгонять своих крестьян и присоединять крестьянскую землю к домену. Вследствие этой меры доля земель свободных крестьян-собственников уменьшилась с 15–20 % в начале XVI в. до 6 % в середине XVII в. Еще одним источником роста дворянской и государственной земельной собственности в Дании и Швеции стало перераспределение церковных владений в ходе королевской Реформации. До начала Реформации церковные земли составляли около 30–35 % всех обработанных площадей, а после ее завершения уже около 44 % земель находились в собственности

казны. Практически все эти земли использовались для зернового хозяйства. Скотоводство оставалось менее прибыльным, за исключением производства сливочного масла, а также экстенсивного свиноводства (стада свиней паслись в дубовых лесах Дании и Юго-Восточной Швеции). Торговля крупным рогатым скотом была важным источником доходов крестьян, но имела внутрорегиональный характер и почти не отражалась на экспорте.

Аграрный подъем отразился на структуре землевладения и составе сельского населения. В Швеции крестьяне оставались лично свободными, но их социальное положение существенно изменилось. Более 50 % шведского крестьянства составляли так называемые скаттовые, или податные крестьяне. Они являлись свободными наследственными собственниками земель и платили государственные налоги («скатт»). В результате реформ Густава I Вазы земли скаттовых крестьян вошли в состав собственности короны наряду с недрами и водами. Как следствие, по своему экономическому положению скаттовые крестьяне приблизились к коронным (государственным) крестьянам, которые являлись арендаторами и выплачивали скатт в качестве арендной ренты. Первоначально удельный вес коронных крестьян был невелик (5,6 % в Швеции и 3,9 % в Финляндии). Но в XVI в. эта категория пополнилась бывшими церковными крестьянами, составлявшими около 20 % крестьян. В правление Юхана III коронным крестьянам было предоставлено право выкупить свои земли в наследственную собственность, что привело к дальнейшей унификации социального статуса крестьянства. В особом положении оставались так называемые фрельсовые крестьяне, арендовавшие землю у дворян. Численность их росла, но полная зависимость от воли землевладельца не позволяла фрельсовым крестьянам развивать хуторское хозяйство и обзаводиться собственностью.

В Дании и Норвегии структура крестьянства была схожей. Крестьяне оставались лично свободными. Часть из них были собственниками своих земель, выплачивая государству подати и выполняя различные повинности. Крестьяне-арендаторы проживали преимущественно на землях дворян и бюргеров. Они платили оброки и несли барщину, причем тяжесть этих повинностей непрерывно возрастала на протяжении XVI-XVII вв.

Рентабельность сельского хозяйства и достаточно прочное положение основной массы крестьянства не способствовали распространению в североевропейских странах рассеянной мануфактуры. Поэтому и текстильное производство развивалось здесь медленнее, чем в большинстве стран Европы. Первые текстильные мануфактуры были созданы в Швеции лишь в XVI в. и большинство их вскоре разорилось. Более успешно мануфактурное производство развивалось на основе горных, металлургических, кузнечных промыслов. Благодаря эмигрантам, главным образом голландцам и валлонцам, в Швеции распространились передовые способы обработки железа. Мануфактурное производство в черной металлургии носило здесь централизованный характер и было ориентированно на экспорт. Владельцы многих мануфактур (бруков) были одновременно и крупными собственниками земель, что давало свободный доступ к богатым залежам руды.

Государство играло большую роль в развитии мануфактурного производства. В Швеции первые бруки создавались под непосредственным патронажем королевской власти. В особой степени государство поддерживало развитие оружейного производства, а также добычи серебра и меди. Лишь в XVII в., по мере первоначального накопления капитала, в этих отраслях закрепилось частное предпринимательство. В Дании меркантилистская политика начала активно проводиться при короле Кристиане IV. Поощряя приезд иностранных материалов, государство освободило их от налогов и гарантировало свободу вероисповедания. Особой статьей доходов датской короны стало развитие лесопильного дела в Норвегии. Здесь богатые горожане основывали десятки крупных лесопилен, и каждая десятая доска переходила в собственность государства. Благодаря этому во второй половине XVI в. Дания превратилась в крупнейшего

экспортера пиломатериалов. В самой Норвегии также началась добыча железа и меди. Первые рудники и заводы здесь были собственностью государства.

Наряду с мануфактурным производством в североевропейских странах сохранялись прочные традиции разнообразных ремесел. Государство предпринимало меры по унификации цехового строя, видя в бюргерской верхушке важного политического союзника. В Швеции в 1621 г. был введен всеобщий цеховой устав. В соответствии с ним устанавливалось минимально необходимое для образования цеха количество ремесленников, а также вводился запрет на проживание ремесленников вне городов. За цехами закреплялось монопольное право на изготовление своей продукции в «своем» городе.

Особым направлением меркантилистской политики стало развитие торговли, в том числе борьба против торговой монополии ганзейских городов на Балтике. Основными статьями экспорта в Швеции были железо и медь, продукты земледелия, древесина, оружие. Причем доля железа на протяжении XVI–XVII вв. выросла с 28 до 73 % от общего объема экспорта. В составе импорта первое место занимали ткани – полотно, сукно, шелк (30–40 % всего ввоза). Датская внешняя торговля носила более традиционный характер и включала, преимущественно, сельскохозяйственные товары. В норвежском экспорте особую роль играла рыба.

Для поощрения развития торговли использовалась практика создания крупных купеческих компаний. В Дании еще в 1520 г. было создано первое такое товарищество, построенное по принципу акционерной компании. Но особенно активно такая форма предпринимательства начала развиваться с XVI в. Кристиан IV в 1619 г. предоставил купцам Копенгагена исключительное право торговли с Исландией. В 1625 г. была основана датская Вест-Индская торговая компания, в 1636 г. – Африканская компания. В Швеции крупнейшей купеческой монополией стала медная компания (1619). Постепенно росли и масштабы внутренней торговли. Однако ее развитие сдерживалось разнообразными цеховыми ограничениями. К тому же крестьянам запрещалось торговать в каких-либо иных местах, кроме ближайшего городского рынка. Этим широко пользовались скупщики. Для покупки у крестьян сельскохозяйственной продукции близ городов возникали торговые местечки, где лавки могли держать лишь выходцы из этого города. Иностранцам же купцам было вообще запрещено вести розничную торговлю.

В XVIII в. экономическое развитие североевропейского региона приобрело новую динамику. После окончания Великой Северной войны политическая ситуация в регионе стабилизировалась, а сами североевропейские государства отказались от экспансионистской политики. Это привело к новому подъему внешней торговли. Дания и Швеция упрочили свои позиции в международном транзитном и фрахтовом судоходстве. Огромные доходы приносила торговля колониальными товарами. Так, например, датские Вест-Индская и Азиатская компании в середине XVIII в. приносили прибыль до 40–50 % в год.

Внешняя торговля стала основным источником накопления капитала и позволила вывести на новый уровень развития мануфактурное производство. Характерной особенностью этого процесса в Швеции стало быстрое распространение рассеянной мануфактуры. Такая форма предпринимательства обеспечивала максимизацию прибыли при относительно небольших вложениях капитала. Достаточно широко начал использоваться женский и детский труд. Нередко к шведским мануфактурам приписывались тюрьмы и исправительные учреждения. В Дании развитие мануфактурного капитала не было столь масштабным, но с середины XVIII в. именно здесь начали развиваться новые виды производства, основанные на завезенных из Англии технических нововведениях. Копенгаген превратился в это время в региональный центр текстильного производства. Технические новшества коснулись даже традиционных видов ремесла и промыслов, например норвежского рыболовства.

Таким образом, заметно уступая по темпам экономического роста ведущим державам континента, североевропейские страны переживали длительный период стабильного социально-экономического развития. Процесс первоначального накопления капитала здесь был сопряжен преимущественно с внешними источниками и протекционистской политикой государства, а потому не сопровождался обострением социальных противоречий. К тому же доля дворянства в структуре населения изначально была очень незначительной, и многие представители аристократии с успехом включались в предпринимательскую деятельность. Влиятельная прослойка духовенства после королевской Реформации так и не сложилась. Все эти факторы вызвали ускоренное формирование буржуазных слоев, органически включавшихся в общую социальную структуру населения. Элементы феодальных отношений сохранялись в положении безземельных крестьян-арендаторов и цеховой организации традиционного ремесла. Но это не препятствовало упрочению капиталистического уклада. Еще до развертывания промышленного переворота общество практически утратило сословный характер, а активный генезис капитализма приближал североевропейский регион по характеру социальных процессов к странам «первого эшелона».

Дания и Швеция в период «просвещенного абсолютизма» и революционных войн

После стабильного правления Фредерика IV, сумевшего сохранить внутреннее спокойствие в стране даже в период Великой Северной войны, датский престол наследовали монархи совершенно иного склада. Кристиан VI (1730–1746) был человеком религиозным и склонным к аскетизму. При его дворе большое влияние приобрели представители радикального протестантского движения пиетистов, которые настаивали на более строгом соблюдении нравственных норм и борьбе против религиозного инакомыслия. Подобные настроения встречали неоднозначную реакцию в обществе, но настойчиво поощрялись королевской властью. Впрочем, столь же последовательно Кристиан VI утверждал и принципы миролюбивой внешней политики, получившие известность как политика «северного спокойствия». Его преемник Фредерик V (1746–1766), напротив, мало интересовался вопросами политики и был равнодушен к религиозным проблемам. Он с молодости испытал тягу к алкоголю и вел распутный образ жизни. Ситуация стала еще более острой, когда на престол взошел слабоумный Кристиан VII (1766–1808). Тем не менее, Дания не только не оказалась в состоянии политического кризиса, но и, напротив, вступила в один из наиболее динамичных периодов своего развития.

Придворная группировка, лидером которой был королевский врач Иоганн Фридрих Струэнзе, добилась уже в первые годы правления Кристиана VII проведения реформ в духе «просвещенного абсолютизма». Были снижены расходы на королевский двор и армию, упразднен аристократический тайный совет, провозглашены независимость и гласность судопроизводства, свобода вероисповедания и печати, промыслов и хлебной торговли. Кроме того, были ограничены размеры феодальных повинностей и сокращен возрастной предел для крепостного состояния. Однако эти меры сопровождалась попытками укоренить в обществе немецкий язык и все большим разгулом чиновничества. В 1772 г. в результате придворного заговора Струэнзе был арестован и казнен. Пришедшая к власти дворянская группировка под руководством профессора богословия О. Гульдберга начала проводить более консервативную политику, представляя ее как национально ориентированный курс. Большинство предыдущих реформ были отменены. В начале 80-х годов власть перешла к представителям либерально настроенного

дворянства, объединившимся вокруг молодого кронпринца Фредерика. Ими был возобновлен «просвещенный курс». Наиболее важными мерами нового поколения реформаторов стали отмена крепостного права, поощрение выкупа крестьянами земельных участков и развития хуторского хозяйства, отказ от поддержки купеческих монополий и переход к либеральной торговой политике, запрет участия в работоторговле и принятие закона о бедных (одного из первых социальных законов в истории Европы). Политика «просвещенного абсолютизма» способствовала укреплению позиций национального чиновничества в Норвегии и Исландии, либерализации экономического развития этих регионов, формированию первых национальных культурно-просветительских движений.

Не менее сложные времена переживала и шведская монархия. Сестра погибшего Карла XII Ульрика-Элеонора взошла на престол после процедуры избрания и при условии передачи значительных полномочий восстановленному государственному совету – риксроду. Отречение королевы в пользу своего супруга Фредрика I (1720–1751) не изменило ситуацию – в стране установился режим ограниченной монархии, где власть напрямую зависела от преобладания в риксроде и риксдаге той или иной дворянской группировки. Последующий период вошел в историю Швеции как «эра свобод», хотя на деле речь шла именно об усилении роли аристократии. Политический переворот был закреплен принятием в 1720 г. конституционного акта – «Формы правления», который предоставлял риксроду преобладающие права в случае разногласий с волей монарха, придавал регулярный характер деятельности риксдага и утверждал порядок принятия решений в нем большинством голосов. Установился порядок созыва риксдага раз в три года для пересмотра старых законов и утверждения новых, для ввода налогов и решения вопросов войны и мира. Вскоре риксдаг начал утверждать и состав государственного совета, причем король обладал в его рамках лишь двумя голосами, а каждый из остальных членов риксрода – одним.

После изменения политического режима в Швеции почти на два десятилетия установилось преобладание «партии патриотов» – дворянской группировки, выступавшей за проведение «просвещенных» реформ. Душой ее был Арвид Горн, занимавший пост канцлера с 1719 по 1738 г. Оппозиция дала его приверженцам прозвище «колпаки», намекая на умеренность и излишнюю осторожность политического курса. Тем не менее, Горн добился немалых изменений в политическом и экономическом развитии страны. Законом 1723 г. была регламентирована работа риксдага, который все больше напоминал английский парламент. Правительством последовательно реализовывались принципы меркантилизма. Особое значение приобрел закон 1724 г. о запрете перевозки в шведские порты каких-либо товаров на иностранных судах («Продукт-плакат»).

После созыва риксдага в 1738 г. инициатива перешла к противникам Горна – «партии шляп» (так символически называли себя представители дворянских группировок, ратовавших за более активную внешнюю политику). В отличие от своих предшественников, новое правительство действительно попыталось восстановить международный престиж страны, но вместо этого втянуло Швецию в авантюристическую войну против России. Неподготовленная армия понесла тяжелое поражение в Финляндии, а союзные договоры с Францией и Турцией не принесли необходимой дипломатической поддержки. По мирному договору, заключенному в Або в 1743 г., Швеция уступила своему восточному соседу часть Юго-Восточной Финляндии. Столь же неудачной оказалась и внутренняя политика «партии шляп». Попытка активизировать товарно-денежное обращение в стране с помощью отказа от золотого обеспечения бумажных денег едва ли не впервые в истории Швеция создала проблему инфляции. Это вызвало большое недовольство во всех слоях общества и смену правительства после созыва риксдага 1746 г.

После смерти в 1751 г. бездетного Фредрика I в Швеции возник династический кризис. Пытаясь нормализовать отношения с Россией риксдаг проголосовал за избрание на

престол голштинского герцога Адольфа Фридриха (под именем Адольфа Фредрика) – двоюродного дяди наследника русского престола, будущего императора Петра III. Вернувшись к власти «партия шляп» втянула Швецию в очередной военный конфликт. Вступив на стороне Франции в Семилетнюю войну, Швеция оказалась союзником России и противником Пруссии. Военные действия в Померании в 1757–1762 гг. вновь закончились поражением шведской армии. Попытки правительства укрепить государственные финансы с помощью сокращения государственных расходов и субсидий промышленникам, частичной отмены монополии стокгольмских купцов на ведение внешней торговли и запрета домашнего винокурения спровоцировали растущее недовольство в обществе. Оппозиции удавалось несколько раз временно сместить правительство «партии шляп», но позиции дворянских группировок при дворе оставались слишком сильными. На некоторое время даже установилась беспрецедентная практика использования штемпеля с образцом королевской подписи, если сам монарх отказывался визировать тот или иной документ.

Восшествие на престол молодого честолюбивого Густава III (1771–1792) изменило соотношение сил. Не сочувствуя буржуазно-демократической оппозиции, новый король, тем не менее, с охотой опирался на поддержку представителей трех податных сословий в риксдаге. Используя обострившиеся противоречия между «партиями» Густав III в августе 1772 г. совершил политический переворот и утвердил новую «Форму правления». В соответствии с этим конституционным актом правительство отныне несло ответственность перед королем, а не риксдагом. В ведении короля находилось проведение внешней политики, за исключением объявления войны. Право законодательной инициативы и вето риксдаг делил с королем, а в вопросах административного управления и экономики монарх мог издавать законы самостоятельно. Созыв риксдага перестал быть регулярным. В дальнейшем Густав III пытался проводить политику в «просвещенной монархии». Была стабилизирована денежная система (с девальвацией бумажных денег и вводом новой серебряной монеты риксдалера), приняты меры по поощрению хуторского строительства крестьян, распашки новых земель, введена свободная торговля хлебом, сокращены цеховые привилегии. В 1781 г. было принято положение о свободе вероисповедания, а годом позже было разрешено проживание в стране евреев (хотя принятие католичества по-прежнему каралось высылкой из страны). Последовало смягчение уголовного законодательства, в том числе отмена пыток. Особой заботой монарха было усиление ответственности и дисциплины чиновничества, а также укрепление армии.

В конце XVIII в. и Дания, и Швеция столкнулись с быстрым осложнением международной обстановки. После начала Войны за независимость североамериканских штатов обе североевропейские страны вместе с Россией и Пруссией стали наиболее активными участниками Лиги вооруженного нейтралитета (1780–1783). В 1784 г. Густав III подписал в Париже секретный оборонительный договор, но с началом революционных событий во Франции Швеция оказалась лишена помощи своего союзника. Тем не менее, в 1788 г. он решился начать новую войну против России, основные силы которой были сосредоточены на Юге. Военная кампания не принесла шведам успеха, и лишь нежелание Екатерины II обострять отношения с соседом позволило Густаву III заключить мир на очень мягких условиях. В соответствии с Верельским договором 1790 г. Россия даже обязывалась не вмешиваться во внутренние дела Швеции.

Восстановление полуабсолютистского режима в период правления Густава III вызвало недовольство среди либерально настроенного дворянства. В 1792 г. король был смертельно ранен заговорщиками во время придворного бала. Его несовершеннолетний сын Густав IV Адольф (1792–1809) принял бразды правления лишь в 1796 г. и сразу же втянул Швецию в новую серию войн. Вместе с Россией Швеция вошла в состав анти-французской коалиции, фактически отказавшись от заключенного с Данией в 1794 г. соглашения о вооруженном нейтралитете. Восшествие на русский престол Павла I

временно вывело Россию из состава коалиции и вскоре Швеция вместе с Данией и Пруссией заключила новый договор о вооруженном нейтралитете. Судьба этой коалиции также оказалась недолговечной. В 1801 г. английский флот обстрелял Копенгаген и уничтожил значительную часть датского флота. В последующие годы Дания все более заметно тяготела к Франции, особенно после утверждения там бонапартистского режима. В сентябре 1807 г. англичане совершили новое нападение на Копенгаген, после чего Дания официально объявила войну Англии и вступила в систему «континентальной блокады».

Швеция, напротив, использовала поддержку Англии для упрочения своего контроля над Балтикой. В 1805–1807 гг. шведские войска сражались против французов в Померании, а после заключения русско-французского Тильзитского союза началась подготовка к новой войне против России. Военные действия начались в феврале 1808 г. и русская армия в кратчайшие сроки заняла Южную Финляндию. Уже в марте 1808 г. было объявлено о присоединении Финляндии к Российской империи. Было образовано Великое княжество Финляндское, обладающее собственным правительством и вооруженными силами, сословным собранием (линдтагом), отдельным бюджетом, таможенными границами. Были в большинстве своем сохранены прежние законы и шведский язык как государственный.

Политическая ситуация в самой Швеции становилась все более сложной. Военные действия шли с переменным успехом, но преобладание русской армии было очевидным. В 1809 г. русские вступили на территорию Швеции и начали угрожать Стокгольму. Вскоре начались мирные переговоры, завершившиеся подписанием 17 сентября мирного договора в Фридрихсгаме. В соответствии с его условиями Швеция уступила России всю Финляндию. Еще до заключения мира в Стокгольме произошел государственный переворот. Густав IV Адольф был арестован и низложен. 6 июня 1809 г. риксдаг принял новую «Форму правления», покончившую с абсолютизмом. Законодательная власть была разделена между королем и риксдагом. Закреплялся регулярный порядок созыва риксдага и его исключительные полномочия в сфере налогообложения. На престол был избран дядя Густава IV Адольфа бездетный Карл XIII (1809–1818), а его преемником – датский принц Кристиан Август. Однако вскоре последний умер при достаточно странных обстоятельствах во время военных маневров. Новым престолонаследником был избран французский маршал Жан Батист Бернадот, принявший лютеранство и имя Карла Юхана. Именно Бернадот сыграл ключевую роль в изменении внешнеполитической стратегии Швеции. В апреле 1812 г. был заключен тайный русско-шведский договор против Франции. Летом 1813 г. Швеция официально вступила в войну на стороне анти-наполеоновской коалиции и вынудила капитулировать Данию, остававшуюся союзником Франции. По условиям мирного договора 1814 г., заключенного при посредничестве России, Дания была вынуждена уступить Швеции Норвегию.

В самой Норвегии подобное развитие событий вызвало подъем национально-освободительного движения. В феврале 1814 г. была провозглашена независимость Норвегии, образовано временное правительство, а вскоре прошли выборы в Государственное (учредительное) собрание. Датский принц Кристиан Фредерик был избран норвежским королем. Государственное собрание приняло Основной закон страны – конституционный акт, утвердивший принципы суверенитета народа, разделения властей, цензового избирательного права. В июле – августе 1814 г. шведская армия попыталась начать военные действия в Норвегии, но при посредничестве с Россией был достигнут компромисс. На основе личной унии образовалось государство «Объединенные королевства Швеция и Норвегия», главой которого стал Карл XIII. В Норвегии закреплялась широкая автономия, в том числе сохранялся уже принятый Основной закон.

Решения Венского конгресса 1815 г. окончательно сформировали обновленную политическую карту Северной Европы. Финляндия полностью перешла в состав Российской империи. Швеция утратила в пользу Пруссии и последнюю остававшуюся у

нее часть Померании, но получила Норвегию. Дания сохранила за собой Исландию, Гренландию и Фарерские острова, а также герцогства Шлезвиг и Гольштейн.

Северная Европа в XIX в.

К концу первой трети XIX в. в североевропейских странах возобновился стабильный экономический рост. Оживление первоначально коснулось сельского хозяйства, в особенности его экспортных отраслей. Были завершены аграрные реформы, значительная часть обрабатываемой земли перешла в руки крестьянства. Быстро оформлялся слой зажиточных крестьян, а с другой стороны росла численность безземельных крестьян, часть которых пополняла ряды городского пролетариата. Во второй половине XIX в. началась и достаточно широкая эмиграция из стран Северной Европы, преимущественно в Северную Америку.

Промышленная революция в странах Северной Европы началась еще в 30-х годах XIX в., но не привела к радикальным изменениям в экономической системе. Основная часть населения оставалась занята в аграрном секторе. Медленно разворачивался процесс урбанизации. Тем не менее постепенно начали строиться современные заводы и фабрики, распространялась новая технология, развернулось железнодорожное строительство. В Норвегии быстро рос торговый флот, развивались рыболовный и китобойный промыслы. В Швеции ключевую роль в разворачивании промышленной революции сыграло создание передовой лесопромышленности. Особенностью промышленной революции в странах Северной Европы стало сохранение большой роли государства в стимулировании экономического роста. Крупный национальный капитал здесь складывался достаточно медленно. Лишь в 60-х годах здесь начали образовываться крупные банки, способные финансировать крупные инвестиционные проекты.

В последние десятилетия XIX в. в североевропейских странах развернулся процесс индустриализации. Узость внутреннего рынка была препятствием для развития крупной промышленности, но предприятия, возникавшие в новых отраслях (производство высококачественной стали, средств транспорта, электрооборудования, шарикоподшипников, целлюлозы), с успехом выходили на международный рынок. Несмотря на сложный рельеф местности, Скандинавия быстро покрывалась сетью железных дорог. Уже на рубеже XIX–XX вв. началась монополизация промышленного производства и концентрация капитала. Первыми крупными монополиями стали шведские объединения СКФ (шарикоподшипники), Л.М. Эрикссон (телефоны), Электролукс (электрооборудование), АГА (газовое оборудование); датский синдикат «Бурмейстер ог Вайн» (судостроение). В этот же период в сельском хозяйстве завершился аграрный переворот, окончательно были устранены остатки феодальных отношений и общинных порядков. Закрепилась ориентация сельского хозяйства с зернового на мясомолочное, что дало преимущество фермерскому (хуторскому) хозяйству.

Политическое развитие региона сохраняло определенную специфику. Традиции «конституционного абсолютизма» сохранялись лишь в Дании. После смерти слабоумного Кристиана VII престол унаследовал Фредерик VI (1808–1839). Пережив тяжелое для Дании окончание наполеоновских войн и утратив права на Норвегию, он сосредоточил свой политический курс на сохранении единства страны и прочности ее политической системы. Ту же политику проводил и его преемник Кристиан VIII (1838–1848). В эти годы в Дании сформировалась национал-либеральная оппозиция, которая выступала за ограничение абсолютизма, а также за раздел Шлезвига по языковому признаку и присоединение к Дании его северной части – Южной Ютландии. В самом Шлезвиге, а также в Гольштейне с 30-х годов сформировалось немецкое национальное движение,

требовавшее автономии герцогств, введения для них единой конституции и сословно-представительных собраний.

Революционные события в Париже в 1848 г. вызвали подъем патриотического движения в Дании. Совсем недавно вступивший на престол Фредерик VII (1848–1863) дал согласие на созыв Национального собрания, которое в июне 1849 г. приняло конституцию. В соответствии с нею создавался двухпалатный парламент, вводилось всеобщее избирательное право для мужчин на выборах в нижнюю палату, расширены демократические свободы. Король сохранил контроль над исполнительной властью, но законодательные полномочия делил с парламентом. На фоне изменения политического режима в Дании в ее немецкоязычных регионах в 1848 г. вспыхнуло восстание. При поддержке прусской армии шлегвиг-голштинцы нанесли поражение датской армии. Однако дипломатическое вмешательство России вынудило Пруссию выйти из войны. Вскоре армия восставших была дважды разбита датчанами, а в 1850 г. с подписанием датско-прусского договора шлегвиг-голштинская проблема была временно урегулирована на условиях сохранения статус кво.

Новая война началась в 1864 г. Поводом послужило принятие в ноябре 1863 г. нового конституционного акта Дании, который назывался Основным законом для «общих дел королевства Дании и герцогства Шлезвиг». На следующий день после ее утверждения в парламенте переволновавшийся Фредерик VII скончался. Тем самым, пресеклась старшая ветвь династии Ольденбургов. На датский престол вступил представитель младшей линии Кристиан IX Глюксбург (1863–1906). Представители националистической оппозиции в Шлезвиге и Гольштейне отказались признать конституционные перемены, а немецкие государства во главе с Пруссией выдвинули соответствующий ультиматум. В 1864 г. развернулись военные действия, в ходе которых датская армия была разбита. В 1866 г. оба герцогства достались Пруссии, под власть которой попали и 200 тыс. датчан Шлезвига.

В самой Дании эти события вызвали активизацию политической жизни. Начался процесс формирования политических партий. В 1870 г. была создана партия «Объединенные Венстре» (левые), социальной опорой которой стали крестьянство и интеллигенция. Венстре выступали за дальнейшую демократизацию политического строя, расширение избирательного права и укрепление местного самоуправления. Консервативно настроенные политики в 1872 г. объединились в группировку «Хейре» (правые). Их лидер Я. Эструп, заслуживший репутацию «датского Бисмарка», был главой правительства с 1875 по 1894 г. В 1876 г. в Дании образовалась и Социал-демократическая партия, однако большого влияния она пока не приобрела. В 1894 г. произошел раскол левоцентристского движения и образование радикально-демократической партии «Реформвенстре». В конце 90-х годов она постепенно становилась ведущей политической силой в Дании, а в 1901 г. пришла к власти.

В Швеции и Норвегии демократизация политического строя началась существенно раньше. С восшествием на престол бывшего маршала Бернадота под именем Карла XIV Юхана (1818–1844) эпоха абсолютизма окончательно осталась в прошлом. Впрочем основатель новой династии предпочитал проводить весьма умеренную политику. Оплотом ее стал сословный риксдаг. С учетом динамичного экономического развития, заметных успехов медицины и решения проблемы с продуктами питания (в том числе началом массового картофелеводства) консерватизм правительственного курса не вызывал в Швеции большого общественного недовольства. Ситуация изменилась к концу 30-х годов, когда в стране сформировалось достаточно широкое либеральное оппозиционное движение. Либералы выступали за утверждение парламентской системы. В Норвегии оппозиция носила более радиальный характер. В 1848–1851 гг. здесь возникло движение «транитариев» (по имени его лидера Маркуса Тране). «Транитарии» выступили с требованиями всеобщего избирательного права и расширения прав Норвегии в составе унии.

С восшествием на престол Оскара I (1844–1859) шведская монархия вступила в период умеренно-либеральных реформ. Министерская реформа усилила личную ответственность членов правительства за их действия. Подверглась реорганизации система местного самоуправления. Приходы были разделены на церковные собрания и гражданские коммуны (сельские и городские). Коммуны строились на началах самоуправления и имели полномочия в сфере социального обеспечения, здравоохранения, местных «хозяйственных задач». Для их функционирования начал собираться коммунальный налог. Выборы в коммунальные собрания изначально проводились на основе всеобщего избирательного права, но с имущественным дифференцирующим цензом. Помимо органов самоуправления в каждой лене создались региональные собрания – ландстинги, члены которых избирались от коммун и городов. В 1865 г. сословный принцип был окончательно отменен и для риксдага. Отныне он делился на две равноправные палаты (члены первой избирались ландстингами на 9 лет, а второй – путем прямого голосования на 3 года).

Оскар II (1859–1907) в отличие от своего отца проводил более консервативную политику. Он был известен как большой поклонник викторианской Англии, а также Германской империи. Тем не менее, демократизация шведской политической системы продолжалась, и основную роль в этом процессе сыграло складывание партий. Во второй палате парламента уже в 1867 г. возникла Партия сельских хозяев. Спустя год здесь возникла и Новая либеральная партия. Аграриям и либералам противостояла проправительственная группировка «Центр». Причем все эти партии были долгое время именно парламентскими, а не национальными. В первой палате парламента до 80-х годов партийные группировки вообще не складывались. Но одновременно все более заметным явлением становилось формирование широкого спектра внепарламентских общественных движений. Многие из них представляли собой политический «фланг» органов местного самоуправления. Немалую роль приобрели религиозные, главным образом, сектантские движения (Шведская баптистская церковь (1866), Методистская церковь (1876), Шведский союз миссий (1878) и др.). Большую популярность приобрело движение трезвенников, из рядов которого вышло много членов риксдага и министров. В 1890 г. сложился Шведский союз за всеобщее избирательное право, объединивший многочисленные радикально-демократические группировки. Вскоре начали появляться и профсоюзные организации. Первыми такое объединение создали типографские рабочие (1886). В 1898 г. возникло уже Центральное объединение профсоюзов, а в 1902 г. – Объединение работодателей Швеции. Активная общественная жизнь стала отличительной чертой политической системы Швеции накануне XX в.

§ 10 Польша в XVI–XIX вв.

Польские земли в XVI–XVII вв.

К началу XVI в. в восточной части европейского континента стало складываться одно из самых крупных государств Нового времени. Процесс консолидации польских земель в одно территориальное образование ничем не отличался от аналогичных процессов

национально-государственного строительства в странах северо-западной Европы. Стремясь ликвидировать последствия феодальной раздробленности, польские короли покупали, отвоевывали или наследовали интересовавшие их земли. Уже к середине XV в. в результате успешного участия в Тринадцатилетней войне (1454–1466) Польша вернула себе большую часть Восточного Поморья (Пруссию) с такими важными в военном и торговом деле городами, как Гданьск, Эльблонг и Торунь. Помимо контроля над нижним течением Вислы, являвшейся одной из главных торговых артерий страны, королевство получило выход в Балтийское море, а заодно обезопасило себя от притеснений со стороны Тевтонского ордена. Попытка магистра ордена Альбрехта Бранденбургского вернуть утраченные позиции привела к новой войне (1512–1521) и окончательному закату ордена. Пруссия была реорганизована в светское герцогство с вассальной зависимостью от польской короны. Параллельно были выкуплены два пограничных силезских княжества, Освенцимское (1456) и Заторское (1496). После того как прервалась линия династии Пястов в 1526 г. под власть польской короны перешла Варшава со всеми окрестными территориями и ряд мазовецких земель.

Династическая уния, связывавшая Польшу с Великим княжеством Литовским еще в XIV в., втянула королевство в длительный конфликт с Московским государством. Неудачи литовских князей в столкновениях с русским царем Иваном IV ускорили пересмотр действовавших обязательств Литвы с Польшей. 1 июля 1569 г. был подписан акт новой унии. Впредь королевство Польша и Великое княжество Литовское считались единой страной. Новое государственное образование объединяло свыше 8 млн человек и охватывало территорию более 800 тыс. км². «Государство обоих народов» в обиходе скоро получило более лаконичный термин – Rzeczpospolita (республика), а в русской транскрипции – Речь Посполитая. Несмотря на примерно равное представительство вступивших в союз субъектов, перевес в определении курса внутренней и внешней политики оказался на стороне польского дворянства.

В результате успешных военных действий и заключенной унии, под властью польско-литовской короны помимо собственных оказались территории Украины, включая Галицию, Белоруссия, часть западных русских земель и Лифляндия. В вассальной зависимости от Речи Посполитой находились Пруссия и Курляндия.

В рамках объединенного государства создавалась единая система административно-территориального деления, единая, на основе польской, монетная система, общий сейм. Государства отказывались от проведения самостоятельной внешней политики, но сохраняли собственную администрацию, казну, войско и суд.

Столь быстрый территориальный рост, базировавшийся в основном на военных победах, и включение пестрого национального состава в границы одного государства внесло в дальнейшее государственное развитие массу специфических черт, по совокупности не характерных ни для одной страны в Европе.

Начало возвышения Польши совпало с кардинальными изменениями геополитической, демографической и экономической ситуации на континенте. Традиционно польские земли представляли собой аграрный потенциал Европы. Обилие рек, плодородные почвы и умеренный континентальный климат уже к середине XIII в. способствовали серьезным агротехническим успехам. Введение удобрений, боронование, замена двухпольного севооборота трехпольным, привели к стабильной высокой урожайности зерновых культур, достигшей к началу Нового времени величины сам – 3–4, а к концу XVI в. сам – 5–6. Увеличившиеся товарные возможности стимулировали распашку пустошей, корчевку лесов под зерновые и огородные культуры. Особенно бурно эти процессы протекали в Силезии, Великой и Малой Польше.

Распространение товарообменных операций ускорил рост городов – центров локальной и экспортной торговли. К середине XVI в. численность проживающих в Гданьске горожан

достигла 50 тыс., Кракова – 30 тыс., Торуня, Люблина, Варшавы – 10 тыс. человек. Эти города стали сборным товарным пунктом для всех окрестных мест.

Быстрому экономическому подъему способствовал ряд обстоятельств, так или иначе затронувших все европейские страны. Нашествие османских войск Селима I и Сулеймана I Великолепного на Балканы способствовали ликвидации старинных морских путей соединявших азиатские и европейские рынки (Великий шелковый путь, караванные пути от Персидского залива до Адриатики, речной путь по Дунаю и т. п.). Распространение власти османов на Египет и Алжир, вплоть до Марокко, захват острова Родос, сопровождавшийся разгромом венецианских и испано-португальских эскадр, поставили под контроль Османской империи большую часть средиземноморского бассейна. Особенно негативное влияние на экономическую ситуацию в Европе оказали турецкие захваты богатейших венгерских сельскохозяйственных угодий, и распространение вассальной зависимости на аграрные Трансильванию, Молдавию и Валахию.

Появление мощного противника христианского мира совпало с рядом обстоятельств, обостривших продовольственную проблему в европейских странах. Во-первых, обозначившийся после эпидемии «черной смерти» демографический рост привел к началу XVI в. не только к восстановлению, но и заметному превышению численности населения во всех без исключения государствах. По некоторым подсчетам оно составило в Нидерландах почти 1 млн, в Англии и Уэльсе около 4 млн, во Франции и Германии около 15 млн в каждой. Собственно в польских землях количество жителей также увеличилось до 1,5 млн человек, уступая по плотности населения только Англии, Франции и Нидерландам (25, 27, 30 человек на км² соответственно).

Вторым немаловажным обстоятельством изменения экономической конъюнктуры стало открытие земель в Новом Свете. Безудержный ввоз драгоценных металлов (золота и серебра) привел к инфляционной конъюнктуре в экономике, что в свою очередь вызвало рост цен на товары первой необходимости, особенно на продовольственные припасы. Средний индекс роста цен за период 1500–1650 гг. составил на товары зернового хозяйства 800 %, мясомолочные – 400 %. (Для сравнения: товары промышленного производства подорожали на 300 %.)

«Ножницы» цен и возросший спрос на хлеб стали не только мощным стимулом для развития аграрного сектора, но и привели к целому ряду отрицательных последствий. Индекс урожайности оставшийся неизменным, при улучшении экспортной конъюнктуры вынудил крупных землевладельцев идти по пути усиления феодальной эксплуатации зависимых крестьян. В польских землях оброчно-денежную систему повинностей повсеместно стали заменять барщинным трудом. Первым, кто увидел выгоду организации барщинно-фольварочных хозяйств, был Сецеховский монастырь, переведший 8 из 24 деревень на фольварк. Его примеру последовали Звезинецкий (8 из 33) и Тынцевский (28 из 74) монастыри, и Краковское епископство (49 из 225).

Сеймовая Конституция 1496 г. резко ускорила процесс распространения фольварочной системы в рамках всей страны и превращения крестьян (кметов) в крепостных. В соответствии с конституцией лишь один крестьянин от деревни имел право легального ухода от своего хозяина. Также лишь один из крестьянских сыновей мог уйти на учебу в город. Единственный сын был обязан остаться с родителями. Параллельно кметам запретили впредь владеть земскими (шляхетскими) землями. В том же году дворяне добились признания исключительного права на производство зерна и спиртных напитков (основных статей вывоза) и ликвидацию каких-либо пошлин с экспортного товара. В 1518 г. сеймик Вилюньской земли предписал кметам отрабатывать барщину один день в неделю с каждого ланового хозяйства. Торуньский и Быдгощский сеймы (1519 и 1520) распространили подобную практику – еженедельную барщину – на все земли королевства: монастырские, дворянские и коронные.

Процесс ускоренного превращения крестьян-общинников в крепостных совпал с началом изменения погодных условий в Европе. На смену благоприятного столетнего климатического периода пришли неурожай, ранние заморозки, многочисленные болезни сельскохозяйственных культур, особенно участившиеся со второй половины XVI в. Не последнюю роль в распространении барщины сказались и порча монеты. В польском гроше середины XVI в. насчитывалось едва половина необходимого по номиналу серебра. В 1543 г. свободный переход от одного помещика к другому был окончательно ликвидирован. Варшавская конференция 1573 г. закрепила за помещиком судебную, исполнительную и законодательную юрисдикцию в отношении крестьян.

Аналогичные процессы проходили и на землях Великого княжества Литовского. С 1557 г. на всей территории княжества, включая великокняжеские и частновладельческие земли Белоруссии, проводилась реформа в соответствии с «Уставом на волоки». Целью реформы было создание новых податных наделов – волоков, и унификация в них всех феодальных повинностей. После Люблинской унии закрепощение крестьян ускорилось. Распространение в княжеских владениях польского административного деления на воеводства и поветы, усилили концентрацию земель в руках магнатов и шляхты. Начался процесс обезземеливания и стратификации всего сельского населения на тягловых (лановых, полулановых) крестьян, обладающих земельным наделом и безземельных (каморников, халупников). Только на Волыни за 20 лет (60-80-е годы XVI в.) площадь крестьянской земли сократилась на 50–60 %. Четверть всех крестьянских хозяйств в Киевском воеводстве составляли малоземельные (загородники). К началу XVII в. на Брацлавщине и Надднепровье были ликвидированы слободы (хутора). К концу века количество необходимых дней отработки увеличилось в среднем до 4–5, в украинских землях до 6, а в Галиции вводилась каждодневная барщина. Положения статута 1588 г. юридически оформили крепостную зависимость крестьян восточной части Речи Посполитой.

Распространение барщины привело к значительному бегству крестьян с насиженных мест. Появилось большое число нищих, каморников и гультаев (беглых от барщины в пограничные казачьи районы). Попытки коронных властей захватить земли пограничных поселений вызвали серьезный узел социальных противоречий. Стремясь не допустить развала барщинных хозяйств, вызванных оттоком непосредственных производителей, государство обнародовало целый комплекс постановлений о поимке и наказании беглых крестьян. С 1503 по 1596 г. польский сейм принял 24, а в XVII в. еще 40 таких постановлений.

Восстания против фольварочной системы начались, когда указ о потере свободы и прикреплении к земле был обнародован. В 1543 г. крестьяне, принадлежавшие монастырю Св. Духа деревни Квороджа отказались работать на фольварке раз в неделю и убили управляющего шляхтича Яна Сциборского. В конце столетия прокатилась волна крестьянских выступлений в Мазовии, Нейштадте и Подляшье. Наиболее значительные восстания крестьян вспыхнули в 1631 г. под руководством солтыса С. Лентовского в Малой Польше на территории Ново-таргского старостата, и в 1651 г. в Подгалье. Восстание в Подгалье создало угрозу восстания в Кракове и захвата бывшей столицы королевства. Руководитель восстания мелкий шляхтич Костка Наперский повел своих крестьян к границе с Венгрией, где захватил старинный замок Чорштын. Восставшие надеялись на помощь трансильванского князя Дьёрдя Ракоци и слабостью королевских войск, увязших в войне с Б. Хмельницким. Рассылая по окрестным деревням грамоты, К. Наперский призывал крестьян к физическому уничтожению шляхты. Все эти восстания были подавлены местной шляхтой при участии коронных войск.

Известны крестьянские выступления в Волынском воеводстве (1563, 1582, 1588) и на Волынском Полесье (1567). Казацкая вольница выступила против притязаний магнатов на их земли в 1591–1593 гг. во главе с гетманом Кшиштофом Коссинским. К восставшим казакам присоединилось крестьянство Киевского, Подольского и Волынского воеводств.

Потребовалась вмешательство польских войск во главе с коронным гетманом К. Острожским, чтобы подавить это восстание. В бою под Черкассами Коссинский был убит. Не успело затихнуть одно восстание, как началось новое. Организатором стал атаман не реестровых казаков Северин Наливайко. (Реестровыми считались части, призываемые под королевские знамена и получающие за это плату.) Военные действия охватили часть белорусских поветов (Могилев, Бобруйск, Слуцк), затем перекинулись на Волынь. Восставшим удалось захватить Брацлав и Винницу. С 1594 по 1596 г. казаки оказывали ожесточенное сопротивление войскам гетмана Станислава Жолкевского, посланного на подавление мятежа. Генеральное сражение произошло в урочище Солоница. Казаки были полностью уничтожены, сам атаман Наливайко был отправлен в Варшаву и публично казнен в 1597 г.

Обострение социального конфликта в восточных землях Речи Посполитой, населенной белорусским и украинским народом накладывалось на элементы национальной несправедливости и религиозных различий. Здесь следует учесть следующее обстоятельство. Начало Нового времени совпало с процессом формирования единых национальных государств в Европе и, как следствие, привело к началу этнического самоопределения, связанного с поиском исторических корней. В соответствии со средневековой схоластикой и средневековым миропониманием считалось, что сотворение мира имеет датированное начало и каждый народ, имел конкретного первопродка. Поскольку процесс этногенеза в Восточной Европе сопровождался политической борьбой между Чехией и Польшей за право распоряжаться во всем славянском мире, на свет появилась теория сарматского происхождения поляков. Начиная с Яна Длугоша немалое число польских мыслителей пытались доказать на основе библейских преданий и греко-римских источников польское право на гегемонию в Восточной Европе. Трактат Мацея Меховского «Трактат о двух Сарматиях», «Польша» Бернарда Вановского, «О происхождении и истории поляков» Вармийского епископа Мартина Кромера, публикации Мартина Бельского, Матвея Стрыйковского и других авторов обосновывали древность рода поляков. После Люблинской унии относительное право считаться прямыми потомками первых людей получили также литовцы. Однако все белорусы, украинцы, как впрочем, и польские кметы (потомки «неблагодарного» сына Ноя Хама) считались людьми неполноценными, стадом, требующим жесткой руки в управлении. На все это накладывались противоречия между католиками и православными.

Проявление сарматской ксенофобии привело к нарастанию в недрах восточнославянских народов мощного национально-патриотического подъема, приведшего, в конце концов, к выходу этих земель из-под власти Речи Посполитой. Первые серьезные попытки национального освобождения от политики крепостничества и ополячивания начались на Украине: в 1630 г. под руководством Тараса Федоровича, в 1637 г. под руководством Павлюка и в 1638 г. под руководством Острияницы. Они стали прологом большой национально-освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого.

В апреле – мае 1648 г. с разгрома польских войск под Желтыми Водами и Корсунем началась освободительная война украинского казачества. Война началась с крупного политического успеха: был взят в плен великий коронный гетман М. Потоцкий. Посланные на подавление восстания войска во главе с магнатом Иеремией Вишневецким («Яремой», чьим именем пугали крестьянских детей) были летом 1648 г. наголову разбиты. В сентябре военные действия перекинулись в Западную Украину, где был осажден Львов, и в Белоруссию, где центрами национальной борьбы стали Пинск, Брест, Мозырь и Бобруйск. Для координации совместных действий против польско-литовских войск Хмельницкий отправил в Белоруссию казачьи отряды И. Голоты, С. Подбайло и М. Кречевского. На борьбу с повстанцами была брошена 60-тысячная армия во главе с литовским гетманом Янушем Радзивиллом. К середине 1651 г. с большим трудом белорусское крыло национально-освободительного движения было разгромлено.

Ухудшение положения восставших на Украине (поражение в трехдневной битве под Берестечком в 1651 г.) вынудило Хмельницкого усилить призывы о помощи со стороны старинного врага Польши – России. 11 октября 1653 г. Земский собор, созванный в Москве, вынес решение принять в состав России «гетмана Богдана Хмельницкого и все войско Запорожское с городами их и землями». 18 января 1654 г. Украинская рада, собравшаяся в Переяславе, подтвердила акт объединения русского и украинского народа. Последовавшая затем война Речи Посполитой с Россией (1654–1667) с целью вернуть утраченное, закончилась потерей Смоленщины, Левобережной Украины и Киева. «Вечный мир» 1686 г. закрепил потерю политического и военного превосходства Речи Посполитой на Востоке Европы.

Помимо социально-экономических потрясений, вызванных национально-освободительными движениями и анти-феодальными выступлениями, в результате бурной территориальной экспансии Речь Посполитая оказалась втянутой в серьезный конфессиональный конфликт.

Реформационные учения стали проникать в Польское королевство через несколько лет после известного выступления М. Лютера в 1517 г. Требования дешевой церкви, запрет на продажу индульгенций и другие нововведения нашли отклик, прежде всего, в среде городского плебейства северо-востока страны (Гданьск, Торунь и др.). С конца 30-х годов XVI в. на берегах Вислы появились кальвинистские проповедники. Мелкое шляхество именно в кальвинизме увидело возможность потеснить церковь в таких важных для себя делах как судебная юрисдикция епископата над дворянскими землями, налогообложение в пользу клириков и пр. Кроме того, тезис Кальвина о независимости представительных учреждений от королевской или папской власти соответствовал требованиям местного дворянства, шедшего по пути экзекуции королевских полномочий.

Суровые королевские эдикты против еретиков не уменьшили размах распространения новых учений. Наиболее ярким направлением радикальной реформации в середине – второй половине XVI в. стало движение «Польских братьев» (ариане, анти-тринитарики, т. е. отрицающие триединство). Религиозная община выступала против распространения крепостничества, сословных различий и частной собственности. Идеологи этого крыла Марцин Чехович, Гжегож Павел ратовали за экономическое равенство, общность имущества и необходимость личного труда верующего. В 1568 г. ариане провели синод, где эти требования были выражены в общем документе. Однако реализовать свои взгляды на практике попытались лишь некоторые общины. Напротив, в 1564 г. для борьбы с распространением реформационных учений корона санкционировала допуск радикальных католических организаций на территорию страны. По предложению кардинала Станислава Гозий иезуиты получили государственное признание и право открывать свои коллегии в королевстве. В следующем году король и сейм признали решения Триденского собора, что означало переход к политике наступления католической реакции в стране.

После смерти Стефана Батория элекционный сейм возвел на престол Сигизмунда III (1587–1632), сына шведского короля Юхана III. Магнатская верхушка увидела в этом возможность уладить многие разногласия, возникшие в Балтийском вопросе. Не случайно Станислав Радзивилл следующим образом оценил короля: «Он похож на книгу, в которой ничего не написано». В сложившейся династической комбинации творцы контрреформации также увидели возможность превращения Польши в основной форпост католицизма на Востоке. Сложилась, так называемая, испанская дорога: Мадрид – Рим – Краков. При польском дворе появились иезуитские нунции: Германик де Маласпин и Бартоломей Повзинский. Следом за иезуитами в Речь Посполитую направились представители других католических орденов.

После Люблинской унии были предприняты попытки распространить католичество на земли Великого княжества Литовского, населенного преимущественно православными. В

1579 г. был открыт старейший в Восточной Европе университет в Вильно для подготовки бакалавров, лиценциатов и докторов богословия. В Несвиже, Полоцке и других городах открывались новиции – образовательные учреждения низшей ступени. Наступление католицизма встретило серьезное сопротивление со стороны местных жителей. В крупных городах создавались православные братства, ставившие своей задачей защиту православных ценностей и соборности. Как один из вариантов разрешения религиозного кризиса стало создание униатской церкви. Автором теоретического обоснования унии был ректор иезуитской академии в Вильно, выдающийся публицист Петр Скарга. С его подачи епископы Кирилл Луцкий (Терлецкий) и Ипатий Брестский (Поцей) получили одобрение Сигизмунда III на поездку в Рим, где присягнули на верность Папе Римскому. В 1596 г. решениями Брестского собора было положено начало существования униатской церкви. Политическое, по сути, решение конфессионального вопроса, не только не принесло успокоения на восточные земли Речи Посполитой, но способствовало началу собственно религиозного противостояния. Дело в том, что объединение под эгидой Вселенской церкви, привело к усилению католической догматики в ритуальной и обрядовой части, к разрыву с Константинопольской и Московской церквями. Кроме того, начался процесс захвата земельной собственности, принадлежавшей православной церкви и местного православного дворянства. Подобная практика, нарушая ранее достигнутые соглашения (законы 1563 и 1568 гг. об уравнивании католической и православной шляхты), способствовала росту анти-католических настроений.

В 1615 г. в Киеве возникло православное церковное братство, объединившее горожан, духовенство и часть украинской мелкопоместной шляхты. В братство вступил со всем войском казацкий гетман П. Конашевич-Сагайдачный. В 1623 г. в Витебске произошло крупное восстание под лозунгами защиты православия. Местного архиепископа-униата Иосифата Кунцевича убили. Папа Урбан VIII потребовал от польских магнатов мести за убийство и призвал к походу против православных.

Натиск католических и униатских священников в конечном итоге способствовал консолидации всего православного люда. Священнослужители, крестьяне и мелкопоместное дворянство стали опорой освободительных войск Б. Хмельницкого.

Превращение Речи Посполитой в оплот реакционного католицизма втянул страну в длительный военный конфликт сначала на два (против Швеции и России), а затем на три фронта. С 1655 г. за политический суверенитет стало бороться герцогство Пруссия. В результате этого конфликта государство потеряло ряд своих территорий, подверглись разорению крестьянские хозяйства, пострадали города и ремесла.

Полный паралич политической королевской власти, особенно проявившийся в XVII в., ухудшил положение страны. Начиная с Мельницкого привилея (1501) и Радомской сеймовой конституции (1505), шляхта и магнаты шли по пути экзекуции королевских прав. Дворянству удалось добиться признания за сеймом исключительного права издания законов, судебной юрисдикции, а Генриховы артикулы (1573) окончательно закрепили за дворянством право выбирать короля. Трон стал предметом интриг и закулисной борьбы группировок, блокировавших любые разумные инициативы короны. В частности сейм отверг дважды (1514, 1527) предложение короны заменить «посполитое рушенье» (дворянскую конницу) регулярной армией.

Агрессивная внешняя политика вынудила корону распродавать свои имения. Если к началу Нового времени 10 % всех сел королевства входили в королевский домен, к концу XVIII в. все они были переданы в руки магнатов. Только один Ян Замойский приобрел у короны 11 городов и более 200 деревень и получил право на пожизненную аренду еще 12 городов и 612 деревень. В 70-х годах XVIII в. Станислову Любомирскому принадлежал 31 город и 738 сел, чья площадь превышала 27 тыс. км². У Щенских-Потоцких общая площадь земельных владений составляла 17 тыс. км². Подобными состояниями владели

Радзивиллы, Сапеги и др. Напротив появилось большое число загородовой шляхты. Как говорили современники: «если собака сядет на загород, ее хвост достанет до соседа».

Военные расходы на фоне распространения барщины сказались на экономической стагнации местных промыслов, привели к упадку общегосударственного и локальных рынков и соответственно к обнищанию городов. По статистике в Великом Княжестве Литовском к середине XVI в. насчитывалось до 300 городов и местечек. (Местечком считалось поселение до 150 домов.) Из них в Волынском воеводстве насчитывалось 68 городов, в Подолье – 37. Через Киев и Чернигов развивалась традиционная торговля с восточными землями – Россией. Ввозили шелка, ковры, кожи, пеньку, лен, вывозили сырье и полуфабрикаты. Развитие торговых отношений с Россией активизировали и местные рынки. В Каменец-Подольском насчитывалось 80 торговых домов, в Ковеле – 111, обслуживавших такую торговлю.

В западных землях лидирующие позиции занимал Гданьск – главный морской порт в торговле со странами Западной Европы, в Прибалтике – Рига. Каждый город обладал собственным правом – привилеем, в том числе правом не выдавать беглых, ставших ремесленниками (Рижский статут 1582 и Тартуский – 1588). В среднем со второй половины XVI в. ежегодно через Гданьск вывозилось по 60–80 тыс. ласт (120–160 тыс. тонн), в начале XVII в. до 100 тыс. ласт (200 тыс. тонн) зерна ежегодно. В 1618 г. зафиксирован рекорд 250 тыс. тонн зерна. Доход Риги от транзитной торговли в начале XVII в. составлял около 80 тыс. талеров. Широко были известны Краковская, Люблинская, Познанская, Торуньская, Киевская ярмарки.

К середине XVII в. большая часть городов Великой Польши и Литвы приходит в упадок. Ряд обстоятельств замедлял развитие городов. Традиционно бюргерство в крупных городах было инородное – немецкое из ганзейского союза. Оно осталось верным интересам своего союза, а не Речи Посполитой. Города в государственном строительстве перестали участвовать. Уже к началу XVI в. приезды городских депутатов на сеймы стали единичными. Только Краков имел политическую значимость, но после переноса столицы в Варшаву (1611) она угасла. В соответствии с законом 1496 г. о запрете приобретать в собственность фольварки, города утратили возможность открывать мануфактурное производство в деревне, а дворянство закрепило за собой выгодную торговлю хлебом и спиртными напитками. Все это перепрофилировало городской патрициат на ведение в основном транзитных торговых операций с иностранными державами. Однако было бы неверным считать только засилье немецкого капитала тормозом на пути урбанизации и промышленной модернизации страны. Там, где господствовали польские бюргеры, проходили аналогичные процессы. Развиваясь на экспортной торговле зерном, бюргерство оставляло себе до 1/3 дохода с продаж в качестве комиссионного сбора. Учитывая объемы экспортно-импортных операций (к концу XVI в. экспорт вырос в 10 раз), развивать ремесла было крайне невыгодно. Все необходимое города получали из-за границы: шелк, посуду, ювелирные изделия.

Еще одним обстоятельством упадка городского хозяйства следует признать серьезную внутреннюю конкуренцию, создавшуюся в результате развития в крупных магнатских имениях собственных мастерских. В итоге так и не сложилось слоя национальной буржуазии, способной стать опорой королевской власти, не возникало.

Военные неудачи, особенно вторжение шведских войск в середине XVII в. нанесли непоправимый вред хозяйству страны, способствовали пауперизации сельского и городского населения. Если в 1616 г. в великопольских королевских имениях на загородников и каморников приходилось всего 19 % хозяйств, то к 1661 г. доля безземельных и малоземельных составила 34 %. В особенно пострадавшей королевской Пруссии 1/3 всех деревень обезлюдела. Разорившиеся мелкие шляхтичи составляли клиентелу в крупных магнатских домах, крестьяне уходили в города, пополняя ряды городских оборванцев.

К концу XVII в. на улицах Домберга (Вышгорода) насчитывалось несколько тысяч профессиональных нищих, 70 % составляли женщины, 20–27 % мужчины и 3–10 % дети. В Варшаве, существовавшая с конца XVI в. нищенствующая прослойка, преобразовалась в своего рода объединение профессиональных попрошаек – «Братство убогих», с собственной внутренней иерархией: мастер, подмастерье, ученик.

Взаимосвязь процесса разорения всех слоев населения и неуклонного падения авторитета Польши как самостоятельного субъекта европейской политики легко проследить на примере деградации королевских вооруженных сил. Традиционно войска Речи Посполитой формировались из дворянской конницы и наемных солдат (пехотинцев и пушкарей). К середине XVI в. доходов короны хватало на наем 4 тыс. иностранных солдат, в 70-х годах XVII в. – на 18 тыс., и к 20-м годам XVIII в. – на 24 тыс. При Стефане Батории страна могла выставить до 60 тыс. наемников, что, в общем, и обеспечивало успешное решение внешнеполитических конфликтов. Вторая половина войска состояла из буйного и слабоуправляемого дворянского конного ополчения, достигавшего в отдельные годы численности 150 тыс. сабель. Отдельной строкой военных расходов содержались реестровые казачьи части, набираемые по куреням. Сокращение доходов короны и разорение мелкопоместной шляхты внесли серьезные изменения в численность и состав армии. В начале XVIII в. королевство располагало 30 тыс. солдат, 6 из которых были дворянскими ополченцами. Не имея возможности оплатить службу реестровым казакам (в соответствии со Зборовским статутом 1649 г. число реестровых составляло 40 тыс.), корона потеряла возможность распоряжаться мобильными частями легкой кавалерии. Общий долг войску по окончании войны с Турцией (1683–1699) составил 33 млн злотых.

Специфическим итогом государственного строительства и развития в XVI–XVII вв. стало постепенное превращение единого многонационального государства в конфедерацию феодальных вотчин, по преимуществу магнатских. Не случайно, что за владельцами закрепился термин «крулевята» – маленькие короли.

Политический кризис Речи Посполитой в XVIII в.

XVIII в. стал переломным для Речи Посполитой. Ослабленная затяжными войнами, междоусобными склоками, и национально-конфессиональными противоречиями, страна стала разменной картой большой европейской политики. Северная война, Война за польское наследство, Война за австрийское наследство и Семилетняя война окончательно подорвали даже видимость единства страны.

В конце XVII столетия на трон возшел ставленник России и Австрии саксонский курфюрст Август (1697–1733). Развернувшийся спор между Швецией и Россией за господство на Балтике, превратил королевство сначала в арену военных действий, затем в предмет дележа. Страна раскололась на два противоборствующих лагеря: сторонников короля Августа II и сторонников шведского претендента на корону С. Лещинского. В 1717 г. за помощь, оказанную Августу II, Россия получила право протектората над Речью Посполитой. В 1720 г. между Россией и Пруссией было достигнуто соглашение о взаимных обязательствах по сохранению неизменности политического строя королевства (по существу дворянской анархии). Предметом соглашения стали польские земли, переданные по условиям Ништадтского мира 1721 г. союзникам. В пользу России отторгалась Ливония, в пользу Пруссии – богатый город Штецин. Примечательно, что Речь Посполитая не участвовала в процессе переговоров.

В системе международных отношений Российская империя отводила Польше роль буфера между «прорвавшейся» в Европу Россией и «грандами» европейской политики:

Англией и Францией. Автором проекта был русский канцлер А.И. Остерман. Такое отношение к королевству привело к формированию блока государств, так или иначе заинтересованных в особом «решении» польского вопроса. В 1732 г. в Берлине был заключен договор между Россией Австрией и Пруссией о совместном протекторате.

События Войны за польское наследство (1733–1735), начавшейся в январе после смерти Августа II, привели к очередному вмешательству во внутренние дела государства. Русский тридцатитысячный корпус возвел на престол сына покойного короля Августа III (1733–1763). При новом короле в стране развернулась беспрецедентная в польской истории полоса растаскивания государства. Общая политическая анархия, продажа государственных должностей, самовластие фаворитов Августа III – министра Г. Брюля и его ставленников, прикрытые мишурным блеском варшавского двора, сделали страну предметом «законных» притязаний более сильных соседей. Политическая деградация проходила на фоне дальнейшего упадка хозяйства и ремесел. Повсеместно увеличившаяся барщина накладывала непомерный груз на крестьянские хозяйства, способствовала разорению непосредственных производителей. Урожайность хозяйства упала до уровня XIV–XV вв. вывоз зерна за границу через Гданьск сократился до нескольких тысяч тонн.

В середине XVIII в. в Восточной Европе вновь возник «диссидентский вопрос», как отзвук нерешенных конфессиональных проблем на территории Речи Посполитой. Два договора, заключенных Россией и Пруссией в 1740 г. и после окончания Семилетней войны, способствовали подготовке почвы для первого раздела Речи Посполитой.

Интенсивные связи польских протестантов с Берлином и Кенигсбергом, обычно не выходили за рамки чисто религиозных дел. Гогенцоллернов права конфессиональных меньшинств интересовали в связи с возможностями их эмиграции на немецкие земли. В инструкциях короля Фридриха II послу Бенуа в Варшаве особо указывалось на нежелательность прекращения переселенческой политики.

Укрепление связей кальвинистов с Берлином, подвинули в 1758 г. игумена Виленского монастыря Святого Духа Феофана Леонтовича на поездку в Петербург. В представленной Коллегии иностранных дел «Мемории», говорилось о притеснении на территории Польши католическими священниками православных меньшинств. Иеромонах предложил российской стороне принять в этом вопросе активное участие. Леонтович писал о российских экономических и политических перспективах: возможности влиять на магнатов, включая выборы короля; использование православных в качестве резидентов русской политики в Европе; аннексия 600 верст пахотной земли, населенной православными. Георгий Конисский, епископ Могилевский на коронации Екатерины II в 1762 г. обратился с просьбой включить Белоруссию в состав владений ее императорского величества. На основе общности интересов был подписан союзный Пруско-русский союз, причем для решения диссидентского вопроса в Петербург был отправлен специальный прусский порученец граф Виктор Сольмс.

Примечателен в данной связи пункт претензий конфессиональных меньшинств, выдвинутых к польской короне, а именно: уравнивание в правах при заключении пактов на избрание короля; равное участие в трибуналах, сеймиках и т. п. Другими словами, речь шла не столько о религиозных, сколько о политических и социальных правах.

Польские магнаты, посчитавшие, что подтверждение всех прав диссидентов будет ущемлять их интересы, а включение не католиков в государственные структуры позволит последним влиять на внешнюю политику в пользу Пруссии и России приняли, как показала дальнейшая история, удивительно недальновидное решение. В мае 1764 г. на конвокационном сейме в Варшаве был утвержден акт «генеральной конфедерации». Первый пункт, единогласно поддержанный епископами, предусматривал «умножение» католической веры. Шляхтич Ломженский, посол Глинского сеймика, потребовал сверх того, чтобы особая комиссия пересмотрела владельческие права диссидентов. Послы Подляшского воеводства внесли проект о неизбежности католической и униатской веры.

В соответствии с принятым решением ущемлялись все права конфессиональных меньшинств: православных, кальвинистов, лютеран. Кроме того, всем диссидентам запрещалось получать во владение старостаты и должности в войсках. Михаил Чарторыйский – епископ Познаньский – предложил создать в составе коллегии епископов особый религиозный трибунал. Такую позицию активно поддерживал и проживающий в Варшаве папский нунций А. Висконти. Подобное решение диссидентского вопроса дало формальный повод для Пруссии и России подписать в 1764 г. специальный меморандум о совместных действиях. Развитие диссидентского вопроса привело к формированию двух центров диссидентства: в Торуне и Слуцке. Первая конфедерация насчитывала 250 человек кавалерии из Малой и Великой Польши, вторая – 300–400 человек пехоты и 2 эскадрона кавалерии. По плану, предложенному русским послом Н.В. Репниным в декабре 1766 г., для их поддержания выделялось 20 тыс. дукатов «на всякий случай» и по 12–15 тыс. русских солдат и офицеров.

В августе 1766 г. в Варшаве, по-видимому, не без подсказки из Петербурга и Берлина, был представлен проект с заведомо невыполнимыми требованиями. Предлагалось уравнение в религиозных и имущественных правах всех граждан, участие их в элекционных сеймах, а сверх того, формирование депутатского корпуса в воеводствах с диссидентским большинством исключительно из конфессиональных меньшинств.

Королевская власть оказалась в крайне сложном положении. С одной стороны король Станислав Понятовский (1763–1795) не хотел портить отношений с Россией и Пруссией, от которых зависел, с другой, – не хотел вызвать анти-королевский шляхетский мятеж. Попытка занять «независимую» позицию усилила кризис в государстве. Для решения задачи по укреплению центральной власти король занял в гезуитском банке 100 тыс. червонцев, заложив соляной королевский завод и вклады своего дяди Чарторыйского в Римском банке. По этому поводу Репнин писал: «Я истинно понять не могу, на какой конец, и с какой надеждою король в такие неумеренные долги входит». Политика короля встретила негативную оценку в кругах магнатов и епископов. Варшавский договор 1768 г., расширявший права диссидентов, привел к оформлению Барской конфедерации, отстаивавшей «традиционные вольности». Участие конфедератов в новой русско-турецкой войне на стороне противников России, ускорило принятие Петербургской конвенции.

5 августа 1772 г. Пруссия, Россия и Австрия в Петербурге заключили двусторонние пакты в соответствии с которыми Пруссия получила 36 тыс. км² с населением 600 тыс. человек, Россия – 92 тыс. км² и 1,3 млн человек, Австрия 83 тыс. км² и 2,1 млн новых жителей. Польский сейм 1773–1775 гг. утвердил раздел. Наибольшие выгоды из раздела извлекла Пруссия. Захватив Вармию и часть Поморья, пусть и без городов Торунь и Гданьск, Пруссия получила важные торгово-экономические преимущества. Фридрих II по этому поводу писал: «Мы станем хозяевами всей польской продукции, и будем держать в своих руках ее импорт. А величайшая выгода состоит в том, что в качестве хозяев зерновой торговли мы в будущем никогда больше не будем испытывать угрозу голода». Россия получила в основном территории с украинско-белорусским населением. Австрии досталась часть Галиции.

Первый раздел оказался потрясением для значительной части патриотически настроенных представителей дворянства, буржуазии и интеллигенции. В стране зазвучали призывы к началу либеральных реформ всего государственного устройства. Широкое распространение получили труды видного просветителя и экономиста Станислава Сташица. Главную проблему в развитии и модернизации страны Сташиц видел в упадке земледелия, и господстве в аграрном секторе многочисленных пережитков. Развитие крепостничества, барщины и монополии магнатов на земельные угодья на фоне общемирового упадка зернового хозяйства, разорили, по мнению С. Сташица, мелкого держателя земли и привели к упадку всего сельского хозяйства. При слабой структуре городского бюргерства и ремесленничества, отсутствии промышленных производств,

разорение сельского хозяйства приобрело решающее значение для всей экономики. Корнем всех бед была барщина. Как писал С. Сташиц, при таком варварском ведении дел, крестьянин «устремляет все свое внимание лишь на то, упражняет ум лишь в том, как бы обмануть в труде надсмотрщика».

Появились труды, посвященные проблемам политического развития страны. Идеи просвещенного республиканизма были изложены в трактате «О возобновлении давнего правления в соответствии с изначальными законами Речи Посполитой», изданной на польском и французском языке в 1775 г. Автором этого труда был граф Михаил Вельгорский. Он полагал, что источником несчастий Польши был паралич законодательной инициативы в сеймиках, и отсутствие у сената реальной власти. Как писал Вельгорский, республиканское устройство испытывает кризис по вине самих шляхтичей, которые «распушенность принимали за свободу». Вельгорский требовал установить сенатский контроль над деятельностью сеймиков, ликвидировать шляхетское «либерум вето», которое мало того, что являлось анахронизмом, так еще и парализовало все органы законодательной власти.

Противниками просвещенного республиканизма выступали монархисты-реформаторы, сплотившиеся вокруг короля Станислава Понятовского. Общее для обеих доктрин – неприятие магнатской олигархии. Концептуально позиции монархистов были выражены в труде А. Нарушевича «История польского народа». Согласно его выводам, республиканская идея, рассматривавшаяся традиционалистами как свойственная Польскому государству испокон веков, была варварской и примитивной формой. Затем она уступает более совершенной форме – монархии. Польша, по мнению автора, тоже развивалась таким путем, и ко времени Пястов была сильным монархическим государством Европы. Начало разрушения монархической традиции, связанного с Кошицким привилеем (1374) по мнению Нарушевича, стало началом конца польской государственности.

В стране создалось два больших блока: сторонников реформ (независимо от политических пристрастий) и защитников «традиционных» устоев. Реформаторский лагерь поддержали А. Чарторьский, братья Потоцкие, Г. Коллонтай. Традиционалисты: Щеньский-Потоцкий, В. Жевуский, К. Браницкий, братья Косаковские и другие, объединились в Тарговицкую конфедерацию. Сторонники реформ (республиканцы и монархисты) стали авторами Конституции 3 мая 1791 г. Саму Конституцию авторы, включая и короля Станислава Понятовского, рассматривали в качестве начального шага модернизации. Конституция 1791 г. внесла буржуазно-демократическую основу в государственное устройство, а именно межсословное единство, включившее крестьянство в понятие «поляки». Интересен тот факт, что крестьянство стало рассматриваться как основа нации. Конституция устанавливала разделение властей на три ветви. Принцип «либерум вето» заменялся подчинением меньшинства большинству. Вводилось правило ответственности министров. Принцип подчинения меньшинства распространялся и на низовые структуры, включая городское самоуправление. Запрещалось соединять выборные (законодательные) и исполнительные должности в одних руках, включая армейские посты. Вводилась всеобщая воинская повинность и государственная регулярная армия. В Конституции провозглашались свобода личности, собственности, суверенитет народа и право народа избирать себе правительство.

Закон о городах, принятый в мае 1791 г., дополнил статьи Конституции. Он вводил городское самоуправление, городскую юрисдикцию, равенство в правах всех горожан и всех городов, свободы, в том числе имущественные для горожан. Горожане могли занимать государственные и судебные должности, офицерские посты в армии. Дворянам, в свою очередь, разрешалось заниматься мещанскими делами: купечеством, ремеслом. Все эти реформы позволяли говорить о начале выхода страны из кризиса.

Представители Тарговицкой конфедерации обратились за материальной и военной помощью к России. Ввод русских войск в Варшаву означал победу реакционных сил, и начало оформления второго раздела. В январе 1793 г. актом, заключенным между Россией и Пруссией, от Польши отторгались часть Белоруссии и Правобережной Украины (Россия), Великая Польша и Куявия, включая города Гданьск и Торунь (Пруссия). Национально-освободительное восстание Тадеуша Костюшко 1794 г., поддержанного варшавским мещанством во главе с Я. Килиньским, стало поводом для третьего раздела Польши.

После раздела 1795 г. польский вопрос стал предметом особого внимания со стороны ведущих стран Европы: Франции, России, Пруссии, Австрии. Польское дворянство, независимо от политических пристрастий, раскололось на два лагеря, которые условно можно охарактеризовать как патриотов и прагматиков. Первые осели во Франции, где с 1798 г. поселился Т. Костюшко. Радикальное крыло эмигрантов создало собственную организацию под названием «Депутация», предполагавшую сформировать военные легионы и, опираясь на помощь Франции, возродить государство. Второй связал свою судьбу с Российской империей, где заметную роль играл А. Чарторыйский. Став членом ближайшего окружения Александра I, Чарторыйский выдвинул проект воссоздания польского государства и объединения его с Россией на правах личной унии.

Военные действия Франции против России и ее союзников привели к формированию из части польских земель герцогства Варшавского. По условиям Тильзитского (1807) и Шёнбрунского (1809) мира его территория включала часть отвоеванных у Пруссии и Австрии земель. Главой нового территориального образования стал саксонский король Фридрих Август. Распространение на территории герцогства норм французского права объективно способствовало прогрессивным переменам. Декретом 1807 г. крестьянство освобождалось от крепостной зависимости, была принята конституция и восстановлен государственный сейм. Была введена французская территориально-административная система. Создавалась под командованием Ю. Понятовского национальная армия.

Обострение отношений между Францией и Россией неизбежно втягивали герцогство Варшавское в военный конфликт. Участие поляков в неудачном походе на Москву предопределило дальнейшую судьбу польских земель. Решениями Венского конгресса (1814–1815) был закреплен территориальный раздел Польши между странами-победительницами. Пруссия получила Быдгощский и Познанский департаменты, город Гданьск. Австрия возвращала себе Западную Галицию. Город Краков с близлежащими окрестностями становился республикой под названием «Вольный город Краков», под наблюдением созданной в 1816 г. «Организационной комиссии» из австрийских, русских и прусских комиссаров. Все прочие территории отошли к России в качестве Королевства (Царства) Польского.

Польские земли в XIX в.

Вошедшие в состав России земли бывшей Речи Посполитой отличались своей неоднородностью, пестрым конфессиональным составом и разным уровнем экономического развития. Литва, Белоруссия и часть Правобережной Украины представляли собой аграрные районы с преобладанием барщинной собственности. Свыше 60 % всех пахотных угодий составляли шляхетские фольварки. С 1815 г. в отношении белорусского населения стала проводиться политика русификации. Было запрещено преподавание на польском языке, русский язык становился языком официального делопроизводства, местное законодательство было ликвидировано. После восстания в Польше в 1830–1831 гг. давление на местное население усилилось. В 1839 г. была

запрещена униатская церковь, конфисковано имущество 230 католических и униатских церквей. Приверженцев униатской церкви насильственно переводили в православие. На всей территории Белоруссии вводилось губернское административное деление и соответствующий бюрократический аппарат. В дальнейшем земли, вошедшие в состав России, повторили ее путь.

На землях Царства Польского власти провели ряд реформ, заметно ускоривших их развитие. В соответствии с данными ранее обещаниями в 1815 г. королевству были дарованы «Основы конституции». Большую роль в разработке документа сыграл А. Чарторьский. В соответствии с конституцией был восстановлен сейм с правом законодательной инициативы, государственный польский язык, армия. Гражданам гарантировались свобода слова, печати, неприкосновенность личности. Исполнительная власть была сосредоточена в руках наместника, и подчиненного ему Государственного совета. В начале 20-х годов XIX в. польскому королевству была предоставлена таможенная автономия, значительно улучшившая экономические условия для производителей текстильной продукции. Данная мера, наряду с запретом еврейскому меньшинству селиться в сельской местности, привела к притоку в города капиталов и рабочих рук.

Однако уже первые сеймы 1818 и 1822 гг. выявили рост оппозиции либерально настроенной шляхты, стремившейся к полной автономии и возврату под польскую юрисдикцию утраченных восточных земель. Апогеем недовольства стало восстание 1830–1831 гг., жестоко подавленного царизмом. За последующее десятилетие по королевству прокатилась волна репрессий. Конституция была отменена, с 1834 г. вводилось военное положение и цензура. В опалу попали труды А. Мицкевича, Ю. Словацкого и других патриотически настроенных авторов. Ликвидация сословных институтов повлекла пересмотр шляхетских реестров. Магнаты и часть среднепоместной шляхты получили равное положение с русским дворянством. Мелкопоместная шляхта была переведена в сословие однодворцев. На территории королевства вводилась метрическая и монетная система Российской империи. Данные мероприятия способствовали расшатыванию устоявшихся поземельных отношений, основанных на крепостном труде. События 1848–1849 гг. в Европе и новое восстание 1863–1864 гг. в Королевстве Польском ускорили принятие аграрной реформы. В 1864 г. часть безземельных крестьян получили наделы, с выкупным обязательством в пользу государства. Однако крупные собственники сохранили за собой свыше 50 % всех угодий, четверть всех крестьян оказались без земли.

Решение аграрной проблемы, совпавшей с началом промышленного переворота, стало одной из причин экономического подъема польских земель в составе России. В 1850 г. таможенные барьеры между Россией и Польшей были сняты, что позволило промышленности Польши иметь свободный доступ на огромный русский рынок. До 80 % тканей предприятий Лодзи шло в Россию, а оттуда часть реэкспортировалась в сопредельные восточные государства. Спрос на продукцию польских предприятий стимулировал рост городов и концентрацию в них пролетариата. В конце XIX в. в Лодзи насчитывалось 95 тыс. рабочих. В Варшаве, ставшей центром металлообработки, к 1909 г. число жителей увеличилось до 750 тыс. Появились Варшавский и Лодзинский банки. Развитие польского производства и интеграция промышленных потенциалов в экономику империи, способствовали серьезному железнодорожному строительству. К концу века 2300 верст железных дорог связывало королевство с югом и центром России. К концу XIX в. польские земли в составе России стали одним из промышленных лидеров Российской империи.

Земли, вошедшие в состав Прусского королевства, рассматривались берлинским двором в качестве аграрного придатка. Такому положению польских земель способствовала аграрная реформа 1811–1816 гг., проведенная на основе прусского закона о землеустройстве. Реформа, растянувшаяся до 1850 г., предусматривала освобождение крестьян от пережитков крепостной зависимости и превращение их в частных

собственников с наделом в 6,3 га. В качестве компенсации помещикам крестьянин уступал от 30 до 50 % своего надела. Серьезная конкуренция со стороны немецкого юнкерства привела к разорению карликовых крестьянских хозяйств и к оттоку рабочей силы в города. Самым тяжелым было положение в Великом княжестве Познанском, на которое распространялась политика германизации. Местный сейм, представленный шляхтой, городской и сельской курией потерял свои законодательные права, превратившись в совещательный орган без особых полномочий.

Революционные события 1830–1831 гг. ускорили процесс имущественной стратификации в польских землях. Прусские власти, предав суду всех участников восстания, передали их конфискованные имения немецкому юнкерству. Восстание 1863–1864 гг. усилило анти-польскую направленность внутренней политики Пруссии. В 1867 г. Познанское княжество стало частью Северо-германского союза, а затем и Германской империи. В 1885 г. был принят закон, изгоняющих с западных земель поляков, не имеющих германского гражданства, а в следующем году, для скупки польских имений была создана Колонизационная комиссия. В результате подобной политики в Познанском крае и Поморье 40 % крестьян превратились в безземельных, а до 60 % всех земельных угодий сосредоточились в руках крупного юнкерства. Деграция крестьянских хозяйств привела к массовой эмиграции поляков за пределы империи. В период 1885–1905 гг. западные земли покинули свыше 1,7 млн человек.

Засилье немецкого капитала в торгово-производственных сферах экономики имело для польской буржуазии и промышленности двойное последствие. С одной стороны, оно способствовало ускорению темпов капитализации и внедрению современных технологий и способов организации труда. Так картель «Верхнесилезская угольная компания», возникший в 1898 г., контролировал 100 % сбыта угля, а к началу XX в. вся силезская промышленность была картелирована. К 90-м годам XIX в. производительность в угольной промышленности увеличилась в 3–4 раза, по сравнению с первой половиной XIX в. С другой стороны, серьезная внутренняя конкуренция с немецкими предпринимателями не позволила польскому капиталу превратиться в реальную силу. Треть всех предприятий, принадлежащих полякам, были средние, остальные – мелкие. Общая доля польских предприятий не превышала 1 % всего промышленного потенциала Германской империи.

В годы «культуркампа» под флагом борьбы с католицизмом в отношении польского населения развернулась компания по ликвидации остатков самоуправления. Вводился немецкий, как язык преподавания и делопроизводства, польские имена и названия заменялись немецкими.

После возврата утраченных в войне с Наполеоном I территорий Западной Галиции, Австрийское государство довольно долго не приступало к их интеграции в правовое и экономическое пространство империи. Это объяснялось, прежде всего, значительным влиянием и богатством галицийских магнатских семей, владевших 70 % всех земельных угодий. Габсбурги оставили систему отношений землевладельцев и крестьян без изменений. Попытка внедрить в Галиции положения урбариальных законов Иосифа II, дававших личную свободу крестьянину и сокращавших повинности до 1/3 крестьянских доходов, провалилась. Лишь восстание 1830–1831 гг. и появление на австрийских землях политэмигрантов вынудили венские власти приступить к решительным действиям. Первым шагом на этом пути была ликвидация вольного города Кракова. В 1831 и 1836 гг. совместно с русскими и прусскими войсками город был оккупирован, а в 1846 г. после Краковского восстания, был окончательно передан под юрисдикцию Австрии.

Потрясением для Австрийской империи стали события кровавого восстания 1846 г. в Галиции, и последовавшие за ним революционные выступления по всей стране. В 1849 г. в результате реформы все галицийские крестьяне одновременно с личной свободой получили земельный надел. Сумма выкупа делилась между всеми сословиями провинции,

и государство брало на себя обязательство по выкупу крестьянской доли. Вместе с тем, стремясь укрепить связи господствующих слоев в пределах создаваемой дуалистической монархии, Габсбурги пошли на предоставление широкой автономии галицийским магнатам. В 1873 г. эти привилегии были законодательно закреплены. В Галиции сохранилось собственное представительное учреждение с преимущественным избирательным правом магнатов. 3 тыс. семей комплектовали 1/3 местного собрания.

Попустительство земельной олигархии серьезно замедлило экономическое развитие региона, закрепило рутину и техническую отсталость в деревне. 2/3 всего населения было связано с сельским хозяйством, при этом уровень внедрения машин был самый низкий в польских землях. К 90-м годам в промышленности, включая домашние промыслы, было занято не более 1/10 всех жителей края. Главным сдерживающим фактором являлась политика двора, рассматривавшая Галицию в качестве сырьевого придатка. Лишь в конце XIX в., при активном участии австрийского и немецкого капитала, здесь выросло производство парафина, увеличилась добыча нефти и угля.

§ 11 Народы Юго-Восточной Европы в Новое время

Юго-Восточная Европа под иноземным игом

В последних десятилетиях XV в. завершилось османское завоевание Балканского полуострова. Македония, Болгария, Сербия, Греция, Албания, Босния, Герцеговина, Черногория вошли во владения Османской империи. Хорватия, после избрания в 1526 г. австрийского эрцгерцога Фердинанда Габсбурга венгеро-хорватским королем, оказалась в составе трех государств – Австрии, Венеции и Турции. В том же году Дубровницкая (Рагузская) республика на Адриатическом море стала уплачивать султану ежегодную дань – хорадж. Далматинские города-коммуны на Адриатике – Задар, Шибеник, Сплит, Котор и Будва, ряд приморских районов на побережье Пелопоннеса и Албании, а также часть островов на Адриатическом, Ионическом и Средиземном морях продолжали находиться под властью Венеции. В ходе венециано-османских войн XVI–XVIII вв. туркам постепенно переходили балканские владения и острова Венеции. Последняя, к концу XVIII в. удерживала далматинские города, несколько населенных пунктов Пелопоннеса и Албании, Ионические острова. Молдавия и Валахия, расположенные к северу от Дуная, в дунайско-карпатском регионе, были вынуждены признать вассалитет султана: первая – в 1476 г., вторая – в 1501 г.

Управление всеми владениями Османской империи осуществлялось из Стамбула (Константинополя), где находился двор султана и Высокая Порты – правительство империи. Гражданскую и военную администрацию на местах возглавляли наместники – беглербеги. Вначале все подвластные Порте земли – Румелия – находились в ведении румелийского беглербегга. Позднее беглербегг стал называться пашалыком, затем – вилайетом, и их насчитывалось около десяти. В более мелких административных единицах – санджаках и нахиях – управляли низшие османские чиновники, подчиненные

соответствующим беглербегам и в целом Порте. Управление вершилось по османским законам и нормам исламского права. Султанская империя возникла в Юго-Восточной Европе и в Азии путем весьма обширных завоеваний иноверческих и ино-этнических территорий, следствием чего было уничтожение таких независимых христианских государств, как Византия, Сербия, Болгария, Босния и др., и превращение покоренных народов этой части европейского континента в подвластное Порте и османскому феодальному классу бесправное население. Отсутствие самостоятельной государственности местного населения означало консервацию самых тяжелых форм зависимости и угнетения и средневековых политических структур.

Характерной чертой османского господства являлась дискриминация христиан. Наиболее тяжелым и оскорбительным для них был так называемый «девширме» – налог кровью, – существовавшая с XV по начало XVIII в. практика насильственного изъятия из тех семей, где было несколько сыновей, мальчиков для помещения в специальные военные школы в Стамбуле, Смирне и Адрианополе. Там их обращали в ислам и готовили для службы при дворе и в элитном султанском войске янычаров. Порта проводила политику исламизации и добилась частичного успеха: мусульмане составляли до трети населения ее европейских владений, их анклавы распространились на Боснию и Герцеговину, Болгарию и Македонию, этой веры придерживалось большинство населения Албании. Но основная масса жителей стойко держалась православия. Религия определяла их образ жизни, помогала сохранять язык и культуру, способствовала развитию этнического, а потом и национального самосознания.

С образованием политической структуры султанской империи и ее балканских владений, по своему существу и происхождению враждебной устремлениям населения покоренных стран, появились и черты теократического господства. Османские завоеватели распространяли теократический принцип власти не только на взаимоотношения господствующего народа и покоренных народов, но и отношения в среде иноверных, немусульманских подданных султана. После завоевания балканских земель была введена так называемая система миллетов – религиозных общин. Она укрепляла османскую власть на Балканах, обеспечивая сотрудничество высшего духовенства немусульманских народов с султанским правительством. Представители миллетов, получая определенные привилегии от Порты, разрешение взимать церковные сборы в свою пользу, вести судебные дела единоверцев, выступали в роли не только религиозных, но и светских руководителей своей паствы под эгидой Порты. В тоже время они в какой-то мере поддерживали этногосударственные традиции своих народов, что неоднократно вызывало жестокие репрессии османских властей. Стремясь обеспечить поддержку местного христианского духовенства для обеспечения своего господства, Порта сделала главой первого и самого многочисленного греческого миллета – общины патриарха Константинополя. Последний являлся не только церковным иерархом, но и лицом, облеченным светской властью, отвечавшим за райю (немусульманское население), за уплату податей, выполнение повинностей, за поставки продовольствия в турецкую столицу, содержание дорог и вообще за лояльность православных властей. Внешне это проявлялось в том, что патриарх имел чин двухбунчужного паши (генерал-лейтенанта) и звание визиря, и ему даже полагалась стража из янычар. Высшее греческое духовенство, ставшее полномочным и единственным посредником всех православных жителей Империи в сношениях с Портой, смогло закрепить и свое привилегированное положение в южнославянских землях, где самостоятельные Тырновская (болгарская) и Печская (сербская) патриархия были уничтожены. Лишь после восстановления Сербской патриархии в 1557 г. с разрешения Порты сербские иерархи могли выступать в такой же роли, соперничая с греческими патриархами и католическими клириками. Высшее сербское духовенство играло большую роль в политической жизни страны, а церковная организация – в поддержании национального самосознания и народных традиций

(самостоятельная болгарская церковь во главе с экзархом была учреждена только в 1870 г.).

Важную роль в упрочении османской администрации на Балканах играло, наряду с системой миллетов, и сохраненное Стамбулом местное самоуправление покоренного населения – греков, албанцев, южных славян. Полуфеодальная верхушка немусульманских народов, получая от османских властей небольшие налоговые льготы и отдельные привилегии, выполняла их распоряжения по сбору налогов, отряжала крестьян для выполнения государственных повинностей, оказывала содействие посланцам и отрядам Порты. Включение местного самоуправления с систему османской администрации облегчало ведение дел чиновниками Порты, но в то же время создавало и возможности для объединения покоренного населения, для выступлений его против турецкой власти.

Эти особенности османского управления балканскими землями привели к появлению здесь уже в XVI в., а еще в большей мере в XVII в. самостоятельных или полусамостоятельных областей, обычно в горных, малодоступных районах, где местные жители в ходе долгой и упорной борьбы добились фактического упразднения султанской администрации, налоги Порте уплачивались лишь эпизодически, зачастую только в результате карательных походов турок. В таком положении находились черногорские племена, горцы прибрежной области южной Албании – Химары, жители Черногории, округа Мани в Южном Пелопоннесе. Сходных прав и привилегий сумели добиться жители греческих островов Эгейского моря – Наксоса, Тасоса, Пароса, Псары и др. (Эгейские острова находились под особым управлением главнокомандующего морскими силами Османской империи капудан-паши.) В период длительных войн Османской империи с другими державами, особенно в конце XVI – начале XVIII в., эти фактически автономные или полуавтономные области оказывались лишь в номинальной зависимости от Порты. В более позднее время, в связи с ослаблением турецкой военной силы и дезорганизацией административной системы, в Северной Албании (Шкодре – Скутари) с 1756 по 1831 г. правление осуществляла феодальная семья Бушати, а властителем Янинского пашалыка (Южная Албания с примыкающими к ней греческими районами в Фессалии и Эпире) с конца 80-х годов XVIII в. по 1822 г. был Али-паша Тепелен. Эти полунезависимые пашалыки способствовали консолидации албанской общности.

Балканские народы вели постоянную партизанскую борьбу против поработителей: в Болгарии и Сербии происходило движение гайдуков, на далматинском побережье, в Хорватии, – ускоков, в Греции – клефтов. Отряды партизан иногда достигали больших размеров и действовали организованно. Они совершали не только мелкие нападения, но иногда и налеты на крупные города. Живя в лесах и горах, партизаны поддерживали тесные связи с окрестным населением, получали от него постоянную поддержку и помощь.

Вассалы Османской империи – Дунайские княжества и Дубровницкая республика – имели свои политические системы.

Зависимость Молдавии и Валахии, помимо ежегодной дани в имперскую казну и многочисленных подарков султану и его сановникам по случаю мусульманских праздников и торжественных событиях, связанных с назначением на должность, выражалась в участии их войск в османских походах, в содержании турецкой армии во время ее постоев на территории княжеств, в поставке рабочей силы для строительства укреплений, а также продовольствия, в установлении османской торговой монополии (с XVII в.). В знак покорности господами посылали своих сыновей и близких родственников заложниками в Стамбул. Княжества сохранили свою государственность, религиозную и административную автономию. Однако междоусобицы и борьба за власть боярских группировок, прибегающих к помощи извне, позволяли Порте вмешиваться во внутренние дела княжеств и усиливать там свое господство. Султаны утверждали господарей, а к

концу XVI в. стали назначать их. Господари платили также за сохранение престола. В результате на практике эта должность становилась объектом купли-продажи и господари часто менялись на престоле. Только за XVI–XVII вв. на валашском престоле сменилось 48 господарей, на молдавском – 50. В связи с появлением в княжествах в XVII в. в среде служилых бояр, выходцев из различных районов Османской империи, начинается проникновение в управление княжествами греков – фанариотов, происходивших из богатого стамбульского квартала Фанар. Ущемление местного боярства обострило борьбу между различными группировками господствующего класса. Порты, поддерживая фанариотов, поощряла эту борьбу, использовала ее для усиления своего влияния в княжествах. С начала XVIII в. и вплоть до 20-х годов XIX в. из среды фанариотов султан назначал господарей Дунайских княжеств.

Молдавский и валашский народы вели упорную борьбу против османских поработителей. Войны Габсбургов с Османами и России с Турцией поддерживали надежды княжеств на освобождение от иноземного ига. Движущими силами в борьбе за независимость были народные массы. Господари, которые временами отваживались на открытую конфронтацию с Портой, находили поддержку в среде мелкого служилого дворянства, выступавшего за укрепление центральной власти в противовес боярам. Боясь объединенных усилий Молдавии и Валахии, султанские власти разжигали противоречия как внутри господствующего класса княжеств, так и между самими княжествами. Борьбу против Порты осложняли и отношения Дунайских княжеств с Польшей (Речью Посполитой), Трансильванией, Габсбургами, предпринимавших попытки подчинить их.

Большое значение для Молдавии и Валахии имела победа России над Турцией в войне 1768–1774 гг. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. расширял автономию княжеств. Он регламентировал выплату дани Порте, ограничивал ее монополию на торговлю с княжествами, ограждал в них православную церковь от вмешательства султанского правительства, запрещал туркам селиться на территории Молдавии и Валахии. Россия получала право выступать «в пользу двух княжеств», защищать их интересы. Русско-турецкое соглашение 1802 г. о статусе Молдавии и Валахии вводило положение, что господари не могли смещаться без одобрения Петербурга. Молдавия и Валахия формально оставались под властью Турции, но фактически были уже под протекторатом России.

Дубровницкая республика сохранила почти неизменные черты сложившегося здесь ранее коммунального строя, связанного с полным засильем местного патрициата (властела, по сербохорватски). Вся государственная власть в республике принадлежала замкнутой касте патрициев, которая препятствовала расширению круга правящих патрицианских семей Дубровника, не говоря уже о жителях окрестных селений и островов. Политическое господство дубровницких нобилей облегчалось весьма благоприятными экономическими условиями, расцветом торговли, усилением дифференциации в сословии пополанов («пучан»). Выделение наиболее зажиточных слоев пополанства привело к созданию новых замкнутых корпораций, отделенных от массы городских жителей, но не получивших доступа к власти.

Политическая структура сословно-представительной монархии Габсбургов и ее южнославянских владений была существенно иной, чем Европейской Турции.

Политика габсбургской централизации закономерно приводила к ограничению традиционных национальных государственно-правовых институтов, к заметному ущемлению сословных привилегий феодальной верхушки в подвластных Австрии землях, что открывало возможности для их онемечивания. Но в Хорватии Вене пришлось идти на уступки местному дворянству. Существовавшая там длительная османская угроза и военное противостояние привели к административному разделу хорватских земель на Гражданскую Хорватию и Военную Границу. Позднее в их состав были включены территории Славонии, освобожденные от турок хорватскими и австрийскими войсками

(1699). Военная Граница, включавшая территории на рубеже с султанской империей, находилась под непосредственным управлением австрийских военных властей. В Гражданской Хорватии, которая входила в состав земель венгерской короны, действовали дворянское самоуправление – хорватский собор (представительное собрание), жупанские (областные) скупщины, избиравшие чиновников. Администрацию возглавлял бан, назначавшийся венским двором обычно из местных магнатов. В конце 70-х – начале 80-х годов XVIII в., при императрице Марии Терезии и императоре Иосифе II, хорватская администрация была преобразована. По образцу Венгерского королевства создавался Правительственный совет во главе с баном. Его полномочия передавались в венгерский Правительственный совет, в состав которого вводился представитель от Хорватии и хорватский бан. В Хорватии учреждался также институт императорского комиссара с широкими полномочиями. Официальным языком провозглашался немецкий. Централизаторский курс Габсбургов вызвал оппозицию хорватской знати, ратовавшей за соблюдение традиционных сословных свобод. В 1790 г. хорватский собор передал венгерскому сейму право устанавливать военный налог, выплачиваемый Хорватией, и отказался от собственного права накладывать вето на решение венгерского сейма, касавшиеся внутренних дел Хорватии. Подчинение Гражданской Хорватии и Славонии в административном отношении позволило венгерским правительству и дворянству приступить к последовательной политике мадьяризации.

Венеция в своих южнославянских и греческих приморских районах и островах полностью подчинила местное население в политическом и экономическом отношении. В самостоятельных городских коммунах правительство республики назначало своего правителя-венецианца. Он осуществлял реальную власть в пределах коммуны, участвуя в судебном разбирательстве вместе с выборными из числа местных нобилей, надзирая за обороной города и деятельностью низших чиновников коммуны. Усиливая контроль за своими адриатическими владениями, Венеция создала в конце XVI в. также пост верховного правителя балканских провинций – генерального провидура Далмации и Албании с резиденцией в Задаре; другой ее наместник контролировал греческие колонии. Резко ограничив автономию подчиненных ей далматинских городских коммун, Венеция в то же время была вынуждена допустить сохранение прежних органов местного самоуправления, продолжавших вести городские дела под постоянным контролем венецианских правителей. Недовольство местного населения обостряло борьбу главных сословий – патрициев и пополанов в коммунах. Пополаны стремились добиться участия в Большом совете – Великом вече города, где всем вершили патриции, и уравнивания прав пополанских советов с Большим советом. После упорной борьбы во многих коммунах Далмации пополаны все же добились расширения своих политических прав, участия в решении основных городских проблем.

Национальное Возрождение

Мысль об освобождении никогда не удавалось изгнать из сердец балканских народов. Но нужны были особые условия, чтобы из мечтаний, запечатленных в песнях и балладах, из стихийных восстаний они переросли в целостное движение. Наполеоновская эпопея, захватившая отдельные области юго-востока континента, послужила генератором освободительного движения и разработки программ воссоздания национальных государств.

К концу XVIII в. военно-ленная система Османской империи перестала отвечать требованиям времени. Экономика Турции, направленная на поддержание и развитие мощной военной машины, способной охранять границы империи, не только не

развивалась, но и находилась в состоянии кризиса. Это выражалось в появлении новых форм собственности, расцвете откупной системы и ростовщичества, не соответствующих основным государственным принципам Порты – жесткой централизации и контролю за собственностью на землю. В политическом плане кризис власти вылился в рост сепаратистского движения внутри империи, когда мятежные паша выступали с оружием в руках против власти султана. В конце XVIII – первой половине XIX в. такие выступления сотрясают Албанию, Боснию, Герцеговину и даже центр империи – Румелийский вилайет. Особую опасность для Стамбула представлял реформированный янычарский корпус и бездействующие в перерывах между войнами башибузуки. Те и другие использовались местными феодалами, были легки на подъем и отважны в бою. Ситуация осложнялась падением военной мощи империи, поражениями в войнах. Военные поражения способствовали углублению кризисных явлений, подтачивавших основы режима. Вместе с победами исчезла и добыча, будь то через обогащаемую войной казну, будь то в виде примитивного грабежа. Сипахи (военно-служилое сословие) утрачивали интерес к службе и обращались к делам хозяйственным; доход от имения становился первоосновой их существования; росло стремление превратить свое условное держание в частное владение (чифтлик) и усилить эксплуатацию крестьян. Беспощадные янычары превратились в торгово-ремесленное сословие. В 1770 г. в битве при Кагуле 17-тысячный корпус генерала П.А. Румянцева обратил в бегство 150-тысячное войско великого визиря. В последней четверти XVIII в. в мирные договоры Турции с воевавшими с ней европейскими государствами стали включаться пункты, касающиеся положения подвластного Порте христианского населения Балканского полуострова. Так в текст Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. было внесено право России защищать интересы православного населения султанской империи, а по Систовскому миру 1791 г., знаменовавшему победное окончание войны России с Австрией против Турции, предусматривалось проведение реформ в пограничном с монархией Габсбургов Белградском пашалыке.

Белградский пашалык не случайно стал центром воссоздания сербского государства и первой славянской территорией Османской империи, получившей автономию. Несколько факторов обусловили специфическое развитие этого одного из наиболее беспокойных пашалыков Порты. Прежде всего, его географическое положение на границе с Австрией. На австрийском берегу пограничных рек Дуная и Савы (современная Воеводина) компактно проживало с конца XVIII в. переселившееся из Центральной Сербии сербское население. Австрийские сербы обладали согласно ряду рескриптов австрийских монархов определенными национально-церковными автономными правами. Прямые контакты с соплеменниками в Австрии ускорили процесс формирования национального самосознания сербов Белградского пашалыка. Второй особенностью пашалыка являлась его этническая однородность – абсолютное большинство населения составляли православные сербы, мусульмане же (как турки, так и представители других национальностей) проживали в основном в крепостях и городках. Однородной была и социальная структура сербского общества. Сербское население пашалыка составляли крестьяне, причем процесс дифференциации на селе был очень слабым. Третьим фактором, обусловившим исключительную роль Белградского пашалыка в создании сербской государственности, был внешний, а именно активное вмешательство Австрии и России в борьбу сербов. По условиям Систовского мира пашалык получил значительные привилегии, оформленные специальными фирманами султана в 1793–1794 гг. Было упорядочено налогообложение, установлен фиксированный размер денежной дани на весь пашалык, разрешено строительство церквей, введены элементы местного самоуправления, определены права и обязанности кнезов (выборные от нескольких сел сельские старейшины) и, наконец, запрещено проживание на территории пашалыка янычаров. Последнее было очень актуальным решением для конца XVIII в., ибо в то время янычарская вольница опустошала непосильными налогами и прямыми грабежами села по всему Балканскому полуострову. Взамен полученных привилегий сербы обязывались нести пограничную стражу, что означало создание отрядов милиции и право ношения

оружия, хотя вся остальная раяя этого права не имела, поскольку служба в армии являлась почетной обязанностью только «правовверных».

В феврале 1804 г. вспыхнуло Первое сербское восстание. Оно началось со стихийного протеста сербских старейшин против произвола мятежных янычарских военачальников, захвативших пашалык в 1802 г. и полностью игнорировавших данные султаном привилегии сербам. Янычары установили свои нормы поборов, откровенно грабили население, упразднили местное самоуправление, отказывались выполнять распоряжения султана и убили назначенного им пашу. После резни, устроенной янычарами в конце 1804 г. и направленной на истребление вождей возможного сопротивления, сербские представители собрались в местечке Орашац на скупщину (народное собрание), где решили начать вооруженную борьбу против янычар.

Они избрали своим верховным вождем имевшего опыт военной службы в австрийской армии Георгия Петровича, по прозвищу Карагеоргий (1768–1817). Скупщина объявила о начале восстания, которое охватило весь пашалык и продолжалось 9 лет.

На первом этапе восстания (зима – весна 1804 г.) вопрос стоял фактически лишь об изгнании янычар из пашалыка и возвращении дарованных привилегий. На этом этапе повстанцы были вполне легитимны по отношению к султанскому правительству и фактически выступали на его стороне против мятежных янычарских военачальников. Но уже летом – осенью 1804 г. начинается второй этап восстания, продолжающийся до 1807 г., когда оно перерастает во всенародную вооруженную борьбу под лозунгами широкой политической автономии и изменения налоговой системы. С августа 1805 г. повстанцы начинают сражения с армией султана. На этом этапе они вступают в контакт с Россией и ведут переговоры о русском покровительстве и помощи сербам. С начавшейся в 1806 г. русско-турецкой войной наступает третий этап восстания, уже под лозунгом создания независимого от Порты государства во главе с наследственной сербской династией. Повстанцы ведут боевые действия совместно с русской армией, воюющей на Балканском театре. Восставшие захватывают Белград, одерживают ряд побед над султанскими войсками, но терпят и поражения. Страшным свидетельством жестокой расправы с повстанцами летом 1809 г. у местечка Чегры стала сооруженная здесь турками башня из черепов погибших в бою сербов. В этот период появляются первые институты государственной власти в Сербии. Создается правительство из шести министров (Правительствующий совет). В 1811 г. на скупщине в Белграде Карагеоргий провозглашается наследственным правителем и верховным вождем сербского народа. В 1812 г. Россия подписала с Турцией мир, включив в Бухарестский договор статью об амнистии повстанцев и признания автономии Сербского княжества. Но эта статья не была выполнена Портой. Воспользовавшись тем, что Россия была занята войной с Наполеоном, турецкие войска жестоко подавили восстание, в сентябре 1813 г. заняли Белград и, объявив джихад, расправились с повстанцами.

Участник Первого сербского восстания Милош Обренович (1780–1860) вскоре возглавил Второе сербское восстание – (весна – лето 1815 г.). Его успешный ход заставил турок пойти на переговоры с повстанцами и удовлетворить часть их требований. На протяжении последующих 15 лет Милош вел переговоры с Портой и при поддержке России стал первым сербским правителем, официально признанным султаном и основателем правящей в Сербии династии Обреновичей. Два крестьянина – вожди сербских восстаний Карагеоргий и Милош Обренович – явились родоначальниками двух династий на сербском престоле – Карагеоргиевичей и Обреновичей, сменявших друг друга в ходе ожесточенной борьбы с 1833 по 1903 г. В 1830–1833 гг. на основании договоренностей с Петербургом султан издал фирманы, предоставляющие Сербии (в границах Белградского пашалыка) автономию, а Милош Обренович был провозглашен наследственным сербским правителем – князем. С этого времени Белград стал добиваться от Порты расширения автономии и приступил к разработке стратегии и тактики борьбы за полную независимость и расширение границ.

В 1833 г. автономное княжество Сербия, входившее в состав Османской империи и обязанное платить дань султану, вступило на путь государственного строительства. Задача осложнялась не только тем, что за 400 лет турецкого владычества утратились традиции национальной государственности, но и отсутствовала национальная интеллектуальная и культурная элита. Сербское общество составляли крестьяне. Не было ни национального дворянства, истребленного еще в ходе турецкого завоевания, ни даже цехового ремесленного сословия. И все же, за сравнительно короткий период, к началу XX в., в Сербии были созданы все необходимые атрибуты европейского государства: правительство, парламент, армия, полиция, банки, система медицинского обслуживания, широкая сеть просветительских учреждений от начальных школ до университета, учреждения культуры и искусства, инфраструктура, включающая сеть железных дорог. Быстрыми темпами формировался новый класс-страта – чиновничество. Эта необходимая составная часть государственного аппарата наделяется в Сербии особыми привилегиями и становится мощной опорой режима. Одновременно шел процесс формирования интеллигенции, которая создала первые сербские политические партии, определила направления сербской дипломатии, заложила основы развития сербской литературы и искусства. Вместе с тем патриархальный, крестьянский тип общества, общая экономическая отсталость страны наложили отпечаток и на характер власти, и на все стороны государственного развития.

Отличительной чертой политической жизни в Сербии была непрерывная борьба за власть. С одной стороны, это противостояние династий Обреновичей и Карагеоргиевичей, которые попеременно захватывали престол и изгоняли соперников из страны. С другой – это борьба различных кругов сербского общества за ограничение власти князя. Формально Сербское княжество оставалось конституционной монархией, но фактически авторитарный режим сменялся в Сербии олигархическим.

Главная задача, стоявшая перед сербским обществом – стремление к объединению всех сербских земель и достижение полной государственной независимости – получила в 1844 г. вид официальной государственной программы. Составленная с помощью лидеров польской эмиграции, эмиссары которой приезжали в Сербию из Франции, программа, получившая название «Начертание», до 1918 г. была основой внешнеполитической концепции Сербии. Документ был секретным и содержал план создания сильного и обширного государства Великая Сербия. По мнению одного из создателей программы Илии Гарашанина, долгие годы руководившего внешней политикой Сербии, к Сербскому княжеству следовало присоединить прежде всего Боснию и Герцеговину, добиться выхода к морю. Для реализации этого плана велись переговоры с Черногорией о возможности объединения ее с Сербией. Планировалось поднять общевалканское анти-турецкое восстание и заручиться поддержкой великих держав. «Начертание» определяло и приоритеты внутренней политики, среди которых главным явилось создание современной хорошо вооруженной армии.

В 1866–1868 гг. Сербия становится центром подготовки и создания блока анти-турецких сил на Балканах – Балканского союза. Были подписаны секретные договоры с Грецией, Черногорией, Румынией, проведены переговоры с лидерами хорватских и болгарских национально-освободительных организаций, развернута широкая сеть агентов, готовящих восстание в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии (исторической области, включавшей бассейн рек Южная Морава, Нишава, Лим и район Косово, где, наряду с сербским, проживало болгарское, македонское, албанское население). Задачей Балканского союза стало совместное выступление против Турции, освобождение Балканского полуострова и раздел его территории между союзниками. Но эта задача осуществлена не была, так как весной 1868 г. лидер Балканского союза князь Михаил Обренович был убит в Белграде заговорщиками.

Освободительная борьба греческого населения приобрела в конце XVII – начале XIX в. новое политическое и социально-экономическое содержание. Если часть верхушки

греческого общества (фанариоты, Константинопольская патриархия и высшее греческое духовенство) вписалась в османскую иерархию, то богатая и просвещенная торгово-мореходная среда являлась одним из генераторов освободительных идей. Значительна при этом была роль греческой диаспоры, проживавшей в других странах, в частности, в крупных портовых городах. В 1797 г. К. Ригас издал в Вене брошюру «Новое политическое правление». В ней содержался призыв к братству балканских народов, к установлению равенства христиан и мусульман, к их совместной борьбе против Османской империи и излагался план создания Греческой республики. Ригас написал широко распространившиеся в Греции боевые гимны и «греческую марсельезу». Освободительный замысел Ригаса стал известен австрийской полиции. Греческого просветителя и революционера вместе с его сподвижниками выдали Порте, и они были казнены. В 1814 г. в Одессе проживавшие там греки создали тайное «Фелики этерия» («Дружеское общество»), которое поставило целью освобождение Греции и вербовало сторонников не только на родине, но и среди многочисленной диаспоры. В 1820 г. общество возглавил генерал русской службы А. Ипсиланти, выходец из знатной фанариотской семьи. (Его отец занимал одно время валахский престол, за содействие русской армии в 1806–1812 гг. ему грозила казнь, и он вместе с семьей бежал в Россию.) Очевидно, давние связи с Дунайскими княжествами, наличие там многочисленной и влиятельной греческой колонии побудили Ипсиланти начать восстание со вторжения в Молдавию, откуда он надеялся переправиться в Грецию. В марте 1821 г. возглавляемый им отряд, перейдя через Прут, вступил на территорию Молдавии. Экспедиция потерпела неудачу и сам Ипсиланти, бежавший в австрийские пределы, где был брошен в тюрьму (освобожден в 1827 г. под нажимом России).

Высеченная Ипсиланти искра вспыхнула пламенем национально-освободительной войны в Греции, начавшаяся в апреле 1821 г. и вскоре охватившая ее континентальную и островные части. В январе следующего года делегаты из всех областей съехались в Эпидавр, провозгласили себя Национальным собранием и приняли декларацию о независимости и конституционный акт: страна объявлялась республикой во главе с президентом, провозглашалась защита личности и собственности, декларировались гражданские свободы. Вторжение отборной османской армии в Пелопоннес было отбито. Но тут в лагере повстанцев начались раздоры. Движение было глубоко расчленено по социальному составу: его основную массу, взявшуюся за оружие, составляли крестьяне; во главе встали высокообразованные представители элиты, крупные землевладельцы – кодзабасы и богатые судовладельцы, оттеснившие скромных купцов и приказчиков, основателей «Фелики этерии». Важную роль играли капитаны клефтов и арматолов, своего рода вольных стрелков, не чуравшихся грабежей и разбоя. Характерно, что в эпидаврском «органическом статусе» вопрос об избирательном праве обходился молчанием, ибо оно определяло степень демократизма будущего государства, и тут согласия не существовало. Конфликты между кодзабасами и судовладельцами, соперничество и интриги тщеславных капитанов привели к двум гражданским войнам, сильно ослабившим движение. А султану Махмуду II удалось привлечь на свою сторону правителя Египта Мухаммеда Али, и в феврале 1825 г. египетские войска высадились на Пелопоннесе. В апреле 1826 г. турецко-египетские войска захватили важный опорный пункт Месолонгион, в июле 1827 г. пали Афины. Положение греков стало отчаянным. Их спасла могучая поддержка извне – в марте 1828 г. Россия объявила войну Турции. Адрианопольский мирный договор 1829 г. предусматривал признание Портой широкой автономии Греции. Однако греки не желали мириться с сохранением даже формальной зависимости от Турции. В 1830 г. при поддержке России, Великобритании и Франции была официально провозглашена независимость Греции, которая стала первой страной Юго-Восточной Европы ее завоевавшей. В состав греческого государства вошла территория на юге Балканского полуострова, но большая часть греческих земель по-прежнему находилась в пределах Османской империи. Те же три державы – «покровительницы» навязали Греции монархический строй и «рекомендовали» на ее

престол юного баварского принца Оттона Виттельсбаха; его коронация (он прибыл в Афины на британском корабле с трехтысячным отрядом баварцев) состоялась в 1832 г.

30-40-е годы XIX в. прошли в Греции под знаком становления государственности. Тяжелые неудачи на последних этапах национально-освободительной войны убедили ее руководителей, что без прочной опоры на великие державы движение обречено на провал. Им пришлось умерить свою программу, отказаться от объединения всех этнических земель, расстаться с республиканскими мечтаниями. В греческом обществе образовались три партии – «английская», «французская» и «русская». Возмужав, Оттон стал проявлять склонность к личной власти. Во главе управления и армии встали привезенные Оттоном с родины баварцы, не знавших и не желавших считаться ни с местными условиями, ни традициями. Недовольство общественности подогревалось упорным нежеланием католика-монарха перейти в православие. Самоуправство короля, «баварское правление», высокие налоги вызвали в 1843 г. восстание афинского гарнизона, поддержанного народом и национальной буржуазией. Восстание, проходившее под лозунгом устранения министров-баварцев и демократизации государственного строя, увенчалось успехом: министры получили отставку, баварские полки отправлены на родину, Национальное собрание приняло Конституцию, установившую двухпалатный парламент, цензовую избирательную систему и ответственность министров перед парламентом. Экономическая разруха, тяжесть налогового обложения, отсутствие демократических свобод, пренебрежения Оттона даже умеренной Конституцией 1844 г. – все это послужило причиной, вспыхнувшей в 1862 г. революции. Восстание армейских гарнизонов склонило чашу весов на ее сторону, Оттона низложили с престола, и он покинул страну. Новым королем Национальное собрание избрало датского принца Вильгельма Глюксбурга, вступившего на престол под именем Георгиоса I (1863–1913). Принятая в 1864 г. новая Конституция ввела в стране всеобщее избирательное право для мужчин и однопалатный парламент, провозгласила основные демократические права населения. Существенные изменения коснулись и территориально-административного управления, так как были расширены права местного самоуправления, действовавшего на основе Кодекса Наполеона.

Принятие Конституции 1864 г. означало окончание целого периода новогреческой истории, главными этапами которого были национально-освободительная Война за независимость страны и становление политической структуры нового государства от президентской республики к абсолютистской, а затем и конституционной монархии. Внутриполитическая ситуация в стране продолжала характеризоваться обостренной борьбой между различными кланами и региональными группами, а во внешней политике сохранялись нерешенные вопросы, главным из которых являлось освобождение оставшихся под владычеством Османской империи греков и национальных греческих территорий. Во многом симптоматичным на этом фоне выглядело провозглашение Георгиоса I не «королем Греции», а «королем греков», дававшее основание полагать, что число подданных греческого монарха не ограничивается жителями страны, а включает и тех греков, которые проживают за пределами королевства и являются гражданами других (прежде всего Османской империи) государств.

Еще в 1844 г. в парламентской речи видного политического деятеля И. Коллетиса была впервые сформулирована «Мегали (Великая) идея»: королевство – лишь малая и самая бедная часть Греции; Греция – везде, где живут греки. Исходной точкой ее служило вполне понятное и исторически оправданное желание государственного объединения всех греков. Но «мегалисты» на этом не останавливались, а, апеллируя к истории, посягали на территории с уже давно смешанным, а то и чужеродным по преимуществу населением. Крымская война 1853–1856 гг. воодушевила греческое общество. Весть о Синопской победе русского флота над турецким была воспринята в Афинах как национальный праздник, а в Эпире, находящемся в османских пределах, началось широкомасштабное восстание. Король Оттон мечтал о лаврах крестоносца и готовился лично возглавить

поход своей армии. Реакция Франции и Великобритании была быстрой и жесткой: их эскадры блокировали берега Эллады, а десант высадился недалеко от греческой столицы. Правительство королевства вынуждено было отступить. Англо-французские оккупанты покинули страну лишь в 1857 г., после того как английский и французский кабинеты навязали Греции международный контроль над ее финансами. В 1863 г. Великобритания передала Греции находившиеся с 1815 г. под ее управлением Ионические острова. (На островах росло движение за присоединение к Греции, что вынудило англичан пойти на такой шаг; за эту уступку в Лондоне потребовали от Афин возведения на греческий престол своего ставленника Вильгельма Глюксбурга.) Но вопрос об объединении национальных земель продолжал оставаться самым жгучим. Восстание греков острова Крита в 1866 г. не увенчалось объединением его с Грецией; христиане – островитяне добились от Порты лишь права на ограниченное самоуправление.

В судьбах Молдавии и Валахии большую роль сыграл Адрианопольский мир 1829 г. Он принес им значительное укрепление и расширение автономии: прекратился «фанариотский» период в истории Дунайских княжеств. Господарство становилось пожизненным, трон занимали только местные уроженцы; смещать их можно было лишь за тяжкие преступления и с санкции российского правительства. Турецкие крепости подлежали срытию, а мусульманское население – выселению за Дунай. Ряд статей договора создавал благоприятные условия для развития экономики Молдавии и Валахии – вместо многочисленных платежей вводилась твердо зафиксированная дань; торговля княжеств с другими странами больше не ограничивалась, разрешалось свободное судоходство по Дунаю и Черному морю. Султан отказывался от вмешательства во внутренние дела княжеств и заранее давал согласие на реформы в них.

В 1829–1834 гг. верховным правителем Молдавии и Валахии (обоих княжеств) – председателем боярских советов – был назначен государственный деятель России, просвещенный вельможа П.Д. Киселев. Русской администрации пришлось преодолевать последствия военной разрухи, бороться с эпидемией чумы. Произошла отмена внутренних таможен, введена свобода торговли с зарубежьем, воссозданы, после более чем столетнего перерыва, национальные вооруженные силы, приняты почти идентичные для двух княжеств «Органические регламенты». Регламенты представляли собой конституционные акты, определявшие государственный и административный строй, правопорядок, аграрные отношения и положение разных классов в обществе. По ним вводился принцип разделения властей, учреждались министерства, прокуратура и адвокатура, полиция, ранее содержавшая себя сама за счет поборов с населения, переводилась на жалованье, провозглашалось право купечества на предпринимательство. Несмотря на сохранение феодальных основ, упорядочение государственного строя и проведение реформ привели в 30-40-х годах к быстрому экономическому, социальному и культурному прогрессу в княжествах. Политическая жизнь протекала бурно, хотя в нее вовлекался лишь малый процент грамотных жителей. Ссорились все со всеми: господа – с крупным боярством, последние – с мелким, зарождавшееся демократическое движение выступало против боярской привилегии на власть и освобождение от налогов. Посаженные на престолы по соглашению между Стамбулом и Петербургом господа осуществляли управление в интересах окружавшей их камарильи, раздавая теплые местечки в органах власти, закрывая глаза на взяточничество и произвол и лихоимствуя сами. Поскольку российское самодержавие опиралось в княжествах на консервативное боярство и господарей, оппозиция приняла политический характер, ее стали называть «национальной партией», видеть в ней радетеля государственных интересов, а царизм рассматривать как своего рода гаранта полуфеодальных прогнивших устоев, режима привилегий и злоупотреблений. Хозяйственный подъем не мог быть длительным на «боярской основе»; надежда на проведение буржуазных реформ силами крупных феодалов оказалась утопической. Восторженно принятые «Органические регламенты» превратились в объект резкой критики. Киселева при его отъезде из Бухареста провожала восторженная толпа, а

через 10 лет на официальную Россию стали смотреть как на злейшего врага. В отличие от России, Франция – «латинская сестра» – пользовалась ореолом светоча просвещения, сокровищницы прогрессивных идей, и интеллигенция надеялась на ее поддержку в решении национальных задач.

Молдавия и еще в большей степени Валахия оказались в зоне европейской революции 1848 г. В Молдавии анти-правительственная оппозиция проявилась на собрании 8 апреля 1848 г. в ясской гостинице «Петербург». Оно приняло «Петицию-прокламацию» с призывом к соблюдению «Органического регламента», гарантии неприкосновенности личности, к отмене телесных наказаний и цензуры, к созданию ответственного министерства. Документ отражал неоднородность взглядов собравшихся, о чем говорили такие несовместимые пункты, как верность «регламенту», что отражало мнение боярства, и требование ответственного министерства. В июле в княжество вошли русские войска и движение было подавлено в зародыше. В Валахии еще в 1843 г. появилось тайное общество «Фрэцие» («Братство»), одним из организаторов которого стал революционный демократ Н. Бэлческу. Общество выдвинуло лозунги ликвидации феодальных привилегий, наделения крестьян землей за выкуп, национального освобождения и демократизации государственного и общественного строя. Весной 1848 г. «Фрэцие» возобновило свою деятельность. Был учрежден исполнительный комитет, на который возлагалось руководство революционным движением. В ряд уездов были направлены его представители для подготовки там при содействии воинских частей анти-правительственных выступлений. 21 июня в селении Ислаз перед толпой крестьян и выстроившейся ротой солдат была зачитана программа (Ислазская прокламация), предусматривавшая административную и законодательную самостоятельность, равенство граждан перед законом, отмену титулов и рангов (ликвидацию боярства), свободу слова, собраний и печати, образование ответственного министерства, введение прогрессивного подоходного налога, бесплатное обучение детей до 12 лет, «прямые, свободные и широкие выборы». Господарь должен был избираться на пять лет и превращался, по сути дела, в президента республики. Через два дня поднялось население Бухареста. Перепуганный господарь покинул страну. Сформированное временное правительство оказалось умеренным по своему составу. Большинство его членов помышляло не о дальнейшем развитии революции, а о том, чтобы ввести ее в рамки «законности и порядка» и достичь соглашения с консервативными кругами. Иллюзии насчет будто бы наступившего братства быстро развеялись. Правительство оказалось неспособным решить единственно волновавший большинство населения вопрос – аграрный. Боярское происхождение министров, тесные связи торговцев с крупной земельной собственностью, нежелание посягать на «священную и неприкосновенную» обрекали правительство на беспомощность; оно просило «братьев-крестьян» набраться терпения, а «братьев-помещиков» расстаться с частью своих земель. Призыв немногих революционеров во главе с Бэлческу «не медлить» отклика не встретил; социальная база революции сузилась. Осенью 1848 г. в княжество вошли турецкие, а затем и русские войска. Валашская республика прекратила свое существование. В 1849 г. Россия и Турция заключили Балта-Лиманскую конвенцию, назначив в Молдавии и Валахию новых господарей и восстановив действие «Органических регламентов», – иными словами, попытались продлить жизнь полуфеодального строя.

После трагических уроков 1848 г. в обоих княжествах широко распространилось стремление к их объединению, унии, и образованию Румынского государства: легкая расправа над двумя слабыми странами приводила к мысли, что в объединенной Румынии народ обретет силы для отпора и внешней и внутренней реакции, а также перспективу движения вперед. Условия для создания единого государства созрели после Крымской войны. Унионистов поддерживали, руководствуясь совершенно разными соображениями Франция и Россия. Это во многом способствовало успеху унионистского движения, включавшего в свой состав представителей различных социальных групп (противниками

объединения являлись консервативно настроенные крупные землевладельцы, опасавшиеся, что любые реформы затронут их интересы).

В 1859–1862 гг. произошло объединение Валахии и Молдовы в Румынское княжество, остававшееся официально под сюзеренитетом султана. Первым господарем Румынии стал Александр Куза, человек широкого кругозора и сторонник реформ. При нем было ликвидировано монастырское землевладение, осуществлена умеренная аграрная реформа; крестьяне за выкуп получали на правах частной собственности участки земли. На французский манер была реорганизована правовая и административная системы, заложены основы университетского образования, завершён перевод румынского языка с исторически сложившегося славянского алфавита (кириллицы) на латинский, усилена армия. Но правление Кузы оказалось недолгим. Реформы обходились дорого, многочисленное чиновничество обирало население, помещики выражали недовольство «излишествами» в проведении земельного закона. Радикалы осуждали склонность князя к режиму личной власти и начавшиеся гонения на оппозиционную печать. Общие цели борьбы за влияние и власть в государстве сплотили на время представителей различных политических группировок – от консерваторов-помещиков до мелкобуржуазных радикалов. В 1866 г. усилиями этой коалиции (у современников она получила название «чудовищной» – настолько противоестественным представлялся им этот альянс) Куза был свергнут. «Чудовищная коалиция» поспешила узаконить переворот. Кандидатуру на престол нашли в лице немецкого принца Карла Гогенцоллерна-Зигма-рингена. В стране установилась наследственная монархия, вокруг которой сплотились помещичье-буржуазные круги. Принятые конституционные и прочие законодательные положения (заимствованные у лучших европейских образцов) не соответствовали социальным, экономическим и государственно-политическим реалиям и оставались на бумаге. До Первой мировой войны ни один крестьянин, ни один рабочий не переступал порога парламента, власти всегда обеспечивали большинство в нем правительству, назначенному монархом, а жандармерия следила, чтобы осечки на выборах не произошло.

Черногория на всем протяжении турецкого господства на Балканах находилась в особом положении. Эта маленькая горная страна, при полном отсутствии городов и четко определенных границ, фактически никогда не признавала власти завоевателей. Взимание ими податей в Черногории производилось только в форме изредка проводимых турками военных экзекуций. В условиях изоляции от внешнего мира здесь сложилось полутеократическое православное государство во главе с митрополитами, резиденцией которых был Цетинский монастырь. Со времен Петра I установились контакты с Россией, откуда шла материальная помощь, включая денежную субсидию; с конца XVIII в. Россия почти ежегодно снабжала Черногорию хлебом. Политической программой черногорских правителей являлось приобретение плодородных земель в долинах Герцеговины, в районе Скадарского озера и выхода к Адриатическому морю, наряду с получением официальной независимости.

Национальные задачи Черногории требовали консолидации всех сил, а страна постоянно находилась в состоянии межплеменной вражды. Еще владыка Данило Негош (1697–1735), основатель династии Петровичей Негошей, проводил политику укрепления единства Черногории. Важные реформы, способствующие централизации управления, были проведены во время правлений Петра I Негоша (1782–1830) и Петра II Негоша (1830–1851). Данило Петрович не захотел принять монашество, стал светским правителем и в 1852 г. провозгласил себя князем Черногории. Он ввел подоходный налог, таможенные пошлины, принял новый кодекс законов. «Законник князя Данилы» декларировал равенство всех черногорцев перед законом, определял права и обязанности князя и других должностных лиц, регулировал семейные и имущественные отношения. Законник, составленный в соответствии с европейскими нормами буржуазного права, был важным инструментом для проведения политики централизации и стабилизации. Князь Данило также стремился к расширению черногорских территорий. В результате успешных

боевых действий черногорцев против турок в 1858 г. было проведено черногорско-турецкое разграничение, которое увеличило территорию княжества. Наследовавший после смерти князя Данилы (1860) престол Никола Петрович Негош направил главные усилия на приобретение Черногорией независимости. Эту задачу он стремился решать совместно с Сербией. Черногория в 1867 г. присоединилась к Балканскому союзу и участвовала в выработке плана совместных боевых действий. Князь Никола претендовал на лидерство в союзе и даже рассчитывал занять престол объединенного сербо-черногорского государства.

Территории Хорватии в конце XVIII – начале XIX в. переходили из рук Австрии в руки Франции и обратно. В 1797 г. в результате итальянского похода Наполеона Бонапарта Венецианская республика прекратила свое существование и ее южнославянские владения в Далмации и Истрии попали под власть Австрии. В 1805 г. они отошли Франции, а с 1809 по 1813 г. являлись составной частью созданных Наполеоном Иллирийских провинций. В 1815 г. все хорватские земли (за исключением небольшой части так называемой Турецкой Хорватии, входившей в Боснийский вилайет) были окончательно закреплены за монархией Габсбургов. Подчинялись они разным имперским центрам. Гражданская Хорватия и Славония входили в Венгерское королевство, а Далмация (включая бывшие адриатические города-коммуны Дубровник, Задар, Шибенек, Сплит, Котор и Будва с романским, романизированным и славянским населением) и Истрия с островами на Адриатическом море, вместе с Военной Границей напрямую подчинялись Вене. Таким образом от континентальной Хорватии были оторваны Далмация и Истрия, причем не только административно, но и культурно – долгое время здесь царили немецкий и итальянский языки и культура. Население хорватских земель не являлось национально однородным, значительна была в его составе доля сербского населения (от 1/2 на территориях Военной Границы до 1/5 в Далмации), кроме того в разных частях Хорватии жили итальянцы, венгры, немцы, евреи.

Воссоединение хорватских земель в одну административную единицу, для начала хотя бы в рамках Австрийской империи, было главной политической задачей хорватских патриотов на протяжении всего XIX в. Противниками хорватского административного объединения выступали как венский центр, так и венгерские политики, поскольку это мешало их унитаристским устремлениям.

В Хорватии никогда не прерывалась дворянская политическая традиция. (Хорваты были единственным из южнославянских народов, сохранившим национальное дворянство.) С конца XVIII в. помещики, хотя и непоследовательно, сопротивлялись политике мадьяризации, прежде всего – введению венгерского языка (вместо немецкого и латыни) в органы управления. Образованные круги – выходцы из небогатого дворянства, горожан, духовенства – с середины XVIII в. спорадически выступали с национально-просветительскими идеями, но только в 30-е годы XIX в. они получили общественную поддержку. Возникло общественно-политическое и культурное движение, названное иллиризмом, поскольку его идеологи заявляли, что все южные славяне являются единым народом, потомками древних иллирийцев. Признавая наличие в «народе» разных «ветвей» (хорватов, сербов, словенцев, болгар), деятели иллиризма – прежде всего для того, чтобы противостоять денационализации – призывали южных славян к сплочению в сфере культуры, но мечтали и о политическом союзе. В основе иллиризма лежала прежде всего хорватская национально-объединительная идея. При этом иллиризм стал источником не только для чисто хорватских национальных, а впоследствии и националистических политических программ, но и для юго-славистских течений. Объективно деятели иллиризма решали задачу сплочения хорватской нации из населения, разбросанного по разным землям Австрии и Турции и говорившего на родственных диалектах. Основоположником литературы иллиризма стал Л. Гай, осуществивший задачу создания общехорватского литературного языка. В 1830 г. он написал и опубликовал грамматику литературного хорватского языка (им стал диалект, на котором говорила большая часть

хорватов и все сербы – штоковщина), начал издавать газету и журнал на хорватском языке, широко пропагандировал идеи литературного и культурного единения южных славян. В 1847 г. хорватский сабор провозгласил введение хорватского языка в качестве официального на территории Гражданской Хорватии и Славонии. В 1832 г. граф Я. Драшкович выдвинул проект создания в пределах империи Великой Иллирии, т. е. объединения, способного противостоять венгерской культурно-экономической экспансии. По мысли Драшковича Великая Иллирия должна была включать в себя хорватские и словенские земли, а впоследствии, возможно, и Боснию. Но часть дворянства и чиновничества ориентировалась на Венгрию, являлась сторонницей интеграции Хорватии и Венгрии, и в 40-е годы Хорватия стала ареной острой политической борьбы между иллирийской («народняки») и провенгерской («унианисты» или «мадьяроны») группировками.

В марте 1848 г., вслед за начавшимися революциями в Австрии и Венгрии, Великое народное собрание в Загребе провозгласило программу политического объединения и автономии хорватских земель. Баном был избран граничарский полковник И. Елачич, незадолго до этого назначенный на эту должность австрийским двором. Хорваты добивались равноправия с Венгрией, и как сербы и словенцы, – превращения Австрийской империи в конституционную федеративную монархию, а в ее рамках – политического союза южных славян (австролавистская концепция). Всему этому решительно воспротивилась Венгрия. Лояльный к Габсбургам Елачич издал циркуляр о разрыве отношений с венгерским правительством. Императорское правительство, играя на славянско-венгерских противоречиях, использовало хорватское политическое движение для подавления венгерской революции. В сентябре 1848 г. армия Елачича, выполняя распоряжение императора, перешла реку Драву и двинулась на венгерскую столицу; началась хорватско-венгерская война. Революция 1848–1849 гг. на территории Австрийской империи потерпела поражение. Надежды хорватов на награду со стороны Вены за активное участие в подавлении революции в Венгрии не оправдались. Требование о воссоединении хорватских территорий в рамках автономного Триединого королевства Хорватия, Славония и Далмация выполнено не было. Единственной уступкой явилось отделение Хорватии от Венгрии и перевод ее под управление имперским властям.

Скоро выяснилось, что Габсбурги заинтересованы прежде всего в компромиссе с сильным венгерским дворянством. В 1867 г. создано дуалистическое государство Австро-Венгрия. Гражданская Хорватия и Славония снова вошли в состав Венгрии. А уже в следующем году австро-венгерской властью хорватам было навязано венгеро-хорватское соглашение: Хорватия сохранила административно-судебную и культурную автономию, но в руках венгерского правительства оказались экономика и финансы Хорватии; венгерский премьер-министр предлагал императору кандидатуру хорватского бана. В 1871–1881 гг. Хорватско-Славонская Военная Граница, потерявшая прежнее значение в качестве особого административного образования, была демилитаризована; 10 из 12 ее военных округов присоединились к Гражданской Хорватии и попали под юрисдикцию хорватского бана и сабора. Население Хорватии достигло 1,5 млн человек, из которых сербы составили одну четверть. Проблема взаимоотношений хорватов и сербов, особенно их правового и административного положения становится одной из злободневных в Хорватии.

Взятый Веней жесткий курс на централизацию, наряду с заключением венгеро-хорватского соглашения (1868), вызвали недовольство и противодействие в Хорватии. Партия «народняков» по-прежнему оставалась наиболее многочисленной и влиятельной в обществе силой. Их лидеры – епископ И. Штрессмаер и историк Ф. Рачке – стали идеологами нового направления в хорватском интеграционном движении – югославизма. Последователи иллиризма, они предложили концепцию воссоздания Хорватии в союзе с югославянскими народами империи – сербами и словенцами – и образование особой, югославянской единицы в рамках империи. Культурное, идеологическое сотрудничество

всех южнославянских народов они считали реальной основой воссоздания хорватской национальной государственности. Их позиция по вопросу реформирования империи сводилась к необходимости переговоров с венграми о совместном выступлении в Вене по вопросу об автономии Триединого королевства Хорватия, Славония и Далмация. «Народняки» активно вели поиски союзников, широко используя идею единения южных славян. В 1870 г. партия провела в Любляне Югославянский съезд, в котором приняли участие около 100 хорватских, словенских и сербских представителей, обсуждавших программу единой югославянской политики. Лидеры «народняков» вели тайные переговоры с правительством княжества Сербии, обсуждая возможные совместные действия в османских провинциях Боснии и Герцеговине. Позднее Штроссмаер и Рачки, продолжая пропаганду югославистских идей, стали ратовать за полную самостоятельность Хорватии в составе Венгрии. Другая партия – «правашей», – возглавляемая юристами А. Старчевичем и Э. Кватерником, выступила с программой государственной независимости Хорватии. Ссылаясь на утраченные «исторические права», «правашаи» выдвинули идею создания Великой Хорватии, которая объединила бы не только хорватов, но и территории словенцев и сербов (последние были объявлены хорватами). Как и великосербские планы (программа «Начертание»), панхорватизм вел к обострению хорватско-сербских отношений. Значительная часть хорватской политической элиты (главным образом крупные помещики в Славонии) и в новых условиях не видела иного способа сохранения своих социально-политических позиций и привилегий, как в сохранении лояльности венгерским властям. «Магьяронство» сохранилось до начала XX в., когда часть обуржуазившегося дворянства сблизилась, даже слилась с буржуазией, и пыталась отстаивать национальные интересы как против Вены, так и против Будапешта.

Восточный кризис 1875–1878 гг. и его итоги

Летом 1875 г. в Герцеговине и Боснии началось народное восстание против османского господства, и требования жителей выходили за рамки административных и экономических реформ. Боснийские повстанцы высказывали намерения объединиться с сербским княжеством, а в Герцоговине решающую роль играли сторонники ее объединения с черногорским княжеством. При этом католическое население (меньшинство) обеих областей выдвигало требование включить их в состав Австро-Венгрии, а именно в католическую Хорватию. В Сербии и Черногории восстание встретило отклик, к повстанцам устремились добровольцы. Вскоре восстала Болгария. Здесь еще с конца 60-х годов шла подготовка освободительного восстания. Болгарскими патриотами разрабатывались программы будущего государственного устройства их родины – от создания болгаро-турецкой дуалистической монархии во главе с султаном до Болгарской республики в рамках Дунайской федерации. Болгарские революционеры, руководимые Л. Каравеловым, Г. Бенковским, Х. Ботевым, подняли Старо-Загорское (сентябрь 1875 г.) и Апрельское (1876) восстания, которые были подавлены. Жестокость султанских властей, истребивших десятки тысяч жителей, вызвала негодование в Европе, особенно в России и других славянских странах.

В июне 1876 г. Черногория и Сербия, заключив военно-политический союз, объявили войну Турции. Княжества ставили задачу добиться полной независимости и расширения своих границ за счет соседних и этнически близких им территорий. Черногорский князь Николо Петрович Негош главные надежды возлагал на помощь России, сербский князь Милан Обренович – преимущественно на содействие Австро-Венгрии. Соперничество между династиями Обреновичей и Петровичей за приоритет в юго-славянском национально-освободительном движении, взаимное недоверие в вопросе будущих границ для княжеств определили полное отсутствие связей между Главными ставками

союзников; сербские и черногорские войска действовали изолированно друг от друга. Русское общественное мнение выразило горячую симпатию борющимся славянским народам. Велся не только широкий сбор средств в помощь жертвам карателей, но и на покупку оружия. 5 тыс. добровольцев отправились сражаться в рядах сербских войск, среди них 600 офицеров действительной службы. За ними сохранялись чины и старшинство в русской армии – в Зимнем дворце считались с настроениями общественности. Несмотря на внушительную помощь, сербы потерпели поражение. От национальной катастрофы их спас ультиматум российского правительства Порте. В феврале 1877 г. Сербия и Турция подписали мирный договор, восстанавливающий политическое и территориальное статус кво в княжестве. Наступательные операции черногорско-герцеговинских войск в целом развивались успешно. Начавшиеся в начале 1877 г. переговоры Цетинье со Стамбулом о мире вскоре были прерваны: султанское правительство не желало расширения границ Черногории.

Монархия Габсбургов стремилась воспрепятствовать созданию сильного сербского государства и лишь соглашалась на проведение в Европейской Турции ограниченных реформ. Освобождение славянских народов могло стать сигналом для их угнетенных единоплеменников в Австро-Венгрии, к тому же осенью 1876 г. в Вене было принято окончательное решение об оккупации Боснии и Герцеговины. Берлинский кабинет настойчиво советовал австро-венгерскому и российскому правительству договориться и занять ту или иную, согласованную между собой, часть Балканского полуострова. Британский кабинет стоял за незыблемость османского владычества. В Петербурге хотели добиться максимум уступок в пользу балканских славян. При этом центральное место в его планах занимала болгарская проблема, что объяснялось, в первую очередь, очевидным геостратегическим знанием Болгарии, расположенной в восточной части Балкан, в непосредственной близости к Черноморским проливам. Царское правительство до последней возможности цеплялось за мирное решение. Начавшаяся сербо-черногорско-турецкая война показала, что дальнейшее промедление поведет к потере престижа России в глазах балканских народов и авторитета власти среди собственных подданных. Добившись нейтралитета Австро-Венгрии ценой согласия на ее оккупацию Боснии и Герцеговины, Россия 24 апреля 1877 г. объявила войну Турции.

В союзе с Россией выступали балканские страны. 16 апреля Петербург и Бухарест подписали военную конвенцию, регламентирующую проход русской армии через территорию Румынии. Этим соглашением Россия фактически признавала Румынию в качестве суверенного государства. 21 мая румынский парламент провозгласил независимость страны, а правительство объявило войну Порте. Черногория возобновила военные действия с турками, а Сербия 13 декабря начала вторую войну с Турцией. Болгарские ополченцы сражались вместе с русскими частями. Партизанские отряды боснийцев и герцеговинцев, несмотря на карательные меры турок, продолжали вооруженную борьбу. Русско-турецкая война привела к решающим переменам в Юго-Восточной Европе. Крупнейшими событиями войны были штурмы и осада русской армией, к которой присоединились румынские части, крепости Плевна, оборона русскими совместно с болгарамы перевала Шипка, переход русской армии через Балканский хребет и разгром турок под Шейново. В январе 1878 г. русская армия вышла на подступы к Стамбулу. 3 марта 1878 г. Россия и Турция подписали племинарный Сан-Стефанский мир. Он предоставлял государственную независимость Румынии, Сербии и Черногории при расширении их территорий, провозглашал Болгарию автономным княжеством, предусматривал автономию для Боснии и Герцеговины. Таким образом Сан-Стефанский договор открывал для получивших независимость народов возможности для национального, экономического и культурного прогресса, ослаблял политическую и экономическую власть Порты над оставшимися под ее властью народами. В то же время намеченная территория для Болгарии – она получила название Великой Болгарии – простиравшаяся от Черного моря на востоке до сербской границы и Охридского озера на

западе и от Дуная на севере до Эгейского моря на юге, при своих огромных размерах (Великая Болгария превосходила Румынию, Сербию, Черногорию вместе взятых) и вобравшая местности с славянским, турецким, греческим, албанским населением накопила национальные противоречия в Юго-Восточной Европе. Территориальный вопрос остро встал и во взаимоотношениях России со своими союзниками по войне с Турцией. Румыния не хотела отдавать России Южную Бессарабию, предусмотренную прелиминарием. Сербия была возмущена тем, что получила территорий даже меньше, чем освободили ее войска, что было особенно обидно на фоне благоприятных условий прелиминария для Болгарии и Черногории. В Бухаресте и Белграде стали искать заступничество западных держав своим национальным интересам.

Великобритания и Австро-Венгрия встретили Сан-Стефанский договор в штыки. Их основные возражения касались Великой Болгарии, как оплота России на Балканах и ее усиления в Европе в целом. Царскому правительству пришлось согласиться на пересмотр договора в полном объеме, а не частично, как намечали в Зимнем дворце вначале. На международном конгрессе в Берлине, проходившем с 13 июня по 13 июля 1878 г., границы Болгарии были значительно сокращены, и она была разделена по Балканскому хребту. Северная Болгария объявлялась вассальным государством, платящим дань Порте, с правом выбирать себе князя, утверждаемого султаном с согласия великих держав, а также содержать войска и выработать Органический статус (конституцию). Южная Болгария – она получила название Восточной Румелии, – обретя административную автономию, возвращалась Османской империи. Конгресс признал независимость Румынии, Сербии и Черногории, но внес изменения в их границы. Территория Черногории была заметно урезана, хотя княжество сохранило плодородные герцеговинские земли и участок Адриатического побережья. Сербия, наоборот, получила приращения за счет районов в Старой Сербии. Это произошло благодаря настояниям австрийцев: в Вене, получив санкцию конгресса на оккупацию Боснии и Герцеговины, могли теперь отказаться от анти-сербского курса периода кампаний 1876 и 1877–1878 гг. и взять на себя роль покровителя интересов Сербии. Расширение страны было куплено Белградом в обмен на отказ от Боснии и Герцеговины и заключение с Австро-Венгрией конвенции по торговому и таможенному вопросам и обязательство княжеского правительства построить нужную для австрийцев железную дорогу Белград – Ниш. Румыния несколько увеличивала приобретения в Добрудже, но передавала России Южную Бессарабию. Герцеговинцы и боснийцы вместо обретения свободы попали под новое иго. Австрийские войска летом – осенью 1878 г. заняли Боснию, Герцеговину и часть Новипазарского санджака. (Санджак лежал между Сербией и Черногорией, и первоначально российская дипломатия добивалась здесь общей сербо-черногорской границы, преследуя цель способствовать сближению обоих славянских княжеств, их возможному в будущем объединению и препятствовать продвижению австрийцев вглубь Балканского полуострова). Хотя султан продолжал оставаться сюзереном этих областей, венское руководство, введя там свое управление, рассматривало оккупацию как постоянную, рассчитывая в подходящий момент превратить ее в аннексию.

Берлинский трактат 1878 г. установил новую геополитическую систему в Юго-Восточной Европе, основные компоненты которой просуществовали до Балканских войн 1912–1913 гг. Хотя конгресс существенно урезал постановления Сан-Стефанского прелиминария, западные державы не смогли изменить главных итогов русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – предоставление независимости балканским государствам и политической автономии Болгарии. Берлинский трактат явился значительным шагом в освобождении Балкан и создавал условия его народам для дальнейшего движения к прогрессу.

Обретение независимости способствовало, в первую очередь, развитию государственности в этом регионе. Четко прослеживаются при этом общие черты. Повышение статуса государства, провозглашение Румынии (1881), Сербии (1882),

Черногории (1910) королевствами, Болгарии – царством (1908). За рубежом их консульства были возведены в ранг миссий. Медленное, но все же неуклонное конституционное развитие. Все они обзавелись соответствующими сводами законов, шла борьба за расширение избирательных, гражданских, политических прав населения, в ходе которой приходилось преодолевать не только сопротивление консерваторов, но и такую застарелую болезнь монархов как стремление к усилению личной власти. Общие тенденции выступали в многообразии национальных проявлений.

Греция являлась единственным государством Юго-Восточной Европы, не воевавшей с Турцией в годы восточного кризиса 70-х годов. Несмотря на критику широких кругов общественности, политики эллинского королевства следовали курсу строгого нейтралитета. Это объяснялось, в основном, своекорыстной политикой Афин, стремившихся переложить на других риск и издержки войны, а также сильным давлением западных держав, не желавших военного выступления Греции. Официальные круги пытались расширить границы королевства дипломатическим путем, опираясь на поддержку западных держав, прежде всего Великобритании. И это им удалось. В 1881 г., в соответствии с выраженными на Берлинском конгрессе пожеланиями, Греция присоединила Фессалию и часть Эпира.

Характерной особенностью развития страны на протяжении последней трети XIX в. стала политическая нестабильность и частая смена правительств, главы которых выступали нередко с противоположных и взаимоисключающих позиций. На протяжении этого периода сменилось около 30 премьер-министров, порой пребывавших на своем посту менее месяца. На фоне многочисленных партий, нередко не имевших внятных политических программ, произошло структурирование двух основных сил, каждая из которых имела солидную социальную базу в обществе. Первая партия, возглавляемая А. Кумундуросом, а затем – Т. Делияннисом, объединяла крупных и средних землевладельцев, имевших корни в патриархальном греческом обществе и выступавших с консервативных позиций. Вторая партия, известная как «прогрессисты», возглавлялась Х. Трикуписом. В ее рядах объединялись представители новых предпринимательских слоев, интеллигенции и городского населения, а также тех, кто был связан с производственно-фабричными отраслями промышленности. Программные установки «прогрессистов» во многом были ориентированы на расширение интеграции Греции в международную экономическую систему и на увеличение присутствия иностранного капитала в стране. На протяжении 80-90-х годов правительства Трикуписа и Делиянниса – двух крупнейших греческих политиков конца XIX в. – сменяли друг друга, а борьба между ними существенно отражалась как на политическом, так и на хозяйственно-экономическом развитии страны.

Прозападная политика Трикуписа вела к усилению связей Греции с Великобританией и Францией по широкому спектру проблем. Программа действий «прогрессистов» нашла выражение в конкретной реформаторской деятельности. Прежде всего были предприняты шаги, направленные на усиление работоспособности парламента и борьбу с коррупцией в нем. В немалой степени этому должен был способствовать новый избирательный закон, предусматривавший создание избирательных коллегий, с одной стороны, и, с другой – сокращение числа депутатов парламента. Следующим направлением реформаторского курса Трикуписа стала реорганизация армии, управленческого аппарата и системы судопроизводства, а также организация полиции. Речь шла об усилении независимости судей, их несменяемости. В хозяйственно-экономической области правительства Трикуписа ориентировались на упорядочивание финансовой системы страны. Для ее стабилизации и оживления глава «прогрессистов» активно прибегал к иностранным займам и инвестициям (прежде всего британским), а также к упорядочиванию собираемости налогов. Масштабные строительные проекты, создание промышленных предприятий и реформы государственной системы требовали вливания огромных средств, которыми Греция не обладала. Сумма внешнего долга в 1879–1893 гг. достигла 468 млн

358 тыс. золотых франков. Обслуживание долга требовало до 50 % ежегодного национального дохода страны. Приходившие на смену кабинетам Трикуписа кабинеты Делианниса не могли существенно изменить ситуацию в лучшую сторону. Во внешней политике Делианнис придерживался весьма радикальных принципов. Однако принимавшиеся им меры усиливали экономический хаос и приводили к ослаблению финансовой системы страны. Увеличение дефицита бюджета становилось постоянным фактором экономической жизни Греции.

Финансовое положение в стране вызывало беспокойство иностранных кредиторов, а также представителей местной банковской элиты. Все настойчивее становились их требования о создании Государственного банка Греции, который мог бы выступать в роли ответственного гаранта предоставляемых займов, кредитов и возвращаемых процентов. Вопрос о введении международного контроля за финансами страны приобретал все большую актуальность. Приход к власти в 1893 г. Трикуписа ознаменовался объявлением Греции о финансовом банкротстве. Это заставило державы-кредиторы образовать в 1898 г. Международную финансовую комиссию, в состав которой вошли представители Великобритании, Австро-Венгрии, России, Италии и Германии. Ее задачей было обеспечение выплат процентов по греческим займам и внешним долгам. Фактически она превращалась в высший финансово-распорядительный орган Греции, которому поручался контроль над всеми финансами, сбором налогов и государственной монополией в табачной и винной отраслях промышленности.

В конце 90-х годов одним из наиболее важных в общественной и политической жизни Греции стал критский вопрос. В 1896 г. вновь обострилась ситуация на Крите, где христианское население требовало присоединения острова к Греции или введения широкой автономии. В начале 1897 г. в эллинском королевстве активизировалась поддержка соплеменников. В феврале греческие войска высадились на Крите с тем, чтобы добиться присоединения Крита к Греции, а в апреле греческие вооруженные формирования из числа волонтеров большими группами начали проникновение в оккупированную турками Македонию. 17 апреля Порты объявила греческому правительству войну, которая выявила финансовую и военную неподготовленность Греции. В ходе ожесточенных сражений часть Фессалии оказалась в руках турок. Потребовалось вмешательство великих держав (их военно-морские силы высадились на Крите), с целью не допустить общенациональной катастрофы греков. 4 декабря 1897 г. Стамбул и Афины заключили мир. Греции возвращалась Фессалия, но в руках турок оставались отдельные, важные со стратегической точки зрения пункты. Остров Крит вплоть до 1898 г. оставался под контролем великих держав. После ухода германских и австро-венгерских войск остров был разделен на британский, французский, российский и итальянский сектора. После восстания в сентябре 1898 г. в главном городе острова Кании и убийства там британского вице-короля ситуация резко обострилась. 13 ноября по отбытию турецких частей с Крита там было создано Национальное управление, во главе которого встал принц Георгиос. Номинально, однако, сохранялся суверенитет Турции над островом. Была принята специальная Конституция, а в 1899 г. на свое первое заседание собралось Национальное собрание. Фактически остров приобрел статус автономии в рамках Османской империи, но с очень широкими правами.

В Румынии «чудовищная коалиция» помещиков и крупной буржуазии, совершившая переворот 1866 г., оказалась долговременным и прочным альянсом. Специфика его заключалась в том, что промышленники, банкиры, торговцы не только пошли на союз с «силами прошлого», но и приспособились к полуфеодальным отношениям, преобладавшим в деревне и лишь медленно уступавшим место капитализму. Объяснялось это и боярским происхождением многих представителей нового класса, и особым социальным престижем, который придавало обладание именем. Конституционная монархия как строй, обеспечивающий социальную стабильность и «порядок», представлялась собственнической Румынии привлекательной и она не желала каких-либо

демократических или республиканских экспериментов. Политическая жизнь на авансцене по-прежнему протекала бурно, оппозиция бушевала и протестовала, но, придя к власти, не отменяла принятые оппонентами законы; консерваторы и либералы сменяли друг друга у руля правления, широко используя пребывание в должности в целях личного обогащения. Либеральный кабинет И. Брэтиану правил почти без перерыва 12 лет (1876–1888). Последний период вошел в историю под названием «визирата Брэтиану» – бывший революционер, радикал, сотрудник лидера итальянского Рисорджименто Д. Мадзини тасовал правительство по своему усмотрению, удаляя из него неугодных, один скандал о хищении общественного достояния следовал за другим, причем казнокрады в военном министерстве скрывались в густой пелене секретности. В обвинительном заключении, с которым выступила палата депутатов, говорилось об угрозах в отношении избирателей, о преследовании оппозиционных журналистов, разгоне собраний с помощью наемных банд, о взятках, вымогательстве, финансовых аферах, сокрытии истины от парламента. Обе партии обзавелись многочисленной клиентурой, рвавшейся к доходным местечкам, сулившим обильные побочные доходы. При всем том проводился единый внутривнутриполитический курс и соблюдалась преемственность при смене кабинетов.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Румынии существовали устойчивые реваншистские настроения и мечтали о будущей границе с Россией по Днестру, т. е. о присоединении всей Бесарабии. Добиться этого господствующие круги хотели в союзе с Германией. Убежденным сторонником прогерманской ориентации являлся «пруссак на троне» Кароль I Гогенцоллерн-Зигмаринген (1866–1914). В 1883 г. Бухарест подписал с Веной союзный договор, к которому присоединилось германское правительство. Договор, имеющий анти-русскую направленность, держался в строгом секрете и, в нарушении конституции, даже не утверждался парламентом.

На жизнь в Сербии накладывала отпечаток колоритная и неуравновешенная личность князя Милана Обреновича (умер в 1901 г.). В 1881 г. он тайне от скупщины и правительства заключил с австро-венгерским правительством политическую конвенцию, отказавшись от притязаний на Боснию и Герцеговину, и дав обязательство не вступать в соглашения с другими странами без санкции Вены. Он прекратил борьбу за объединение сербских земель и лишил страну внешнеполитической самостоятельности в обмен на признание его наследственным монархом, и притом королем. Конвенция окончательно закрепила проавстрийское направление Сербии и крепко связало Обреновичей с Габсбургами. В 1885 г., подталкиваемый австрийской дипломатией, Милан развязал войну против Болгарии. В Белграде рассчитывали использовать сложное политическое положение Болгарского княжества, обусловленное соединением с Восточной Румелией, с целью захватить ряд болгарских территорий. Авантюрный поход закончился через месяц поражением Сербии. Позиции Милана в стране были подорваны. Положение усугублялось раздорами в королевской семье, ставшими притчей во языцех, ссорами Милана с супругой Натальей. Пришлось прибегнуть к маневрам, пойти на переговоры с оппозиционной республиканской партией.

Радикальная партия во главе с Н. Пашичем была создана в 1881 г. Она опиралась на крестьян и мелкую городскую буржуазию и являлась наиболее значительной политической силой в стране. Совмещавшая требование широких демократических преобразований в духе западного либерализма и сохранение традиционных общественных институтов и ценностей, программа партии провозглашала борьбу с усилением бюрократического строя, требование «дешевого государственного аппарата», строгой отчетности и ответственности правительства перед скупщиной, расширения гражданских прав, всеобщего и равного избирательного права. В том же 1881 г. оформились еще две партии – либеральная (лидер – И. Ристич) и прогрессистская (лидер – Ч. Миятович). Они также выступали за реформирование общественно-политической и экономической жизни, но при сохранении примата центральной власти, являлись сторонниками жесткой централизации и этатизма. Либералы и прогрессисты расходились по вопросу о методах

проведения модернизации в стране, а также в выборе внешнеполитической ориентации Сербии. Либералы традиционно отстаивали курс опоры на Россию, прогрессисты считали более выгодным партнерство с соседней Австро-Венгрией.

В 1888 г. была принята Конституция, провозгласившая Сербию парламентским государством, правда с имущественным избирательным цензом. Стремясь спасти династию Милан отрекся от престола в пользу несовершеннолетнего сына Александра и удалился за границу, выговорив себе солидную пенсию. К разочарованию его многочисленных недругов, Александр, повзрослев, пригласил отца домой, назначив его главнокомандующим сербской армии. Совместно они установили режим личной власти и отменили конституцию 1888 г. Масла в огонь общественного недовольства подливала личная жизнь короля Александра: он сочетался браком с дамой сомнительной репутации Драгой Машинной. В 1903 г. последовала развязка: в результате заговора, подготовленного радикалами и осуществленного офицерами, Александр и Драга были убиты, а их тела выброшены из окон дворца на площадь. Скупщина избрала на престол Петра Карагеоргиевича, внука вождя Первого сербского восстания и основателя государства. Смена династии означала и изменение внешнеполитического курса. Пришедшие к власти радикалы возобновили главной задачей присоединение к государству других сербских земель, что было мыслимо лишь при опоре на Россию.

Черногория, после завоевания независимости, по-прежнему со всех сторон была окружена турецкими и австрийскими владениями. Получив выход к морю, настоящим морским государством она не стала. Не было ни оборудованных портов, ни средств на строительство флота. Кроме того, согласно Берлинскому трактату все черногорское побережье Адриатического моря контролировала Австро-Венгрия. Нерешенность национальных задач Сербии и Черногории обуславливалось также и открытым соперничеством двух правящих династий: сербской – Обреновичей и черногорской – Петровичей.

Черногорский престол с 1860 по 1918 г. занимал Никола Петрович. Умелый дипломат, искусный политик, деспотичный и жестокий правитель, он вел сложную политическую интригу, стремясь захватить лидерство в сербо-черногорских отношениях. Он обладал широкими международными связями, в том числе и династическими, благодаря его дочерям. Елена стала королевой Италии, Зорка – женой короля Сербии Петра Карагеоргиевича, Анастасия и Милица были замужем за русскими великими князьями и входили в круг лиц, близких русскому императору Николаю II и императрице Александре Федоровне. Никола Петрович умело использовал эти связи для организации международной поддержки своей политики. Он фактически единолично управлял страной. Созданные им Государственный совет, Совет министров и Великий суд им же и назначались, ему же и подчинялись. Никаких существенных реформ в области государственного управления проведено не было. Состав Совета министров не менялся 26 лет. Единственные достаточно последовательно проводившиеся в стране преобразования касались реорганизации армии. На это были направлены усилия правительства России, полностью взявшего на свой счет вооружение и боевое обеспечение черногорской армии, а также обучение офицеров. За счет русской казны покрывался и постоянный дефицит бюджета Черногории.

Формирование Болгарского национального государства пошло по пути закрепления произошедших в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. перемен. Принятая в 1879 г. Учредительным собранием в Велико-Тырнове Конституция утвердила в качестве государственной формы правления наследственную конституционную монархию. При этом монарх был наделен правом утверждения законов, роспуска Национального собрания, назначения новых парламентских выборов. С другой стороны, его полномочия ограничивались парламентом. Народное собрание подразделялось на Великое и Обыкновенное, т. е. регулярно созываемое. К задачам Великого Народного собрания было отнесено решение таких вопросов, как внесение изменений в Конституцию, избрание

монарха, обмен или отчуждение территорий, а Обыкновенного – разработка и принятие законов, утверждение бюджета, осуществление контроля за деятельностью правительства. Конституцией гарантировалось равенство всех прав граждан перед законом, неприкосновенность личности, частной собственности и жилища, свободы слова, печати, собраний и организаций, предоставления избирательного права всем мужчинам, достигшим 21 года, обязательное начальное образование. Конституция закрепила начавшееся буржуазно-демократическое развитие Болгарского княжества.

Первым болгарским князем был избран немецкий принц Александр Баттенберг, племянник российской императрицы Марии Александровны. Баттенберг проявил себя упорным сторонником личной власти, склонным к интриге, и убежденным противником конституционного строя. Используя внутривластные и внешнеполитические возможности, он стремился избавиться от бдительной опеки Петербурга, и искал поддержки в Лондоне и Вене.

Вскоре после освобождения в стране возникли политические группировки, оформившиеся как партии.

Ведущей политической силой, отражавшей настроения и интересы мелкой и средней буржуазии села и города и интеллигенции, т. е. подавляющего большинства народа, являлась либеральная партия. Она последовательно отстаивала принципы народного управления государством, стояла за незыблемость статей Великотырновской конституции, а во внешнеполитической области – всестороннее развитие и расширение дружественных связей со своей освободительницей Россией. Взгляды партии объективно совпадали с интересами растущей торгово-промышленной буржуазии – как с ее доктриной государственного устройства, так и внешнеполитической ориентацией, сочетавшейся с отстаиванием внутренней самостоятельности. Политическое ядро, группировавшееся вокруг П. Каравелова, пытаясь защищать мелких собственников от эксплуатации буржуазии, рассчитывало предотвратить глубокие социальные противоречия. Стремление каравелистов оградить капиталистическое общество от сопутствующих ему закономерных явлений было иллюзией. Капиталистическое развитие Болгарии создавало изменения в социальной структуре общества и в расстановке политических группировок, что привело в 1884 и 1886 гг. к организационным расколам в рядах либеральной партии. В 1884 г. из ее состава вышла группа Д. Цанкова, представляющая интересы обогащавшейся средней буржуазии. Эта группа была готова к значительным отступлениям от демократических принципов, считала необходимым пересмотреть ряд положений Великотырновской конституции. Цанковисты согласовывали свою политическую линию с русской дипломатией, выражали точку зрения последней на развитие событий в Болгарии, поставив своей главной задачей борьбу против «радикализма» каравелистов. Поборником создания нового капиталистического общества с развитой промышленностью, буржуазной модернизацией сельского хозяйства, протекционизмом во внешнеторговой деятельности выступила консервативная партия. Экономическая программа ее лидеров – Д. Грекова и Г. Начевича – на ускоренное развитие страны была в принципе прогрессивнее, чем утопическая идея о мелкобуржуазном равенстве либеральной партии. Осуществление своей программы консерваторы связывали с защитой прерогатив монархического института и их расширением, но при сохранении конституционного режима в целом. Принципиальных различий в области внутреннего курса обеих партий не было. Дискуссии между ними являлись отражением борьбы за власть немногочисленного слоя крупной буржуазии с огромной мелкобуржуазной массой болгарского народа. Тесные связи многих консерваторов с западноевропейскими предпринимателями и финансистами оказали несомненное влияние на формирование их внешнеполитической ориентации. Во всех партийных программах выражалась признательность российскому императорскому дому и русскому народу. Однако по мере усиления вмешательства царского правительства и его представителей в дела княжества в программных документах и действиях консерваторов

на передний план выступало желание ограничить это вмешательство и добиться полной самостоятельности во внутренней и внешней политике. Консервативная партия, имевшая своей социальной опорой торгово-ростовщическую буржуазию, как правило, связанную с Западной Европой, а также крупных землевладельцев и часть высшего духовенства, в 1884 г. фактически распалась и перестала играть самостоятельную роль. Значительное число консерваторов присоединилось к цанковистам, которые с этого времени заняли их место на политической арене. Лидеры консерваторов продолжали активно участвовать в политической жизни, войдя в правительственные круги установившегося в 1886 г. нового курса, взявшего на вооружение многое из их концепции политического и экономического развития Болгарии.

Большое влияние на политическое развитие Болгарии оказывал характер русско-болгарских межгосударственных отношений. Их общая линия после освобождения характеризовалась взаимопониманием и желанием тесного сотрудничества, несмотря на то, что болгарские политики имели по ряду вопросов свою точку зрения, не совпадающую со взглядами русских представителей в княжестве (с 1879 по 1885 г. болгарское военное министерство возглавляли русские офицеры; в 1882-1883 гг. во главе болгарского правительства стоял русский генерал). На международной арене русская дипломатия оказывала помощь княжеству в вопросах его политики. При этом в отношении царского правительства к Болгарии прослеживалась тенденция к вмешательству в ее внутренние дела, стремление изменить буржуазно-демократические принципы управления. Это подрывало доверие к политике России в широких кругах болгарской общественности. В свою очередь в Петербурге усиливалось подозрительное отношение к либеральному политическому руководству княжества, на Каравелова привыкли смотреть как на едва ли не революционера, а на князя Александра возлагали вину за ослабление русского влияния в Болгарии.

После решения Берлинского конгресса 1878 г. о разделении Болгарии вопрос об объединении стал главной национальной задачей болгарского народа. Движение возглавили народные комитеты «Единство». В апреле 1885 г. в столице Восточной Румелии Пловдиве (Филиппополе) был создан Болгарский тайный революционный центральный комитет (БТРЦК). Одним из его руководителей являлся З. Стоянов – борец за национальное дело, талантливый публицист, первый историограф освободительного движения в Болгарии. В программных документах БТРЦК была поставлена цель – добиваться соединения Южной и Северной Болгарии. Руководители движения установили контакт с главой софийского кабинета Каравеловым и князем Александром. 18 сентября 1885 г. члены БТРЦК с помощью народных чет и восточно-румелийских военных подразделений произвели переворот в Пловдиве: турецкие власти были изгнаны, а созданное временное правительство провозгласило соединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством под скипетром Баттенберга. Князь Александр с Каравеловым прибыли в Пловдив, приняли управление Восточной Румелией и обратились к великим державам с просьбой признать объединение. В сложившейся для Болгарии сложной международной обстановке ее войска отразили военную агрессию Сербии, а дипломатия, проявляя гибкость и решительность одновременно, добилась значительных успехов. 5 апреля 1886 г. в султанском дворце Топхане представители великих держав и Турции подписали акт, который означал международное признание объединения Княжества с Восточной Румелией. Создалось большое болгарское государство со значительными ресурсами, способствовавшими экономическому развитию; упрочилась и политическая независимость страны.

После объединения страна была поставлена перед дилеммой: Россия или Баттенберг. В обсуждении вопроса о русско-болгарских отношениях включились все политические силы и группировки в Княжестве. В августе 1886 г. группа русофильски настроенных офицеров свергла князя Александра и выслала его из страны. Сторонники Баттенберга во главе с С. Стамболовым совершили контрпереворот, и он вернулся в Софию. Однако не чувствуя

прочной опоры в стране и не получив поддержки российского императора, Александр вторично покинул Болгарию и на этот раз навсегда. В сентябре того же года в стране установился диктаторский режим Стамболова (1886-1894). Стамболов управлял страной железной рукой: преследование оппозиции, ограничение гражданских свобод, подлоги результатов выборов, доносы, избиения, политические убийства – все пускалось в ход. В то же время правительство Стамболова, укрепившись у власти, содействовало модернизации экономики, развитию производства, укреплению и обогащению буржуазии. Оно заключило с рядом стран торговые соглашения, развернуло строительство железных и шоссейных дорог, поощряло развитие промышленности.

Царское правительство попыталось прибегнуть к тактике нажима на новое болгарское руководство, но она закончилась провалом – в ноябре 1886 г. официальные отношения между Софией и Петербургом были разорваны. В июле 1887 г. Великое Народное собрание избрало болгарским князем немецкого принца Фердинанда Саксен-Кобурга. Прочно осевший в стране, завязавший связи с офицерским корпусом и элитой общества, Фердинанд тяготился опекой всемогущего министра. В 1894 г. он дал Стамболову отставку (через год экс-диктатор пал жертвой покушения). С целью примирения с Россией, Фердинанд дал согласие на переход своего наследника, малолетнего Бориса, из католичества в православие. В 1896 г. дипломатические отношения были восстановлены, но с начала XX в. Кобург все более направлял политику Болгарии в прогерманское русло.

Населению Албании и Македонии восточный кризис 70-х годов не принес ни свободы, ни автономии. Турция сохранила над ним свою власть.

Албания по условиям Сан-Стефанского договора должна была получить ограниченную административную автономию; в прелиминарии предусматривалась передача ряда земель с албанским и смешанным албано-славянским населением Черногории, Сербии и Болгарии. Это явилось толчком для активизации албанского национального движения, главным содержанием которого стала борьба за целостность албанских национальных районов. Великобритания и Австро-Венгрия поощряли развитие в Албании анти-славянских настроений. Султанское правительство, заинтересованное в пересмотре прелиминария, также раздувало у албанцев враждебные чувства к соседним с ними балканским народам. Под его патронажем было создано Общество защиты прав албанской нации (Стамбульский комитет), которое поставило своей задачей борьбу против расчленения Албании, а в перспективе – за предоставление ей автономии в рамках Османской империи. Члены этой организации – торговцы, помещики, государственные чиновники – полагали, что прав на автономию можно добиться мирным путем, исходя из той посылки, что сама Порта заинтересована в этом, ибо только таким образом, она могла сохранить суверенную власть над Албанией. И действительно, турецкое правительство не стало препятствовать ни деятельности Стамбульского комитета, ни созданию на территории Албании новой организации с аналогичными задачами. Летом 1878 г., во время работ Берлинского конгресса, в Призрене было оформлено создание Лиги – военно-политической организации, управляемой Центральным советом (Советом старейших). Среди его членов было много богатых землевладельцев, глав феодальных семей, торговцев, высших чиновников и представителей мусульманского духовенства. Наряду с албанцами в создании Лиги приняли участие славянские феодалы – мусульмане из Боснии, Герцеговины, Новипазарского санджака, Македонии. Порта благожелательно отнеслась к созданию Лиги, решения которой подтверждали стремление ее участников бороться против расчленения мусульманских земель Европейской Турции, независимо от того, какими национальными группами они были представлены.

Руководство Лиги стремилось построить организацию на религиозных принципах ислама, сделать ее орудием Порты. Этим целям должна была служить и 100-тысячная армия, начавшая формироваться по решению Лиги, чтобы обеспечить защиту границ от Черногории до болгарских земель. Решение Берлинского конгресса о передаче Черногории двух округов – Плав и Гусинье – привели к вооруженному сопротивлению

албанцев. В Центральном совете, и в комитетах Лиги, созданных на местах, выявилось радикальное течение, ставившее во главу угла не религиозные принципы, а интересы национального и государственного развития районов, населенных албанцами. Отдельные представители движения говорили уже о создании независимого государства. Лига, питаемая поднимающейся волной национального самосознания албанцев, выходила из-под турецкого влияния и контроля. В сентябре 1878 г. в Гьякове был убит маршал Мехмед Али паша, посланный султаном для переговоров с албанцами. В Лиге усилилась группа, выступавшая с требованием административной автономии Албании. Это нашло отражение в принятой в ноябре новой программы Центральным советом Лиги. С начала 1879 г. борьба Лиги развивалась по двум направлениям: против принятых международными делимитационными комиссиями решений, ущемлявших национальные интересы албанского народа, и за автономию. Неудачей для албанцев обернулась оборона порта Ульциня (ноябрь 1880 г.), а их попытки силой оружия добиться от Стамбула признания автономии кончилась разгромом военных сил Лиги турецкими войсками. К лету 1881 г. Призренская Лига прекратила свое существование, но вошла в албанскую историю как организация, попытавшаяся возродить национальную государственность.

Культурно-историческое возрождение славян Македонии, большей части жителей этой исторической области, протекало в XIX в. в русле формирования болгарской нации, и многие крупные болгарские деятели были выходцами из Македонии. Население области было весьма пестрым, включая также сербов, греков, албанцев, турок, куцо-влахов, евреев. С начала 80-х годов Македония превратилась в арену столкновений интересов Болгарии, Греции и Сербии. В 1903 г. учитель К. Мисирков выступил за разработку грамматики македонского языка, отличного от болгарского, т. е. фактически исходил из представления об особой македонской нации. Но процесс ее формирования (как и развитие освободительного движения в Македонии) был сложным и медленным. (Ныне македонцы – одна из славяно-язычных наций – составляют доминирующее население республики Македония.)

§ 12 XIX в.

Латинская Америка в XVI – начале

«Доколумбовы цивилизации» и начало Конкисты

Новый Свет – Америка, как часть света, образуемая двумя материками – Северной и Южной Америкой, на рубеже XV–XVI вв. по целому ряду параметров существенно отличался от Старого Света. Территории Центральной и Южной Америки, освоенные испанскими и португальскими колонизаторами, получили в середине XIX в. общее название Иберийской или Латинской Америки.

По мнению археологов, около 25 тыс. лет назад монголоидные племена из Северо-Восточной Азии по широкому, некогда существовавшему сухопутному мосту, переместились через Берингов пролив и, постепенно продвигаясь в южном направлении, заселили Северную, Центральную и Южную Америку. К началу эпохи Великих

географических открытий на Американском континенте сложились самобытные культуры, часть из которых находилась на стадии родоплеменного строя, часть – в процессе становления государственности. Крупнейшими индейскими государствами были империя инков – Тауантин-суйу, царство Чимор на северо-западе Перу, государства-города Майя в Месоамерике (Месоамерика – территория современных Мексики, Центральной Америки и Вест-Индии), централизованная деспотия царства ацтеков. Многие из них возникали в результате завоевательных походов после покорения и разрушения более ранних цивилизаций.

История народов Америки в доколумбов период не являлась тупиковой ветвью всеобщей истории, как ее иногда пытаются представить испанские и португальские историки. Она развивалась по общемировым законам, но отличалась специфическими чертами в сфере материальной и духовной культуры. Создал образцы высокого искусства, поэзии, художественного творчества, обработки золота, серебра, металлургии, строительства и архитектуры, возведения ирригационных сооружений, технологии возделывания незнакомых европейцам высокопродуктивных сельскохозяйственных культур (таких, как кукуруза, картофель, фасоль, томаты, подсолнух, какао, арахис, ваниль, табак и т. д.), использования лекарственных средств (хинин, бальзам), они не знали железа, колеса, не могли оказать равноценного сопротивления вооруженной огнестрельным оружием испанской коннице.

Доколумбовы цивилизации исследователи нередко считают структурно однотипными с древне-восточными обществами, находят в них черты, сходные с культурами Древней Азии. Даже после их крушения в ходе конкисты отдельные автохтонные компоненты восточного типа (прежде всего индейская община) продолжали сохраняться. Община играла исключительно важную роль в ранних государствах Америки. У истоков государства Тауантинсуйу у инков находилась община айлью, ацтеков в Месоамерике – община кальпульи, чибча-муисков на территории будущей Колумбии – община сибин. Крестьяне-общинники составляли основу социальной пирамиды, и земельные отношения в индейских государствах доколумбовой Америки строились исключительно по общинному принципу. В доколумбовой Америке, также как на Востоке, деспотические государства использовали общину для подчинения ее рядовых членов. Психология личной несвободы, взаимной зависимости, круговой поруки, была крайне удобна общинной верхушке, превращавшейся в низший слой государственной бюрократии.

Замкнутость и обособленность общинного уклада обуславливали существование в мировоззрении индейцев весьма обобщенной картины мира, владеть деталями которой могли только посвященные. Важную роль хранителя традиций играло жречество. Индейцы ориентировались на беспрекословное подчинение мифологически интерпретированной общественной иерархии. Жизнь каждого человека от рождения до смерти тотально регламентировалась и находилась под неусыпным наблюдением окружающих. Вместе с тем, коллективизм, взаимовыручка общинников обеспечивали безопасность и помогали выжить в суровых природных условиях. Каждый член общины нес свою долю ответственности за общую судьбу, воспринимал как должное отведенное ему место в жизни, вносил свой трудовой вклад в создание благополучия всего общества, отождествлявшегося с государством и его правителем. Общинные порядки искусственно консервировались и воспроизводились даже на более высоком уровне развития государственности. Например, господствующая каста Тауантинсуйу – «инки по крови», сохраняли некоторые формы общинной организации и после того, как они оказались во главе крупного государства, подчинив себе окрестные племена.

Начало испано-португальской экспансии в Америке было связано с развитием товарно-денежных отношений в Европе и, прежде всего, острой потребностью в золоте и серебре. Дефицит находившихся в обороте драгоценных металлов усугублялся тем, что значительная часть имевшихся запасов шла на украшения, предметы быта для королевских дворов и европейской аристократии, церковную утварь и другие нужды.

После появления золота, привезенного португальцами с гвинейского побережья Африки, а также издания в 1477 г. книг Марко Поло и других путешественников о богатствах Китая, Индии, Японии, «золотая лихорадка» поразила представителей всех слоев европейского общества.

Изменение геополитической обстановки на Востоке после падения Константинополя, создания Османской империи и установления ее контроля над Восточным Средиземноморьем, Черным и Красным морями значительно затруднило прежние контакты Европы с Востоком, способствовало смещению торговых маршрутов, возвышению роли иберийских стран и началу поисков обходных торговых путей в Азию. Освоение Нового Света происходило в эпоху Великих географических открытий, оказавших значительное влияние на мировую историю. Благодаря проложенным с конца XV в. морским путям мировой океан перестал разъединять жителей отдельных континентов. Значительные успехи были достигнуты в результате исследования новых мест, их описания и составления уточненных географических карт.

Открытие Америки произошло, когда стали технически возможны дальние морские экспедиции. Народы Европы накопили большой социально-экономический, научно-технический и культурный потенциал, который открыл им путь к прежде неизвестным или малоизученным континентам. В политическом плане важным было образование в Европе крупных централизованных государств, способных найти средства для финансирования и снаряжения дорогостоящих океанических экспедиций. Это касается завершивших Реконкису Португалии и Испании (после объединения Кастилии и Арагона), Нидерландов, Англии, Франции. Католическая церковь, организовавшая последний крестовый поход с помощью испанской королевской семьи, выступала в качестве идеолога завоевательной политики, рассматривая обретение новых земель в качестве способа получить новую паству, обратив в христианство язычников.

Первой на путь новых открытий в Атлантике вступила Португалия, где Реконкиста закончилась на два с половиной столетия раньше, чем в Испании. Однако почти все географические открытия португальцев долгое время были связаны с их продвижением вдоль побережья Африки. К концу XV в. Реконкиста была окончена и в Испании. Продвижение испанцев в Западное полушарие связано с именем генуэзца Христофора Колумба, и его настойчивыми поисками западного пути в Индию (12 октября 1492 г. торжественно отмечается как День Колумба; впервые его отпраздновали в 1792 г.). Его предложения были отвергнуты португальским королем, поглощенным идеей освоения уже открытых золотоносных африканских земель. Поиск сторонников в Испании при дворе Фердинанда и Изабеллы увенчался для него успехом только спустя почти десятилетие, к весне 1492 г., в год официального завершения испанской Реконкисы. В 224-дневном плавании была открыта «Вест-Индия», так первоначально были названы американские земли (Колумб так и не узнал, что открыл новый континент; даже после своей последней экспедиции он был уверен, что открыл новый морской путь в Индию, называл туземное население «индейцами».).

Все последующие экспедиции испанцев направлялись «по стопам Колумба» к западу через Атлантику. В последующие 30 лет Кортес, Грихальве, Бальбоа и другие знаменитые конкистадоры открыли и покорили значительную часть Центральной Америки, пройдя через Панамский перешеек к Тихому океану. Южную Америку одновременно с испанцами разведали португальские экспедиции Кабрала и Куэлью (Южную часть материка описал Магеллан во время своего кругосветного путешествия). Особую роль сыграл флорентиец Америго Веспуччи, который открыл устье Амазонки в составе испанской экспедиции, а затем вместе с португальцами обследовал береговую линию современной Бразилии. Веспуччи впервые высказал предположение, что открытые земли – это новая часть света. Его трактат в форме писем «Мундус Новус (Новый Свет)», изданный в Париже в 1508 г., получил широкую известность. В 1507 г. картограф из Лотарингии М. Вальдземюллер назвал новые земли в честь Америго Веспуччи Америкой.

Более полувека испанцы и португальцы даже не пытались проникнуть вглубь материка с Атлантического побережья (исключением было короткое путешествие находившегося на испанской службе Себастьяна Кабота в 1526 г.). Тихоокеанское же побережье за четверть века было разведано и освоено. Одно из направлений экспансии было исключительно сухопутным, когда военные отряды двигались с территории современной Колумбии, попадая в земли инков и индейцев баката. Второе – преимущественно морским, с использованием боевых кораблей, которые привозили экспедиции к побережью Перу. Оттуда в течение 40 лет войска отправлялись покорять государство инков. Были также совершены походы через Анды в южном направлении к Чили. Уже в начальный период освоения европейцами были заложены многие существующие ныне в Америке города.

Испанская колониальная империя

Колонии Испании были превосходящими по размерам и располагались помимо Америки, также в Азии и Океании. С Испанией не могла сравниться ни одна из великих империй прошлого. В Новом Свете испанские владения охватывали всю Центральную Америку, Вест-Индию, значительные территории вдоль горной системы Анд. Сам процесс завоевания столь обширных земель в Америке принято называть испанским словом «конкиста». Он начался с экспедиции Колумба и продолжался почти столетие. Испанская конкиста носила организованный характер. Верховным собственником всех открытых земель являлся монарх метрополии, т. е. испанский король.

Начальный этап экономического освоения новых территорий сопровождался особенно безжалостным ограблением и подчинением коренных жителей Америки. Завоевателей интересовало, прежде всего, золото инков и ацтеков. На поиски заморских сокровищ после первой экспедиции Колумба пожелало отправиться столько конкистадоров, что в 1496 г. стало возможно заложить на Эспаньоле целый город – Санто-Доминго, откуда снаряжались первые военные экспедиции. При покорении Карибских островов завоеватели сталкивались с индейскими племенами, находившимися на первобытных стадиях развития. Историки считают, что в первое десятилетие испанского вторжения был бессмысленно истреблен, погиб от завезенных болезней и жестокого принудительного труда почти миллион коренных жителей Карибских островов.

Завоевание материковой части американского континента было гораздо более сложным. Конкистадорам пришлось столкнуться с большими индейскими государствами, имевшими четкую социальную организацию, многочисленное войско и развитое хозяйство. Первым завоевателем, покорившим индейские государства ацтеков на территории современной Мексики, и пленившим повелителя ацтеков Монтесуму II, стал Эрнан Кортес. Этот обедневший идальго получил в свое распоряжение испанский отряд благодаря особой предприимчивости, расторопности и дерзости. Успехи раскрыли в нем качества бесстрашного военачальника, умелого правителя покоренных земель, где было создано первое испанское вице-королевство – Новая Испания. Войска под командованием Кортеса пополнялись всякого рода авантюристами. Например, отряд, отправившийся на покорение Мексики в 1519 г. насчитывал всего 400 солдат, 16 всадников, 200 индейцев и имел лишь 13 пушек. Но Кортес сумел воспользоваться борьбой за власть в ацтекском государстве, разжечь вражду между влиятельными вождями подвластных ацтекам племен.

Испанские конкистадоры являли собой особый исторический тип, облик которого определялся Реконкистой – процессом обратного отвоевания народами Пиренейского полуострова в VIII–XV вв. территорий, захваченных и на протяжении восьми веков удерживавшихся арабами. Испанцы провели в войне с маврами все пятнадцатое столетие.

В Кастилии, Леоне и других районах Испании периода Реконквисты жизнь нескольких поколений в обстановке постоянной опасности заставляла проявлять инициативу и предусмотрительность, принимать в интересах самосохранения самостоятельные решения. В результате в Испании возник многочисленный слой людей, превративших умение воевать в профессию. Это были мелкие рыцари-идалго (или фидалгу в также пережившей Реконквисту Португалии), ряды которых пополнялись и крестьянами, и рядовыми горожанами, способными приобрести военное снаряжение. После Реконквисты они остались не у дел и смогли применить свои умения в Новом Свете, составив основную массу конкистадоров. В своей стране они сражались в защиту веры, что придавало их жизни религиозную одухотворенность. Высокие цели служения христианизации язычников соединялись у мелкопоместных дворян с меркантильными задачами добывания себе богатства. Конкистадоры были орудием процесса первоначального накопления, но их способ обогащения не был связан с производительным трудом, а скорее, соответствовал реакционным феодальным структурам.

Опыт Кортеса помог осуществить следующий колониальный проект. В 1531–1533 гг. было окончательно завоевано Перу. Этот важнейший акт конквисты знаменовал победу над наиболее сильным индейским государством – страной инков Тауантинсуйу. Военной экспедицией руководил Франсиско Писсаро. В прошлом безграмотный пастух к моменту своего исторического похода заслужил славу опытного и находчивого командира конкистадоров. Состав его войск был столь же пестрым, как у Кортеса, но гораздо меньшим по численности (на завоевание государства инков и захват его столицы отправился отряд, в котором было только 130 солдат и 37 кавалеристов).

Европейские колонизаторы воспользовались традицией беспрекословного подчинения деспотической власти. Как Кортес, так и Писсаро стремились пленить и заставить себе служить верховных правителей империй ацтеков и инков – Монтесуму II и Атауальпу, которые единолично принимали политические решения. Таким образом, возможности сопротивления правящей верхушки значительно ограничивались. Испанцы учли и недовольство племен, покоренных инками и ацтеками незадолго до европейского завоевания. Умело нагнетая междоусобные конфликты, Писсаро невероятно быстро и с минимальными потерями выполнил задачу захвата власти и создания новой колониальной провинции – вице-королевства Перу. С его территории вдоль тихоокеанского побережья в 1535–1540 гг. отправлялись на дальнейшие завоевания экспедиции Диего де Альмагро и Педро де Вальдивия. В 1536–1538 гг. в поисках легендарных золотых кладов экспедицией Гонсало Хименеса де Кесада была установлена власть над высокоразвитыми племенами индейцев чибча-муисков. Продвижение испанцев было надолго задержано лишь сопротивлением индейцев-арауканов на юге современного Чили.

Создание на землях ацтеков вице-королевств означало установление режима нещадной колониальной эксплуатации и сопровождалось катастрофическим уменьшением численности индейского населения. Если в 1519 г. только на территории Мексики было около 25 млн индейцев, то к началу XVII в. их число уменьшилось до одного с небольшим миллиона человек. Истребление значительной части автохтонного населения имело следствием привоз из Африки негров и использование их в качестве рабов в хозяйственно-экономической жизни колоний. Одним из немногих, кто поднял свой голос в защиту индейского населения Латинской Америки, был выдающийся испанский писатель-гуманист, описавший историю открытия и завоевания Америки, священник Бартоломе де Лас Касас. Однако попытки Лас Касаса защитить индейцев оказались безуспешными.

Наиболее важным итогом столь быстро и успешно осуществленной конквисты испанские монархи считали овладение богатыми источниками драгоценных металлов, большая часть которых оказалась в метрополии. В целях увеличения потока драгоценностей из Америки испанская королевская чета Фердинанд и Изабелла разрешила переселяться в Новый Свет всем испанским подданным, принявшим

обязательство две трети всего добытого ими золота вносить в испанскую казну. На сходных условиях короли разрешали организовывать новые экспедиции и помогали их оснащать.

В условиях военной обстановки формировались основы колониальной системы, которая была полностью направлена на удовлетворение потребностей метрополии без учета задач внутреннего развития покоренных территорий. Система принимала формы примитивного ограбления покоренных стран и народов. Происходило фактическое порабощение местного населения и раздел колониальных земель вместе с жившими на них индейцами между крупными собственниками. Эта система получила название репартимьенто (исп. *repartimiento* – «распределение»).

Следующий этап экономического освоения американских территорий начался в 40-е годы XVI в. Он характеризовался, с одной стороны, формированием аппарата колониальной администрации. Уже в первой половине XVI в. испанской короной было создано два вице-королевства: Новая Испания (Мексика, Центральная Америка, Венесуэла, Карибские острова) и Перу (остальные части покоренной Южной Америки). Ряд областей в их составе располагали фактической автономией и управлялись генерал-капитанами (Санто-Доминго, Гватемала и др.). Главы всех административных единиц представляли испанского короля и назначались исключительно из испанской знати. С другой стороны упорядочивалась экономическая жизнь в целях извлечения максимальной прибыли от эксплуатации местного населения и природных ресурсов.

Поощрялось сельскохозяйственное освоение земель. Земля и недра оставались собственностью монархов метрополии, которые признавали неотчуждаемыми только майораты, земли общинников, церкви и монастырей. Крупные собственники земли – латифундисты – пользовались большим влиянием в колониальном обществе. Повсюду, на пригодных для обработки землях создавалось плантационное хозяйство, основанное на принудительном труде завезенных из Африки рабов, каторжников из Европы, а также индейцев-общинников.

В основе созданной в колониях Испании иерархической системы оказалась политика консервации индейской общины. Организовать в кратчайшие сроки более или менее эффективный аппарат колониального управления в районах, где уже существовали раннеклассовые общества, можно было, адаптировав к своим потребностям отлаженный на протяжении веков и привычный для населения механизм осуществления господства правящей элиты. Испанская монархия и католическая церковь воспользовались традициями деспотической власти инкской и месоамериканских цивилизаций, объявив, что верховная власть над подданными индейских империй переходит от прежних правителей к испанскому королю, который возглавляет властную пирамиду в обществе. Симбиоз испанского феодализма с общинным строем индейцев привел к созданию экономической системы, склонной к стагнации. Общинная организация труда облегчала внеэкономическое принуждение индейцев.

На обширных плантациях производилась преимущественно продукция для экспортной торговли. Система репартимьенто не отвечала новым задачам и постепенно была вытеснена системой энкомьенды (исп. *encomienda* – «попечительство», «защита», «покровительство»). Индейцы, номинально считавшиеся свободными, объявлялись собственностью испанского короля, который передавал их на попечение (энкомьенду) отличившимся конкистадорам – энкомьендеро. Закабаление индейцев было произведено методами, которые успешно применялись в самой Испании периода Реконквисты (IX–XIV вв.) Энкомьенда тогда предусматривала передачу поселений «под защиту» военно-религиозных орденов или лиц, облеченных властью, которые после принятия на себя обязательств, становились «энкомьендеро».

Устаревший феодальный институт энкомьенды оказался вполне уместен в Испанской Америке. Фактически закрепощенные индейцы должны были выплачивать налог в пользу

своего энкомендеро, оказывать ему «личные услуги» в качестве домашней челяди, выполнять трудовые повинности на его землях, рудниках, мануфактурах. Оформление энкомьенды стало отправным пунктом формирования крупной земельной собственности в Латинской Америке. Королевская власть, передавая контроль над индейскими поселениями частным лицам, решала сразу несколько задач. Главным было то, что конкистадоры превращались в легитимных феодальных сеньоров, которые получали в свое распоряжение рабочие руки. Рост их социального статуса позволял упорядочить взаимоотношения с королевской властью, и регулярно отправлять в казну четвертую часть поборов с индейцев-общинников. Общинная верхушка – касики – служила удобным буфером между рядовыми общинниками и колонизаторами.

Беспощадная эксплуатация индейцев сопровождалась приобщением их к христианским обычаям, что также возлагалось на энкомендеро. По мнению ряда исследователей, энкомьенда являлась одновременно и формой социально-экономической эксплуатации, и средством превращения местного населения в смиренных христиан, безропотно принимавших свое новое положение. Не следует преуменьшать и военного значения энкомьенды. В условиях, когда отправка профессиональных армейских подразделений в американские колонии была дорогостоящей и затруднительной операцией, военные отряды, организованные из индейцев, обученных и снаряженных отдельными энкомендеро, стоявшими во главе и отвечавшими за боевой дух своих солдат, были важным элементом поддержания порядка. Отряды использовались для проведения карательных экспедиций, в том числе подавления индейских восстаний в соседних районах. Такого рода военная служба была обязательной для индейских мужчин повинностью. После выполнения задания ополченцы возвращались к мирному труду.

С появлением новых собственников, не обладавших энкомьендой и вынужденных арендовать общинников для работы при расширении посевных площадей, строительстве новых шахт и предприятий, потребовалось принятие «Новых законов». Количество энкомьенд и полномочия их обладателей сокращались посредством возвращения многих общинников под патронаж королевской власти. Колониальная администрация сама стала привлекать индейцев-общинников на принудительные общественные работы, проводимые по типу существовавшей у инков с доколумбовых времен трудовой повинности (мита) или мексиканской традиции (куатекиль), но с оплатой труда индейцев через общинные кассы. На основе обычая инков – митмака, колониальные власти практиковали также насильственное переселение общинников в другие районы в соответствии с потребностями государства. Местами отработок часто становились отдаленные рудники.

Задача вывоза из американских колоний драгоценных металлов не теряла важности на протяжении последующих столетий. Некоторые из знаменитых серебряных рудников Мексики не исчерпаны до наших дней. В Перу, на территории современной Боливии, была разведана серебряная гора Сьерра-Рико-де-Потоси, где к концу XVI в. добывалось серебра больше, чем во всей Западной Европе (в XVI–XVII вв. эта местность считалась наиболее богатым месторождением серебра в мире).

С момента изобретения амальгамирования серебра ртутью работа на серебряных рудниках для индейцев стала равносильна смертному приговору – обычно более полугодом выдержать не мог никто. Рабочая сила индейцев была дешевой и легко пополняемой, благодаря системе принудительных отработок. Индейцы жили в условиях крайней нищеты. Часто они употребляли в пищу листья вечнозеленого кустарника коки, которые уменьшали утомление, притупляли чувство голода и вызывали прилив бодрости.

Помимо индейцев-общинников и чернокожих рабов основную массу жителей колоний составляли лично свободные сельские жители. Бедняки из метрополий, надеявшиеся получить участок земли, их потомки, называемые креолами, как все белые, рожденные в Америке, различные группы метисного и коренного населения получали в собственность парцеллярные наделы или заселяли пустующие земли короны, организуя примитивное

натуральное хозяйство. Развитие городской жизни в Латинской Америке долгое время было слабым: городское население региона составляло менее 10 %. Малые города росли в местах добычи полезных ископаемых, в районах новой сельскохозяйственной колонизации, крупными становились портовые города.

Рынок свободной рабочей силы до конца XVIII в. оставался крайне узким. Историки отмечают, что наемные рабочие (пеоны) на рудниках получали ощутимую часть добытого серебра и золота, а пастухи (льянерос) могли потребовать плату вперед. Мобильность и предприимчивость наемных поденщиков, уверенность в постоянном спросе на свой труд, способствовали в дальнейшем их активному участию в вооруженной освободительной борьбе против колонизаторов.

В XVIII в. ускорился процесс этнического развития. Возникали группы свободного метисного крестьянства, которые формировали новые народные традиции. Гаучо на Ла-Плате, льянеро на территории современных Венесуэлы и Колумбии, ранчери в Мексике отличались повышенным свободолобием и горячностью нравов. Не случайно, как считают историки, районы наиболее интенсивной метисизации, где свободное население превращалось в наемных работников (Венесуэла, Новая Гранада, Ла-Плата, Мексика), стали центрами революционной активности в период Войны за независимость 1810–1826 гг. В Бразилии негры становились основной рабочей силой, вытеснившей индейцев. Смешиваясь с индейцами и потомками европейцев в мулатные этнические типы, они влияли на черты складывавшегося бразильского быта, искусство и народное творчество. Они также проявляли непокорность, часто бежали от хозяев плантаций, оказывая отчаянное сопротивление властям.

Португальская колониальная империя

Португальские колониальные владения в XVI в. включали территории главным образом в Азии (вице-королевство Индии), а также в Африке и Южной Америке. Открытие американских земель экспедицией Педру Алвариша Кабрала в апреле 1500 г. во время путешествия в Индию вокруг Мыса Доброй Надежды не вызвало энтузиазма в Португалии. Поиски путей на Восток представлялись долгое время гораздо более важными. В то время, когда первые исследователи пытались обнаружить хоть что-то полезное на пустынных побережьях Бразилии, заселенных нищими племенами, поток сказочных богатств направлялся из первых колоний цветущей Индии и берегов Африки, где один только захваченный португальцами Золотой Берег давал до 10 % всей мировой добычи золота.

Замедление колониальной активности португальцев было связано с тем, что в 1581–1640 гг. их страна входила в состав Испании, а также ей случилось временно утратить контроль над Бразилией, попавшей в руки голландцев. Неудачи в европейской политике, способствовали тому, что Португалия не смогла удержаться в Индии и попала в зависимость от британской короны. Это побудило ее направить главные силы в Новый Свет.

Португальская колониальная система отличалась тем, что метрополия «точечно» выделяла отдельные важные в стратегическом и торговом отношении опорные пункты и не тратила силы для освоения окрестных территорий, полагая, что они и так окажутся под контролем. В колониальных походах для Португалии была характерна ставка на демонстрацию силы, шантаж, обеспечение морского превосходства, что давало хорошие результаты в Азии, но было чрезмерно для рассеянных по суше небольших индейских племен.

Стремление к сплошной колонизации больших территорий не было свойственно португальцам в связи с тем, что численность населения самой страны была сравнительно невелика, и это ограничивало потенциал миграции. Наиболее активные слои населения в трудоспособном возрасте были вовлечены в освоение богатых азиатских и африканских колоний. Даже на землях метрополии наблюдалась нехватка рабочих рук, часть земель была выведена из сельскохозяйственного оборота, часть подверглась запустению. Овладев Невольничьим Берегом между устьями рек Вольты и Нигера, где находились самые густонаселенные районы Африки, португальцы первыми с 1530 г. начали ввозить на территорию своих американских колоний чернокожих рабов, когда выяснилось, что главным богатством американских колоний являются плодородные почвы, на которых можно возделывать сахарный тростник и другие колониальные культуры. Работоторговцы предпочитали высокорослых и сильных работников из африканских племен мандинге, сонгаи, мосси.

На северо-востоке Бразилии возникли первые плантации сахарного тростника, что ускорило дальнейшую колонизацию страны. Сахар высоко ценился в Европе. Бразилия была на протяжении полутора веков его главным производителем и поставщиком на мировой рынок. Спиртные напитки из тростника – ром и тростниковая водка – также были популярны в Европе и приносили неплохую прибыль португальским купцам.

Рост населения Бразилии происходил высокими темпами. Для работы на плантациях не прекращавшимся потоком ввозились чернокожие рабы с португальского побережья Африки. Охотно принимались для работы в шахтах европейские каторжники. Свободная европейская иммиграция в Бразилию началась лишь в годы пребывания на американской земле португальского монарха, разрешившего иностранцам покупать землю, но заметной она стала лишь во второй половине XIX в. Население метрополии охотно отправлялось в колонию по экономическим причинам, а после того, как Португалия стала превращаться в английский протекторат, а затем в зону оккупации наполеоновских войск, появились политэмигранты.

Немалую роль в освоении Бразилии, как и в Испанской Америке, сыграла и католическая церковь. Например, португальскими монахами-иезуитами в январе 1554 г., в день Св. Павла, был основан миссионерский центр Сан-Паулу, в наши дни ставший одним из крупнейших городов мира. Церковные и монастырские земли были под защитой королевской власти. Церковь обеспечивала идеологическую поддержку колониального режима и получала десятую часть всех налоговых отчислений.

Владения других держав в Центральной и Южной Америке не были значительны. Голландцы обосновались лишь на острове Кюрасао и побережье Гвианы. Англичане и французы были активны в Северной Америке. Колониями Англии были лишь несколько групп островов и часть побережья Гвианы. Франция владела островами Гваделупа и Мартиника в Вест-Индии, частью побережья Гвианы и некоторое время частью острова Гаити, где в конце XVIII в. появилась французская колония Сан-Доминго.

Латинская Америка в XVIII – начале XIX в. Предпосылки Войны за независимость

Развертывание освободительного движения в Латинской Америке являлось естественным продолжением всего предшествующего этапа взаимоотношений между колониями и метрополиями. Экономические предпосылки Войны за независимость были связаны с ростом хозяйственного потенциала колоний, превращением их в отдельную составную часть единого мирового хозяйства. На рубеже XVIII–XIX вв. тесное

взаимодействие Нового и Старого Света стало неотъемлемой чертой международных отношений. Латинская Америка оказалась втянута в орбиту пришедших с Запада рыночных отношений. Искусственное ускорение колонизаторами технико-экономического прогресса носило односторонний характер, и было направлено на развитие аграрно-сырьевых отраслей. На протяжении столетий складывалась и совершенствовалась система ограбления колоний. Стремясь увековечить отсталость в их развитии, как можно дольше сохранить для себя источник ценных видов минерального и сельскохозяйственного сырья, а также бесконкурентный рынок готовой продукции, Испания и Португалия разрабатывали комплекс мер по детальной регламентации экономической жизни Латинской Америки.

Налоговые сборы в колониях были крайне обременительными, затрудняя появление свободных капиталов, поскольку большая часть средств покрывала нужды метрополий. Помимо подушной подати приходилось платить десятину, алькабалу (при осуществлении любых торговых операций), королевский кинто (пятую часть добытых полезных ископаемых) и другие налоги. Взимались импортные и экспортные пошлины, налоги на недвижимость и множество других мелких платежей.

Экспортная ориентация хозяйственной жизни оставалась характерной чертой иберийских колоний в Америке на всем протяжении их истории. Торговля колоний между собой была незначительна по объему. Развитие внутреннего рынка ограничивалось низкой покупательной способностью основной массы населения, множеством запретов. В интересах короны колониальные власти создавали искусственные препятствия для развития местной промышленности, чтобы гарантировать монополию Испании на ввоз готовой продукции. Все экономические контакты с другими иностранными государствами были под запретом. Чтобы колонии поставляли продукцию только в метрополию и через них – на европейский рынок, создавались монопольные ограничения и таможенные барьеры. Строго запрещалось производить те виды продукции, которые ввозились из метрополий (под запретом находилось даже выращивание олив, винограда, льна). Монопольной была продажа наиболее ходовых потребительских товаров: соли, изделий из табака, алкогольных напитков, гербовой бумаги и др.

Однако, несмотря на все усилия, остановить поступательное экономическое развитие колониальным властям было не под силу. Товарность сельского хозяйства росла. Креольские землевладельцы и торговцы, а также сами представители колониальных властей в погоне за прибылью расширяли посевные площади, увеличивали плантации кофе, какао, табака, сахарного тростника и других культур, пользовавшихся неизменным спросом на мировом рынке. Ваниль, красный стручковый перец чили и другие виды перца, происходившие из Нового Света, приносили торговцам прибыль более 2000 %. Структура мировой торговли в конце XVIII в. в значительной степени базировалась на морских перевозках крупных масс грузов и оптовой биржевой торговле. К XVIII в. здесь лидировали Англия и Франция, имевшие свои колонии в Новом Свете и ведущие борьбу за приобретение новых рынков с помощью пиратства и контрабанды. Создав базу флибустьеров и буканьеров вблизи испанской колонии Санто-Доминго, французские власти к 1697 г. закрепили за островом свой суверенитет, оттеснив испанцев на восточное побережье.

Стараниями европейских держав постепенно укреплялись связи иберийских колоний с внешним рынком (помимо метрополий). Наряду с сельскохозяйственными культурами и пряностями вывозились ценные породы дерева, природные красители, ценившиеся на вес золота, поделочные и драгоценные камни, предметы роскоши, а также, с появлением в Европе первых музеев – предметы индейской старины инков, майя и ацтеков. Вплоть до освобождения Иberoамерика оставалась основным поставщиком драгоценных металлов.

Если в целом усилия метрополий были направлены на сдерживание роста крупного товарного производства и сохранение сырьевой ориентации колоний, то для экспортных

предприятий было сделано исключение. Львиную долю амальгамированного ртутью серебра Мексики и Перу давали крупные рудники, являвшиеся вполне современными предприятиями того времени, оснащенными машинами и механизмами, а не мелкие копи, где использовались примитивные приспособления и орудия труда. Владельцы горнодобывающих предприятий, бразильских алмазных и золотых копей, золотых приисков Новой Гранады вынуждены были вкладывать средства в расширение производства, закупку оборудования, содержание рабов и привлечение наемных работников. Крупное производство предполагало содержание гарнизонов вооруженной охраны, строительство ремесленных мастерских для первичной обработки руды и цехов для производства небольших партий готовых изделий для местных нужд. Кроме того, необходимо было строить охраняемые дороги и водные каналы для вывоза продукции к побережьям и крупным портам. Это в свою очередь, требовало привлечения дополнительных рабочих рук, создания сельскохозяйственных ферм по производству продовольствия, поселковой или городской инфраструктуры для тех, кто работал на горнорудных предприятиях и тех, кто их обслуживал.

На рубеже XVIII–XIX вв. в колониях Испании и Португалии заметно возрос объем местной промышленной продукции, и появилось множество стекольных, хлопчатобумажных, мыловаренных и других мануфактур, продукция которых покрывала спрос на внутреннем рынке. Развивалось мукомольное, кожевенное, шелковое производство, строились саладерос – предприятия по засолке мяса, судостроительные верфи, текстильные фабрики. Владельцы фазенд в Бразилии устраивали в своих хозяйствах крупные предприятия (энженью) по переработке сахарного тростника. Мириться с ростом товарности колониального ремесла и мануфактуры испанцев и португальцев заставляло главным образом то обстоятельство, что производимая ими дешевая потребительская продукция была рассчитана на внутренний рынок, на снабжение наемных работников, рабов и низших слоев населения, для которых привезенные из-за океана товары были недоступно дороги.

Между тем, потребности внутреннего рынка колоний в промышленной продукции постоянно расширялись. Вскоре их перестали удовлетворять отсталые Испания и Португалия, которые делали ставку на экспорт колониальных товаров и не могли предложить сопоставимого промышленного импорта. Перечень ввозимых ими товаров был крайне скуден. Главными товарами экспорта из Испании, например, долгое время были вино и оливки.

В целях сокращения обозначившегося экономического отставания, стремясь компенсировать его дополнительными поступлениями из колоний, а также для защиты своего монопольного положения в торговле и борьбы с контрабандой, мадридское правительство в 1764 г. несколько ослабило регламентацию торговли. Для расширения товарного обмена метрополии с колониями были дополнительно открыты порты в Испании и в Америке, снижены таможенные тарифы. Ряд других вынужденных реформ, проведенных Испанией и Португалией в 60-80-е годы XVIII в. по изменению административного устройства и реорганизации управленческого аппарата, не избавил заокеанские колонии от препятствий, затруднявших свободное экономическое развитие. Вместе с тем, меры по либерализации торговли и предпринимательства содействовали формированию и консолидации в Новом Свете слоя собственников, заинтересованных в полном освобождении от колониальных пут. Вызревали социальные условия независимости.

Креолы, которыми называли всех родившихся в колониях «чистокровных» испанцев, и которые на самом деле могли иметь примесь индейской либо негритянской крови, занимали промежуточное положение между полновластными иберийскими колонизаторами и бесправными широкими слоями автохтонного, негритянского и метисного населения. К креольскому населению принадлежала большая часть помещиков, колониальная интеллигенция, низшее духовенство, служащие административного

аппарата и армии. Часть креолов занималась торгово-промышленной деятельностью, владела рудниками и мануфактурами. Среди креолов были также мелкие землевладельцы, ремесленники. Номинально креолы обладали равными правами с испанцами и португальцами из метрополий, но на деле они подвергались определенной дискриминации и назначались на высшие должности лишь в порядке исключения.

Крупные земле- и шахтовладельцы, креольское купечество, табачные, сахарные, шоколадные «короли», бразильские фазендейру, связанные с экспортными операциями, судовладельцы и промышленники сколачивали крупные состояния. В сфере аграрного экспорта они не имели конкуренции, когда торговали специфической продукцией колониального земледелия. Им было также легко соперничать с европейцами в животноводстве и зерновом растениеводстве в силу сравнительной дешевизны рабочих рук, наличия плодородных почв на гигантских свободных территориях, благодатного климата, позволявшего получать несколько урожаев в год.

В их среде росло недовольство ограничительной политикой метрополий. Экономическое притеснение мадридских и лиссабонских властей дополнялось политической дискриминацией. Вся власть в колониях была сосредоточена в руках назначенцев, рожденных в Европе, аристократов, связанных с королевскими дворами метрополий. Они находились на колониальной службе временно, стремились обогатиться перед возвращением на родину. До той поры, пока они не обзаводились собственностью, их мало интересовал ход дел в заокеанских владениях, была чужда судьба их жителей. Защита интересов королевской казны, обеспечение спокойствия и исполнение всех инструкций двора являлись их главными задачами.

Стремление высших слоев американского общества к независимости отражало уверенность креольской знати в том, что она сможет руководить сложившейся экономической системой ничуть не хуже иберийских назначенцев. Креольские верхи были вполне подготовлены к самоуправлению. В колониях существовал такой элемент средневековых вольностей Испании как городское самоуправление, организованное в муниципальные органы (кабильдо или аюнтамьенто). Несмотря на все попытки колониальных властей лишить его реального веса, институт кабильдо сохранял значение, свидетельствовал о возможностях общественного самоуправления, о существовании элементарных ростков демократии. Вместе с тем, менять сложившуюся систему подчинения и эксплуатации общественных низов креольские землевладельцы и купцы вовсе не собирались. Главным для них было избавиться от мелочной опеки и притеснений колонизаторов, от необходимости делить с ними сверхприбыли динамично развивавшегося в Латинской Америке хозяйства.

Специфика политической ситуации в Латинской Америке заключалась в том, что в отсутствие сильного третьего сословия и широких, политически активных предпринимательских слоев латифундисты брали на себя роль политического лидера в решении общенациональной задачи освобождения от реакционных колониальных пут и проведения либеральных, по сути, буржуазно-демократических преобразований. «Креольские феодалы» были больше других слоев общества заинтересованы в ликвидации колониальных запретов, развитии товарно-денежных отношений, реализации буржуазных свобод, прежде всего таких, как свобода торговли и бизнеса. Монархические идеи, за редким исключением, не пользовались популярностью, поскольку сложившиеся влиятельные и богатые кланы креольской элиты не имели оснований признать превосходство кого-либо из равных себе при основании новой династии (Бразилия стала исключением, только в силу стремительности произошедших там изменений, когда широкие, в том числе, креольские слои не успели включиться в освободительную войну, и португальская династия предложила своего монарха). Республиканские идеи открывали гораздо более заманчивые перспективы участия во власти.

Недовольство проявлялось в многочисленных заговорах, саботаже, сепаратистских выступлениях креольской знати. Она также выступила организатором креольского ополчения, выделяла средства на вооружение и оснащение добровольческих отрядов в провинции, а нередко и сама создавала военные отряды, выступая в качестве ударной силы. Так, в Бразилии формировались специальные отряды (бандейры) охотников за беглыми индейцами, которые предпринимали настоящие захватнические походы, осваивая внутренние территории страны, накапливая настоящий боевой опыт. Таким образом, креольская элита являла собой инициатора Войны за независимость. Она имела цели, идеологию, политический опыт и волю, финансовые средства и материальные ресурсы.

Широкий размах Война за независимость смогла принять благодаря наличию в колониях «горючего материала» – значительного количества доведенных до крайности бесправием и экономическим гнетом людей. Никогда не прекращалась борьба индейцев против европейских колонизаторов. Они нередко уходили от хозяев, бежали из общин, спасаясь от служивших испанцам и португальцам соплеменников-угнетателей, объединялись с плантационными рабами, пастухами, рабочими рудников и приисков. Из создававшихся в горных районах или в непроходимых тропических лесах укрепленных поселков паленке, киломбо или мокамбо восставшие осуществляли походы, завоевывая города и даже целые провинции.

В народном эпосе хранилась память о боевых подвигах предводителей народных восстаний против завоевателей. Еще в начале колонизации, в 1536 г., в Перу вспыхнуло восстание индейцев во главе с талантливым вождем, представителем правящей инкской династии, которого сами испанцы провозгласили Верховным Инкой – Манко Капаком и его сыновьями Саири Тупаком и Тупаком Амару. Только в 1572 г. оно было подавлено. Память об этом породила легенды. Спустя 200 лет, в 1780 г., в Верхнем Перу началось восстание во главе с потомком последнего правителя инков, касиком Хосе Габриэлем Кондорканки, который принял имя Тупака Амару II, за восстановление инкского государства и отмену колониальных повинностей (имя Тупак Амару впоследствии неоднократно принималось вождями индейских повстанцев).

В Новой Испании в 1680 г. началось восстание индейцев пуэбло, которое продолжалось 12 лет. Чилийские арауканы добились в 1726 г. от испанцев очередного признания свободными их земель южнее реки Био-Био (Араукания). В 1712 г. борьбу вели мексиканские индейцы Чиапаса, в 1761 г. – Юкатана, в 1767 г. – Мичоакана. В Перу в 1742–1756 гг. существовала «индейская империя» Х. Сантоса Атауальпы. Мощное восстание комунерос в 1781 г. потрясло Новую Гранаду, когда повстанцы двинулись на город Боготу, чтобы свергнуть вице-короля и уничтожить испанское владычество. Для их подавления колониальным властям пришлось вызвать армейское подкрепление из других районов. Можно привести множество подобных примеров. Всех их объединяет стремление индейцев к освобождению от колониального угнетения, к отмене подушной подати и других ненавистных налогов и повинностей.

Массовыми были и выступления негров-рабов. Их движение против колониального режима особенно широко разворачивалось в португальской Бразилии. В 1630 г. беглые рабы под боком у колонизаторов в дикой сельве создали просуществовавшую до конца XVII в. «Республику Пальмарес (Пальмовую)» со своей столицей Макаку. В 1710 г. в Пернамбуку, а также в более поздний период в других районах вспыхивали мятежи сепаратистов, выступавших за отделение Бразилии от метрополии.

Заговоры креолов, разрозненные народные восстания и мятежи латиноамериканских патриотов, учащавшиеся по мере накопления опыта сопротивления колонизаторам, а также по мере обострения противоречий между слабеющими метрополиями и набиравшими силу колониями, до поры терпели поражение. Но к концу XVIII в. они стали сливаться в единый поток, отражая господствующие среди жителей колоний настроения.

Широкие слои колониального общества, участвовавшие в освободительном движении, стали движущими силами Войны за независимость.

Расшатывало устои колониальной системы также ухудшение внешнеполитических позиций Испании и Португалии. Далеко не последнюю роль в успехе Войны за независимость сыграла благоприятная международная ситуация. Еще по результатам Войны за испанское наследство (1701–1714) Испании пришлось предоставить англичанам монопольное право ввоза в Испанскую Америку негров-рабов из Африки, согласившись также на создание британских торговых факторий в различных пунктах побережья Карибского моря. Это облегчило английским купцам и пиратам контрабандную торговлю с испанскими колониями в Вест-Индии и на побережье Карибского моря. Когда испанцы попытались усилить охрану побережий, стали арестовывать британские торговые суда и конфисковывать их груз, отношения с Англией вновь обострились. Англичанам удалось разрушить единство иберийских монархий. Португалия в ходе Войны за испанское наследство попала под влияние Англии. Как и в случае с Испанией, британцам удалось получить значительные торговые привилегии, как в самой Португалии, так и в ее американских владениях. В дальнейшем английские купцы установили фактическую монополию на торговлю с Бразилией.

В 1739 г. началась англо-испанская война. С началом общеевропейской Войны за австрийское наследство (1740–1748) английский флот, продолжая военные действия против Испании уже под предлогом ее союзнических отношений с Францией, в 1740–1742 гг. атаковал ряд прибрежных территорий Венесуэлы, Панамы и других колоний. В ходе Семилетней войны (1756–1763), англичане захватили Гавану и вернули ее Испании только в обмен на Флориду.

Испортив отношения с революционной Францией и вступив с ней в войну (1793–1795), испанская монархия потерпела поражение и от бывшего союзника и была вынуждена уступить контроль над своей частью острова Санто-Доминго. В довершение, возглавивший Францию Наполеон вновь втянул Испанию в анти-британскую коалицию, потребовал присоединиться к «континентальной блокаде», что было слишком опасно и противоречило интересам колониальной торговли. Он также поручил испанскому монарху оккупировать в 1801 г. союзную англичанам Португалию, окончательно лишив потенциального союзника на случай анти-колониальной войны. Не имея сил противостоять давлению Наполеона, Испания позволила втянуть себя в катастрофическую для ее связей с американскими владениями авантюру. В 1805 г. объединенный испанско-французский флот был фактически уничтожен у мыса Трафальгар британским адмиралом Нельсоном. Это сильно ослабило военные и транспортные возможности метрополии, придав дополнительную уверенность сторонникам Войны за независимость в колониях.

Что касается Португалии, то ее международное положение ослаблялось не только периодическими конфликтами с Испанией, но и во многом определялось интересами англичан, решавшими за ее счет свои задачи не только в Европе, но и в Латинской Америке. Десантные экспедиции английских войск на Ла-Плату в 1806–1807 гг., например, были произведены именно с территории португальской колонии Бразилии.

Внешние факторы стали сильнейшим катализатором идеологической подготовки колоний к вооруженной борьбе за свое освобождение.

Колониальные власти стремились изолировать испанские и португальские владения в Америке от всего остального мира, но прогрессивные идеи западноевропейского Просвещения все же проникали в Иberoамерику и способствовали активизации борьбы против колониального режима. Рост революционных настроений был связан с таким впечатляющим внешним фактором, как успех североамериканских колоний в борьбе с метрополией, гораздо более могущественной, чем Испания или Португалия.

Особенно сильное воздействие на просвещенные умы в колониях оказала Великая французская революция и труды ее идеологов. Накануне Войны за независимость в Иberoамерике развернулась острая идеологическая борьба. События в Испании были для нее дополнительным стимулом. От соотношения демократических и консервативно-феодальных сил в метрополии зависел исход интеллектуальных дебатов в колониях. Латиноамериканские креолы легко восприняли демократические идеи европейских просветителей. Наследники предприимчивых конкистадоров традиционно высоко ставили значение личной свободы, индивидуальной инициативы. Испанское свободолюбие и мятежный дух, закаленный в процессе конкисты, имели следствием существование в Новом Свете на протяжении всего колониального периода отчетливо выраженных сепаратистских тенденций.

Духовно-психологическое размежевание колониального общества с метрополиями сопровождалось расширением мировоззренческих горизонтов, формированием нового, креольского мировосприятия, дополнялось осознанием того, что в колониях существует отличная от Испании самобытная общность. Успехи в хозяйственном развитии стимулировали интерес к идеям экономического либерализма, свободной конкуренции в торговле и предпринимательстве. Приобщение американских колоний к мировому рынку помогало креольской элите осознать разительный контраст между экономикой иберийских монархий и других великих держав Европы, которые в тот период олицетворяли «современность», передовую техническую и экономическую мысль.

В XVIII в. в Латинской Америке утрачивали свою просветительскую роль созданные в колониальный период при дворах вице-королей объединения философов и политиков, королевские научные общества, привилегированные университеты, монашеские ордена. Создавались элементы «гражданского общества»: периодическая печать, объединения патриотической интеллигенции, масонские ложи, общества друзей европейских стран, креольские литературные кружки, на заседаниях которых обсуждались книги Вольтера, Мабли, Рейналя, Руссо. Косность и приверженность схоластическим догмам католической церкви, безраздельно господствовавшей в колониях и стремившейся удержать под контролем духовную и интеллектуальную жизнь общества, превращала некоторых участников освободительного движения в ярых атеистов, поклонников естественно-научного мировоззрения, последователей французских энциклопедистов.

Формировалось латиноамериканское Просвещение, органично впитавшее в себя достижения передовой общественной мысли Европы и окрасившее ее яркими красками латиноамериканской этно-конфессиональной специфики. Развитие образования и искусства в колониях, появление талантливых естествоиспытателей, педагогов, историков, этнографов, увлекавших креольскую молодежь передовыми идеями, способствовало формированию целого поколения выдающихся мыслителей и общественных деятелей, охваченных духом патриотизма и жадной исторического творчества.

Революционно настроенная интеллигенция колоний болезненно переживала поработенное положение Латинской Америки, искала ответа на вопрос о путях уничтожения колониального ига. В тайных кружках обсуждались книги европейских либералов, документы Великой французской революции. Эталоном оставалась революционная Франция. Залогом всестороннего прогресса стран Латинской Америки многие видные ибероа-мериканские просветители (эквадорец Ф.Х. Санта-Крус-и-Эспехо, колумбиец А.А. Нариньо, перуанец Х.И. Унануэ, бразильцы И.Ж. Алваренга Пейшото, К.М. да Коста) считали внедрение в колониальное общество европейских отношений и идей, перенос на американскую землю республиканских институтов. Показательно, что упомянутые латиноамериканские мыслители были знакомы с опытом Петра I в России, считали его образцом «просвещенного абсолютизма». Такой вариант приобщения к западному образу общественной жизни и организации производства, сложившийся в ходе

длительной исторической эволюции и в уже готовых формах перенесенный на «свежую» почву иной цивилизации, виделся им вполне обнадеживающим.

Накануне войны наиболее выдающиеся представители передовых кругов Иberoамерики, такие, как революционный генерал М. Бельграно, Франсиско Миранда, энциклопедисты Ф.Х. де Кальдас, переводчик «Декларации прав человека и гражданина» А.А. Нариньо, А. Бельо, С. Родригес и другие знакомились с североамериканскими и европейскими образцами конституционных проектов, с произведениями идеологов Великой французской революции и трудами «отцов-основателей» США. Некоторые борцы за независимость имели личный опыт участия в европейских революционных войнах. Так, например, венесуэлец Франсиско Миранда сражался в армии Вашингтона, а затем в рядах французской революционной армии. В 1786-1787 гг. побывал в России. В 1806 г. пытался поднять восстание в Венесуэле.

Стремление во что бы то ни стало порвать с Испанией привело в идеологии к поискам существенных особенностей иbero-американского начала. В мировоззрении политиков и ученых гуманистов нашло выражение стремление широких слоев латиноамериканского общества к освобождению от колониального гнета и установлению независимости, связанное с пробуждением национального самосознания. В XVIII в. во время философской полемики о Новом Свете прогрессивная интеллигенция латиноамериканских стран стремилась воспринять все лучшее из опыта Европы и одновременно утвердить право на «духовный суверенитет», на создание неповторимой и оригинальной культуры. «Американские испанцы» в ходе этой полемики постепенно перестали ощущать себя европейцами. Зрело самосознание новой общности, воспринимавшей себя особой нацией – «американцами». Креольская верхушка вынуждена была признать, что в Испанской Америке складывается особый синтезированный этнос метисов, впитавший в себя, помимо испанской основы, все лучшее из наследия индейских цивилизаций и африканских культур. В основе идеологии «американизма», вдохновлявшей Войну за независимость, лежали идеи равенства народов, ценности каждого из них для мировой истории, требования суверенитета, «свободы, равенства, братства». Приобретала популярность идея всечеловеческого единства, всемирной ценности исторического опыта каждого народа.

Весьма впечатляющее действие на креольских патриотов оказали события на острове Гаити. На этом когда-то открытом Колумбом и названном Эспаньолой острове испанские конкистадоры основали свой первый город Санто-Доминго, который служил перевалочной базой для завоевательных походов на континент (в дальнейшем название Санто-Доминго закрепилось за испанской колонией на Гаити).

В 1697 г. западную часть острова захватили французы, создав там свою самую богатую переселенческую колонию Сен-Доменг (Сан-Доминго) и оттеснив испанцев к восточному побережью. К концу XVIII в. они полностью овладели островом, ставшим на некоторое время крупнейшим поставщиком сахара и какао на европейский рынок. Преобладающим населением на острове стали завезенные на плантации чернокожие рабы и их потомки. Французская революция, декларируя права человека, предоставила островитянам представительство в Учредительном собрании и помогла создать местные представительные органы. Креольское население «большие» и «маленькие» белые попытались принять Конституцию, лишавшую гражданских прав рабов и свободных мулатов. Несвободное негритянское население острова по причине невыносимых условий жизни неоднократно поднималось на борьбу против колонизаторов на протяжении всего колониального периода.

В 1791 г. на острове началось восстание рабов. Французам не хватило сил подавить его в связи с начавшейся в 1793 г. войной с Англией и Испанией. Вождем повстанцев стал бывший раб Туссен-Лувертюр, знакомый с трудами французских просветителей, и пришедший к убеждению, что человек должен и имеет право быть свободным. Положение

в Сан-Доминго стало предметом обсуждения в Законодательном собрании Франции. В ходе борьбы восставшим рабам было обещано освобождение от рабства. Когда в 1793 г. началась война между Францией и Англией, британские десанты оккупировали часть территории острова. Французское правительство произвело Туссена в дивизионные генералы и назначила главнокомандующим войсками французской колонии. Армия Туссена была узаконена и смогла изгнать англичан с Гаити. Ее попытались привлечь на свою сторону и испанцы, предложившие негритянским вождям генеральские должности за помощь в установлении испанского контроля над всем островом и восстановлении рабства. Эта консервативность стоила Испании гаитянских владений. Туссен-Лувертюр лавировал в поисках союзников во имя единственной цели – сохранения свободы негритянского населения и мулатов, которые по совокупной численности на порядок превосходили креолов. В 1793 г. негры и мулаты, находившиеся на положении рабов, были объявлены свободными.

Пришедший к власти во Франции Наполеон решил реставрировать колониальный режим и отправил экспедиционный корпус для расправы с негритянской армией. В 1802 г. началась народная война. Попытки Туссена договориться с французами привела к его аресту и гибели во французской тюрьме. Его соратник Дессалин возглавил освободительную армию негров и мулатов, воспользовался сложным положением французского гарнизона, британской блокадой острова с моря и наголову разбил колонизаторов.

1 января 1804 г. была обнародована Декларация независимости нового государства, которое приняло название Гаити, а рожденный в семье раба Жан-Жак Дессалин получил титул пожизненного губернатора. После объявления Наполеона императором Франции, Дессалин осенью 1804 г. был коронован как император Жак I. Надолго удержать власть ему не удалось – уже в 1806 г. при подавлении мятежа мулатов в условиях французской и американской блокады острова, он попал в засаду и был убит. В начавшейся затем борьбе за власть гаитянкам все же удалось сохранить независимость.

Успех освободительного анти-колониального движения в Сан-Доминго, ставшего первым независимым государством в Латинской Америке, был воспринят в испанских и португальских колониях как вдохновляющий пример. Впервые освободительная армия показала, что можно изгнать колонизаторов – и испанцев, и гораздо более сильных французов. На практике были реализованы демократические лозунги Великой французской революции. Бывшей колонией была обретена государственная самостоятельность, уравнено в правах все население, навсегда уничтожено рабство.

Следует признать, что при всей своей важности, такие внешние факторы, как Война за независимость США, Великая французская революция, успешное восстание рабов в Сан-Доминго, оккупация войсками Наполеона Бонапарта Испании и Португалии, лишь стимулировали процессы, уже происходившие в Иберийской Америке, где задолго до этого начали вызревать не только материальные, но и идеологические предпосылки освободительного движения.

Освободительное движение 1808–1810 гг.

В начале XIX в., когда экономическое и политическое положение американских колоний Испании и Португалии значительно ухудшилось из-за роста поборов, прежде всего, в связи с участием метрополий в разорительных для них европейских войнах, анти-колониальные настроения населения резко усилились. Это вызывало серьезную тревогу колониальных властей. К тому же нельзя было исключить опасность со стороны

европейских держав и США, стремившихся использовать ситуацию в своих целях. На протяжении двух предшествующих десятилетий вожди освободительного движения – Ф. де Миранда, П. Варгас и др. пытались найти в Европе, прежде всего в Великобритании, силы, способные оказать военную поддержку приближавшейся освободительной войне. Британский военно-морской флот прикрывал в 1806 г. высадку в Венесуэле десанта под предводительством Миранды. Провал этой операции подтолкнул британцев к прямой интервенции силами своих вооруженных сил. В расчете на то, что удастся получить поддержку патриотов и вытеснить испанцев, заняв их место, Англия, которая к этому времени была главным экспортно-импортным партнером испанской Ла-Платы, предприняла в 1806–1807 гг. две попытки вооруженного вторжения. Ей пришлось испытать на себе боевые качества местного ополчения, которое, не дождавшись поддержки напуганных колониальных властей, получило оружие от местной знати и действовало столь решительно и умело, что смогло вытеснить регулярные английские войска из захваченных ими Буэнос-Айреса и Монтевидео.

Непростым было положение португальцев в Бразилии. Изгнанный в 1807 г. французами с португальского трона регент Жоан (в дальнейшем король Жоан VI) под охраной английского флота перебрался со своей семьей, двором и частью армии в Бразилию. Королева Карлотта попыталась воспользоваться оккупацией Испании наполеоновскими войсками и заявила о праве представлять в Америке интересы своего брата – испанского короля Фердинанда VII, удерживаемого во Франции. Авантюра Карлотты не удалась. Впоследствии демарш Карлотты был учтен патриотами и в тексты деклараций о независимости латиноамериканских государств были включены объявления об освобождении от колониального ига не только собственной метрополии, но и любой другой иностранной державы.

В самой Испании, оккупированной войсками Наполеона Бонапарта, в марте 1808 г. произошло отречение от престола Карла IV в пользу его сына Фердинанда VII. Вмешательство Наполеона, превратившего королевскую семью в заложников, привело к повторному отречению испанского короля, уже в пользу французского императора, и передаче трона его брату Жозефу Бонапарту. Эти события вызвали партизанскую войну испанского народа против завоевателей. В Севилье была создана Центральная хунта, объявившая суверенным главой Испании короля Фердинанда VII. Ее декретом территории в Новом Свете были объявлены интегральной частью монархии, а их жители уравнены в правах с испанцами, хотя конкретных действий не последовало.

Все эти события вызвали растерянность колониальных властей. Признав Центральную хунту, администрация стремилась сохранить колониальный режим в прежнем виде. Начались разрозненные выступления недовольных таким ходом событий креольских патриотов, выдвигавших политические требования. Первые вооруженные восстания вспыхнули в 1809 г. в ряде городов крупной горнопромышленной области – Верхнем Перу. С большим трудом испанцы подавили эти выступления, вызвав карательные войска из Новой Гранады.

Весной 1810 г. революционная хунта Каракаса (Венесуэла) объявила о смещении колониальных властей. В мае того же года началась национальная революция на Ла-Плате. В августе креольские аристократы Кито в результате переворота создали верховную хунту и провели анти-колониальные реформы. В июле произошло восстание в Сантьяго и Боготе. 16 сентября – вооруженные выступления в Мексике, а затем и в других частях испанских владений в Америке.

Таким образом, после 1810 г. на огромном пространстве от Мексики до Чили первые разрозненные выступления привели к началу широкой Войны за независимость. В ходе войны обозначились четыре основных района: Новая Испания и Центральная Америка; северная часть Южной Америки; вице-королевство Рио-де-Ла-Платы; Тихоокеанское побережье Южной Америки.

Первый этап освободительной войны (1810–1815)

Центром освободительного движения на севере континента стала Венесуэла. Созданная в Каракасе Верховная правительственная хунта первое время правила именем Фердинанда VII, но вскоре провозгласила независимость Венесуэлы. Попытки получить международную помощь ни к чему не привели. В Лондоне после негативного опыта интервенций в 1806–1807 гг. весьма прохладно отнеслись к перспективам сотрудничества. Во главе Национального правительства встал возвратившийся в страну в июне 1810 г. Франсиско Миранда. В марте 1811 г. при участии молодого европейски образованного офицера, выходца из богатой креольской семьи, Симона Боливара была принята демократическая Конституция, согласно которой Венесуэла объявлялась республикой. Первая республика в Венесуэле начала свое существование. Однако народные низы ничего не получили от нового строя. Высокие налоги, необходимые для укрепления национальной власти, а также стремление республиканцев провести либеральные реформы ценой отмены общинного землевладения и сгона массы мелких землепользователей с бывших королевских или государственных земель, их отказ учесть интересы наемных работников, индейского и негритянского населения вызвали массовые протесты. Колонизаторам, при поддержке верхушки католического духовенства и реакционно настроенных имущих слоев населения, удалось манипулировать недовольством народа для уничтожения либеральной республики. Ситуация для сторонников Миранды и Боливара осложнялась произошедшим в столице разрушительным землетрясением, повергшим в страх рядовых обывателей.

В такой обстановке в начале 1812 г. испанские войска начали наступление. Лишившаяся широкой социальной базы республиканская власть была деморализована неудачами и проявила нерешительность. Хотя армия повстанцев не была полностью разбита, Миранда подписал соглашение с испанским командованием о капитуляции, сдал Каракас и намеревался покинуть страну на английском военном корабле для подготовки новой армии. Он был заподозрен в измене, арестован недавними соратниками, среди которых был и С. Боливар, попал в руки испанских властей, отправлен в Испанию, где в 1816 г. умер в тюрьме.

Власть испанцев в Венесуэле была восстановлена. Однако пожар войны перекинулся на соседнюю Новую Гранаду. Там была принята конституция, и шел процесс создания конфедерации соединенных провинций. Группа венесуэльцев во главе с Боливаром, которому удалось уйти от преследований испанских генералов, приняла участие в борьбе с колониальными властями (роялистами) Новой Гранады. Там Боливар смог организовать многочисленный сводный отряд добровольцев, который совершил удачный военный рейд на территорию Венесуэлы. В 1813 г., несмотря на сохранение испанскими войсками контроля над рядом провинций страны, патриотическим силам удалось занять столичный город Каракас и создать Вторую Венесуэльскую республику во главе с Боливаром. Городские власти присвоили ему почетное звание Освободителя Венесуэлы, а позднее, в связи с обострением военной обстановки, он был провозглашен диктатором и наделен неограниченными полномочиями.

Республиканцы, вынужденные считаться с интересами богатых землевладельцев, финансировавших ополчение, не смогли отменить рабство, снизить налоги, ввести широкие демократические свободы. Уроки из неудачного опыта первой республики не были извлечены, и республиканцы вновь оказались лишены массовой поддержки. В результате, роялистская армия перешла в наступление. Против патриотов выступил бывший офицер испанской армии Хосе Бовес, возглавивший конные отряды льянерос

(пастухов) и прозванный «Аттилой степей». В созданный им «адский легион» вливались авантюристы, преступники, бродяги, военные ветераны. В августе 1814 г. патриоты были разгромлены, и Боливару пришлось вернуться в Новую Гранаду, где ему поручено было решить с помощью своих отрядов задачу создания единой конфедерации.

Фактором, негативно повлиявшим на исход борьбы повстанцев, стало изменение политической обстановки в Испании. Вернувшийся на престол после разгрома наполеоновских сил король Фердинанд VII решил укрепить испанский колониальный режим в Южной Америке, отправив туда крупные воинские подразделения под командованием маршала Морильо.

В отличие от северных районов континента, на юге национальное движение было в меньшей степени консолидировано. На Ла-Плате важные события развивались в Буэнос-Айресе. В ходе Майской революции 1810 г. там была создана Временная правительственная хунта с участием молодых, радикально настроенных офицеров и политиков Мариано Морено, Мануэля Бельграно, Хуана Хосе Кастельи. Организованная хунтой национальная армия освободила от испанских войск значительную часть территории Ла-Платы. Она вела успешные операции вплоть до 1813 г., когда испанское командование перешло в контрнаступление с территории Перу.

Хунта в Буэнос-Айресе была ослаблена внутренними разногласиями, а также сепаратистской политикой отдельных провинций, стремившихся к полной самостоятельности. Буэнос-Айресское правительство вынуждено было, например, в разгар войны с роялистами начать блокаду Парагвая, силой пытаясь заставить его войти в конфедерацию. В 1813 г. были созданы Объединенные провинции Рио-де-ла-Платы и принят ряд декретов, носивших общедемократический характер.

Натиск роялистов усилился в 1814 г. в связи с прибытием в Новый Свет свежих войск из Испании. И все же испанцы не смогли разгромить патриотов Ла-Платы, во главе Северной армии которых был поставлен талантливый военачальник, кадровый офицер, участник партизанской анти-французской войны в Испании Хосе де Сан-Мартин. Колониальным властям приходилось распределять свои войска по нескольким районам, охваченным освободительным движением.

В Чили в 1810 г. временная правительственная хунта была создана при участии чиновников колониальной администрации во главе с бывшим губернатором. Потребовалось активное давление провинциальных хунт, чтобы роялистское правительство было смещено и возглавивший новый орган власти молодой амбициозный офицер Хосе Мигель Каррера стал фактическим диктатором. Любые попытки ограничить его полномочия расценивались как происки монархической оппозиции. Даже после ряда собственных военных неудач он не согласился с решением хунты поставить во главе освободительной армии Бернардо О'Хиггинса (члена тайного патриотического общества Ф. Миранды), и организовал в Сантьяго военный переворот. Разногласиями среди патриотов воспользовались испанцы. В октябре 1814 г. им удалось восстановить колониальный режим в Чили.

Большой размах приняла освободительная борьба в самой северной испанской колонии Новой Испании (Мексике). Здесь обезземеливание крестьян и переход общинных земель и горных выработок в руки испанских и креольских землевладельцев обусловили активное участие в борьбе чернокожих рабов, ремесленников и индейцев, исполнявших трудовые повинности в шахтах и на горных выработках. Во главе широкого народного движения встали самые радикальные вожди войны за независимость – разжалованный инквизицией в приходские священники ректор духовной семинарии Мигель Идальго, а после его гибели – другой священнослужитель, бывший пастух – Хосе Мария Морелос.

К 1810 г. в ряде провинциальных городов Мексики уже действовали заговорщические органы нации – временные правительственные хунты. В хунте города Керетаро активную

роль, помимо Идальго, играли офицеры Альенде и Альдама. Призвав соотечественников к восстанию против колонизаторов в 1810 г., хунта стремилась объединить под лозунгом независимости различные слои общества, придать движению массовость. Это имело роковые последствия для лидеров повстанцев, навлекшим на себя гнев тех соратников, которые принадлежали к привилегированным слоям колониального общества и не были расположены к радикальным экономическим и политическим изменениям. Овладев городом Гвадалахарой, Идальго издал декрет об уничтожении ряда регламентации и монополий, установленных испанцами, ликвидировал рабство, объявил о передаче части земли латифундистов крестьянам. Такие действия вызвали массовый переход представителей обеспеченных слоев движения, офицерства и бывших чиновников на сторону испанцев. В январе 1811 г. испанская армия нанесла решающий удар по армии повстанцев. М. Идальго и другие видные руководители в результате предательства были захвачены в плен и казнены.

Террор испанцев и массовые расправы с повстанцами спровоцировали новый подъем анти-колониального движения в Мексике. Партизанские отряды парализовали деятельность возрожденной колониальной администрации. Соратник М. Идальго, Х.М. Морелос, возглавил новую освободительную армию. Тем временем в Испании кортесами была принята Кадисская конституция 1812 г. В ней, наряду с принципом монархического устройства единой Испанской империи, провозглашалось равное представительство метрополии и колоний в кортесах, признавались гражданские права всех жителей колоний, не имевших примеси негритянской крови, вводились некоторые демократические свободы. В 1813 г. созванный по инициативе Морелоса Национальный конгресс принял Декларацию о независимости, подтвердил декреты, изданные в свое время Идальго, принял решение о передаче крестьянам церковных земель, и в 1814 г. на основе Конституции провозгласил Мексику республикой, введя новые демократические свободы. Осуществить реформистскую программу лидерам освобождения было не суждено. В 1815 г. роялистская армия, усиленная посланными Фердинандом VII из Испании войсками, разбила основные силы повстанцев. Морелос и его сподвижники попали в плен и были казнены.

В Центральноамериканских провинциях Сальвадоре, Никарагуа, а также в Гватемале анти-испанские заговоры 1811-1813 гг. потерпели поражение. В Перу восстание во главе с братьями Ангуло и примкнувшими к ним предводителями местных индейцев, начавшееся в 1814 г. уже через год было подавлено.

В Испанской Америке практически повсюду, кроме Ла-Платы, колонизаторам удалось «навести порядок» карательными мерами. Это стало возможным в значительной степени из-за того, что внешние обстоятельства также приняли крайне неблагоприятный для восставших колоний характер. Война 1812–1814 гг. между Англией и США сковала силы обеих стран и лишила креольских лидеров потенциальных сторонников. Реставрация Бурбонов в Испании, Франции, как и создание в 1815 г. Священного союза европейских императоров, объективно увеличили в Европе анти-республиканские силы, вставшие на сторону испанского монарха.

В Бразилии освободительное движение развивалось не столь стремительно, как в Испанской Америке. Присутствие короля на территории страны, его усилия по реорганизации хозяйства колонии и повышению его доходности, по развитию образования, науки, искусства, по отмене торговых регламентаций и открытию колониальных портов для иностранной торговли отчасти смягчали протестные настроения в бразильском обществе. В то же время, расходы на содержание пышного двора, на увеличение военного бюджета и содержание растущего числа чиновников требовали новых налогов. Ужесточалось внеэкономическое принуждение индейского и негритянского населения. Засилье португальской бюрократии вызывало недовольство креольской знати, которое не удалось устранить даже преобразованием капитанств в провинции и созданием в 1815 г. Объединенного королевства Португалии, Бразилии и

Алгарви (так называлась южная часть Португалии). Получив статус королевства, Бразилия стала формально равноправной частью «Объединенного королевства». Однако упразднение колониального статуса Бразилии еще не означало обретения независимости. Борьба продолжалась.

В целом по континенту, 1815 год стал временем кратковременного торжества колониальных властей. Либеральные реформаторы столкнулись с недоверием народных низов и консерватизмом креольской землевладельческой верхушки, что помешало им сформировать единый фронт сторонников независимости. Первый натиск борцов за независимость испанских колоний был отражен, а в португальских владениях предотвращен.

Второй этап Войны за независимость (1816–1926)

На протяжении второго этапа Войны за независимость действия патриотических сил были более удачны. Объективные причины, обусловившие анти-колониальное движение, так и не были устранены, подпитывая подспудное недовольство. В ходе вооруженной борьбы из среды патриотов выдвинулись молодые лидеры освободительного движения, представители нового поколения креольской элиты, вдохновленные идеями национализма. Молодые офицеры и политики приобрели опыт ведения боевых действий против регулярной испанской армии. Создавая ополчения они выработали политические навыки взаимодействия с народными массами, извлекли уроки из первых, не всегда удачных, попыток установления республиканского правления и конституционного строя в специфических условиях полиэтнического метисного общества с многоукладной экономикой. Многие из них попробовали себя в роли диктаторов с неограниченными полномочиями.

Задачи колоний и метрополии теперь кардинально разошлись. Антииспанские настроения в колониях резко усилились с реставрацией испанской монархии после разгрома Наполеона. Фердинанд VII усилил борьбу против освободительного движения в южноамериканских колониях. Однако в Испании вспыхнула вторая революция (1820–1823). Она началась с мятежа армейских подразделений, готовых к отправке в колонии с очередной карательной миссией. Офицеры во главе с подполковником Рафаэлем Риего отказались подчиняться приказу. На протяжении трех лет посылать мятежные части в Америку было слишком опасно, что в решающий момент оставило испанские колониальные власти без резервов и подкрепления, сыгравших когда-то в начальный период Войны за независимость определяющую роль.

Очагом, из которого пламя освободительной борьбы распространилось по всему континенту, стала так и не покоренная карателями Ла-Плата. Наибольших успехов достигли патриоты в Парагвае, где после провозглашения республики в 1813 г. удалось отбить все попытки испанцев восстановить свою власть. Патриотическое правительство Буэнос-Айреса было явно недовольно сепаратистской политикой этой и некоторых других провинций, например, Восточного Берега (Уругвай). Оно молчаливо согласилось с португальской интервенцией на территорию Восточного Берега, где уругвайским патриотам во главе с Артигасом пришлось самостоятельно организовывать сопротивление. Под ударами превосходящих сил регулярной португальской армии, а также в связи с предательской позицией буэнос-айресских унитариев, стремившихся подчинить провинцию, сторонники самостоятельности Уругвая были в начале 1820 г. разгромлены, покинули родину и перебрались в Парагвай.

Неуступчивость внутренних провинций создала реальную угрозу раскола патриотических сил на Рио-де-Ла-Плате. Для ее преодоления весной 1816 г. в Тукумане был собран конгресс, который объявил независимость Объединенных провинций Ла-Платы и поставил вопрос о государственном строе. Сторонники унитарного государства одержали победу над федералистами. К компетенции «Верховного правителя», которым стал Пуэйрредон, было отнесено назначение губернаторов провинций.

В том же, 1816 г. скрывавшийся от испанцев на Ямайке С. Боливар начал готовить десантную операцию с целью освобождения Венесуэлы. В то время он и его сподвижники осознали важность решения социальных проблем, в первую очередь, необходимость освобождения рабов. После нескольких неудачных попыток небольшой отряд Боливар высадился в устье Ориноко, одержал ряд побед на северо-востоке страны и при поддержке населения начал освободительный поход. Под знамена Боливар встали не только освобожденные рабы и индейские крестьяне, но также креольская знать, обнадеженная декретами о конфискации собственности испанской короны, представители различных неимущих слоев общества, которые откликнулись на декреты о наделении землей всех солдат освободительной армии. Как и во времена североамериканской Войны за независимость, в Новый Свет потянулись добровольцы из многих европейских стран, для которых борьба с тиранией на родине была невозможна в силу господства международной реакции под сенью Священного союза (общая численность иностранных волонтеров превышала пять тысяч человек). В армии Боливар сражались и волонтеры из России. Из США поступали боеприпасы и оружие, ехали волонтеры.

На юге континента к концу 1816 г. была сформирована Андская армия Сан-Мартина, в которую влились чилийские отряды О'Хиггинса. Она двинулась на Чили, совершив героический переход через Анды и застав врасплох испанские войска, нанесла им серьезное поражение в битве при Чакабуко в феврале 1817 г. После этого дорога на Сантьяго была открыта. Восставшие жители города облегчили разгром главных роялистских сил и провозгласили верховным правителем Чили Сан-Мартин, который сославшись на необходимость продолжать войну, передал эти функции О'Хиггинсу. В начале 1818 г. была подписана декларация о независимости Чили. После отражения попыток колонизаторов взять реванш, в том же году была принята временная конституция, регламентировавшая жизнь в стране, подтверждавшая полномочия правителя, которым до 1823 г. оставался О'Хиггинс.

Эти события получили отклик во всех испанских колониях Америки. В течение 1817–1818 гг. армия Боливар на севере Южной Америки одержала ряд побед. Чтобы закрепить их, патриоты, не дожидаясь падения столицы, собрали второй Национальный конгресс в Ангостуре. 15 февраля 1819 г. Венесуэла вновь была объявлена независимой республикой, во главе которой встал С. Боливар.

В поисках наиболее слабых мест обороны противника Боливар направил свою Освободительную армию через Анды в Новую Гранаду. Богота была взята, а затем и значительная часть вице-королевства вышла из под контроля колонизаторов. Боливар назвали Освободителем Новой Гранады. По предложению Боливар ангостурский конгресс объединил Венесуэлу и Новую Гранаду в Федеративную республику Великая Колумбия, приняв ее Конституцию, одобренную в Боготе в начале 1820 г. Однако Колумбия пока существовала только на бумаге.

Сан-Мартину на юге, тем временем, предстояло совершить поход на Перу, ставшее цитаделью испанского владычества в Южной Америке после отвода туда основных сил колонизаторов. Подготовка военной операции проходила в обстановке небывалого энтузиазма широких слоев населения, ободренных блестящими победами освободительной армии и готовых ее поддержать.

В августе 1820 г. Сан-Мартин, сразу после получения известия о начале революции в Испании, отправился к своей армии, дислоцированной в Чили. Для похода на Перу был

подготовлен флот из военных и транспортных кораблей, переданных англичанами. Ультиматум патриотов перуанскому вице-королю с требованием отказаться от сопротивления и признать независимость Перу был с гневом отвергнут. В августе 1820 г. войска Сан-Мартина выдвинулись из Вальпараисо морем вдоль тихоокеанского побережья. По мере продвижения на север, к столице Перу Лиме, Сан-Мартин собирал в свои отряды креольских солдат и офицеров, покидавших армию роялистов и переходивших на сторону восставших.

В Лиме специальные эмиссары Сан-Мартина установили контакт с местными национально-освободительными организациями и начали подготовку народного восстания. Оценив соотношение сил, вице-король предпочел сохранить армию, и 21 июля 1821 г. колониальные войска без боя отступили к северу, сохранив контроль над значительной частью страны, включая Верхнее Перу. Войдя в Лиму, 28 июля 1821 г., Сан-Мартин провозгласил независимость страны, и стал протектором Перу. Были изданы первые декреты новой власти, открывшие для иностранных кораблей перуанские порты, провозгласившие гражданские свободы и отменившие принудительные трудовые повинности индейских крестьян.

Известие об испанской революции придало новых сил не только южанам, но и северной армии Боливару, которой еще надо было освобождать Венесуэлу. В то время как армия Сан-Мартина шла с юга на север, Боливар продвигался ей навстречу. Ему удалось временно нейтрализовать испанские войска, подписав в 1820 г. соглашение о перемирии с генералом Морильо, переставшим получать инструкции из Мадрида. Уже в 1821 г., когда повстанцы собрались с силами, война возобновилась и столица Венесуэлы, Каракас, пала. Потери колонизаторов были весьма значительны. Появилось много перебежчиков, не желавших воевать на стороне терявшего власть испанского монарха.

6 мая 1821 г. была принята Конституция Колумбии, объявленной по настоянию Боливару, централизованной унитарной президентской республикой. Столицей стала Богота. После освобождения осенью того же года Панамы, ее ввели в состав Колумбии. Такой же была судьба освобожденного в 1822 г. Кито (Эквадор), где королевские войска были разгромлены соратником Боливару генералом Сукре.

Образовавшееся сильное и крупное государство могло оказать поддержку южанам, армия которых катастрофически теряла боеспособность в условиях непривычного климата предгорий. Протектор Перу Сан-Мартин пригласил Боливару на личную встречу. Она состоялась 26–27 июля 1822 г. в Гуаякиле. Историки до сих пор спорят по поводу содержания переговоров, которые носили конфиденциальный характер и никак не были прокомментированы участниками. Найти общего языка лидерам не удалось. Ярый республиканец Боливар остро реагировал на доводы Сан-Мартина – известного приверженца конституционного монархизма. Он отверг как предложение прислать на помощь южанам свою армию (считал, что она должна прежде подавить оставшиеся очаги сопротивления в Колумбии), так и идею взять под свое командование армию Сан-Мартина (счел недостойным воспользоваться плодами чужих трудов). Однако протектор Перу решил, что во имя победы общего дела ему следует уступить пальму первенства амбициозному бескомпромиссному Боливару, популярность которого была в тот период необыкновенно высока как в Америке, так и за ее пределами. Вернувшись в Лиму осенью 1822 г., Сан-Мартин сложил с себя командные и административные полномочия и отбыл в Европу, завершив свою политическую карьеру.

В декабре 1822 г. была принята демократическая конституция, и Перу стало республикой. Новое правительство во главе с генералом Ла Маром не смогло справиться с военными задачами и было смещено. С просьбой возглавить вооруженные силы обратились к Сукре и Боливару. Они были торжественно встречены населением Лимы. Под угрозой роялистского мятежа в Перу Боливар был наделен диктаторскими полномочиями для решения задачи окончательного изгнания испанцев. Креольская

аристократия с недоверием отнеслась к Освободителю, опасаясь возможности присоединения Перу к Колумбии и проведения либеральных экономических реформ, не соответствовавших ее интересам. Были предприняты попытки установить контакты с испанцами. Удержать Лиму в условиях саботажа креольской аристократии Боливару не удалось. Вскоре большая часть страны была возвращена под власть роялистов. Поражение было воспринято Боливаром как временная неудача. Испанский колониальный режим находился на грани крушения.

В Новой Испании после завершения первого этапа войны, несмотря на не прекращавшуюся партизанскую войну, властям удавалось держать ситуацию под контролем. В 1818–1819 гг. все попытки возродить освободительное движение были пресечены, но революция в метрополии, повергшая в замешательство колониальную администрацию, вдохновила сторонников независимости. Спецификой Мексики было то, что в освободительном движении приняла самое активное участие та часть компрадорской креольской верхушки, которая была связана с колониальной администрацией. Ее лидеры, опасаясь радикальных реформ в колониях, призывали изолировать Мексику от влияния либерального правительства Испании, пришедшего к власти в результате революции 1820 г. Для достижения этой цели они готовы были выступить за независимость Мексики и взять власть в стране в свои руки.

Политическая платформа этой части креольской знати была сформулирована полковником Агустином Итурбиде, которого вице-король опрометчиво назначил командиром карательных войск (на первом этапе войны Итурбиде выступил на стороне испанцев в качестве активного душителя освободительного движения, которому колониальные власти безоговорочно доверяли). В феврале 1821 г. Итурбиде выступил в городке Игуала с обращением к мексиканскому народу, получившим название «план Игуала». В нем было сформулировано будущее устройство Мексики как конституционной монархии, основанной на принципах «религии, единения и независимости». Собственные монархические амбиции Итурбиде поначалу не афишировал, но именно они превратили его в фанатичного сторонника независимости Мексики. Ради этой цели он готов был привлечь на свою сторону любые силы, даже начал переговоры с партизанскими руководителями, пообещав установление полного равенства всех граждан без различия цвета кожи, расы, социального происхождения и имущественного положения. В условиях, когда демократическое движение в Мексике было разгромлено, инициативу при решении исторической задачи создания независимого государства взяли в свои руки консервативные круги колониального общества.

Армия Итурбиде не встречала сопротивления испанцев, видевших в нем наименьшее для себя зло. 28 сентября 1821 г. в захваченном Мехико была провозглашена независимость Мексиканской империи. К концу 1821 г. вся Мексика оказалась под контролем Итурбиде. 19 мая 1822 г., опираясь на армию, он провозгласил себя императором Мексики под именем Агустина I, но смог продержаться у власти всего девять месяцев.

Не желая выполнять данные повстанцам обещания, проводить внутривнутриполитические реформы, новый император сосредоточил усилия на разработке экспансионистской внешней политики. Это повышало роль армии – его главной социальной опоры. После завоевания в 1821 г. независимости Гватемалой, включая Сальвадор, Коста-Рикой, а также побед освободительного движения в Гондурасе и Никарагуа Агустин I предложил им войти в состав Мексиканской империи. Под давлением Итурбиде, рассчитывавшего, что заслуги по собиранию Центральноамериканских земель облегчат ему путь на трон, гватемальское правительство 5 января 1822 г. официально объявило о вхождении своей страны в Мексиканскую империю. Не согласившаяся с этим решением провинциальная хунта Сальвадора заявила об отделении своей провинции от Гватемалы. На подавление недовольных была направлена мексиканская армия. В ходе военной операции мятежные

провинции были покорены, и к началу 1823 г. большая часть Центральной Америки была практически аннексирована Мексикой.

Имперская политика требовала дополнительных государственных расходов и отвлекала внимание императора от проблем внутренней политики, включая контроль над теми силами, которые были использованы Итурбиде только временно для придания массовости движению за отделение от Испании. Обнаружив, что новая власть не намерена ничего менять в положении рядовых подданных, партизанские вожди Висенте Герреро, Николас Браво и другие возобновили военные действия. Креолы также были разочарованы сохранением привилегий колониальных чиновников.

Возрожденное республиканское движение приняло характер анти-монархической вооруженной борьбы. В марте 1823 г. империя пала, а Итурбиде, объявленный узурпатором и врагом государства, отрекся от престола (после неудачной попытки вернуть престол в 1824 г. он был расстрелян). 4 октября 1824 г. в Мексике была принята республиканская Конституция, подтвердившая независимость от Испании и любой другой иностранной державы.

Снятие имперских пут вызвало всплеск сепаратистского национализма в центральноамериканских провинциях Мексики, объявивших о незаконности их аннексии. 1 июля 1823 г. возникла суверенная Федеративная республика Соединенных провинций Центральной Америки.

Таким образом, к 1824 г. колониальное владычество Испании удерживалось только в Верхнем Перу и небольших изолированных районах. Завершить Войну за независимость в масштабах всей Испанской Америки можно было только ликвидировав последние немногочисленные очаги колониализма. Решением этой задачи занялись Сукре, Боливар и их сторонники. Испанские войска по численности, вооружению и боевой подготовке значительно превосходили добровольческую освободительную армию Боливара. Одержать победу можно было только с помощью поддержки местного населения. Боливар издал ряд декретов в интересах индейцев, наиболее значительным из которых был Акт о передаче в личную собственность общинных земель и отмене подушной подати. В результате армия Боливара выросла до 10 тыс. человек. Но силы испанцев насчитывали в полтора раза большее количество бойцов.

Боливар вновь провел свою армию через Анды и 6 августа 1824 г. в битве на равнине Хуниин обратил застигнутую врасплох армию роялистов в бегство. Это сражение знаменито тем, что прошло без единого выстрела с обеих сторон. В течение полутора часов противники сражались только холодным оружием. Другая битва, состоявшаяся 9 декабря 1824 г. на равнине Аякучо в Андах, и длившаяся всего около часа, закончилась блестящей победой патриотов. Последняя крупная группировка колониальных войск была разгромлена, испанцы понесли огромные потери. В плен Сукре удалось взять полтора десятка испанских генералов и самого вице-короля.

Не желая терять наступательную инициативу, Сукре повел свою армию в Эквадор. Соппротивление остатков испанских войск было крайне вялым. Было ясно, что реставрировать колониальный режим не удастся. Метрополия не имела сил и возможностей оказать помощь колониальной администрации. Партизанские отряды заняли Ла-Пас прежде, чем туда вступили войска Сукре. 6 августа 1825 г. Учредительное собрание провинций Верхнего Перу провозгласило его суверенитет. Возглавить страну было предложено С. Боливару, в честь которого было учреждено название Боливия. Проект республиканской конституции Боливии разработал сам Освободитель.

В январе 1826 г. капитулировал последний испанский гарнизон, оставшийся в перуанском порту Кальяо. К началу 1826 г. Война за независимость испанских колоний в Южной Америке была завершена.

Бразилия также смогла получить независимость. Политическая история португальской колонии отличалась своеобразием. Республиканское движение в ней не было столь массовым, как в Испанской Америке. Большое значение имело размещение в стране на протяжении почти полутора десятилетий резиденции португальского монарха. Плантаторам льстила возможность ощущать себя почти равными колонизаторам и жить в центре Португальской империи. Неравноправие креолов, столь болезненно воспринимавшееся в Испанской Америке, в Бразилии носило завуалированный характер и не побуждало к активному протесту.

Складывавшееся в Бразилии общество и этнически, и культурно, и политически отличалось от испаноязычных соседей. Заметное присутствие в нем негритянского компонента, колоссальные социальные различия между колонизаторами, креолами и чернокожими рабами, а также ряд других обстоятельств, способствовали более высокой степени консолидации на обоих полюсах общества. Креольское население, даже в своих беднейших слоях тяготело к консерватизму, имея все основания опасаться возможности беспощадного бунта рабов.

Из среды консерваторов вышли такие противники демократии и республиканского строя, осторожные реформаторы-монархисты, одновременно одержимые идеями национализма и независимости, как Жозе Жоакин да Роша, Карнейру Леао, братья Андрада и др.

Первое вооруженное выступление республиканцев произошло в Пернамбуку весной 1817 г., в ходе его было создано временное правительство, проведен ряд реформ и разработан проект создания органов представительной власти. Выступление крайне напугало колонизаторов. Республика просуществовала только 72 дня. Против нее были направлены подразделения регулярной армии, и удержать власть креольским патриотам не удалось. В течение 1821 г. в разных частях страны – Пернам-буку, Баии, Сан-Паулу – происходили волнения и выступления патриотов.

Новый всплеск освободительного движения был связан с революционными событиями 1820 г. в Португалии. По требованию кортесов король неохотно вернулся в Лиссабон и через год вынужден был присягнуть Конституции 1812 г. Принц Педру некоторое время оставался в Бразилии регентом. Педру, много лет проживший в Америке, с интересом относился к дискуссиям о будущем бразильского общества в среде молодых представителей креольской знати. Наибольшим влиянием на принца пользовался упоминавшийся известный политик и литератор, убежденный противник революционных методов Жозе Бонифасиу де Андрада, которому историки ставят в заслугу организацию сравнительно мирного перехода Бразилии к независимости.

В январе 1822 г. Педру сделал Ж.Б. де Андраду главой правительства, а в октябре того же года был коронован как император Бразилии Педру I. Португалии пришлось признать новый статус конституционной империи и ее отделение.

В результате, страна приобрела независимость без войны и смогла сохранить под своей эгидой все провинции, преодолев сепаратизм и хозяйственную разобщенность. В Бразилии не появилось демократических или республиканских лидеров освободительного движения, равных Боливару или его соратникам. Молодой монарх, имевший прочную опору в среде консервативной креольской аристократии, оказался правителем достаточно предусмотрительным, чтобы не позволить выдвинуться представителям армейских кругов и держать под контролем политиков-консерваторов. Среди интеллектуалов и разночинной молодежи были в основном креолы, не находившие широкой поддержки у индейского и негритянского населения. Сторонникам Педру I удалось удержать плантационных рабов от бунта. Более 60 лет значительная часть населения страны оставалась в рабстве. Внутренняя политика императора несла заметный отпечаток консерватизма.

Итоги и значение Войны за независимость

Война за независимость была национально-освободительным движением. Она стала важнейшим событием, обеспечившим становление суверенных национальных государств целого континента. В Латинской Америке был начат новый этап этногенеза, формирования и консолидации самобытных наций. Накануне и в ходе войны окрепло самосознание латиноамериканцев. Во вновь возникших испаноамериканских государствах был установлен парламентский строй, республиканские институты и приняты конституции западного типа. Появились новые республики: Мексиканские Соединенные Штаты, Перу, Боливия (Верхнее Перу), Чили, Парагвай, Федеративная Великая Колумбия (Новая Гранада, Венесуэла, Эквадор), Федеративная республика Аргентина. В Федерацию Центральной Америки объединились пять небольших самостоятельных республик (Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Сальвадор, Коста-Рика). После территориального конфликта Аргентины и Бразилии в 1830 г. в результате соглашения была образована также Восточная республика Уругвай. Не все из них оказались долговечными. Сепаратизм и борьба за власть привели к распаду колумбийской федерации и Федерации Центральной Америки, а также республики Гаити. После войны из всех своих колоний Испания сохранила только острова Куба и Пуэрто-Рико.

Республиканское движение в Бразилии потерпело поражение от монархистов. Его лидеры не решились на отмену рабства и не смогли привлечь на свою сторону широкие слои трудящегося населения. Династически связанная с метрополией империя опиралась на крупных плантаторов-рабовладельцев, позволивших португальцам сохранить в своих руках основные рычаги управления и допустивших усиление иностранного, прежде всего английского, влияния в экономике.

Война за независимость в Латинской Америке завершилась уничтожением колониального режима как континентальной системы. Она носила общенациональный характер, не оставив равнодушной ни одну из групп населения, объединив выходцев из различных социальных слоев. Освободительные армии в массе состояли из тех, кто находился в основании социальной пирамиды, кто наиболее остро ощущал негативные последствия иберийской колонизации: крестьян, пеонов, гаучо и льянерос, рабочих с рудников и мануфактур, ремесленников, городской бедноты, негров-рабов. Важное значение имело участие в войне коренных жителей континента – индейцев, которые пополняли контингент партизанских отрядов в Уругвае, Чили, Мексике, Перу и для которых война стала шансом заявить о своих интересах, осознать себя целостной этнической общностью.

Эти народные силы не смогли действовать самостоятельно, им не удалось сформулировать собственные требования, но именно их участие придало войне необходимый для успеха размах. Под влиянием массовых выступлений с участием индейского крестьянства креольские политические лидеры на завершающем этапе войны вынуждены были выдвигать лозунги социального и экономического характера, такие как декреты Боливара в Венесуэле, мероприятия Сан-Мартина в Перу, О'Хиггинса – в Чили, политика Франции в Парагвае, аграрная программа Артигаса и др.

Важной составляющей патриотических сил, выступивших против колонизаторов, стали представители креольских интеллектуалов, философы, ученые, юристы, лица свободных профессий, чиновники местного происхождения, мелкие торговцы, часть низших слоев духовенства, сознательно стремившиеся направить возмущение народных масс в русло анти-колониальной борьбы, а при необходимости – сдержать излишний радикализм, предотвратить угрозу социальной революции.

Особую роль сыграли креольские плантаторы, землевладельческая знать, крупные торговцы и предприниматели, преимущественно связанные с внешней торговлей, интересы которых нередко совпадали с интересами патриотических сил. Из высших слоев колониального общества вышли военные и политические лидеры освободительной войны, возглавившие повстанческое движение, обеспечившие ему материальную, финансовую, а затем и дипломатическую поддержку. Они сумели придать войне легитимный характер, что, в свою очередь, помогло добиться незамедлительного международного признания молодых государств.

Общая задача уничтожения колониального режима, таким образом, объединила в ходе Войны за независимость различные социальные слои населения колоний, но внутри этого анти-колониального лагеря изначально существовали глубокие противоречия. Если основная масса рядовых участников войны рассчитывала на упразднение наиболее одиозных форм внеэкономического рабско-крепостнического принуждения, то лидеры освободительной войны выступали за сохранение основ сложившейся при колонизаторах социально-экономической системы при условии ее модернизации и освобождении от колониальных пут.

В отечественной историографии Войну за независимость в Латинской Америке традиционно оценивают как буржуазную, национально-демократическую революцию, протекавшую в специфических условиях вооруженной борьбы против колониализма. При этом ссылаются на то, что в ее ходе были уничтожены наиболее устаревшие и реакционные институты экономической и политической жизни, созданы благоприятные условия для развития рыночных отношений, вызревших в недрах колониального режима, который стал основным препятствием к их эволюции. Речь идет об уничтожении в большинстве стран рабства и принудительной трудовой повинности коренного населения в пользу государства, церкви, земельных собственников, об отмене церковной десятины и подушной подати с индейцев, об издании декретов о частичном наделении землей солдат и пеонов, о возвращении земель индейским общинам, об установлении республиканского строя. Поначалу были упразднены титулы и сословия, а также покончено с всевластием инквизиции. Для полноценного включения стран Латинской Америки в мировой рынок и международное разделение труда важное значение имела ликвидация сковывавших экономический рост монополий и регламентаций, установленных в свое время колонизаторами.

Однако в ходе Войны за независимость коренных изменений в социально-экономической структуре достичь не удалось: не был разрешен аграрный вопрос. Крупное землевладение сохранило свои позиции. В деревне сохранялось внеэкономическое принуждение, фактическое закрепощение крестьян. Католическая церковь и крупные землевладельцы не были лишены ряда привилегий и сохранили влияние. Подавляющая масса населения фактически была лишена политических прав посредством ограничений и цензов для избирателей.

Международное положение освободившихся от колониальной зависимости государств было неопределенным. Накануне и в период освободительной борьбы испанских колоний европейские державы и США стремились максимально эффективно воспользоваться ситуацией и заставить метрополии принять их требования под угрозой помощи восставшим колониям. В обмен на нейтралитет США в 1819 г. вынудили Испанию уступить Западную и Восточную Флориду, оккупированные американскими войсками в 1817 г. На протяжении XIX в. Испания и Португалия утратили статус великих держав и были оттеснены на периферию европейской политики.

Экономика большинства независимых государств в постколониальный период быстро попала в зависимость от иностранных государств. Добившись на первых порах поддержки или благожелательного нейтралитета со стороны европейских великих держав и США, молодые государства столкнулись в дальнейшем с их экспансионистскими притязаниями.

Конгресс США в 1822 г., на завершающем этапе войны испанских и португальских колоний, признал их независимость, хотя далеко не сразу согласился на установление дипломатических отношений (Англия официально признала независимость Мексики, Колумбии «и Буэнос-Айреса» 31 декабря 1824 г.). Для защиты экономических интересов Соединенных Штатов и нейтрализации возможных замыслов международной монархической реакции вступить за Испанию 2 декабря 1823 г. была провозглашена доктрина Монро, обозначившая претензии США на доминирование в Западном полушарии.

Война за независимость стала первым победоносным совместным движением различных стран Латинской Америки. Ее успеху способствовала солидарность. Одним из ее важных последствий стало зарождение идей латиноамериканского единства. Различные народы Центральной и Южной Америки почувствовали себя не только представителями отдельных наций, но и членами единой общерегиональной общности, самобытной латиноамериканской цивилизации, историческая судьба которой отличается внутренним единством. Призывая к сплочению испаноамериканских государств и совместному отстаиванию своих интересов, Симон Боливар предложил созвать в Панаме Континентальный конгресс. Проект Боливара по ряду причин не удался, вскоре последовала трагическая гибель Освободителя.

Преодоление колониального наследия было сложным процессом. Размах народных движений в ходе освободительной войны вызвал к жизни ретроградные традиционалистские настроения правящей верхушки. Пришедшая к власти олигархия крупных землевладельцев-латифундистов и торговцев стремилась ограничить задачи революционного движения только изгнанием испанских колонизаторов. Окрепло «консервативное анти-западничество». Сопrotивление внедрению демократических идей европейского и североамериканского толка усилилось после войны. Испаноамериканская знать, придя к власти и сместив колониальную администрацию, постаралась сохранить сложившийся социально-экономический уклад жизни. Почва, на которую революционеры пытались перенести западный опыт, оказалась по-иберийски неподатливой, ввиду «окаменелости поведения» креольской земельной аристократии. Окончание войны привело к разгулу анархии, политического насилия и террора, самоуправству каудильо, которые игнорировали положения демократических конституций молодых республик и создавали в некоторых странах диктаторские или реакционно-клерикальные режимы, сохранявшие нищету и бесправие масс. Основы довоенного колониального общества, когда сложился симбиоз игравшего ведущую роль латифундизма и индейской общины, консервирующей формы внеэкономической зависимости и препятствующей свободному развитию рыночных отношений и индустриального производства, сохранились после освободительной войны и стали тормозом для модернизации Ибероамерики по западному варианту. По иронии судьбы, носителями и продолжателями колониальной традиции оставались крупные землевладельцы-креолы, участники освободительного движения, этнически и культурно связанные с наследием бывшей метрополии. Они превратились в ретроградную социальную силу, которая во многом остудила революционный пыл идеологов освободительного движения.

§ 13

Латинская Америка после Войны за независимость (20-90-е годы XIX в.)

Во второй трети XIX в. в латиноамериканском регионе происходило становление национальных государств, буржуазные отношения постепенно становились наиболее динамичным системообразующим укладом. В последней трети XIX в. резко усилилась экономическая и политическая зависимость от наиболее развитых стран Европы и США, развивалось демократическое движение. Бывшие колонии включились в систему мировых хозяйственных, политических и культурных связей.

В результате Войны за независимость 1810–1826 гг. большинство стран региона освободилось от испанского и португальского колониального гнета и получило возможность самостоятельного экономического, политического и культурного развития. На базе бывшего административно-территориального деления колоний постепенно образовалось 20 формально независимых государств – Мексика, Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Панама, Коста-Рика, Гаити, Куба, Доминиканская Республика, Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу, Чили, Боливия, Аргентина, Парагвай, Уругвай, Бразилия. Вместе с тем к концу XIX – началу XX в. в регионе, главным образом в Карибском бассейне, оставалось более 20 колониальных владений, принадлежавших Великобритании, Франции, Голландии. Великобритания владела колониями Антигуа, Багамские острова, Барбадос, Белиз, Британская Гвиана, Гренада, Доминика, Монтсеррат, Невис, Сент-Кристофер, Сент-Люсия, Сент-Винсент, Ямайка, Тобаго, Тринидад. К колониям Франции относились Гваделупа, Мартиника, Французская Гвиана. Голландии принадлежали острова Аруба, Бонайре, Саба, Сан-Эустакио, Кюрасао, часть острова Сан-Мартин, Суринам (Голландская Гвиана).

Особенности экономического развития

Последствия 300-летнего испано-португальского колониального господства и сложившаяся к началу XIX в. модель хозяйственной жизни колоний не могли быть уничтожены или трансформированы за короткое время. Груз наследия колониальной эпохи сопровождал развитие латиноамериканских стран еще долгое время, а отдельные пережитки этого наследия сохранились до наших дней. Среди них – социально-экономические издержки традиционных аграрных отношений; низкие социокультурные показатели и откровенная нищета большинства населения; аграрно-сырьевая специализация и зависимость национальных экономик от мировых рынков; индейские общины, в целом продолжающие жить за границей современной цивилизации, и этнокультурный дуализм.

Процесс самостоятельного развития освободившихся стран Латинской Америки развивался в непростых условиях. В первые послевоенные годы хозяйственная разруха, вызванная Войной за независимость, аграрный вопрос, сохранявшееся рабство серьезно тормозили капиталистическое развитие молодых государств. Однако отмена рабства (1813 г. в Аргентине, 1823 г. в Чили, 1824 г. в Центральной Америке, 1829 г. в Мексике, 1842 г. в Уругвае и Парагвае, 1851 г. в Новой Гранаде, 1852 г. в Эквадоре, 1854 г. в Перу и

Венесуэле, 1888 г. в Бразилии) и потребности мирового капиталистического хозяйства стимулировали экономическое развитие бывших колоний.

Солидной базой для развития собственной промышленности и экспорта сырья на мировые рынки являлись богатейшие запасы различных минеральных ресурсов латиноамериканского региона. В различных странах сосредоточены значительные по мировым масштабам залежи селитры, ниобия, бериллия, молибдена, бокситов, железной руды, меди, сурьмы, олова, вольфрама, плавикового шпата, графита, серы, серебра. В ряде стран (Венесуэла, Мексика, в меньшей степени Аргентина, Эквадор, Колумбия, Тринидад и Тобаго) залегают крупные месторождения нефти. Природно-географический и экономический факторы способствовали интенсивному развитию горнодобывающей индустрии. В обрабатывающем секторе получили развитие такие отрасли промышленности, как текстильная, пищевая, обувная, обеспечивавшие внутренние потребности населения. В странах с более развитой экономикой – Аргентине, Бразилии, Мексике – с середины XIX в. начался переход от мануфактурной стадии к индустриальной. Несколько позднее этот процесс затронул Перу, Чили, Уругвай, Колумбию. В результате к началу XX в. там работали небольшие металлургические и металлообрабатывающие заводы, мясо-хладобойни, сахарные заводы, механизированные мукомольни. Вместе с тем основу отраслей обрабатывающего сектора продолжали составлять кустарные и ремесленные предприятия. Уже со второй половины 1820-х годов во многих странах региона начали создаваться банки, позже – сберегательные кассы, торговые биржи. С середины XIX в. развернулось железнодорожное строительство.

Во второй половине XIX в. продолжался процесс трансформации социальных структур, особенно в более развитых латиноамериканских странах. В достаточно пестрой этно-социальной панораме все более заметное место начинали занимать такие социальные группы, как национальная буржуазия и пролетариат. В общедемократическом потоке зарождалось рабочее движение. Происходило распространение идей утопического и мелкобуржуазного социализма, к концу XIX в. марксизма. Широкое развитие получили анархизм и анархо-синдикализм.

Вовлечение хозяйства бывших колоний в систему международного разделения труда на основе ведущего либерального принципа свободы торговли и предпринимательства ставило перед руководителями молодых независимых государств задачу осуществить широкий комплекс социально-экономических и политических преобразований на основе данного принципа. Главным образом, это касалось отношений собственности на землю, являвшуюся главным фактором производства в условиях Латинской Америки. В этой связи основным содержанием преобразований середины XIX в. стало превращение земли в товар путем ликвидации или значительного сокращения форм неотчуждаемого землевладения – церковных и монастырских владений, майората, общинных и части коммунальных земельных владений. Отмена неотчуждаемости названных земельных владений наряду с приватизацией огромных площадей государственных неосвоенных земель означала складывание рынка земли. В результате земля становилась частной собственностью буржуазного типа и свободным объектом различного рода экономических сделок – купли, продажи, отчуждения, дробления, дарения, сдачи в аренду и др. Подобное содержание аграрных преобразований, проводившихся в различных странах Латинской Америки, не предполагало разрушения латифундизма. Напротив, оно предполагало существенное увеличение числа и размеров латифундистского, т. е. крупного частного землевладения. В латифундиях капиталистического типа, ориентированного на производство экспортной аграрной продукции, распространялся наемный труд, использовалась сельскохозяйственная техника, удобрения и т. п. Следует заметить, однако, что в латифундиях капиталистического типа, связанных с внешним рынком, применялись и докапиталистические формы эксплуатации. Латифундии другого, традиционного типа представляли собой экстенсивные хозяйства, в которых использовались архаичные орудия труда (соха, мачете) и докапиталистические методы

эксплуатации (кабальная издольная аренда, отработки). Существовали и смешанные формы землепользования.

С другой стороны, для того, чтобы капиталистический уклад стал ведущим, необходимо было также сформировать рынок труда, наполненный многочисленной и дешевой рабочей силой. Препятствием для создания подобного рынка служили индейские общины, владевшие землей, и неосвоенные реаленговые (государственные) земли, на которых открыто или нелегально трудились мелкие землепользователи. Латифундисты грабили общинные земли, а в ряде случаев вели против индейцев истребительные войны. Так было в середине XIX в. в Аргентине, где экспроприация 0,5 млн га индейских земель сопровождалась варварским разрушением индейских поселений и физическим истреблением индейцев. Так было в Мексике, где к концу XIX в. земли крестьянских индейских общин оказались захваченными мексиканскими и иностранными собственниками: 50 иностранных компаний захватили почти четверть территории страны. Так было в Чили, где колонизация земель привела к экспроприации арауканских племен.

Насильственная экспроприация общин и мелких землепользователей, их принуждение к наемному труду с помощью «законов о бродяжничестве» позволила обеспечить рабочей силой как латифундии, так и промышленное производство.

Таким образом, в экономике латиноамериканских стран развитие капиталистического уклада в промышленности и сельском хозяйстве сочеталось со значительным удельным весом докапиталистических форм и структур земельной собственности. Подобное сочетание капитализма с докапиталистическими укладами и пережитками в той или иной пропорции сохранилось и в XX в. В тесной связи и в соответствии с потребностями мирового рынка экстенсивная экономика Латинской Америки специализировалась на производстве аграрной продукции и отраслей добывающей промышленности экспортного значения. Формировалась агро-экспортная модель экономики латиноамериканских стран.

Политическая нестабильность

В политико-правовом отношении молодые независимые страны представляли собой государства с республиканским строем со свойственными ему атрибутами суверенитета и политическими институтами, национальными вооруженными силами. Это получило свое отражение в конституциях, принятых молодыми независимыми республиками.

Вместе с тем развитие латиноамериканских стран происходило в обстановке политической нестабильности, в условиях ожесточенной борьбы за власть между отдельными группировками властных элит, между гражданскими и военными претендентами на власть. Коллизии острой политической борьбы между традиционно-консервативными и либерально-прогрессивными силами, между федералистами и унитариями влияли на неустойчивость, нестабильность общественно-политической жизни. Это проявлялось в мятежах и диктатурах, гражданских войнах и военных переворотах, шумных скандалах и политических убийствах, заговорах и восстаниях. Во втором десятилетии XIX в. возник многоплановый феномен каудильлизма.

Под определение каудильлизма попадали и особая система организации государственного правления с сильной персонализацией власти, и методы политической борьбы, в частности, политический «арбитраж», и идеи, используемые харизматическими лидерами, и традиции, складывавшиеся десятилетиями в ходе становления и развития самостоятельных национальных государств латиноамериканского региона. Идея сильной личности – вождя, каудильо (caudillo), пользующегося огромным авторитетом и по существу неограниченной властью в тот или иной, часто критический период истории

какойлибо страны, сформировалась в процессе упорной борьбы за власть различных соперничавших между собой элитных экономических групп (латифундистов, торговой и промышленной буржуазии, финансистов).

Обострение кризисных ситуаций в странах Латинской Америки под влиянием комплекса внутренних и международных обстоятельств негативно влияло на баланс политических сил и чрезвычайно обостряло внутривнутриполитическую борьбу, озвучивая требование решить наболевшие проблемы с помощью «сильной руки». Психологии высших слоев латиноамериканского общества была свойственна убежденность в том, что каудильо и тот режим личной власти, который он установит с помощью армии (естественно, в интересах определенной экономической группы), могут стать наиболее эффективным средством для выхода из кризиса. В свою очередь, стереотипы массовой психологии латиноамериканцев, в том числе такие, как касикизм и патернализм, а также нищета большинства населения формировали социально-психологическую составляющую феномена каудильизма – убеждение в мессианском предназначении сильного вождя-каудильо, способного быть «справедливым» утешителем обездоленных и «отцом» нации.

Другими словами, для феномена каудильизма и консервации его идей существовала благоприятная социальная почва. Идеи и методы каудильизма постепенно сложились в традицию. Причем, в традицию, охраняющую консервативное содержание каудильизма, так как примеры прогрессивных тенденций каудильизма с ярко выраженными чертами социального реформаторства в истории Нового времени можно встретить редко.

Военные конфликты и войны между молодыми государствами

Государственное размежевание молодых латиноамериканских государств происходило в обстановке острых территориальных споров, перераставших зачастую в военные конфликты между ними. Наиболее крупными стали война Тройственного союза и Тихоокеанская война. Война 1864–1870 гг., развязанная Аргентиной, Бразилией и Уругваем («Тройственный союз») против Парагвая, буквально опустошила Парагвай, отбросив его развитие далеко назад. Фокусом Тихоокеанской войны 1879–1883 гг. стал вопрос об обладании богатейшими залежами селитры в пустыне Атакама, принадлежавшей Перу и Боливии. Поддерживаемое Великобританией правительство Чили объявило войну Боливии и Перу. Одержав ряд побед в военно-морских и сухопутных сражениях, Чили подписало мирные договоры, согласно которым страна получила крупнейшие селитряные месторождения и заняла господствующее положение на тихоокеанском побережье Южной Америки. Для экономики Боливии и Перу последствия войны оказались тяжелейшими. Боливия расценивала собственное поражение как национальную катастрофу: она потеряла большие территориальные массивы, ряд городов, должна была выплачивать контрибуцию, а главное – страна потеряла выход к морю (и не имеет его до сих пор). Война нанесла глубочайшие раны народу и экономике Перу: 30 тыс. человек убитыми, потеря трех департаментов с залежами селитры, разрушение сахарных и хлопковых плантаций на побережье, расстройство финансовой системы, кризис власти, обнищание народа. Обе страны также оказались отброшенными в своем развитии далеко назад. Итоги войны расширили возможности для иностранного проникновения в экономику воевавших стран и ослабили тенденции их самостоятельного развития.

Экспансия европейских государств и США

Вовлечение латиноамериканской экономики в орбиту мирового капиталистического хозяйства обусловило экспансию иностранных капиталовложений в страны региона. С целью создания условий для развития экспортных отраслей с помощью иностранного капитала строились объекты инфраструктуры, главным образом, железные дороги. Богатейшие источники минерального и растительного сырья привлекали в страны Латинской Америки как прямые зарубежные инвестиции, так и ссудный капитал. Лидерство по экспорту капитала в Латинскую Америку захватила наиболее развитая в то время Великобритания. Именно Великобритания первой начала вывозить капитал в страны региона. В этот процесс включились также США, Франция и Германия, в меньшей степени Бельгия, Голландия, Португалия, Швейцария и др. Однако к концу XIX в. сумма государственных и частных инвестиций Великобритании превосходила данный показатель всех остальных стран вместе взятых.

С середины XIX в. в Чили, Мексике, Аргентине, Боливии, Бразилии, Коста-Рике и др. стали открываться отделения иностранных банков. Ведущие европейские державы и США участвовали в строительстве промышленных и горнорудных предприятий, скупке ценных бумаг, внедрялись в сельское и лесное хозяйство стран региона. Дело не ограничилось экономическим проникновением.

Крупнейшие мировые державы постоянно поддерживали соперничество и военные конфликты между различными государствами Латинской Америки. Ослабленные в ходе столкновений и войн латиноамериканские страны служили более удобным объектом для экономической экспансии и вмешательства в их внутренние дела со стороны европейских государств и США.

Великобритания, имевшая по сравнению с другими державами наиболее весомые позиции в молодых независимых странах Латинской Америки, стремилась к еще большим приобретениям. В 1833 г. английский вооруженный десант захватил у Аргентины Фолклендские (Мальвинские) острова, которые в 1892 г. Великобритания объявила своей колонией. В 1843 г. британские войска вступили в вооруженный конфликт с Мексикой, а в 1861 г. осуществили вооруженную интервенцию в эту страну. В 1841 г. Великобритания захватила часть территории Никарагуа, а в течение 1849–1852 гг. была захвачена часть территории Гондураса. Франция развязала в 1838 г. агрессию против Мексики, пыталась установить протекторат над Никарагуа. Совместно с Великобританией Франция в середине XIX в. не раз блокировала порты Аргентины. В 1862–1867 гг. была развязана завоевательная авантюра Наполеона III в Мексике и предпринята попытка навязать мексиканскому народу марионеточный монархический режим. Испания посылала свои войска на восточное побережье Мексики (1829), оккупировала Доминиканскую республику (1861–1865), развязала войну против Чили, Перу, Боливии и Эквадора (1864–1866). Бельгия колонизовала в 1842 г. побережье Гватемалы и начала колонизацию Коста-Рики и Сальвадора. Пруссия пыталась установить контроль над Никарагуа.

Наибольшую агрессивность по отношению к своим соседям проявляли Соединенные Штаты Америки. Инспирировав отделение Техаса от Мексики (1836), США развязали американо-мексиканскую войну 1846–1848 гг., стоившую мексиканскому народу потери свыше половины национальной территории. Войска США высаживались на побережье Перу (1833) и Ла-Платы в Аргентине (1838–1856). Правительство США с помощью военной силы попыталось установить протекторат над Галапагосскими островами, принадлежавшими Эквадору. Объектом пристального экономического и политического интереса США стали страны Центральной Америки. Ярким примером в этом отношении стала так называемая авантюра Уокера. В 1855 г. гражданин США Уильям Уокер возглавил отряд американских наемников и высадился на территории Никарагуа. Разбив

военные силы никарагуанцев, Уокер провозгласил себя президентом Никарагуа и восстановил в стране рабство. В планы Уокера входил захват всей Центральной Америки, поэтому правительства центральноамериканских стран Гватемалы, Сальвадора и Коста-Рики, объединив свои военные силы, в 1857 г. изгнали захватчиков из Никарагуа. Поражение не обескуражило Уокера, и он еще дважды пытался высадиться на территории стран Центральной Америки, пока в Гондурасе не был схвачен в плен и расстрелян (1860). В 1868–1870 гг. США попытались захватить Доминиканскую республику.

Экспансионизм США был отчетливо заметен и по отношению к Кубе, продолжавшей оставаться в XIX в. испанской колонией. Воспользовавшись плодами освободительной борьбы кубинцев и не желая терять ускользавшую от испанцев Кубу, правительство США объявило войну Испании. В результате поражения в испано-американской войне 1898 г. испанская корона отказалась от своих прав на Кубу (а также Пуэрто-Рико, Филиппины и остров Гуам). Войска США оккупировали Кубу (1899–1902). Пуэрто-Рико постепенно стало «свободно присоединившимся» к США государством с правами самоуправления.

В системе международных отношений на протяжении XIX в. страны Латинской Америки, получившие независимость, смогли добиться лишь относительной самостоятельности. Развитые страны континента – Бразилия, Мексика, Аргентина, а также Перу, Колумбия, Уругвай, Чили, Боливия и Парагвай поддерживали дипломатические, торговые, культурные и научные отношения с различными государствами, в том числе с Россией. Однако интересы великих держав диктовали латиноамериканским странам положение подчиненных субъектов в международных делах. Особенно отчетливо просматривались контуры подобной подчиненности в межамериканских отношениях, ведущую роль в которых играли США.

Идейные основы и содержание межамериканских отношений определялись в Вашингтоне. Важнейшим элементом идейного базиса межамериканских отношений стали принципы внешней политики США, сформулированные 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании к конгрессу президента Джеймса Монро и получившие название «доктрины Монро». Доктрина была разработана в связи с возможной угрозой интервенции держав Священного союза в страны Латинской Америки на заключительном этапе Войны за независимость. Трактую разделение мира на европейскую и американскую системы, «доктрина Монро» провозглашала: «Американский континент не может служить в дальнейшем объектом колонизации любой европейской державы». Не вмешиваясь в дела европейских стран, США намеревались, согласно доктрине, «рассматривать в качестве враждебных, опасных для их спокойствия и безопасности любые попытки европейских государств осуществить политическое или иное вмешательство в дела стран американского региона». В содержании «доктрины Монро» прослеживаются передовые для того времени принципы запрещения колонизации, а также идеи народного суверенитета и буржуазного национализма в противоположность выдвинутым Священным союзом принципам легитимизма и «права» на интервенцию с целью восстановления власти законного монарха. В то же время в доктрине содержится положение о том, что могущество Соединенных Штатов связано с экспансией в Западном полушарии, с присоединением новых территорий и образованием новых штатов. Принятие «доктрины Монро» было продиктовано долгосрочными интересами США в борьбе за гегемонию в Западном полушарии, по сути дела, объявленном зоной безопасности и жизненных интересов Соединенных Штатов. Формула «Америка для американцев» фактически заключала в себе такой смысл, как «Америка для североамериканцев». «Доктрина Монро» представляла собой односторонний акт правительства США. Большинство государств официально не признало доктрину и не присоединилось к ней, что, однако, не мешало Соединенным Штатам постоянно использовать ее принципы в интересах собственной экспансии.

Положения «доктрины Монро» легли в основу теории и практики панамериканизма. Впервые термин «панамериканизм» был употреблен на страницах газеты «Нью-Йорк

ивнинг пост» в 1889 г. Затем его стали употреблять на межамериканских конференциях, впоследствии термин получил широкое распространение. Панамериканизм базировался на идеях общности исторических интересов США и Латинской Америки, их географической близости, взаимозависимости и необходимости интеграции. Практическая реализация идей панамериканизма была направлена на создание экономического и военно-политического союза американских государств под руководством США. На первой Панамериканской конференции, проходившей в октябре 1889-апреле 1890 г. в Вашингтоне был создан Панамериканский союз как международный союз американских республик для сбора и обмена коммерческой информацией с постоянным органом – Коммерческим бюро. Официально находясь в ведении Госдепартамента США, Коммерческое бюро дислоцировалось в Вашингтоне и занималось, в основном, сбором и публикацией торгово-экономической информации. Начиная со второй Панамериканской конференции (октябрь 1901 – январь 1902 г.), эти форумы созывались в среднем раз в пять лет, исключая периоды мировых войн. Работа конференций содействовала созданию межамериканской системы – военно-политического союза американских республик.

Сотрудничество независимых государств

Экспансия европейских держав и США представляла определенную угрозу суверенитету латиноамериканских стран и выдвигала перед молодыми, добившимися независимости государствами региона нелегкие задачи. Главной из них становилась задача добиться единства действий и координации совместных усилий по обеспечению благоприятных внешнеполитических условий их деятельности на принципах справедливости и равноправия. Поскольку каждое из латиноамериканских государств было не в состоянии в одиночку защитить свой суверенитет, то важнейшее значение приобретал вопрос о создании союза молодых государств в защиту общенациональных интересов.

Известные усилия в этом направлении предприняли лидеры Войны за независимость Ф. де Миранда и С. Боливар (Венесуэла), Х. Энганья и Б. О'Хиггинс (Чили), М. Морено, Сан-Мартин и Б. Монтеагудо (Аргентина), Х.С. Дель Валье (Центральная Америка). Они выдвинули, в частности, идею солидарности и тесного сотрудничества между бывшими колониями для признания их независимости, проведения активной внешней политики и защиты суверенитета, для предотвращения войн между собой. По мысли Боливара, латиноамериканские страны «смогут подняться в своем величии и противостоять внешней угрозе только тогда, когда солидарность, союз и братство станут их основными принципами». Практическим шагом на пути реализации идеи солидарности стал Континентальный конгресс в Панаме 1826 г. В его работе приняли участие несколько стран – Мексика, Федерация Центральной Америки, Великая Колумбия (Колумбия, Венесуэла, Эквадор) и Перу. На конгрессе были подписаны договоры, предусматривавшие создание конфедерации стран-участниц, которая должна была вести вопросы гражданства и мирного разрешения споров, разрабатывать меры по сохранению территориальной целостности, принять решение о ликвидации рабства. Намечалось также создать общий контингент сухопутных вооруженных сил и флота в целях совместной обороны. К сожалению, первая попытка консолидации сил закончилась неудачей. Решения Панамского конгресса не вступили в силу из-за острых разногласий между странами-участницами, а также из-за откровенного противодействия латиноамериканскому единству со стороны Великобритании и США.

Неудача не умаляет исторического значения первого в истории «конгресса народов в интересах народов», когда слабые государства попытались объединиться против великих

держав, создать свою систему взаимной поддержки и коллективной безопасности. Как отмечают историки-латиноамериканисты, это был проект оборонительного союза, предлагавший построить международные отношения на основах равноправия и невмешательства во внутренние дела других государств.

В дальнейшем руководство различных латиноамериканских стран еще не раз пыталось реализовать идею солидарности. В 1856 г. в Лиме состоялось совещание, участники которого – Гватемала, Венесуэла, Мексика, Новая Гранада, Перу, Сальвадор – разработали проект об оборонительном союзе, направленном против попыток установления иностранного господства. В том же году на конференции в Вашингтоне латиноамериканские страны согласовали проект документа о создании таможенного союза, о гарантии территориальной целостности и помощи стране, подвергшейся иностранной интервенции. Спустя шесть лет, в 1862 г. Мексика, Новая Гранада, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа, Перу и Чили достигли договоренности об общих мерах против вмешательства иностранных государств во внутренние дела этих стран. В 1864 г. состоялся конгресс в Лиме. Его участники Аргентина, Боливия, Венесуэла, Гватемала, Сальвадор, Новая Гранада, Перу, Чили, Эквадор вели переговоры о возможном урегулировании пограничных споров и выработке общей экономической политики.

Однако попытки стран региона достичь успехов в переговорном процессе вновь и вновь наталкивались на неприкрытую враждебность и холодный расчет со стороны европейских держав и США. Не удалось полностью снять спорные вопросы и между самими латиноамериканскими странами. Таким образом, в XIX в. основными векторами внешнеполитической деятельности латиноамериканских стран стали отношения с сопредельными странами, ответы на вмешательство иностранных государств, попытки достичь солидарности. Позитивное значение внешнеполитических усилий стран Латинской Америки состояло в том, что они добились признания завоеванной ими независимости и в большинстве случаев смогли отразить покушения иностранных государств на свой суверенитет.

Этно-конфессиональный состав латиноамериканского общества

Какими бы ни были показатели экономического развития, как бы ни кипели страсти политической борьбы, за ними стояли живые люди – индейцы и метисы, белые и цветные, богатые и обездоленные, ученые и неграмотные, лидеры и масса. Все они по-своему творили историю, из этих людей история и состояла.

В середине и второй половине XIX в. рост населения стран Латинской Америки заметно изменил демографическую ситуацию. К окончанию Войны за независимость, в первой половине 1820-х годов, численность населения бывших колоний составляла 17 млн человек. К концу XIX в. в результате высокого естественного прироста и иммиграции из Европы количество населения региона выросло до 63 млн человек (1900). Латинскую Америку населяли и продолжают населять в наши дни представители трех крупнейших рас человечества: монголоидной (коренное индейское население), европеоидной (мигранты и их потомки из стран Европы), экваториальной или негро-австралоидной (потомки вывезенных из Африки негров). Каждая из трех рас была представлена как в «чистом» виде, так и в еще большей степени в различных смешанных – метисных вариантах. Сформировалась расово-этническая неоднородность населения региона.

Крупные индейские народности – сапотеки, тараски и ото-ми в Мексике, майя и киче в Мексике и Гватемале, кечуа и аймара в Перу, Боливии и Эквадоре, арауканы (мапуче) в

Чили, гуарани в Парагвае – сохраняли и сохраняют до сих пор свои языки, культуру, традиции. Креольский и креоло-метисный этнический компонент населения всех латиноамериканских стран, говоривший на испанском и португальском (в Бразилии) языках, был адептом культуры как бывших метрополий, так и достижений мировой культуры. Население английских (Ямайки, Барбадоса, Гайаны и др.), французских (Гаити, Мартиника, Гваделупа и др.), голландских (Суринам) колоний говорило на языках метрополии, но сохраняло культурные традиции африканских и индейских народностей.

В наихудшем положении с социально-экономической и природно-климатической точек зрения находилось коренное индейское население. Оно имело самый низкий уровень жизни, самые низкие показатели грамотности, и представляло собой наиболее обездоленную, нищую этно-социальную группу населения стран их проживания. Помимо прочего, индейцы были поставлены в искусственно созданную политическую и культурную изоляцию, в своего рода гражданско-правовой вакуум. По причине неграмотности индейцы были лишены избирательного права, дистанцированы от мирового культурного наследия.

В конфессиональном отношении господствующей религией подавляющего большинства латиноамериканского населения стала религия бывших метрополий, т. е. католицизм. В колониальный период любое другое вероисповедание преследовалось инквизицией. После завоевания независимости была признана и конституционно закреплена свобода вероисповедания. В ряде стран (Бразилия, Чили, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Уругвай) произошло отделение церкви от государства.

Пристальное внимание католической церкви к социально-политическим процессам в регионе стимулировала энциклика папы Льва XIII «*Regum novarum*» (1891). В ней впервые была официально сформулирована позиция церкви по социальному вопросу, как проблеме сугубо светской, общественной. Сущность социального вопроса Лев XIII видел в нарастании несправедливости, в незащищенности человека труда в рамках существовавшей экономической системы, в вовлечении трудящихся в «противоестественную» классовую борьбу. Понтифик пытался добиться утверждения в обществе нового видения природы социальных конфликтов и путей их решения. Предполагалось, что губительный конфликт между бедными и богатыми может быть решен не победой одной из сторон, а возрождением евангельских принципов человеческого общежития.

Помимо католицизма часть латиноамериканцев исповедует протестантизм, внедренный англичанами в свои колонии, а также отчасти в Бразилию и Чили. Индийское население Гайаны, Тринидада и Тобаго оставалось последователем индуизма. Среди мигрантов из Азии распространились ислам, иудаизм, буддизм и конфуцианство. Крайне незначительное число потомков мигрантов-славян оставались православными.

Коренное индейское население в период завоевания европейцами подвергалось насильственной христианизации, причем с использованием крайних мер принуждения. Однако даже у официально принявших католицизм индейцев продолжали сохраняться верования и обряды их предков – тотемизм, культ племенных богов, почитание божеств земледелия и плодородия, астральные культы, индивидуальные и групповые магические обряды.

Потомки вывезенных из Африки рабов стали последователями афро-христианских культов, т. е. синкретических культов, объединяющих элементы различных африканских религий с элементами католицизма. Наибольшее распространение из них получили вудуизм (Гаити), сантерия (Куба), кандомбле и шанго (Бразилия).

Региональные особенности развития латиноамериканского общества в XIX в.

Развитие латиноамериканского региона характеризовалось общими, типичными чертами, в большей или меньшей степени свойственными всем находящимся в регионе странам. Вместе с тем, отдельным государствам и субрегионам (Центральная Америка, Андские страны, страны Южного конуса) были присущи свои особенности. Рассмотрим в качестве примера различные варианты развития трех латиноамериканских стран в XIX в. – Мексики, Бразилии и Кубы.

Мексика. С окончанием Войны за независимость социально-экономическая структура страны не подверглась серьезным изменениям. Темпы роста экономики были медленными, а позиции латифундистов и церкви заметно укрепились. Церковь продолжала ведать регистрацией актов гражданского состояния, владеть значительными материальными ценностями, включая недвижимость, и взимать церковную десятину. В то же время с ликвидацией колониальных ограничений и подключением Мексики к системе мирового хозяйства заметно выросли обороты внешней торговли, активизировалось судоходство. С ведущими европейскими странами и США были заключены торговые соглашения. Мексика поставляла на мировой рынок серебро, табак, кофе, ваниль, кожу, кошениль для получения натурального красителя красного цвета, хенекен для выработки канатов, шпагата и тарной ткани.

Хронический дефицит бюджета Мексики как результат урона ее хозяйству в годы борьбы за независимость определил курс ее правительств на привлечение иностранного капитала в виде займов и инвестиций. Лидирующее положение в предоставлении средств заняла Великобритания. Франция, Пруссия и США также подключились к финансово-экономическому проникновению в Мексику. С помощью иностранного капитала расширялся потенциал местного производства. Главной отраслью промышленности оставалась горнодобыча, в основном серебра и золота. Из обрабатывающих отраслей лидировала текстильная отрасль, представленная фабриками, мануфактурами и ремесленными мастерскими. Отставание Мексики по технической оснащенности от развитых стран мира проявлялось в том, что преобладающей формой производства в середине XIX в. оставалась мануфактура.

Политическая жизнь того времени характеризовалась отчетливо выраженной нестабильностью в связи с острой борьбой за власть между отдельными враждовавшими между собой группировками. Многочисленные заговоры и мятежи приводили к власти то одного, то другого ставленника этих группировок. С 1824 по 1857 г. в стране сменилось более 40 президентов. В 30-е годы произошло образование политических партий Мексики. Интересы землевладельческой, церковной и военной элиты представляла консервативная партия. В либеральной партии, противостоявшей консерваторам, сформировались два течения: правое – модерадос (умеренные) и левое – пурос (крайние). Модерадос выражали чаяния либеральных помещиков, промышленников, купечества, части военных и чиновников. Пурос отражали взгляды городских низов, ремесленников и мелких торговцев, интеллигенции и служащих. Одним из примеров борьбы между умеренными и крайними может служить коллизия 1833 г. Представитель пурос В. Гомес Фариас издал законы об отделении церкви от государства, запрещении создавать религиозные конгрегации, об уплате церковной десятины только на добровольных началах, о передаче государству регистрации актов гражданского состояния. Гомес Фариас отменил ряд привилегий военных и собирался сократить численность вооруженных сил. Волна недовольства влиятельных экономических сил против мероприятий Гомеса Фариаса привела к отстранению его от власти и установлению диктатуры генерала А.Л. Санта-Анны, карьериста и демагога, выходца из богатой

землевладельческой семьи. В последующем перипетии политической борьбы еще трижды приводили Санта-Анну к власти в 40-е и 50-е годы.

Одним из результатов экономической слабости и политической нестабильности Мексики становилась уязвимость ее границ. Непосредственная близость страны от США провоцировала более развитого северного соседа на захват части мексиканской территории, что выразилось в аннексии Техаса и войне Мексики с США. В 20-30-е годы XIX в. обширное и малонаселенное пространство Техаса подверглось масштабной американской колонизации. Этому способствовал закон штата Техас, разрешавший поселенцам приобретать земельные наделы по низким ценам в рассрочку. Вскоре число американцев значительно превысило количество местного мексиканского населения. Американские поселенцы были к тому же хорошо организованы, вооружены и пользовались поддержкой собственного правительства. В конце концов, в марте 1836 г. население Техаса провозгласило отделение от Мексики. Вооруженный и дипломатический протест мексиканского правительства не остановил американцев, и в декабре 1845 г. конгресс США постановил включить Техас в состав Соединенных Штатов.

Присоединение Техаса к США вдохновило американцев на дальнейшую территориальную экспансию в отношении богатых полезными ископаемыми Калифорнии и Новой Мексики. В марте 1846 г. американские войска перешли границу и вторглись на мексиканскую территорию. В июле Мексика, вынужденная оборонять свою территориальную целостность, объявила войну США. Экономическое и, следовательно, военное превосходство американцев, с одной стороны, и продолжавшаяся борьба между различными политическими группировками мексиканцев, с другой стороны, определили исход войны. Несмотря на героическое сопротивление мексиканцев захватчикам, к осени 1847 г. американские войска захватили обширную территорию Мексики и ее столицу Мехико. В местечке Гуадалупе-Идальго начались переговоры о мире, и 2 февраля 1848 г. мирный договор был подписан. К США отходили 2,3 млн км² площади мексиканских штатов Техас, Верхняя Калифорния, Новая Мексика и части земель других штатов, что в совокупности составило свыше половины территории Мексики. Так крайне неблагоприятно для мексиканского народа закончилась американо-мексиканская война 1846–1848 гг. Мексика потеряла значительное количество плодородных земель, что повлияло на ее дальнейшее развитие.

Антипатриотическая капитулянтская позиция правительства Мексики, возглавляемого в то время Санта-Анной, вновь проявилась в 1853 г., когда состоялась так называемая «покупка Гадсдена» – договор между посланником США Дж. Гадсденом и Санта-Анной. Под нажимом американской стороны Мексика, согласно договору, передавала Соединенным Штатам за 10 млн долларов часть своей территории площадью 120 тыс. км². В наши дни эта территория составляет южную часть американских штатов Аризона и Нью-Мексико.

Последствия поражения в войне с США и анти-народный курс президента Санта-Анны не могли не сказаться на положении в стране. В то же время экономическое развитие Мексики сдерживали докапиталистические формы землепользования и методы эксплуатации коренного населения, крупные привилегии церкви и высших армейских кругов. В этой связи был неизбежен новый виток обострения борьбы между консерваторами и либералами, между модераторами и пуританами. В середине XIX в. он вылился в буржуазную революцию и гражданскую войну 1854–1860 гг. Центральным вопросом революции стал вопрос об ускорении экономического развития страны, секуляризации имущества церкви, о ликвидации привилегий духовенства и армии.

Революция началась 1 марта 1854 г., когда в городе Аютла вспыхнуло восстание, участники которого призвали к свержению диктатуры Санта-Анны и проведению демократических реформ («план Аютла»). Вскоре революционное движение, в котором

приняли участие крестьяне, ремесленники, городская беднота, интеллигенция, мелкая и средняя буржуазия, распространилось на другие штаты Мексики, охватив почти всю страну. Диктатура генерала Санта-Анны пала, а диктатор эмигрировал из страны. К власти пришло правительство либералов в лице его левого крыла пурос. В ноябре 1855 г. правительство издало закон, получивший имя выдвинувшего его министра Б.П. Хуареса. Суть «закона Хуареса» состояла в отмене привилегий духовенства и армии. Вскоре недовольные законом консерваторы и часть модератос произвели государственный переворот. Архиепископ Мехико пригрозил отлучением от церкви всех, кто подчинится «закону Хуареса».

Однако контрреволюционные выступления удалось подавить и новое правительство И. Комонфорта, принадлежавшего к умеренным либералам модератос, приступило к преобразованиям буржуазно-либерального содержания. Был утвержден «закон Хуареса» и принят закон, названный по имени его автора «законом Лердо», который запрещал церковным и гражданским корпорациям владеть недвижимым имуществом. Что касается церковного имущества, то «закон Лердо» ускорил переход принадлежавших церкви земельных поместий и городской недвижимости в руки буржуазии и латифундистов на условиях купли-продажи, т. е. способствовал потребностям капиталистического развития. С другой стороны, развитие капиталистических отношений требовало свободных рабочих рук. И они нашлись в лице индейцев, экспроприированных по «закону Лердо». Дело в том, что индейские общины попали под действие данного закона в качестве «гражданских корпораций», и значительная часть общинных индейских земель была скуплена латифундистами и земельными спекулянтами. Оставшиеся безземельными, бездомными и безработными индейцы посылались на бессрочные принудительные работы и становились, таким образом, дешевой рабочей силой для крупных землевладельческих хозяйств.

Важным завоеванием революции явилось принятие новой конституции 1857 г., вступившей в силу 16 сентября, в годовщину восстания под руководством М. Идальго. Согласно Конституции, Мексика провозглашалась демократической представительной республикой, состоявшей из штатов, суверенных в своих внутренних делах. Высшая законодательная власть принадлежала однопалатному конгрессу, избираемому на два года, исполнительная власть принадлежала президенту, избираемому всеобщим голосованием на четыре года. Духовенству запрещалось избираться в органы государственной власти. Конституция декларировалась неприкосновенностью частной собственности и, подтверждая положения «закона Хуареса» и «закона Лердо», запрещала духовным и светским корпорациям владеть недвижимым имуществом. Конституция содержала статьи о свободе слова, печати, собраний, тайне переписки, суде присяжных. Запрещалось рабство и долговое рабство (пеонаж). Конституция 1857 г. наносила удар по феодальным пережиткам и имела буржуазный характер, следовательно, против нее выступили консерваторы и церковь. Борьба приняла вооруженный характер, в ряде штатов Мексики вспыхнули мятежи, а в конце 1857 г. произошел государственный переворот. Президент Комонфорт бежал, правительство возглавил консервативный генерал Сулоага. Страна погрузилась в пучину гражданской войны.

Консерваторы с помощью верных им вооруженных сил заняли ряд крупных городов страны, включая столицу Мехико. Объявив об отмене Конституции 1857 г. и аннулировав «закон Лердо», они вернули церкви принадлежавшую ей недвижимость и восстановили привилегии духовенства и армии. Регулярная армия на протяжении всей гражданской войны воевала на стороне консерваторов против либералов. Либеральный лагерь сторонников Конституции включал среднюю и мелкую буржуазию, ремесленников, городскую бедноту, часть крестьян. На стороне либералов были также те представители крупной буржуазии и латифундистов, кто скупил имущество по «закону Лердо». Борьбу либералов в то время возглавили пурос и один из их лидеров Б. Хуарес. Бенито Пабло Хуарес (1806–1872), происходивший из бедной индейской крестьянской семьи и росший

сиротой, получил образование в духовной семинарии и обучался юриспруденции в Институте наук и искусств. Став адвокатом, он постепенно включился в политическую борьбу и занимал ряд государственных постов. Как политический деятель он представлял интересы молодой мексиканской буржуазии. Скромный, честный простой в общении и неустрашимый в опасности, Хуарес оставался доступным и для простых людей. Мексиканцы считали его национальным героем.

Б. Хуарес возглавил правительство либералов, оплотом которого стала окраина – северо-западные и часть южных штатов Мексики. Поскольку регулярная армия сражалась на стороне консерваторов, то либералам пришлось создавать собственные вооруженные силы из частей национальной гвардии и партизанских отрядов. Эти войска, состоявшие из добровольцев, были плохо экипированы, мало обучены, слабо организованы и не достаточно вооружены. В результате военный перевес в годы гражданской войны был на стороне консерваторов. Конфликт углубило и религиозное противостояние. Церковь разжигала религиозный фанатизм среди верующих и щедро финансировала правительство консерваторов. Либералы, со своей стороны, развязали репрессии против духовенства, вплоть до смертной казни тех священников, которые призывали верующих не поддерживать конституцию. На борьбу против церкви было направлено также законодательство либералов. В 1859 г. Б. Хуарес издал документ под названием «Законы о реформе», ставшие наряду с конституцией 1857 г. и «законом Лердо» важнейшим законодательным актом буржуазной революции. «Законы о реформе» объявляли главным виновником гражданской войны в Мексике духовенство. А потому декларировалось изъятие у церкви тех материальных ценностей, которые она использовала в ущерб обществу, т. е. национализация церковного имущества в пользу государства. Провозглашалась свобода вероисповедания, церковь отделялась от государства, а мужские монастыри, религиозные братства и конгрегации распускались. Вводился гражданский брак, а регистрация актов гражданского состояния передавалась государству. Верующие освобождались от принудительных церковных поборов. «Законы о реформе» более радикально, чем конституция 1857 г. и «закон Лердо», определяли положение церкви в государстве, вместо выкупа церковной недвижимости объявлялась ее полная национализация. Хуарес и его соратники стремились облегчить переход церковных земель в руки мелких собственников, чтобы стимулировать мелкое землевладение. За это консерваторы обвинили либералов в «коммунизме».

«Законы о реформе» обострили гражданскую войну, которая охватила даже самые отдаленные деревни, оставшиеся до той поры в стороне от политической борьбы. Активное участие мексиканского народа определило исход гражданской войны, в которой с лета 1860 г. определился военный перевес либералов. В декабре 1860 г. гражданская война, длившаяся три года, закончилась их победой. Земли, жилые дома и ценные бумаги церкви перешли в распоряжение государства, которое распродало их буржуазии и латифундистам, включая иностранных собственников. Аграрный вопрос не был решен, сохранились пеонаж, кабальные виды аренды, отработки. Крестьянские выступления вскоре подавили правительственные войска. Вместе с тем экспроприация церковной недвижимости и земель индейских общин, упразднение цехов и ликвидация внутренних таможен способствовали развитию капитализма в Мексике.

В борьбу против правительства Хуареса вступили иностранные державы. В конце октября 1861 г. Великобритания, Франция и Испания подписали конвенцию о вторжении в Мексику под предлогом того, что мексиканское правительство временно прекратило платежи по внешним долгам. В декабре 1861 г. переброшенные с Кубы испанские войска высадились в Мексике, а в январе 1862 г. к ним присоединились французский и английский контингенты. В феврале 1862 г. между мексиканским правительством и представителями интервенционистских войск прошли переговоры об урегулировании спорных вопросов, и в апреле английские и испанские войска эвакуировались из Мексики. Враждебная коалиция распалась, но в Мексике остались французские войска. Наполеон III

объявил о состоянии войны с правительством Хуареса. Французская экспедиционная армия, оккупировав ряд мексиканских штатов, вступила в столицу Мехико. Мексика была провозглашена наследственной монархией во главе с императором Максимилианом I – австрийским эрцгерцогом, ставленником Наполеона III.

Мексиканский народ по призыву президента Хуареса поднялся на борьбу против интервентов. Борьба приняла характер народной войны с использованием как регулярных частей, так и партизанских отрядов. Оккупантов поддерживало лишь незначительное меньшинство мексиканцев – лидеры консервативной партии, высшее духовенство, часть землевладельческой аристократии. Положение «империи» становилось критическим. Мексиканцы получили поддержку США, где в 1865 г. закончилась гражданская война. США, имевшие свои экспансионистские интересы в Мексике, потребовали вывода французских войск, предоставили мексиканскому правительству заем и возможность закупать американское оружие. Слова Хуареса «время и наше упорство истощат французов» получили свое реальное воплощение. В марте 1867 г. Франция была вынуждена вывести свои понесшие значительные потери войска из Мексики. Максимилиан I оказался в изоляции. Потерпев в одном из боев поражение от мексиканцев, он был взят ими в плен и расстрелян, несмотря на протесты европейских монархов. Мексиканский народ в пятилетней неравной борьбе смог отстоять свою независимость. Страна получила возможность для поступательного развития по пути капитализма.

Бразилия. В отличие от колониальных владений Испании португальская колония Бразилия обрела независимость иным, невооруженным способом. 7 сентября 1822 г. принц Педру объявил о независимости Бразилии от Португалии. В октябре он был провозглашен императором Бразилии под именем Педру I. В стране была принята Конституция (1824) и создан парламент. Бразильская империя стала конституционной монархией, в то время как в остальных государствах Латинской Америки существовал республиканский строй. Центральными вопросами общественной жизни Бразилии на ближайшие десятилетия стали отмена рабства и установление республиканского строя.

Экономика Бразилии представляла собой сочетание различных укладов – рабовладельческого, феодального и капиталистического. В отдаленных труднодоступных уголках страны индейские племена продолжали жить по канонам первобытнообщинного строя. В первые десятилетия после завоевания независимости крупное землевладение – плантационное рабство – составляло основу всей экономической жизни Бразилии. Своеобразие социально-экономического строя состояло в том, что крупные землевладельцы (fazendeiros) являлись одновременно и феодалами, и рабовладельцами. Принадлежавшие им крупные плантации представляли собой замкнутые экономические единицы, слабо связанные с внутренним рынком страны. Здесь производились продукты первой необходимости, и не было нужды в дополнительных закупках. В то же время fazendas были тесно связаны с мировым рынком, поставляя туда продукцию экспортных культур – сахарного тростника, кофе, хлопка. Крупные плантаторы были самыми богатыми людьми страны.

Рабы, как и в колониальный период, продолжали оставаться основной рабочей силой на плантациях и на рудниках по добыче золота и алмазов, выполняли обязанности прислуги, трудились на мануфактурах и немногочисленных в то время промышленных предприятиях. В момент обретения независимости рабы составляли почти половину населения страны. Одним из источников пополнения живого товара был ввоз в Бразилию африканских негров. С 1820 по 1850 г. в страну было ввезено свыше одного миллиона рабов.

На скотоводческих fazendas северо-востока и юга Бразилии использовался труд полусвободных погонщиков скота – пастухов-гаушо. Иногда, в период отсутствия работы, fazendeiros предоставляли гаушо возможность вести на своей земле небольшое хозяйство.

В аграрном секторе бразильской экономики существовал также довольно многочисленный слой свободных мелких землевладельцев. Располагая небольшим количеством земли или вовсе не имея ее, они арендовали земельные участки у фазендейро, и были обязаны отдавать ему за это половину урожая. Над данной категорией тружеников постоянно довлела угроза сгона их с земли хозяина.

Наиболее динамичным геоэкономическим районом Бразилии становился юго-восток – провинции Рио-де-Жанейро, Минас-Жерайс, Сан-Паулу. Здесь имелись исключительно благоприятные условия для выращивания кофе, экспорт которого на мировой рынок стремительно увеличивался.

Императорский двор, состоявший из представителей португальской аристократии, и бразильские плантаторы не были заинтересованы в развитии промышленности, их благосостояние определялось системой плантационного рабства. Национальная промышленность развивалась крайне медленно и по причине отсутствия рынка свободной рабочей силы. Конкуренцию местному промышленному производству составляли иностранные, главным образом, английские товары. Великобритания резко усилила свое влияние в экономике независимой Бразилии, особенно в горнорудном секторе, в финансовой области и экспорте. Кроме того, Великобритания была основной покупательницей бразильских экспортных товаров, перевозившихся обычно английскими купцами на английских судах. Тесные сношения с английским капиталом имела бразильская торгово-ростовщическая буржуазия.

Однако постепенно положение стало меняться. Малопроизводительный труд рабов на плантациях, нехватка свободных рабочих рук для развития промышленности тормозили поступательное развитие страны. В середине XIX в. глубокий кризис системы рабского труда становился все более очевидным и требовал его замены на свободный наемный труд. В 1850 г. работорговля была запрещена (но рабовладение еще не было отменено). Отмена работорговли лишила систему рабства возможности расширения и даже простого сохранения в прежнем виде. Медленно, но неуклонно расширялась область нерабовладельческих производственных отношений. Усилился приток в страну европейских иммигрантов, в основном из Португалии, Германии, Италии и др. В 70-80-х годах в Бразилию прибыли первые значительные партии русских переселенцев. Основная масса прибывших поглощалась растущей промышленностью и сельским хозяйством. Количество свободного населения Бразилии продолжало увеличиваться, и во второй половине 60-х годов число рабов составляло лишь около 20 % населения.

Рост свободного населения и высокие доходы от экспорта кофе вдохнули жизнь в бразильскую экономику. Развернулось железнодорожное строительство. Первая железнодорожная линия была проложена в 1854 г. Оживилась деятельность банков, страховых компаний и ссудных касс. В течение 50-х годов было создано 62 новых промышленных предприятия, основаны 8 горнодобывающих, 20 пароходных компаний, 3 компании городского транспорта и 3 газовые компании. В середине XIX в. на севере страны были обнаружены золотые россыпи. «Золотая лихорадка» стимулировала рост иммигрантов. Произошли изменения и в структуре экспорта, где все более заметное место стал занимать каучук, добывавшийся на богатейших скоплениях каучуковых деревьев (гевей) в долине Амазонки.

Процесс формирования бразильской буржуазии развивался в условиях сохранения рабства, что определило важную особенность данного процесса – преобладание буржуазии, вышедшей из среды плантаторов и торговцев-экспортеров. По характеру своей деятельности буржуазия была тесно связана как с плантаторами, так и с иностранными торговыми и промышленными фирмами, т. е. с иностранным капиталом. Другим, более слабым источником формирования национальной буржуазии была среда ремесленников и мелких торговцев, обслуживавших внутренний рынок. Развивавшийся капиталистический уклад все более явно вступал в противоречие с укладом

рабовладельческим, в существовании которого была заинтересована монархия. Вот почему народные движения в стране были направлены против рабства, за республику.

Народное движение 30-40-х годов вылилось в республиканские восстания, в которых приняли участие широкие массы населения. В центре политической борьбы оказалась борьба между монархистами, объединившимися в консервативную партию, и республиканцами-либералами. Одним из результатов борьбы стало отречение в 1831 г. Педру I в пользу своего пятилетнего сына Педру II, при котором был создан регентский совет из представителей крупных фазендейро. В 1840 г. монархисты настояли на признании Педру II совершеннолетним и объявили его императором. В столице, таким образом, был налицо перевес монархистов-консерваторов. Зато в провинциях схватка республиканцев с монархистами разгорелась с новой силой.

На юге страны десять лет (1835–1845) длилось самое грозное республиканское восстание «фаррапос» (фаррапос – оборванцы, так правительственные войска называли участников восстания). В нем приняла участие флотилия под командованием молодого итальянца Джузеппе Гарибальди, лозунг которого «Я готов ко всему, кроме того, чтобы сдать» был подхвачен восставшими. Фаррапос провозгласили на своей территории республику Риу-Гранди и вели успешные боевые действия против правительственных войск. Вступившие в армию Риу-Гранди рабы объявлялись свободными. Фаррапос попытались распространить свою власть на соседние территории, но потерпели поражение. Постепенно их движение пошло на убыль. С движением фаррапос совпали по времени еще три крупных народных выступления. На севере страны в Баие в 1837–1838 гг. выступили городские низы во главе с врачом Сабино (восстание получило название «сабинада»). Восставшие провозгласили республику и стали создавать ополчение. В 1838–1841 гг. на северо-востоке произошло восстание, получившее название «балаяду» (балаю по-португальски – корзина) по прозвищу одного из его вождей, плетельщика корзин. Повстанцы напали на богатые поместья и конфисковывали имущество их владельцев. В 1848–1849 гг. широкий размах приняло восстание «прайейрус» в провинции Пернамбуку (прайейрус по-португальски – жители побережья, так же называлась улица, где находилась типография восставших). Прайейрус, выступившие под сильным влиянием известий о революциях 1848 г. в Европе, требовали всеобщего избирательного права, свободы печати, раздела крупных поместий. Все восстания были подавлены превосходящими силами правительственных войск. Однако их значение состояло в том, что народные восстания расшатывали монархические устои и готовили путь к отмене рабства и провозглашению республики. Одним из непосредственных результатов борьбы стало вышеупомянутое запрещение работорговли в 1850 г.

В 60-е годы движение за республику все сильнее переплетается с аболиционизмом – народным движением за отмену рабства во главе с бразильской буржуазией. Первое аболиционистское общество возглавил выдающийся бразильский поэт-романтик А. Кастру Алвис, произведения которого стали своеобразным поэтическим манифестом движения. Экономические и социальные условия кризиса рабовладельческого уклада созрели внутри страны. Вместе с тем ускорению отмены рабства способствовали и международные события. Одно из них – отмена рабства в США. Другое – парагвайская война (1864–1870), которую Бразилия вела совместно с Аргентиной и Уругваем против прогрессивного режима Парагвая. В ходе войны Бразилия столкнулась с большими трудностями при наборе войск, и правительство было вынуждено прибегнуть к мобилизации рабов. Затяжной и кровопролитный характер парагвайской войны обострил экономические трудности и социальные проблемы Бразилии, усилил рост оппозиционного движения. В 1883 г. возникла крупная политическая организация Конфедерация аболиционистов. В начале 1888 г. обстановка в стране стала столь напряженной, что королевский двор и правительство начали подготовку закона об отмене рабства. Наконец, 8 мая 1888 г. был провозглашен так называемый Золотой закон о немедленной и

безусловной отмене рабства. Так, благодаря подъему всенародного движения рабство в Бразилии перестало существовать. Рабы получили свободу, но не получили земли. Они работали на плантациях в качестве батраков, полностью зависимых в экономическом отношении от хозяев. Часть освобожденных рабов осела в городах и пополнила ряды ремесленников и промышленных рабочих. Отмена рабства, таким образом, уничтожила важнейшую преграду для развития капиталистических отношений.

Политическая власть, однако, оставалась в руках твердолобого, консервативного императора Педру II и крупных землевладельцев-fazendeiros, предпринимавших отчаянные усилия по спасению монархического режима, способного сохранить их привилегии и, в случае необходимости, подавить любую форму социального протеста против господства крупных собственников. В этой связи лидерам республиканского лагеря, который представляла Национальная республиканская партия и республиканские клубы, пришлось задуматься над организацией не только мирных манифестаций в пользу республики. Осенью 1889 г. они приступили к подготовке восстания, в котором решающая роль отводилась армии.

Руководителем восстания был выдвинут маршал М. Деодору да Фонсека, аболиционист, сторонник республики и умеренных буржуазно-либеральных реформ. Вместе с другим деятелем аболиционистского и республиканского движения, преподавателем военной академии Бенжамином Констаном 15 ноября 1889 г. он привел восставшие армейские полки на центральную площадь столицы Рио-де-Жанейро. Другие воинские части присоединились к восставшим. Гражданское население горячо приветствовало военных. Деодору да Фонсека объявил правительство низложенным. Вечером того же дня под напором стихийных народных манифестаций в доме Бенжамина Констана лидеры республиканской партии приняли решение провозгласить республику. Свергнутый император Педру II эмигрировал из страны и через два года умер в Париже. Дата 15 ноября 1889 г. вместе с венком из листьев и плодов кофейного дерева и в наши дни красуется на государственном гербе Бразилии.

В состав временного республиканского правительства вошли деятели и идеологи, представлявшие буржуазные слои общества, но вместе с тем, в правительство были включены и министры из рядов fazendeiros ввиду сохранявшейся экономической мощи крупных землевладельцев. Состав правительства определил компромиссный характер его деятельности. Руководителям буржуазного лагеря в ближайшие годы предстояла борьба за устойчивое политическое лидерство в стране.

Временное правительство во главе с Деодору да Фонсека приняло декрет, наделивший избирательным правом всех грамотных мужчин, достигших 21 года. Церковь отделялась от государства, вводился гражданский брак. В 1891 г. была принята Конституция, составленная с учетом опыта зарубежных государств, главным образом, США. Согласно Конституции, законодательная власть в стране принадлежала конгрессу, состоявшему из палаты представителей и сената. Исполнительная власть принадлежала президенту, наделенному широкими полномочиями, и правительству. Конституция провозглашала равенство всех граждан перед законом, свободу совести, слова, печати, собраний, занятий и другие буржуазные права и свободы. Частная собственность объявлялась неприкосновенной. Провинции были преобразованы в штаты, и Бразилия стала называться Соединенными Штатами Бразилии.

Куба. После Войны за независимость 1810–1826 гг. остров Куба, в отличие от подавляющего большинства других стран Латинской Америки, продолжал оставаться колонией Испании. Куба специализировалась, главным образом, на поставках сахарного тростника и табака. Кроме того, Куба экспортировала кофе, драгоценные металлы, алкогольные напитки, серу, медь и др. Доминирующей отраслью экономики оставалось культивирование и производство сахара. Экономическое и стратегическое положение Кубы определило курс метрополии: ограничить торгово-экономические связи Кубы с

другими странами, что, естественно, тормозило развитие кубинского экономического потенциала. На плантациях и рудниках работали ввозимые из Африки негры-рабы. На табачных и сигарных фабриках использовался наемный труд. Большую часть трудового населения острова составляли белое и мулатометисное крестьянство, ремесленники, мелкая городская буржуазия, городские низы и наиболее угнетенная, бесправная категория населения – негры-рабы. Креолы – белые, потомки испанцев, рожденные на острове, представляли собой социально неоднородный этнический компонент. С одной стороны, это были мелкие и средние земельные собственники табачных плантаций, скотоводческих поместий (асьенд), прослойка торговой буржуазии, интеллигенции. С другой стороны, креольская аристократия – крупные плантаторы-рабовладельцы западных и центральных областей Кубы, интересы которых смыкались с интересами колониальной администрации. Они подчеркивали, что рабство является специфической формой частной собственности и потому считается неприкосновенным.

Названные категории белого, черного и цветного населения, за исключением крупных плантаторов, получивших большие привилегии от испанской короны, выступали за независимость Кубы и отмену рабства. Из них состоял оппозиционный потенциал, готовый к той или иной форме борьбы. Кубинцы упорно боролись против колониального гнета и политического бесправия, олицетворяемых испанской колониальной администрацией, но до середины XIX в. их борьба носила стихийный характер и потому была безрезультатной. Во второй половине XIX в. освободительное движение стало приобретать более организованный характер. Наряду с различными организациями креольской интеллигенции, тайными обществами начали действовать первые рабочие организации (например, Ассоциация табачников Гаваны).

Одним из важнейших этапов национально-освободительной борьбы кубинцев стала Десятилетняя война (1868–1878), главной целью которой было завоевание независимости. Начало освободительной войны связано с выступлением 10 октября 1868 г. К.М. де Сеспедеса, обратившегося к своим единомышленникам и освобожденным им рабам с манифестом. Карлос Мануэль де Сеспедес, ставший впоследствии национальным героем Кубы, сын крупного плантатора, окончил Гаванский университет и изучал право в университетах Мадрида и Барселоны. По возвращении на Кубу занимался адвокатской практикой, проявил себя откровенным противником испанского колониального режима. Его манифест, получивший название «Ключ из Яры» (по названию местечка Яра), явился важным политическим документом, провозгласившим независимость Кубы, поставившим задачу постепенной отмены рабства, потребовавшим свободных и равноправных экономических отношений с другими странами, декларировавшим всеобщее избирательное право. Известие о восстании в Яре быстро распространилось по всей стране и переросло в национально-освободительную войну. Главными движущими силами войны на начальном этапе стали крестьяне и горожане, по мере углубления освободительного процесса все более активную роль играли освобождаемые в ходе борьбы негры-рабы. Руководящую роль в войне играло радикальное крыло патриотически настроенных землевладельцев, аграрная и торговая буржуазия, революционная интеллигенция, молодежь, студенчество.

Наиболее широкие масштабы освободительная война приняла в восточных и центральных районах острова. В западной его части, включая Гавану, где был сосредоточен основной контингент испанских войск, колониальные власти пресекали любую попытку народного выступления. На территории, захваченной повстанцами, была провозглашена Сражающаяся республика и принята ее Конституция. Де Сеспедес возглавил Освободительную армию кубинских повстанцев и стал первым президентом Сражающейся республики Куба (1869–1873). На первых порах Освободительная армия одержала ряд побед. В дальнейшем Испания, направлявшая на Кубу все новые контингенты войск, перехватила инициативу. Жестокие карательные рейды правительственных войск подтолкнули повстанцев к принятию радикальных декретов,

имевших силу на территории республики: об уничтожении собственности откровенных сторонников испанских колониальных властей и об отмене рабства.

Постепенно в ходе борьбы все более явственно начинали звучать социальные требования основных движущих сил, что не могло не беспокоить руководителей войны. Интересы руководства подталкивали его к компромиссу с испанцами. Среди руководства повстанцев усилились разногласия. С другой стороны, военный перевес одержала правительственная армия. В 1874 г. де Сеспедес был захвачен в плен испанцами и расстрелян. В течение 1877 г. испанские войска подавили очаги сопротивления восставших. Начались переговоры о прекращении вооруженного сопротивления. 10 февраля 1878 г. в местечке Санхон консервативное руководство Освободительной армии подписало с испанцами компромиссный Санхонский пакт. По условиям пакта восставшие прекращали вооруженную борьбу, а колониальная администрация обещала провести реформы в управлении Кубой, соглашалась не преследовать участников освободительной борьбы и дать свободу рабам, сражавшимся в Освободительной армии. Небольшая группа патриотов, выступавших против заключения Санхонского пакта, не признала данного документа, расценив его как предательство национальных интересов, и призвала к продолжению борьбы. По окончании войны 1868–1878 гг. многие лидеры освободительного движения уехали в эмиграцию в США.

Основными причинами незавершенности Десятилетней освободительной войны стала локальность ее территориального распространения, а также разногласия в руководстве и имущественные интересы его правого крыла, которые не позволили решить важнейших вопросов об отмене рабства и независимости. Тем не менее, Десятилетняя война сыграла важную роль в последующих событиях. В 1886 г. на всей территории Кубы было отменено рабство, что создавало более благоприятные условия для развития капитализма.

В 90-е годы XIX в. Куба продолжала развиваться преимущественно как страна одного товара (сахара) для одного рынка (США). В 1894 г. в США экспортировалось 91,49 % кубинского сахара. «Мировая сахарница» сохраняла мировое первенство по производству сахара до середины 80-х годов, когда ее смогла обойти Германия, что, тем не менее, оставляло Кубу крупнейшим производителем «сладкого золота» в мире. Испания по-прежнему стремилась во что бы то ни стало сохранить «жемчужину Антилл» в качестве своей колонии как важный источник пополнения испанской казны. В последнее десятилетие XIX в. три четверти бюджета Кубы предназначались для нужд мадридского двора. Как и раньше оставались разорительными таможенные ограничения. Большинство кубинцев были политически бесправны. Из полутора миллионов населения лишь 10 тыс. кубинцев имели право голоса.

Промышленное развитие Кубы, получившее стимул после отмены рабства, сопровождалось ростом пролетариата и усилением организованности рабочего движения. Выросло число профессиональных организаций, началось издание рабочих газет, в которых пропагандировались идеи научного социализма. Лидирующие позиции в рабочем движении занимали анархисты. В 1892 г. в Гаване состоялся I рабочий конгресс, на котором обсуждались вопросы о 8-часовом рабочем дне, признании права на забастовку, о запрещении дискриминации по расовому признаку. Колониальные власти жестко отреагировали на это событие: разогнали делегатов съезда и арестовали рабочих руководителей.

Таким образом, экономическая, социальная и политическая ситуация на Кубе в императивном ключе ставила вопрос о завоевании независимости. На Кубе и за ее пределами велась подготовка к новому этапу вооруженной борьбы за независимость, выдающуюся роль в которой сыграл национальный герой Кубы, писатель-патриот, идеолог освободительного и демократического движения Хосе Марти (1853–1895). Известный не только на Кубе, но и в других странах Латинской Америки, талантливый публицист и поэт, политический и общественный деятель, революционер-демократ,

патриот и анти-империалист, человек редкой душевной чистоты, Хосе Марти отдал все свои силы и жизнь борьбе за независимость родины. Понимая необходимость объединения всех революционных сил, Марти создал широкую организацию – Кубинскую революционную партию (КРП), целями которой стали свержение испанского гнета, установление республики и равноправие всех граждан, уничтожение расовой дискриминации. Созданная в эмиграции в США, где находились деятели кубинского освободительного движения Х. Марти, А. Масео, М. Гомес и др., Кубинская революционная партия вначале объединила патриотические эмигрантские организации, а затем и революционные организации на Кубе. КРП надлежало возглавить освободительную борьбу кубинского народа против испанцев.

Помимо Марти большой вклад в подготовку и ведение вооруженной освободительной борьбы кубинцев внесли М. Гомес и А. Масео. Максимо Гомес, уроженец Доминиканской республики, в 1865 г. переехал на Кубу. В годы Десятилетней войны воевал в Освободительной армии, одержал ряд крупных побед над испанцами, стал генералом. Антонио Масео, выходец из крестьянской семьи, за храбрость и мужество, проявленные в годы Десятилетней войны, заслужил прозвище «бронзовый титан» и получил чин генерал-майора. Его имя приводило испанцев в трепет, и они заочно приговорили Масео к смертной казни.

Кубинской революционной партии и ее руководителям предстояло сплотить патриотическую эмиграцию со сторонниками независимости на Кубе, вести революционную пропаганду, собрать средства на нужды войны, искать пути сотрудничества с дружескими странами. В число таких стран не входили США, об алчности и экспансионизме которых по отношению Кубы не раз говорили Марти и Масео.

24 февраля 1895 г. под лозунгом «Независимость или смерть!» на Кубе вспыхнуло восстание, положившее начало национально-освободительной войне 1895–1898 гг. В апреле Масео, Марти и Гомес прибыли на Кубу. Хосе Марти осуществлял общее военное и политическое руководство. Максимо Гомес был назначен главнокомандующим Освободительной армией, Антонио Масео стал его заместителем. В Освободительной армии воевали крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, в основном бывшие рабы. Во много раз превосходившие их в живой силе и вооружении испанские колониальные войска, тем не менее, несли поражение за поражением. Тактика мадридского двора «война до последнего солдата и последней песеты» (денежная единица Испании и Кубы) успеха не имела. На всей территории острова активно действовали партизанские отряды кубинцев, доставлявшие испанским войскам немало неприятностей. Но патриоты одерживали не только победы. Большой бедой обернулась для них смерть Хосе Марти, погибшего в бою с испанцами в мае 1895 г.

На освобожденной от испанцев территории Кубы было создано правительство и провозглашена Конституция независимой кубинской республики. Независимую республику не признали и не поддержали ни правительства европейских стран, ни руководство США, ни латиноамериканские страны, за исключением Эквадора. Кубинских патриотов поддержала лишь передовая общественность европейских и американских стран. В России интересовались положением дел на Кубе как на официальном уровне, так и не официально. В ряде центральных газет публиковались репортажи о кубинских событиях, проникнутые симпатией к повстанцам. Трое русских офицеров-артиллеристов приняли непосредственное участие в военных действиях на стороне кубинцев. Один из них был членом штаба А. Масео.

Освободительная армия повстанцев во главе с Гомесом и Масео осенью 1895 – зимой 1896 г. совершила рейд по всей территории Кубы и одержала несколько крупных побед над испанцами. В ответ колонизаторы обрушили жестокие репрессии против мирного населения острова: большая часть кубинцев была заключена в концентрационные лагеря. В декабре 1896 г. освободительное движение понесло еще одну невосполнимую утрату:

погиб в бою генерал, национальный герой Антонио Масео. Из 24 ран, полученных «бронзовым титаном» в различных сражениях, последняя оказалась смертельной.

Успехи кубинского народа в освободительной борьбе заставили Испанию предоставить Кубе автономию, о чем было объявлено в ноябре 1897 г. Крупные кубинские землевладельцы и буржуазия, занимавшие до того выжидательную позицию или частично поддерживавшие повстанцев, немедленно перешли на сторону испанской колониальной администрации. Однако Освободительная армия во главе с М. Гомесом продолжала боевые действия. К началу 1898 г. в результате трехлетней борьбы большая часть территории острова была освобождена от испанцев. Испанские войска оставались лишь в нескольких портовых городах.

Именно в тот момент, когда кубинцы своими силами разгромили испанскую армию, США под предлогом помощи Кубе в ее борьбе за независимость объявили войну Испании. Испано-американская война 1898 г. закончилась победой США. Испания отказывалась от своих притязаний на Кубу, а Соединенные Штаты устанавливали на Кубе режим военной оккупации. В тексте мирного договора американский оккупационный режим мыслился как временный, но срок для его ликвидации установлен не был. В январе 1899 г. Испания окончательно передала Кубу Соединенным Штатам, войска которых оккупировали остров. Оккупационные силы образовали военное правительство во главе с американским военным губернатором. Кубинская революционная партия, как, якобы, выполнившая свою историческую миссию, была распущена. Освободительная армия разоружена и распущена. Все ценное, чем располагали недра Кубы, оказалось под контролем американского капитала. За годы оккупации (1899–1902) американские инвестиции выросли на 30 млн долларов. Американцы стремились проникнуть и в сферу культуры и народного образования: школьные учебники для Кубы подготавливались в США.

Для определения статуса Кубы американская администрация созвала Учредительную ассамблею, которая приняла Конституцию 1901 г. США отказались вывести оккупационные войска, пока кубинцы не внесут в новую конституцию поправку, ограничивающую суверенитет Кубинской республики. Несмотря на массовый протест жителей острова, Соединенным Штатам удалось навязать кубинцам поправку председателя Комиссии конгресса США по делам Кубы сенатора Орвила Платта. Поправка Платта предусматривала признание за США права на вмешательство во внутренние дела Кубы; ограничение прав Кубы на заключение договоров и соглашений с иностранными державами либо на предоставление им каких-либо привилегий без предварительного согласия США; ограничение прав Кубы в получении иностранных займов; признание за США права на приобретение земель и пользование морскими базами на кубинской территории; признание и соблюдение Кубой всех законов, изданных американскими военными властями; соблюдение санитарных мероприятий, чтобы избежать распространения эпидемических и инфекционных заболеваний на Кубе и в южных штатах США. 20 мая 1902 г. стало датой провозглашения формально независимой Кубинской республики. В тот же день американские войска были эвакуированы с острова. Так в результате многолетней упорной борьбы кубинского народа зависимость колониальной Кубы от Испании сменилась зависимостью от США независимостью.

Европейская колонизация Северной Америки

Открытие североамериканских земель, следствием которого стало освоение их европейцами, произошло в конце XV в. Первыми в Америке появились испанцы. До середины XVI в. они лидировали в разведывании новых территорий на Тихоокеанском побережье Северной Америки, обследовав полуостров Калифорния и значительные участки береговой линии. Помимо испанцев, на Атлантическом побережье Северной Америки главные открытия сделали англичане, португальцы и французы. В 1497–1498 гг. переселившийся в Англию итальянец Джованни Кабото (Джон Кэбот) возглавил две экспедиции, организованные королем Генрихом VII, в ходе которых был открыт остров Ньюфаундленд и разведана территория вдоль северного побережья. Через пару лет португальцы открыли Лабрадор, а испанцы обследовали побережье Флориды. Спустя еще два десятилетия французы сумели проникнуть от берегов Ньюфаундленда вглубь материка, открыв залив и реку св. Лаврентия.

В течение следующих столетий явным было превосходство Англии, которая, в отличие от других стран, стремилась уже не только к освоению природных богатств и вывозу их в метрополию, но и колонизации прибрежных участков территории. Среди стран – соперниц Англии поначалу выделялась Испания, прочно закрепившаяся по берегам двух океанов во Флориде и Западной Мексике и оттуда продвигавшаяся к Аппалачам и Большому каньону. Начав колонизацию еще в 1566 г., она основала Новую Испанию, заняла также Техас и Калифорнию, но впоследствии переключила внимание на свои более доходные колониальные территории в Центральной и Южной Америке.

Это привело к тому, что в Северной Америке самым опасным для британцев соперником становилась Франция. К западу от долины реки Св. Лаврентия она в 1608 г. основала первое поселение в Квебеке, начала осваивать Новую Францию (современную Канаду) и с 1682 г. – Луизиану в бассейне р. Миссисипи.

Голландцы, раньше других европейцев получившие доступ к несметным богатствам Индии и создавшие в 1602 г. для контроля над колониальной торговлей Ост-Индскую компанию, не имели настоящей потребности создавать многочисленные колонии еще и в Америке. Однако голландская Вест-Индская компания все же построила в средней части атлантического побережья факторию Новый Амстердам, захватила небольшие острова в Вест-Индии, а также создала первые поселения в Бразилии, откуда началось освоение этой огромной территории.

Британская колонизация Северной Америки с XVII в. значительно ускорилась. На протяжении 170 лет с момента создания первых британских поселений и вплоть до начала эпохи их независимости продолжался так называемый «колониальный период» истории США. Полукочевые североамериканские охотничьи племена, с которыми сталкивались первые колонисты, не имели и части богатств, обнаруженных испанцами у инков и ацтеков. Когда стало ясно, что золота и серебра на разведанных территориях нет, но земельные ресурсы могут представлять самостоятельную ценность, королева Елизавета I Тюдор в 1583 г. первой из монархов дала согласие на колонизацию американских

территорий. Открытые британцами земли воспринимались как бесхозные и объявлялись собственностью короны.

Ранние поселения, основанные моряками и пиратами, грабившими богатые морские караваны Испании, использовались как перевалочные базы и временные пристанища. Несмотря на первые неудачные попытки, в 1584 г. одним из фаворитов королевы – Уолтером Рейли, были специально снаряжены корабли с переселенцами. Вскоре все восточное побережье севернее Флориды было объявлено британской собственностью. Территория получила название в честь «королевы-девственницы» – Вирджиния. Оттуда англичане постепенно продвигались к западу, к предгорьям Аппалачей. Однако первые колонисты смогли постоянно обосноваться на британских землях в Новом Свете только при Якове I Стюарте. Все колонии основывались разными группами переселенцев независимо друг от друга. Каждая имела свой самостоятельный выход к морю.

В 1620 г. пуритане основали Нью-Плимут. Новые поселения возникали на побережье, постепенно объединяясь в колонии. Они служили отправными базами для продвижения вглубь континента и укрепления власти британских монархов в Северной Америке. В 1622 г. возник Нью-Гемпшир, в 1628 г. – Массачусетс, в 1634 г. – Мэриленд на юге и Коннектикут на севере. Еще через пару лет – Род-Айленд, а спустя три десятилетия – Нью-Джерси, Северная и Южная Каролины. Тогда же, в 1664 г. все голландские поселения в районе реки Гудзон были захвачены англичанами. Город Новый Амстердам и колония Новая Голландия были переименованы в Нью-Йорк. Во время англо-голландской войны 1673–1674 гг. попытка отбить эти земли не увенчалась успехом.

В следующем XVIII в. английские мореплаватели (Александр Макензи, Джордж Ванкувер) сделали важные открытия в северной части материка в поисках выхода к Северному Ледовитому океану. Семилетняя война (1756–1763) окончательно ослабила позиции европейских конкурентов Англии в Новом Свете. Испания лишилась Флориды, а французам пришлось уступить Квебек и Канаду (Флорида была выкуплена у Испании в 1819 г. Соединенными Штатами Америки).

Особенности политического устройства английских переселенческих колоний в Северной Америке

Основные типы английских колоний исследователи различают на разных этапах истории. Для начального периода (до середины XVII в.) характерна классификация по типу колонизации. Как правило, выделяют три группы британских колоний в Северной Америке: акционерные, корпоративные (основанные религиозными общинами) и частновладельческие.

Первая группа создавалась предпринимательскими акционерными компаниями, претендовавшими на получение монопольной прибыли от колониальной торговли и готовыми для этого инвестировать капитал и содействовать колонизации американских земель. Обезземеливание английского крестьянства в ходе аграрной революции, переход от земледелия к овцеводству, разоривший множество фермеров, ужесточение законов, направленных против бедных, стимулировали массовую эмиграцию избыточного сельского населения в американские колонии. Эта категория английских колонистов добивалась получения в собственность свободных земель для обработки. Переселенцев не останавливали даже трудности морского плавания, угроза тропических болезней и столкновений с индейцами.

Массовый интерес к переселению в Новый Свет привел к созданию частных компаний по типу уже существовавшей могущественной торговой Ост-Индской компании. Права (хартии) на колонизацию восточного побережья Северной Америки от короля получили частные Лондонская и Плимутская компании, возникшие в 1606 г. В обмен на монополию по перевозке и снабжению колонистов, им предписывалось защищать интересы государственной казны, поддерживать переселенцев в борьбе с индейцами, получать процент от любой их доходной деятельности, вывозить колониальные товары, обеспечивать порядок, определять политику будущей колонии, создавая колониальный совет, назначая своего губернатора и выплачивая ему жалование. Важным условием было сохранение поселенцами английского подданства.

Первое постоянное британское поселение в Вирджинии – Джеймстаун, названное так в честь короля Якова, – было основано Лондонской (Виргинской) компанией 13 мая 1607 г. Середина побережья Северной Америки расположена напротив Англии, и плавание через Атлантический океан составляет здесь кратчайший путь из Европы в Новый Свет (в 1600 г. переезд занимал 7 недель). Именно в Вирджинии в 1619 г. впервые в заморских колониях Англии появился законодательный орган – палата горожан. В ее составе были представители 11 округов Виргинии, избранные на основании имущественного ценза совершеннолетним мужским населением. Главной задачей Палаты горожан было издание законов, регламентирующих жизнь колонистов и создававших благоприятные условия для привлечения новых переселенцев из метрополии.

Лучшие земли под табачные плантации (наиболее прибыльный вид владений) оказывались в руках акционеров компании, из числа которых формировался слой местной аристократии. Тем, кто прибывал в колонию за свой счет (фрименам) колониальные власти по договору с монархией отводили значительные участки земли в собственность, помогали вытеснить с них индейцев и обустроиться. С 1619 г. в Вирджинию стали отправлять молодых женщин, которые изъявляли желание стать женами поселенцев. Основная же масса переселенцев из Старого Света не имела средств на дорогостоящее путешествие через океан и была вынуждена брать их в долг, становясь сервентами сроком до семи лет с обязательством отработки на плантациях, в шахтах, копах или в качестве прислуги. Фактически они находились на положении временных рабов, поскольку заплатившие за них землевладельцы не были заинтересованы в скорой ликвидации долга и выделении им причитавшегося надела земли. К тому же в Америку нередко отправляли каторжников; туда же бежали скрывавшиеся от правосудия преступники, что давало плантаторам основания относиться к ним без особых церемоний. Рассчитывать на помощь компании такие люди не могли. Между тем, для работы на табачных плантациях, приносивших Вирджинии основной доход и постоянно разраставшихся, рабочих рук английских сервентов, которые всячески избегали однообразного тяжелого труда, вскоре стало недоставать. В богатом на события 1619 г. виргинскими плантаторами у голландцев были приобретены первые 20 темнокожих рабов. С конца XVII в. число рабов стало стремительно расти. Они сосредоточивались в южных районах, среди которых Вирджиния занимала лидирующее место.

В отличие от юга Америки, богатого месторождениями драгоценных металлов, на севере обнаружили залежи железа, каменного угля, строительных материалов, т. е. средств, важных для развития индустрии. Инвестиции в добычу и переработку природного сырья сулили значительную прибыль. В том же 1619 г. в Вирджинии были построены первые железодельательные заводы, и начат вывоз обогащенной руды и древесины в метрополию.

Богатеющая колония становилась все более самостоятельной, что не могло устроить британских монархов. Яков I, воспользовавшись обострением отношений колонистов с индейцами, под предлогом обеспечения безопасности своих заокеанских подданных отозвал хартию и отобрал Вирджинию у частных акционеров компании, сделав ее «королевской» с 1 июня 1624 г.

При Карле I губернаторы стали назначаться королем, но, вследствие дальности расстояния и невозможности отправлять большие военные силы в колонии, король был вынужден согласиться на сохранение некоторых элементов самоуправления. Борьба виргинцев за свое право на представительное управление, каким оно сложилось в первые годы, привела в 1635 г. к смещению королевского губернатора и утверждению в этой должности назначенца американских плантаторов. Воспользовавшись революцией 1640 г., а затем просчетами в политике Оливера Кромвеля, виргинцы с 1652 г. стали сами избирать губернатора и членов колониального совета. Лишь Реставрация Стюартов и силовое давление на виргинскую элиту позволило через десятилетие вернуть непокорную территорию под непосредственное управление монархии. Опыт парламентаризма не прошел бесследно, подпитывая на протяжении последующего столетия недовольство виргинских собственников притеснениями колониальных властей.

Большинство колоний этого типа, основанных частновладельческими компаниями, в разное время были изъяты из-под управления акционеров и переданы королю вместе с правом назначения губернаторов. Так называемыми королевскими провинциями стали Северная и Южная Каролины, Джорджия и ряд других колоний. Повсюду в них применялся рабский труд.

Колонии второй группы были основаны переселенцами-единоверцами, бежавшими от обострения религиозных противоречий в Англии. Новый Плимут, откуда в дальнейшем взяла начало Новая Англия, основали на северо-востоке страны в 1620 г. английские пуритане-сепаратисты. Спасаясь от религиозных притеснений, они перебрались в 1607–1608 гг. сначала в освободившуюся от испанцев Голландию, а после полученного от короля Якова разрешения – в Виргинию. В Виргинию пуритане-сепаратисты плыли на корабле «Мэйфлауэр» и, изменив курс, высадились чуть севернее. Индейцы не оказали противодействия переселенцам, поскольку за три года до этого значительная часть аборигенов погибла от эпидемии чумы, оставив пустующими свои поля.

Поскольку эта территория не контролировалась Плимутской компанией, под эгидой которой переселенцы прибыли в Америку, назначение губернатора обычным путем оказалось невозможно и переселенцам пришлось его избрать. Пассажиры «Мэйфлауэра», среди которых лишь небольшая часть была пуританами-сепаратистами, еще в ходе плавания подписали Мэйфлауэрское соглашение, в котором договорились о безусловном подчинении законам, коллективно выработанным жителями нового поселения. В нем были изложены принципы самоуправления, предусматривавшие демократические гражданские свободы. После первой зимовки, обеспеченной хорошим урожаем, колонистам удалось расплатиться за перевозку с плимутскими купцами и начать освоение окрестных земель. Праздник первого урожая колонистов положил начало ежегодно встречаемому Дню благодарения в четвертый четверг ноября.

Удачный опыт плимутцев побудил состоятельных английских пуритан во главе с будущим губернатором Джоном Уинтропом воспользоваться стремлением короны вытеснить их из страны и получить от Карла I разрешение на создание своей переселенческой «Мореплавательной компании Массачусетса» со штаб-квартирой в Новой Англии. В 1630 г. на берегу залива Массачусетс Уинтроп основал Бостон. Вокруг города стали быстро расти поселения пуритан, переезд которых финансировали единоверцы (к 1640 г. население Новой Англии в несколько раз превысило число жителей Виргинии). Главной целью объявлялось создание «града на холме», который бы в полной мере соответствовал Священному Писанию. Кальвинисты Массачусетса воспроизводили суровые ветхозаветные порядки: беспощадно истребляли краснокожих язычников, массами казнили мнимых колдунов и ведьм, преследовали развлечения и игры, чтители строго соблюдали субботний день.

Ортодоксальные пуританские священнослужители пользовались в Массачусетсе большим влиянием, даже после того, как колония была переведена под юрисдикцию

короля. Несмотря на декларативное подчинение метрополии, даже умеренные пуритане во главе с Уинтропом, трепетно относились к элементам самоуправления, правом участия в котором обладала только имущая верхушка и часть послушной паствы из средних слоев. В ходе Английской революции 1640 г. массачусетцы выступали горячими сторонниками пуританского парламента.

В то же время, вопреки жесткой религиозной дисциплине, Новая Англия стала колыбелью зарождавшегося самосознания американцев, самобытной культурной и политической традиции. В Кембридже была построена первая школа для детей переселенцев, через три года, в 1639 г. превратившаяся в Гарвардский колледж. Были созданы первые типографии. Именно в Новой Англии зародились идеи американского просвещения. Под влиянием этого «Великого пробуждения» в начале XVIII в. в Массачусетсе удалось покончить с теократическим правлением и доминированием конгрегационалистской церкви, созданной Уинтропом.

Другими колониями второго типа стали Род-Айленд и Провиденс, основанные сторонником веротерпимости и отделения церкви от государства Роджером Уильямсом, Коннектикут, Нью-Гемпшир и Мэн, которые находились под сильным влиянием пуритан. Род-Айленд и Коннектикут, созданные на землях, купленных у индейцев без санкции монарха и управлявшиеся коллегиально, были поставлены под юрисдикцию британской короны лишь в период Реставрации Стюартов. Карлу II для этого пришлось в 1662–1663 гг. дать двум колониям Хартии о корпоративном статусе и, в отличие от всех других колоний, сохранить сложившиеся основы самоуправления.

Экономическая жизнь в колониях этого типа отличалась быстрым развитием мелкой и средней собственности. Они оказались наиболее развитыми в социально-экономическом плане. Корпоративная колонизация на первых порах предусматривала коллективное землепользование под контролем общего собрания, уравнительное распределение земель между свободными членами религиозной общины, взаимопомощь, коллективную поддержку предпринимательства. Впоследствии социальное расслоение и отказ в наделении землей сервентов, иммигрантов, не состоявших в религиозной общине, привели к преобладанию мелких и средних хозяйств фермерского типа, использовавших труд безземельных переселенцев. В пуританских колониях рабство не получило развития.

В Новой Англии отсутствие феодальной знати и крупного землевладения рано открыло дорогу свободному предпринимательству. Сложился слой крупных собственников, не зависевших от королевских пожалований и сравнительно независимых от метрополии. Здесь быстро развивалась промышленность на основе судостроения, рыболовства, появлялись мастерские и мелкие фабрики. Торговые слои обогащались на транспортных услугах, посредничестве в работоторговле, колониальной торговле других стран, в том числе и контрабандной.

В политической жизни этих колоний складывалась собственная традиция самоуправления. Наличие легислатур позволяло формировать различные политические силы, объединявшие олигархические группы предпринимательских и купеческих семей, землевладельцев, осознававших свои интересы отличными от интересов метрополии.

Третья группа колоний по типу колонизации может быть названа частнособственнической. Они возникали на землях, пожалованных или проданных королем в управление крупным аристократам для поддержания определенного политико-правового уклада и бесперебойного пополнения казны. Эти колонии находились под наблюдением английского правительства. Владельцам крупных феодальных дарений при наличии дефицита рабочих рук не удавалось долго сохранять общественный уклад, характерный для метрополии.

Первой колонией такого типа стало поселение под покровительством католика барона Балтимора к северу от реки Потомак вблизи Вирджинии – Мэриленд (названное в честь

Девы Марии и супруги Карла I – католички Генриетты-Марии). Просьба о выделении в этом регионе территории для переселения британских католиков была удовлетворена Карлом I в 1632 г. Для получения от короля-протестанта разрешения основать колонию Мэриленд, пришлось пообещать свободный въезд туда людей любого вероисповедания. Осуществлять проект пришлось сыновьям лорда Балтимора – Сесилу Калверту (второму барону Балтимору) и его младшему брату Леонарду.

21 апреля 1649 г. в Мэриленде был издан «Акт веротерпимости», который, по мнению многих историков, стал прологом утверждению свободы вероисповедания в США. Все христиане, признававшие Троицу, получали свободу исповедания, которая не распространялась на приверженцев иудаизма и других религий. Этот шаг стал возможным под давлением представительного собрания, учрежденного наместником Мэриленда в 1637 г. и в годы Английской революции действовавшего отдельно от губернатора и колониального совета.

Другой владельческой колонией стала созданная в 1662 г. Каролина, земли которой получили несколько фаворитов короля после Реставрации Стюартов. Иерархические установления для ее основного закона пытался составить специально приглашенный Джон Локк. Раздача аристократических титулов, придуманная одним из лордов-собственников в Каролине, не привилась и выглядела нелепо в трудных условиях борьбы с природой и противодействия индейцам, когда большинство колонистов оказывались в равных условиях, борясь за выживание. Наиболее влиятельным колониальным собственником был герцог Йоркский, брат короля Карла II, сам ставший в 1685 г. английским королем. Его земли были названы Нью-Йорком. Длительное сопротивление колонистов «Законам Герцога», составленным на феодальных принципах, привело к учреждению представительного собрания с правом законодательной инициативы. Наиболее поздней собственнической колонией стала Пенсильвания со столицей в Филадельфии, созданная на землях, переданных богатому банкиру-квакеру Уильяму Пенну. Либеральные воззрения владельца, принадлежавшего к протестантской секте квакеров, способствовали созданию представительных органов, закреплению принципов веротерпимости и мирного решения территориальных споров с индейцами.

Все попытки ужесточить нормы феодального землепользования в колониях этого типа завершились провалом. Свободные переселенцы должны были платить фиксированную арендную плату и подати. При отсутствии крепостнической зависимости крестьян ничто не мешало им покинуть землевладельца, если феодальная рента оказывалась завышенной. Переселение за границы собственнических владений и создание фермерских хозяйств заставляло английских феодалов переходить к рыночным принципам организации хозяйства. Высокая норма прибыли и сравнительная дешевизна земли привлекали в Северную Америку свободные капиталы.

Вместе с тем, при сохранении условий, обеднявших политическую жизнь в собственнических колониях, ставивших ее в зависимость от воли владельца, вынуждавших принимать множество регламентаций по требованию метрополии, опыт представительной демократии в той или иной форме распространялся и на них.

Во второй половине XVIII в. юридически в частной собственности сохранились только три колонии: Пенсильвания, Мэриленд, Делавер. Остальные формально находились в руках королевских властей и подчинялись губернаторам.

На следующем этапе юридический статус и политическое устройство большинства колоний были постепенно унифицированы. Утвердилась система смешанного политического правления – назначаемые королем или собственником губернаторы были вынуждены в той или иной степени считаться с выборными колониальными советами (ассамблеями). Британские монархи прилагали усилия для упрочения своего контроля над североамериканскими землями, что, в конечном итоге, привело к началу борьбы за независимость.

В классификации колоний накануне их освобождения чаще всего используется территориально-экономический подход. 13 английских колоний, сложившихся к середине XVIII в. на Атлантическом побережье Северной Америки между морским побережьем и горной грядой Аппалачей, по территориальному принципу обычно делят на пять северных (Новая Англия, Нью-Гемпшир, Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд), четыре центральных (Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси, Делавер), пять южных (Виргиния, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия).

Социально-экономическое развитие английских колоний. Возникновение конфликта с метрополией

Хозяйственная жизнь английских колоний не была однородной. Она находилась в зависимости от территориально-климатических условий и типа колонизации. Плодородные земли южных колоний осваивались преимущественно под патронажем королевской власти. Плантаторы Юга по своему происхождению нередко были тесно связаны с земельной аристократией метрополии. Вместе с тем, владельцы огромных земельных участков в Новом Свете не могли опираться на традиционные феодальные институты. Создание крупных латифундий при недостатке рабочих рук и изобилии свободных земель на окрестных территориях привело к повышенному спросу на труд невольников-рабов. Ввиду отсутствия достаточного количества индейцев, способных к изнурительному однообразному труду, в южных колониях рано стал использоваться труд рабов, привезенных из Африки. За исключением южных штатов рабство нигде не оформилось в систему. Плантационное хозяйство ориентировалось на экспортную торговлю, тесно связанную с мировым рынком. Рабовладение в южных штатах парадоксальным образом уживалось с элементами рыночного хозяйства.

На севере и в центральных районах преобладало фермерское хозяйство. Крупных латифундистов было немного, и они предпочитали сдавать свои земли в наследственную аренду фермерам. Рабство негров использовалось крайне незначительно, поскольку выгоднее был труд «белых невольников» – каторжников, или свободных переселенцев, добровольно или принудительно отработывавших свой контракт за перевозку из Европы.

В северных новоанглийских колониях раньше других сложился слой предпринимателей. Благоприятные условия и отсутствие жестких ограничений привлекали переселенцев-ремесленников, рабочих, владельцев мелких лавочек и мастерских, а также собственников мануфактур и мелких фабрик. Ввезенные в колонии капиталы заложили основу новых отраслей производства, главным образом, связанных с морской колониальной торговлей или обеспечением потребностей колонистов. Нью-Йорк и Филадельфия превращались в финансовые центры колоний.

Единая политика метрополии в Новом Свете поневоле заставляла жившие сравнительно изолированно друг от друга колонии постепенно осознавать общность своих интересов. Экономические предпосылки независимости от метрополии вызревали постепенно и создали тот фон, на котором стало возможно начать и выиграть вооруженное восстание против власти метрополии.

Руководствуясь принципами меркантилизма, возобладавшими после 1688 г., Англия старалась извлечь из колоний максимальные торговые и промышленные выгоды. Основные доходы метрополия получала от монополизации колониальной торговли. Это было характерно для всех европейских стран, обладавших колониями. Само создание колоний было тесно связано с деятельностью монопольных торговых компаний. Согласно Навигационному акту все виды сырья и аграрной продукции, необходимые Англии,

должны были поставляться из ее колоний только в метрополию. Табак, сахар, рис, хлопок, меха закупали по низким фиксированным ценам. Посредническая прибыль, составлявшая десятки, а то и сотни процентов при этом уходила английским купцам.

В отличие от Испании и Португалии, чья торговля с колониями носила преимущественно экспортный характер, Англия нуждалась в колониальном рынке сбыта своей промышленной продукции. Существовали строгие правила получения необходимых колониям товаров только из метрополии, на ее кораблях, включая английское торговое посредничество. Цены при этом также устанавливались монополично к выгоде английских промышленников и купцов. С развитием собственного обрабатывающего производства в колониях, было сделано все, чтобы запретить свободный вывоз и обмен продукцией.

Поскольку большинство колоний имело выход к морю, все торговые операции были замкнуты на английских судоперевозчиков с их монополично высокими ценами за услуги. Таким образом, единственный выход для американских предпринимателей и купцов, стремившихся уменьшить ущерб своим прибылям, заключался в нарушении предписаний колониальных властей и контрабанде. Обходя несправедливые навигационные законы, американцы провозили часть товаров контрабандой, против которой английское правительство было бессильно и даже порой предпочитало смотреть на нее сквозь пальцы, поскольку такого рода торговля, например, с испанскими или португальскими колониями, снимала с правительства ответственность за нарушение монопольных прав других колониальных держав. По этой же причине английские власти долгое время не препятствовали действиям пиратов, формально осуждая их разбойные действия у берегов испанских колоний в Новом Свете. Даже после издания английским парламентом закона о содействии борьбы с контрабандой в 1761 г., резко отрицательно воспринятого в колониях, главные усилия были направлены на пресечение торговых операций без посредничества метрополии, но не на полный запрет вывоза американских товаров в колонии других стран.

Промышленная политика Англии в североамериканских колониях сводилась к регламентации и запретам развивать собственные мануфактуры. Колонистам запрещали даже выплавку железа и обработку мехов. Целенаправленно подавляя предпринимательскую активность в отдельных отраслях, колониальные власти поощряли те, что были выгодны метрополии. Например, запрещая строительство крупных промышленных предприятий, вербовку квалифицированных ремесленников, потомственных рабочих, они стимулировали судостроительную промышленность, производившую для метрополии корабли, стоимость которых выгодно отличалась от продукции английских верфей.

Еще одним важным пунктом экономических противоречий Англии и ее колоний по мере роста числа переселенцев становится вопрос о заселении западных земель. К середине XVIII в. на территории до Аппалачских гор не оставалось свободных участков земли. Королевская власть специальным указом объявила своей собственностью все территории, полученные от Франции в результате Семилетней войны 1756–1763 гг., запретив частным лицам переселяться на земли к западу от горной гряды. Это распоряжение вызвало недовольство не только у свободных переселенцев, но и у потенциальных плантаторов.

Одной из распространенных форм протеста стало скваттерство – самовольный захват «свободных» земель, в том числе принадлежавших индейцам. Начавшееся в XVII в., оно приняло большой размах в XVIII–XIX вв.

Развитие предпринимательства было тесно связано с товарно-денежными отношениями. Протест американцев в 1761 г. и 1764 г. вызвал запрет выпуска кредитных билетов, а также закрытие ссудных банков, проведенные в целях поддержки английской валюты. Эти меры больно ударили по внутрикониальной торговле, развитию

промышленности, и по операциям американских торговцев, остро нуждавшихся в средствах обращения, и по рядовым потребителям.

Столь же непростым был вопрос о налогах. Сторонники меркантилизма в Англии не хотели осложнять отношения с колониями назначением прямой подати. Метрополия получала огромную выгоду от покупки дешевого сырья в колониях и от гарантированного бесконкурентного сбыта в Америку своих изделий по произвольно высоким ценам. Таким образом, Америка обеспечивала быстрый рост английской индустрии.

Экономические противоречия метрополии и колоний усугублялись социальными. Если в начале XVIII столетия Великобритания еще не занимала ведущих позиций среди европейских стран, отставая и по численности населения, и по размерам армии, то с началом фундаментальных изменений в середине столетия, положение начало меняться. Демографическая революция привела к увеличению численности населения с 9 млн человек в 1700 г. до 15,8 млн человек в 1801 г., когда была проведена первая перепись. Эта ситуация, в свою очередь, стимулировала переселенческие потоки в колонии. Но, чем многолюднее и богаче становились колонии, тем труднее было удержать их в экономической зависимости. В начале XVII в. в североамериканских колониях насчитывалось 200 тыс. человек. За 80 лет после революции 1688 г. население в Америке выросло до 1 760 000 человек. Каждые последующие 20 лет оно удваивалось.

Постоянный приток новых рабочих рук, в котором так нуждались быстро растущие колонии, был возможен лишь при условии отмены ограничений. Наряду с особенно трудно приживавшейся веротерпимостью и необходимостью снимать ограничения на размещение по религиозному принципу, постепенно снимались преграды въезду иностранцев. Заработная плата в Америке была несопоставимо выше, чем в Европе. Широкие возможности получения земли или работы по найму привлекали в североамериканские колонии не только англичан, ирландцев, шотландцев, но и переселенцев из других европейских стран: шведов, немцев, голландцев, французов. Иностранцы не имели пиетета перед английскими монархами. В их среде протестные настроения легко находили отклик.

Следует учесть, что предприимчивость, постоянная необходимость выживать в незнакомых природных условиях, в отсутствие привычной для густонаселенной Европы инфраструктуры и налаженного быта, заставляли колонистов проявлять взаимовыручку, гибкость, развивали коллективизм и готовность совместно преодолевать любые препятствия. Складывался тип покорителя природы, который отличался от испанских конкистадоров тем, что был лишен возможности жить исключительно за счет грабежа туземцев, а вынужден был опираться только на собственный труд. Эта склонность брать на себя ответственность за свою судьбу стала чертой складывавшейся американской нации. Призыв отречься от сковывавшей опеки метрополии находил самый живой отклик.

В североамериканских колониях, в силу низкой плотности и неравномерного распределения населения, королевские войска не могли в полной мере выполнять функцию защиты населения. С самого основания колонии жили в непрерывных войнах с индейцами, на землях которых они создавались. Фермер был вынужден обладать военными навыками. Нередко европейцы (французы, испанцы, сами англичане) вооружали индейские племена и использовали их в своем соперничестве за территории. Иногда стычки с коренными жителями перерастали в затяжные войны. Для их ведения требовались собственные вооруженные силы, которые рано сложились в колониях и выдвинули из своей среды талантливых военачальников, сыгравших важную роль в успехе Войны за независимость.

Ослаблению социальных устоев колониального режима способствовали также периодически вспыхивавшие восстания отдельных групп населения. Эти выступления торговцев, фермеров, мелких негоциантов в провинциальных городках, белых рабов, негров, рабочих приисков были направлены против непосредственных притеснителей, но

нередко вызывались общим ужесточением фискальной политики метрополии. Наибольший размах был достигнут в ходе восстания фермеров под предводительством Натана Бэкона против английских колониальных властей в Виргинии в 1676 г., восстания 1689 г. в Бостоне и Нью-Йорке под руководством Лейслера, движения фермеров в обеих Каролинах против введения феодальной системы в 1670–1698 гг., восстания в Пенсильвании 1763 г. и др.

Таким образом, недальновидная политика притеснений, проводимая Англией, была чревата обострением социальных конфликтов. Уход из-под опеки метрополии представлялся местной американской элите условием общественной стабильности, нейтрализации массового недовольства.

Вовлечение колонистов в борьбу с другими европейскими державами также имело противоречивые последствия. Например, помощь американских ополченцев королевским войскам дала возможность выбить французов из Америки и завоевать Канаду. Английской монархии это принесло новые земли, а американцы были избавлены от сильного соперника, защиту от которого прежде они могли получить только у Англии. Стало ясно, что серьезное препятствие освобождению колоний снято и французы, в своем поражении и стремлении навредить Англии могут превратиться в наиболее последовательных союзников патриотов. Именно через Францию молодая американская дипломатия впоследствии станет искать международной поддержки.

Предпосылки Войны за независимость в Северной Америке

Отголоски политической борьбы в Англии докатывались до американских колоний, которые становились ареной идейно-политических споров и противостояния.

На раннем этапе колониальной истории не прошли бесследно столь важные для политического развития метрополии события, как революция 1640-х годов, установление республики, протекторат Кромвеля, реставрация абсолютной монархии Стюартов в 1660-х годах. Во время религиозных и политических столкновений XVII в., происходивших в Англии, в колониях Нового Света воспроизводились схожие политические предпочтения. В Вирджинии среди табачных плантаторов были преимущественно роялисты, кавалеры и приверженцы англиканской церкви. В Новой Англии преобладали строгие пуритане, сторонники парламента и республики. В этот период регламентация жизни в колониях не была особенно жесткой, внимание английских правящих кругов сосредоточивалось на событиях в метрополии. Попытки последних Стюартов раздавать в колониях богатства своим фаворитам, преследовать пуритан и вводить военные порядки были безуспешны.

Ситуация коренным образом изменилась после «Славной революции» 1688 г., когда правление Стюартов было окончательно свергнуто и Вильгельм Оранский превратил Англию в парламентскую монархию. «Билль о правах» 1689, утвердивший новый политический режим, лишал короля права вето и обязывал управлять страной при полной законодательной власти парламента. В дальнейшем, вся британская политическая история характеризовалась тенденцией ослабления королевской власти и расширения полномочий парламента, олицетворявшего компромисс между интересами земельной аристократии и крупных предпринимателей, банкиров, торговцев.

Североамериканские колонии, напротив, все более превращались в оплот монархии, которая некогда стала учредителем колониальных поселений и подчинение которой колонисты никогда не оспаривали. Именно королевской властью колониям были дарованы органы власти, поэтому, когда монархи стали пересматривать их полномочия,

это не вызвало явного протеста. За десятилетие до Американской революции позиции колониальных советов заметно ослабли. Наступление на права местных ассамблей и городских собраний происходило посредством расширения полномочий, назначенных монархией, губернаторов и путем изменения статуса отдельных колоний, когда собственнические владения превращались в королевские.

Утверждение в метрополии либерального парламентаризма оказало мощное воздействие на мировоззрение американцев, стимулировало развитие демократических тенденций в общественно-политической мысли колониального общества. Особенно заметным было развитие в Америке независимой прессы.

Закрепленные еще в Великой хартии вольностей 1215 г. политические права и свободы, которыми обладали подданные английского короля, североамериканские колонисты распространяли и на себя, обозначив их при получении хартий первыми колониями. Расширение полномочий представительного органа власти в метрополии воспринималось как толчок к соответствующим изменениям в колониях. Ассамблеи и собрания на протяжении полутора столетий приспособляли английские законы к американским условиям, регламентируя те жизненные ситуации, которых не было в метрополии. Избираемые органы управления при этом вынуждены были отстаивать интересы колонистов перед королевскими губернаторами. Выражение воли избирателей поневоле противопоставлялось действиям колониальных властей. Во второй половине XVII в. в Северной Америке получает развитие либерально-демократическая идеология, придавшая зачаточным элементам анти-колониальной борьбы оформленность и четкость целей.

Однако стремление консолидированно выразить общие требования, любые попытки объединения, подобные съезду представителей колоний в Олбани в 1754 г., наткнулись на жесткое противодействие метрополии, заинтересованной в политической раздробленности колоний. Английское правительство отвергло предложенный в Олбани проект сотрудничества колоний, разработанный Бенджамином Франклином, предложив собственный, предусматривавший усиление контроля над жизнью колоний через расширение полномочий губернаторов.

Перелом во взаимоотношениях колоний и метрополии произошел в 1763 г. после окончания Семилетней войны. В Северной Америке англичанам потребовалось объединить разрозненные ресурсы для нанесения решающего удара по позициям Франции. Совместные военные действия ополченцев против французов и союзных им индейцев в период войны сблизили колонии, укрепили их стремление к дальнейшему экономическому и политическому взаимодействию. Они выразили общее недовольство, когда уверовавший после победы в свои силы король Георг III решил удостовериться в своей полной власти над колониями и начать самостоятельно взимать с них дополнительные налоги на содержание королевских войск, переправленных в Новый Свет в период военных действий.

В 1764 г. король передал право облагать колонии налогами английскому парламенту. Это было расценено как нарушение базовых принципов взаимоотношений колоний и метрополии. Фактически законодательная власть английского парламента распространялась на колонии, лишая местные ассамблеи и собрания их главных прав. Будучи во власти монарха, американские колонии прежде не имели прямых отношений с парламентом, не были представлены в Палате общин и считали равными ему свои законодательные органы.

Острота противоречий была связана, прежде всего с тем, что, едва получив от короля право регламентировать жизнь в колониях, парламентарии не попытались достигнуть компромисса с местными законодателями, а начали с того, что резко взвинтили налоги. На колонии решено было переложить основную часть государственного долга, к концу Семилетней войны превысившего полтора миллиона фунтов стерлингов. В 1764 г. был

принят возмутительный для колонистов акт Гренвеля, увеличивавший пошлины на некоторые товары. Закон появился вскоре после Семилетней войны, в которой колонии активно помогали Англии, рассчитывая на ответную поддержку. Сражавшиеся за интересы метрополии, понесшие значительные людские и материальные потери, колонисты сочли эти действия вопиющей несправедливостью. Оспаривать решения парламента верхушка американского колониального общества, почувствовавшая себя обманутой, стала как в идейно-правовой, так и в практической плоскости.

Принятый в 1765 г. Акт о гербовом сборе, облагавший налогом все деловые операции, оформление бумаг, торговые сделки и даже продажу печатной продукции, включая газеты, как и Квартирный акт (о военном постое) того же года, вызвал резкое сопротивление населения колоний. Их введение стало поводом для сбора в Нью-Йорке по инициативе Массачусетской ассамблеи Гербового конгресса представителей колоний, принявшего «Заявление о правах и притеснениях колонистов в Америке» и оспорившего право английского парламента без специального представительства и согласования с колониями вводить в них новые налоги. Они апеллировали к принципу, возобладавшему в период Английской революции середины XVII в., об обязательном санкционировании налогов представителями народа. Обязанность содержать войска, которые английское правительство посылало в колонии для проведения в жизнь «незаконных», по мнению американцев, решений парламента, вызывала особое негодование. Был объявлен бойкот всем английским товарам.

На волне массового возмущения рос авторитет тайных патриотических обществ (каукусов), организаций, вроде Бостонских «Сынов свободы», под руководством демократических сторонников революции, таких как Сэмюэл Адамс.

Экономический спад, переживаемый и в метрополии, и в колониях, усугубил последствия торгового бойкота и под давлением влиятельных экспортеров, убытки которых оказались катастрофически высоки, правительство тори вынуждено было уже в следующем году отменить Акт о гербовом сборе, оставив однако в силе другие фискальные законы парламента. Была дополнительно принята парламентская декларация об обязательности исполнения в колониях всех изданных в Англии законов, а также началось пополнение воинских подразделений, призванных гарантировать порядок и пресекать выступления колонистов.

В 1767 г. по закону Таушенда были введены новые пошлины на ряд товаров, включая бумагу, краску, чай. Поступления от сборов направлялись на содержание военных и колониальных чиновников. В 1768 г. в Бостон прибыли новые войска с карательными полномочиями. Усилились репрессии. Непокорные легислатуры (ассамблеи и городские собрания) были распущены. Аресту с последующей отправкой в английские суды были подвергнуты наиболее активные участники политических акций, призывавшие к неповиновению английскому парламенту.

Депутаты распущенного губернатором Вирджинии законодательного собрания во главе с Джорджем Вашингтоном, добились возобновления бойкота английских товаров в течение последующих двух лет, требуя также отмены несправедливых фискальных законов и вывода английских войск. В результате парламента вынужден был пойти на уступки, оставив лишь небольшую пошлину на ввоз чая, которая символизировала компромисс, но оставляла за ним принципиальное право на введение налогов.

Успех вдохновил североамериканцев и с 1770 г. бойкот английского чая привел к росту контрабанды. С 1772 г. в колониях действовали «корреспондентские комитеты», осуществлявшие связь между отдельными колониями, координировавшие совместные действия против Англии и пропагандировавшие правозащитные идеи. В декабре 1773 г. переодетые индейцами бостонские патриоты проникли на стоявшие в бухте английские торговые суда и выбросили в море груз чая, назвав это «Бостонским чаепитием».

Для английского правительства это стало поводом окончательно навести порядок в колониях, применив военную силу.

В 1774 г. были также приняты «пять нестерпимых актов»: началась блокада Бостонского порта, Массачусетс лишился права самоуправления, законодательное собрание было распущено, предоставлены неограниченные полномочия военному губернатору и передачей в его распоряжение новых английских войсковых подразделений. Одновременно английский парламент принял Квебекский акт, по которому отвоеванные почти десятилетием ранее с помощью колонистов французские земли присоединялись к Квебеку и попадали в королевскую собственность, что лишало представителей самых разных слоев колониального общества надежд на приобретение участков. Это решение было воспринято как еще один пример демонстрации пренебрежения властей метрополии интересами колонистов.

Другие североамериканские колонии оказали Массачусетсу поддержку, понимая, что подобная участь ожидает и их. Единодушно был поддержан призыв массачусетцев собрать в Филадельфии I Континентальный конгресс. В период его работы 5 сентября – 26 октября 1774 г. преобладающими были идеи противников конфронтации с метрополией и лоялистов (сторонников английской монархии), считавших, что необходим поиск компромисса. Либералы, во главе с Дж. Вашингтоном считали конгресс совещательным органом, способным выработать единую стратегию колоний. Лишь сторонники радикальных действий С. Адамс и Патрик Генри предлагали опереться на протест народа и превратить конгресс в орган революционной власти.

На конгрессе была принята «Декларация прав» с призывом колоний к Георгу III пойти на уступки, позволить представителям самих колонистов принимать законы, регламентирующие их жизнь, отменить налогообложение, установленное без согласия местных законодательных органов. Одновременно королю был направлен верноподданнический адрес – «оливковая ветвь» и приняты обращения к английскому народу и канадцам с призывами поддержать требования колонистов. Решения конгресса стали последней попыткой умеренных кругов разрешить назревшие противоречия мирным путем через поиск консенсуса, сохранение, по словам просветителя Бенджамина Франклина, «прекрасной вазы» Британской империи и предоставление гомруля – самоуправления североамериканским колониям.

После длительных согласований приняли также «Союзный акт» о бойкоте английских товаров, надзор за соблюдением которого возложили на особые «комитеты надзора» в рамках существовавших корреспондентских комитетов. Впоследствии эти органы были превращены в «комитеты безопасности» с карательными и административными функциями, став зачатками революционной власти на местах. Король счел решения Конгресса мятежом и отдал команду военно-морскому флоту начать блокаду атлантического побережья для его подавления. Мирных способов урегулирования конфликта не оставалось и американцы взяли за оружие.

Начальный этап и перелом в ходе Войны за независимость

Национально-освободительное движение в североамериканских колониях сопровождалось острым политическим размежеванием между патриотическими силами сепаратистов (виги) и лоялистскими консерваторами, сторонниками сохранения закрепленной первыми колониальными хартиями власти английского короля (тори).

В западных штатах вооруженные стычки начались осенью 1774 г. В Северной Каролине преследование роялистов, изгнание их из поместий приобрело особенно острые формы в 1775 г. В Массачусетсе и других колониях началось вооружение народа и обучение военным навыкам милиции и минитменов (мужчин, готовых в «считанные минуты» выступить в защиту прав колонистов в случае тревоги). Участники этих отрядов не признавали принципы военной иерархии и избирали своих командиров.

Первые боевые сражения противников произошли на территории Массачусетса при попытке английских войск разоружить повстанцев. Захватив 19 апреля 1775 г. склады вооружения в соседних с Бостоном Лексингтоне и Конкорде, многочисленная армейская группировка англичан на обратном пути потерпела поражение от небольшого отряда ополченцев, использовавших заимствованную у индейцев тактику рассыпного стрелкового строя. Наемные королевские войска не проявляли особого героизма в отличие от повстанцев, для которых от исхода сражений зависела будущая жизнь. Лагерь одержавших победу повстанцев в Массачусетсе быстро пополнялся рядовыми жителями, и спустя три месяца в очередном сражении при Бенкерс-Хилле они вновь нанесли английским войскам серьезное поражение.

После того, как известие о победе достигло других городов и колоний, повсюду развернулось протестное движение, были захвачены оружейные арсеналы, формировалось ополчение. Размах событий, нарушение привычного ритма экономической жизни пугали консервативно настроенных сторонников королевской власти из числа самих колонистов.

В Нью-Йорке и в южных штатах лоялисты (тори) открыто выступали против восставшего народа, демонстрируя лояльность королю и властям. Они были представлены в основном выходцами из английской аристократии, крупными земельными собственниками, многочисленной колониальной бюрократией, духовенством англиканской епископальной церкви, плантаторами и торговцами, получавшими от королевской власти значительные привилегии. На их стороне были симпатии представителей колониальной элиты, всерьез опасавшейся за свое положение в условиях вышедшей из-под контроля революционной активности населения. Совместно с англичанами они создавали небольшие военные отряды из негров-рабов и сервентов, которым было обещано освобождение, а также части арендаторов, претендовавшим на земли лендлордов-патриотов. Под их влиянием на многочисленных революционных митингах лозунги независимости были крайне редки, преобладали призывы уговорить короля признать за колониями их политические права и пойти на смягчение экономических претензий. Главные претензии лоялисты относили к правительству, отделяя его от короля.

Среди сторонников независимости от метрополии, называвших себя революционерами-патриотами (виги) преобладали предприниматели Севера, промышленники, торговцы, фермеры, ремесленники, часть плантаторов, связанных с контрабандными поставками или обремененных долгами по кредитам от английских торговых компаний. Их инициативы, саботируемые влиятельными лоялистами, на начальном этапе войны оказывались неэффективными.

На протяжении всей войны в роли революционного правительства выступал Второй Континентальный конгресс (май 1775–1781). Он работал в Филадельфии, а затем был переведен в Балтимор. Власть конгресса на местах осуществляли Комитеты безопасности, созданные под влиянием возмущенного народа на провинциальные ассамблеи и оказывавшие давление снизу на своих представителей в Конгрессе.

После первых вдохновляющих побед начался затяжной период неудач армии колоний. Против восставших был брошен мощный британский флот. Для подавления вооруженных выступлений в колониях Англия также ввозила дополнительные воинские контингенты. За время войны экспедиционный корпус, переброшенный в Северную Америку, превысил

80 тыс. человек, почти треть из которых составляли наемники, набранные в германских княжествах.

Повстанцам пришлось создавать свои вооруженные силы. Ставший главнокомандующим молодой американской армии Джордж Вашингтон – плантатор, офицер и талантливый полководец, проявивший себя как в войнах с индейцами, так и в сражениях с французской армией во времена Семилетней войны, блестяще выполнил задачу, поставленную перед ним конгрессом. Сформировав командный состав из состоятельных собственников и возложив на них задачу вооружения и обеспечения подчиненных, он начал комплектовать армию из малоимущих добровольцев, привлекая под свои знамена также фермеров, мелких торговцев, осознанно вступавших в борьбу. Неоднородный социальный состав армии изначально предопределил различие интересов, но ее сплочению способствовало единство главной цели – борьбы за освобождение колоний от произвола королевских властей. Вскоре армия составляла 18 тыс. человек, но состав ее постоянно менялся, численность колебалась в связи с большими потерями, а вооружение значительно уступало британскому.

Несмотря на вооруженные столкновения с английской армией, даже самые радикально настроенные патриоты на начальном этапе войны видели конечным результатом противостояния возвращение колониям прав, которыми они обладали до Семилетней войны. Первым отважился сформулировать требование отделения от метрополии английский просветитель-демократ Томас Пейн, принявший участие в политической борьбе колониального общества и отразивший массовые чаяния в появившемся в конце первого периода войны памфлете «Здравый смысл» (февраль 1776 г.)

В историографии иногда датируют начальный этап Войны за независимость США именно 1776 г., когда появился лозунг отделения от Англии. При этом ссылаются на то, что эта цель сделала возможным появление программных документов, позволивших соединить анти-колониальную войну и внутривнутриполитическую борьбу за демократизацию политического строя. Между тем, широкомасштабное вооруженное столкновение массовых армий, мобилизованных обеими сторонами, вполне позволяет рассматривать события 1774–1776 гг. как начало войны.

Кульминационный этап Войны за независимость начался 4 июля 1776 г., когда II Континентальный конгресс в Филадельфии принял «Резолюцию независимости» и одобрил «Декларацию независимости». В ней провозглашалось отделение от метрополии 13 североамериканских колоний, которые объявляли себя «независимыми штатами», прерывающими всякую политическую связь с метрополией.

Необходимость привлекать на сторону воюющей за независимость армии колоний возможно более широкие слои населения обусловила влияние в Конгрессе сторонников радикальных демократических преобразований, которые были особенно активны при формированию новой государственности. Принятый документ был подготовлен представителями демократического крыла вигов. Текст составил убежденный противник монархии, американский просветитель Томас Джефферсон при участии выдающегося ученого-естествоиспытателя Бенджамина Франклина. Положения Декларации, отражали рост самосознания нескольких поколений переселенцев, рожденных в колониях и ощущавших себя членами нового сообщества – американцев. Ее основная часть имела целью обозначить все факты несправедливого притеснения колоний со стороны парламента и монархии. В то же время «Декларация независимости» стала первым политическим документом, отразившим теоретические изыскания широкого общественно-философского движения Просвещения, охватившего страны Европы и проникшего в Новый Свет. В ней были сформулированы три главных демократических принципа. Главным был принцип равенства естественных прав всех людей, которые, по мнению Т. Джефферсона, принадлежат им от рождения: право на жизнь, свободу, и, вместо Локковского права собственности – право на «стремление к счастью», из чего

вытекало равенство граждан перед законом, предполагавшее уничтожение сословных привилегий. Не менее важным являлся принцип народного суверенитета, по которому источником политической власти выступал народ, каждое поколение которого имело право заключать с правителями общественный договор, выбирая их. Принципиальное значение придавалось праву народа на борьбу с тиранией, по которому в случае нарушения властью общественного договора или вообще при отказе ее подобный договор заключать, легитимным становилось ниспровержение деспотического режима через восстание.

Впервые в закон были возведены демократические принципы и юридически было оформлено образование нового, наиболее прогрессивного для своего времени республиканского строя, что придавало Американской революции всемирно-историческое значение, оказывало влияние на развитие теории государственного управления и признание новых международно-правовых норм.

Декларация независимости позволила создать республику, но ей предстояло еще отстоять провозглашенные принципы, защитить себя от внутренних и внешних врагов. Ведение военных действий не помешало осуществлению внутривластных преобразований. Решено было юридически оформить совместные военные действия с метрополией и порядок урегулирования отношений с иностранными державами. С 1777 г. II Континентальный конгресс разрабатывал первую Конституцию нового государства, как договорного союза суверенных государств (штатов) с широкой автономией в решении внутренних вопросов. Под названием «Статьи конфедерации» она была принята в 1781 г. и действовала до 1789 г. Все колонии после провозглашения независимости объявили себя республиками. В 1775–1779 гг. были приняты конституции штатов, регламентировавшие гражданскую власть, расширявшие полномочия законодателей и снижавшие избирательный ценз. Стремление максимально реализовать полученный после отделения от метрополии суверенитет, «упоение независимостью» препятствовало получению согласия большинства штатов на создание сильного центрального правительства в рамках единой конфедерации. Сильны были тенденции к сепаратизму и созданию самостоятельных государств. Сконцентрировать воедино все ресурсы и направить их на борьбу с сильным и опытным противником в лице хорошо укомплектованной королевской армии и бывшей колониальной администрации в таких условиях было крайне сложно. Экономические проблемы были дополнены ростом иностранной и внутренней задолженности, взлетом инфляции, упрочением таможенных барьеров, отсутствием единой денежной и налоговой систем, что затрудняло молодым республикам выполнение финансовых обязательств перед Конгрессом, который должен был воплощать в жизнь Акт о создании революционной армии, обеспечивать войска Вашингтона и выплачивать жалование солдатам. Результатом стали военные неудачи патриотов, усиление капитулянтских настроений среди лоялистов и в войсках. Лишь высокий моральный дух большинства американцев и решимость командиров сражаться до победы помогали плохо вооруженной и слабо обученной добровольческой армии противостоять вдвое превосходящим силам противника. В марте 1776 г. ей удалось после длительной осады освободить Бостон. Вытесненный оттуда английский гарнизон во главе с генералом Хоу переправился к Нью-Йорку и занял город. Несмотря на умелый маневр армии Вашингтона у Трентона, к северо-востоку от столицы Конфедерации, ей не удалось отстоять город, и в сентябре 1777 г. Филадельфия оказалась в руках англичан.

Окончательно ситуация изменилась в пользу восставших колоний после крупной победы в сражении у Саратоги (штат Нью-Йорк) 17 октября 1777 г. Она разрушила стратегический план британцев по блокированию основных сил Вашингтона у побережья Новой Англии, разгрому их с помощью флота, а затем быстрому наступлению на южные колонии, слабые в военном отношении и склонные к примирению с королем. Разгадав план англичан, Вашингтон не позволил войскам генерала Хоу, двигавшимся из Нью-Йорка, соединиться с группировкой генерала Бургойна, вышедшими с канадской

территории. Окружение большой группы войск у Саратоги и пленение высших офицеров стало важной победой защитников Конфедерации, в результате которой англичанами была окончательно потеряна стратегическая инициатива.

Заключительный период Войны за независимость и образование США

В этот период Конфедерации удалось обеспечить себе международную поддержку и лишить Англию союзников в борьбе с восставшими колониями. Военные успехи американской армии, особенно Саратогский котел, и умелая дипломатия соратников Дж. Вашингтона способствовали тому, что соперники Англии в Новом Свете – Франция и Испания, решили оказать молодому государству финансовую и военную поддержку. Континентальный конгресс направил в Европу для ведения переговоров Бенджамин Франклин. Под личную гарантию Дж. Вашингтона ему удалось получить во Франции кредит в 21 млн ливров. Через три месяца после поражения англичан под Саратогой Франция, официально признав независимость США, заключила 6 февраля 1778 г. с североамериканским государством договор о дружбе, торговое соглашение и военный союз. Вскоре удалось наладить военное сотрудничество с Испанией (1779), а через год – с Нидерландами, что позволило сформировать анти-британскую коалицию и оказало решающее влияние на исход борьбы, сорвав планы морской блокады восставших колоний.

Французский флот вновь появился возле берегов Северной Америки, откуда был полутора десятилетиями ранее вытеснен англичанами. В помощь американской армии прибыло несколько тысяч французских солдат. Оборонительные бои с французами отвлекали значительные силы английской армии и облегчали американскому командованию проведение военных операций. Война в Америке привлекала множество как военных авантюристов со всего света, так и опальных политиков, религиозных деятелей, убежденных сторонников демократического Просвещения, вдохновленных возможностью воплотить в жизнь идеалы, взлелеянные на протяжении предшествующего столетия. В американской армии сражались более 7 тыс. добровольцев из европейских стран. Патриоты стремились привлечь в свою армию видных иностранных военачальников. Самыми известными из волонтеров были маркиз Поль де Лафайет, ставший генералом американской армии, генерал Иоганн де Кальб, граф Клод Анри де Сен-Симон, российский дворянин Г.Х. Ветер фон Розенталь, а также будущий лидер Польского восстания 1794 г. Тадеуш Костюшко и польский офицер, граф Казимеж Пуласки.

Все попытки Георга III найти союзников в Европе оказались безуспешны. Обеспокоенное ростом военно-морской мощи Англии российское правительство также отказало в просьбе предоставить русские войска для подавления восстания в североамериканских колониях. Императрица Екатерина II в ответ на самовольные попытки англичан осматривать нейтральные военные суда в целях изъятия военной контрабанды предложила другим государствам, занимавшим нейтральную позицию в англо-американском конфликте, присоединиться в 1780 г. к «Декларации о вооруженном нейтралитете». Россия стала первым государством, на практике реализовавшим принципы международного морского права, обеспечив их осуществление силой своего военно-морского флота и призвав к созданию международной Лиги вооруженного нейтралитета. К Лиге присоединились Швеция, Дания, Голландия. Когда же и конгресс США объявил о своем стремлении примкнуть к Лиге, что фактически означало бы международное признание нового государства, Екатерина II отклонила такую возможность из принципа

монархической солидарности. Так или иначе, внешняя политика России усложняла положение Англии и объективно содействовала успеху завоевания независимости Соединенными Штатами.

Война в Америке обострила внутривнутриполитическую обстановку в Англии. С антивоенных позиций курс правительства жестко критиковали на трибунах парламента лидеры вигов. Неудачи английской армии, ошибочно сделавшей ставку на поддержку южных плантаторов и высадившейся в Чарлстоне (Южная Каролина), потребовали новых расходов и спровоцировали усиление критики правительства. 19 октября 1781 г. английская армия во главе с генералом Корнуэльсом, окруженная войсками Вашингтона и французского генерала Рошамбо, капитулировала в битве под Йорктауном (Вирджиния). Это поражение англичан стало решающим и предопределило исход войны. Правительство тори было отправлено в отставку. Виги сформировали кабинет министров (1781–1783), который начал с американцами переговоры о мире.

Американо-английский мирный договор по результатам Войны за независимость 1775–1783 гг. был заключен в Версале близ Парижа 3 сентября 1783 г. и ратифицирован Филадельфийским конгрессом, собравшимся с минимальным кворумом в 1784 г. Подписание договора, закреплявшего победу США над Англией, происходило при участии американских союзников – Франции, Испании, Нидерландов. Между тем, текст договора был заранее согласован в ходе сепаратных американо-английских переговоров, без учета интересов европейских участников военных действий. Колониальные претензии союзных держав беспокоили как Англию, сохранявшую за собой Канаду и другие территории в Северной Америке, так и Соединенные Штаты. Обещанные Испании территории во Флориде и зоны свободного рыболовства в районе Ньюфаундленда, предложенные французскому королю в обмен на помощь, отдавать не торопились. Первый документ, юридически закреплявший факт рождения нового государства и его отделения от бывшей метрополии, характеризовал американскую дипломатию как безгранично прагматичную. Вся предшествующая история военного союзничества в Европе предполагала взаимные уступки и совместное использование плодов общей победы. Для европейской дипломатии представлялось вполне естественным предъявление поверженной Англией претензий со стороны всех участников победившей антибританской коалиции. Американцы же сочли, что их интересы в случае расширения колониальных владений союзников, а также в случае ослабления бывшей метрополии, как их главного торгового партнера, будут ущемлены. Поэтому они предпочли выторговать у англичан дополнительные уступки в свою пользу, оставив без внимания планы теперь уже бывших союзников. Исходя из тезиса о том, что если военная помощь Соединенным Штатам была оказана без документально закрепленных условий, то она соответствовала государственным интересам союзников, американцы не сочли себя обязанными идти навстречу Франции и Испании, посчитав достаточным для них вознаграждением участие в победоносных военных операциях против прежде неуязвимого противника.

Версальский договор объединил предварительные (прелиминарные) договоры, уже подписанные Англией со всеми участниками победившей коалиции в период 1782–1783 гг. Прелиминарный мирный договор Англии и США, заключенный в феврале 1782 г. признавал суверенитет восставших колоний и декларировал отказ Англии от каких-либо претензий к ним в будущем. Были обозначены границы нового государства: с запада – по реке Миссисипи, с севера – по Великим озерам, реке Святого Лаврентия и линии от реки Миссисипи до Атлантического океана. Колонией Англии оставалась Канада, но ее южные границы не были обозначены. С обозначенной американской территории должны были быть выведены все английские войска, а из портов – военные корабли и гарнизоны бывшей метрополии. Важное место в договоре отводилось экономическим вопросам: регулированию рыболовства и судоходства в пограничных водах, погашению довоенных частных долговых обязательств, амнистии лоялистов с возвращением конфискованной у них в ходе войны собственности и т. п.

Прелиминарные договоры с Испанией и Францией были заключены почти год спустя, 20 января 1783 г. и не касались владений в Северной Америке, что вполне отвечало интересам США. Англия и Франция возвращали друг другу колониальные владения в Индии. Французы получили остров Тобаго в Вест-Индии и вернули себе африканский Сенегал, а также все свои прежние владения в Индии. Испания получала обратно остров Минорка в Средиземном море. Прелиминарный договор с Нидерландами был заключен в последнюю очередь, лишь за день до встречи в Версале – 2 сентября 1783 г. Англия не только ничего не теряла, но и получала контроль над голландской факторией Негапатам в Индии.

Итоги Войны за независимость североамериканских колоний. Конституция 1787 г.

Победа восставших английских колоний имела всемирно-историческое значение, поскольку стала первой в новой истории победоносной анти-колониальной войной, приведшей к созданию жизнеспособного самостоятельного государства. Американцы долгое время считали свой анти-колониальный опыт пригодным для других стран. Это стало важным идеологическим аргументом для установления особых покровительственных отношений с республиками Центральной и Южной Америки, вскоре также получившими независимость от своей метрополии – Испании («доктрина Монро» и лозунг «Америка для американцев» появились за три года до окончания Войны за независимость испанских колоний). Спустя столетие, беря под свой контроль Кубу и Филиппины, США гневно отвергали все подозрения в имперских амбициях, ссылаясь на то, что страна, пережившая анти-колониальную войну, никогда не станет обзаводиться собственными колониями.

Необходимость привлекать на сторону воюющей за независимость армии колоний возможно более широкие слои населения обусловила влияние в Конгрессе сторонников радикальных демократических преобразований, которые были особенно активны при формировании новой государственности. Большинство из документов американской анти-колониальной революции носило демократический характер. Американская освободительная война оказала большое влияние на развитие демократического движения в других странах. Теоретические изыскания европейских просветителей были с блеском реализованы, будучи перенесены на американскую почву, правда, дав впоследствии весьма неожиданные всходы. Сильный резонанс демократические идеи получили в самой метрополии, оказав влияние на политическое развитие Англии. Но наиболее «заразительны» идеи демократии оказались для оппозиционных власти движений в странах-союзницах США – Франции и Испании. Великая французская революция и национально-освободительные войны в Испанской Америке были вдохновлены успехом Соединенных Штатов. Американская конституция стала образцом политической демократии Нового времени.

Политическая независимость расчистила путь для свободного этногенеза. Были созданы благоприятные условия для возникновения новой нации, обладавшей самобытной культурой и осознающей свое отличие от европейской прародины.

Революционные преобразования в ходе войны привели к уничтожению многих феодальных пережитков, перенесенных из метрополии, что обеспечило свободу развития рыночного хозяйства, создало благоприятные условия для индустриализации, наращивания темпов экономического развития. Экономически от войны выиграли крупные собственники, которые добились снижения налогового бремени и скупили крупные земельные участки.

Вместе с тем, военные действия на территории молодого государства нанесли значительный общий урон хозяйству. Особенно тяжелым было положение мелких фермеров, ремесленников и наемных рабочих. Тяготы войны увеличили задолженность арендаторов и мелких торговцев, имущество которых конфисковывалось в пользу кредиторов и ростовщиков. Тюрьмы были переполнены должниками и бродягами. Закрывшие мануфактур и шахт привело к безработице. В разоренную войной страну стали в большом количестве поступать иностранные товары, что окончательно разорило часть ремесленников. Обнищавшие за годы войны бедняки пополняли ряды «белых рабов». Эта система продолжала существовать в завуалированной форме, хотя формально была упразднена в ходе революционной войны. Рабство негров постепенно было ограничено и даже исчезло в ряде северных штатов, но упрочило свои позиции на юге и в центральных штатах.

Усугубляла положение непрекращавшаяся инфляция бумажных денег, дополнительным бременем ложившаяся на плечи рядовых граждан. Ситуация осложнялась массовой демобилизацией революционной армии осенью 1783 г. Вместо денег солдаты и офицеры получали на руки государственные долговые сертификаты и бумаги на участки в неосвоенных землях. Чтобы получить средства на жизнь, они вынуждены были продавать их за бесценок спекулянтам. Молодое государство выпустило большое количество ничем не обеспеченных бумажных денег в надежде быстро компенсировать военные расходы и стабилизировать финансовую систему, однако это лишь ухудшило положение, окончательно обесценив находившуюся в обращении наличность. Низкая платежеспособность государства, обусловленная затяжным финансовым кризисом, грозила превратить США в должника европейских кредиторов, уязвимого перед возможными санкциями. Требовались радикальные и срочные меры для пополнения казны, получения средств на содержание нового государственного аппарата. Наиболее доступным источником для этого оставались западные земли.

В 1785–1786 гг. для освоения этого ресурса были приняты Северо-западные ордонансы. Было объявлено о возможности заселения западных земель в целях создания на них новых штатов в рамках конфедерации. Земли к западу от Аллеганских гор были объявлены совместной (государственной) собственностью всех штатов и продавались по невысоким фиксированным ценам, но только крупными (по 640 акров) участками. Земли, конфискованные у бежавших в Канаду лоялистов, власти штатов пускали в продажу по высоким ценам, используя вырученные средства уже не на ведение войны, а на восстановление и развитие хозяйства.

Все эти земли, как и отнятые за долги у фермеров участки, после продажи чаще всего попадали в руки спекулянтов, финансистов, плантаторов или крупных предпринимателей и торговцев – новой предпринимательской элиты США, стремившейся закрепить завоеванные позиции. Несмотря на снижение имущественного ценза, для избирателей во всех штатах, он оставался достаточно высоким и обеспечивал участие в выборных органах власти наиболее состоятельных граждан. Значительная часть населения оказалась лишена политических прав и возможности легитимной защиты своих интересов.

Участники войны, добивавшиеся прав на землю и демократических свобод, чувствовали себя обманутыми. Проблема долгов дополнительно накаляла обстановку. В 1786–1787 гг. фермерские районы отдельных штатов оказались охвачены многочисленными восстаниями под лозунгами освобождения должников и обуздания инфляции. Филадельфийский конгресс не имел права вмешиваться в дела штатов и оказывать им помощь в подавлении бунтов. Наиболее крупные фермерские восстания были в штате Род-Айленд, Массачусетс. Обедневшие фермеры и ветераны войны во главе с Даниэлем Шейсом в 1786–1787 гг. одержали ряд побед в центральных районах Массачусетса, пикетируя с оружием в руках тюрьмы, здания судов, сжигая долговые расписки, требуя надления бедняков бесплатными земельными участками. Местным властям пришлось использовать срочно мобилизованное ополчение, которое, применив артиллерию,

принудило восставших сдаться. Массовое недовольство стало дополнительным аргументом для усиления централизации.

Послевоенная ситуация потребовала внесения существенных изменений в политический строй, закрепленный первой американской Конституцией. Широкая автономия штатов с появлением местной разбогатевшей элиты, склонной к преимущественной защите собственных интересов, еще больше стала затруднять принятие общих решений, препятствовать формированию единого экономического, политического, культурно-идеологического пространства. Она не соответствовала росту самосознания новой американской нации, тормозила развитие страны в целом. Под угрозой оказались не только провозглашенные Декларацией независимости республиканские принципы, но и само существование молодого государства. Слабая власть не могла обеспечить порядок внутри страны, погасить волны социального протеста, отстоять привилегии новых собственников и упорядочить экономическую жизнь населения. Отсутствие персонифицированной исполнительной власти, стоящей выше интересов отдельных локальных групп правящей верхушки, не только препятствовало координации действий, но и создавало двусмысленное положение, например, на переговорах республиканских властей с европейскими монархами и при подписании международных договоров. В сильной власти объективно было заинтересовано большинство населения страны, измученное разногласиями штатов и хозяйственной неразберихой, прежде всего, городские слои – ремесленники и наемные рабочие мануфактур, страдавшие от инфляции и конкуренции иностранных промышленных товаров. Централизаторские настроения были в наибольшей степени присущи крупнейшим собственникам, сделавшим состояния на войне или нуждавшимся в компенсации понесенных в ходе революции потерь. Стало очевидно, что созданный в разгар освободительной революции государственный механизм оказался малоэффективным. Потребовалось пересмотреть «Статьи конфедерации» и консолидировать власть в руках победителей.

Главной задачей стало реформирование государственного устройства через создание сильных союзных органов управления. Странники централизации апеллировали к усилению внешней угрозы со стороны недовольных Версальским миром великих держав, включая Англию, которые использовали экономические связи для нагнетания сепаратистских настроений в отдельных штатах. Национальную безопасность могла обеспечить только единая внешняя и военная политика. Централизация создавала условия решения важнейшей экономической задачи расчета по внешним и внутренним военным долгам. Она позволяла создать общенациональный внутренний рынок, свободный от таможенных барьеров, опирающийся на единые правила и стандарты, на защищающую от инфляции общую денежную единицу. Общефедеральной тарифной политике предстояло выработать меры поддержки конкурентоспособности национальной промышленности и сельского хозяйства, ориентированных на внешние рынки. Совместными усилиями штаты могли также осуществить задачу расширения территории страны, экспансии в западном направлении на земли, населенные индейцами, или входившие в состав испанских, французских и английских колоний. Только оперативные меры могли содействовать пополнению государственной казны, послевоенному восстановлению хозяйственной инфраструктуры, смягчению таких социальных проблем, как безработица, расчеты с демобилизованными ветеранами, смягчение долгового бремени военных лет фермерам, ремесленникам и т. п.

В столице Соединенных Штатов Филадельфии, куда приехали 55 влиятельных представителей 12 штатов для поиска способов оптимизации государственного управления, с мая по сентябрь 1787 г. работал Конституционный Конвент (13 штат Род-Айленд не прислал своих делегатов под предлогом отказа участия в анти-конституционном заговоре). Среди делегатов преобладали банкиры, крупные торговцы, промышленники и плантаторы, интересы фермеров и рабочих никто не представлял.

Большинство делегатов имело юридическое образование и опыт работы в легислатурах (законодательных собраниях) штатов. Заседания проходили за закрытыми дверями в обстановке строгой секретности из опасения быть обвиненными в подготовке государственного переворота и подрыве конституционного строя конфедерации. Позиции демократических сил в Конвенте не были достаточно сильны, поскольку их лидер Т. Джефферсон находился на дипломатической службе за рубежом и не мог принять участие в работе. По этой же причине отсутствовал Джон Адамс, а министр иностранных дел Джон Джей должен был находиться в Нью-Йорке.

Жесткая полемика отражала неоднородность интересов победившей в ходе революции элиты. В ходе дискуссии стало ясно, что все делегаты заинтересованы в усилении государственной власти и видят в конфедеративном устройстве главное препятствие этому. Предстояло найти иную, приемлемую для всех модель государственного управления, учитывавшую интересы региональных властей, наметить внешнеполитический курс в интересах общей безопасности и защиты внешнеэкономических интересов страны, а также смягчить социальную напряженность, обеспечив демократические механизмы вовлечения свободных и состоятельных граждан в управление государством, прежде всего, на местном уровне. Наиболее спорными оказались вопросы о ввозе рабов, таможенной политике, о формировании федеральных органов власти и определении их полномочий, о сохранении прав штатов и местного законодательства, о личных правах и демократических свободах граждан.

Компромисса удалось достигнуть, когда торгово-промышленные круги Севера согласились с требованием плантаторов и сохранили свободный ввоз рабов на ближайшие два десятилетия, а в обмен получили одобрение на введение протекционизма, несмотря на опасения южан вызвать ответные санкции при ввозе на иностранные рынки своей аграрной продукции.

Когда принципиальные разногласия удалось преодолеть, Конвент создал специальный комитет для согласования деталей и подготовки нового текста. Результатом дискуссий стал фактически новый конституционный документ. В подготовке его проекта принимали участие названные впоследствии «отцами-основателями» влиятельные политики, вроде 82-летнего Б. Франклина, и молодые активисты – Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон и другие делегаты Конвента, более половины из которых были моложе 40 лет. В целом, даже при отсутствии у некоторых участников Конвента достаточных юридических знаний, почти все они были людьми состоятельными, высокообразованными или обладавшими богатым жизненным опытом.

17 сентября 1787 г. Конвент с серьезными оговорками принял Конституцию США. Ее текст был направлен Конгрессу Конфедерации в Нью-Йорк и разослан по штатам. Утверждение проекта местными легислатурами происходило в обстановке острых дискуссий и потребовало дополнительных согласований и компромиссов.

Согласно новой Конституции страна должна была превратиться в федеративную республику с сильной центральной властью, единой финансовой и налоговой системой, общими вооруженными силами. Политическая система по Конституции была выстроена в соответствии с принципом разделения властей. Особенностью США стало создание «взаимных сдержек и противовесов», что предусматривало взаимоконтроль и позволяло нейтрализовать, в случае необходимости, неправомерные действия одной из ветвей власти решениями других. Механизм власти предусматривал сохранение широких прав штатов, но и четкое определение неоспоримых полномочий союзного центра.

Главой исполнительной власти, высшим должностным лицом государства был объявлен президент США, избираемый на четырехлетний срок специальной Коллегией выборщиков от штатов и выполняющий функции главы правительства. Те же функции, но в местном масштабе передавались избираемым на два или четыре года губернаторам штатов. Это было важным завоеванием федералистов, поскольку одной из целей

Конституционного конвента было создание сильной исполнительной власти, способной оперативно руководить жизнью обширного союзного государства. Идущий на выборы вместе с президентом вице-президент, представлявший другой штат, выполнял функции председателя сената – высшей палаты законодательного органа власти – конгресса. В штатах эти функции были возложены на законодательные собрания (легислатуры) штатов.

Компромиссный принцип в устройстве конгресса проявился в его двухпалатной структуре. Требование южан о представительстве, пропорциональной численности граждан (с учетом 3/5 рабов, названных «другими лицами»), было реализовано при формировании нижней Палаты представителей. Призыв северных штатов к соблюдению равенства прав всех членов федерации воплотился в устройстве сената, куда законодательными собраниями штатов избиралось по два представителя от каждого штата. Влияние законодателей опиралось на исключительные полномочия в сфере финансового регулирования (бюджет, пошлины и акцизы) и контроля, утверждение назначений на государственные посты, а также на право объявления импичмента президенту. Конгрессу передавалось право введения налогов в зависимости от потребностей государства и с учетом включения в прямое налогообложение части рабов, проживавших в конкретном штате (это правило вводилось с согласия южных штатов, получивших взамен право на продолжение ввоза рабов, названного «иммиграцией определенных лиц», в течение двух десятилетий – до 1808 г.).

Высшая судебная власть и право контроля за соблюдением Конституции возлагались на Верховный суд с пожизненным членством назначаемых президентом и утверждаемых конгрессом судей. Он стоял во главе независимой судебной системы. Впоследствии за ним закрепилось право интерпретировать Конституцию.

Суверенитет штатов остался как декларация, будучи существенно ограничен на деле утратой внешнеполитических и ряда финансовых полномочий, запретом на изменение конституционной формы правления и сецессию – выход из состава федерации по собственному решению. Штатам были предоставлены лишь полномочия местного самоуправления и установления избирательного ценза.

Текст Конституции федеративного государства мог вступить в силу после одобрения 9 из 13 штатов. Сторонники централизации называли себя федералистами. Они подвергались критике своих политических оппонентов – анти-федералистов-демократов в связи с опасением региональных элит утратить свое влияние с сокращением прав штатов и лишиться основных демократических прав, завоеванных в ходе борьбы за независимость и позволявших оказывать влияние на федеральные власти. Оспаривались правомерность деятельности Конституционного Конвента, который не был изначально наделен правом изменения государственного устройства и отмены конфедерации.

Для обеспечения успеха ратификационному процессу в отдельных штатах федералисты смягчили свою первоначальную жесткую позицию и согласились на дополнение текста Конституции 10 поправками о гарантиях основных гражданских свобод, получившими название «Билль о правах». Готовность политических противников к компромиссу во имя достижения общей цели, создание демократичного механизма внесения поправок в основной закон страны позволили создать Конституцию, действующую в США и сегодня. После ратификации Конституция вступила в силу в июне 1788 г. Первым президентом США 4 февраля 1789 г. был избран Джордж Вашингтон, а его вице-президентом стал Джон Адамс. В ноябре 1791 г. стал действовать одобренный конгрессом «Билль о правах».

Итоги периода становления демократической республики в США

Появление демократического федеративного республиканского государства в Новом Свете стало главным итогом заключительного этапа революционной Войны за независимость США. Формирование союзных органов власти завершило становление централизованного государственного аппарата буржуазного типа, свободного от большинства социально-политических пережитков, присущих Старому Свету. Поскольку в Америке никогда не существовали сословно-феодалные порядки в чистом виде, борьба за освобождение от насаждавшей их метрополии стала залогом успеха «нового уклада» либерально-рыночного типа.

Отделение от метрополии сопровождалось глубокими внутривнутриполитическими изменениями. Наследие колониальных времен, вроде рабства или иерархического устройства местных органов власти, не помешало снять наиболее острые социально-экономические противоречия и на долгие годы ослабить конфликтный потенциал в обществе. Реализация на практике демократических идеалов, выработанных европейской общественно-политической мыслью эпохи Просвещения, выглядела как широкомасштабный социальный эксперимент, отношение к которому дополнительно политизировало европейские протестные движения. В отличие от Европы, где силы Старого порядка оказывали бешеное сопротивление революционным преобразованиям, и террор восставших был направлен на их физическое уничтожение и насильственную конфискацию собственности, в Североамериканской революции уравнилительный пафос и недовольство масс были умело направлены в русло справедливой анти-колониальной борьбы.

Лидеры Войны за независимость сумели соединить лозунги свободы и собственности. Их стремление к быстрому достижению конкретного результата открывало дорогу компромиссу в духе политического реализма, трезвой оценки соотношения сил в каждом конкретном случае, что стало неотъемлемой чертой американской политической культуры. Предоставление широких гражданских прав населению делало его сопричастным управлению государством. Перспектива улучшения жизни после наделения землей, приобретения другой собственности участниками боевых действий была увязана не столько с требованием неимущих патриотов конфисковать и перераспределить земли монархистов (их переводили в государственное владение), сколько со строгим соблюдением закона, установленного революционными властями, с получением «официальных» векселей и других документов на легитимное владение свободными землями. Жертвы и несправедливости, присущие любому вооруженному конфликту, в США, конечно, были, но их было несравнимо меньше, чем в результате кровавого террора Английской или Французской революций. Лозунги «порядка и справедливости», под которыми действовала американская милиция и ополченцы, азарт законотворчества, которым были охвачены политики, осознававшие, что своими руками «творят историю», используя легитимные методы реформирования общества, создавали за рубежом благожелательное сочувствие новым американским властям, не допустившим хаоса, не отказавшимся от внешних долговых обязательств, сумевших защитить собственность иностранцев, но лишь отстаивавших свои «законные» интересы от притеснений метрополии.

Это способствовало быстрому международному признанию независимого североамериканского государства, установлению дипломатических отношений с великими европейскими державами, которое началось еще в ходе революционной войны. Не желая включаться в конфликты и коалиционные войны, развернувшиеся в Европе после Великой французской революции из-за принятых на себя союзных обязательств,

США перешли к политике нейтралитета и установления торговых отношений со всеми заинтересованными странами, в том числе, находившимися в состоянии войны друг с другом. Прагматизм и невмешательство стали основными принципами американской внешней политики, получившими доктринальное оформление уже в начале XIX в.

Вступление в силу Конституции США означало установление долговременного общественного консенсуса, пользующегося широкой социальной поддержкой. Интересам правящей верхушки вполне соответствовал учет наиболее общих потребностей активных самодеятельных слоев американского общества, что превращало их в последовательных защитников созданного социально-политического строя, обеспечивало ему надежную базу. Конституция упорядочила и нормализовала жизнь общества, консолидировала нацию, введя политический процесс в законное русло состязательности на выборах. Являясь наиболее прогрессивным государственным актом своего времени, американская Конституция не была лишена противоречий и недостатков, однако, разработанная «отцами-основателями» процедура внесения в нее поправок, создавала возможность направить конституционный процесс в русло реформирования.

В ходе борьбы сторонников и противников Конституции в Соединенных Штатах наметилась партийная структура политической жизни. Несмотря на то, что идеологи демократов, прежде всего Т. Джефферсон, не были участниками Конституционного Конвента, они высоко оценили принятый документ, оставив за собой право на критику его конкретных положений. Вернувшись из Франции в разгар ратификационных дискуссий, Джефферсон встал во главе движения анти-федералистов-демократов, выражавших опасения леволиберальных и аграрных кругов населения в узурпации власти торговой «олигархией». Это движение было особенно популярно на Юге.

В свою очередь, авторы и защитники Конституции опирались на поддержку реакционных кругов крупных собственников Севера. Эссе влиятельных федералистов А. Гамильтона,

Дж. Джея, Дж. Мэдисона, опубликованные в ходе обсуждения в американской прессе и собранные позднее в двухтомник «Записки федералиста», оказали значительное влияние на общественное мнение, способствуя одобрению текста Конституции.

Конституция США узаконила и закрепила буржуазно-демократические завоевания Войны за независимость. Был не только подведен итог важному периоду истории страны, но и сделан значительный шаг вперед на пути формирования нового экономического и общественно-политического уклада, выгодно отличавшегося от Старого порядка в европейских монархических государствах.

§ 15 США в XIX в.

Утверждение новой политической системы

На протяжении трех лет, которые потребовались для введения Конституции, успели окончательно сформироваться две наиболее влиятельные политические группировки: «партии» федералистов и анти-федералистов-демократов. Сторонники централизации,

сплотившиеся вокруг популярной фигуры Дж. Вашингтона, возглавлявшего в ходе Войны за независимость армию колонистов, а затем и Конвент по выработке конституции, добились его избрания президентом США на два первых срока – в 1789 г. и 1797 г. Пребывание партии федералистов у власти в ответственный период создания базовых государственных институтов в существенной мере предопределило последующий ход политической борьбы, заложило политическую традицию. Несмотря на то, что число сторонников Конституции составляло лишь несколько процентов населения, заложенные в ней принципы политического устройства все более прочно утверждались в стране с каждым новыми выборами.

Значительную роль в формировании политических принципов партии федералистов сыграл возглавивший ее в 1789 г. Александр Гамильтон, назначенный на ключевой пост министра финансов (1789–1795). Централизаторские устремления федералистов привели под их знамена приверженцев монархического устройства, что не могло импонировать президенту Вашингтону, создавшему себе имидж непримиримого борца с лоялистами в ходе недавней войны, и остановило его от выдвижения своей кандидатуры на третий срок президентства. Это породило важный политический прецедент.

Решая задачу сплочения народа перед лицом сохранявшейся внешней угрозы, Вашингтон пытался примирить обе партии. В 1800–1803 гг. он назначил на ответственный пост государственного секретаря, отвечавшего за внешнеполитический курс молодого государства, своего главного политического соперника из стана демократов Т. Джефферсона. В расчет, помимо популярности внутри страны, были взяты его обширные зарубежные связи, знание ситуации в Европе, что приобрело особое значение после начала революции во Франции. Эти же соображения побудили следующего президента-федералиста, Джона Адамса пригласить Т. Джефферсона на пост вице-президента в 1797–1801 гг. Между тем, сам лидер демократов извлек урок из сложности своего положения в окружении идейных противников и необходимости разделять ответственность за политику, которую считал ошибочной. Став третьим президентом США (два срока в 1801–1809 гг.), Томас Джефферсон заложил новую политическую традицию формировать кабинет министров только из однопартийцев (этот принцип сохранялся почти до середины XX в.). Этим он значительно укрепил позиции своей партии, принявшей в 1794 г. название Республиканской. Лишив соперников-федералистов возможностей политического влияния почти на десятилетие, Джефферсон способствовал распаду их партии. На протяжении двух президентских сроков в качестве государственного секретаря с Джефферсоном работал виргинский плантатор и один из авторов Конституции Джеймс Мэдисон, перешедший от федералистов в стан умеренных республиканцев. Он сменил Джефферсона в президентском кресле (1809–1817) и под давлением торгово-промышленных кругов северных штатов, поддерживавших республиканцев, стал последовательным выразителем их интересов. После распада партии федералистов в 1816 г. наступила «эра доброго согласия», когда партия республиканцев не имела политических соперников и действовала на политической арене в одиночестве. Она сумела стать выразителем интересов основных социальных групп всех трех экономических регионов страны – Севера, Юга, Запада, поскольку развитие каждого из них в этот короткий период взаимно-обуславливало тенденции развития двух других.

Вместе с тем, политическое развитие США характеризовалось постепенным ростом влияния на государственную политику плантаторов южных штатов, сконцентрировавших в своих руках значительные доходы от экспортной торговли сельхозпродукции. Ситуация осложнялась и тем обстоятельством, что в рядах бессменно выдвигавшей своих президентов Республиканской партии началось размежевание. В годы пребывания у власти Джеймса Монро (1817–1825) и особенно Джона Куинси Адамса (1825–1829), лидера радикального крыла в республиканской партии – «национальных республиканцев», выразившего интересы крупного бизнеса северных и северо-восточных

штатов, резко обозначились внутривнутрипартийные разногласия, а также соперничество промышленников и плантаторов.

Это привело к неминуемому распаду прежних политических объединений, перегруппировке сил и образованию новых партий в годы президентства Эндрю Джексона (1829–1837). Джексон имел чин генерала, был знаменит как победитель битвы с англичанами при Новом Орлеане в ходе войны 1812–1814 гг. Будучи выходцем из бедной фермерской семьи, он смог стать крупным рабовладельцем. Джексон победил на выборах, представляя Демократическую партию, созданную в 1828 г. из группы «демократических республиканцев», выражавших интересы плантаторов, фермеров, мелких и средних предпринимателей, страдавших от притеснений крупного бизнеса, а также части наемных рабочих. Политика, которую стал проводить Джексон, урезала привилегии промышленников и крупных торговцев.

В ответ они создали в 1832–1834 гг. самостоятельное политическое объединение, назвав себя «вигами» и сумев привлечь на свою сторону часть крупных фермеров. В этот же период на политическую арену вышло множество мелких рабочих, фермерских, мелкобуржуазных партий. Накал внутривнутриполитической борьбы постепенно усиливался. Э. Джексону удалось удерживать ситуацию под контролем, не допустить гражданской войны только благодаря политике компромиссов, сопровождавшейся понуждением сторон к взаимным уступкам, что, однако, не могло разрешить коренных противоречий. Соратник Джексона демократ Мартин Ван-Бурен не был столь успешным. Разразившийся в годы его президентства (1837–1841) экономический кризис усилил социальный протест народных низов, породил всплеск аболиционистского движения против рабства, активизировал профсоюзы, рабочие и фермерские организации, заставил правительство обратиться за помощью к крупным торгово-финансовым кругам и пойти на уступки промышленникам.

На выборах 1840 г. победу одержали «виги». Их лидеру – генералу Уильяму Генри Гаррисону суждено было пробыть у власти совсем недолго (4 марта – 4 апреля 1841 г.). После его внезапной кончины вице-президент Джон Тайлер (1841–1845), лишь формально называвший себя «вигом», обеспечил политические преимущества сторонникам рабовладения. В результате, на выборах вновь победили демократы – президентом стал Джеймс Нокс Полк (1845–1849). Кратковременный реванш «вигов» на выборах 1848 г. и приход к власти Закари Тейлора (1849–1850), а после его смерти – вице-президента Милларда Филмора (1850–1853) ничего не изменил, поскольку оба они выступали за примирение Севера и Юга, не являлись сторонниками радикальных реформ и легко уступили инициативу демократам. К власти пришел Джеймс Бьюкенен (1857–1861), при котором позиции рабовладельческого Юга значительно упрочились.

Достигший критического уровня рост протестных настроений в различных слоях американского общества ускорил политическую консолидацию северян. В 1854 г. они назвали свою новую партию Республиканской, позаимствовав у прежних «джефферсоновских республиканцев» не только название, но и некоторые демократические лозунги. Победа на законодательных выборах в Палату представителей подняла популярность партии, открыла в 1860 г. дорогу к завоеванию политической власти для борьбы с рабством конгрессмену и адвокату, одному из создателей партии республиканцев, выходцу из небогатой семьи Аврааму Линкольну, занимавшему пост президента в самое сложное для судеб страны время кануна гражданской войны.

К началу 60-х годов XIX в. сформировались, выработали концептуальные подходы к определению основных задач государственного развития в соответствии с потребностями своего электората Республиканская и Демократическая партии. В рамках федеральной конституции сложились политические традиции США, способствовавшие общему укреплению государственной власти, в разрушении которой не была заинтересована ни одна из сторон назревавшего внутривнутриполитического конфликта.

Внешняя политика в первой половине XIX в.

На этапе становления молодого государства внешней политике отводилась особая роль. Это было связано с обеспечением национальной безопасности, задачами предотвращения потенциальной внешней угрозы (характер Парижского мира не устранял полностью предпосылки интервенции со стороны как бывшей метрополии, так и недовольных его статьями европейских союзников США), необходимостью отстоять государственные границы и, по возможности, их расширить (к 13 штатам, отвоевавшим свою независимость в 1792 г. присоединились Кентукки, в 1796 г. – Теннесси, в 1803 г. – Огайо; все они были отвоеваны у индейцев). Кроме того, внешняя торговля, таможенная и тарифная политика имели жизненно важное значение для судовладельцев и собственников крупных шахт, для ориентированного на рынки Старого Света плантационного хозяйства, для целого ряда других отраслей производства. От иностранных инвестиций и притока европейской рабочей силы также напрямую зависело благополучие американской экономики.

В европоцентричной мировой политике избежать необходимости выстраивать систему двусторонних отношений США с отдельными великими державами Старого Света было невозможно. Первые дипломатические опыты молодого североамериканского государства в период Войны за независимость были вполне успешны. Удалось создать союзную коалицию европейских держав, которая оказала существенную поддержку США в борьбе с метрополией. Торгово-экономическое сотрудничество доказало свою эффективность и было взаимовыгодно. Военные кредиты и поставки из Европы предполагали развитие контактов, как минимум, для погашения долгов.

В Европе последнее десятилетие XVIII в. прошло под знаком Великой французской революции. Франция была первой великой державой, признавшей некогда восставшие колонии. Госсекретарь Т. Джефферсон, в свое время обеспечивший повстанцам поддержку этой страны, приветствовал революционные события, считал, что пришло время оказать ответную услугу, и даже, в знак солидарности с анти-монархической борьбой дал своей партии название Республиканской. Отнюдь не столь позитивно восприняли события во Франции президент Вашингтон, его соратники-федералисты. Их отказ от помощи революционной власти привел к отставке госсекретаря.

Прагматичность и соображения экономической целесообразности при первом же испытании возобладали в молодой американской дипломатии. Федералисты безоговорочно заняли пробританскую позицию. Английские инвестиции, тесные торговые и транспортные связи двух стран стали гораздо более весомым аргументом, чем абстрактные соображения идейной близости США с Францией. Опубликованная весной 1793 г. Декларация о нейтралитете фактически отменила франко-американский договор 1778 г. (этот документ появился после установления во Франции якобинской диктатуры в начале лета 1793 г.). Логичным следствием этого шага стало подписание американо-английского договора о дружбе, торговле и мореплавании – Договора Джея (назван по имени особого американского уполномоченного Дж. Джея, подписавшего договор с британским министром иностранных дел лордом Гренвилем). Это соглашение закрепляло неравноправные условия для американцев и стало предметом острых дебатов при утверждении в Конгрессе.

Внешнеполитический вопрос оказался в центре внутривнутриполитической борьбы, поскольку дал возможность соперничавшим политическим силам публично выступить в поддержку тех социальных слоев, на которые каждая из них опиралась. Предпринимательские слои Севера были заинтересованы в нормализации экономических связей с бывшей

метрополией, получении равных прав в двусторонней торговле и работе транспорта, в безопасной навигации по реке Миссисипи, в возобновлении приграничной торговли с Канадой. Важным было и прекращение англичанами многолетнего саботажа по выполнению решений Версальского мира 1783 г., выводу войск из фортов на отошедших к США территориях. Англия пошла на ряд уступок, ввиду осложнения позиций в европейской политике, федералисты же объявили это результатом своей успешной дипломатии. Антифедералисты-республиканцы, обращали внимание общественности на то, что уступки, полученные от английского правительства, носили половинчатый характер. Не были учтены американские интересы в вопросах торговли с Вест-Индией, им запрещалось вывозить наиболее прибыльные товары (сахар, кофе, какао, хлопок и др.), подтверждалось право на досмотр американских торговых судов и арест нарушивших это предписание экипажей. Такого рода ограничения и притеснения не отвечали интересам торговцев, судовладельцев и плантаторов южных и восточных штатов, стычки которых с британскими военными моряками нарушали режим бесперебойной внешней торговли. Претензии на компенсации британским подданным и их сторонникам, собственность которых была конфискована в ходе Войны за независимость, а также старые споры о военных долгах также не прибавляли оптимизма.

Неудачные попытки англичан при создании анти-французских коалиций в Европе сделали ставку на нового союзника весьма опасной и заставили президента Джона Адамса в 1798 г. всерьез рассматривать возможную перспективу войны с Францией. Федералистское правительство опрометчиво форсировало проведение через Конгресс непосильной для государственных финансов программы в рамках «Закона об увеличении армии и флота». Для ее обеспечения потребовалось введение специального налога на владельцев рабов, земли и недвижимости, что в очередной раз ударило по интересам плантаторов, а также широких фермерских слоев. Стремясь оградить себя от наступательной критики республиканцев, и издав в том же 1798 г. анти-демократические законы «О мятежах» и «Об иностранных врагах», федералисты заплатились за это победой на выборах. К власти пришла партия республиканцев Т. Джефферсона.

Смягчив недовольство Франции, новый президент в 1803 г. приобрел у нее Луизиану, чуть меньшую по площади, чем вся первоначальная территория США. Наполеон не смог восстановить контроль в этой бывшей французской колонии, которой в 1763–1800 гг. владели испанцы, не препятствовавшие проникновению в эти земли американских поселенцев, и предпочел пополнить казну для ведения войн и возобновления борьбы с Великобританией. Плата в 15 млн долларов с лихвой окупалась для американцев получением доступа к Мексиканскому заливу и обеспечением стратегического контроля над бассейном реки Миссисипи. В 1810 г. американские поселенцы объявили Западную Флориду свободной от испанского владычества и, введя войска, спустя три года, при президенте Дж. Мэдисоне, присоединили ее земли к Луизиане.

Были предприняты и первые силовые акции по защите американских торговцев, вывозивших опиум из Османской империи в Китай, от поборов североафриканских пиратов. Карательная акция в Триполи (1802–1805) прошла на редкость успешно. Получив от турецкого султана те же торговые преференции, каких добились уже великие державы, США успешно включились в передел средиземноморского опиумного рынка (в 1815 г. были заключены неравноправные договоры с североафриканскими государствами). Попав в водоворот торговых войн и блокад, затеянных европейцами, США предприняли ограничение, ставшее впоследствии характерной чертой американской внешней политики. Президент Джефферсон в декабре 1807 г. принял изоляционистское решение, наложив эмбарго на ввоз в страну всех иностранных товаров и даже временно закрыв американские порты. В этих условиях республиканскому руководству без труда удалось ввести в действие принятый ранее закон о запрете ввоза рабов.

К 1809 г. сложились предпосылки для установления дипломатических отношений и развития дружественного сближения с Российской империей – единственной великой державой, не чинившей преград американским торговцам.

Внешнеполитические шаги американцев обострили их отношения с Великобританией. Она не признавала покупку Луизианы, не примирившись с потерей своих колоний, затягивала вывод войск, а главное, не прекращала затяжную торговую войну, препятствуя свободе американской торговли, нанося ощутимый экономический ущерб конфискацией американских судов и грузов. Это подтолкнуло конгресс США 18 июня 1812 г. к объявлению войны Великобритании (1812–1814). Поскольку речь вновь шла о неоправданных экономических притеснениях, демонстративном ущемлении американского суверенитета, широкие круги общественности восприняли новый конфликт как очередной этап Войны за независимость, имевший целью добиться от Англии выполнения прежних соглашений.

Особенно активными сторонниками войны были радикальные экспансионисты (прозванные «военными ястребами»), считавшие войну шагом к обеспечению национальной безопасности путем окончательного вытеснения англичан из Северной Америки и получения свободного доступа к западным землям. В прессе шли дебаты по поводу возможного присоединения Канады и окончательного устранения британской угрозы. Высказывались предположения, что канадцы, в порыве анти-колониального протеста, сами захотят воссоединиться с соседней республикой, стоит только осуществить интервенцию на их территорию и помочь им справиться с колониальной администрацией. Особенно активны были представители приграничных штатов Запада. Впервые стали формулироваться концепции экспансии, копилка аргументов в поддержку которых, постоянно пополнялась в последующие годы.

Начавшие войну республиканцы рассчитывали в основном на массовую поддержку населения и недооценили мощи противника. Постоянно совершенствовавший боевой опыт, особенно в морских сражениях и десантных экспедициях, англичане легко разбивали противника, не воевавшего в последние десятилетия (за исключением стычек с индейцами и пиратами). Военная экспедиция в Канаду окончилась для американцев плачевно. Местное население восприняло их как агрессоров и поддержало английские войска, которые в 1814 г. не только разбили высланную против них армию, но и провели успешное наступление на территорию северных штатов, без труда овладели столицей США.

Американцам нечем было похвастаться в этой войне за исключением победы в сражении под Новым Орлеаном 8 января 1815 г., которое генерал Эндрю Джексон (будущий президент США) выиграл, не зная, что двумя неделями ранее заключен мир.

Война разделила американское общество на сторонников и противников американо-английского союза. За сотрудничество с Англией выступали федералисты, выражавшие интересы окрепших промышленных кругов северо-восточных штатов, которые даже выиграли на эмбарго, обогатившись за счет высоких цен и отсутствия конкурентных товаров. После разгрома армии Наполеона в России и усиления позиций Великобритании в Европе, они считали целесообразным пойти на любые уступки, чтобы закончить войну и возобновить сотрудничество. Не получив поддержки в обществе, федералисты, на конвенте в Хартфорде в 1814 г. обратились к штатам Новой Англии с призывом к выходу из состава Союза (сецессии). Эта была та роковая идея, которая через четыре с половиной десятилетия взорвала ситуацию в стране. Прямой саботаж федералистов в армии и диверсии в тылу вызвали негодование патриотически настроенных граждан. Популярность партии падала, и после войны федералисты исчезли с политической сцены.

В ходе военных действий был нанесен существенный ущерб торговому и военному флоту США, но война научила американцев противостоять противнику на дальних подступах. Нападения вооруженных отрядов американцев, сопровождавших торговые

корабли, на все суда, перевозившие грузы для противника (каперство), парализовали британское судоходство. Это дало больший эффект, чем армейские операции. Английские торговые круги потребовали от своего правительства прекратить войну. Свою роль сыграло изменение ситуации в Европе, отвлекавшее силы англичан на завершение разгрома армий Наполеона. Россия предложила свое посредничество в восстановлении мира, поскольку была заинтересована в скорейшем разгроме Наполеона, но оно не было принято Англией.

Мирный договор был заключен 24 декабря 1814 г. в бельгийском городе Генте. Его условия подтверждали пункты Версальского мира 1783 г. и восстанавливали довоенный статус-кво. Победа американцев позволила им закрепить свою независимость и возобновить торговое сотрудничество на взаимовыгодных условиях. Война обогатила внешнеполитическую традицию США, подтвердив уверенность американцев в том, что не следует делать ставку на союз с какой-либо одной великой европейской державой, сохраняя свободу действий и решительно пресекая малейшие попытки нарушения своих интересов.

Оформить этот опыт во внешнеполитическую доктрину сумел пятый американский президент Джеймс Монро (1817-1825). Продолжив традицию мирного присоединения новых земель, заложенную Джефферсоном, президент в 1819 г. способствовал выделению конгрессом 5 млн долларов для выкупа всей Флориды у Испании. Утвердив свои позиции в Мексиканском заливе, США расширили морскую границу и укрепили безопасность на южных рубежах. Череда национально-освободительных революций в Южной Америке, между тем, крайне обеспокоила членов Священного союза, которые на Веронском конгрессе 1822 г. обсуждали возможность интервенции для подавления восстаний и возобновления контроля Испании над колониями. Английский министр иностранных дел Джордж Каннинг пытался опереться на США в организации совместного выступления, что неминуемо усилило бы британское влияние в регионе.

Однако с подачи госсекретаря Джона Куинси Адамса президент Монро отклонил такую возможность и в декабре 1823 г. в президентском послании конгрессу выступил с идеей «Америка для американцев», оказавшей влияние на всю последующую историю внешней политики. Суть «доктрины Монро» сводилась к следующему. США признают легитимными все фактически существующие в Европе правительства и поэтому воздерживаются от вмешательства в их суверенные внутренние дела, требуя того же от европейцев. Осуждались все попытки новой колонизации стран обоих американских континентов. США признавали их право на анти-колониальную борьбу, через которую прошли сами, но оставляли за собой возможность препятствовать переходу сохранившихся европейских владений к другой неамериканской стране, поскольку это могло породить угрозу их собственной безопасности. Из всего этого следовало, что США расценивают любое возможное вмешательство европейцев в дела стран американского континента, как посягательство на свою независимость и будут готовы дать надлежащий отпор.

Практическое воплощение «доктрины Монро» подразумевало внесение ясности в ряд пограничных споров. Признав молодые республики Латинской Америки, США заключили первый русско-американский пограничный договор 1824 г. (пойдя на взаимные уступки, стороны признали линию по 54 градусам 4 минутам северной широты). Спорными продолжали оставаться северо-восточные границы с Англией и область Орегона. Территориальные споры с Англией по поводу Орегона были урегулированы к 1846 г. Большая часть территории была закреплена за США.

На протяжении последующего десятилетия больше не приходилось конфликтовать с европейскими державами по поводу территорий. Главными в европейской политике США были вопросы торговых тарифов. Они имели прямой выход на внутривнутриполитическую борьбу, поскольку затрагивали интересы значительных слоев избирателей. При

президенте Джексоне был ликвидирован государственный долг, что открыло возможности для привлечения новых европейских инвестиций.

«Доктрина Монро» вдохновляла сторонников экспансии. Экстенсивное плантационное земледелие требовало расширения посевных площадей. Рабовладельческие штаты Юга были заинтересованы в землях Техаса, принадлежавших соседней Мексике. Самовольно разбив там незаконные плантации, южане провели через Конгресс предложение о выкупе за бесценок захваченных земель. Получив отказ Мексики, они оказали в 1836 г. вооруженное сопротивление мексиканским войскам и объявили Техас независимой рабовладельческой республикой, потребовав его приема в состав США, что увеличило бы количество плантаторских штатов, закрепило преобладание южан в Сенате. Решение об аннексии Техаса Конгресс вынес в 1845 г. когда в Белый дом пришел президент от Демократической партии Джеймс Нокс Полк (1845–1849) – сторонник рабовладения и приверженец экспансионистских идей.

Война с Мексикой (1846–1848) принесла Соединенным Штатам не только весь Техас, но и все земли к северу от реки Рио-Гранде, Новую Мексику и Северную Калифорнию, переданные согласно мирному договору 1848 г. в счет компенсации в 15 млн долларов. В декабре 1853 г. по новому американо-мексиканскому договору с диктатором Санта-Анной США, заплатив 10 млн долларов, дополнительно приобрели территории к югу от Новой Мексики (в 1854 г. США пытались вынудить Испанию продать остров Куба). В общей сложности, война стоила Мексике более половины ее территории.

Покровительственное и порой бесцеремонное обращение с латиноамериканскими республиками получало в устах американских политиков множество оправданий, главные из которых сводились к предоставлению Соединенными Штатами защиты от куда более жестоких европейских колонизаторов, к избавлению от диктаторов, попиравших интересы народа, к предоставлению возможностей быстрого экономического развития и др.

Получив выход к Тихому океану, США активизировали экспансию в Восточной Азии. В 1844 г. был заключен неравноправный торговый договор с Китаем, получены привилегии в торговле и предпринимательской деятельности на его территории. В 1854 г. возглавлявший американскую эскадру Мэтью Пери, навязал такой же несправедливый договор Японии, прервав вековой режим ее самоизоляции.

Соединенные Штаты рано оценили стратегические возможности строительства судоходного канала между Тихим и Атлантическим океанами. Они вынуждены были согласовывать свои планы с Англией и в 1850 г. заключили специальный договор Клейтона-Бульвера. Уже через пять лет был реализован проект строительства железной дороги через Панамский перешеек, что значительно ускорило переброску грузов при освоении Дальнего Запада.

Первая половина столетия после завоевания независимости стала определяющей при формировании внешнеполитической традиции молодого государства. Вынеся ценный опыт из ряда внешнеполитических неудач, США стали выстраивать свою внешнюю политику как долгосрочную, сохраняющую преемственность и в главном не подверженную политической конъюнктуре. Любая политическая сила, оказавшись у власти, направляла главные усилия на обеспечение безопасности страны, решая пограничные и тарифные вопросы и стремясь отеснить европейских конкурентов как можно дальше от своих границ, значительная часть которых стала проходить по морю. Безграничный прагматизм, ставший главной чертой американской внешней политики, подразумевал сохранение свободы действий, дистанцирование от соперничества европейских коалиций, ровные отношения со всеми участниками международных отношений, включение в многосторонние экономические проекты, которые могли быть выгодны крупным американским собственникам или содействовали росту влияния США. «Доктрина Монро», ставшая «визитной карточкой» американцев на мировой арене, вопреки их стремлению, так и не получила поддержки в международном праве, но в

американском обществе «легитимизировала», венчала аргументацией целый ряд экспансионистских концепций, пользовавшихся широкой популярностью.

Экономическое развитие

Основой экономики США на протяжении первой половины XIX в. оставалось сельское хозяйство. В начале столетия в сельской местности проживало более 80 % населения страны, большей частью – свободные независимые фермеры и наемные работники. От роста их количества зависел успех освоения новых земель, расширения территории страны и темпы развития экономики. В свою очередь, наличие незанятых земель и богатых природных ресурсов (в том числе залежи золота, руд и угля), гарантии свободного предпринимательства, отсутствие сословных ограничений продолжали привлекать в Америку выходцев из перенаселенных стран Старого Света. За счет переселенцев из Западной и Северной Европы численность населения США выросла за годы независимости почти в шесть раз и достигла к середине XIX столетия 23 млн человек. Рост населения и скопление свободной рабочей силы в портах восточного побережья способствовали укрупнению таких городов, как Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия и др. Это не изменило того факта, что аграрная экономика в первой половине XIX в. оказывала определяющее влияние на социально-политические процессы в обществе, а стремительный рост числа новых мелких собственников, энергично выражавших свои интересы, влиял на политику правительства.

Рост промышленности, базировавшийся на европейских инвестициях и притоке квалифицированной рабочей силы из развитых стран Европы, способствовал постепенному вытеснению мануфактурного капитализма промышленным и дополнительно стимулировал урбанизацию, темпы которой на протяжении четырех десятилетий перед гражданской войной были самыми высокими в американской истории. К началу гражданской войны около 35 % населения проживало в городах, более десятка из которых превратились в крупные центры с населением свыше 100 тыс. человек.

На 1820-1860-е годы пришлась вторая, после обретения независимости, либерально-демократическая трансформация американского общества. В экономике она совпала с промышленным переворотом. Города северных и северо-восточных штатов, где был сосредоточен крупный капитал, базировался торговый флот, находились судостроительные и рыболовецкие предприятия постепенно становились центрами фабрично-заводского производства. Ведущая роль принадлежала там текстильной промышленности, которая использовала выращенный на Юге хлопок и развивалась столь стремительно, что выпуск тканей за два десятилетия вырос в несколько десятков раз. Это произошло благодаря изобретению механических станков по переработке хлопка, выделке из него пряжи и производству ткани. К середине столетия недорогой американский текстиль успешно конкурировал с английским на рынках стран Латинской Америки и Тихоокеанского бассейна.

Открытие новых залежей железных руд и угля в Новой Англии и штатах Средней Атлантики привело к подъему в металлургии и других отраслях тяжелой промышленности. Спрос на их продукцию был столь велик, что до середины XIX в. покрывался импортом из Великобритании. Машиностроение развивалось сравнительно медленно, поскольку не выдерживало конкуренции по качеству и цене с британскими станками и машинами.

Обширные территории располагали к усовершенствованию путей сообщения и буму на транспорте. Увеличивался тоннаж морских судов, совершенствовалась их конструкция и

оснащение, сокращалось время в пути через Атлантику. В США в 1807 г. был построен первый колесный пароход. Речной транспорт получил развитие с постройкой сети каналов, связавших восток и запад страны. Пароходные перевозки по Великим озерам и крупным рекам (Гудзон, Делавер) удешевили доставку товаров, которая облегчилась со строительством сети судоходных каналов (их длина составила около 6000 км). Крупнейшим был построенный в 1825 г. канал Эри, соединивший Атлантику с Великими озерами через Гудзон.

С начала XIX в. за счет средств американского правительства по всей стране велось строительство сухопутных дорог (программа «внутренних усовершенствований»). В 1830 г. была построена первая железная дорога. В эту отрасль раньше других на транспорте стали привлекаться частные иностранные и отечественные инвестиции, что вывело США на первое место в мире по темпам железнодорожного строительства. В 1840–1850 гг. протяженность железнодорожного полотна увеличилась в три раза. Железные дороги сыграли важную роль в быстром наращивании американской экономической мощи, освоении обширных территорий и объединении их в единый хозяйственный комплекс. Изобретение телеграфа и специального кода (азбуки Морзе) в 1837–1838 гг. вылилось в сооружение целой сети телеграфных станций, позволившей координировать отгрузку товаров, перевозку пассажиров. Наряду с увеличением тиражей периодических изданий, газет, рассылавшихся из крупных городов по всей стране, телеграф позволял установить связь между отдельными районами страны, наладить обмен информацией.

Капиталоемкость строительства коммуникаций потребовала на начальном этапе вложения государственных средств из казны, пополняемой всеми налогоплательщиками, а впоследствии обусловила кооперирование предпринимателей и объединение их ресурсов для приобщения к этому бизнесу. Развитие инфраструктуры имело стратегическое значение, повышало обороноспособность страны и облегчало как внешнюю экспансию, так и интеграцию новых штатов. Появились влиятельные корпорации, накопившие опыт сотрудничества с государством и легко выигрывавшие в конкурентной борьбе с индивидуальными предпринимателями, количество которых постоянно росло.

Двойственный характер американской экономики отражал территориальные различия и был неотделим от особенностей исторического развития бывших британских колоний. На Юге плантационное хозяйство с применением труда рабов не только не изживало себя, но и расширялось под влиянием растущего спроса на аграрную продукцию (особенно хлопок, рис, табак). На Севере и Западе использовался свободный труд наемных работников, преобладали рыночные, капиталистические отношения на базе промышленности и фермерских хозяйств. В экономике этой части страны также была велика доля аграрного сектора, хотя преобладало мелкое и среднее землевладение.

Развитие рыночных отношений «вширь и вглубь» затронуло все регионы страны. Транспортная революция помогла сельскохозяйственному производству выйти на общенациональный и мировой рынок. Небольшие семейные фермы арендаторов из южных и западных штатов получили возможность вывозить свою продукцию в города на побережье Атлантического океана. На 1830-1850-е годы пришелся так называемый «хлопковый бум», когда быстрый рост потребления хлопка в Англии и других европейских странах привел к повышению его доли в экспорте США до 60 % и значительно обогатил плантаторов южных штатов, сделав их сторонниками территориальной экспансии и заставив скупать подходящие земли на Западе, конкурируя с мелкими фермерами. Интересы рабовладельцев расходились с интересами торгово-промышленных кругов Севера. Возделывание монокультуры (хлопка) ориентировало на его сбыт по выгодным ценам в Европу, в обмен на дешевые и качественные промышленные товары. Такой подход негативно отражался на состоянии внутреннего рынка, не позволяя использовать ресурсный потенциал своей собственной страны. Консервация неэффективных рабовладельческих отношений препятствовала

распространению свободного частного предпринимательства и сужала внутренний рынок в южной части страны, где покупательная способность населения была низка и промышленные товары Севера не находили сбыта. Сколотив огромные состояния, плантаторы усилили влияние в политической жизни страны и начали активно лоббировать свои интересы в Конгрессе, требуя свободы торговли, отказа от снижавших их прибыли протекционистских тарифов, столь необходимых для поддержки национальной промышленности.

На Западе преобладали фермерские хозяйства переселенцев, специализировавшиеся на продаже продовольствия в города. Как только население новых земель достигало определенной численности, они получали статус штатов и принимались в состав США. На Западе особенно быстро росла производительность труда, что было едва ли не главным способом конкурентной борьбы между фермерскими хозяйствами. Районы между реками Огайо и Миссисипи производили почти половину продукции животноводства и зерновых культур американского рынка. Фермеры жили автономно, на отдалении друг от друга. Миллионы новых сельских хозяев осваивали западные территории. Не все они располагали деньгами для покупки земельных участков, долгое время продолжался самовольный захват свободных земель – «скваттерство». Индивидуализм, самостоятельность и закалка, приобретаемая в борьбе с природой, делали эту категорию населения особенно социально активной, приверженной демократическим ценностям, способной добиваться своих целей.

В результате экономического подъема появились новые слои общества, усилилось социальное расслоение и материальное неравенство. Американское население в этот период отличалось особой подвижностью, что проявлялось как на горизонтальном уровне (в постоянной массовой внешней и внутренней миграции, вынужденной смене рода деятельности и квалификации), так и в продвижении людей вниз и вверх по социальной лестнице (обретение или потеря работы, собственности, состояния, карьеры, порой вне связи с талантом и трудом, а авантюрным путем или в результате предприимчивости). Новые предпринимательские слои испытывали на себе негативные последствия индустриализации, особенно ярко проявившиеся в 1819 г. вследствие первого кризиса перепроизводства. Они начали консолидироваться и выдвигать собственные требования финансово-торговому и плантаторскому истеблишменту, дополнительно осложнив внутривнутриполитическую ситуацию.

«Джексонская демократия»

1820–1840-е годы стали периодом политической стабилизации в США. Властям удалось удержать страну от потрясений, произведя перегруппировку политических сил, трансформировав партийную систему и осуществив ряд компромиссных реформ. Накопленный в обществе протестный потенциал находил реализацию в политической активности. Образованная «демократическими республиканцами» партия во главе с генералом Э. Джексоном смогла прийти к власти в 1828 г. и прервать тенденцию однопартийности, благодаря проведенным под давлением фермеров и мелких собственников изменениям в избирательной системе. В большинстве штатов был отменен имущественный ценз, право голосования за президентских выборщиков получили рядовые избиратели. Имущественный ценз в этот период сохранялся в Род-Айленде, где скапливалась основная масса вновь прибывших европейских иммигрантов, а также в плантаторских штатах Виргиния и Луизиана.

Демократическая партия победила на выборах, сделав ставку, в отличие от республиканцев, не на защиту интересов деловой элиты, а на запросы менее

состоятельных, но многочисленных новых социальных слоев избирателей. Э. Джексон приобрел репутацию «народного президента», поскольку смог увидеть начало эры массовой политики и выдвинуть новые популярные лозунги, поддержанные фермерами западных штатов. Судьба президента, сумевшего, будучи выходцем из бедной семьи переселенцев с пограничной территории, стать армейским генералом, разбогатеть и приобрести обширные плантации, достигнуть политических высот и стать главой государства, была разрекламирована в предвыборной кампании как пример реализации «американской мечты». Возглавляемая им Демократическая партия смогла ввести в рамки конституционного политического процесса ширившееся социальное недовольство трудящегося населения, принявшего на себя бремя издержек модернизации и бурного прогресса в экономике, а также неумную активность новых предпринимательских слоев, запросы которых входили в противоречие с интересами господствовавшей элиты. Рост политической активности подтверждается показателями роста числа участников президентских выборов. В 1840 г. в президентских выборах приняло участие 78 % избирателей, в то время как ее начало ознаменовалось привлечением на выборы чуть более половины всех имевших право голоса.

В годы президентства Джексона правящие круги США попытались мобилизовать инструменты демократии на предотвращение назревавшего социального конфликта. Путем уступок и компромиссов удалось временно нейтрализовать широкое общественное движение за реформы и демократизацию политического строя США.

Инструментом, аккумулировавшим в себе все протестные лозунги, стала партийная система. Вышедшие из лоно единой Республиканской партии демократы и виги (национальные республиканцы) выстроили вторую партийную систему, унаследовавшую от первой главный принцип – единство в отношении соблюдения американских конституционных основ: республиканского строя на основе разделения властей, федерализма, демократических свобод и неприкосновенности частной собственности. Различия в тактике двух партий, предлагавших альтернативные общественно-политические курсы, были направлены на рекрутирование под свои знамена отдельных электоральных групп с весьма разнородными и даже противоположными интересами. При Джексоне избирательные кампании стали публичными, общественное недовольство могло быть выплеснуто в массовых митингах избирателей, а также на введенных в практику общенациональных партийных конвентах.

Удержать политическую ситуацию под контролем и снять угрозу гражданской войны президенту Джексону удалось с помощью уступок двум ведущим общественным группам. Рабовладельцы получили от него болезненный урок, когда их идеолог вице-президент Дж. Кэлхун, видя в президенте-плантаторе единомышленника, выступил в 1828 г. с критикой его тарифной политики и предложил новую расширительную трактовку прав штатов. Предложенный меморандум был одобрен законодательным собранием Южной Каролины. Главный тезис заключался в требовании равных «благ и бремени» для всех штатов и обосновании их права воспротивиться федеральному правительству, «нуллифицировав» свое членство в Союзе в случае, если федеральная власть ущемляет их интересы. По существу это было возвращением к старому вопросу о праве штатов на сецессию, т. е. о возможности односторонней приостановке союзного договора. Э. Джексон отреагировал очень жестко, отправив вице-президента в отставку и заявив, что любая попытка разрушить Союз сравнима с государственной изменой и будет пресечена силой оружия. В то же время, в 1829 г. президент добился снижения таможенных тарифов, что позволило плантаторам отступить, «сохранив лицо».

Не менее жестко президент ограничил претензии торгово-промышленных кругов Севера на получение привилегий от власти. В острый политический кризис вылилось обсуждение Конгрессом продления полномочий Национального банка, который превратился в монополиста, по своему усмотрению используя размещенные государственные финансы, парализуя кредитную деятельность региональных банков и

ограничивая свободу доступа к кредитам фермеров, рабочих, мелких собственников. В 1833 г. государственные вклады были переведены из Национального банка в банки штатов, а в 1840 г. при приемнике Джексона президенте Ван Бурене – в независимое федеральное казначейство. Близкие к власти финансисты Северо-Востока в результате лишились огромных прибылей, но президент укрепил свои позиции среди фермеров, облегчив доступ к земельному фонду массам новых поселенцев, а также к январю 1835 г. впервые ликвидировав государственный долг США. Вместе с тем, на конфронтацию с элитой северных штатов президент не пошел и, снижая ввозные пошлины, все же оставил их протекционистскими, существенно ограничив перечень льготных товаров. В результате Джексон не только добился выгодного для федеральной власти разрешения спорных вопросов, но и не вызвал раскола общества.

Демократизация политической жизни общества создала благоприятные условия для консолидации множества общественных движений. В 1830-е годы началось рабочее движение. Вызванный к жизни процессом индустриальной модернизации молодой рабочий класс столкнулся с экономическими тяготами незрелого капитализма: ненормированным рабочим днем, низкой зарплатой, безработицей, использованием труда женщин и детей на тяжелых работах и т. п. Экономический кризис конца 30-х годов XIX в. заставил рабочих пренебречь законом 1807 г. о запрете рабочих союзов.

В годы президентства Джексона, вдохновленные перспективами демократизации политической жизни, свои профессиональные союзы создали сапожники Филадельфии, печатники Нью-Йорка, плотники Бостона. С 1827 г. в городах северо-восточных штатов возникли первые тред-юнионы, которые объединялись на местном уровне, а в 1834 г. создали Национальный союз. Их членами к концу 1830-х годов состояли более 300 тыс.

человек. В 1829 г. в Филадельфии и других крупных городах для участия в политическом движении на местном или региональном уровне появились первые рабочие партии, выдвигавшие требования ограничить рабочий день и увеличить оплату труда. На 1833–1835 гг. пришлось начало забастовочного движения, но его накал был сбит экономическим кризисом 1837 г. и введением в 1840 г. 10-часового рабочего дня на государственных предприятиях. Более радикальные идеи развивали социалистические общины последователей Роберта Оуэна, наиболее известная из которых «Новая гармония» была организована в 1825–1828 гг. Приверженцы утопического социализма из европейских стран надеялись найти в Америке наилучшие условия для практического воплощения своих идей, но их эксперименты, продолжавшиеся вплоть до 80-х годов XIX в., не находили широкой поддержки и быстро заканчивались неудачей.

Рабочая политика президента Джексона была направлена на поддержку экономических требований рабочих, поскольку сохранение лучших, чем в Европе, условий труда было залогом нарастания потока квалифицированных рабочих-иммигрантов. В то же время президент осуждал стачечную и профсоюзную деятельность, как форму давления на власть, предпочитая видеть рабочих на избирательных участках, голосующими за одну из крупных партий.

Э. Джексону со своим правительством пришлось впервые специально вырабатывать негритянскую политику. Постоянные волнения рабов в южных штатах приняли особый размах в августе 1831 г., когда в Виргинии развернулось крупное восстание негров под руководством Ната Тернера. Казни и расправы над непокорными рабами были столь жестоки, что, получив известность через демократическую печать, вызвали протесты общественности. С начала 30-х годов XIX в. общенациональный характер приняло общественное движение за отмену рабства – аболиционизм (анг. abolition – «отмена»). Объединивший литераторов и творческую интеллигенцию вокруг своей газеты «Liberator» («Освободитель») идеолог просветительского аболиционизма Уильям Ллойд Гаррисон, основал в 1832 г. аболиционистское общество Новой Англии, а годом позже – «Американское анти-рабовладельческое общество». Региональные отделения этой

организации распространяли идею отмены рабства, как анти-гуманного института. Созданная аболиционистами организация «Тайная железная дорога», переправила нескольких десятков тысяч рабов с Юга в Канаду. Аболиционисты находили поддержку среди фермеров западных штатов, недовольных скупкой свободных земель плантаторами. Популярен был лозунг ограничения территории рабства.

Прямой опасности для власти аболиционисты не представляли, поскольку отказывались от организованного участия в политической борьбе. Вместе с тем, возбуждая общественный интерес к проблеме рабства, пропагандисты аболиционизма посылали петиции в Конгресс и другие государственные органы. В этой сложной ситуации, когда любое обсуждение проблемы грозило взорвать хрупкий политический консенсус, с трудом поддерживаемый правящей партией, ей удалось добиться одобрения конгрессменами «правила кляпа» – негласного замалчивания любых обращений по поводу рабства в США.

Сторонники «Джексоновской демократии» постепенно исчерпывали все возможности поддержания стабильной ситуации в обществе. Президенту М. Ван-Бурену было все труднее проводить политику, которая удовлетворяла бы все три основных региона США. Запросы плантаторской элиты Юга все более ясно противоречили интересам развития экономики на Севере и Западе.

Обострение противоречий между Севером и Югом

На 1850-1860-е годы пришелся период обострения экономического и политического конфликта и гражданской войны Севера с Югом. Некоторое время в рамках единого государства два разнородных социально-экономических типа хозяйства развивались параллельно, соперничая, но, не порождая непримиримых противоречий. Само по себе рабовладение на раннем этапе истории страны не вызывало протеста свободного населения северных штатов и не помешало заключению Федеративного союза. Влиятельные торговцы Севера сколачивали состояния на работоторговле, судовладельцы специализировались на перевозке плантационных товаров в Европу, промышленники сбывали свою продукцию в сельских районах Юга и Запада, вывозя оттуда сельскохозяйственное сырье и продовольствие.

Предвоенное десятилетие было отмечено бурным развитием промышленности, строительством новых дорог и каналов, притоком европейских инвестиций и ускорением экономического роста. К концу 50-х годов объем капиталовложений в промышленность достиг 1 млрд долларов, что вывело США на четвертое место в мире по производству промышленной продукции.

На Юге все очевидней был глубокий внутренний кризис плантационной системы хозяйства, зависимой от конъюнктуры на мировых рынках. За полвека запрет на ввоз рабов привез к удорожанию рабочей силы, воспроизводство которой требовало дополнительных расходов. Низкая эффективность рабского труда, массовые побеги, необходимость содержания штата надсмотрщиков, а также экономия на передовой агротехнике и внедрении машин снижали доходность плантаций. Экстенсивное ведение хозяйства вело к быстрому истощению почв и вынуждало приобретать новые земли на Западе.

Рост территории штатов и выход американцев к Тихому океану после аннексии у Мексики Техаса и Калифорнии, вновь поставили вопрос о расширении территории рабовладения. Открытие калифорнийских золотых россыпей ускорило массовое заселение богатейших неосвоенных земель, на которые имели виды плантаторы. Политическое

равновесие оказалось под угрозой и былой консенсус свободных и рабовладельческих штатов, основанный на взаимных уступках, окончательно распался. Установленное еще при обсуждении конституции разделение штатов на свободные северные и рабовладельческие южные по линии Месона-Диксона, подтвержденное в 1820 г. Миссурийским компромиссом, было подвергнуто сомнению. Новые земли нередко находились севернее этой линии. Штат Миссури был принят в Союз как рабовладельческий, но для сохранения паритета в Сенате был принят дополнительный свободный штат Мэн, выделившийся из Массачусетса.

С включением новых рабовладельческих штатов в состав союза в государственном управлении усилилась роль плантаторов. Южане-рабовладельцы проявили решимость подчинить себе государственную машину и добиться преференций. Примером может служить их активность в борьбе за Техас, когда для достижения цели поддержанный ими на выборах президент-демократ не остановился даже перед объявлением войны соседней Мексике. Им удалось также заблокировать поправку к Конституции, запрещающую распространение рабства на новых землях. Очевидное усиление позиций сторонников рабства в обеих крупных партиях породило движение за создание третьей партии, отражавшей интересы фермеров Запада. К президентским выборам 1848 г. была образована радикально-демократическая партия фрисойлеров (англ. free – «свободный», soil – «территория», «земля»), что лишь накалило политические страсти.

В порядке компенсации за принятие в Союз свободного штата Калифорния, жители Юты и Нью-Мексико получали право самоопределения статуса, а конгресс принял непопулярный закон о сыске беглых рабов по всей территории страны. Реванш был взят, когда у власти при поддержке рабовладельцев вновь оказалась Демократическая партия. В 1854 г. биллем Канзас-Небраска право на самоопределение в вопросе о рабстве получили при приеме в федерацию два штата, расположенные заведомо севернее линии, определенной Миссурийским компромиссом, что нейтрализовало это соглашение и фактически открывало путь распространению невольничества на Севере.

Такое решение привело к двоевластию в Канзасе, где вспыхнуло анти-рабовладельческое восстание в ответ на появление вооруженных отрядов из Миссури и других рабовладельческих штатов. Для наведения порядка правительство послало войска. Военные действия продолжались на протяжении 1854–1856 гг., приобрели характер гражданской войны и окончились провозглашением Канзаса свободным штатом.

Начало войны показало, что договориться с южанами не удастся и необходимо противостоять им политическими методами. Замалчивать вопрос о судьбе рабства ради сохранения призрачного общественного согласия, как это было в предыдущие десятилетия, стало бессмысленно – двухпартийная система времен «Джексоновской демократии» вступила в период кризиса. Демократическая партия, появившаяся как массовая и народная, утратила доверие и переключилась на защиту интересов рабовладельцев. Партия вигов распалась.

Из бывшей партии фрисойлеров, к которой примкнули противники рабовладения, отошедшие от демократов и вигов, а также группы аболиционистов, в 1854 г. образовалась Республиканская партия США. Она опиралась на блок передовых предпринимательских кругов Севера и фермеров. Среди выдвинутых ею лозунгов было проведение аграрной реформы и открытие западных земель для бесплатного заселения их фермерами, поощрение национальной промышленности и введение протекционистского таможенного тарифа, воссоединение внутреннего рынка, распространение либерально-рыночных отношений и устранение препятствий для инвестирования капиталов северян в южных штатах, лишение плантаторов экономического могущества, основанного на экспортной торговле хлопком. Накануне войны большинство республиканцев было, по существу, равнодушно к вопросу освобождения негров-рабов, требуя лишь ограничить распространение рабства и отстранить рабовладельцев от политической власти. Только

немногочисленное радикально-демократическое крыло в Республиканской партии призывало к решительной борьбе с рабовладением.

Эта партия выиграла выборы 1860 г., выставив кандидатом в президенты члена Конгресса адвоката, выходца из низов А. Линкольна, пользовавшегося широкой популярностью. Накануне республиканцы победили на выборах в Конгресс. Триумфальный приход к власти новой партии был воспринят южанами-плантаторами как политический переворот. У рабовладельцев не оставалось в распоряжении действенных рычагов влияния на правительство. Они все чаще угрожали пойти на крайнюю меру – вывести южные штаты из состава США и образовать самостоятельное государство.

Не дожидаясь вступления нового президента в должность, лидеры южан приступили к реализации плана сецессии. В декабре 1860 г. о выходе из федерации объявила Южная Каролина (в 1832 г. плантаторы Южной Каролины, уже пытались объявить о выходе его из состава США, но президент Э. Джексон тогда решительно пресек эту попытку). В начале 1861 г. об отделении от США заявили еще 7 штатов: Флорида, Джорджия, Алабама, Луизиана, Техас, Теннесси, Миссисипи. Позднее к ним примкнули Северная Каролина, Виргиния, Арканзас, остальные сохраняли нейтралитет. Отделившиеся 11 штатов образовали Южную Конфедерацию с центром в Ричмонде на территории Виргинии (впоследствии было избрано название «Конфедеративные Штаты Америки»). Во главе нового государства, нацеленного на вооруженную борьбу, встал бывший военный министр США Джефферсон Дэвис.

Гражданская война (1861–1865)

Когда стало очевидно, что мирным путем разрешить накопившиеся взаимные претензии Севера и Юга не удастся, обе стороны начали готовиться к войне. Наиболее непримиримые выразители интересов плантаторов-рабовладельцев Юга выступали под лозунгом превращения Союза в державу с рабовладельческой общественной и экономической системой. Во имя достижения политической власти они готовы были на раздел страны и закрепление статуса Конфедерации как самостоятельного государства. Именно эти планы, в конечном счете, заставили правящие круги северных штатов призвать граждан к оружию.

На протяжении 30 лет после провозглашения «доктрины Монро» страна с энтузиазмом расширяла свою территорию в борьбе с европейскими соперниками, латиноамериканскими соседями, остатками индейских племен. Появление нового враждебно настроенного «соседа» в лице Конфедерации, пользующейся поддержкой европейских великих держав, было совершенно неприемлемо для союзных властей. Вопрос о рабстве, ставший едва ли не главным идеологическим фактором конфликта, носил, особенно в начале войны, отчасти пропагандистский характер, помогая воодушевлять население по обе стороны фронта. Гораздо большее значение имело обращение к чувству патриотизма. С одной стороны, отстаивание ущемленных суверенных прав штатов, с другой – защита конституционного принципа федерализма, поставленного под угрозу мятежниками. В результате разразился самый кровопролитный гражданский конфликт в истории страны.

Первый этап войны (12 апреля 1861 г. – апрель 1863 г.) характеризовался военными успехами южан, на время овладевших стратегической инициативой. Подготовка к вооруженному выступлению в южных штатах началась сразу после вступления в должность президента А. Линкольна в марте 1861 г. Попытки новой власти умиротворить агрессивно настроенных конфедератов не увенчались успехом. Главную ставку

сторонники военного конфликта делали на оперативную подготовку, концентрацию сил в ключевых направлениях, внезапный мощный натиск и скорую победу. В канун развертывания вооруженной борьбы соотношение сил не было однозначным. Материальные и людские ресурсы Севера намного превосходили возможности Юга. Гораздо более многолюдный Север мог выставить больше войск и имел подавляющее превосходство в металлургической, оружейной и текстильной промышленности, торговом флоте, а также по протяженности железных дорог. Но на стороне Конфедерации находилось большинство офицеров и генералов, Это были, главным образом, выходцы из семей плантаторов и крупных капиталистов, связанных с Югом. Тыл южан обеспечивался трудом рабов, не подлежавших мобилизации. Несмотря на ограниченность ресурсов, южане были исполнены энтузиазма, ощущали себя сплоченными в едином военном лагере, где беспрекословное подчинение власти основывалось на понимании общего интереса, стремлении не упустить решающий шанс отстоять былое благополучие, защитить собственное представление о свободе и правах штатов. Жизнь в условиях постоянной заботы о своей безопасности, в условиях неусыпного контроля над рабами заставляла плантаторов всегда иметь у себя оружие и боеприпасы, приобретать навыки верховой езды и стрельбы. Среди южной аристократии с колониальных времен была популярна военная служба. На стороне южан оказалось большинство кадровых офицеров и генералов. К тому же, в годы президентства Джеймса Бьюкенена после войны с Мексикой в южных штатах были пополнены воинские склады. Накануне войны Конфедерация изыскивала возможности закупки вооружения, размещения военных заказов в Европе.

12-13 апреля 1861 г. армия конфедератов перешла к активным действиям и совершила успешное нападение на занятый федеральными войсками в Южной Каролине небольшой форт Самтер с целью захватить ввезенное туда оружие. В ответ 15 апреля 1861 г. президент Линкольн объявил южан мятежниками и начал призыв 75 тыс. добровольцев в армию Севера, что свидетельствовало о начале гражданской войны. Федеральные войска недооценили противника, уповая на свое очевидное превосходство в численности и вооружении. Самонадеянная уверенность в своих силах оказалась чревата медлительностью и потерей инициативы.

К лету 1861 г. южане создали уже 120-тысячную армию и строили планы быстро разбить силы Севера в генеральном сражении, заняв столицу. 21 июля 1861 г., у Манассаса, в 40 км южнее Вашингтона, 35-тысячная федеральная армия была обращена в бегство уступавшей по численности группировкой конфедератов, захватившей в результате победы множество военных трофеев. Южане превратили столицу США в прифронтный город, но не решились на ее захват, осознавая, что цена победы в условиях недостатка людских ресурсов может оказаться чрезмерной.

Расчет на быструю победу не оправдался. Война грозила стать затяжной. Федеральные силы получили болезненный урок. Правительство провело новый набор в армию Севера, и ее численность к концу 1861 г. превысила 600 тыс. человек. Достигнутый перевес в численности не решал исход войны. Массовое пополнение не всегда было хорошо обучено и готово подчиняться воинской дисциплине. Не способствовала укреплению армии и проведенная по решению президента чистка командного состава, целью которой было изгнание офицеров, лояльно относившихся к южанам. Вместе с тем, президент не смог сразу подобрать руководство главного командования. Отправив в отставку старого генерала Скотта, не сумевшего защитить столицу, президент поддался обаянию перспективного молодого генерала Джорджа Макклеллана, горячего поклонника Наполеона и европейских методов ведения войны вымуштрованными регулярными армиями. Он отличался крайним консерватизмом, с трудом мог руководить добровольцами, больше всего опасался стихийной активности населения, но главное, допустил стратегические просчеты, принял навязанную ему конфедератами

оборонительную тактику и начал строить фортификационные сооружения, вместо подготовки массированного наступления и разгрома противника.

Стратегический план командования федеральных сил базировался на окружении мятежных штатов, блокаде их торговли и поставок из Европы, постепенном сужении кольца и окончательном разгроме войск Конфедерации. Так называемый «анаконда-план» предусматривал поэтапные действия, не ставил жестких сроков, вел к распылению сил по разным направлениям и не мог привести к скорому окончанию войны.

Военные неудачи стали предметом политических дискуссий в Республиканской партии, породив призывы к более решительным действиям не только на фронтах, но и в политическом противоборстве с южанами. Лишить их главного преимущества – единства действий, можно было, подняв на борьбу рабов и оживив аболиционистские настроения в среде не принадлежавшего к плантаторам белого населения. Президент Линкольн в этот период не готов был изменить главный лозунг войны и вместо борьбы за единство Союза штатов призвать к уничтожению рабства, конфискации имущества мятежных рабовладельцев и достойному вознаграждению отличившихся добровольцев. Он был вынужден считаться с тем, что на Севере особенно в тех кругах, которые вели дела с плантаторами, имелось немало сторонников «умиротворения» Юга.

Было принято решение о начале зимой – весной 1862 г. наступления по трем главным направлениям фронта. На Юго-Западе войска генерала Улисса Гранта овладели важными опорными пунктами вдоль реки Миссисипи, разбив конфедератов в Кентукки и Теннесси. Военные успехи убеждали президента и его умеренных сторонников в эффективности силовых методов подавления мятежа и оставляли надежду на то, что удастся избежать проведения таких радикальных преобразований, как отмена рабства или свободное заселение земель на западе. А. Линкольн полагал, что отмена рабства может подтолкнуть на сторону Конфедерации Миссури и некоторые другие «пограничные штаты», допускаявшие у себя рабство, но выступившие на стороне федерального правительства. Кроме того, в юридической практике США рабство было тесно связано с понятием частной собственности, как базовой общественной ценности. Республиканцы, представлявшие крупный торгово-промышленный бизнес и банки, связанные с кредитованием плантаторов, не были заинтересованы в их массовом разорении, неминуемом после отмены рабства.

Первые победы на Западе прошли на фоне позорного поражения на главном направлении в Восточной Виргинии войск генерала Макклеллана в феврале – марте 1862 г. при попытках взять штурмом столицу мятежников Ричмонд. Это удручающе подействовало на А. Линкольна. Он понимал, что даже новая победа в апреле 1862 г. на южном направлении, где войска северян под командованием генерала Батлера при поддержке флота освободили от мятежников Новый Орлеан и соединились с армией Гранта, расколов территорию Конфедерации, не могла кардинально изменить положение. После ряда кадровых назначений войска Севера возглавил генерал Грант.

Боеспособность армии зависела от решимости и самоотверженности составлявших ее костяк фермеров, рабочих и ремесленников. Вопрос о ликвидации рабства для рядовых участников войны был связан с устранением в лице плантаторов главного препятствия свободной раздачи земель на Западе. В армии Гранта было также немало полков, в составе которых формировались крупные отряды из иммигрантов – немцев, итальянцев, поляков, ирландцев, приехавших в Америку с мечтой о земле. Быстрый рост цен и безработица вели к резкому ухудшению условий жизни рядовых американцев. Они требовали решительных мер для достижения победы, оказывали давление на президента и его партию, склоняя к революционным методам ведения войны.

В их интересах в 1862 г. были введены новые налоги на крупную собственность и проведен Закон о конфискации имущества воюющих конфедератов. В феврале 1862 г. правительство провело закон о выпуске бумажных денег, не разменивавшихся на золото

(бумажные деньги называли «гринбеками» – от англ. «green backs»). Но главным достижением республиканской администрации, обеспечившим ей поддержку всех стремившихся стать самостоятельными землевладельцами, было принятие 20 мая 1862 г. закона о гомстедах («Гомстед-акта»). Любому гражданину США или ожидавшему натурализации иммигранту, уплатившему небольшой регистрационный сбор, предоставлялся на Западе участок земли из государственного фонда в 160 акров (около 65 га). Участок переходил в собственность держателя по истечении 5-летнего срока его использования. При желании можно было выкупить свой участок по 1,25 долларов за акр уже через полгода. Закон поднял популярность президента в армии северян и обеспечил федеральному руководству симпатии свободного белого населения всей страны. Однако ни эти законы, ни введение в том же месяце всеобщей воинской повинности, решающего воздействия на ход войны оказать так и не смогли.

В сентябре 1862 г. войска южан под командованием талантливого генерала Роберта Эдуарда Ли в сражениях за штат Мэриленд дважды форсировали реку Потомак, создав непосредственную угрозу федеральной столице. Бои приняли затяжной характер. Стало очевидно, что без принятия новых политических решений не обойтись. Поляризация общественных сил обострила политическую борьбу в северных штатах. Инициативу перехватили радикальные республиканцы, активисты которых Ч. Самнер, Т. Стивенс, З. Чандлер и другие требовали от правительства принятия мер, способных переломить ход войны.

Решающее значение для положения дел на фронтах имело провозглашение в сентябре 1862 г. «Прокламации об упразднении рабства с 1 января 1863 г. без всякого выкупа». Рабы получали личную свободу, но освобождались без земли и без предоставления прав, гарантированных Конституцией гражданам США. Южане, понимая опасность для себя последствий отмены рабства, попытались вновь проявить наступательную инициативу и повернуть ход войны в свою пользу. Сделать этого не удалось, хотя в апреле 1863 г. генерал Ли провел успешное наступление на Центральном фронте, совершив рейд через Мэриленд в штат Пенсильвания. Сражение у Чанслорсвилля стало последней значительной победой южан.

Объявленный вскоре призыв негров в армию показал, что отмена рабства революционизировала ситуацию, всколыхнула южные штаты, где прокатилась волна локальных восстаний. Более полутора тысяч бывших рабов из оккупированных районов присоединились к армии северян, численность которой превысила миллион человек. Сформированные в мае 1863 г. федеральными силами негритянские полки, число которых к концу войны достигло 166, воевали с особым ожесточением и несли большие потери, поскольку стояли насмерть, понимая, что плен для них означал казнь или новое рабство.

Переход республиканской администрации к ведению войны революционно-демократическими методами обеспечил перелом в ходе военных действий в пользу Севера. Успеху способствовало также ухудшение международного положения Конфедерации.

Влиятельные круги английской либеральной элиты с начала войны поддерживали мятежников-рабовладельцев и призывали к европейской интервенции в защиту рабства на Юге США. Английская текстильная промышленность была едва ли не главным потребителем хлопка с американских плантаций. Напротив, торгово-промышленная буржуазия Севера воспринималась на Британских островах как растущий конкурент. Распад Союза штатов, который англичанам не удавалось победить в двух войнах, облегчил бы колониальную экспансию Англии в тех странах Западного полушария, которые США рассматривали, используя «доктрину Монро», как перспективную сферу влияния. В мае 1861 г. Англия объявила нейтралитет, но постоянно снабжала южан оружием, передавала им корабли для ведения пиратской войны в нарушение морской блокады Юга, установленной правительством Линкольна. При этом законным властям

приходилось проявлять большую осторожность, чтобы не дать англичанам повод к вмешательству в войну на стороне Конфедерации.

Враждебную Северу позицию занимали французский император Наполеон III и стоявшие за ним крупные французские собственники, имевшие колониальные планы в отношении Нового Света. Французское правительство начало в январе 1862 г. интервенцию в Мексику, где завершилась буржуазная революция 1854–1860 гг., под предлогом защиты французских капиталов, размещенных там в виде банковских займов. В 1865 г. французские войска заняли столицу, свергли в Мексике республиканский строй и превратили эту страну в марионеточную империю, правителем которой стал в 1863–1867 гг. австрийский эрцгерцог Максимилиан I Габсбург, брат императора Франца Иосифа I. Французам был выгоден раскол США как залог того, что они не будут вмешиваться в политику Франции, руководствуясь «доктриной Монро», и смирятся с установлением в Мексике французского господства. Рост республиканского движения в Мексике, откуда пришлось все же вывести французские войска, и осложнение внутривнутриполитического положения на Британских островах устранили опасность иностранного вмешательства в гражданский конфликт в поддержку Юга.

Дружественная к Северу позиция России была учтена руководством европейских держав. Переживавшая пореформенный период Россия выступала против любой иностранной интервенции и отклонила сделанное 8 ноября 1862 г. Наполеоном III предложение о совместном вмешательстве в американские дела. Раскол США только усилил бы влияние Англии и Франции, проводивших после Крымской войны 1854–1856 гг. и унижительного Парижского мира враждебную России политику. Когда же в 1863 г. в связи с польским восстанием возникла угроза новой войны Франции и Англии с Россией, две русские эскадры прибыли в Сан-Франциско и Нью-Йорк с миссией доброй воли и секретной инструкцией выйти в океан и начать военные операции против английских судов в случае войны. Это не прошло незамеченным. Европейские державы предпочли проявить осмотрительность.

Второй период войны (1 июля 1863 г. – 9 апреля 1865 г.) был открыт сражением у Геттисберга в Пенсильвании, продолжавшимся несколько дней. Эта битва стала главной и одной из самых кровопролитных в гражданской войне. После нее наступил коренной перелом в ходе боевых действий, и северяне, победив, окончательно овладели стратегической инициативой. Войска Конфедерации под командованием генерала Роберта Эдуарда Ли потерпели сокрушительное поражение и начали отступление на юг.

Южане по-прежнему хорошо сражались, но объективные обстоятельства складывались не в их пользу. Сказалась нехватка людских и материальных ресурсов, ослабление тыла, особенно заметное после массового бегства негров с плантаций и ухода их в армию Севера. Ужесточение морской блокады парализовало внешнюю торговлю. Практически перестала поступать помощь из-за рубежа. Затяжная война превратила южные штаты в осажденный лагерь, где ощущалась нехватка продовольствия, медикаментов, предметов первой необходимости. На этом фоне экономическое превосходство Севера стало особенно заметно.

4 июля армия генерала Гранта заняла Виксберг, служивший главной базой южан в долине Миссисипи. Весной 1864 г. войска Севера, под общим командованием генерала Гранта приступили к окончательному разгрому войск Конфедерации в ее цитадели – штате Джорджия. В мае армия генерала Шермана отправилась в победоносный «поход к морю», чтобы отрезать армию генерала Ли, находившуюся в районе Ричмонда, от основных баз Конфедерации и зайти ей в тыл. В сентябре под натиском северян пала Атланта – крупнейший промышленный центр Юга. Судьба мятежных штатов была предрешена, но остатки армии южан не сложили оружия и ожесточенно сопротивлялись, неся большие потери.

Успехи северян на фронтах создали благоприятный фон для победы А. Линкольна на президентских выборах в ноябре 1864 г. с большим отрывом от своего соперника Макклезеллана. В условиях войны и раскола нации победа была воспринята Линкольном как выражение поддержки своему курсу и утвердила его в желании покончить с плантационным рабством окончательно. В январе 1865 г., исполняя предвыборное обещание, Республиканская партия инициировала внесение в федеральную конституцию тринадцатой поправки о полном запрещении рабства в США, которую к концу года ратифицировали 3/4 штатов, и которая была принята 18 декабря 1865 г.

Окончание войны стало главным делом новой администрации Линкольна. В конце 1864 г. армия генерала Уильяма Бермана заняла Саванну на побережье Атлантики и двинулась на север для соединения с армией Гранта. В январе – марте 1865 г. федеральная армия заняла Южную и Северную Каролины, сделав положение войск Конфедерации катастрофическим. 3 апреля 1865 г. армия генерала Гранта с боями взяла столицу конфедератов – Ричмонд. Войска генерала Ли были окружены западнее Ричмонда у Аппоматтокса (штат Виргиния) и 9 апреля капитулировали. Это была военная, но еще не политическая победа.

Правительство Линкольна не приняло никаких мер для разоружения потерпевших поражение мятежников и ареста их руководителей. Офицерам оставили оружие. Военнопленных не брали, отпустив на свободу под честное слово. Пренебрежение мерами предосторожности в обстановке ликования и празднования победы привело к покушению на президента Линкольна. Он был смертельно ранен 14 апреля в Вашингтонском театре во время торжественного спектакля по случаю победы актером Джоном Уилксом Бутсом.

Капитуляция всех мятежных штатов была принята 26 апреля 1865 г., но гибель президента показала, что сторонники рабства без сопротивления не уступят свои позиции. Это подтвердили и события послевоенной «Реконструкции Юга», продолжавшейся более десяти лет.

Реконструкция Юга (1865–1877)

Способы и условия возвращения мятежных штатов в Союз, стали обсуждаться еще в период гражданской войны. Предстояло определить будущее восставших штатов, судьбу активных борцов с федеральной властью и статус освобожденных рабов, не имевших ни прав, ни гражданства, ни земли. Президент Линкольн был сторонником возрождения единства нации и настаивал на великодушном отношении к побежденным мятежникам (за исключением непримиримой верхушки конфедератов), предлагая полностью восстановить их в политических правах и помочь включиться в новые экономические условия. Амнистия должна была распространяться на всех отказавшихся от прежних убеждений. Штаты, где даже 10 % избирателей признавали федеральное правительство и поддерживали отмену рабства, президент предлагал вернуть в Союз на полноправной основе. Сражавшихся за демократию негров он считал возможным поэтапно наделить избирательными и другими гражданскими правами.

Радикальные республиканцы в конгрессе, возглавляемые Чарлзом Самнером и Тадеушем Стивенсом, критиковали «мягкий курс» Линкольна, настаивали на установлении военного контроля над бывшими мятежными штатами, наказании активных сепаратистов лишением гражданских прав, наделении освобожденных рабов конституционными правами.

Республиканская партия стала осуществлять Реконструкцию сразу после гибели Линкольна, вслед за капитуляцией Юга, не имея согласованного плана. Новый президент

Эндрю Джонсон (1865–1869), представитель правого крыла республиканцев, взявший за основу план Линкольна, натолкнулся на жесткое сопротивление радикальных однопартийцев, представлявших демократические круги фермеров и промышленной буржуазии, когда стало известно, что первые четыре южных штата, допущенные им в Союз, настроены на пересмотр итогов гражданской войны и разрабатывают так называемые «черные кодексы», которые возвращали бывших рабов в зависимое юридическое положение, лишали негров права владеть землей или арендовать ее. Большинство же конфискованных во время войны имений плантаторов было возвращено прежним владельцам. Президент провел в мае 1865 г. частичную амнистию плантаторов-мятежников и спокойно отнесся к тому, что бывшие лидеры Конфедерации, вместо того, чтобы понести наказание, стали депутатами в конгресс США от этих южных штатов или заняли посты в местных законодательных собраниях.

Пользуясь разногласиями в стане республиканцев, бывшие рабовладельцы пытались свести к минимуму результаты своего поражения, сохранить политическое и экономическое господство на Юге и утвердить полурабские порядки. Нагнетая атмосферу страха, плантаторы, уже в 1866 г., стали организовывать вооруженные банды, среди которых выделялась тайная террористическая организация «Ку-клукс-клан». Они устраивали массовые погромы, убивали бывших рабов, не желавших работать на плантациях в качестве бесправных арендаторов-издольщиков. Негры были лишены многих прав, включая свободу передвижения, собраний, владения оружием. Все их попытки оказать вооруженное сопротивление притеснителям и отказаться платить земельную ренту подавлялись федеральными войсками.

По всем этим принципиальным проблемам послевоенного устройства в американском обществе не было единства. Внутриполитическая ситуация резко обострялась, обусловив накал как межпартийной, так и внутрипартийной борьбы. Очевидное стремление реставрировать прежние порядки в южных штатах вызвало сопротивление не только негров, но и широких масс фермеров, ремесленников, рабочих и представителей демократических кругов по всей стране. Ориентировавшееся на них левое крыло Республиканской партии, попыталось отстранить президента Джонсона от мероприятий по реконструкции Юга и поручить их специально созданному комитету Конгресса. В 1868 г. радикальные республиканцы пытались придать Э. Джонсона суду Сената (импичменту) за преступное попустительство с использованием президентского поста. Объективно, выступая против плантаторской реакции на Юге, они действовали в интересах финансово-промышленных кругов Севера и средних слоев Запада, заинтересованных в укреплении либерально-рыночных механизмов в экономике.

По настоянию радикального крыла республиканцев Конгресс в апреле 1866 г. принял билль о гражданских правах негров, а в июле 1866 г. – 14 поправку к конституции о предоставлении неграм гражданских прав, главным из которых было право голоса. Эта поправка устанавливала гражданское равенство всех жителей (за исключением индейцев) и ограничивала права мятежников. Превращая бывших рабов, составлявших 40 % населения южных штатов, в избирателей радикальные республиканцы стремились лишить их прежних владельцев политического влияния в стране и ослабить Демократическую партию, сохранявшую связь с плантаторами. Победа Республиканской партии на ноябрьских выборах 1866 г. подтвердила правильность такого расчета.

Уже 2 марта 1867 г. победители приняли «Закон о реконструкции Юга». Это было начало радикальной Реконструкции. Она проводилась в условиях военного положения и раздела южных штатов на 5 военных округов, во главе которых стояли генералы федеральной армии, осуществлявшие исполнительную власть. При содействии армии, местной милиции, общественных «бюро освобожденных», низовых организаций Республиканской партии (союзных лиг) была проведена подготовка к выборам, в которых участвовали негры. В некоторых местных законодательных собраниях в состав нижней палаты были избраны до 40–50 % негритянских депутатов. В Южной Каролине,

Миссисипи, Луизиане негры были избраны вице-губернаторами. 30 марта 1870 г. Конституция США была дополнена Пятнадцатой поправкой, запрещавшей лишать граждан избирательных прав по признаку цвета кожи, принадлежности к другой расе или прежнего пребывания в рабстве. Эта поправка завершила череду радикальных политических преобразований периода Реконструкции.

Демократизация происходила принудительно. Для организации жизни в новых условиях на Юг прибыли федеральные чиновники и много участников гражданской войны с Севера, среди которых были и авантюристы – «саквояжники», мечтавшие о легкой наживе и вызывавшие особую неприязнь у южан. Присутствие армии позволило федеральной власти проводить все мероприятия с опорой на закон, помогая южным штатам отступить добровольно, «сохраняя лицо». В 1868 г. семь из 11 южных штатов согласились с требованиями федеральных властей, приняли новые конституции (с учетом Тринадцатой и Четырнадцатой поправок), в них были образованы правительства штатов, избраны законодательные органы власти и представители в Конгресс США. Техас, Миссисипи, Виргиния приняли условия центральной власти лишь к началу 1870 г., а в Джорджии режим военного положения был отменен в 1877 г.

Экономические преобразования были значительно скромнее. Аграрный вопрос не был решен демократически. Негры так и не получили земельных наделов за счет собственности плантаторов. Им разрешалось приобретать недвижимость и землю в соответствии с законом о гомстедах. Победа Севера способствовала промышленному подъему, затронувшему и южные штаты. Восстановительные работы стимулировали появление новых железных дорог, портов. Развивалась строительная отрасль. Предпринимательская активность оказалась не чужда бывшим плантаторам, которые строили свое хозяйство по-новому, приобретали коммерческие навыки.

Избранный президентом от Республиканской партии в ноябре 1868 г. герой войны генерал Улисс Симпсон Грант (1868-1876) поощрял все виды предпринимательской активности. Обе его администрации скандально прославились коррупцией, но именно в тот период в США были сколочены крупные состояния, которые сыграли важную роль в истории страны полвека спустя.

Различия между Севером и Югом, столь очевидные накануне войны, стирались. Радикальная Реконструкция Юга постепенно замедлялась. Ее кульминация пришлась на начало 1870-х годов, а затем движение шло по нисходящей линии. В итоге, многие из реформ периода Реконструкции были пересмотрены или забыты. С политической сцены уходили наиболее последовательные борцы с рабством из числа радикальных республиканцев. За длительный период своего пребывания у власти Республиканская партия не раз подвергалась критике, и все больше концентрировала свои усилия на защите интересов крупного бизнеса северо-восточных штатов. Демократическая же партия, лишившись своей прежней опоры – плантаторов, вынуждена была постепенно расширять электоральную базу за счет фермеров, мелких собственников Юга и Запада.

Завершилась Реконструкция сомнительным политическим компромиссом, достигнутым по воле обеих партий. Победивший с минимальным отрывом на президентских выборах 1876 г. кандидат от Демократической партии С. Тилден согласился на заведомо предвзятый пересчет голосов в обмен на обещание ставшего очередным президентом республиканца Рутерфорда Бернарда Хейса (1877–1881) вывести войска из южных штатов, завершить Реконструкцию и пойти на ряд уступок Югу в сфере тарифной политики.

По своим масштабам, политическим задачам и социально-экономическим последствиям события 1861–1877 гг. могут быть оценены, как революционные. Гражданская война (1861–1865) составила первый этап либерально-демократических преобразований, а окончание Реконструкции (1865–1877) подвело черту под их завершающим этапом. Война оказалась самым крупномасштабным, разрушительным и кровопролитным конфликтом за

все годы существования североамериканской республики. В течение четырех лет в ней приняло участие на стороне Севера 2,8 млн человек, на стороне Юга – свыше 1,2 млн человек.

Новые экономические и политические возможности, открывшиеся после окончания гражданской войны, существенно расширили возможности США для проведения экспансионистской внешней политики в Западном полушарии. Еще до завершения Реконструкции Юга президенты Э. Джонсон и У. Грант решали вопрос о покупке двух Вест-Индских островов и проявляли интерес к судьбе Доминиканской республики, откуда в 1865 г. ушли испанские колонизаторы. Сразу после войны в Конгрессе был поднят вопрос о предъявлении претензий Англии за помощь Конфедерации, в счет которых горячие головы предлагали даже аннексировать Канаду. Росту англофобии в американском обществе способствовали многочисленные иммигранты-ирландцы, главным образом, лидеры политической иммиграции, объединенные в общества фениев – сторонников анти-колониальной борьбы в Британии и создания Ирландской республики. В 1866 г. армия фениев вторглась в Канаду, опрометчиво надеясь вызвать анти-колониальное восстание и найти союзников в борьбе с общей метрополией, но получила отпор и была изгнана на территорию США. На северо-западе США не преминули воспользоваться сложным положением Русской Америки и в 1867 г. выкупили у России Аляску и Алеутские острова.

Существенные изменения гражданская война и Реконструкция привнесли в общественно-политическую жизнь США. В условиях вооруженного внутреннего конфликта продолжали действовать демократические принципы политической системы, позволившие избежать авторитарного усиления правящей партии. Демократический эксперимент, начатый в Новом Свете в XVIII в., доказал свою жизнеспособность, в отличие от большинства опытов революций в Европе, заканчивавшихся до середины XIX в. «термидорианским» усилением авторитарной власти. В рамках двухпартийной системы обе ведущие партии продолжали активно работать со своими избирателями. Была регламентирована, но не запрещена деятельность легальной оппозиции, ее печатных органов, проводились открытые внутривнутрипартийные дебаты между отдельными группировками в правившей Республиканской партии, не были закрыты многочисленные общественные и профсоюзные организации. Процедура привлечения президента Джексона к импичменту за ненадлежащее использование служебных полномочий была инициирована в рамках внутривнутрипартийной борьбы, а не по инициативе оппозиционной партии. Даже введение военного положения в период Реконструкции Юга было проведено по решению Конгресса, строго в соответствии с принятым законом. Был подтвержден главный тезис, с которым США отстаивали свою независимость от аристократической Англии столетием ранее: «Все люди сотворены равными». Тринадцатая, четырнадцатая, пятнадцатая поправки к Конституции США, принятые в этот период, оказались особенно демократичными и послужили вдохновляющим основанием для последующей борьбы за права человека.

В связи с тем, что отмена рабства изначально проводилась, как вынужденная мера военно-политического характера, направленная на дестабилизацию в тылу мятежников и привлечение многочисленных рабов на сторону законной власти, равноправие бывших рабов носило в значительной мере декларативный, пропагандистский характер. Несмотря на мощный размах аболиционистского движения и критику рабовладельческих порядков накануне войны, американское общество в целом не было готово интегрировать негритянское население на равноправных началах, отводя ему роль «низшего сословия». На протяжении последующего столетия сохранялась сегрегация, отделявшая черных и белых граждан даже при проведении процедуры выборов. Очевидной была экономическая дискриминация. Из опасения роста социального протеста и требований со стороны других обездоленных слоев населения, не был реализован лозунг радикальных демократов о наделении негров землей. Вместе с тем, на основании этих поправок и других

демократичных законов, черные американцы расширили свои права и возможности не только в политической, но также в социальной и экономической сферах. Появилась заметная прослойка образованных чернокожих американцев, часть из них волилась в американский средний класс, предпринимательские слои. Они использовали свои политические права и шли на выборные должности, в том числе в Конгресс США. Негритянское общественное движение стало постоянным фактором американской внутренней политики, сыграло свою роль в исторической эволюции американского общества.

Еще одним важнейшим следствием гражданской войны стало восстановление целостности Союза штатов на конституционной основе. Была преодолена опасность раскола страны в ходе вооруженного мятежа и появления на южных границах США слабого государства, способного легко превратиться в аграрный придаток европейских держав.

Страна вышла из гражданской войны возрожденной. Южные штаты были вынуждены изменить свои конституции по унифицированному образцу. Ряд уроков был вынесен федеральной властью, и законодательство пополнилось новыми нормами, позволявшими, с одной стороны, более жестко пресекать любой сепаратизм штатов под предлогом защиты прав граждан Союза, проживающих на их территории, а с другой – смягчать нежелательные последствия централизации предоставлением местным элитам более широких полномочий в сфере регламентации повседневной жизни граждан. Было подтверждено, что, соблюдая базовые положения федеральной Конституции, штаты могут рассчитывать на признание своих прав и интересов органами центральной власти.

Изменения, внесенные в Конституцию, позволили возродить общественный консенсус, вернули страну на эволюционный путь прогресса и создали легитимные механизмы предотвращения любого социального конфликта.

Воссоединение штатов на условиях победившего промышленного Севера положило конец экономической разобщенности США. Реконструкция Юга окончательно завершила процесс утверждения либерально-рыночных отношений на территории всей страны. Опасность реставрации рабовладельческого строя на Юге была полностью ликвидирована, что сняло последнее препятствие к превращению США в промышленную державу с единым национальным рынком. Не только на Севере, но и на Западе, и на Юге были созданы условия для подъема капиталистического предпринимательства в промышленности, торговле и железнодорожном строительстве, для проявления деловой инициативы во всех сферах жизни. Американский капитализм обрел свою классическую форму.

Хотя война сопровождалась масштабными разрушениями, особенно в южных штатах, что временно снизило темпы экономического роста, она подготовила почву для развития капитализма на более широкой и свободной основе. Юг после гражданской войны получил в наследие экономическую отсталость, лишившись основы своего процветания – рабов и крупных плантационных хозяйств, производивших экспортную продукцию в больших объемах, на смену которым пришли свободные арендаторы мелких земельных участков. Оставшиеся крупные землевладельцы использовали полурабский труд негров-издольщиков, который не отличался такой высокой нормой прибыли, как в условиях рабовладения. Постепенно эволюционным путем бурно развивавшийся капитализм сглаживал различия между Севером и другими регионами страны, выравнивая уровни экономического развития.

Особую роль сыграл Акт 1862 г. о гомстедах, позволивший решить один из самых острых вопросов довоенного периода – аграрный, наиболее демократичным и быстрым путем в истории, получившим название американского (фермерского) пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Оставшиеся в руках государства свободные земли были в короткие сроки отданы в частные руки на чрезвычайно льготных условиях, что

оказалось доступно широким слоям свободных граждан, фермеров, горожан, стремившихся к самостоятельному труду, иностранцам, ожидавшим предоставления гражданства, некоторым категориям бывших рабов, а также предпринимателям, земельным спекулянтам и другим категориям населения. Были созданы благоприятные условия для расширения среднего класса, снятия социально-экономической напряженности и роста трудовой иммиграции европейских переселенцев, покрывавшей нехватку рабочих рук и помогавшей осваивать малолюдные отдаленные районы страны. Распространение Акта о гомстедах на освобожденных рабов позволило снять вопрос о наделении их землей и перераспределении в их пользу собственности землевладельцев Юга.

Важнейшим итогом гражданской войны стала перегруппировка политических сил на внутренней арене. Разнородная демократическая коалиция, выигравшая войну, распалась, поскольку интересы составлявших ее слоев не совпадали. Фермеры, демократические мелкобуржуазные слои, наемные рабочие, освобожденные рабы выступали против ухудшения условий жизни и усиления эксплуатации. Состоятельные слои населения Севера были недовольны затянувшейся послевоенной Реконструкцией, выступали за сворачивание программы дальнейших реформ и закрепление результатов своей победы. Потерявшие экономическое могущество плантаторы-рабовладельцы отказались от претензий на политическое руководство страной, сосредоточив все внимание на сохранении остатков материального благополучия. Их главными противниками стали требовавшие расширения своих прав рабы. Влияние получили те, кто оказался в стане победителей и возвысился благодаря революции. Произошла смена политических, а также в значительной мере экономических и социальных элит.

Программы ведущих политических партий заметно сблизились. Произошло перераспределение электоральных баз. Предпринимательская верхушка Севера пошла в 1877 г. на соглашение с крупными землевладельцами Юга, опасаясь упрочения союза средних слоев с революционно настроенными низами общества, неудовлетворенными половинчатостью реформ и выдвигавшими новые требования к власти. Демократическая партия сделала ставку на радикальное расширение числа своих сторонников, перехватив у соперников популярность массовой народной партии. Республиканцы, напротив, опасаясь давления своих многочисленных приверженцев, ставших излишне критичными и требовательными, предпочли замкнуться на защите интересов наиболее состоятельных избирателей и обрести репутацию «партии миллионеров».

США в последней трети XIX в. Эволюция двухпартийной системы

Тридцатилетие после гражданской войны, которое часто называют «позолоченным веком», стало временем взрывного экономического роста. В аграрном секторе, составлявшем накануне гражданской войны основу американской экономики, произошли кардинальные перемены. В 1877–1900 гг. площадь обрабатываемых земель увеличилась более чем вдвое. Климатические условия, плодородие почв позволяли получать на значительной территории «кукурузного и пшеничного поясов» два и даже три урожая в год. Число занятых сельскохозяйственным трудом выросло в полтора раза и достигло 10,4 млн человек. Стремительно росло количество малых и средних фермерских хозяйств, которых к началу нового столетия стало почти 6 млн.

Успехам сельского хозяйства способствовала передовая агротехника, использование опыта европейских стран, внедрение селекционных пород в животноводстве и гибридных сортов зерновых и технических культур в растениеводстве. Прогресс в развитии

промышленного производства сказался на появлении первых химических удобрений и гербицидов. Опыт использования сельскохозяйственных машин, который американцы приобрели в период хлопкового, табачного и зернового бума накануне гражданской войны, повысил интерес к новой сельскохозяйственной технике, поощрению изобретательства в этой сфере.

Необходимость быстрого освоения гигантских территорий при недостатке и дороговизне рабочей силы, заставляла собственников земли охотно заниматься механизацией труда, порождала постоянный спрос на перерабатывающее оборудование, сельскохозяйственные машины, топливо и запчасти к ним. Только Юг, где сохранялись крупные латифундии и широко распространилась система аренды-издольщины, медленно включался в этот процесс. Быстро растущее население страны обеспечивало спрос на продукты питания. Перед Первой мировой войной США занимали первое место в мире по потреблению зерновых, включая кукурузу и рис. Высокая продуктивность и, сравнительно низкая товарная себестоимость в этом секторе экономики позволили США выступать крупнейшим в мире поставщиком пищевых продуктов и сырья вплоть до начала XX в., когда мировой кризис перепроизводства ограничил спрос на продовольствие и аграрное сырье в Европе.

Прогресс в развитии сельского хозяйства был очевиден, но не шел ни в какое сравнение с темпами промышленного развития. США к началу XX в. превратились из аграрно-промышленной страны в развитое индустриальное государство. В 1890 г. США выдвинулись на первое место в мире по объему промышленного производства, обогнав по основным показателям все остальные страны.

Разведанные запасы золота, открытые по всей стране новые рудные и нефтяные месторождения стали в послевоенный период мощным стимулом предпринимательства. Освоение природных богатств требовало развития строительной отрасли в связи с прокладыванием новых железных, а затем и автомобильных дорог, других путей сообщения, созданием центров связи и коммуникаций, с городским, в том числе начавшимся с 1880-х годов, высотным многоэтажным строительством, модернизацией портового хозяйства, строительством новых доков и товарных складов. Был очевиден прогресс в ключевых для того времени отраслях промышленности: металлургии, машиностроении, станкостроении. Появились новые отрасли: электротехническая, химическая, нефтеперерабатывающая, автомобилестроительная.

Произошла модернизация пищевой и легкой промышленности. Строительство предприятий на новейшей для своего времени технической базе, позволяло снижать издержки и себестоимость единицы продукции. США первыми в мире начали шить стандартную рабочую одежду (в том числе знаменитые джинсы), выпускать стандартную обувь и белье. Для обеспечения сохранности при перевозке больших объемов скоропортящейся сельхозпродукции были изобретены и усовершенствованы рефрижераторы, компактные упаковки (в том числе консервные банки из мягкой жести), началось производство сухих и сублимированных продуктов. В США в начале XX в. впервые был построен конвейер для сборки автомобилей, началось массовое производство готовых строительных конструкций.

Научные и технологические открытия стали доходным делом. В конце XIX в. по всей стране стали создаваться исследовательские лаборатории, опытные станции, что привлекало в Америку зарубежных ученых. Производственные компании приобретали патенты и наперебой внедряли многочисленные изобретения. Разбогатели или приобрели популярность работавшие в Америке изобретатели: Томас Эдисон (лампа накаливания, электростанции, фонограф), Александр Белл (телефон), Джордж Вестингауз (оборудование железнодорожных вагонов и локомотивов) и многие другие.

По протяженности железнодорожного полотна (более 193 тыс. миль) США вышли к концу XIX в. на первое место в мире, оставив далеко позади ближайших конкурентов.

Особое значение имела постройка трансконтинентальных дорог. В 1869 г. было завершено строительство железной дороги Нью-Йорк – Сан-Франциско, а к середине 1880-х годов действовали уже 4 железнодорожные линии, соединявшие центральные и тихоокеанские штаты.

Расцвет крупного производства и строительства требовал значительных финансовых вложений. В США происходил процесс концентрации капитала. Для реализации долгосрочных затратных проектов часто использовалось акционирование, укрупнение производства. В США, где размах предпринимательства был несравнимо выше, чем в тот же период в Европе, создавались производственные объединения – картели, синдикаты, тресты. Только в стальной и металлургической промышленности число предприятий за период 1870–1900 гг. сократилось с 726 до 668 при росте стоимости выпускаемой продукции в шесть раз.

Объединение в процессе акционирования собственности промышленников и крупнейших банкиров формировало финансовую олигархию, способную устанавливать монопольный контроль над целыми отраслями производства. Появились промышленные «короли»: Вандербильт и Гульд – в железнодорожной отрасли, Карнеги – в сталелитейной, Рокфеллер – в нефтяной, Гавемейер – сахарной и т. д. Ситуация осложнялась тем, что строительство средств коммуникации, имевших стратегическое значение или обеспечивавших инфраструктуру для граждан-налогоплательщиков, дополнительно финансировалось из федеральной казны и бюджетов отдельных штатов. Например, железнодорожные компании получили более 200 млн акров федеральных земель в виде правительственных грантов. Деятельность монополий, особенно в железнодорожном строительстве, сопровождалась беззастенчивой коррупцией, расхищением государственного земельного фонда и спекуляцией. Это придавало особую остроту циклическим экономическим кризисам, происходившим в 1873–1876 гг., 1883–1884 гг. и 1893–1894 гг. Разорение мелких и средних собственников в кризисные периоды, в свою очередь, облегчало концентрацию производства и капитала.

Рыночная экономика предполагала сохранение мелкой и средней собственности, гибкой к изменению спроса, приспособившейся к разнообразию потребительского рынка. Средний класс, значительно выросший в послевоенный период, составлял основу американского общества. Несмотря на то, что монополизация развернулась лишь в отдельных отраслях, в меньшей степени затронула сферу услуг или аграрный сектор, где было занято множество фермеров, свободная конкуренция как основа рыночных отношений в этот период оказалась под угрозой, что вызывало особую тревогу у средних слоев. В ходе монополизации от нечестной конкуренции (нередко с применением силового давления, криминальных методов, вроде поджогов, и других способов разрушения собственности, подкупа судей и представителей местной власти, демпинговых сговоров и внеконкурсного получения правительственных грантов) пострадало множество независимых предпринимателей, разорившихся и пополнивших низшие слои общества.

Одним из важных последствий событий 1861–1877 гг. стало формирование в США гражданского общества. Революционная война, сопровождавшаяся резким изменением привычной жизни множества людей, раскрепостила социальную активность. Радикальные социально-экономические реформы, перестройка хозяйственной жизни южных штатов привели к усложнению социальной структуры общества, увеличили количество маргинальных слоев. Война позволила резко подняться по социальной лестнице талантливым выходцам из низов общества, ставшим военачальниками, общественными деятелями, политиками. Деятельность обществ помощи, комитетов согласия, всевозможных ассоциаций и просветительских кружков способствовала повышению гражданского самосознания американцев, формированию чувства социальной ответственности в различных слоях общества. На период войны пришелся подъем профсоюзного, рабочего, фермерского движений, создававших свои организации.

Гражданская активность имела и негативные проявления, вроде роста ксенофобии, нетерпимости, вплоть до создания тайных расистских обществ, однако общая тенденция свидетельствовала о росте популярности демократических ценностей.

Беспрецедентная в американской истории сделка Республиканской и Демократической партий («компромисс 1877 г.»), ценой которой была судьба южных штатов и завершение Реконструкции, показала, что характер Республиканской партии, поднявшей некогда народ на войну, кардинально изменился. Она стала ориентироваться на поддержку интересов наиболее состоятельных предпринимательских слоев, выигравших от победы в войне. В результате, ее целью стало не развитие, а закрепление достигнутого. Основные лозунги партии потеряли остроту и социальную направленность, они все чаще носили чисто экономический характер. Главным стало обеспечение наилучших условий развития бизнеса, защита крупных предпринимателей от иностранной конкуренции (протекционистский тариф), поддержка золотого денежного стандарта.

Республиканцев больше не интересовала судьба освобожденных рабов. Во имя сохранения за собой командных постов в государственной власти они пошли на компромисс с южанами по расовому вопросу, не воспротивившись ограничению прав черных избирателей (ценз грамотности, избирательный налог), принятию Верховным судом решения о «равных, но раздельных правах», что закрепило сегрегацию и расистские ограничения.

На протяжении полувека после гражданской войны республиканцы лишь дважды на президентских выборах позволили победить кандидату от Демократической партии. В 1885–1889 гг. и 1893–1897 гг. президентом был демократ Стивен Гровер Кливленд.

Экономическое господство промышленного и финансового капитала по всей стране было достигнуто при поддержке государственной власти. Крупный бизнес использовал возможности Республиканской партии и контролируемых ею государственных структур для быстрого обогащения. Защищая протекционистские тарифы, республиканцы создавали благоприятные условия для получения корпорациями монопольных сверхприбылей на внутреннем рынке. Республиканская партия выступала на стороне банкиров, отстаивая золотой стандарт и не позволяя фермерам расплачиваться за кредиты бумажными деньгами, которые вполтину обесценились из-за инфляции и огромного государственного долга в 2700 млн долларов, оставшегося после гражданской войны. Именно тарифы и денежный стандарт оставались в центре предвыборных дебатов на протяжении 1880–1890-х годов.

Стремясь гарантировать влияние на власть, крупный бизнес стал активно использовать своих ставленников для продвижения на руководящие партийные и правительственные посты «на фалдах фрка» победившего президента в обмен на помощь в финансировании избирательных кампаний. Сенат, как палата, санкционирующая все государственные расходы, особенно интересовала новых магнатов. В конце XIX в. ее называли «клуб миллионеров» из-за того, что треть представителей от штатов оказались финансово-промышленными воротилами. Инициативным и независимым кандидатам в президенты все чаще предпочитали скучных, предсказуемых и малоизвестных политиков, деятельностью которых было проще манипулировать. Ратерфорд Хейс, Джеймс Гарфилд, Честер Артур, Бенджамин Гаррисон и Уильям Мак-Кинли были либо провинциальными партийными активистами, имевшими, в лучшем случае, опыт работы в нижней палате Конгресса, либо ветеранами войны. Их мало интересовала международная политика (некоторые никогда не были за границей), но во внутривластной сфере, где требовались вполне конкретные действия, все они, так или иначе, выполняли партийную программу по защите интересов влиятельных деловых кругов.

Демократическая партия мало отличалась от Республиканской. Предвыборные платформы двух ведущих партий сблизились. Демократам пришлось измениться со времен гражданской войны, когда их усилия были направлены на поддержку южных

плантаторов, собрать под свои знамена всех недовольных политикой правящей партии. В результате, сохраняя ориентацию на новые предпринимательские круги Юга, они стали в некоторой степени учитывать интересы мелких собственников других регионов страны, предпринимательских слоев, недовольных привилегиями корпораций, фермеров и части квалифицированных рабочих.

Не подвергая критике базовые политические установки республиканцев, демократы не чурались «скандальных разоблачений», персональной критики правительственных чиновников и публичного обсуждения тяжелого положения рядовых избирателей. Гровер Кливленд, дважды становившийся президентом от Демократической партии, столкнувшись с блокированием своих инициатив в сфере тарифов и финансов Конгрессом, где большинство было за республиканцами, легко отступил, а в период своего второго президентства, которое совпало с экономическим кризисом, сосредоточил внимание не на борьбе с корпорациями, а на пресечении стачечной борьбы и выступлений безработных.

Монополистический капитал финансировал на выборах обе партии, чтобы гарантированно воспользоваться результатами победы в целях дальнейшего обогащения. Не оставались в накладе и партийные функционеры. Политика становилась доходным бизнесом – чужих в нее не пускали. Иерархия закреплялась системой боссизма, когда наиболее влиятельным становился не идейный лидер, а руководитель, обеспечивавший привлечение спонсоров для финансирования партийных мероприятий.

Разочарование рядовых избирателей в деятельности ведущих партий породило в этот период движение за создание третьей партии. Стремительные экономические изменения создавали социальную пестроту в американском обществе. Кроме того, с каждым годом увеличивался разрыв между положением новой экономической элиты и основной массы населения. Это заставляло различные социальные группы объединяться в движение против крупных корпораций, приобретающее общенациональный размах, и включаться для отстаивания своих интересов в политическую борьбу.

На выборах 1878 и 1880 гг. почти миллион голосов избирателей удалось собрать фермерской партии гринбекеров, выступавшей за реформу денежной системы с программой защиты дешевых бумажных денег, уничтожения монополии банков, снижения налогов и регулирования железнодорожных тарифов. Положение фермеров осложнялось снижением цен на зерно, обострением конкуренции на мировом рынке хлеба и ускорением социального расслоения мелких земельных собственников.

В 1890 г. в выборы включилось массовое движение фермерских альянсов (Северо-Западного и Южного). Наиболее серьезно угроза подорвать существовавшую двухпартийную систему и предложить альтернативную демократическую организацию проявилась на президентских выборах 1892 г. На базе прежних фермерских союзов и ряда общественных организаций в 1891 г. возникла Популистская партия (Народная партия Америки). Именно она впервые объявила своей целью приход к власти в стране и получила более 8 % голосов избирателей. Выборы 1896 г. привели к расколу в Демократической партии, которая в разгар массовых выступлений фермеров не смогла сохранить единство по вопросу о денежной системе. Защитник «золотого стандарта», выгодного крупным землевладельцам, Гровер Кливленд не получил поддержку однопартийцев и на выборы от демократов пошел защитник дешевых серебряных денег и биметаллизма Уильям Брайан. На выборах 1896 г. популисты выступили совместно с Демократической партией, которая включила их требования в предвыборную программу, но проиграла.

В дальнейшем организованное популистское движение распалось, поскольку фермеры потеряли к нему интерес. Власть приступила к многообещающей программе реформ, экономическая ситуация в стране стала изменяться, и часть активистов партии нашла себе место среди демократов или в анти-монопольном движении Эдварда Беллами,

призывавшего к социальным реформам, социальной ответственности и контролю граждан над справедливостью действий правительства.

Кризисы, ухудшившие положение всех трудящихся слоев населения, сближали лозунги фермерского и зародившегося рабочего движений. Созданная в 1878 г. Гринбекерская рабочая партия до 1880 г. сотрудничала с Социалистической рабочей партией, но организационные и идейные различия оказались слишком велики.

Рабочее движение в США вплоть до 1900-х годов оставалось, хоть и активным, но крайне малочисленным, поскольку положение наемных работников имело некоторую специфику. В целом, норма оплаты труда была значительно выше европейского уровня и часть рабочих не стремилась в какие-либо объединения. Отсутствие четкого рабочего законодательства, разобщенность между квалифицированными рабочими, имевшими американское гражданство и разноязыкими иммигрантами, большей частью не обладавшими необходимыми навыками и подготовкой, а также сохранение дискриминации по расовому признаку, препятствовали политическому объединению.

Между тем, рабочие партии в Америке создавались и, наряду с профсоюзами (союз рабочих «Рыцари труда» (1871), объединение квалифицированных рабочих Американская федерация труда (1881), союз неквалифицированных работников и рабочих-иммигрантов «Индустриальные рабочие мира»), выступали в ходе предвыборных дебатов.

С 1867 г. в США работали секции I Интернационала, а также Социал-демократическая рабочая партия Северной Америки (1874), Прогрессивная рабочая партия (1887), Социал-демократическая партия Америки во главе с Ю. Дебсом (1898) и множество других небольших рабочих партий. Заметным влиянием в политической жизни страны пользовалась Социалистическая партия США, образованная в 1901 г. и насчитывавшая к выборам 1912 г. более 150 тыс. членов. Ее кандидату удалось собрать голоса 1 млн избирателей.

Движение за третью партию появилось и получило поддержку избирателей в условиях общего оживления общественной активности американских граждан. Снижение реального значения демократии, невозможность изменить ситуацию голосованием на выборах или другими способами политической деятельности пробудили к жизни множество самостоятельных гражданских объединений: суфражистское движение за права женщин, ассоциации в защиту прав иммигрантов, негритянские альянсы, союзы граждан по борьбе с коррупцией на государственной службе, общества трезвости и любителей животных, благотворительные, молодежные, религиозные организации, американское отделение Армии спасения, Красного Креста и целый ряд других организаций.

Многочисленность радикальной оппозиции, ее стремление к консолидации и выдвиганию демократических, бесспорных лозунгов, выявлявших несовершенство существующего порядка и несущих революционный запал, заставили правящие круги США искать способы мирной нейтрализации протестных движений в рамках существующей двухпартийной системы. Внутри республиканской партии появилось крыло радикальных либералов, предлагавших широкую программу социальных реформ. В 1911 г. они создали Национальную прогрессивную республиканскую лигу. Реформаторы появились и в рядах Демократической партии. Период разработки и внедрения в жизнь программ модернизации политической и экономической жизни американского общества получил название прогрессистского, или прогрессивной эры (1900–1914).

Накануне выборов 1912 г. представители прогрессистского крыла республиканцев во главе с Р. Лафоллетом и Т. Рузвельтом, не добившись выдвижения предложенных ими реформистских лозунгов в предвыборной платформе, вышли из состава партии. Они создали Прогрессистскую партию и пошли на выборы самостоятельно. В программе новой партии были требования реформ избирательной системы, социальной защиты граждан со стороны государства, введения законов по охране природы и естественных

ресурсов США. Одновременно кандидат прогрессистов Т. Рузвельт выдвигал джингоистские лозунги, призывал к усилению роли США в мировой политике и проведению активного внешнеполитического курса. Не сумев противостоять боссизму и отлаженным действиям избирательной машины старых партий, прогрессисты проиграли выборы.

Вместе с тем, острая политическая борьба в 1912 г. заставила победившего президента-демократа Вудро Вильсона (1913-1921) провести ряд реформ, предложенных прогрессистами и другими представителями демократической оппозиции. Двухпартийная система в очередной раз вынуждена была подстроиться под нужды практической политики, но смогла удержать ситуацию в рамках конституционной политической системы.

Социально-экономические и административные реформы конца XIX в.

Переход США к индустриальной экономике в исторически короткие сроки, выдвижение на командные позиции сначала в бизнесе, а затем и в политике, представителей крупного корпоративного бизнеса, заставляло правящую элиту по-новому оценить роль государственных институтов. Существовавшие объективно пределы монополизации сделали верхушку финансовой олигархии вполне консервативной, заинтересованной в сохранении достигнутых высот экономике. Наиболее дальновидные выразители ее интересов из числа корпоративных юристов, менеджеров высокого уровня, политиков, идеологов из среды ученых экономистов и социологов, выступили с идеями социального компромисса. Стало очевидно, что углубление разрыва в уровне доходов новой монополистической элиты, среднего класса и широких низших слоев общества чревато революционным взрывом.

Это заставило по-новому взглянуть на роль государства, на резервы его социальной политики. Устойчивость власти, действовавшей в интересах монополий, зависела от доверия к ней населения. Наметившиеся диспропорции в политической системе, очевидная ангажированность политиков обеих ведущих партий крупным бизнесом дискредитировали традиционные демократические институты, прежде всего выборы, исход которых не сулил «обиженным» слоям населения реального улучшения их жизни, подталкивал их к нежелательным для власти выступлениям протеста.

Размах демократического движения потребовал от обеих партий выработки понятной массам реформистской политики, учитывавшей их интересы и ограничивавшей всевластие монополий. Республиканская партия вынуждена была прибегнуть к защите репутации правительственных чиновников от обвинений в продажности и неэффективности. Вскоре после войны была начата реформа гражданской службы, сначала запретившая государственным служащим сохранять посты в политических партиях, а затем обязавшая их сдавать конкурсные экзамены для занятия вакантных должностей (Закон Пендлтона). Она коснулась лишь второстепенных технических бюрократических слоев и не отменила «принципа добычи», когда каждый приходивший к власти президент назначал на командные правительственные посты своих доверенных лиц. Вместе с тем, созданная в ходе реформы Комиссия гражданской службы и «системы заслуг» вместо «системы услуг» заложили основы современной американской госслужбы.

Демократическая партия, оказавшись у власти, внесла свою лепту в усиление контроля государства над частными компаниями. Фермерство и мелкие предприниматели особенно страдали от махинаций в сфере железнодорожных перевозок (установления завышенных

монопольных тарифов вне зависимости от дальности перевозок, предоставления неоправданных льгот и др.). В 1887 г. президент Кливленд подписал Закон о торговле между штатами, запрещающий монопольные транспортные тарифы, устанавливавший единые правила для всех перевозчиков, контроль за которыми возлагался на государственную контрольную Комиссию по междуштатной торговле. Декларативный характер закона, который предоставлял множество лазеек для железнодорожных кампаний, не умаляет его значения как первой попытки государства законодательно вмешаться в дела бизнеса.

Всплеск общественной активности в конце 1880-х годов вынудил республиканскую администрацию Б. Гаррисона продемонстрировать свою борьбу с монополиями и проявить заботу о рядовых американцах. В 1890 г. был принят Закон о пенсиях ветеранам войны. Одновременно был принят Антитрестовский закон Шермана, регламентировавший деятельность крупных производственных и финансовых объединений и защищавший «свободную торговлю и конкуренцию». Вскоре расширительным толкованием этого закона предприниматели попытались ограничить деятельность рабочих профсоюзов, однако спустя два десятилетия эта практика была запрещена. Закон успокоил общественное мнение и постепенно начал приучать корпорации считаться с государственной властью, смириться с возможностью регулирования их деятельности.

Эти единичные меры не могли решить проблему нарастания поляризации общества. В начале XX в. обе ведущие партии приступили к разработке комплексных программ реформирования. Еще с середины 80-х годов в Республиканской партии сложилась группировка молодых политиков-реформаторов («магвампов»), выступавших за расширение электоральной базы, за демократизацию политической системы через усовершенствование системы выборов, за усиление арбитражной роли государства в социальных спорах. Среди них был будущий глава Белого дома, получивший пост в 1901 г. как вице-президент после убийства на выставке в Буффало победившего на выборах У. Маккинли, Теодор Рузвельт (1901–1908).

Его приход к власти был неприятной неожиданностью для республиканских партийных боссов, предпочитавших иметь дело с непримечательными и легко управляемыми политиками. Т. Рузвельт же был незаурядной личностью, активным политическим борцом. Будучи выходцем из богатой семьи Новой Англии, он вел необычайно деятельную жизнь, успев получить блестящее образование историка в Гарварде, написать большой труд о покорении Запада и заняться политической деятельностью. На заре партийной карьеры, пережив личную трагедию, он ненадолго отправился жить на ранчо в глубинке, где стал очень популярен среди ковбоев. Этот опыт научил его общаться с народом, создав рафинированному аристократу репутацию «своего парня», очень пригодившуюся в годы войны на Кубе, куда он из кресла помощника военно-морского министра отправился воевать во главе добровольческого кавалерийского полка.

Получив президентскую власть волею случая, Т. Рузвельт выдвинул программу «нового национализма», с которой легко победил на выборах 1903 г. Суть ее сводилась к сплочению всего народа для «процветания и благоденствия» Америки (это название стали употреблять в отношении США в официальных внешнеполитических документах, начиная с 1893 г.), облегчения ее внешнеполитической экспансии и укрепления влияния на другие страны. При этом государство должно было выступить в роли защитника общественного благополучия, помочь различным слоям общества перейти от конфронтации к согласию, поднять авторитет демократии и законности, навести порядок в стране.

Чтобы заручиться поддержкой общественного мнения, Т. Рузвельт развернул шумную кампанию по «разрушению трестов». В начале XX в. широкую популярность снискали журналисты, зарабатывавшие на сенсационных разоблачениях махинаций и злоупотребления в деятельности крупных корпораций. Презрительно окрестив их

«разгребателями грязи», Т. Рузвельт решил дать пример того, что инструменты государства, власть закона могут быть гораздо более эффективными. Особое внимание было уделено демонстрации «беспристрастности» власти. Учитывая небывалый подъем рабочего стачечного движения, президент заявлял, что «карающий меч» государственной власти падет и на головы агитаторов, разжигавших недовольство и «злодеев богатства», угнетающие честных граждан.

В 1903 г. было создано Министерство торговли и труда с особым Бюро корпораций, уполномоченным вести расследования незаконных сделок. Было проведено несколько громких судебных процессов против крупных железнодорожных, нефтяных и металлургических корпораций по обвинению их в нарушении закона Шермана, в результате которых было проведено их расчленение. Серьезных последствий для владельцев, сохранивших свой капитал, это не имело. Если в 1900 г. в США было 149 корпораций с капиталом свыше 3 млрд долларов, то к 1908 г. их насчитывалось свыше 10 тыс., а их капиталы выросли до 31 млрд долларов.

Среди других популярных реформ «нового национализма» был закон Хэпберна о полномочиях Комиссии по междуштатной торговле, расширявший возможности правительства влиять на экономику, а также законы 1906 г. о контроле за изготовлением лекарств и пищевых продуктов, о введении санитарного контроля на скотобойнях, о защите лесов от пожаров, создании национальных парков с запретом на браконьерскую охоту, организации федеральной комиссии по консервации природных богатств. Все эти мероприятия не ущемляли экономические интересы каких-либо групп населения, были очевидно общественно полезны и воспринимались позитивно во всех слоях общества.

Для упрочения положения либеральных реформаторов в Республиканской партии и ограничения власти партийных боссов, Т. Рузвельт добился в 1907 г. принятия закона о порядке финансирования избирательных кампаний, который запрещал банкам и корпорациям оказывать материальную поддержку кандидатам. В 1910–1911 гг. было введено правило декларирования депутатами своих предвыборных расходов, которые были ограничены законом.

Деятельность Рузвельта была настороженно воспринята консервативными кругами Республиканской партии, предпочитавшими «сдержанную респектабельность» энтузиазму и массовой поддержке избирателей. Проведя в Белый дом Уильяма Говарда Тафта (1909–1913), «старая гвардия» добилась свертывания реформистской программы, однако это распространялось лишь на социальные программы. При У. Тафте усилилось государственное вмешательство в дела бизнеса, установлен контроль над частными владельцами средств сообщения и связи, во всех штатах открылись государственные сберегательные кассы, что позволило аккумулировать мелкие сбережения в интересах правительства.

Отход президента от либерально-реформистского курса привел к расколу Республиканской партии и на выборах 1912 г. привел к власти президента-демократа Томаса Вудро Вильсона (1913–1921). Он начал реализацию широкой программы реформ, получившую название «новая свобода». Бывший ректор Принстонского университета, профессор государственного права В. Вильсон очень тщательно прорабатывал все нововведения. Придя во власть, он привлек к сотрудничеству в качестве консультантов известных ученых. Приветствуя начало «новой эры реформ, но не революций», президент постоянно подчеркивал направленность своих действий на защиту интересов народа. В 1913 г. в интересах мелких потребителей был принят новый, сниженный на 10 %, тариф Ундервуда, был проведен первый в истории США закон о прогрессивном (до 6 %) подоходном налоге на богатых. Эта мера была закреплена Шестнадцатой поправкой к Конституции, вводившей подоходный налог. В 1914 г. были приняты новые законы по регулированию деятельности корпораций. «Закон Клейтона» о контроле над трестами запрещал применение закона Шермана 1890 г. для борьбы против профсоюзов и

организаций фермеров, расширял контрольные полномочия Федеральной торговой комиссии, предоставляя ей право возбуждения уголовных дел против монополистов. В дополнение в ряде штатов вводились законы о производственном страховании рабочих, об ограничении рабочего дня для женщин и детей. Профсоюзные лидеры восприняли новое законодательство как результат своей борьбы и объявили его «Великой хартией труда».

Новый президент возобновил критику корпораций, но считал полезной их стабилизирующую роль и возможности, которыми они обладали в продвижении технического прогресса. Вполне в интересах финансовой олигархии был закон 1913 г. о федеральных резервных банках, который перестроил всю американскую банковскую систему. Создание Федерального банка в Нью-Йорке и 12 резервных банков в каждом из банковских районов, на которые разделили США, позволяло, по мере необходимости, перебрасывать денежные ресурсы в любой район, которому угрожал кризис. Закон усиливал контроль крупных банков и корпораций над денежными вкладами населения.

При В. Вильсоне был демократизирован порядок выборов в Сенат, которые стали проводиться не местными законодательными собраниями, как прежде, а всеобщим голосованием в штатах. Это стало достижением в демократизации политической жизни и было закреплено Семнадцатой поправкой к конституции. Кроме того, в местные конституции половины штатов были внесены поправки, допускавшие право законодательной инициативы избирателей и проведение референдумов на местном уровне. Девятнадцатой поправкой к Конституции стало выдвинутое еще Т. Рузвельтом право голосования для женщин.

Начало войны в Европе отвлекло президента от «справедливого курса», потребовало введения чрезвычайных мер, но американское общество, приученное за время «прогрессивной эры» к позитивной оценке либерального реформирования, оказалось вполне готово принять любые меры, усиливавшие регламентирующую роль государства, его вмешательство в экономическую жизнь и дела бизнеса.

Результатом эпохи прогрессистских реформ стало восстановление видимости социального консенсуса. Острота общественных противоречий и конфликта между корпоративной элитой и широкими слоями населения была снята, сохранявшиеся проблемы были загнаны вглубь и вновь заявили о себе уже в военные годы, а монополистический капитал США получил возможность при поддержке государства наращивать свое могущество в интересах всего общества и обеспечить выход США на мировую арену в качестве великой державы.

Воссоединение союза штатов на основе либерально-рыночной экономики, окончательно разрушило неэффективные формы принудительного рабского труда, лишило экономического могущества плантаторов, препятствовавших проникновению на Юг финансово-промышленных капиталов с Севера. Раздача гомстедов уже к 1890 г. завершила переход свободных земель из государственного фонда в частные руки. Этот процесс вызвал дополнительный приток капиталов из Европы. Наличие доступных неосвоенных земель и других богатых естественных ресурсов способствовали всплеску переселенческой активности, быстрому заселению и предпринимательскому освоению обширных районов Запада, Юга и центральной части страны фермерами, старателями, иммигрантами, бывшими невольниками, переселявшимися из южных штатов, выходцами из рабочей среды, стремившимися к приобретению собственности. Быстро расширялся внутренний рынок, и повышалась его емкость.

На протяжении второй половины XIX в. массовая колонизация земель на Западе привела к упорядочению территориальных границ США. Формально после завершения войны с Мексикой и формирования южной границы, все земли, расположенные севернее (вплоть до канадской границы) от Атлантического до Тихого океана рассматривались в США как государственная территория. Они находились в руках частных владельцев или имели статус собственности отдельных штатов. Обширные малонаселенные или вообще

неосвоенные пространства, не имевшие административного статуса, воспринимались американцами как потенциальная федеральная собственность. Именно они и стали предметом споров накануне гражданской войны, поскольку, в зависимости от вида колонизации (рабовладельческие плантации, фермы или ранчо с использованием труда наемных работников), на них впоследствии могли быть образованы новые свободные или рабовладельческие штаты.

Еще в ходе гражданской войны и Реконструкции Юга в состав федерации были приняты 37-й штат – Небраска (1867) и 38-й штат – Колорадо (1876). Затем темпы заселения стали столь высоки, что в 1889 г. Союз пополнился сразу четырьмя штатами, а в 1890-е годы – еще тремя. С образованием Оклахомы, Нью-Мексико и Аризоны к 1912 г., число штатов достигло 48. Главные материковые административно-территориальные границы к этому времени окончательно оформились.

Опыт конфликта Севера и Юга был учтен при выстраивании отношений центрального правительства и штатов, права которых в организации повседневной жизни населения признавались неприкосновенными, но от которых требовалось беспрекословное подчинение федеральной власти в вопросах, обозначенных федеральной Конституцией (безопасность, налоги, внешняя торговля и др.). Представители новых штатов были делегированы в обе палаты конгресса, а обе партии включились в борьбу за электорат на их территории.

Новые штаты формировались в условиях единого внутреннего рынка, сходного уровня развития региональных экономик, отсутствия коренных социально-демографических диспропорций, существования сильного федерального правительства, стремившегося через разветвленный бюрократический аппарат традиционных партий контролировать выборы губернаторов в провинции и пресекавшего все сепаратистские проявления.

Укрепление союза штатов, объединение страны в единый хозяйственный комплекс, послужило мощным толчком для экономического развития, что в свою очередь, обострило традиционную для США проблему нехватки рабочей силы. Численность населения США росла быстрыми темпами. В 1820 г. оно превысило 9,5 млн человек, в 1850 г. – уже 23 млн, а в 1890 г. достигло 76 млн человек. Жителями новых штатов становились, помимо самих американцев, иммигранты (преимущественно из стран Европы). Пик иммиграции пришелся на середину столетия, когда промышленный переворот вступил в завершающую стадию, когда государство не только проводило либеральную иммиграционную политику, но и создавало различные учреждения, занимавшиеся вербовкой работников за рубежом.

Переселенцев и разного рода авантюристов привлекали золотые россыпи, открытые в Калифорнии (1848), а затем и на Аляске. Эмиграция из Европы не была следствием перенаселения, а зависела от появления различных ухудшавших жизнь обстоятельств и в разное время была сильнее в той или другой стране: негативные последствия промышленного переворота, разорявшего мелких производителей, аграрное перенаселение, связанное с консервацией феодальных пережитков, неурожаи и голод, политическая борьба (революции 1848–1849 гг., Парижская коммуна, объединение Италии, войны за единство Германии и т. п.). Долгое время в США прибывали предприниматели, мелкие торговцы, индустриальные рабочие из развитых стран Западной и Северной Европы.

После окончания гражданской войны высокий уровень жизни, широкие возможности для проявления личной инициативы, быстрого обогащения, оборота капитала, приобретения земли или получения работы при отсутствии сословных и феодальных препятствий для продвижения вверх по социальной лестнице подталкивала к приезду в Америку жителей Северо-Западной Англии, индустриальных рейнских областей Германии, силезцев, бельгийцев, разорившихся земледельцев, ремесленников, рабочих Северной Франции и Ломбардии, где наблюдался демографический подъем. Пик выезда

из европейских стран пришелся на 1888 г. когда эмигрировало около миллиона человек, большей частью направившихся именно в Америку.

В 1890–1910 гг. в США иммигрировало свыше 10 млн человек. Это была новая волна иммиграции. Ее состав отличался от въезжавших в предшествовавшее тридцатилетие. В последнее десятилетие XIX в. иммиграция на 80 % состояла из жителей Восточной и Южной Европы (Австро-Венгрии, балканских стран, Италии, Греции, Турции, западных регионов Российской империи). В последней трети XIX в. на тихоокеанское побережье въезжало много китайцев, а также первые японские иммигранты.

Оказываясь в непростых условиях новой страны, иммигранты постепенно ассимилировались, но этот процесс требовал времени. Они образовывали один из наименее защищенных социальных слоев, принимали на себя все тяготы неравноправия в американском обществе, становились жертвами имущественного расслоения, ускорявшегося в периоды экономических кризисов. Одновременно они сами становились источником общественной напряженности.

Стране с быстрорастущей промышленностью, основанной на высоком уровне механизации при выпуске в больших объемах стандартной продукции, на добыче топливного и промышленного сырья требовалась рабочая сила для трудоемких процессов, не требовавших высокой квалификации. Почти 60 % «новой волны» иммиграции составляли одинокие мужчины в возрасте до 40 лет. Этот контингент был благоприятной почвой для распространения разного рода протестных настроений.

Со времен появления в американской политической жизни популярной на западном и восточном побережьях, куда прибывали крупные группы иммигрантов, Нейтивистской американской партии (1835), которая выступала за сдерживание иммиграции в интересах «коренных» уроженцев США (иными словами, партия «старожилов» – речь шла об «урожденных» американцах, которые тоже «когда-то откуда-то приехали», т. е. были иммигрантами из Европы, но в 3–5 поколениях), за ограничение сфер занятости и владения землей для китайских иммигрантов, не поддававшихся ассимиляции, фактор иммиграции активно использовался различными политическими силами. Среди иммигрантов из Европы легко приживались европейские идеи социализма, им были знакомы формы организованного рабочего и демократического движения, которые они пытались распространить в новых условиях. Обвинения в покушении на конституционные основы государственного строя стали к концу столетия выдвигаться против иммигрантов, проявлявших политическую активность и послужили основанием для введения ограничений на въезд переселенцев из «нестабильных регионов и стран».

В последней трети XIX в. продолжало расти самосознание американцев. Приток миллионных потоков вчерашних иностранцев, без которых не могла обойтись растущая экономика, вызывал охранительные настроения у тех, кто родился или уже обжился на американской земле. Это было связано с резким изменением на рынке труда, массовым разорением мелких собственников, появлением в конце столетия незнакомой американцам прежде массовой безработицы.

Не менее важным в вопросах иммиграции был фактор участия иммигрантов в политической деятельности, особенно в радикальных протестных движениях. Кроме того, осознание американцами себя, как отдельного народа, несущего определенную «миссию в истории», происходило по традиционной схеме сравнения с жителями других стран. Несомненные достижения в экономике, разительно отличавшие США от «запаздывающей, но кичливой» Европы, сравнительно высокая социальная мобильность, рекламируемая как «равные возможности» в отличие от сословных пут Старого Света, наличие демократических свобод, республиканского правления и федеративного устройства с сохранением прав отдельных штатов – все это служило базой для пропагандистской деятельности и создания в общественном сознании прочных мифов.

Популярные идеи «англосаксонского превосходства», привезенные из Англии, быстро сменились возрождением интереса к идеям 1840-х годов о «явном предназначении» и «предопределении судьбы» американской нации, призванной, якобы, стать главной хранительницей демократии и экономического либерализма. На рубеже веков, в ходе испано-американской войны 1898 г., эти идеи получили новую интерпретацию. США предстояло не только отстаивать демократические ценности, но и «распространить» их, «обучая» менее развитые и «несчастные» народы, поработанные диктаторами, самоуправлению и республиканизму.

В отношении иммигрантов, особенно «новой волны», прибывавших из монархических и имперских государств, существовали другие мифы. Их считали зараженными верноподданническими настроениями, не способными к социальной ответственности и легко поддававшимися бунтарскому радикализму. Выходя постепенно на международную арену с претензией на роль великой державы, США вступали в конфликтное противостояние с европейскими государствами (с Англией из-за Латинской Америки и Канады, с Германией – из-за тихоокеанских островов и влияния в Южной Америке, с Испанией – из-за Кубы, с Францией – из-за трансокеанского канала, с Австро-Венгрией и Османской империей – из-за влияния в Средиземноморье и т. д.). Легко было объявить вчерашних иностранцев в отсутствие патриотизма, в сохранении симпатий к прежней родине. Под этим предлогом началось ограничение правоспособности иммигрантов, особенно в части выборного процесса и возможности влиять на политическую жизнь страны, а также регламентирование въезда, которое в 1880-х годах затронуло лишь выходцев из азиатских стран, но затем было применено к иммигрантам «третьей волны», став в ходе Первой мировой войны почти запретительным под предлогом «опасности проникновения в страну лиц из враждебных государств».

В свои предвыборные платформы нейтивистские, анти-иммигрантские лозунги стали включать в 90-е годы республиканцы, провозгласившие лозунг «здорового национализма» и «истинного американизма». Возрожденное нейтивистское движение возглавил влиятельный сенатор-республиканец Генри Кэбот Лодж – будущий глава комитета по международным делам, а его друг и единомышленник Теодор Рузвельт, став президентом США в 1901 г., разработал программу «нового национализма», где нашлось место этим идеям.

Объективное изменение экономической ситуации, снижение дефицита рабочих рук, относительное насыщение внутреннего рынка и рост интереса к внешней экспансии, стали важными основаниями для стремления государственных деятелей сплотить население, мобилизовать его на поддержку правительства, заставить отказаться от социального протеста, заинтересовать привилегиями и убедить в превосходстве над неполноценными в силу бедности, необразованности, слабости иммигрантами или жителями аннексированных территорий.

Наиболее вдохновляющими были идеи англоконформизма (насильственной ассимиляции иностранных переселенцев через восприятие языка, обычаев, норм жизни и ценностей белых англосаксов, преобладавших в составе населения). Эти идеи были восприняты правящими кругами и воплотились в движении «американизации». Возникнув в последнем десятилетии XX в. как культурно-образовательная кампания в поддержку «американского английского языка», она получила государственную поддержку.

Был проведен ряд реформ в школьном образовании, началось финансирование «ликвидации безграмотности», а по сути, обучение взрослых иммигрантов основам грамотности и английской грамматике. По всей стране создавали библиотеки, и пережившие книжные лавки, которые обеспечивались книгами и журналами за счет частных пожертвований, благотворительности корпораций, а также средств штатов и федеральной казны. Были предприняты усилия по «романтизации» американской

истории. После гражданской войны появились профессиональные историки, исторические и литературно-филологические факультеты в университетах, общества краеведов и археологов. В последней трети XX в. в США стали модными музеи и памятники. Были героизированы образы отцов-основателей, участников войн с Англией и гражданской войны. Были изданы многочисленные биографии выдающихся американцев. Теодор Рузвельт и многие другие интеллектуалы из числа политиков писали о «покорении» Запада, о борьбе «пионеров» с природой и опасностями, о воспитании особого жизнестойкого и предприимчивого «американского характера», романтике жизни ковбоев и старателей. Негативные страницы в истории отношений с индейцами и рабами при этом оставались в тени.

В рамках американизации было начато торжественное ежегодное празднование 4 июля Дня независимости (с фейерверками и парадами музыкантов). С 1893 г., когда США ввели для своих заграничных представителей дипломатический ранг посла, в официальных международных документах жители страны впервые стали называться американцами, несмотря на протесты государств Южной Америки и латиноамериканцев.

Внешняя политика США в конце XIX в.

Вопросы внешней политики традиционно мало интересовали американских избирателей во второй половине XIX в. Эта сфера оказывалась в ходе предвыборных кампаний интересна для партийных деятелей лишь в тех случаях, когда она могла сказаться на повседневной жизни или доходах влиятельных или массовых категорий населения, т. е. приобретала социальную значимость и могла быть использована для привлечения новых голосов.

Одним из важных оставался вопрос тарифов. Отношение в обществе к регламентации внешней торговли было различным. Среди занятых в экспортных отраслях (особенно сельском хозяйстве и добывающей промышленности) были активные сторонники снижения тарифов. Это требование отвечало также интересам рядовых потребителей, лишенных дешевой импортной продукции и вынужденных переплачивать монополистам за товары первой необходимости. Не менее активны были бескомпромиссные сторонники высоких ввозных пошлин на товары, которые на внутреннем рынке могли по цене или качеству составить конкуренцию американской промышленной продукции. Они требовали покровительства государства для защиты своих интересов. Среди них были не только монополисты, не желавшие лишаться сверхприбылей, но и мелкие производители, а также наемные рабочие, занятые в отраслях обрабатывающей промышленности и опасавшиеся потери рабочих мест или снижения зарплаты.

Республиканская партия, опиравшаяся на крупный торгово-промышленный бизнес, сумела провести через конгресс решения о повышении тарифа (1890 г. – тариф Маккинли – почти 50 %, 1897 г. – запретительный тариф Дингли – 57 %), а также помешать попыткам президента от Демократической партии Г. Кливленда резко снизить ввозные пошлины. Протекционистскую направленность внешней торговли удалось сохранить, хотя законом Вильсона-Гормана в 1893 г. демократы добились снижения тарифа с 50 до 37 %.

Одновременно осознавая необходимость учитывать интересы крупных землевладельцев, арендаторов, широких фермерских кругов и других категорий противников высоких тарифов, американское руководство уже в первые годы после гражданской войны предпринимало шаги для нейтрализации любых попыток иностранных держав ограничивать ввоз американских товаров. На это были направлены,

например, так называемые «торговые войны», применение эмбарго и торговой блокады в отношении особенно несговорчивых торговых партнеров, заключение неравноправных торговых соглашений, получение статуса наибольшего благоприятствования в торговле или другие меры экономического давления.

Прагматический характер внешней политики США, сложившийся еще на заре государственности, усилился к концу столетия, что соответствовало интересам крупного торгово-промышленного капитала и финансовых кругов, обогащавшихся за счет монопольных прибылей на внутреннем рынке (тариф Маккинли, направленный против немецких и английских товаров, нередко называют «матерью трестов»).

На рубеже XIX–XX вв., когда по многим показателям американская продукция перестала уступать и, даже превзошла, европейские аналоги, а внутренний рынок оказался сравнительно насыщенным, началось интенсивное завоевание внешних рынков, сопровождавшееся постепенным вытеснением европейских конкурентов из стран Западного полушария и Тихоокеанского региона, а также продвижением американских товаров и капиталов в страны Старого Света. Широкомасштабная экономическая экспансия стала гораздо более эффективна, когда в конце XIX в. государство стало использовать официальные каналы дипломатической и консульской заграничной службы для оказания квалифицированной поддержки американскому бизнесу и защиты американских экономических интересов за рубежом. В ряде стран мира были развернуты американские агрономические, санитарные, технические лаборатории, технологические школы и американские университеты (в Бейруте, Китае и других странах Азии). Они существовали на частные пожертвования, но под эгидой государственных министерств и ведомств, которым передавали необходимую информацию.

В тот же период, несмотря на сохранявшийся государственный долг и привлечение новых инвестиций из Европы, активизировался вывоз американских капиталов. С 1899 по 1913 г. сумма заграничных вложений возросла в 5 раз, приблизившись к 3 млрд долларов. Были созданы первые международные (германо-американские) корпорации в электротехнической отрасли и машиностроении.

Экономика США, растущая быстрыми темпами, к началу XX в. вывела страну по основным показателям на первое место в мире, позволив в ряде отраслей на порядок превзойти своих ближайших соперников и кредиторов – Англию, Францию, а также Германию. Тарифные вопросы, которые нередко оказывались в центре избирательных президентских кампаний 1880-1890-х годов, потеряли остроту. Интересам США стало больше соответствовать фритредерство, «свобода торговли», от которой отказались Англия и Франция. Призыв к «свободной конкуренции» противодействовал протекционизму великих держав, которые сопротивлялись «американизации» мировой торговли.

Новые принципы внешней политики США нашли отражение, например, в появившейся на рубеже XIX–XX вв. «доктрине Хейя», в соответствии с которой государственный секретарь США потребовал от европейских держав и Японии признать принцип «открытых дверей» для торговли и инвестиций в сферах своего влияния в Китае. В дипломатических нотах 1899 г. он добивался «равных возможностей» для своей страны при заключении неравноправных торговых договоров и участии в банковских консорциумах в Китае, где требовал сохранить территориальную целостность. Доктрина «открытых дверей» впоследствии нашла широкое применение в различных регионах, как средство вытеснения конкурентов и подавления национальной промышленности. В рамках этой доктрины в последующие годы уже администрация президента У.Г. Тафта приняла на вооружение в отношениях с Латинской Америкой «дипломатию доллара», согласно которой «за долларом всегда должен следовать флаг», поскольку «национальные интересы» предусматривают оказание государством поддержки американскому бизнесу, защиту интересов граждан США повсюду, где бы они не оказались.

После кризиса 1890-х годов в США появились могущественные силы, заинтересованные во внешней экспансии. Монополии стали нуждаться в покровительстве государства не столько внутри страны, сколько на мировых рынках, вопросы внешней политики приобрели значимость для политических партий. В ходе избирательных кампаний появились призывы к отказу от традиционной «изоляционистской» политики.

Активизация внешнеполитической экспансии отвечала требованиям финансово-промышленных, торговых кругов, средних предпринимательских слоев и соответствовало духу времени. Республиканская партия первой взяла на вооружение лозунг целесообразности внешней экспансии. В годы, когда европейские державы наспех завершали раздел мира на сферы влияния и наращивали свои колониальные империи, США предстояло заявить о своих «правах», отстоять подобающие самой развитой индустриальной державе позиции на мировых рынках. Легитимизировать эти претензии США пытались с помощью «доктрины Монро» и ряда концепций, воспринятых лидерами правившей Республиканской партии и получивших название «империалистических».

Среди них были такие, как теория историка Фредерика Тернера о позитивной роли расширения «границы/фронта» в американской истории, развитая религиозным мыслителем Джошуа Стронгом идея о «явном предначертании судьбы» американского народа нести цивилизаторскую миссию, расширять зону демократии и республиканизма в отсталых регионах, как учение военного теоретика Алфреда Мэхена о роли «морской силы» в военных конфликтах прошлого и будущего, утверждения профессоров Джона Фиске и Джона Барджесса о преимуществах государственных и прочих институтов США, о неизбежности и прогрессивности англо-саксонского единства в свете теории социального дарвинизма Герберта Спенсера и многие другие.

Соответственно, Демократическая партия, не являясь принципиальной противницей активного выхода США на мировую арену в качестве великой державы, все же вынуждена была принять под свои знамена часть умеренных противников экспансии – так называемых «антиимпериалистов». Это движение было крайне неоднородно. Среди «антиимпериалистов» были, например, сторонники отказа от активной внешней политики ради концентрации богатств внутри страны для решения социальных проблем. Основная же масса приверженцев «антиимпериализма» критиковала правительство за колонизаторские амбиции, забвение идеалов демократии, предупреждая, что подавление прав других народов разрушит устои Республиканской конституции в самих США.

Показательно, что лозунги «антиимпериалистов», составивших мощный поток в общедемократическом движении 1890-х годов, были использованы теоретиками и практиками экспансии. Во внешнеполитической мысли это вылилось в появление «морализаторского» направления, приверженцы которого обосновывали любые действия США позитивным влиянием и распространением «зоны демократии».

Активность США в мировой торговле предполагала военно-политическую поддержку, способную нейтрализовать враждебность европейских конкурентов. В последние два десятилетия XIX в. на завершающем этапе раздела великими державами колониальных территорий и рынков началась гонка вооружений в преддверии грядущего передела с учетом потребностей молодых, бурно развивавшихся стран, прежде всего, Германской империи. В США, где после гражданской войны президентами нередко избирались генералы или ветераны, военному строительству уделялось особое внимание. При Дж. Гарфилде была реорганизована и подчинена единому штабу Национальная гвардия. К 1894 г. президент Г. Кливленд завершил программу военно-морского строительства, начатую его предшественниками. Это вывело США с 12 на 5 место в мире по размерам морских вооружений и позволило в 1898 г. выиграть войну с Испанией. Президент от Демократической партии также способствовал и созданию хорошо вооруженной, небольшой и мобильной постоянной сухопутной армии, способной к десантированию в отдаленные регионы. Флот и армия нуждались в перевалочных островных базах.

В 1870-1880-х годах США пытались для создания военной базы арендовать гавань Паго-Паго на архипелаге Самоа, интересовавшем Германию и Англию. В 1884–1885 гг. произошел вооруженный американо-германский конфликт, в результате которого немцы предприняли неудачную попытку силой захватить Западное Самоа. Ситуация разрешилась только после вмешательства Англии и установления трехстороннего протектората над спорными островами. Эти события показали, что отстаивать силой свои интересы США еще не могут.

Иные результаты имела политика в отношении другой островной территории – группы Гавайских островов. С 1876 г., когда правительству У. Гранта удалось заключить с гавайской монархией соглашение о беспошлинной торговле, позиции американского капитала в плантационном хозяйстве Гавайев быстро укрепились. В 1884 г. США построили военно-морскую базу Пёрл-Харбор, которая должна была стать мостом к Дальнему Востоку.

Попытки японского правительства вытеснить с островов американских предпринимателей (в 1881 г. гавайская монархия заключила договор с Японией и открыла дорогу массовой японской иммиграции) привела к инспирированию в 1893 г. революции при участии американских граждан. Для защиты соотечественников с американского военного корабля был высажен десант. Королева Лидия Лилиукалани была свергнута, и посол США объявил об установлении протектората над Гавайскими островами. В 1894 г. возникла Гавайская республика, которую возглавил сын американского миссионера. Объявить о ее присоединении сразу американцы не решились из-за опасений вмешательства британского флота и осложнения отношений с Англией. Лишь в 1897 г. президент У. Маккинли подписал соглашение о присоединении Гавайев к США. Успешное для США завершение испано-американской войны 1898 г. ускорило интеграцию. 14 июня 1900 г. Гавайи получили статус территории США (права штата Гавайские острова и Аляска получили в 1959 г.).

Экспансия США в страны Латинской Америки на основании «доктрины Монро» активизировалась в 1880-е годы в связи с сооружением Панамского канала и шумным банкротством французской строительной компании, растратившей средства мелких вкладчиков. В 1889 г. произошло банкротство компании по строительству межконтинентального канала на территории Колумбии, основанной в 1881 г. французским инженером Фердинандом Лессепсом. «Крах Панамы» стал одним из поводов для созыва в 1889 г. президентом Б. Гаррисоном Первой панамериканской конференции (с 1910 г. – Панамериканский союз) и организации «Международного союза американских республик по обмену экономической информацией» (1890). Под лозунгом американизма и совместного противостояния экспансии европейцев, руководство США настраивало соседние государства на создание таможенного союза. Политическая доктрина панамериканизма, которая постоянно вызывала дискуссии со времен предложившего ее С. Болливара, в варианте госсекретаря Джеймса Блейна предусматривала сплочение независимых республик Западного полушария вокруг США. Чтобы это осуществить, требовалось устранить недоверие к США со стороны латиноамериканских государств, которые помнили о судьбе Мексики, интервенциях в период тихоокеанских войн Чили, Перу и Боливии, аннексиях и коммерческих аферах американского бизнеса в предыдущие годы. Но еще большей угрозой панамериканскому сближению являлось дипломатическое, финансовое и торговое влияние Англии в странах Южной Америки.

США для укрепления своих позиций в странах Западного полушария предстояло пойти на конфликт с влиятельной европейской державой. Выждав удобный момент, когда Англия оказалась вовлеченной в соперничество с европейскими державами и в колониальный конфликт вокруг Трансвааля, где были обнаружены большие запасы золота и алмазов, США решительно заявили о своих претензиях в Западной Африке. Для этого был выбран вопрос, который интересовал американских предпринимателей, требовавших поддержки от администрации президента-демократа Г. Кливленда. Их

привлекала обнаруженная в республике Венесуэла нефть, а также золото, которым уже занимались англичане на реке Ориноко. Венесуэла много лет оспаривала узкую полосу земли на границе с Британской Гвианой. При очередном обострении территориального спора в 1894–1895 гг. США потребовали своего присутствия на переговорах в качестве арбитра. Дипломатическая нота была составлена госсекретарем Ричардом Олни в жесткой, ультимативной форме. Британский премьер-министр лорд Солсбери проигнорировал этот выпад, ответив лишь 4 месяца спустя и отвергнув все притязания США.

Президент Кливленд, в условиях обострения внутривнутриполитической обстановки после экономического кризиса, роста популистского движения и джингоистских настроений в обществе, пошел на углубление «Венесуэльского кризиса», создав арбитражную комиссию без участия англичан.

Англия не была заинтересована в дальнейшем развитии конфликта и пошла на уступки. В ноябре 1896 г. при заключении соглашения американская сторона, оценив эту лояльность, США отказались от некоторых первоначальных претензий в надежде смягчить позицию Англии по вновь ставшему актуальным кубинскому вопросу, и по «замороженному» на время вопросу о статусе Гавайских островов (США не возражали против того, что при подписании в 1899 г. итогового англовенесуэльского договора, большая часть спорной территории отошла к Англии).

Таким образом, в 1895 г. был сделан первый шаг в направлении постепенного взаимовыгодного «сближения» Англии и США, их будущего долговременного стратегического партнерства, сложившегося поначалу, в колониальной сфере, а затем и в общемировом масштабе, и прошедшего испытание двумя мировыми войнами. «Доктрина Монро» была «де-факто» признана англичанами, а уточнение ее «доктриной Олни» оставляло за США право на отстаивание своей гегемонии в Западном полушарии. В 1900 г. Англия уступила, когда США денонсировали договор Клейтона-Бульвера 1850 г. о равных правах двух стран в области военного, политического и экономического контроля над будущим каналом, а затем пошла в 1901 г. на заключение нового договора с признанием приоритета прав США в контроле над каналом.

Внешнеполитический курс, который проводился Соединенными Штатами в последнее десятилетие XIX в., получил триумфальное завершение в «великолепной маленькой войне» с Испанией. Утратив статус великой державы, лишившись почти всех своих некогда гигантских колониальных владений, испанская монархия переживала глубокий кризис и не имела достаточно сил, чтобы защитить свои интересы. К концу столетия стало очевидно, что ей придется уступить свои колонии сильным молодым конкурентам. Поскольку Англия не могла допустить, чтобы «испанским наследием» рано или поздно завладела Германия, выстроившая мощный флот, или, возможно, Япония, активизировавшаяся в Тихоокеанском регионе, то наилучшим вариантом она сочла переход Кубы и Филиппин под эгиду США, руководство которых, после победы на выборах республиканца У. Маккинли, было настроено демонстративно англофильски, всячески стремясь сгладить неприятное впечатление от ультимативной «ноты Олни».

В американской прессе развернулась массивная кампания осуждения «зверств испанских колонизаторов» на Кубе. В нее были вовлечены как джингоистски и имперски настроенные слои, так и «антиимпериалисты» и участники демократических движений. Пропагандистские «заказные» статьи, публикуемые в газетах, находившихся под контролем корпораций, призывали применить «доктрину Монро» против тиранического режима Испании и изгнать очередную европейскую державу из Западного полушария. Призывы к войне звучали под предлогом оказания помощи национально-освободительной революции, которая продолжалась более трех лет.

На Кубе было много американских предпринимателей и переселенцев, проникавших туда на протяжении нескольких десятилетий, не встречая сопротивления испанских

колониальных властей (американские корпорации к началу войны подчинили своему контролю сахарную, табачную и металлургическую промышленность на Кубе). Войну на Кубе, как и чуть раньше на Гавайях, начали по «техасскому сценарию» времен экспансии в Мексику. В связи с обострением внутривластной обстановки для защиты американских граждан и их собственности в бухту Гаваны был послан военный крейсер «Мэн». При невыясненных обстоятельствах 15 февраля 1898 г. стоявший на рейде корабль взорвался и затонул вместе с многочисленным экипажем и находившимися на борту десантниками. Расследование испанцами причин катастрофы и согласие выполнить требования США по нормализации обстановки не удовлетворили президента Маккинли. Он добился от конгресса признания независимости Кубы, принятия резолюции о выводе оттуда испанских войск и о предоставлении правительству полномочий на вооруженную поддержку повстанцев. Это вынудило Испанию разорвать 21 апреля 1898 г. дипломатические отношения с США, а после начала блокады кубинских портов американским военным флотом, 24 апреля объявить войну.

25 апреля 1898 г. объявление войны последовало и со стороны США. Это была первая после событий 1812–1814 гг. война США с европейской державой. В ней участвовала еще одна испанская колония, добивавшаяся независимости – Пуэрто-Рико, а также Филиппинские острова, годом ранее начавшие Войну за независимость с Испанией. Нейтральная позиция Англии в испано-американском конфликте устранила всякую возможность создания коалиции европейских держав в помощь Испании.

Военные действия происходили на море и были завершены в течение четырех месяцев. Потери со стороны США были минимальны – несколько десятков раненых и не более десяти погибших. Практически весь испанский флот находился на Филиппинах, где вел борьбу с повстанцами. 2 мая 1898 г. его разгромила тихоокеанская эскадра США под командованием адмирала Дьюи, после чего столица Филиппин Манила была захвачена при поддержке повстанцев во главе с Эмилио Агинальдо. Остатки испанского флота были уничтожены 1–3 июля 1898 г. в заливе у города Сантьяго-де-Куба. Американский десант совместно с кубинцами развил наступление, заставив испанцев капитулировать. Пуэрто-Рико был оккупирован. В сложившихся условиях стало возможным воплощение в жизнь принятого Конгрессом в 1897 г. решения об аннексии Гавайских островов, где 1–2 августа 1898 г. был поднят американский флаг.

При посредничестве Франции в Париже 10 декабря 1898 г. был заключен мирный договор. Куба была провозглашена республикой под протекторатом США. Испания вывела войска и взяла на себя выплату кубинских долгов, а в качестве компенсации за военные расходы передала американцам острова Пуэрто-Рико и Гуам. Было также принято решение о передаче США Филиппинских островов за 20 млн долларов, но Филиппины не сдались без сопротивления. Агинальдо по октябрьской 1898 г. Конституции стал президентом и возглавил борьбу против США. Лишь в 1902 г. после ареста Агинальдо и подавления восстания американский конгресс смог принять Закон о Филиппинах, предусматривавший некоторые демократические гарантии и создание представительной Ассамблеи.

Успех войны подтвердил необходимость наращивания военного потенциала, который значительно возрос уже в начале XX в. США ощутили себя боеготовой в военно-политической сфере великой державой, способной на равных участвовать в назревавшем переделе сфер влияния в мире, защищать экономические интересы американского бизнеса на мировых рынках, участвовать в решении важнейших проблем мировой политики.

Европейские державы отнюдь не были настроены потесниться и принять американцев в свой круг. Вплоть до Первой мировой войны США, несмотря на все усилия, не играли существенной роли в европейских делах. Североамериканская республика воспринималась как отдаленный Новый Свет, богатый, вполне сильный и способный стать временным партнером при разрешении колониальных споров. «Доктрину Монро»

европейские державы так и не восприняли всерьез, понимая, что сил провести ее в жизнь у США еще слишком мало.

Такое отношение ничуть не смущало американское руководство. После войны с Испанией США стали примерять на себя роль «беспристрастного» арбитра в колониальных войнах и многочисленных международных кризисах, чьей благосклонности следует добиваться и за чье посредничество следует благодарить. Рост экономического могущества и влияния на мировых рынках стал восприниматься в качестве главной задачи, способной в будущем обеспечить не только влияние, но и доминирование США в мировой политике. Этой цели также служили впоследствии доктрина «открытых дверей и равных возможностей», «дипломатия доллара», методы неокOLONиализма, обеспечивавшие финансово-экономическую зависимость в отношении слаборазвитых государств.

Рекомендованная литература

Раздел I

- История Европы. – Т. 3–5. – М., 1992–2000.
- _Лависс_Э,_Рамбо_А. История XIX века. – Т. 1–8. – М., 1938.
- _Макенни_Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. – М., 2004.
- Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне, Д. Роша. – М., 2003.
- _Хобсбаум_Э. Век революции. Век капитала. Век империи. В 3 кн. – Ростов-на-Дону, 1999.
- _Бартенев_СА. Экономические теории и школы. – М., 1996.
- _Бродель_Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XVII–VIII вв. – Т. 1–3. – М., 1986–1992.
- _Гусейнов_Р. История мировой экономики. Запад – Восток – Россия. — Новосибирск, 2004. Европейское дворянство XVI–XVII вв. – М., 1997.
- _Жид_Ш,_Рист_Ш. История экономических учений. – М., 1995.
- _Зарин_В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. – М., 1991.
- _Зидер_Р. Социальная история семьи. – М., 1997.
- _Зомбарт_В. Буржуа. – М., 2004.
- История мировой экономики / Под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. – М., 1999.
- История экономики / Под ред. О.Д. Кузнецовой и И.Н. Шапкина. – М., 2000.
- _Камерон_Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. – М., 2001.
- _Красильщиков_В.А. Превращение доктора Фауста (развитие человека и экономический прогресс Запада). – М., 1994.

- _Ливен_Д._Аристократия в Европе. 1815–1914. – СПб., 2000.
- _Мельянцев_В.А._Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. – М., 1996.
- _Оссовская_М._Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. – М., 1987.
- От аграрного общества к государству благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х годов. – М., 1998.
- Первоначальное накопление капитала в Европе и Востоке. – М., 1987.
- Рынок и экспортные отрасли ремесла в Европе XIV–XVIII вв. – М., 1991.
- _Теннис_Ф._Общность и общество. – СПб., 2002.
- _Тимошина_Т.М._Экономическая история зарубежных стран. – М., 2000.
- _Титова_Н.Е._История экономических учений. – М., 1998.
- _Широков_Г.К._Парадоксы эволюции капитализма. – М., 1998.
- _Хейзинга_И._Осень Средневековья. – М., 1988.
- Экономическая история зарубежных стран / Под ред. В.И. Голубовича. – М., 2000.
- _Аннерс_Э._История европейского права. – М., 1994.
- _Барг_М.А.,_Черняк_Е.Б._Великие социальные революции XVII–XVIII веков. – М., 1989.
- _Бегунов_Ю.К.,_Лукашев_А.В.,_Пониделко_А.В._13 теорий демократии. – СПб., 2002.
- Буржуазные революции XVII–XVIII вв. в современной зарубежной историографии. – М., 1986.
- Выборы во всем мире. Энциклопедический справочник. – М., 2001.
- _Графский_В.Г._Всеобщая история права и государства. – Т. 1. – М., 2000.
- Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. – М., 2001.
- История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. – М., 1983.
- История государства и права зарубежных стран / Под ред. О.А. Жидкова. – Т. 1–2. – М., 1997.
- _Кабанес_О.,_Насс_Л._Революционный невроз. – М., 1998.
- _Козловски_П._Общество и государство. Неизбежный дуализм. – М., 1998.
- Конституционные и законодательные акты буржуазных государств XVI–XIX вв. / Под редакцией П.Н. Галанзы. – М., 1957.
- _Лебон_Г._Психология масс. – Мн., 2000.
- _Левин_И.Д._Суверенитет. – М., 2003.
- _Ллойд_Д._Идея права. – М., 2004.
- Монархи Европы. Судьбы династий. – М., 1996.
- Монархия и народовластие в культуре Просвещения. – М., 1995.
- _Омельченко_О.А._Всеобщая история государства и права. – Т. 1. – М., 1998.
- Преступная толпа. – М., 1999.
- Проблемы истории абсолютизма / Под ред. К.И. Батыра. – М., 1983.

- _Рукусиув_Е.Ю._Короли, президенти, премьеры... – Екатеринбург, 1996.
- _Хеншелл_Н._Миф абсолютизма. – СПб., 2003.
- _Эйзенштадт_Ш._Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999.
- _Юдовская_А.Я._История и право. Эволюция государства и права в странах Европы и США. XVI–XIX вв. – СПб., 2000.
- _Величко_А.М._Христианство и социальный идеал. – М., 2000.
- _Гергей_Е._История папства. – М., 1996.
- _Гонсалес_Хусто_Л._История папства. – Т. 2. – СПб., 2002.
- _Гризингер_Т._Иезуиты. Полная история ордена. – Минск, 2004.
- _Де_Лобье_П._Три града: социальное учение христианства. – СПб., 2001.
- _Кайпер_А._Христианское мировоззрение. Лекции по кальвинизму. – СПб., 2002.
- _Лортц_Й._История церкви, рассмотренная в связи с историей идей. – Т. 2. – М., 1999.
- _Майка_Ю._Социальное учение католической церкви. – Рим – Люблин, 1994.
- _Митер_Х.Г._Основные идеи кальвинизма. – М., 1995.
- _Новиченко_И.Ю._Чарльз Кингсли и английский христианский социализм середины XIX в. – М., 2001.
- _Омэнн_Дж._Христианская духовность в католической традиции. – Рим – Люблин, 1994.
- Очерки истории западного протестантизма. – М., 1995.
- _Спиц_Л._История лютеранства. – М., 1995.
- _Фромм_Э._Бегство от свободы. – М., 1990.
- _Хёффнер_Й._Христианское социальное учение. – М., 2001.
- _Бринтон_К._Истоки западного образа мысли. – М., 2003.
- Великие мыслители Запада / Под ред. Я. Мак-Грилла. – М. 1998.
- _Гайденок_П._История новоевропейской философии в ее связи с наукой. – М., 2000.
- _Дильтей_В._Воззрения на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – М., 2000.
- _Дюмон_Л._Эссе об индивидуализме. – М., 1997.
- История философии. Запад – Россия – Восток. – Кн. 2–4. – М., 1997–1998.
- _Кузнецов_В.В.,_Мееровский_Б.В.,_Грязнов_А.Ф._Западноевропейская философия XVIII в. – М., 1986.
- _Левин_К._От Гегеля до Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX в. – СПб., 2002.
- _Рассел_Б._История Западной философии. – Т. 1–2. – Новосибирск, 1994.
- _Рассел_Б._Мудрость Запада. – М., 1998.
- _Реале_Дж.,_Антисери_Д._Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 1–3. – СПб., 1995.
- _Скирбекк_Г.,_Гилье_Н._История философии. – М., 1999.
- _Соколов_В.В._Европейская философия XV–XVII веков. – М., 1996.

Судьбы гегельянства: философия, религия и политика прощаются с модерном / Под ред. П. Козловски. – М., 2000.

_Тарнас_Р._История западного мышления. – М., 1995.

_Алексеев_Н.Н._Идея государства. – СПб., 2001.

_Аркан_Ю.Л._Очерки социальной философии романтизма. – СПб., 2003.

_Базарбаев_Б._В поисках истинного либерализма. – М., 1994.

_Берлин_И._Философия свободы. – М., 2001.

_Борисов_Л.П._История политических и правовых учений. – М., 2000.

Европейский либерализм в Новое время: Теория и практика. – М., 1995.

История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсисянца. – М., 2004.

_Козловский_В.В.,_Уткин_А.И._Модернизация: от равенства к свободе. – СПб., 1995.

_Мухаев_Р.Т._История политических и правовых учений. – М., 2004.

Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. – М., 2002.

От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии). – М., 1994.

_Согрин_В.В.,_Патрушев_А.И.,_Токарева_Е.С.,_Фадеева_Т.М._Либерализм Запада XVII–XX вв. – М., 1995.

_Харц_Л._Либеральная традиция в Америке. – М., 1993.

_Чанышев_А.А._История политических учений. Классическая западная традиция (античность – первая четверть XIX в.). – М., 2000.

_Виргинский_В.С.,_Хотиенков_В.Ф._Очерки истории науки и техники XVIII–XIX веков. – М., 1984.

_Виргинский_В.С.,_Хотиенков_В.Ф._Очерки истории науки и техники. 1870–1917. – М., 1988.

_Романовская_Т._Наука XIX–XX вв. в контексте истории культуры. – М., 1995.

_Тарасов_Ю.Н._История естественных наук и социальных наук до и после классического этапа. – Воронеж, 1997.

_Аникст_А.А._Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы. – М., 1966.

_Барг_М.А._Шекспир и история. – М., 1979.

_Воронина_Т.С._Искусство Возрождения в Нидерландах, Франции, Англии. – М., 1994.

_Власов_В.Г._Стили в искусстве. Словарь. – М., 1995.

_Гилберт_К.,_Кун_Г._История эстетики. – М., 2002.

_Емохонова_Л.Г._Мировая художественная культура. – М., 1998.

_Кантор_А.М._Искусство XVIII века. – М., 1976.

_Культурология._История мировой культуры / Под ред. А.Н. Марковой. – М., 1998.

Малая история искусств. Западноевропейское искусство XVII века. – М., 1974.

Малая история искусств. Искусство XVIII века. – М., 1977.

Очерки по истории мировой культуры / Под ред. Т.Ф. Кузнецовой. – М., 1997.

_Попова_Т.В._Зарубежная музыка XVIII – начала XIX в. – М., 1976.

- _Прусс_И.Е._Западноевропейское искусство XVII века. – М., 1974.
_Фукс_Э._Иллюстрированная история нравов. – Т. 1–3. – М., 1993.
_Яворская_Н.В._Западноевропейское искусство XIX в. – М., 1962.

Раздел II

- _Алексеев_М.В._Тридцатилетняя война. – Л., 1961.
_Архенгольц_И.В._История семилетней войны. – М., 2001.
_Баскин_Ю.Я.,_Фельдман_Д.И._История международного права. – М., 1990.
_Блон_Ж._Великий час океанов. – Т. 1–2. – М., 1993.
_Борисов_Ю.В._Дипломатия Людовика XIV. – М., 1991.
_Вандаль_А._Наполеон и Александр I. – Т. 1–4. – Ростов-на-Дону, 1995.
_Виноградов_К.Б._Британский лев на Босфоре. – М., 1991.
_Виноградов_К.Б._Мировая политика 60-80-х годов XIX в. События и люди. – Л., 1991.
Внешняя политика США в последней трети XX в. – Л., 1991.
_Грюнвальд_К._Франко-русские союзы. – М., 1968.
_Дебидур_А._Дипломатическая история Европы. – Т. 1–2. – М., 1994. Дипломатический словарь. – Т. 1–3. – М., 1986.
_Джеджула_К.Е._Великая французская буржуазная революция и Европа, 1789–1799. – Киев, 1965.
_Дулина_Н.А._Османская империя в международных отношениях (30-40-е годы XIX в.). – М., 1980.
_Дюпюи_Р.Э.,_Дюпюи_Т.Н._Всемирная энциклопедия войн. – Кн. 2–4. – СПб., 1999.
_Злотников_М.Ф._Континентальная блокада и Россия. – М. – Л., 1966.
_Золотухин_М.Ю._Россия, великие державы и Османская империя во время. – М., 1993.
_Ивонин_Ю.Е._У истоков европейской дипломатии Нового времени. – Минск, 1984.
_Ивонин_Ю.Е._Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. – Минск, 1989.
_Исдейл_Ч.Д._Наполеоновские войны. – М., 1997.
История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918. – М., 1997.
История дипломатии. – Т. 1–5. – М., 1951–1963.
_Кинросс_Л._Расцвет и упадок Османской империи. – М., 1999.
_Киссинджер_Г._Дипломатия. – М., 1997.
_Куриев_М.М.,_Пономарев_М.В._Век Наполеона: люди и судьбы. – М., 1997.
_Магидович_В.И.,_Магидович_И.П._Очерки по истории географических открытий. – Т. 2–3. – М., 1983.
_Максаковский_В.П._Историческая география мира. – М., 1997.
_Маколей_Т.Б._Англия и Европа. – СПб., 2001.

- _Манфред_А.З._Образование французско-русского союза. – М., 1975.
- _Медведик_И.С._Международные отношения. 1814–1914. – СПб., 1997.
- _Ненахов_Ю.Ю._Железом и кровью. Войны Германии XIX века. – Мн., 2002.
- _Ненахов_Ю.Ю._Войны и кампании Фридриха Великого. – М., 2002.
- Очерки истории международных отношений / Под ред. О.А. Колобова. – М., 2001.
- _Парфенов_И.Д._Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. – М., 1991.
- _Поршнева_Б.Ф._Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. – М., 1970.
- Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. / Под ред. А.Е. Тараса. – Мн., 2000.
- _Рыбаченок_И.С._Русско-французский союз: сто лет изучения (Россия и Франция в XVIII–XX веках). – М., 1995.
- _Серова_О.В._От Тройственного союза к Антанте. Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX – начале XX в. – М., 1983.
- _Спадолини_Дж._Европейская идея в период между Просвещением и романтизмом. – СПб., 1993.
- _Строков_А.А.,_Разин_Е.А._История военного искусства. – Т. 2–5. – М., 1994.
- _Тарле_Е.В._Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). – М. – Л., 1965.
- _Троицкий_Н.А._Александр I и Наполеон. – М., 1994.
- _Федосова_Е.И._Польский вопрос во внешней политике Франции. – М., 1980.
- _Чандлер_Д._Военные кампании Наполеона. – М., 1999.
- _Черкасов_П.П._Двухглавый орел и королевская лилия. – М., 1995.
- _Чубарьян_А.О._Европейская идея в истории. – М., 1987.
- _Шедивы_Я._Меттерних против Наполеона. – М., 1991.
- _Шеремет_В.И._Османская империя и Западная Европа (вторая треть XIX в.). – М., 1986.
- _Штенцель_А._История войн на море. – Т. 1–2. – М., 2002.
- _Яковлев_Н.Н._Британия и Европа. – М., 2000.
- _Яковлев_Н.Н._Европа накануне Семилетней войны. – М., 1997.

Раздел III

- _Бааш_Э._История экономического развития Голландии в XVI–XVII веках. – М., 1949.
- _Ван_Мюйден._История швейцарского народа. – Т. 1–3. – СПб., 1898–1902.
- _Драгунов_Г.П._Швейцария: история и современность. – М., 1978.
- _Куприянова_Л._Современная Бельгия в связи с ее историческим развитием. – СПб., 1898.
- _Лозинский_С.Г._История Бельгии и Голландии в Новое время. – СПб., 1908.

- _Намазова_ А.С. _Бельгийская революция 1830 г. – М., 1979.
- _Серебряный_ Л.Р. _Нидерланды. Очерки страноведения. – М., 1974.
- _Тиль_ Ж. _Тысячелетний Люксембург. – М., 1965.
- _Чистозвонов_ А.Н. _Нидерландская буржуазная революция XVI века. – М., 1984.
- _Шлипнер_ Б.С. _Сто лет социальной истории Бельгии. – М., 1950.
- Англия XVII века: социальные группы и общество. – М., 1994.
- _Барг_ М.А. _Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М., 1991.
- _Барг_ М.А. _Народные низы в английской революции XVII в. Движение и идеология истинных левеллеров. – М., 1967.
- _Бастиа_ Ф. _Кобден и Лига. – Челябинск, 2002.
- Британская империя XIX–XX вв. Люди, события, идеи. – Челябинск, 1997.
- _Вейт_ Я.Я. _Религия и церковь в Англии. – М., 1976.
- _Виноградов_ В.Н. _У истоков лейбористской партии (1898–1900). – М., 1965.
- _Гизо_ Ф. _Английская революция. – Т. 1–2. – Ростов-на-Дону, 1996.
- _Давидсон_ А.Б. _Сессиль Родс и его время. – М., 1984.
- _Дерюжинский_ В.Ф. _Выдающиеся деятели Англии XIX века. – СПб., 1904.
- _Ерофеев_ Н.А. _Английский колониализм в середине XIX в. – М., 1977.
- _Ерофеев_ Н.А. _Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в. – М., 1964.
- _Ерофеев_ Н.А. _Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825–1853. – М., 1982.
- _Каневская_ Г.И. _Социально-экономическое и политическое развитие австралийских колоний Великобритании и образование Австралийского Союза (вторая половина XIX века). – Владивосток, 1995.
- _Кертман_ Л.Е. _Джозеф Чемберлен и сыновья. – М., 1990.
- _Ковалевский_ М.М. _История Великобритании. – СПб., 1911.
- _Колмаков_ С.А. _Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 80-е годы XIX в. – М., 1985.
- _Куриев_ М.М. _Герцог Веллингтон. – М., 1995.
- _Лабутина_ Т.Л. _У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714). – М., 1990.
- _Лисневский_ Э.В. _История государства и права Великобритании (1870–1917). – Ростов-на-Дону, 1975.
- _Мортон_ А.Л. _История Англии. – М., 1950.
- _Науменков_ О.А. _Из истории внутренней политики консервативной партии Великобритании. – Саратов, 1989.
- _Никитина_ И.А. _Захват бурских республик Англией. 1889–1902. – М., 1970.
- _Павлова_ Т.А. _Вторая английская республика (1659–1660). – М., 1974.
- _Павлова_ Т.А. _Кромвель. – М., 1980.
- _Парфенов_ И.Д. _Англия и раздел мира в последней трети XIX в. – Саратов, 1978.

- _Пономарев_М.В.,_Смирнова_С.Ю._Великобритания: государство, политика, право. – М., 2001.
- Просветительское движение в Англии / Под ред. Н.М. Мещеряковой. – М., 1991.
- _Пью_М._История Великобритании. 1789–2000. – М., 2001.
- _Савин_А.Н._Лекции по истории Английской революции. – М., 2000.
- _Сапрыкин_Ю.М._Английское завоевание Ирландии (XII–XVII вв.). – М., 1982.
- _Сили_Дж.,_Крэмб_Дж._Британская империя. – М., 2004.
- _Соколов_А.Б._Правь, Британия, морями? – Ярославль, 1996.
- _Трайль_Г.Д._Общественная жизнь в Англии. – Т. 1–6. – СПб., 1896.
- _Трухановский_В.Г._Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. – М., 1993.
- _Халфин_Н.А._Создание и распад Британской империи. – М., 1961.
- _Шкляж_Г._Знаменитые политические и общественные деятели Англии XVIII–XIX вв. – Одесса, 1994.
- _Юм_Д._Англия под властью Стюартов. – СПб., 2001.
- _Альтамира-и-Кревеа_Р._История Испании. – М., 1951.
- _Майский_И.М._Испания 1808–1917 гг. Исторический очерк. – М., 1957.
- _Пискорский_В.К._История Испании и Португалии. – СПб., 1909.
- _Суховерхов_В.В._Испанская революция 1854–1856 гг. – М., 1987.
- Аббат Сиейс: от бурбонов к Бонапарту / Сост. М.Б. Певзнер. – СПб., 2003.
- _Адо_А.В._Крестьяне и Великая французская революция: крестьянское движение в 1789–1794. – М., 1987.
- _Асслэн_Ж. – Ш. _Экономическая история Франции с XVIII века до наших дней. – М., 1995.
- _Блюш_Ф._Людовик XIV. – М., 1998.
- _Борисов_Ю.В._Шарль Морис Талейран. – М., 1989. Буржуазия и Великая французская революция. – М., 1989.
- _Вейдер_Б._Блистательный Бонапарт. – М., 1992.
- Великая французская революция и Россия / Под ред. А.А. Адо и В.Г. Сироткина. – М., 1989.
- _Волгин_В.П._Развитие общественной мысли Франции в XVIII веке. – М., 1977.
- _Гордон_А.В._Падение жирондистов. – М., 1988.
- _Гусейнов_Э.Е.,_Кожокин_Е.М.,_Ревякин_А.В.,_Туган-Барановский_Д.М._Буржуазия и Великая французская революция. – М., 1989.
- _Егоров_А.А._Жозеф Фуше. – Ростов-на-Дону, 1996.
- _Зелдин_Т._Франция. 1848–1945. – М., 2004. История Франции. – Т. 1–3. – М., 1972–1973.
- _Карлейль_Т._Французская революция: история. – М., 1991.
- _Керов_В.Л._Развитие капиталистических отношений и предпосылки колониальной экспансии Франции. XVI–XVIII вв. – М., 1987.

- _Кнехт_Р._Ришелье. – М.,1997.
- _Кожокин_Е.М._Государство и народ: от Фронды к Великой французской революции. – М.,1989.
- _Малов_В.Н._Кольбер: абсолютистская бюрократия и французское общество. – М., 1991.
- _Манфред_А.З._Три портрета эпохи Великой французской революции. – М., 1978.
- _Манфред_А.Э._Наполеон Бонапарт. – М.,1986.
- _Матъез_А._Французская революция. – Т. 1–3. – Ростов-на-Дону, 1995.
- _Молчанов_Н.Н._Жан Жорес. – М., 1986. _Молчанов_Н.Н._Монтаньяры. – М., 1989.
- _Момджян_Х.Н._Французское Просвещение XVIII в. – М., 1983.
- От Старого Порядка к революции. К 200-летию Великой французской революции. – Л., 1988.
- _Пименова_Л.А._Дворянство накануне Великой французской революции. – М., 1986.
- _Потемкин_Ф.В._Промышленный переворот во Франции. – М., 1971.
- _Ревуненков_В.Г._Взлет и падение Наполеона Бонапарта. – СПб., 2001.
- _Ревуненков_В.Г._Очерки по истории Великой французской революции. – СПб., 1997.
- Россия и Франция. XVIII–XX вв. – М., 1995.
- _Рюде_Д._Народные низы в истории. 1730–1848. – М., 1984.
- _Смирнов_В.П.,_Посконин_В.С._Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции,1789–1989. – М., 1991.
- _Смирнов_А.Ю._Империя Наполеона III. – М., 2003.
- _Сорель_А._Европа и французская революция. – СПб., 1892–1908. – Т. 1–8.
- _Туган-Барановский_Д.М._Наполеон и власть (эпоха консульства). – Балашов, 1993.
- _Тэн_И._Наполеон Бонапарт. – М., 1996. _Тюлар_Ж._Наполеон. – М., 1996.
- _Фюре_Ф._Постижение французской революции. – СПб., 1998.
- _Черкасов_П.П._Кардинал Ришелье. – М., 1990.
- _Черкасов_П.П._Судьба империи: Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. – М., 1983.
- _Черкасов_П.П._Генерал Лафайет: политический портрет. – М., 1987.
- Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. – М., 1995.
- _Бабанцев_Н.Ф.,_Прокофьев_В.П._Германская империя 1871–1918 гг. – Красноярск, 1984.
- _Балакин_В.Д._Творцы Священной Римской империи. – М., 2004.
- _Бах_М._Австрия в первой половине XIX века. – СПб., 1906. – Вып. 1–2.
- _Брайс_Дж._Священная Римская империя. – М., 1891.
- _Галкин_И.С._Создание Германской империи. – М., 1986.
- Германская история в Новое и новейшее время. – М., 1970. – Т. 1.
- _Грейг_Г._Немцы. – М., 1999.
- _Данн_О._Нации и национализм в Германии. – СПб., 2003.

- _Дживелегов_ А.К. История современной Германии. 1750–1862. – Т. 1–2. – СПб., 1908.
- _Ерусалимский_ А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. – М., 1968.
- _Колесницкий_ Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. – М., 1977.
- _Кони_ Ф. История Фридриха Великого. – М., 1997.
- _Костюшко_ И.И. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. – М., 1994.
- _Лависс_ Э. Очерки по истории Пруссии. – М., 1915.
- _Лампрехт_ К. История германского народа. – Т. 3. – М., 1896.
- _Левинсон_ К.А. Бюрократия немецкого города XVI–XVII вв. – М., 2000.
- _Людвиг_ Э. Бисмарк. Биография. – М., 1999.
- _Людвиг_ Э. Последний Гогенцолерн. – М., 1991.
- _Макдоно_ Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. – М., 2004.
- _Матвеева_ А.Г. Германская империя 1870–1914. – М., 2002.
- _Митрофанов_ П. История Австрии с древнейших времен до 1792 г. – М., 2003.
- _Оболенская_ С.В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. – М., 1992.
- _Павлов_ Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие. – М., 2001.
- _Палмер_ А. Бисмарк. – Смоленск, 1997.
- _Патрушев_ А.И. Германская история. – М., 2003.
- _Перцев_ В.Н. Германия и Австрия в XIX веке. – М., 1917.
- _Перцев_ В.Н. Гогенцоллерны. – Минск, 2003.
- _Полтавский_ М.А. История Австрии. – Ч. 1–2. – М., 1992.
- _Поттхофф_ Х., Миллер_ С. Краткая история СДПГ. 1848–2002. – М., 2003.
- _Прицкер_ Е. Краткая история Австрии. – Л., 1952.
- _Прокопьев_ А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. – СПб., 2002.
- _Прокопьев_ В.П. История германской государственности. XIX–XX века. – М., 1985.
- Россия и Германия / Под ред. Б.М. Туполева. – М., 1998.
- _Ростиславлева_ Н.В. Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. – М., 1999.
- _Руге_ В. Германия в 1871–1933 гг. – М., 1974.
- _Сдвижков_ Д.А. Против «железа и крови»: пацифизм в Германской империи. – М., 1999.
- _Силин_ А.С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX в. – М., 1971.
- _Смирин_ М.М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. – М., 1962.
- _Соколов_ Б. Германская империя. От Бисмарка до Гитлера. – М., 2003.
- _Степанова_ В.В. Политическая борьба в Пруссии в 60-е годы XIX века: значение и последствия для германской истории. – М., 1999.

- _Туполев_Б.М._Германский империализм в борьбе за «место под Солнцем». Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX в. – М., 1991.
- _Ференбах_О._Крах и возрождение Германии. – М., 2001.
- _Фортуатов_С.Ф._История Германии XIX века. – М., 1912.
- _Фрейзер_Д._Фридрих Великий. – М., 2003.
- _Ходоровский_Л.Д._Католицизм и рабочий класс Германии. 1871–1933. – М., 1978.
- _Чубинский_В.В._Бисмарк. Биография. – СПб., 1997.
- _Чубинский_В.В._Бисмарк. Политическая биография. – М., 1997.
- _Шерр_И._Германия. История цивилизации за 2000 лет. – Т. 1–2. – Мн., 2005.
- _Шимов_Я._Австро-Венгерская империя. – М., 2003.
- _Шиндлинг_А.,_Циглер_В._Кайзеры. – Ростов-на-Дону, 1997.
- _Шульце_Х._Краткая история Германии. – М., 2004.
- _Эпштейн_А.Д._История Германии от позднего Средневековья до революции 1848 г. – М., 1961.
- _Берти_Дж._Демократы и социалисты в период Рисорджименто. – М., 1965.
- _Бондарчук_В.С._Итальянское крестьянство в XVIII в. – М., 1980.
- _Галло_М._Джузеппе Гарибальди. – Ростов-на-Дону, 1998.
- История Италии. – Т. 1–3. – М., 1970.
- _Канделоро_Дж._История современной Италии. В 7 т. Т. 5–6. – М., 1975.
- _Кин_Ц.И._Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. – М., 1978.
- _Кирова_К.Э._Жизнь Джузеппе Мадзини (1805–1872). – М., 1981.
- _Кирова_К.Э._Заговорщики и народ. – М., 1991.
- _Ковальская_М.И._Движение карбонариев в Италии 1808–1821 гг. – М., 1971.
- _Ковальская_М.И._Италия в борьбе за национальную независимость и единство. – М., 1981. _Лурье_А.Я._Гарибальди. 1807–1882. – М., 1957.
- _Невлер_В.Е._Демократические силы в борьбе за объединение Италии. 1831–1860. – М., 1982.
- _Невлер_В.Е._Джузеппе Гарибальди. – М., 1961.
- Очерки истории Италии. 476-1918 годы / Под ред. М.А. Гуковского. – М., 1959.
- _Рутенбург_В.И._Истоки Рисорджименто в Италии в XVII–XVIII вв. – М., 1980.
- _Андерсон_И._История Швеции. – М., 1951.
- История Швеции. – М., 1974
- История Норвегии. – М., 1980.
- История Дании с древнейших времен до начала XX в. – М., 1996.
- _Кан_А.С._История Скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). – М., 1980.
- _Лайдинен_А.П._Очерки истории Финляндии во второй половине XVIII в. – Л., 1972.
- _Мелин_Я.,_Юхансон_А.,_Хеденборг_С._История Швеции. – М., 2002.

_Юссила_О.,_Хентила_С.,_Невакиви_Ю._Политическая история Финляндии. – М., 1998.

Балканы в конце XIX – начале XX в. Очерки становления национальных государств и политических структур Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Ю.А. Писарев. – М., 1991.

Балканы: между прошлым и будущим. – М., 1995.

_Данченко_СИ._Развитие сербской государственности и Россия. 1878-1903. – М., 1996.

История и культура славянских народов. Польское освободительное движение XIX–XX вв. и проблемы истории культуры. – М., 1966.

История Румынии. – Т. 1–2. – М., 1971.

История Югославии. – М., 1956.

История южных и западных славян. В 2 т. – М., 1998.

_Косик_В.И._Русская политика в Болгарии. 1879–1886. – М., 1991.

Краткая история Румынии. – М., 1987.

Краткая история Болгарии. – М., 1987.

Краткая история Чехословакии. – М., 1988.

Краткая история Венгрии. – М., 1991.

Краткая история Польши. – М., 1993.

_Миско_М.В._Польское восстание 1863 г. – М., 1962.

Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. / Отв. ред. Т.М. Исламов. – М., 1991.

_Обушенкова_ЛА._Королевство Польское в 1815–1830 гг.: Экономическое и социальное развитие. – М., 1979.

Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864–1914 гг. – М., 1988.

Освободительное движение народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVII в. – 1849 г. / Под ред. В.И. Фрейдзона. В 2 т. – Т. 1–2. – М., 1980–1981.

Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVII – 60-е годы XIX в. – М., 1984.

_Ревуненков_В.Г._Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. – Л., 1957.

100 лет освобождения балканских народов от османского ига. – М., 1979.

У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. – М., 1984.

Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). – М., 1986.

_Фрейдзон_В.И._Борьба хорватского народа за национальную свободу. – М., 1970.

_Альперович_М.С.,_Слезкин_Л.Ю._История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX века). – М., 1991.

Война за независимость в Латинской Америке (1810–1826) / Под ред. Н.М. Лаврова. – М., 1964.

_Глинкин_А.Н._Дипломатия Симона Боливара. – М., 1992.

_Григулевич_И.Р._Боливар (1783–1830). – М., 1972.

_Григулевич_И.Р._Церковь и олигархия в Латинской Америке (1810–1959). – М., 1981.

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / Под ред. Н.М. Лаврова. – М., 1991.

История Латинской Америки. Сборник работ историков 1899–1952 / Составители: С.А. Шумов, А.Р. Андреев. – М., 2003.

_Лас_Касас_Б._де._История Индий. – Л., 1968.

Очерки истории Аргентины. – М., 1961.

Очерки истории Бразилии. – М., 1962.

Очерки истории Кубы. – М., 1978.

Очерки истории Чили. – М., 1967.

Очерки новой и новейшей истории Мексики. 1810–1945. – М., 1960.

_Селиванов_В.Н._Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. – М., 1984.

_Шемякин_Я.Г._Латинская Америка: традиции и современность. – М., 1987.

Американские президенты: 41 портрет. – Ростов-на-Дону, 1997.

_Аптекаер_Г._История американского народа. Колониальная эра. – М., 1961.

_Аскольдова_С.М._Начало массового рабочего движения в США (80-е годы XIX в.) – М., 1966.

_Байкова_Л.В._Двухпартийная система США в период «позолоченного века» (последняя четверть XIX века). – М., 1996.

_Богина_Ш.А._Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850–1865). – М., 1985.

_Болховитинов_Н.Н._Доктрина Монро. – М., 1959.

_Болховитинов_Н.Н._Россия и Война США за независимость. – М., 1976.

_Бурганова_Л.А._Ранняя американская социология. Казань – М., 1996.

_Бурин_С.Н._Конфликт или согласие? Социальные проблемы колониального юга США. – М., 1980.

_Бурин_С.Н._На полях сражений гражданской войны в США. – М., 1988.

_Бурстин_Д._Американцы: демократический опыт. – М., 1993.

_Бурстин_Д._Американцы: колониальный опыт. – М., 1993.

_Бурстин_Д._Американцы: национальный опыт. – М., 1993.

Война за независимость и образование США. – М., 1976.

_Гаджиев_К.С._Американская нация: национальное самосознание и культура. – М., 1990.

_Гершов_З.М._Вудро Вильсон. – М., 1983.

_Дементьев_И.П._Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX-XX вв.). – М., 1973.

_Егоров_С.А._Конституционализм в США. – М., 1994.

_Ефимов_А.В._Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. – М., 1958. _Иванов_Р.Ф._Дипломатия Авраама Линкольна. – М., 1987. _Иванян_Э.А._Белый дом. Президенты и политика. – М., 1979.

- _Иванян_Э.А._История США. – М., 2004.
- _Иванян_Э.А._От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. Белый дом и пресса. – М., 1991.
- Истоки и формирование американской национальной литературы. – М., 1985. История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877. – М., 1994.
- История США. – Т. 1–3. – М., 1983.
- _Кислова_А.А._Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX века. – М., 1980.
- _Козенко_Б.Д._«Новая демократия» и война: Внутренняя политика США (1914–1917). – Саратов, 1980.
- Конституция США: история и современность. – М., 1988.
- _Кормилец_А.А.,_Поршаков_С.А._Кризис двухпартийной системы США накануне и в годы гражданской войны (1840–1865). – М., 1987.
- _Куликова_Е.Г._США: начало промышленного переворота, конгресс и война 1812 г. – М., 1990.
- _Лафитский_В.И._США: конституционный строй и роль штатов в структуре американского федерализма. – М., 1993.
- _Лернер_М._Развитие цивилизации в Америке. – Т. 1–2. – М., 1992. Либеральная традиция в США и ее творцы. Проблемы американистики. Вып. 10. – М., 1998.
- _Лисневский_Э.В._Кланистское движение в США в период Реконструкции Юга (1865–1877). – Ростов-на-Дону, 1977.
- _Манькин_А.С._История двухпартийной системы США (1789–1980). – М., 1981.
- _Парингтон_В.Л._Основные течения американской мысли. – Т. 1–3. – М., 1962.
- _Петровский_В.Э._Суд Линча: Очерк истории терроризма и нетерпимости в США. – М., 1967.
- Политические институты США: история и современность. – М., 1988. Политические партии США в Новое время. – М., 1981.
- _Романова_Н.Х._Реформы Э. Джексона, 1829–1837. – М., 1995. Словарь американской истории с колониальных времен до Первой мировой войны. – М. – СПб., 1997.
- _Согрин_В.В._Идеология в американской истории от отцов-основателей до конца XX века. – М., 1995.
- _Согрин_В.В._История США. – СПб., 2003.
- _Согрин_В.В._Основатели США. Исторические портреты. – М., 1983.
- _Сороко-Цюпа_О.С._История Канады. – М., 1986.
- _Супоницкая_И.М._Монополия и анти-монопольное движение в США конца XIX в. – М., 1991.
- США: политическая мысль и история. – М., 1976.
- _Токвиль,_Алексис_Шарль_Анри_де._Демократия в Америке. – М., 1992.
- _Трояновская_М.О._США: у истоков двухпартийной системы. – М., 1989.
- _Ушаков_В.А._Американский лоялизм. Консервативные движения и идеология в США в 1760–1780 гг. – Л., 1989.
- _Фурсенко_А.А._Американская буржуазная революция XVIII века. – М. – Л., 1978.

_Хофстедтер_Р._Американская политическая традиция и ее создатели. – М., 1992.

_Шпотов_Б.М._Промышленный переворот в США. – Т. 1–2. – М., 1991.